

БЕРИ

ДА

ПОМНИ

Мелекесские истории

Валерий ГОРДЕЕВ

МЕЛЕКЕССКИЕ
истории

Автор искренне, от всей души благодарит за помощь в создании и издании этой книги, подбор материалов и за проявленную заинтересованность в создании подлинной истории родного города и освещении судеб его жителей:

**Главного редактора газеты
«Большой Черемшан», лауреата
журналистской премии «Золотое
перо» Л.В.АЛЕШЕЧКИНА;**

**Президента Ульяновского
регионального общественного
фонда поддержки ветеранов и
офицеров запаса КГБ, МВД, ФСБ
«Эгида», полковника
Ф.М.АНИСИМОВА;**

**Депутата городской Думы,
отличника ГО СССР, ветерана
атомной энергетики и
промышленности М.Б.ВОРОНОВА;**

**Кандидата наук, заслуженного
работника сельского хозяйства
России, обладателя международного
Сертификата «Прогресс ради
развития» лучшему директору
сельхозпроизводства в России,
генеральному директору СПК имени
Н.Крупской, депутата
Законодательного Собрания
Ульяновской области
А.И.ГОЛУБКОВА;**

**Члена Совета Ульяновского
регионального общественного
фонда поддержки ветеранов и
офицеров запаса КГБ, МВД, ФСБ
«Эгида», помощника депутата
Димитровградской городской Думы
Ю.А.ГРЫЗЛОВА;**

**Исполнительного директора
Международного Фонда единства
православных народов
А.П.ДМИТРИЕВА;**

**Кандидата наук, члена Союза
писателей России
Ф.Д.КАСИМОВА;**

**Почетного гражданина
Димитровграда, члена Союза
писателей России, ветерана
Великой Отечественной войны
Е.СЛАРИНА;**

**Генерального директора ЗАО
«Промсервис» А.А.МИНАКОВА;**

**Заместителя председателя Совета
Димитровградского писательского
отделения Ульяновской областной
писательской организации, члена
Союза писателей России
А.Ф.НИКОНОВА;**

**Почетного гражданина
Димитровграда, Первого Главы
города В.А.ПАРШИНА;**

**Капитана III ранга, директора
филиала Казанского Центра
микрофинансирования
О.Г.СИЛИТОВА и менеджера
Центра Т.Ю.СИЛИТОВУ;**

**Писателя, переводчика и историка
В.П.СЫСЬЕВА;**

**Вице-президента Ульяновского
регионального общественного
фонда поддержки ветеранов и
офицеров запаса КГБ, МВД, ФСБ
«Эгида» И.А.ФЕДОРОВА.**

**А также – руководителей
Димитровградской типографии:
И.В.ОСОКИНА и В.А.ШАЛИНА.**

**Низкий поклон всем вам,
добрые люди и земляки от русского писателя:**

ПРОЛОГ

Помню, когда мы собирались на офицерскую учебу в Омском высшем военном, Краснознаменном командном училище, мои товарищи: из Москвы, Ленинграда, Волгограда спросили меня – откуда родом, - я ответил: «Из Мелекесса», что частично было правдой, - они долго шарили по учебным картам, надеясь отыскать мой родной городок. Но, к моему удивлению, отыскав, уважали меня не меньше, чем столичного жителя, приняли в свой круг...

Через три года, когда я уже был студентом отделения журналистики историко-филологического факультета Казанского госуниверситета, меня рано утром разбудили мои друзья, задав мне один вопрос: «Ты откуда, друг, приехал?». Я спросонья отвечал: «Из Мелекесса, придурики!». Тогда они, торжествуя, подали мне газету, где был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о переименовании моего Мелекесса в Димитровград, в честь 90-летия болгарского коммунистического лидера Георгия Димитрова...

Хотя и в то время я уже осознавал, что Димитров – это не только коммунистический лидер Болгарии, да и Европы, но, он был еще руководителем разведывательно-террористической организации «Интернационал», - тираном болгарского народа, педофилом, - все же принадлежность моя к одной с ним партии была превыше этаких «мелочей». И я поддержал решение о переименовании родного города, в старой части которого могильы трех поколений моих предков, - как должное. О чем трагически сожалею сегодня. Когда необычайно чутко чувствую свое приближение к погостному рубежу...

И первая моя прозаическая книга, посвященная истории Мелекесса, и – теперь вторая – это беспристрастные рассказы об истории Мелекесса, о его людях, о героях ПРОШЛОГО И НАШЕГО времени. Литературно «приправленные» моими выводами, сравнениями, доводами, домыслами.

Скорее всего – это последний мой литературный труд. Время и возраст – на исходе. Впору говорить: «Кто мне должен – прощаю, кому я должен – простите!». Я делал для моего родного города, что умел, что считал нужным. Порою, идя вопреки воли власти имущих. Считаю, что миссию свою исполнил до конца и, как подобает. Сегодня Мелекес – единственный городок в России, где число «очлененных» писателей равняется числу их коллег в большинстве областных столиц. И это – не феномен. Это – итог многолетней, порою жесткой и виртуозной работы по оживлению и развитию литературы в родном местечке. А самое интересное, - в технократическом городке, где «физики органично перешли к лирике», опровергнув тем самым популярную теорию 60-х годов прошлого века об их историческом споре, стали литераторами...

Но это все бренно. Просто я исполнил свой долг и миссию перед моей малой родиной: организовывал писательское отделение, «проталкивал» и обучал своих менее опытных товарищей по писательскому «цеху», «приучал» московско-российское руководство к тому, что ЕСТЬ такая – мелекесская литература и ее талантливые творцы, издавал оппозиционную русскую газету, открыл первое в городе книжное издательство, первый в регионе литературно-краеведческий журнал, проводил литсеминары, фестивали, встречи писательские...

Верю и надеюсь, что главные жанры и тематики в мелекесской литературе, всегда превуалировавшие у нас, - поэзия и краеведение, - получают и получат достойное развитие и после нас, их зacinателей. Главное, чтобы это были оригинальные, самобытные, незаимствованные ни у кого тексты. Чтобы все работало на открытие

новых исторических страниц в судьбе города, его жителей, на образовательно-культурный облик всех, после нас следующих поколений.

Мне лично ничего не нужно уже в этом мире. Для меня важно, что я помогаю моим образованным в гуманитарном смысле землякам в их овладении техникой литературосложения, помогаю осваивать азы профессионализма писательского мастерства, становиться в ряд достойных уважения российских литераторов. Быть достойными пропагандистами литературы из российской глубинки, на основе которой, как на плодородном черноземе, всходят небывалые урожаи русской земли и мысли.

Следуя логике крестьянского развития нашей страны, «литературная пашня» у нас должна быть не менее плодородной, чем в крестьянских наделах. Этим аксиомам я следовал всю свою жизнь. Не считаясь ни с невзгодами судьбы, ни с политическими «заказами», я интуитивно выбирал путь независимого и своеобразного «регистратора» фактов и событий в нашем городском мире, опираясь на логику и предсказуемость событий более, чем на документальность их.

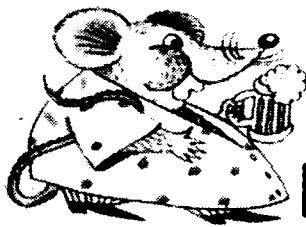
Ничего не имея против работ наших историков, в плане освещения судьбы посада Мелекесса и города Димитровграда, я хотел бы напомнить, что все добывшие после 1937 года документы, - либо фальсифицированы, либо являются «липой». Потому, историография города должна писаться ПРИБЛИЗИТЕЛЬНО, но - доказательно.

Прощая всем, - это не значит – прощать за ВСЕ! Сегодня у нас есть несколько литераторов, «шакалящих» на произведениях, которые издают настоящие писатели и краеведы.

И их «труды», воспринимаются необразованными людьми, как Истина. Поймите же, земляки, не то, что «сладко и доступно», не то, - чем вас «тичкают» недоумки и плагиаторы всех мастей, - и есть подлинная ИСТОРИЯ. Нисколько! Все их работы – лишь «огрызки» от фактологического полотна.

В этой книге я предельно честно попытаюсь убедить вас в обратном. Показать, как трудно порой создавать такие вот книги, собирать и логично представлять факты и события, жизненные перипетии своих героев.

По времени – пора бы и на покой. Но: «покой нам только снится»... Писатель жив своим трудом и мыслью, - пока стучит в его груди сердце-метроном. Я сделал все, что мог, поднимая из «руин» литературных и исторических родной город. Надеюсь, что после – кто-то сумеет это продолжить, сделать больше меня и лучше. Только для этого и жил, мечтал, писал, искал, верил. Одни считали меня хорошим человеком, другие – плохим и злым. Но я всегда был только самим собою, стараясь не поддаваться ни под обстоятельства, ни под политическую конъюнктуру, ни под чей авторитет. Все, что можно сделано (верно ли или не совсем), - делалось искренне, не ради славы и награды. Завещаю ВСЕ свое «достояние» - вам, мои земляки, други мои. Только, - пользы ради родному краю и его людям.

КАКОВА ПОПАДЬЯ, ТАКОВА И ШЕЛУДЬЯ...

С большим вниманием прочитал в “Димитровград панораме” фантазии на историческую тему “Ежегодная Никольская зимняя ярмарка” некоего Игоря Казанцева. Новое, тем более молодое имя в краеведении сегодня встретишь очень редко. Молодежь ныне предпочитает более всего топтаться по шопингам, юриспрудировать, строить из себя экономов или попросту просиживать за торговлей в палатках, - “рубить капусту с лохов”...

Историческое краеведение веъць сегодня не доходная, да и мозги излишне напрягать нужно, постигая бытие предков. Потому и ждешь от появившегося просветителя чего-то свеженького, привнесенного с молодой кровью, нетленного. Ан, нет! После прочитанного от И. Казанцева, - затосковал я. Вот и до исторического просвещения добрался дух Времен Хама, как точно определил в свое время депутат Госдумы В.Б.Иванов, как частенько обзывают наше время бездуховности. И здесь теперь молодые недочеловеки “рубят бабло” на проторенных дорогах истории почем зря!

Ну, во времена умственной убогости не стал бы я так заострять этот вопрос (подумаешь, один Казанцев “перепел” то, чему ты посвятил десятилетия изысканий, итог то - один), если бы не тенденция - от убогости умственной и лености - переписывать от точки до точки то, что до тебя уже сделано! Иными словами - идти на предумышленное заимствование, или - по-научному - литературный plagiat. За что, во времена оные, без судебного разбирательства даже на дуэль не вызывали, - просто за невежество “чистили морду лица” канделябрами...

Мне не привыкать к тому, что ежегодно крадутся мои публикации на краеведческие темы. Так, в “Димитровград-панораме” почти дословно “краеведами” переписана моя заметка “Приключенческие “романы” воина Симонова” от 19.11.94г., а она основана на моей корреспонденции 20-летней давности в газете “Знамя коммунизма”...

Газета “Труд”, устами своего собкора по Самарской области Александра Петрова, в очерке “Украденная слава”(!) от 14.06.01 года почти дословно воспроизвела строки из моей повести “Черный полдень” из журнала “Черемшан” за июнь 1999 года, в части, касающейся ареста Г.Гимлера...

Но это - времена и издания отдаленные. Поразили меня плагиаторы, подъедающие за нами писателями-краеведами все, что не успели мы “залитовать”! В свое время мне пришлось выступать в прессе, защищая честь, достоинство и первооткрывательство новых исторических фактов. О том, как безжалостно Г.Федосеева из “Местного времени” обокрала труд члена Союза писателей России, кандидата наук, краеведа Феликса Касимова - книгу “Между Камой и

Черемшаном". Не изменяя ни знака(!) Федосеева под СВОЕЙ ФАМИЛИЕЙ цитировала целые абзацы из книги Касимова, НИГДЕ НЕ ССЫЛАЯСЬ НА АВТОРА! Не буду вас утомлять результатами прокурорской проверки, как всегда (и мы знаем почему), дело спустили "на тормозах", а кто интересуется подробностями - отсылаю к публикации в "ДТ" от 10 августа 1999г. Но, какой пример всем своим последователям подает теперешний редактор городской газеты, кормящимся здесь?

Есть народная поговорка: каков поп - таков и приход, но есть еще одна - менее известная: какова попадья - такова и шелудья... Кто более заинтересован в расшифровке этой фразы - отсылаю к толковому словарю В.И.Даля "Живаго русского языка"!

Открыл я как-то "Димитровград-панораму" за 23 марта 2006-го года и нашел там новую статью на краеведческую тему "Ежегодная Никольская зимняя ярмарка" Игоря Казанцева. Порадовался за нового автора-краеведа, за то, что он предпослал своим открытиям эпиграф: "Памяти Альбины Петровой и Владимира Михайлусова" и стал пристально, с предвкушением удовольствия читать. Продравшись сквозь словоблудие и общеизвестное, дохожу, наконец, до сути того, как и где в Мелекессе проводились ярмарки. И, - о, ужас! - обнаруживаю знакомые картинки, факты, слова и построения фраз! Хватаюсь для сравнения этого за свою книгу - "Бери да помни" - ну, так и есть! Слово в слово, страница - в страницу переписано оттуда! Для примера приведу только один абзац из статьи Казанцева АБСОЛЮТНО совпадающего с моим из книги: "Но самое таинственное действие ярмарки, которого с замиранием сердца и восторгом ждут и стар, и млад - это цирковое представление..." И таких "совпадений" семья на страничку в газете!

Я не говорю о том, что Казанцев, используя открытые мною материалы, переписывает дурашливо мои строки, извращает суть - таковые "совпадения" - на каждом шагу! Ну, понимая невежество, малограмотность и "чесотку" амбиций нынешних писак от краеведения, - я не против того, чтобы по сорок раз нашим землякам-читателям еще и еще раз писали о прошлых достоинствах Мелекесса. Но, давайте будем честны: если ты залез в уже опубликованные и найденные не тобой материалы, то хотя бы сошлись (как в эпиграфе) на источник их и автора! Ах, нет! Автор чем-то неугоден и его даже не замечают! Но, невежа всегда останется им и в литературе и краеведении, ибо дефицит ума невосполним!

Казанцев даже представить себе не может, что книга Гордеева основана на более ранних материалах, аппробированных в прессе. Все его бессовестные "сдиракли" с текста книги, вышедшей в 2000-м году, основаны на публикациях в "ДТ" от сентября-марта 1997-99 годов! Они хранятся в авторском архиве. Что даже не требует доказательств. Дело в другом: Казанцев - профан не только в краеведении, но и в теории литературы. Книга "Бери да помни" - это НЕ ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ПО ФАКТАМ И ХРОНОЛОГИИ. Здесь, наряду с историческими ЗАМЕТКАМИ соседствуют такие ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ жанры, как рассказы, новеллы, повести. Автор сознательно на широком историческом полотне событий оставил, как ПИСАТЕЛЬ-СОЧИННИТЕЛЬ, себе право вымыслить, домыслить, наложить на действительность ряд НЕДОКАЗАННЫХ событий и имен, опираясь при этом на конкретное время и место действия. Так получилось и с ярмарками. Цирк Лонго и Дурова, который с упоением описывает, "конкретизируя" свои фантазии Казанцев, ПОЛНОСТЬЮ ОТ НАЧАЛА ДО КОНЦА ВЫДУМАНЫ МНОЮ, основаны только на приближенных фактах, имеющих отдаленное отношение к действительности. Казанцеву не важно знать мои тайные источники, скажу только, что и Лонго и Дуров имели громкий успех от своих выступлений в Симбирске, а затем были

уличены полицией в крамоле и высланы за пределы губернской столицы, лишены права выступать в других крупных городах империи, потому гастролировали по уездам, что дало мне право ПРЕДПОЛОЖИТЬ, что они посещали и Никольскую ярмарку в Мелекессе. И только! Ни в каком нашем "Пассаже", где раньше был расположен "20-й магазин" и, где теперь, по по наводке Казанцева, вывешена гордая мемореальная доска о пребывании здесь известных цирковых коллективов, никогда подобного не происходило! Цирк, как сегодня уточняют - "на сцене" - всегда выступал в нашем посаде на улице Старозаводской, приблизительно там, где ныне помещение бывшего треста ЖКХ и продуктовый магазин "Золушка".

Сразу оговорюсь, что я не обижаюсь на профанов от краеведения. Да это было бы и нелепо, как обидеться на урода или больного. Они же не осознают своей ущербности, мыслят себя ровней с целым Иваном Поддубным, Эйнштейном или Наполеоном! И вовсе неважно, кто они - руководители фирм-однодневок по "погусторонним делам", главные редакторы стендгазет или мэры городов несчастной России. Ну, не дано им быть властелинами душ человечьих, - так хоть извращенцами побудят на время...

Страшнее другое: извращая историческую действительность, фактологию, ленясь архивировать найденные материалы, - они вводят в заблуждение и в блуд всех сограждан, портят их "исторической червоточиной", указают лукавый путь подлецкой историографии тем, кто подрастает нам на смену, - наивный и изувеченный продуктом Интернета!

Сошлюсь на несколько примеров "из Казанцева". Около 15 страниц текста издал этот "краевед" в межрайонке "Большой Черемшан". Естественно, в силу незнания и непонимания предмета, там не стали рецензировать измышления фантазера. А зря! Вся ахинея Казанцева по сути замыкается на десятке улиц родного города, о которых автор, кроме приблизительных и ранних названий их, не знает более ничего. Как и того, что есть новая книга краеведа А.Милюшова о названиях улиц старого Мелекесса и Димитровграда. Это наиболее точное документальное воспроизведение. И, если на него наложить "писания" Казанцева, то мы только ахнем от такого невежества, которым грешил автор в "БЧ". В этой газете опубликовано несколько его сентенций. Давайте, кроме упомянутого мною явного plagiarisma , уличим автора еще и в полной его некомпетенции? Легко! Передирание текстов имеет несколько граней. Одна нам уже известна. В животном мире, например, пока добытчик пропитания отдыхает или выслеживает новую "свежанинку", любители тухлятины в природе - шакалы растаскивают недоеденную им ворвань, пользуясь несовершенством закона джунглей, приворовывают, набивая брюхо сомнительными кусками добычи...

Еще одна грань: они - трусливы, завистливы и неразборчивы в поиске пропитания. Сами они ленивы и тупы, потому используют чужой, порой опасный и кровавый труд.

В "Большом Черемшане" "шакализм" Казанцева носит претензионное название "Фантазии на тему прошлого". Вроде бы и не подкопаешься - все это - фантазии автора, сумеречный бред. Но, когда "труда" этого много, простолюдины воспринимают его, как добротное и реальное исследование. Разберем эти "фантазии".

Первое - большая часть их основана на примере улицы Гагарина, куда автор непроизвольно перемещает все более-менее заметные магазины, лавки, забегаловки и харчевни старого Мелекесса. И ВСЕ В УГОДУ ТОМУ, ЧТО ЭТОТ МАЛЫЙ ОТРЕЗОК УЛИЦЫ ПОДНЕВОЛЬНО, ВО ВРЕМЕНА ОНЫЕ РЕШИЛИ СДЕЛАТЬ - "МЕЛЕКЕССКИМ СТАРЫМ АРБАТОМ", ГДЕ, ЯКОБЫ, БЫЛА В

XIX ВЕКЕ СОСРЕДОТОЧЕНА ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ, ТОРГОВАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ ПОСАДА. “Краеведам”, с проворным умишком, недоступна простая ненаучная даже мысль о том, что на улице имени Гагарина, бывшей КОННО-ПРОГОННОЙ, не могло располагаться большое число торговых домов или лавок, поскольку это была в основном ЕЗДОВАЯ или ПРОЕЗЖАЯ улица. А для торговли были приспособлены соответствующие: Базарная и Хлебная площади, улицы Большая, Самарская, Старозаводская.

Но автор неудержим - если врать, так врать во всем, если сдирать, так у всех, кто до того уже опубликовал свои изыскания. Так и нафантизировал “для красного словца” И.Казанцев такого, - что у людей знающих и уши повяли и еще кое-что, от его убогого краеведения. Вот представьте себе, что он, описывая древнюю мелекесскую “тусовку” на берегу Маркова (или Среднего?) пруда, даже ссылается на источник - книгу Виктора Аблова - “Из юношеского далека”, хотя у волгоградского журналиста и нашего земляка есть еще несколько работ. Но и эту одну, тощеньную, маленькую, но широко известную, Казанцев плохо читал, - “подиоганали”. Во-первых, автор фантазий описывает гуляния на берегу Маркова пруда: “...где сейчас расположена набережная, ПЕРЕД мостом влюбленных”, т.е. там, где раньше по улице Старозаводской, пыльной и проезжей, - где “метелили” и дымили мельницы, строились корпуса прядильно-ткацкой мануфактуры?! И какой же идиот-мелекесянин стал бы разворачивать скатерки-самобранки на отдых в этом грязном месте, если - перейди мосток и - попадешь в лесной уголок на летней Марковской даче, где купец разбил парк, а пруд окаймлен луговиной! Но упорный Казанцев глаголит далее, прямо как бы по Аблову: “Недалеко от меня, сидя со своим приятелем в КРУГУ СЕМЬИ, преподаватель латинского языка в посадской гимназии Петр Степанович Урядинский говорил: «Самовар, господа, это величайшее русское изобретение. Величайшее в том смысле, что едва ли что объединяет так русскую семью и скрашивает ее быт, как он. Кто его изобрел, так и осталось неизвестным. Налей-ка мне, душенька, еще стаканчик, - подал он жене стакан...”

Начитались? Теперь обратимся к книге В.Аблова, бывшего гимназиста, ученика П.Урядинского: “Латинист (Урядинский) жил БОБЫЛЕМ со своей мамашей, богобоязненной, сгорбленной старушкой”. Вот тебе и жена-душенька - по-казанцевски!

“Мелочей” из сплошной неправды у Казанцева – пруд пруди. Пишет он о том, что Николай Аблов пытался помочь отцу в получении разрешения на издание газеты, а на самом деле прошение это на имя самарского губернатора первым подписано... Яблонским. Церковный скверик, - не покраснев, называет “Марков сад”, - названием, - прижившимся в Димитровграде лишь лет пять назад. Спортивары и бывший магазин “Хлеб” на площади Советов, построенные в начале XX века, именует эклектическим стилем. Двор гостиницы (почти у резиденции хозяйственного чистюли - посадского Головы К. Маркова), по-казанцеву - “занавожен, засорен сеном, овсом, заставлен пролетками... в навозе рылись куры, голуби, воробы”, хорошо, хоть не свиньи! Чего, конечно же, в самом деле не могло быть никогда в центре посада, это же не отхожее место в деревеньке! МОЛОКАНСКИЕ (по названию религиозной секты, бытовавшей в старом Мелекессе), у Казанцева стали “малаканскими мостками” на пруду. Известная революционерка Дуся Наумова - черненькая, малорослая толстушка с лицом карлицы, - у Казанцева вдруг предстает “красавицей, из первых женщин Мелекесса”. Директор мелекесской ремесленной школы А.Н.ГОРДЕЕВ, стал

теперь - ГОРДЯЕВЫМ. И еще много чего несуразного и неправдивого! Ну, никак не удержавшись, Казанцев и далее слямзил из моей книги, не сославшись на мое авторство и не переделав текст, описание памятника Александру III в старой Самаре, слово - в слово передул описание домика П.Марковой даже не подозревая о том, что в моей книге, при его описании был допущен вопиющий для краеведения вымысел.

Но теперь эти казанцевские сплетни и слухи пойдут гулять по городу во всех будущих поколениях полуграмотных мелекесян. И, что хуже всего, вдруг опять - уже после толковых голов - К.Маркова, В.Паршина и Н.Горшенина - навяжут нам снова безграмотных мэров, - станут они опять ставить памятники несуществовавшим героям или ненавидевшим нас лютой ненавистью, как Серафимович, врагам рода человеческого. Обвесят город мемдосками, возвеличивающими тех, кто здесь никогда не был, установят события уж совсем нереальные, сказочные. А виной всему этому бедламу будут редакции газет, где пригреваю самовлюбленных в собственное невежество ПИССАК от журналистики и науки. Наш фантазер поизголялся над историей города и в своем приложении к бывшей газете "Площадь Советов" - "Наш посад Мелекесс", где снова врал и нарушил закон об интеллектуальной собственности. И нет им преград и окорота. А жаль...

Правда ли, нет ли...

Жаль, иль отъ сильнее духа

Меня всегда поражала область из нынешнего российского «красного пояса» - Пензенская. В 26 районах ее около 2000 деревень, сел и поселков. В каждом – свое название. А человеческие имена дали многим их сегодняшние географические названия: здесь – 26 Александровок, 15 Ивановок, 14 Михайловок, 8 Марьевок...

А еще есть известные на весь мир: Тарханы-Лермонтово, Белинский, Бекетовка, имение, связанное с именем академика, известного в России ученого-ботаника, - деда А.Блока, где бывал поэт. Но и это еще не все. Кто бывал в поездках по этой области, знают, что у каждой приметной исторически деревушки, есть или памятные знаки или бюсты, памятники знатным землякам. В том числе и мальчику-Блоку!

Кроме того, приучившись бережно и гордо относиться к истории родного края и к судьбам знаменитостей, в области, например, переименовали старые, с мало говорящими названиями села, в «Кижеватово», в честь земляка-героя Брестской крепости, «Михалино» и «Пушанино», - в честь Героев Советского Союза...

В нашем районе также немало мест, которые могли бы носить имена знаменитых земляков. Немало героев, достойных установления им памятников, но поскольку работа эта забюрократизированна, то и отношение в массах к памятным местам соответствующее, безразличное, с вкраплениями вандализма.

Речь идет хотя бы о сохранении и реставрации уже имеющихся объектов и материалов. В этом, особенно изобразительном и монументальном творчестве, нет места политианству, здесь вступают в силу законы защиты творений мастеров. Как бы вне истории проживают картины, героям которых стал, например, И.Сталин. Или памятники В.Ленину, Ф.Дзержинскому, Г.Димитрову, М.Калинину...

Это уже не облики исторических личностей, а отдельные творения мастеров, художественное достояние города, страны. Но вот в Димитровграде объектом насмешек и вандализма на многие годы стал монументальный барельеф Ленина на фасаде НКЦ. Развлекающаяся здесь «роллевая» молодежь ежедневно загаживает фасад надписями, кляксами красок, мусором. И это есть факт бездуховного, жесткосердного воспитания их в семье, школе, городском сообществе. Они видят, что архитектурно интересные по исполнению памятники Г.Димитрову или В.Ленину в городе поросли черной и мохнатой патиной, загажены голубями, давно не реставрированы. Они чутко чувствуют отношение руководства местного самоуправления к истории, искусству, учатся такому же безразличию, показному отношению к тем предметам, которые должны привносить гордость и уважение за родной город, его героев.

В бытность мэром Димитровграда С.Морозова город стал даже «Культурной столицей» в Поволжье, украсился многими интересными монументами,

архитектурными новинками. Но вскоре о них позабыли, и многие эти вещи опять же приходят в негодность, устаревают без постоянного внимания к их состоянию. Так и влакат жалкое существование облезлые, некрашеные пушки, порыжелые, а не зеленые ландшафтные фигуры, ставшие монстрами. Коммунальные катастрофы уничтожили часть фототеки и библиотеки краеведческого музея, отсюда самым бессовестным образом сперли коллекцию фронтовых наград, переданных мелекессцами для хранения, утрачены многие документы районного архива.

Посмотрите-ка на удивительную и отреставрированную часовню на старогородском кладбище, - этот храм для постоянного общения с Богом, в любой час душевной потребности, пришлось запереть на замок! Только так власти противостоят малолетним вандалам, которые вместо молитвы, общаются с Господом безграмотными посланиями, которыми измазаны все стены часовни. Мало того, НА ЧАСОВНЕ Бога хулят и местные сатанисты! И... никакого расследования по этим вопросам...

В свое время, уже при советской власти, Мелекесс-Димитровград был региональным центром по проведению рысистых бегов, в городе и районе хорошо развивалось коневодство, на соревнования со всех краев собирались десятки тысяч зрителей. В 2010 году исполняется 50 лет, как здесь были проведены последние соревнования.

Со временем наш ипподром, устроенный по стандартам и возможностям конца XIX века, все более приходил в негодность. И никто не заботился его реконструкцией, сохранностью, историческими традициями...

Следует напомнить, что для ипподрома с разрешения Головы посада Мелекесса местное купечество арендовало огромную луговину за «железкой». Сначала длина «пробитой» беговой дорожки равнялась одной версте, затем были установлены трибуны и «пробит» второй, внешний круг для бегов, сооружена судейская беседка. Вход на ипподром был за очень умеренную плату – всего 20 копеек. Здесь были бега «гит» и «дистанционные», кроме одиночек, бегали и пары в широкой упряжке или с «пристяжкой», был и свой нелегальный «тотализатор» с ценами на билеты от одного до десяти рублей. Сезон продолжался полтора месяца. А зимой устраивали гонки по льду на Черемшане, особенно в дни Никольской ярмарки...

Уже в 60-70-е годы прошлого века обветшалый ипподром все еще работал на мелекессцев. Свои конюшни и рысаков содержали и выращивали льнокомбинат, мелькомбинат, «Химмаш», городской рынок, типография, сельхозпредприятия в Мулловке, Тинске, Никольском, совхозе им. Крупской. Ныне же это исторически уникальное сооружение не существует, оставив за построенным здесь элитным и дачным поселками лишь былое название. А коневодством продолжают заниматься только в СПК им. Крупской, благодаря заинтересованности директора А.Голубкова. Их кони выставляются на профессиональные бега в Самаре, принося предприятию и самарскому ипподрому, а не нашему райцентру, прибыль.

Вспоминая старину, сравнивая радение наших предков об своеобразном облике посада, о его месте в истории, о радении за люд посадский и его образованность, - приходишь с горечью к выводу, что все сравнения не в нашу пользу!

Вроде бы и образованность сегодня у наших земляков на три порядка выше, и технологии самые передовые, и институтов теперь в городе больше, чем жаждущих в них учиться, и культурный уровень высокой пробы, - ан, нет, - перевешивают все эти достижения современности особые бесчеловечные

качества: РАВНОДУШИЕ, БЕЗДУХОВНОСТЬ, индивидуальное ДЕЛЯЧЕСТВО. И все это ведет к упадку и личности, и общества, и родного города.

И нерезвон колоколов и чадльный ...

Специально принятymi правительством РФ и Госдумой документами началась подготовка участников Крестного хода по водам трех славянских рек. Первые же шаги хоругвеносцы и священнослужители сделали в районе села Волговерховье у истоков великих рек, собрав первые живительные струи родников, с которых и есть начало Волге, Днепру, Западной Двине, в специально освященные сосуды, которым предстоял нелегкий и долгий путь по территории России, Украины и Белоруссии.

Главные спонсоры Крестного хода: Правительство РФ, «Газпром», ЗАО «Корпоративное развитие традиционных технологий в регионах», - выделили участникам Крестного хода специально сконструированный катамаран, на котором была установлена сборная часовня. Именно так, подками и катамараном, начался ход по верхневолжским ручьям и речушкам - от села к селу, от церкви к церкви.

В Верхневолжье была произведена закладка будущего храма - Славянский дом, а в селе Коковкино установлен святой крест Стерженский. На всем пути от Пено-Селижарово до Твери в главный ход вливались местные крестные ходы сельских приходов и церквей, шли торжественные богослужения, молебны, освящение вод,

В Тверской области в крестном ходе приняли участие архиепископ Тверской и Кашинский - Виктор, губернатор области Ю.Краснов, зам. председателя Законодательного собрания А.Грибов. Здесь же, в Твери, участники Крестного хода поселились на специально зафрахтованный теплоход «Святой князь Владимир-креститель» со встроенной на нем часовней и с плавучим храмом-алтарем. Именно на нем предстояло паломникам пройти 7000 километров от истока - до Ярославля, Костромы, Нижнего Новгорода, Чебоксар, Казани, Ульяновска, Самары, Волгограда, Астрахани, через Волго-Донской канал до Ростова-на-Дону, затем - по Украине и Белоруссии и завершить крестный ход на пристани у храма Христа Спасителя в Москве, где мэр столицы, Патриарх Алексий II, президенты России, Украины и Белоруссии должны принять в свои руки священные воды православного единства наших народов.

Я не могу описать весь путь паломников до нашего Ульяновска, ибо присоединился к участникам Крестного хода в речном порту областного центра. Но то, что я увидел, услышал в ходе моего путешествия на участке Ульяновск-Тольятти-Самара, постараюсь обобщить и передать читателю. Как человек верующий, но не оцеркленный, я не всегда и не во всем согласен с действующей и ныне церковной атрибутикой, порой излишне консервативной в своих требованиях. Потому во всякого рода чудеса, иногда возникающие в храмах, верил мало. Однако прикосновение мое к такому святому и богоугодному делу, как Крестный ход, резко поколебало и неприятие дел чудесных.

Видимо, только если многие, очень многие верующие люди истово просят в своих молитвах благости, это многотысячное желание может действительно превратиться в реальность.

Так было в Костромской области, где стояла небывало жаркая погода. Засуха на корню убивала урожай. Потому, когда на главной Костромской площади - Сусанинской - была совершена соборная молитва архиепископом Костромским и Галичским - Александром, с участием в ней всего областного и городского руководства, десятков тысяч костромичей и паломников, в которой они просили о даровании истинного покаяния, умножения любви среди всех людей, о ниспослании властям мудрости и даровании плодов земных, - на костромскую землю конец-то упали первые капли долгожданных дождей...

Особо многолюдно было в дни Крестного хода в Нижегородской области и Республике Чувашия (97% жителей Чувашии считают себя православными). В Нижнем Новгороде во время обеденного молебна, при совершенно безоблачном небе и в 35-градусную жару, над прихожанами и паломниками, над храмом встал яркая радуга, которую запечатлели на фотопленках все журналисты, сопровождающие Крестный ход.

А в Чувашии паломников поразило то, что между мирскими властями республики во главе с президентом Н.Федоровым, верующими и священнослужителями царит полное согласие и понимание. Сотни новых храмов воздвигаются по городам и селам, сотни старых - передаются РПЦ и совместно с ней реставрируются. Теплоход с паломниками провожали сотни тысяч жителей Чувашии, выстроившись по волжским берегам. Перезвон колоколов береговых храмов соединялся с мелодиями звонарей теплоходной часовни. И в это время на берега обрушился ливень. Стены дождя стояли справа и слева от «Св. князя Владимира», а он шел, рассекая воды, в пространстве, куда не упала ни одна капля, хранимый Господом от стихии небесной...

Ранним утром на траверзе Ульяновска в храме теплохода замироточила обычная иконка с лицом Николая-Чудотворца. Весть об этом следующие Крестным ходом монахи разнесли по всем палубам, и к храму потянулись люди. Первым из них удалось собрать капельки чудесного мирра, развести с водой, освятиться им. Если бы на теплоходе, который я встречал в тот час в речном порту областного центра, среди паломников не было моих друзей-журналистов, писателей, работников Международного фонда единства православных народов, если бы я не знал их так давно и хорошо, не был бы убежден, что это люди здравого (и неординарного) ума и чести, - не мог бы поверить в данное чудо. И, обнимаясь со старыми друзьями, я явственно ощущал запах ладана, исходящий от них. Я не мог не верить им - с полным пониманием серьезности и величия происходящего.

Видимо, потому Крестный ход по Ульяновску, установка Святого креста на улице Гончарова, посещение паломниками госпиталя ветеранов войны и детской больницы, храмов и женского монастыря в Ульяновском районе, села Языково (фильм об этом вошел в многосерийную телезапись о Крестном ходе, снимаемую руководителем личной телередакции «Исток» при Святейшем Патриархе всея Руси Б. Конуховым), молебны, концерты хоров Ульяновской епархии, консерватории и паломников - мужского хора Московской духовной академии, - было проведено очень торжественно. Храм на теплоходе посетили заместитель губернатора В.Рогов, депутат Законодательного собрания области Е.Головко, митрополит Симбирский и Мелекесский – Прокл, кавалер церковного ордена Св. Даниила генерал-майор В.Орлов, представители городской мэрии и

администраций районов Ульяновска. Поздно ночью «Св. князь Владимир» под печальный перезвон отошел от причала и взял курс на Тольятти.

Здесь следует сделать небольшое отступление. Среди участников Крестного хода кроме семинаристов, монахов, послушников, верующей паствы было много людей сановных и именитых. Дела, общественная инициатива, набожность которых, да и сами имена уже придают мероприятию необычность, особую чтиимость и даже святость. Среди руководства особо выделялся отец Алексий, священник одного из тверских приходов, ректор факультета богословия Тверского университета - Алексей Андреевич Злобин. Да, да - тот самый, что открыл свою походную часовню в осажденном здании Верховного Совета России в октябре 1993 года. Тот, что в час штурма Белого дома крестил депутатов-атеистов, что с крестом в руках вышел навстречу грохоту танковых пушек и пулем озверевших омоновцев, призывая их милостью Божией к гуманности. В Ульяновске на встречу с ним приехала его крестница, депутат расстрелянного парламента В.Домнина...

Священник из Валаамского прихода, пастырь заблудших душ всех сидящих в тех лагерях зэков - отец Бонифаций; издатель газеты «Воскресная школа» - и участник боев в Чечне - отец Киприан; иеромонах Свято-Данилова монастыря - отец Киприан; отец Олег - священник одного из казанских приходов, несмотря на гонения властей Татарии на православных, в чем убедились участники Крестного хода, сел на теплоход со своей матушкой и внуком; отец Алексий из Чувашской епархии, плакавший у изголовья обреченных (раковых) ребятишек в ульяновской детской больнице, молящийся перед Богом о них, крестивший их на больничной койке; секретарь Московской Духовной Академии, профессор-богослов отец Глеб...

Из светских в Крестном ходе особо выделялись депутат Госдумы России, председатель объединения «Регионы России» и депутатской группы «Новая региональная политика», член президиума Политсовета общественно-политического блока «Вся Россия» В.Медведев, чья книга «Время созидать!» так и начинается словами: «Я верю в Бога!»; президент Международного фонда единства православных народов, советник Председателя Госдумы России В.Алексеев; исполнительный директор Международного фонда, издатель нового журнала «К единству!» (печатавшегося в ульяновском Доме печати), кавалер высшего церковного ордена Св. Андрея Первозванного, наш земляк А.Дмитриев; журналист, исполнительный директор Московского отделения Международного фонда, полковник внутренних войск в отставке В.Афанасьев; депутат парламента Белоруссии, личный посланник президента А.Лукашенко - Н.Дубович; писатель Н.Переяслов. Достаточно сказать, что президентом Европейской Межпарламентской Ассамблеи Православия ныне является член Политсовета ЦК КПРФ, депутат Госдумы В.Зоркальцев, - все это подчеркивает уровень, на котором шло общение участников марша единства славянских народов с высшим руководством регионов, с населением Поволжья,

И в этой связи станет понятно мое разочарование от посещения Тольятти, который я про себя окрестил «городом безбожников». В процессии к храму здесь принимало участие не более десятка местного люда. Чуть больше народа было на установке Святого креста на центральной площади города, где депутат гордумы (один из официальных лиц Тольятти) обещал, что со временем они установят на этом месте часовню. И, когда в храме, где мы разгружали подарки и библиотеку для местной богадельни, прислужница поведала, что все двери они оборудовали амбарными замками, ибо тольяттинские «лихие люди» воруют по ночам даже из алтаря, - стало понятным, почему в баре речного порта города установили супермощные колонки и всю ночь атаковали наш теплоход ритмами

бесовской заморской музыки; почему напоказ при свете неона святым отцам выставляли себя, собравшиеся со всего Тольятти «ночные бабочки»; почему к борту «Св. князя Владимира», под сень его часовни подруливали крутые «мерседесы» и «тойоты» с любителями сфотографироваться на фоне «экзотики». И хотя шеи их украшали золотые, величиной с собачьи, цепи - креста на них, явно, не было. Как и Бога в душах их...

Возвращаясь к чудесам, творившимся в Крестном ходе, я поведаю один самарский эпизод, свидетелем которого был. От борта теплохода круто на берег взносилась бетонная эспланада-дорожка, по которой спешили пассажиры речного порта. Одна из женщин, тащившая чемодан и плотно набитый полиэтиленовый пакет в другой руке, замотанно глянула сверху на теплоход и, увидев на нем часовню с крестом, пллонула с досадой: «Какую только напасть не поннастроют нынче!..»

В тот же миг пакет в ее руках с треском лопнул, по эспланаде вниз хлынул поток черной смородины (видимо, ее дачный урожай на варенье). Крупные черные ягоды кроваво лопались под ногами ниже идущих людей, падали на причал. А тетка, горестно охая, пыталась спасти хоть ягодку, неся за свое богохульство заслуженное ею наказание Божие.

Теплоход с участниками Крестного хода, истершивши в кровь подошвы ног, уставшими, но счастливыми от исполненного, пришвартован в порту казачьей станицы Ростова-на-Дону, под перезвон колоколов старинных русских храмов. И звон этот торжественно-печален, ибо здесь, пройдя весь путь по Волге, православные паломники делятся на три группы. Одна идет крестным ходом по братской Белоруссии. Другая, через приднепровские города, автобусами - до Киева. Третья, пересев на российский военный корабль, - Азовом и Черным морем к Севастополю. Правда, к великому сожалению, в море Черном их ждет украинский миноносец, зафрахтованный националистами-униатами (раскольниками веры православной), чтобы в пику великому делу единения провести свою акцию по запугиванию населения и паломников. Но я верю, что Христос, вера в которого крепила дух моих братьев во время всего тернистого пути, в котором они несли свой Крест и Благую весть, даст им силу и терпение, промысел Божий.

Благой Крестный ход успешно финишировал у стен Храма Христа Спасителя в Москве.

P.S. А жаль, что мы в Димитровграде потеряли уже свой речной порт, и Черемшан уже не судоходен, как в былые времена... Нам всем, в нашем древнем Мелекессе, сегодня так не хватает мира, терпения, слова Божьего, которые могли бы привнести паломники Крестного хода в честь 2000-летия со дня рождения Христова...

Тайные истории Мелекесса – Димитровграда

1. Поиски затерянных сокровищ

Говорят, что кладоискатели фактически делятся на теоретиков этого дела, энтузиастов и профессионалов-гробокопателей. Людей, занимавшихся этим при советской власти, было значительно меньше, чем сегодня – люди опасались, что у них отнимут добытое, про найденные клады старались говорить шепотком. Наступили иные времена. Свобода в обществе прибавила веры в свободное обращение с кладами. Появились целые изыскательские группы, оснащенные мощной современной техникой и аппаратурой. Все хотят разбогатеть одноразово.

Потому важно различать тех, кто хватается за любой слух и готов распопрошить все, что угодно, не останавливаясь и перед преступлением, опустошая огромные территории, - и тех, кто основательно прорабатывает материал, ставя на первое место историческую ценность находок, действует тактично, точно, осведомленно.

Нашему городку более 300 лет. Естественно, что в лихие годы состоятельные люди много чего припрятали на его территории. Потому проблема кладоискательства коснулась и наших краев. В этой главе я попытаюсь рассказать о некоторых, почти невероятных вещах и происшествиях. Предположить некоторые места в старом Мелекессе, где еще могут порыться кладоискатели. Но при всем этом, имея в виду, что тема деликатная, что отношения счастливых кладоискателей и властей до сей поры еще очень настороженные, что законодательство в этом отношении несовершенно, - не стану называть имен и фамилий, уточнять “географию” находок.

Из детства помню, как старинный приятель моего деда, вообще то общительный человек, купив домик по улице III Интернационала, в районе корпуса пединститута, вдруг резко загрюмел, стал нелюдимым и подозрительным. А сына срочно отослав в Самару на новое место жительства. С той поры у него стали водиться и денежки. Как-то в разговоре с моей нянькой дед пооткровенничал: “А Константин-то клад отрыл у себя в подполе. Уж не знаю, чего там было, но по всему видать - не малый барыш. Вот и сам собирается в Самару, говорит - избы там прикупить хочет...”

Достоверно знаю и, видел, что дед у нас в стареньком доме нашел золотые монеты. Потом этот клад в спичечном коробке, хранившемся под стрехой в сараюшке, перекочевал к подпольным дантистам.

Уже перед смертным одром дед поведал и еще об одном кладе. В 1918-м они с моим прадедом, которому была доверена тайна захоронения, в районе Верхнего пруда выкопали некоторые вещи, упрятанные там посадским головой К.Г.Марковым.

Как-то я заинтересовался: а какова обстановка с кладоискательством в округе, ведь по Волге издавна ходят слухи о богатейших захоронениях многих ценностей. Да и было кому это делать!

Интересно, что на территории Ростовской области множество описанных мест предполагаемых древнейших кладов. Скажем: золотые и серебряные монеты находят в Поповом лесу, владении княгини Чеботаревой в Бирючинском уезде; Кудеяров дом - два древних кургана близ села Мечетка Бобровского уезда; в Богучарском - есть подземный монастырь, в Остоженском - бывший разбойничий притон, есть такие места в Старотайденской, Докторовской, Сенновской, Семейской волостях...

Есть подтверждение слухам, что преследуемый войсками генерала Михельсона Емельян Пугачев отдал приказ награбленные сокровища утопить в озере у села Солововники в Астраханской губернии.

Недалеко от нас в Вольском уезде Саратовской губернии у села Воскресенского обнаружен подземный ход. Есть там и другие тайные ходы, где уже обнаруживали клады золотых монет...

По временной отдаленности от нас самыми реальными для находки считаются захоронения на территории Ульяновской и Самарской областей казачьи из войска Степана Разина. Вообще в волжских откосах и в Жигулях немало должно быть упрятано в штолнях старых шахт, выработках, пещерах. Здорово "шалили" в те времена на главных водных трассах Империи разбойники под парусами на лодках - ушкуйники. Ходили они и по Черемшану, прятались на его островах.

Достоверно известно, что 23 апреля 1847 года была разграблена у села Мордова Сенгилеевского уезда расшива мещанина из этого городка - Жихарева. Грабили суда самарского купца Теплякова. В этом же месте у Мордова нападению подвергся саратовский купец Логарев. Неподалеку от Хрящевки, уже нашего - Ставропольского уезда, ушкуйники немало "вытрясли" из карманов костромича Бакакина...

Спасаясь от погони, один из отрядов ушкуйников прятал свою добычу в камышовых зарослях у впадения в Волгу речки Сускан. Тоже - знакомые мелекессцам места!

Не секрет, что Жигули были гнездовьем войска Степана Разина. История помнит о том, что при осаде Симбирска атаман был тяжело ранен. Его отправили на Дон, а вот награбленное добро попрятали в наших местах - до лучших времен. Говорят, на Молодецком кургане или у Стрелецкой горы, но поиски ведут в меловых отложениях под Симбирском...

Со всех концов России бродят в поиске захоронений кладоискатели по земле симбирской. Немало уже обшарено оврагов и пещер, чердаков и подвалов, перекопаны сотни кубометров земли. О некоторых местах, где по преданию были зарыты клады, можно узнать из редкой книги нашего земляка-фольклориста Дмитрия Садовникова "Сказки и предания Самарского края". Говорят, что недалеко от Чердаклов клад зарыт под древним дубом; в Новиковке пойманный разбойник увержал, что знает подвал, где зарыто золото. А возле села Красная Река клад спрятан в пещере, дверь в которую отпирается только накануне Пасхи...

А вот то, что отступая от Симбирска в октябре 1918 года генерал Каппель укрыл где-то в наших местах (то ли у Еремкино, то ли у Мелекесса) богатую корпусную казну и сундуки с документацией - находит свое подтверждение в некоторых работах, посвященных теме гражданской войны в Среднем Поволжье. Мне уже приходилось писать, что под городом на берегу Черемшана, в отвалившемся берегу были найдены части подпольной большевистской типографии, а это уже предметное указание на то, что не все найдено из того, что попрятали деды и прадеды.

Интересно, что в том же 18-м частями Народной армии Комуча была

предпринята попытка эвакуировать из Симбирска на барже укрытые церковные ценности: кресты, чаши-потиры, драгоценные оклады икон. Но баржа была потоплена красногвардейской артиллерией у железнодорожного моста. Экспедиция ЭПРОНа летом 1928 года предприняла попытку добраться до этой баржи. Несколько дней добровольцы-водолазы ходили в Волгу, обшаривая там дно. Действительно, у Нижней террасы под крутым берегом Часовеной воложки баржи нашли. Не одну - три. Но все они были гружены никелевыми чушками, которые, достав из трюмов, передали на завод имени Володарского, где изготавливали пули и патроны. А церковные ценности так и остаются на волжском дне под Ульяновском.

Но настоящие, урбанизированные кладоискатели предпочитают разгребать завалы на чердаках старых домов. Что можно там отыскать? Конечно, хорошо бы - русские, польские, шведские золотые монеты. Еще бы лучше - денарии Александра Македонского, они на "черном" рынке идут по 500 долларов за штуку, а вот швейцарские часы фирмы "Мозер" - 120. Образ Николая Угодника в серебряном окладе тоже - 400 и граммофон за ту же цену, если не торговаться.

Много дороже можно продать найденные на чердаках шпаги, палаши, сабли, кинжалы, кортики, винтовки или старые револьверы.

Но, для настоящего ценителя старины дороги и другие найденные вещи: старинные матовые фотографии на картоне, этикетки, афиши, папиросные коробки, аптечные пузырьки, пивные бутылки, огрызки карандашей, тетрадки со стихами, открытки с видами старины, почтовые марки, значки, предметы мебели, театральные программки, документы, одежда...

От того и несут эти просвещенные искатели за бесценок уникальные вещи в музеи, чтобы сохранить уже утраченную нами историю. Помогают раскрывать ее тайны.

Тайны старого Мелекесса раскрыты далеко не все. Только последние находки и открытия говорят об этом. Чего только стоит рассказ о плывущих в пруду гробах...

2. Золотой запас и его хранители

История не такая уж далекая от наших дней. Относится она к 1919-му году. А начинается в июле 1918 года, когда войска Народной армии Самарского Комитета членов Учредительного собрания России, разогнанного Свердловым и отрядом матроса Железнякова, приступили к взятию и освобождению от большевиков Казани. Военный министр Комуча Лебедев, командующий войсками чехословаков Чечек, командир русского добровольческого офицерского корпуса Каппель взяли на себя всю ответственность за операцию под Казанью и стремительным штурмом ворвались в город. Именно это и предрешило судьбу золотого запаса Русской Империи, захваченного новой властью и находившегося в подвалах казанских банков. Большевики не только не смогли организовать его эвакуацию, но и даже те, кто пытался «на своем горбу», вроде мелекесского комиссара Аблова, вытащить в чемоданах часть золота из боя, были выловлены и расстреляны каппелевцами на месте. В руках членов Комуча оказалось 500 тонн золота на сумму 664984357,63 рублей.

10 сентября Народная армия с боями отошла от Казани, но в отличие от большевиков, золотой запас был ими благовременно вывезен в Самару. Так, на долгие годы, сохраняется история и легенды об эшелонах с золотом, перешедшим «по наследству» главе Сибирского директората – адмиралу Колчаку.

Нас же, в связи с начатыми поисками ульяновскими историками казны корпуса генерала Каппеля, якобы, зарытой в лесах под Мелекессом, волнует судьба этого пропавшего небывалого клада. Давайте посмотрим на детали этой истории, вооружившись известными сегодня фактами. Итак, что же предстоит нам найти?

Накануне Октябрьского (большевистского) переворота в России золотой запас Российской Империи составлял более 1337 тонн. Куда «утекли» эти эшелоны золота? После отбытия на родину в Чехословакию из порта Владивостока корпуса генералов Чечка и Гайды, чехи сдали охрану эшелонов с золотым русским запасом, оставшимся еще в строю солдатам и офицерам Белой армии, но при этом, впоследствии, контрольная комиссия недосчиталась 27 вагонов!

Есть свидетельство замминистра финансов в правительстве Колчака - Новицкого, сообщившего, что в 1920 году в банках разгромленной Чехословакии оказалось неожиданно 63050 золотых рублей (николаевский рубль равен сегодня 12 долларам США). На эти деньги в Чехии был открыт некий «Легио-банк». В Японии, не без помощи белых генералов после гражданской войны были тоже открыты несколько банков, запас русских драгметаллов в которых составил более 200 тонн. Семь лет (с 1922-го по 1929 год) тяжбу с японцами об этом золоте вел русский атаман Забайкальского казачьего войска Семенов, в 1932 году получить по суду эти деньги пытался генерал Петров – все было тщетно!

Царским золотым запасом поживились, конечно же, и ленинцы. Какое то количество вагонов было все же отбито ими у колчаковских войск под Иркутском и Читой. Расчет за пресловутый Брест-Литовский мирный договор с немцами произведен был и этим запасом – четыре эшелона чистого золота! Подсчитано, что только нижегородского золотого запаса так и не попавшего в руки войск Лебедева-Каппеля было переправлено в Германию, всего 93535 кг, и 203 миллиона 635 тысяч бумажными ассигнациями.

Согласно Версальскому договору (статья 259), царское золото должно было только храниться во Франции, и возвращено по первому требованию российских властей. Сегодня «хранители» вместе с набежавшими за это время процентами должны нам десятки миллиардов долларов, но не допускают и мысли о возврате наших денег! Хотя известны precedents, когда Литве было возвращено 3,2 тонны золота, в Албанию возвращено 1574 килограмма их золотого запаса.

Примечательно, что бывший российский премьер Виктор Черномырдин на вопрос о возврате долгов из Франции «честно» ответил: «Какое золото? Все ленинское, колчаковское, сталинское и прочее золото... нет его. И не будет его!» И, - тут же выплатил французам по... царским ценным долговым бумагам 400 млн. франков...

Так сколько же вагонов из тех эшелонов с золотым запасом оказалось потеряно на российских дорогах от Казани до Владивостока? Нас этот вопрос волнует потому, что мы полагаем, пусть небольшая доля – в виде казны каппелевцев – осела именно под Мелекессом и, до сей поры, не найдена. К такому выводу нас подводят признание заключенного Бутырской тюрьмы В.П.Хренникова. Об этом подробно говорилось в газете «Совершенно секретно» и телепередаче Андрея И. – «Искатели».

В 1948 году Хренников заявил: «Мне известны обстоятельства сокрытия колчаковцами золота на территории Татарской АССР». Конечно, получив 25 лет тюрьмы, спасая свою свободу, можно и не в таком сознаться. Но вот что интересно: в 1929 году в советское посольство в Париже обратились представители одного французского банка с предложением совместно поискать в СССР: «173 ящика - пятьсот пудов золота в слитках и монетах царской чеканки, похищенного

группой офицеров-белочехов во время перевозки из Казани в Самару золотого запаса». Не верить французским банкирам - нет оснований. Тем более нам - что-то знающим из этой истории. Но интереснее всего, что и советское правительство посчитало это за правду!

«Совершенно секретно» пишет подробно о том, что Госбанк СССР заключил с французами договор, по которому в Казань прибыли, имеющие на руках ПЛАН ЗАХОРОНЕНИЯ КЛАДА - француз - уполномоченный банка, полковник-англичанин, специалист по поискам затерянных сокровищ и два польских адвоката. Считая, что за ними и так будет неусыпный и негласный чекистский контроль, они отказались от предлагаемой помощи со стороны наших властей. Для нас в этой истории важно, что экспедиция долгое время водила за собой соглядатаев в МЕЖДУРЕЧЬЕ ВОЛГИ И ЧЕРЕМШАНА ПО ЛЕСНЫМ ПОЛЯНАМ. Все места остановок следом за кладоискателями были перерыты работниками Экономического управления ОГПУ, была даже временно выкрадена карта у англичанина и скопирована, но... Видимо, кладоискатели перехитрили чекистов, и золото не было обнаружено.

Бутырский сиделец Хренников уточнил, что при отступлении от Казани частей Народной армии Комуча, золотой запас отправляли в Самару на пароходах. Однако, - два больших грузовых автомобиля с золотом так и не прибыли на пристань. Командование посчитало, что они перехвачены противником. На самом же деле их похитил офицерский конвой. Машины ушли в ЛЕСНЮЮ ГЛУШЬ, где ящики сгрузили в старом овраге и тщательно замаскировали. Когда выбирались на СИМБИРСКИЙ тракт, напоролись на конный разъезд красных. В скоротечном бою офицерский конвой погиб. Чудом уцелел только поляк Константин Ветеско. Его, раненого, подобрали местные крестьяне. Он долго жил в окрестностях Казани, наведываясь в овраг, нарисовал план захоронения, но потом его свалил тиф и он умер. Перед смертью, успев передать свои записи брату Вячеславу. После гражданской войны брат-железнодорожник Вячеслав Ветеско вернулся в Польшу, на полученные от умершего золотые монеты купил имение, обзавелся семьей. Затем вступил в переговоры с адвокатской конторой и банком «Люберсак», сумев их заинтересовать, но и подстраховался, рассказав всю историю эмигранту Хренникову. Но советские органы госбезопасности тогда, в условиях войны с Польшей, на контакт не пошли. А в 1948-м, поверив Хренникову, чекисты выехали в Польшу, отыскали семью умершего Ветеско, обыскали его дом и сад и, в корешке одной из книг нашли план захоронения золота, но... он не отличался от того, который был у французов! И еще целый год чекисты переполачивали ПОЛЯНЫ И ОВРАГИ ПО ЛЕСАМ, но клад так и не нашли. Ничего не дали и допросы семьи Ветеско и их польского адвоката. Ключ к расшифровке плана найден не был.

В плане того, как Самарским правительством Комуча был захвачен в Казани золотой запас, интересны воспоминания генерала-эмигранта В.Лебедева. Город обороняли: две стрелковые дивизии, полковой резерв штаба Восточного фронта, около дивизии из частей отошедших к Казани отрядов, оборонявших Симбирск, красные войска, собранные из нижегородских чекистов, отряды партийных и советских работников, эвакуированных из Самарской. Саратовской, Пензенской, Симбирской губерний, освобожденных Комучем от большевиков, и, что особенно важно нам, - отдельный полк латышских стрелков, особо преданных большевизму профессиональных военных – участников первой Мировой войны. Здесь припомним, что недавно почему-то именно Литва и Латвия получили

возможность вернуть в свои суверенные ныне государства никогда ими не заработанные, мифические, долговые миллионы долларов, прятавшиеся до поры в банках Европы...

В том направлении, которое интересует мелекесцев, вслед за отступавшими из Казани войсками Народной армии Комуча, под руководством генерала Каппеля шли части красного командира – мичмана Сергея Павлова. 24 сентября им был взят город Чистополь и его ударная группировка, состоявшая из анархистов моряков-балтийцев, буквально на плечах капрелевцев рвалась к Мелекессу и Самаре! С чем это было связано? Откуда у “братьев” вдруг образовалось такое безрассудство? Чем мог их заинтересовать наркомвоенмор Л. Троцкий, прекрасно знавший о военной мощи и профессионализме офицерских батальонов капрелевцев – ветеранов войны с германцами?

Берусь утверждать, что отряды Павлова были сформированы, как первые части советского спецназа со специальной же задачей - дognать, перехватить и отобрать у комучевцев увозимый ими золотой запас!

В ходе этого, безуспешного тогда преследования, группа Павлова была срочно доформирована головорезами, сочувствующими большевикам, и развернута в 27-ю стрелковую дивизию специального назначения. Причем, С.Павлов здесь, как не совсем благонадежный большевик-чуваш, стал только начальником штаба, а вот командование спецназом было доверено особо отличившимся в партии людям, членам РСДРП (б) с 1912 года - Алексееву, а затем - Яхлакову. Вслед за капрелевцами в Мелекесс ворвался передовой полк 27-й дивизии под командованием Я.Пунги, латыша из руководства той группой охранников золотого запаса, которые почти без боя сдали ценности десантникам Лебедева-Чечека в августовской Казани...

Следует отметить, что на флангах 27-й дивизии в бой шли тоже особо проверенные войска: Железная дивизия Гая и 25-я - будущая Чапаевская. А 27-й впоследствии командовали В.Путна и опять С.Павлов...

Еще один штрих из биографии 27-й. Заместителем у Павлова - замначштаба был Б.Терпиловский - один из организаторов русского спецназа в войсках Брусилова в первую Мировую и сослуживец симбирского “Бонапарта” - М.Муравьева. Впоследствии он же командовал войсками спецназа Правой группы экспедиционного корпуса 5-й армии, разгромившей на территории Монголии части барона Унгерна...

Несколько замечаний по поводу “украденного” золота офицерским конвоем на пристани в Казани. Мне плохо верится в версии произошедшего, озвученные Ветеско и чекистами. Слишком свято верили капрелевские офицеры, воспитанные в лучших традициях Русской армии, в свой долг и честь, на поле боя, на дуэлях ли - легко отдававшие жизни за Веру свою в Отечество, чтобы стать в одночасье грабителями! Скорее всего, ворвавшиеся в Казань спецназовцы-интернационалисты не дали времени на раздумье, оттого и часть конвоя с машинами и телегами, на которые было нагружено золото, просто стали самостоятельно пробиваться к своим на Самару. Само поведение в эти дни такого преданного присяге, воинскому и Белому делу военачальника, каким был фронтовик, штабс-капитан, получивший звание полковника в Народной армии Комуча, самарский дворянин, ставший командующим войсками Директории Колчака, - Владимир Оскарович Каппель, - наводит на многие размышления. (Слава Богу, прах этого выдающегося человека ныне возвращен из Харбина на родину, и перезахоронен в родных генералу краях).

Почему начальник всех войск, вместо того, чтобы вовремя отойти на заранее

укрепленные позиции и на запасной КП командующего, чего требовал Устав армии и тактическая обстановка, остается в самой гуще боев, отступает в не прекращающихся стычках с красным спецназом и, чуть было не попадает в плен?

Что такого (если не большое количество золота) он ЛИЧНО прикрывает со своей гвардией, задерживая на минуты и часы преследователей? Из-за чего рискует жизнью и будущим? И последнее: за что предводитель Сибирской Директории, боевой адмирал А. Колчак, имея своем распоряжении десятки боевых генералов, именитых военачальников, так беспредельно верит только Каппелю, произведенному им в высшие генеральские чины? Доверяет ему командование армиями прорыва, а затем главнокомандование всеми войсками, если на счету Владимира Оскаровича нет пока ярких побед, кроме взятия Симбирска и Казани?

Ответ на этот вопрос дали события января-февраля 1920 года. Преданный командованием союзной Антанты, чехословаками грабителями, японскими самураями, сибирскими олигархами, собственным правительством и даже генералитетом, - Колчак пробивается по железнодорожному пути к Монголии или Владивостоку. Его личная гвардия и эшелоны с золотым запасом зажаты по флангам и с фронта чехами-предателями, среди которых уже идет свара из-за золота. Преследуется отрядами большевиков повстанцев-партизан и личными воинскими формированиями т.н. демократической оппозиции Колчаку, которую он не успел уничтожить, и ее лидеры вошли в предательское соглашение с большевиками...

Очевидец тех событий Д. Малиновский в газете "Новая русская жизнь" писал, что вначале поезд Колчака состоял из 8 эшелонов. В одном ЭШЕЛОНЕ РАЗМЕЩАЛСЯ ЗОЛОТОЙ ЗАПАС, ПРИМЕРНО 30 ТЫСЯЧ ПУДОВ ЗОЛОТА (это - не менее 500 тонн или около 20 вагонов!). Личный конвой адмирала составлял около 1500 человек. Но в Красноярске чехи заставили Колчака сократить все до 3 эшелонов... Вот где уже начинаются потери золотого запаса! Затем, в Нижнеудинске, эшелоны блокируются на 2 недели. Адмиралу его же генералы-предатели ставят условие сохранения жизни: проезд только под охраной чехов, только в одном вагоне, только, сдав остатки золотого запаса тем же чехам...

Под давлением обстоятельств несгибаемый адмирал слагает с себя полномочия Верховного правителя Русской империи и передает их командующему Южной русской армии - генералу А. Деникину, тем самым, как бы обозначив древнюю флотскую традицию: последним покидает гибнущий «корабль». Последним ли?

Через неделю ОДИН поезд с Колчаком подходит к Иркутску! Не есть ли это - отвлекающий маневр?

"Все меня бросили, ничего не поделаешь", - сокрушался Колчак. Говорят, за одну ночь он поседел... Через неделю в Иркутске разыгрывается еще одна русская трагедия! Естественно, что большевики требовали от Колчака сдать им весь золотой запас. Чехи отрицали факт перехвата ими вагонов с золотом. Куда же они подевались?

А здесь давайте вспомним, что еще под Красноярском от эшелонов Колчака отстал штаб главковерха войск адмирала - В. Каппеля. В то время, пока в Иркутске большевистская охранка "тряслась" адмирала на предмет пропажи 20 вагонов с золотом, под Нижнеудинском части генералов К. Сахарова, С. Войцеховского и В. Каппеля начали форсированный марш на Иркутск. Свидетельства тех дней: Капель ГНАЛ ВОЙСКА НА ВОСТОК, НЕВЗИРАЯ НА МОРОЗЫ И ГЛУБОКИЕ СНЕГА, НЕ ЩАДЯ НИ СЕБЯ, НИ ЛЮДЕЙ... Гнал... без эшелонов, доверенных ему Колчаком под охрану, пешим порядком...

На этот счет есть версия писателя Василия Звягинцева, считающего, что

сохраненные от разграбления 10-15 вагонов с золотом именно капрелевцы вывели на давно заброшенные железнодорожные ветки, ведущие от Нижнеудинска на Тайшет, на Братск и далее - по северному пути будущего БАМа, где в горах масса недопробитых тоннелей. В одном из которых и "законопачен" до сего дня золотой запас!

А что же главный герой тех дней, главный хранитель казны и тайн Колчака - Владимир Каппель, оказавшийся на высоте своего долга, воинской доблести и удачи еще в боях под Казанью? Человек, которого высоко ценил Верховный правитель России, которому доверил не только "последний и решительный бой", но и величайшую тайну столетия? Отвлекая на себя внимание, уводя противника в сторону от круглобайкальских тоннелей, Каппель действительно пытался помочь адмиралу, прорываясь сквозь сибирские морозы, бездорожье, сотни километров к берегам Ангары, подо льдом которой скоро успокоится с большевистской пулей в груди герой морской России, ее лучший адмирал и Верховный правитель...

Владимир Оскарович же, гоня войска, не жалел и себя. Под станцией Зима вместе с конем провалился в ледяную полынь, отморозил ноги, а 26 января 1920 года умер от крупозного воспаления легких на разъезде Утай уже под самым Иркутском. Войска повел генерал Сергей Войцеховский. 5-6 февраля их ледяной поход, сквозь 40-градусные морозы, тифозные деревни, красные заслоны, где они никого не брали в плен, - а сами, раненые замерзали на месте, - закончился в Иркутске. Но где - уже не было в живых их Правителя...

Нас же в этом случае интересует факт наличия или пропажи основного золотого запаса, возможно, действительно упрятанного его последними хранителями в байкальских тоннелях. А его первая - "казанская" часть, несомненно, - была в таких же безвыходных для Каппеля ситуациях, в боях под Мелекессом, упрятана в лесных оврагах, глухих селах, так, как и архив его армии, ее казна, тяжелый скарб под деревушкой Бряндино...

3. Куда плывут гробы?

Возвращаясь к предыдущей главе, хочу заметить: что мы не все претензии высказали нашим оппонентам. Например, монголам или японцам...

В Монголии долгое время скрывался и хоряничал (даже принял буддизм) «император пустыни», барон Роман Федорович Унгерн, генерал, предводитель колчаковского войска, уведший свои части за границу. После его гибели сподвижники много говорили о несметных богатствах, зарытых предприимчивым бароном в Монголии и Бурятии. Несколько американских экспедиций пытались отыскать эти клады – тщетно. Но в 1924 году под Улан-Батором, в местности Толгой-Дахту работникам ОГПУ удалось отыскать одно захоронение. Несколько деревянных ящиков с царскими кредитками и ценными бумагами. Дальнейшие поиски, в том числе и в 1927 году, результата не дали. Так что у монголов тоже есть зарытая часть золотого запаса России.

До сих пор не выплачена нам та доля золотого запаса, что хранится в запасниках парижских банков... В. Черномырдин, скрывшись от государственных вопросов в Киеве, до сей поры обходит красноречивым молчанием тему русского золота во Франции. Хотя, речь сегодня идет о немногом... не более 100 тонн золота!

Французы не забыли о царских долгах, а вот о том, что у них хранятся запасы российских банковских структур, - память отшибло...

Но еще хлеще обстоят дела с Японией. Эта страна, требующая денонсации

Договора о ее капитуляции и раздела территорий, отошедших к России в 1946 году, до сих пор не отдает ни России, ни представителям белоэмигрантских кругов “закаченные” в ее банки в первые годы революции 200 тонн золотого русского запаса,

“Комсомольская правда”, с присущим ей сарказмом, и, видимо, не без поддержки нынешней власти, на внутреннем развороте: заметкой “Макакам в Новый год - самое место - на орбите”, противопоставляет очень обстоятельную статью - “Япония, верни золотую значку”! (смотри - “КП” от 11.12.1996г.) По сведениям этой газеты, в Японии даже на официальные запросы официальные лица по-японски улыбаются и недоумевают: “Царское золото? Когда ж это было...”

Мало того, уже невозможно найти клерков из “Йокогама спейси банка”, в который были вложены остатки золотого запаса из Казани, а сотрудники из банка “Токио-Мицубиси”, поглотившего “Йокогаму”, вроде бы к этому вопросу сегодня никакого отношения не имеют...

Воды, конечно, с тех времен утекло много, даже... океанской. И американская авиация, бомбя японские города, “жалела” многие их предприятия, а уж банки – особенно. Зная, что у “Токио-Мицубиси” исходный капитал составляет не менее 600 миллиардов долларов, мы нисколько не сомневаемся, что более половины этого запаса - и есть наше, “казанское” золото!

В 1919 году, проворливыми колчаковцами было официально переведено в банк города Осака 200 тонн золота, при этом оговорено, что вклад может быть использован в банковских активах, - т.е. -пущен в оборот! Справка об активах банка “Йокогама” за 1920-й год гласит, - что его золотой запас ни с того - ни с сего увеличился с 75 миллионов йен до 150... Золотой запас России в Японии не появился за их “красивые узкие глазки”. Сначала и российские министры, и генералы - переправляли японцам золото в обмен на обещания поставок вооружения, потом - просто занимались эвакуацией наших ценностей. Но наш “добрососед” на Востоке ни оружия не поставил, ни процентов по вкладам не выдал, не вернул золотого запаса. Вот оно - откуда растут “ноги” т.н. “японского экономического и технологического чуда”! А мы идиотски верим в ИХ прогресс, ИХ умные головы, ИХ прогрессивный народ... Воры, да и только. Пытающиеся еще и сегодня отобрать у России Курильские острова, сроду японцам не принадлежавшие!

Это ли не КОЗЫРЬ в игре на ИНТЕРЕСЫ России в переговорах наших правителей с японцами?!

Плюй - не плюй в щелочки прищурившихся японцев сегодня, - от этого наша с вами жизнь в маленьком, захудалом Димитровградике, - лучше не будет. Наша местная казна богаче не станет. Вся надежда только на самих себя да свою сметку-расторопность!

Потому, дорогие мои земляки, расскажу я вам, - где еще в городишке нашем копать-поживиться можно остатками того - царского золотого запаса, да стать - не беднее казнокрадов в рублишках, завещанных прадедами!

Старый Мелекесс был основан и развивался под “присмотром” старообрядцев разных Толков, - бежавших от преследования Новой церкви, осваивавших новые пространства на границах Империи. Даже сам Григорий Марков, лавочник из Казанской губернии, своим торговым талантом и умениями создавший славу Мелекессу, был старообрядцем по вероисповеданию. А староверы обладали некими знаниями и тайной - о том несметном богатстве, тех сокровищах времен еще доледниковой Гардарики -

древнерусского государства, о запасах “Вар-Вар”, что по сей день хранимы староверами, никем не найдены, и не дают покоя многим исследователям. Наши старообрядцы не только основали на целый век городок Мелекесс, но за это столетие сумели, видимо, “насытить” его золотом, изумрудами, алмазами, - до поры, скрывая казну староверческую, перед ее передислокацией в края еще более дальние...

Мне пришлось заниматься вопросом, историей и проблематикой старообрядческих общин в России, в сибирских ее потаенных уголках, в Средней Азии. А оттого знаю: во время захоронения староверов в могилы с ними укладывают не только древние книги, иконы чуть ли не византийского письма, а также золотые “именные” чаши, нательные, наперстные кресты, украшения, утварь...

Многое из того, что по завету древнему передавалось на сохранение староверам, что тайно и из поколения в поколение передавалось и пряталось по избам, - было на сохранении и в нашем Мелекессе. Старообрядческая община и тогда в Российской Империи, где подвергалась смертельным гонениям и государства, и Новой церкви, была своеобразным притаенным государством в государстве. Есть такой термин в истории - “Катакомбная церковь” - определяющая до сей поры отношение старообрядчества и государства. А в 1698 году, когда было основано приграничное поселение Мелекесс, - оно стало своеобразным хранилищем на транспортном узле по переправке несметных древнерусских богатств в другие отдаленные и безопасные места.

На старообрядческой “Тропе” - из мест Архангелогородских и Беломорья - до Беловодья и Индской империи, - Мелекесс был не последней точкой, потому и его “Наставники”, посланные сюда для дел межгосударевых, исполнявшие доблестно свой “Урок”, несли свое судьбоносное предназначение - были “Хранителями”, указующими путь “Драгам”, удостоенными чести быть “Ведунами”...

* * *

Вратя не буду, а исторически достоверных фактов не найдено, - но смею высказать мысль и догадку почти крамольную: в Мелекессе хранились богатства из такой древней сокровищницы, из такого “Далека”, - что мы этого и сегодня оценить и познать не в силах... И подробно останавливаясь на проблемах “золотого запаса Империи и Колчака” лишь потому, что многие события, связанные с ним, происходили в наших краях, непосредственно затрагивая судьбы и действия наших предков. И, если бы власти были бы сегодня, в период наиболее интенсивных поисков клада “Российского”, более грамотны и мобильны, то бюджеты и области, и нашего городка могли бы быть существенно пополнены из прошлого, того, что завещали нам предки, и - при минимальных затратах на поддержку исследований...

Естественно, что за 250 лет все это было вывезено, потрачено, перепрятано настолько утонченно и профессионально, - что искать чего-либо - бессмысленно. Но золото - способно рождать Богатство. Из притаенного, сохраненного в стычках с разбоем, утраченного на оборудование укромного mestечка - многое осело на руках и самих Хранителей.

Мелекесс всегда (и в сю пору тоже) - был вотчиной Староверчества. Изгнанные Двором, патриархом-расстригой и их реформаторами, жесточайшим преследованием и сожжением “еретиков” на кострах, истинные хранители древней

Вёры и Божественного Предназначения Русов, стали изгоями в родных местах, кой заселяли степняки, ляхи, немцы, жидовины, разная чудь...

Оттого, первыми поселенцами на землях калмыцких в границах лесостепной зоны стали именно русичи (а не чуваши, как принято считать), беглые от репрессий Хранители Истинной Старой Веры. Достаточно вспомнить, что одним из Отцов-основателей посада Мелекесского стал Григорий Марков - истый старовер! Мне могут возразить, - сыновья-то старовера, вроде, как веры той уже не были привержены, строили нововерские храмы в Мелекессе, служили там требы, каялись, лобызали поповские дланы...

И спорить не буду! Тому, кто хорошо знает историю Староверчества, - и так ясно, что Великий Исход русских православных христиан (типа отшельнической семьи Лыковых в Красноярском крае, о чем много писали в прессе) - в конце концов стал из-за расстояний и преследований раскальваться на многие ручейки-секты. Главные из них и сегодня делятся на две ветви: "Поповцев" и "Беспоповцев". Тех, кто, сообразуясь с реальностью и обогатившись, формально строили новохрамы, отстаивали в них литургии, приносили хорошие пожертвования. Но - это в миру. Официально - первый и последний до революции Голова посада Мелекесса Константин Григорьевич Марков исполнял "по службе" - народу русскому, Царю и Отечеству" - все официальные представления, но дома имел свой молельный скит, где мог замаливать грехи перед истинной Верой и Истинным Богом!

Статистика гласит, что к 1900 году треть населения Симбирской губернии состояла из "беспоповцев", - наиболее ортодоксальной части старообрядчества: скопцов, хлыстов, "австрийцев", и других "Толков" - нетовшины, поморцев, даниловцев и т.д. Еще более высокий процент протестантов был в Самарской губернии, в которую входил и наш Мелекес.

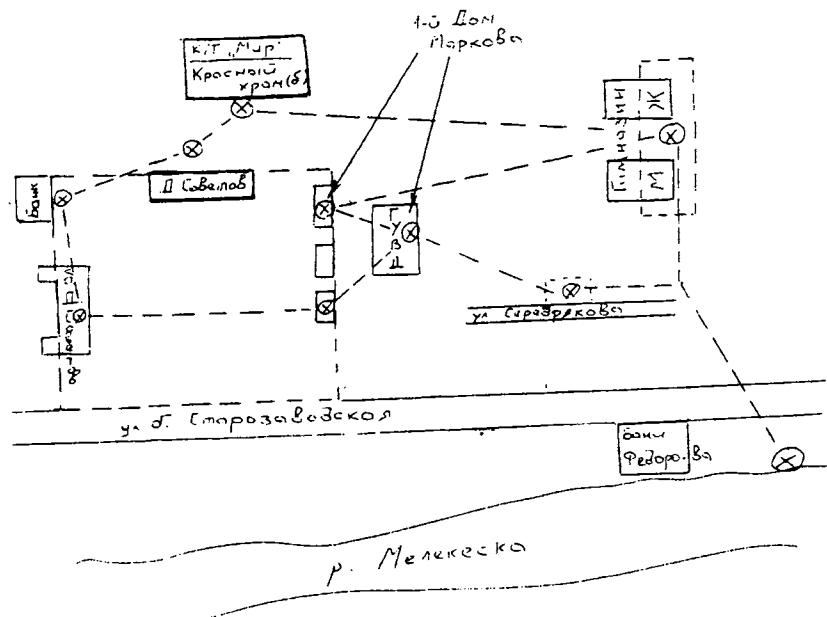
Взять, - соседствующий с нами Елховский район. Именно отсюда были вытеснены первые орды калмыков и, именно первая "волна" гонимых старообрядцев. В окрестностях села Берёзовка и по сегодня есть два холмасвятилища, языческие храмы жертвоприношений, совсем не обследованные и не очищенные от древнего добра археологами.

Уходя в степи, калмыки часть своего богатства оставляли в залог староверам, часть прятали в подземельях, частично просто бросали, вместе с домашним скарбом.

Начальник ПВС Елховского РОВД Татьяна МАРКОВА (жена дальнего родственника «наших» Марковых), коренная жительница здешних мест, ссылаясь на воспоминания своих прабабушек, утверждает, что в части села Елховка, сегодня именуемой - Низовкой, где было калмыцкое поселение на горке, есть старое калмыцкое кладбище. Еще в начале прошлого века елховчане раскапывали богатые клады из редкой старой утвари, золота. Подтверждением тому есть факт, что елховский Старый храм по своему достатку и массе редких и ценных пожертвований был одним из первых в губернии. А несли это все кладоискатели-староверы в храм, который был старообрядческим, но «поповским»...

Итак, вернемся к мелекесским "баранам". То же - может быть на наших улицах, в наших домах, под ногами у нас...

Первое и самое неожиданное даже для меня - это обнаруженное группой самодеятельных кладоискателей - старинного (скорее всего, первого на месте Мелекесского завода) кладбища, о котором и не подозревают власти! Захоронения, гробы и кости людей найдены этими ребятами, превратившимися в аквалангистов-археологов, найдены... на дне Среднего пруда (Марковского), прямо в центре старого города!

Когда детально стал в этом разбираться, беседовать со старожилами этих мест, изучать источники, - понял, что на этом месте, - до того, как здесь

Марковы сделали запруду и стали ставить мельницу (макет ее - около Краеведческого музея), - под горкой на берегу Мелекески было ПЕРВОЕ ГОРОДСКОЕ КЛАДБИЩЕ, лет на 100 основанное раньше, перед тем, ЧТО У АВТОВОКЗАЛА, ВЕДЬ К 1845-МУ ГОДУ В ПОСЕЛКЕ ЖИЛО УЖЕ: "1147 ДУШ МУЖСКОГО ПОЛА, РАБОТАЛО 691 МАЛОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ" - ПО ОДНОМУ - НА КАЖДОГО ИЗ 20 МУЖИКОВ!

Конечно, нигде более нельзя было хоронить покойников, как в отдалении от поселка - в районе запруды и - за три километра до чuvашской деревушки в районе Нижнего пруда! Старожилы подтверждают, что в сильное половодье по Среднему пруду иногда всплювают старые, черные дубовые гробы, тряпки, щепки. И пруд этот было принято никогда не чистить. А еще вспомним древнюю традицию старобрядцев: в могилу к покойному складывать редкие книги в золотых окладах, иконы, кресты, перстни...

Но, интереснее всего история о мелекесских подземельях, которые тянутся в центре старого города на многие километры!

А один из ходов - ведет прямо в один из самых известных банков города.

И - здесь-то никакая сигнализация не спасет банкиров, если дигеры, которые поведали мне эти истории, захотят заглянуть в подвалы банка... Хотя, что в наших российских банковских подвалах сейчас можно найти... Это вам, - не США, где ценности есть в любом деревенском банчке...

В этой части - мы приводим схему подземелий Мелекесса. На ней крестиками обозначены тайные входы в подземелье, а пунктиром - примерное направление ходов.

* * *

Чтобы не быть голословным, приведу тексты из газеты “Местное время” (14.08.03г.), автором которых является Алена Павелкина. В своей заметке “Клад купца Маркова ждет своего искателя”, она утверждает, что: “...в редакцию позвонил Игорь Фролов, являющийся потомком этого знаменитого рода”. Факт настораживающий! Я знаю одного известного человека в Димитровграде, из первых предпринимателей в постсоветские годы, владельца комплекса “Люкс”, который утверждает, что его прабабка была горничной у главы города К.Маркова и, благодаря своей внешности, “нагуляла” от главы Торгового Дома ребенка. Что род их с тех пор идет от... Марковых. Утверждение, конечно, спорное. Хотя и я, ссылаясь на “семейные” предания, и то, что моя бабушка Прасковья - старшая дочь Ф.Авдеева, управляющего конюшнями и парадным кучера главы города, - за “что-то...” получила именную стипендию и полный пансион в первой посадской женской гимназии, курировавшейся Марковым, могла стать “родоначальницей” побочной ветви купеческой семьи. Тем более, что она была блистательной “примой” в спектаклях местного Народного дома и особо привечаемой Марковыми актрисой...

Но дело не в деталях местных нравов и соитий, тем более, что достаточно вспомнить возраст Головы Мелекесса и сопоставить его с хронологией событий и преданий!

Павелкина, ссылаясь на Фролова, а тот - на свою маму- Людмилу Ивановну, уверяют, что Марковы зарыли клады в нескольких местах в Мелекессе... «в домах в Октябрьскую революцию были спрятаны клады купца Маркова...»

Ее дядя - Борис Григорьевич, тоже причислявший себя к купеческой династии, вернувшись в наш город с Дальнего Востока, все пытался отыскать схроны Марковых. И все говорил о доме, стоявшем на углу улиц “Горная” и “Самарская”, в котором позже располагался сельскохозяйственный техникум, в просторечии - “Козодой”. Не буду разуверять искателей. Здание (вернее, комплекс зданий) в том месте - старинное, потому, есть вероятность схронов. Но за последние десятилетия там многое перестроено, понастроено, возможно, клады и “ушли” в верные руки, потаенные знания. Я бы исследовал комплекс подвалов под старым и новыми корпусами нынешнего учкомбината, где есть вероятность находок. Но их пока никто не трогал и не реставрировал, Слава Богу!

Помните: закон суров, но справедлив! Найденный вами клад поступает в распоряжение государства. Лицам, обнаружившим его, - выплачивается только денежное вознаграждение. Хотя, и сегодня невыгодно - найти клад и сдать его государству. Тем самым вы попадете под подозрение и надзор. Выплаченного может и хватить на безбедную жизнь, но и государство не перестанет вас подозревать в укрывательстве, и криминальные структуры тут же станут “трясти” из вас излишки...

Кладоискательство к тому же - не занятие одиночек. Чем больше времени прошло с первичной даты схрона, тем дороже обойдется вам кладоискательство! Закон этот непреложен. Нужны усилия архивистов, историков, саперов, силовых структур... Требуются выносливость, мужество и удача от кладоискателей, чтобы создать целое научно-производственное объединение, а лопата и кирка - ныне худое подспорье!

По официальной статистике - кладоискательство стало в России увлечением десятков тысяч людей. И только потому, что на территории нашей страны было более всего в мире войн, бунтов, революций, иных социальных потрясений.

Профессиональный историк и кладоискатель Фрол Ямщиков в своем интервью

газете “Московские новости” утверждал, что “...в Туркмении - от Ташауза нужно взять направление в сторону Хивы. В этих местах сопротивление Советам продолжалось, пожалуй, дольше, чем где-либо в Средней Азии. Еще в сороковых годах гремели выстрелы басмачей. Но клад там относится к началу тридцатых годов. Руководитель одного из отрядов, курбashi, кроме идейной борьбы, баловался, современно говоря, ракетом. Он сначала обложил данью большинство купцов, которых здесь, на шелковом пути, было немало. А потом начал и вовсе грабить их, безжалостно пытая. Естественно, это вызвало к нему ненависть. Но навести на его след русские карательные отряды - спаси Аллах! Охоту за ним по просьбе местных жителей начали отряды других курбаш. В ночь перед последней для него смертельной битвой курбashi приказал поймать 16 змей... Затем, содрав с них кожу чулком, набил драгоценными камнями и закопал. А звездные координаты этого места заставил заучить каждого из 11 своих сынов, воевавших в его отряде. Семейное предание вместе со звездными картами попало в Афганистан. Во время “интернациональной помощи” тайна стала известна нашему армейскому полковнику. Тот, вернувшись в Союз, самостоятельно занялся поисками. У кладоискателей своя служба информации, и вскоре я встретился с обугленным безжалостным туркменским солнцем человеком, который пытался разбогатеть с помощью саперной лопатки. Пришлось объяснить ему, что нужны точные астрономические расчеты, нужна специальная техника, способная просеять сотни тонн песка. Ведь на месте клада не только выросли новые барханы, но “гуляя” по пустыне эти барханы могли сдвинуть его на десятки километров. Нужны данные по направлению ветров, скорости их, и тогда, введя их в ЭВМ и сверясь с ее прогнозом, молясь об удаче, можно рискнуть на поиск...”

Почему я так детально останавливаюсь на историях, вроде бы не имеющих прямого отношения к нашему краю? Но все дело в том, что на территории бывшего СССР, где военные и социально-политические коллизии происходили не только с отдельными людьми, семьями, но и с целыми народами, да и в 90-е годы прошлого века и - на нашей недавней памяти, - это уже открыло новые страницы в истории кладоисследования.

Я сам почти 30 лет прожил на территории Средней Азии, речь о которой шла выше. И, как историк, могу подтвердить и подкрепить известным мне версию Ямщикова. На территории, о которой он упоминает, в годы гражданской войны (скорее, - вплоть до 1947 года) шла непрекращающаяся борьба с басмачеством или - бандами сепаратистов, как сегодня принято говорить. Были они разного толка: таджики, бывшие подданные эмира Бухарского, узбеки, подданные ханов Хивинского - Асфендъяра, Кокандского - Ибрагим-бека, туркмены, подданные текинского курбashi - Джунайдхана, огузского - Клыч-Нияза, каракалпаки, возглавляемые Каракум-Ишаном и т.д. Многие из этих отрядов повстанцев базировались в Афганистане и Иране. Они действительно наносили своим бесчинствами большой урон в тех краях не столько советскому хозяйству, сколько своим согражданам, мирно уживавшимся с Советской властью. Места те - исторически богатые. Население - тоже не бедствовало. Многое из накопленного было надежно припрятано. Пойди - выкопай что-то на территории в две Франции, прикрытых песком и безлюдных, тропы в которых знают только немногие чабаны, дважды в год проводящие здесь свои отары!

В первые годы Советской власти в места эти, где русское население было представлено в основном ассимилированными в здешних условиях, ссылочными Екатериной II уральскими казаками, были направлены многие специалисты из России, в основном из Поволжья. Татары и башкиры, как роднозычные тюркам

- для образования местного населения и окультуривания его (учителя, артисты, писатели, пропагандисты) и, бегущие от голода русские, чуваши, мордва, солдаты, железнодорожные служащие, механики, земледельцы, специалисты других промотраслей... Так мой отец появился в семье своего дядьки на туркменской станции Бахарден в предгорьях Копетдага и у края начинавшихся там песков Каракумов. Именно в тех местах, где орудовали и "бухарцы", "хивинцы", и "текинцы" Джунайд-хана. Наши земляки и предки стали не только участниками борьбы с басмачеством, но и свидетелями награбленного ими богатства, иногда - участниками дележа отвоеванного у бандитов имущества, переправляемого за границы. О том, что богатства тогда на той территории было немало, можно утверждать, опираясь на факты изъятого в 80-90-е годы спецгруппой прокуратуры СССР Гдляна-Иванова в узбекских селениях. Спрашивается, откуда там могли быть золотые и серебряные монеты царской чеканки в количестве несметном или украшения, бриллианты дореволюционной выделки, оружие времен Первой мировой?.. Наследство местной знати: ханов, баев, ишанов, родовых старейшин всплыло ЧАСТИЧНО через 70 лет, и - вовсе не из заброшенных схронов! Мы, еще мальчишками, откапывали в старой Чарджуйской крепости и монеты, и горшки с вазами старинные, сабли, склоненные здесь с 1919-го эмирскими нукерами, местными повстанцами. Потому мне, потому бахарденского станционного телеграфиста М.Лачугина, "подогретого" рассказами отца, на виду у которого происходили и бои с басмачами, и дележ трофеев, и вылазки в горы или пустыню на "охоту", - не кажется легендой и рассказ одного из димитровградцев, старого геолога, ведшего долгое время в тех же местах разведку ураносодержащих материалов и, нашедшего огромный и легендарный схрон, оборудованный нукерами и приближенными министрами эмира Бухарского, который вторично перепрятанный, ждет своих открывателей...

4. Ищите - и обрящите!

Я понимаю, что многим сегодня хотелось бы знать точные адреса, наводки, координаты тех сокровищ, что до лучшей поры лежат в мелекесской земле! Но ситуация и время на столько не походящие к раскрытию некоторых секретов, что "черные археологи", не останавливающиеся ни перед чем, даже убийствами, - готовы жертвовать своими жизнями, ради тотального разграбления сокровищ, никому (или всем) принадлежащих в энное время. Да и не все еще наследники сгинули во тьме веков.

Карта-схема, что мы опубликовали это - лишь вольное переложение фактов автором, она настолько приблизительна, что можно перелопатить тысячу кубометров грунта, но так и не попасть в подземные ходы... Иное дело - ориентиры. О них можно говорить часами... Но эти разговоры ни к чему не приведут...

Дело все в том, что в 2003-м году, когда началось восстановление церковного храма Свято-Никольского (или - по-мелекесски - Белой церкви, третьего в истории храма Божьего). Мне лично пришло предупредить и мэра города, и спонсоров богоугодного дела о том, что на территории бывшего парка культуры и отдыха при центральной площади в Мелекессе, где богохульники на прицерковном кладбище, захоронениях расстрелянных священнослужителей, устроили танцевальную площадку и бильярдный зал с туалетом (!) - нельзя вести раскопов или устроения торгово-развлекательных рядов, - раскопы эти начали! Спустя пару дней, богохульники вышли на целый слой человеческих захоронений. Они -

в виде не засыпанной ямы до сих пор стоят при часовенке архимандрита Гавриила, в которой идет церковная служба!

На замечание, что нельзя оставлять кладбище раскрытым и нужно выставить охрану к могилам священнослужителей, - мне ответили, что на место должны прибыть археологи из Ульяновска и только после их работ и оценок, все будет предано вновь земле... А ведь так и оставили распахнутой эту рану Свято-Никольскую до сих пор! И кто поручится, что гробокопатели в одну ночь не содрали с мелекесских священников, захороненных здесь - их нательные кресты, перстни, не вырвали золотые коронки.

Суть исторического значения этого акта и последующих надругательств состоит в том, что никто, никогда, никак не задумывался о последствиях того, что может быть совершено на месте, где стоял истинно православный храм. Намоленый, убожествленный, принятый христианами-прихожанами, как единственно Господнее место в городе!

Мной, на основании фактов и воспоминаний очевидцев, было предложено чиновникам сначала, чтобы облагородить и отмолить место, забесованное в прошлом, точно определить: где был сам храм, где был из земли "Серебряный", животворящий источник, где было прицерковное кладбище. Но КОМУ-ТО нужно было, чтобы эти вопросы так и ушли в небытие! Потому, начав раскопы в части прихрамовой, - нашли сначала церковное кладбище (ныне - перед часовенкой Св. архимандрита Гавриила). Так и не преданные останки священнослужителей земле! Я в течение двух недель метался по инстанциям с предложением: сохранить откопанное, выставить охрану могил, точно описать найденное там. Думаете, что-то сделали?

Дело в том, что и Серебряный источник - святой водой наполненный, и хранивший тайны и подношения многих поколений мелекесцев, и прихрамовое захоронение священнослужителей, на которых сохраняли и нательные награды - в виде золотых с бриллиантами крестов, и тела с золотыми зубными коронками, - все это представляло огромную ценность...

В этой связи очень интересно, что т.н. архитекторы современного Дмитровграда - решили все же возвести новую церковь, взамен "БЕЛОЙ" там, где ЕЕ НЕ СТОЯЛО! Храм Свято-Никольский стоял на месте нынешнего паркового туалета, уходя своими пристройками в глубь парка. Пропущено - по известным нам уже причинам - место прицерковного, разграбленного кладбища, которое не добили, недореквизировали в 1935-м... Теперь вот, наверное, кое-что ушло в казну, Чью?

В свое время, во время встреч с мэром, я не раз предлагал: и обследовать подземные ходы с помощью дигеров, провести инвентаризацию церковных ценностей, найденных в раскопах, определить личности захороненных на площади, Установить караул во избежание дальнейшего разграбления могил священников некрофилами до прибытия археологов. Требовал подключить к работам по восстановлению храма мага и лозоходца - писателя Дмитрия Смольникова, который мог бы достоверно установить расположение храмовое и его источников ... но все было тщетно. Золотая лихорадка затмила глаза земляков-кладоискателей.

Интересно и то, что когда я предлагал организовать группу дигеров, чтобы исследовать знакомые нам подземные ходы, в которых уже обнаруживали и оружие (в т.ч. и времен пугачевской осады Мелекесса), сундуки с утварью, другие вещи, - мне было оказано всяческое содействие. Определен куратор от УВД, опергруппа ПМГ с рацией, чтобы держать связь с поземным ходом, оборудование, вплоть до миноискателей, был готов применить свои сверх способности в экстрасенсорике и лозоходстве один из уникальнейших жителей Мелекесса,

занимающийся разработкой этой науки, автор книги “Колдун” Дмитрий Смольников - требовалось только указать входы в подземелье тем, кого власти назначили в кураторы. Видимо, Бог удержал - состав группы не собрался вовремя. А потом вход в том месте, где мы собирались войти в подземелье, оказался завален и наглухо замурован! Что там, в мелекесских катакомбах, расположенных под старым городом, неизвестно до сих пор. Не думаю, что кто-то успел нас опередить или попытался сам взять “несметное богатство” из-под носа профанов, но ясно одно, - власти пытаются сегодня путем приватизации за копейки старых мелекесских предприятий и зданий найти ходы к “несметным, замурованным сокровищам”.

Огромный, систематизированный материал по тайным местам и кладам в Мелекесском районе - лежит пока мертвым грузом в моих личных архивах, скрывая имена факты, даты объемы... Интересно, что ни “черных археологов”, ни современные власти, не интересует фактологический сбор информации. При том, все уровни власти истерически недовольны недостаточным финансированием нынешних федеральных и муниципальных программ. Причем, подворовывая на выделенных фондах, никак не хотят использовать что-то из того, что им предлагается безвозмездно. Приложи хоть толику внимания, понимания и желания... Вот и копают нахраписто, по-хамски, бессистемно везде и все, кому не лень!

Говорю об этом вслух потому, что точно ЗНАЮ (просветил - старожил мелекесский): в районе улицы Вокзальной в старом Мелекессе при домике-усадьбе одного из купцов-основателей посада, захоронена его жена, а ее памятник из мрамора в полный рост и, представляющий определенную архитектурную и историческую ценность, в конце 50-х годов прошлого века был там и закопан. Там, где ныне пристанционные постройки, в земле лежит ростовой памятник голубого мрамора!

На бывшей улице НОВОСОБОРНОЙ, где в 1918 году был штаб Народной армии Комуча, при отступлении этих войск были закопаны не только определенные воинственные ценности, но и многие исторически ценные сегодня документы. Еще никто и никогда не занимался там раскопками

А сколько неисследованных особняков на бывшей престижной для купечества улице, (ныне - III-го Интернационала) живы в эти дни?

История Мелекесса-Димитровграда хранит многие тайны, многие знания, многие богатства, многие судьбоносные хитросплетения. И не только эта история, а многие другие, связанные, например, с тайной захоронения сокровищ эмира Бухарского... Но - это отдельный и более предметный разговор, но ТОЛЬКО С СЕРЬЕЗНЫМИ ЛЮДЬМИ.

На грани эпох

Жуткий «зверь» впервые был пойман в Мелекессе

Мы отметили уже более 90 лет со дня свершения Октябрьской социалистической революции. Я же предпочитаю иное ее название, данное этому событию еще в том же 1917-м году первыми освободителями от большевизма – Октябрьский антправительственный переворот...

Подавляющее большинство имен тех, кто готовил переворот, кто с оружием в руках боролся против монархии и либерально-демократических сил в России забыто за почти вековой отрезок времени. Тем более, новое поколение новой России не знает этих жестоких деятелей даже по учебникам. Но уроки истории следуют знать, хотя бы потому, чтобы они не повторились!

Наш маленький в то время Мелекесс, а ныне немногим больший Димитровград, - имеют к этой террористической и преступной деятельности видных большевиков-лидеров самое непосредственное отношение. Несколько лет назад я уже писал об этом. И вот – новые факты и материалы о работе в подполье, в том числе и в Мелекессе, одной из «пламенных ленинских революционерок» - Марии Моисеевны Розенберг, имевшей множество кличек, основные из которых – «Эссен» и «Зверь». Последняя дана ей лично Ульяновым-Лениным.

I. Обделенная детством

Начальные годы жизни Марии скороговоркой описаны Верой Морозовой в ее книге «Побег из Олекминска». Мы узнаем, что Маша родом из Самары. Ее отец – Моисей Розенберг был мелким служащим на железной дороге. Вначале семья жила тихо и дружно. По праздникам отец одевал «костюм с галстуком, цеплял даже золотую цепочку для часов. В доме приятно пахло вымытыми березовыми вениками полами, печеною картошкой жареными котлетами. Родители с детьми распевали песни хором...».

Но вот детей стало пятеро. Снижен отцовский заработка. Моисей от безысходности запил. А в народе говорят: если еврей начинает пить, то это всерьез и надолго! Так и здесь – отец пропивал всю зарплату, тащил вещи из дома, дрался, жизнь пошла впроголодь. У матери – домовитой и добродорядочной немки, начались нервные срывы, а денег на лечение не было. Так она до конца своих дней попала уже в психиатрическую больницу.

Вслед за первым ударом на их семью свалилось новое несчастье – утонул в Волге младшенький из пятерых детей – Фима. Братья Марии покинули дом, поехали искать свое счастье на чужбине. Старшая сестра Анна вышла замуж, но, по словам ее - муж И.Хмельницкий – «был плохим человеком». Старшие братья, хотя и стали деловыми, но не преуспевающими людьми. Нужно сказать, что все дети, видимо, протестуя против отца, взяли себе фамилию матери – Эссен. Под ней они и стали известны в революционной среде.

Страсть к знаниям, деятельная натура Марии приблизили ее к народовольческим молодежным кругам. Она окончила курсы медсестер и, получив задание от комитета помощи голодающим крестьянским семьям в Поволжье, организованным писателем Львом Николаевичем Толстым, двинулась организовывать медицинское обслуживание и благотворительную столовую в деревню Екатериновку. Сегодня эта деревенка осталась чуть в стороне от трассы Дмитровград-Самара, там, где находится традиционная для автомобилистов стоянка «Родник». Место это известно и тем, что здесь у слияния речек Кондурча и Сок всегда можно было прикупить у местных жителей выпечку или вареных раков...

А в тот год, когда М.Эссен жила среди ужасов голодающего населения, страшных голодных бунтов крестьянских и их подавления карательными отрядами, среди выгоревших лесов и полей, в центре эпидемиологических заболеваний, - можно представить, как менялось и ужесточалось ее мировоззрение. Вскоре она покинула родные края и уехала к брату, зарабатывающему на жизнь певчеством, в Екатеринославе (ныне - Днепропетровск).

II. Первые опыты

Здесь, прежде всего, следует отметить, что в мире началась в то время массовая организация масонства, его структуризация. В Базеле прошел 1-й конгресс сионистов, организованный Теодором Герцлем. В США, в г.Чарльстоуне был образован Святейший престол верховного патриарха с Альбертом Цайком во главе. В Риме и Берлине – Административные директории. В Вашингтоне, Монтевидео, Неаполе и Калькутте – Великие центральные директории. Вице-директория для Африки – в Порт-Луи на о.Маврикий. А вся планета Земля была поделена на 77 подчиненных им Треугольных провинций. Такой «столицей» масонов Украины, Кавказа и Румынии, 62-й по счету, стал г.Екатеринослав...

Первые осознанные организации с коммунистическими идеалами (и близкие масонству) распространялись по России от группы «Освобождение труда» (основоположники – Дойч, Аксельрод, Плеханов) в виде начальных кружков.

После недолгой работы в Екатеринославской шляпной мастерской госпожи Постниковой и изгнания оттуда за распространение бунтарства среди мастеров, Мария Моисеевна начинает посещать «плехановские» кружки в Екатеринославе. Затем практикуется в революционной работе в Одессе, Киеве. И, наконец, как организатор, направляется для подъема подпольной работы в Саратов. Выбор не случаен. Здесь, замужем за «плохим человеком» И.Хмельницким, живет сестра

Анна. Здесь же, впоследствии, поселятся политкаторжанка Мария Петровна Голубева, вышедшая замуж за ссыльного В.С.Голубева.

Мария Петровна станет и секретарем городского комитета РСДРП, который в первый приезд организовала в Саратове ее ближайшая подруга М.М.Эссен. Удалось Марии Моисеевне устроить и судьбу своей старшей сестры. Та уходит от Хмельницкого и вместе с новым мужем В.А.Голубевым уезжает в Мелекес. Ее новый муж работает бухгалтером посадской Управы и по совместительству заведует посадской общественной библиотекой. А 11 марта 1917 года на некоторое время возглавляет в Мелекессе новую властную структуру (после почти 40-летнего стажа Головы посада К.Г.Маркова) – становится председателем посадского Комитета народной власти от Временного правительства России.

Как видим, мелекесские родственники Марии Эссен были людьми непростыми, образованными, деятельно участвующими в революционных событиях.

Марию Моисеевну, как организатора революционных кружков и агитатора уже хорошо знают в России. По поручению партии она работает в Саратове, Киеве, Самаре, Москве, Санкт-Петербурге. В 1898 году получает ответственное задание – выехать в Екатеринбург, завести туда типографское оборудование, наладить выпуск политической литературы, копирование и распространение газеты «Искра». Нужно отметить, что эта нелегкая работа в условиях полной конспирации и жизни по чужим документам, организация местных сочувствующих революционерам жителей, всего за год ее пребывания в Екатеринбурге, была блестяще исполнена Марией Моисеевной. Здесь она впервые обрела кличку – «Анна Собакина». Под ее руководством активизировался городской комитет РСДРП, началось массовое распространение литературы партии по всей стране. И это за пять лет до появления в Екатеринбурге будущего организатора мощнейшей террористической организации «Лесные братья», руководителя кровавых боевиков-убийц, а после 1917 года первого президента России, председателя ВЦИК Я.Свердлова (Янкеля Мовшевича Гаухмана).

Далее в скобках в тексте будут также даны подлинные имена и фамилии руководителей-большевиков, имевших обычай скрываться под кличками. Там же в Екатеринбурге «братья-боевики» Свердлова расстреляют не только всю царскую семью, но по приказу своего «пахана» - даже Ардашева – мужа родной сестры матери В.Ленина...

Побывав в столице и нагрузив багаж новинками политлитературы, Анна Моисеевна по пути на Урал решает заехать отдохнуть в гости к сестре.

III. Мелекесские сыщики «утерли нос» екатеринбуржским

То, что Марию Эссен уже разыскивали по всем уральским губерниям, было известно. Уж очень насыщенный революционной работой след тянулся за ней. Но, поднаторевшая за это время в языках (французский, немецкий), изучившая манеры аристократии, умевшая прикидываться купчихой и рабочей девушкой, Мария умело обходила все засады.

Теперь заглянем на 128 страницу книги Веры Морозовой:

«...решила по дороге заехать к сестре в Мелекес, хотела установить, нет ли слежки. Анна была старшей. Встрече обрадовалась и, всплакнув, какая Мария-

бледная да худая, принялась ее откармливать блинами да киселями. Мария отсыпалась, никуда не отлучалась, чем очень радовала сестру. Вспоминали дом, мамочку и Фиму. На сердце было легко и радостно. И вдруг ночью звонок. Залаяла собака, потом завизжала, словно от удара. Анна вскочила в ночной рубахе и долго не могла сообразить, что приключилось. Мария все поняла – схватила детские рубашонки и начала кидать в корзину с рукописями.

Первым вошел дворник. Был второй час ночи, а дворник в холщовом фартуке! И какой-то невзрачный тип. За ним гражданский ротмистр. Значит, будут брать независимо от результатов обыска. Вздохнув, Мария принялась пришивать белые манжеты и воротничок к платью. Ротмистр улыбнулся подобной предусмотрительности. Обыск делали торопливо. Мария казалась совершенно безучастной. Переговаривалась с сестрой, пытаясь ее успокоить. Но когда жандарм с бородавкой на носу сунул руку в лульку, где лежал трехмесячный сынишка Анны, Мария возмутилась: «Ребенка-то пожалейте... У него корь... Я в этом доме не живу, как вам известно, и что может быть в пеленках?» - Мария требовательно посмотрела на ротмистра, и тот остановил жандарма.

Хотя она была возмущена, но дело не обошлось и без лукавства – в лульку спрятала адреса, полученные в Петербурге для работы на Урале.

- Одвайтесь, госпожа Розенберг... - процидил ротмистр и стал перебирать то немногое, что считал нужным приобщить к делу. – Ваша подлинная фамилия Розенберг, а не Эссен, как изволите утверждать.

- Прошу дать мне десять минут, - Мария прикусила нитку и ловко приладила манжету к правому рукаву. Отстриялась и, довольная, принялась снова шить.

Плохо дело: и фамилию настоящую раскопали!

Ротмистр покачал головой: ну и самообладание у девицы!

Анна взяла ребенка на руки, беспомощного с болтающейся головкой. Ребенок проснулся и весело потянулся к Марии. Та улыбнулась и поцеловала ему ладошку.

- Мария, к чему эти манжеты? Тебя же в тюрьму забирают, - с надрывом сказала Анна и, поняв суть происходившего, заплакала. - Лучше скажи, что из вещей приготовить?

- Манжеты чистые – это залог хорошего настроения. Пришивать их мне не придется года два.

- Какая ты еще глупая! – сквозь слезы улыбнулась Анна и поцеловала сестру.

- Значит, все известно! – не без удивления заметил жандармский ротмистр. – Интересно получается: в тюрьму пожелали...

- Я бы и дня в тюрьме не провела, но раньше чем через два года отпустить будет неприлично. – Мария развернула ситцевый платок и стала укладывать вещи.

Мешали слезы сестры. И подумала о том, как плохо, когда тебя уводят на глазах родных.

- Согласна, согласна, давай шерстяные чулки и теплую шаль, - сказала сестре.

Потом ее отправили в Уфу...»

Из вышесказанного для нас важно, что в 1899 году Голубевы появились в Мелекессе. У Анны Моисеевны здесь родился сын Александр. И фамилию он носил по его отцу – первому мужу Анны Моисеевны – Хмельницкий. Голубев был всего лишь его отчимом.

Александр Хмельницкий, учась в посадской мужской гимназии, организовал там народовольческий кружок из гимназистов. В 1917-м стал первым организатором коммунистической молодежи. Писал стихи, помогал Е.Аблову издавать в Мелекессе первые газеты, активно в них сотрудничал как автор. Был на работе в уездном исполнительном комитете, уездном комитете РСДРП. В 1918

году в рядах посадской красногвардейской дружины участвовал в обороне Мелекесса и Симбирска против частей Народной армии Комуча. Затем был направлен на подпольную работу в посад. Где был схвачен контрразведчиками генерала Каппеля и расстрелян.

Видимо, царившее в их семье вольнодумство, пример, судьба и героическая биография тетки Марии, - стали для молодого человека смыслом его недолгой жизни. Именем А.И.Хмельницкого названа улица в городе.

IV. Посадские полицмейстеры и не подозревали, какого жуткого «зверя» словили в Мелекессе

Первый арест, тюремное заточение, а потом ссылка в Олекминск, отстоящий от Геркутека и железной дороги на две с половиной тысячи верст, глубоко в тайге. Но именно в тюремных одиночках, на пересылках, в таежной колонии политсырьевых воинстину выковываются ее «железный» характер, воля. Никому и никогда не удавалось сбегать из этих мест. Тем более - зимой, когда морозы под шестьдесят... А Мария Эссен, спрятанная в ящик на конных санях, взяв до Иркутска 6000 пельменей, с помощью верного друга – Кудрина уходит в зимний побег!

Скрываясь от полиции, Мария Моисеевна покидает Россию. Она побывает в Швеции, Польше, Германии, Франции и, наконец, в Швейцарии. Там новый член РСДРП, тем более такая красивая, молодая, раскованная женщина сразу же привлекает внимание руководителя партии и редакции «Искры» - Владимира Ленина (Владимир Ильич Ульянов).

Эссен учится партийному делу и конспирологии, работает секретарем у Ленина. Даже... живет в одной квартире у Ленина и Н.Крупской. Ильичу в ней нравится все: свобода нравов и бесшабашность, молодой задор и веселый характер. После ужина, вечерами, они часто поют дуэтом. Часто втроем ходят на прогулки. Ильич любит брать напрокат лодку и загребать на ней часами по Женевскому озеру. Причем, неизменно его в водных, как и горных походах сопровождает авантюристическая натура – М.Эссен. А на берегу часами ждет их возвращения жена вождя – Наденька.

Именно Ленин, отправляя Марию вновь в Россию, уже в горнило первой русской революции 1905 года, лично инструктирует ее, как нужно вести боевые действия против жандармских частей. И она, оправдывая данную ей кличку вождем большевиков Лениным – «Зверь», - кидается в гущу революционного бунта в Варшаве, Одессе, Киеве, Минске. Она уже не просто боевик, умеющий пращей подсечь ноги жандармской лошади или кинуть в наступающих солдат бомбу, - она руководит целыми отрядами боевиков, создает склады вооружений. Потому что с 1902 года она – член ЦК РСДРП(б), личный посланник вождя в российские парторганизации.

В Петербурге она меняет на посту руководителя военного комитета горкома партии, своего старшего брата Александра, который работал здесь под кличкой «Бур». Он и его жена Нина Львовна Эссен-Розенберг временно отходят от практических дел. И Мария Моисеевна лично водит в леса рабочие дружины, обучая их стрельбе и бомбометанию, силой своей коммуникальности проникает даже в криминальную среду, вербую бандитов на поддержку революции.

А В.Ленин, беспокоясь за судьбу своей подруги, вопрошают в письмах к российским соратникам – как там справляется со своей задачей «Зверь»? Особо доверенных спрашивает открыто: «Как там мой Зверек?». И уже требует ее к себе в Женеву.

Людмила Сталь, Елена Стасова, и полуусумасшедшая от варварских убийств, кончившая жизнь выстрелом в висок из пистолета Евгения Бош, ее коллега по «заплечным» делам в ЧК и самая кровожадная ликвидаторша оставшихся в Крыму русских офицеров Розалия Самойловна Землячка (Залкинд) – все они были подельницами и подругами в боях 1904-1906 годов, а потом в эмиграции.

Имя Марии Моисеевны также стоит в этом неправедном ряду революционерок. И, хотя в Российской жандармерии ее знали как самую недисциплинированную арестантку, самую изощренную в побегах из ссылок политкаторжанку, она всегда своей респектабельностью и привлекательностью на волне годами водила сыщиков за нос. Первый мелекесский арест стал для нее хорошим уроком. Потому в нашем городе она больше не рисковала появляться. Теперь в ней было не узнать и ленинского боевика «Зверя». Клички ее были облагорожены: «Сокол», «Нина Львовна», «Уварова», «Зинаида Дошина», «Инна Гобби», «Шикарная», «Берцинская».

О ее боевой работе вспоминают с одобрением другие, не менее именитые большевики-ленинцы: Александр Шлихтер, (впоследствии, комиссар наркомпрода и наркомзема, полпред в Австрии, вице-президент АН Украины, кличка – «Никодим»); Розалия Залкинд («Землячка», «Муха» - под этими кличками она работала в Екатеринославе; впоследствии, – член комиссии совконтроля); Моисей Фрумкин – А.Германов (член партии Бунда, кличка «Рубин», был арестован в полицейской засаде на московской квартире сестры В.Ленина – Марии Ульяновой – кличка «Джеймс». Впоследствии, – зампред Сибревкома, зам. наркомфина СССР); Николай Скрыпник (урожден в Екатеринославской губернии, клички – «Валерьян», «Скрипкин», «Дрозд», «Щур», «Глассон», Щенский. Впоследствии, используя опыт своей работы в бандах «братства» Свердлова в 1902-1903 гг., работал в ВЧК, комиссии Госконтроля, Коминтерне, НКВД и Наркомюсте Украины).

Именно Скрыпника сменили на посту военкома в Петербургском комитете РСДРП(б) А.Эссен и М.Эссен. Фрумкин входил в тот же партком вместе с Н.Эссен-Розенберг, Е.Стасовой, приват-доцентом Леманом и питерским рабочим Миллером (Незлобин). Все они отмечали неистовый характер ленинской посланницы и члена ЦК – Марии Эссен.

Интересны здесь и воспоминания старой большевички, родной сестры рано погибшего революционера-искровца Богдана Кнунианца (Радин) – Фарандзэм Минаевны Кнуниянц («Фар»). Ее второй муж, тоже знаменитый революционер Александр Серебровский (впоследствии руководитель Главнефти и Главзолота), встречался с семейкой Эссен: «В Одессе тов. Барон (Эссен) дал мне паспорт на имя Алексея Ухова, и некоторое время я благополучно работал в Николаеве, а затем – в Одесском комитете большевиков». Так рассказывает сам Серебровский, бежавший в 1904 году по пути в Шуйскую тюрьму. А.Ф.Кнуниянц пишет: «Познакомилась с ним (Серебровским, - авт.), молодым рабочим Путиловского завода, на явке организатора Выборгской стороны – у товарища Барона (Эссена) в сентябре 1904 года. Барон сказал, что через него я буду поддерживать связь с Путиловским заводом...»

И здесь происходит небольшая путаница. Ибо сама Мария Моисеевна вспоминает, что в 1906 году она: «жила вместе с приятельницей Лицией

Христофоровной Гоби... устроилась на буржуазной квартире. С зеркалами и красной мебелью. Квартира благополучная, и когда в городе начались аресты, то к нам перебрался и муж, известный в подполье под псевдонимом Барон».

Ей редко приходилось жить с мужем под одной крышей. Они редко тогда встречались, соблюдая конспирацию. Видимо, Барон, как и жена старшего брата Марии, взял себе ее фамилию. Так Эссенам приходилось дурачить полицию. Я пытался выяснить подлинное имя Барона, но в энциклопедическом словаре «Гранат» бывшие деятели революционного движения упоминают только двух Баронов. Один – латышский поэт и издаватель. А во второй – явно «Эссен». Вместе с С.Кировым (Костриков) он налаживал типографию в Томске, где они и были арестованы. Известно только, что Барон был приговорен к ссылке. Сумел ли вернуться оттуда к своей Марии?

И последнее. М.М.Эссен – член ЦК РСДРП. Однако в 1917-м она примкнула к фракции т.н. «Интернационалистов». А в ВКП(б) вступила только в 1920-м, когда в компартию почти полностью вошел еврейский «Бунд»...

Она заведовала отделом агитации ЦК Компартии Грузии. В 1925-м переехала в Москву, где работала в Госиздате, Институте Ленина, в Коммунистическом институте журналистики. Скончалась в 1956 году в возрасте 84 лет.

Война, в которой погибла Россия

I. Должна была бы Россия погибнуть?

Мелекесс.

К 1900 году, т.е. началу XX века посад имел: капитала (без профицита бюджета) – 340000 руб.

В 1914-м году: 18 крупных предприятий губернского значения; оборот товаров, с отчислением в посадский бюджет – 3000000 руб.; 2 банка; казначейство; все это на 15000 человек...

Продукция мелекесских предпринимателей поставлялась во все крупные населенные пункты Волго-Камского региона, Москву и Санкт-Петербург; конкурировала с товарами европейских производителей на Европейских ярмарках в Цюрихе, Стокгольме, Лозанне, Женеве, Берлине...

Россия:

страна, родина многих народов. Империя – имела 167 млн. душ, в т.ч. 109 млн. русских или 2/3 всего населения;

сословный (избирательно доступный) слой в России составлял: на 1000 душ – приходилось 771 крестьян, 107 мещан, 66 инородцев, 23 казака, 15 дворян, 5 священнослужителей, 5 почетных граждан и 8 прочих;

на 1914 год производство русского главного вида продукции на экспорт – зерновых культур – превышало на 28% такового – в Аргентине, Канаде и США вместе взятых;

в 1912-м году русский экспорт зерна составлял 968,7 миллионов пудов на сумму свыше миллиарда рублей золотом;

за 15 лет поголовье лошадей увеличилось на 37%, крупного рогатого скота на 63%, добыча каменного угля возросла на 306%, нефти на 65%, золота на 43%, меди на 375%, хлопка на 388%, сельхозмашин на 744%, других машин на 400%;

удвоился морской флот России;

в действии была 81 тысяча километров железных дорог;

русские налоги были самыми низкими в мире.

Ежегодно открывалось около 10000 школ.

К 1914 году Россия лидировала в мире по сталелитейному производству, выращиванию хлеба, добычи меди, никеля, молибдена, строительству дорог, уровню заработной платы...

В этом и кроется ответ на вопрос – «Должна ли была Россия погибнуть?»

Если бы не было повода втянуть Русскую Империю в Мировую войну, - западному капиталу пришлось бы срочно такой повод придумывать. Ибо: за пятилетие такого мирного, наступательного, прогрессивно-технологического развития, - Россия попросту бы экономически аннексировала Европу, разорив ее финансовых воротил!

Вот та главная причина, по которой разыгран сценарий Мировой бойни, из нее уже ни Россия, ни ее Монарший дом не смогли выйти победителями...

II. Всегда... сербы?

Бессстрастная историческая статистика гласит: с 1055 по 1462 годы было совершено 245 нашествий на Русь ее ворогами. С 1240-го по 1462-й годы Русь выдержала 200 войн – т.е. почти ежегодно нам приходилась отбиваться от разных посягательств на наши земли...

С XV века – времени возрождения Русского государства – до 2004 года (около 500 лет) – Россия участвовала в 330 войнах! Если же взять период – от Куликовской битвы, – до заключения Брестского мира, то окажется, что мы 334 года жили в беспрестанных войнах: с Польшей было 10 войн (за 64 года), со Швецией – 8 (за 81 год), с Турцией – 12 (за 48 лет), с Литвой – 5 (за 55 лет), с Францией – 4 (за 10 лет), с Крымом – 8 (за 37 лет), Персией – 4 (за 28 лет), с монголами – 7 (за 130 лет), с Хивой – 4 (за 6 лет), с Кавказом – 3 (за 15 лет), с Австро-Австрией, Австро-Венгрией и Германией по разу за 4 года...

И здесь же было особенно выделил войны с Турцией, Крымом и Германией, где так или иначе, русские войска шли на помощь братским славянским народам: болгарам, сербам и черногорцам, а сегодня остается только пожалеть об этом...

Так, или иначе, «нерв» боевых действий сходился на узле противоречий крохотной территории под именем Босния и Герцеговина...

Нам хорошо памятны недавние годы гражданской войны в распадающейся Югославской республике, где опять-таки самым уязвимым местом стала Босния и Герцеговина – место, в котором нет своей «боснийской» народности: здесь – 45% сербов, 23% – хорватов и 25% – албанцев и турок. Причем, есть люди, – католики и православные, есть – не мусульмане, но исповедующие ислам (выходцы из сербов или хорватов), называющие себя боснийцами...

Естественно, место, где перемешаны прежде всего национально-религиозные взгляды (православные сербы, католики хорваты и мусульмане), где сосредоточены запасы железной руды (до 50% от всей Югославии), столько же энергетических мощностей, 95% добычи всей югославской руды, марганца, бурых углей, лигнитов и каменной соли, бокситов, а в сельском хозяйстве – табака и винограда, – не может не быть предметом раздора не только балканских государств, но и европейских, крупных империй.

И только интересы России в этом «нервном узле» носили всегда чисто политico-этнический характер.

Но как бы то ни было, и за такой «гуманитарный» интерес Россия и ее монархи взвывались в войны пять раз! Екатерина II-я в 1774-м и 1787-м годах. Николай I – в 1853-м, Александр II в 1877-м, Александр III в 1885-м, Николай II в 1914-м...

Об одном интересе России к узлу на Балканах мы сказали. Но здесь следует отметить, что существуют и некоторые личностные «монаршьи» интересы. Например, накануне первой Мировой войны, лидер военной партии в России великий князь Николай Николаевич (дядя царя) был женат на царевне Анастасии – дочери Черногорского князя. Свои родственные интересы здесь имели и начальник Русского генштаба Н.Н. Янушкевич, и русский атташе в Белграде – полковник В.А. Артамонов, и его заместитель А.И. Верховский (ставший позднее военным министром в правительстве Керенского).

Возвращаясь к истокам первой Мировой войны, (которую в России долгое время называли «отечественной»), нужно представить ту обстановку которая сложилась в мире с 1909 года. Войны – локальные и межрегиональные не утихавшие на всех континентах, заставляли мощные империи и республики

производить самые серьезные приготовления к войне мировой, за свои интересы. В 1909 – междуусобица в Турции. 1910 – беспорядки и боевые действия в Португалии. 1911–12 гг. – революция в Китае. Итальяно-Турецкий конфликт вблизи границ Сербии. 1913 г. – беспорядки в Китае. Война Греции с турками (и опять у границ Сербии). Беспорядки в Македонии, ЮАР, Албании...

Год 1914-й не принес утешения и умиротворения. Начались беспорядки, (ныне ставшие традиционными), в Ирландии. Разразилось сразу два марокканских кризиса и столько же на Балканах, куда были втянуты Турция, Албания, Франция и Австро-Венгрия ... Еще в декабре 1913-го, чин Госсовета Российской империи П.Н.Дурново пишет свою знаменитую аналитическую записку на имя императора Николая II, где говорит о неизбежности Мировой войны и предостерегает монарха от вступления в нее, ибо, считает он, - это равносильно гибели России...

28 июля 1914 года рушится хрупкое двуединое управление Боснией и Герцеговиной монархами домами Габсбургов и Карагеоргевичей...

Созданные друг за другом радикальные националистические организации боснийских сербов «Народна Обрана», «Единение или смерть», «Черная рука» (под руководством начальника разведки сербского генштаба Драгутича Дмитриевича – «Апис»), - студенческое общество демократической молодежи «Свобода». Они все одновременно начинают решать задачу о значимом терракте, могущим стать началом большой войны...

На Видов день – в день освободительной для сербов исторической Косовской битвы – Чабранович бросает бомбу в свитский кортеж эрцгерцога Франца-Фердинанда. Неудачно... Взрыв только вызывает панику на улицах Сараева – столицы Боснии...

Точными выстрелами из пистолета в тело монарха Австро-Венгрии дело довершает 18-ти летний студент Гаврила Перинцип. Конечно, террористы были схвачены, расследование длилось десятилетие. Но истинные мотивы и подоплеки этой акции, ставшей первопричиной Мировой войны, - не вскрыты точно и сегодня. Был уничтожен один из террористов - Богдан Жербич. Данило Илич, Владимир Гачинович и Гаврила Принцип в судебном процессе показали, что кроме оружия, бомб, специальной подготовки в

стрельбе, в их арсенале был и ... цианистый кальций... Принцип кончает жизнь самоубийством. Погибают, заметающие следы помощники «Аписа» и организаторы теракта Цыганович и Танкосич. Сам «Апис» расстрелян 26 июня 1917 года...

Остаются только их обрывочные свидетельства о том, что тот зловещий для мировой истории, а для России самоубийственный теракт, готовился, прежде всего, под руководством таких деятелей российской социал-демократической партии, как: Натансон, Мартов, Луначарский, Троцкий, «Серж», Радек, проживавших в эмиграции и ведущих русофобскую политику на деньги германского и американского капитала...

Г. Принцип (из речи на судебном процессе): «Масоны в Европе уже в 1913 году постановили: убить эрцгерцога!»

К. Радек (на процессе 1937 года): «Если бы я скрыл эту правду (о событиях, предшествующих выстрелу в Сараево), ушел с ней из жизни, как... Зиновьев и Мрачковский... то в момент смерти я слышал бы проклятия людей, которые погибнут в будущей войне...»

Граф Э. Роветлов: «...все выдающиеся личности, частично и правители стран, сражавшихся против центральных держав, были масоны 33-й степени по шотландской иерархии с центрами в Англии и САСШ»...

Но – главное предостережение прозвучало от... убиенного эрцгерцога.

Франц-Фердинанд: «Я – никогда не поведу войну – против России. Я пожертвую всем, чтобы война между Австро-Венгрией и Россией не закончилась или свержением Романовых, или Габсбургов, или, может быть, свержением обеих династий.

Войны с Россией надо избежать потому, что Франция к ней подстремкает, особенно французские масоны и антимонархисты, которые стремятся вызвать революцию, чтобы свергнуть монархов с их тронов».

Так, большая политика и амбиции социал-демократов, совпав с интересами капитала во Франции, Германии, САСШ, - стали предметом мировой войны, втянувшей в себя более 25-ти государств. А точкой отправления «ТУДА» – вновь стала Сербия.

III. Россия, губернии, уезды – далее везде!

По сути, - война Австро-Венгрией России была объявлена еще в июне 1914-го. Но произошла 27 июля 1914 года, когда австро-венгерские войска, перейдя Дунай, блокировали уже столицу Сербии – Белград.

Призыв в Россию касался только ПРАВОСЛАВНОГО населения в возрасте – от 19 до 43 лет. Притом, указ Императора только ПРЕДЛАГАЛ мобилизуемым, в течение 3-х дней зарегистрироваться в мобпунктах (уездных). Правда, как всегда на Руси, действовало распоряжение – всем, кто избегает армейской службы – приговор один: смертная казнь!

Подобный призыв не означал вовсе, что все мобилизованные и совершенно не обученные люди завтра же займут свое место в окопах на передовой...

В действующую армию направлялись только кадровые части боевого состава, окончившие временные армейские школы прaporщиков в ПРИФРОНТОВОЙ полосе, выпускники полного курса Павловского, Александровского, Алексеевского, Михайловского, Николаевского военных училищ юнкеров, на правах вольноопределяющихся (студентов вузов), окончивших 4-х месячные курсы по первому разряду...

Рядовой состав из мобилизованных – проходил службу и подготовку в течение полугода в запасных ротах и полках третьего эшелона. В нашей местности такие части были в Самаре, Инзе, Сызрани, Симбирске.

Но – народ хорошо понимал, что за полгода тыловой подготовки – ТАКАЯ война не кончится. Потому, в Мелекессе, провожая призывающих даже в запасные полки, - выли в голос! Предполагая, что, возможно, ушедшие уже ни когда не вернутся...

Самой популярной, почему-то, в те времена была песня волонтеров: «На Берлин! На Берлин!», - хотя Германия еще не вступила в боевую конфронтацию с Россией.

Под балалаечный бой на мобпунктах в Мелекессе слышались частушки:

*Что это такое?
Сразу три набора!
Взяли брата и отца,
Берут ухажера!
Я под мерку становился,
Мерку – вышиб головой.
Мне начальники сказали:
- Ты – солдатик рядовой...*

*Распроклятая машина, куда милого стащила!
Распроклятый том вокзал, куда милого девал?
Что мне раньше не сказал?
Распроклятый паровоз, куда милого повез?
У машины шесть колес,
Машинист там – старый пес!..*

*Гудит колокол соборный
На чужой на стороне...
А мальчишечка проворный –
Пишет к милой ко жене.
Пишет он цидулю
Про вражью пулю.
И про пулю и про штык,
Про немецкий про язы...*

В Мелекессе рекрутов провожали возле будки на «железке», ибо само здание вокзала будет достроено только через год (с отоплением и вентиляцией, сохранившееся по сегодня).

Из 15200 жителей города призыву подлежали только дети из 13200 жителей православного исповедания. 2000 татар-магометян, как и все мусульманское и иностранные население Российской империи, в действующую армию в 1914 году не брали из-за их «национальной отсталости и неблагонадежности».

Посад Мелекесс имел в ту пору площадь в 200 десятин и 20-ти верстовую протяженность всех улиц. Но, как одно из образцово-экономических поселений России, - имел дощатые тротуары, булыжные мостовые, сточные канавы, газовые фонари, а к 1915-му электроосвещение!

Посад был знаменит благоустроенным улицами, где на перекрестках стояли красные пожарные чаны с водой и песком, где были электрические фонари, где набережная реки Мелекески представляла собой удобный для прогулок бульвар,

на котором были убраны старые мостки, засажены редкими породами деревьев берега, запрещена стирка белья мещанам.

В 1914 году Голова посада К.Г.Марков от имени всех жителей посада обратился к Николаю II с верноподданейшей просьбой: переименовать посад Мелекесс в город Алексеевск – в честь царевича Алексея I. Но война прервала эту знаменитейшую переписку, и городок наш так и остался Мелекессом. Как бы хорошо и правильно было бы сегодня из Димитровграда, - носящего имя в честь болгарского, чуждого всем нам террориста, – переименовать бы город Димитровград – в исконно русское, монашее, традиционное имя – Алексеевск!

Сегодня, даже с помощью исторических архивов и не вспомнить, сколько же купцов, крестьян, мещан было призвано из Мелекесса в армию в 1914 году? Если судить по среднестатистическим данным по провинциальной России, - то не менее 2000 человек, или около двух полков полного состава.

Но Мелекесс был городом не входящим в прифронтовую полосу. Оттого наши предки, как и вся коренная Россия, называвшаяся – тылом – помогали боевым армиям тем, что могли произвести.

В Мелекесской волости тогда работали – посадский химзавод (бывшее производство П. Марковой), льно-прядильная и ткацкая мануфактура, три суконных фабрики, четыре кожевенных завода, 11 сыропрядильных, поташный завод, 2 тулупных заведения, 12 валяльных мастерских, мукомольные предприятия, продуктовые цеха и т.д.

К приему беженцев из западных областей, больных, сирот и раненых были подготовлены в посаде Мелекессе: уездное отделение комитета попечительства, две больницы и аптеки, капитал 200 коммерческих предприятий, 1670 дворов и домов в Причеремшанье.

Я попытался обобщить общие потери жителей в период первой Мировой войны и, - споткнулся о неразрешимую задачу - таких данных в открытой печати НЕТ! Приходится приблизительно суммировать то, что еще можно вывести из сумм потерь в различных операциях. Но – и там цифры достаточно ужасающие: через год после официального объявления войны против России, - против наших - 1 млн. 732 тысяч штыков, - со стороны врага, объединено сражались: 116 пехотных и 24 кавалерийских дивизии.

В начале 1915 г. потери немцев только в боях во Франции и Польше составили – 950 тыс. убитых и раненых, пленными – 757 тыс. человек.

В Галицкой битве в 1914 г. Австро-Венгрия потеряла 400 тыс. человек, из них 100.000 пленными. Российская армия, действовавшая Юго-Западным фронтом, под руководством генералов Иванова, Брусилова, потеряла за тот же период – 230 тыс. солдат.

В августе 15-го германо-австрийские войска вошли на территорию Литвы, Белоруссии. И, хотя против группировки русских войск в 1,7 млн. человек действовало чуть более 1 млн. солдат противника, - три четверти войск Русской армии погибло, утопло и было пленено в Mazurskikh болотах, которые они пытались форсировать по приказу «русского» командующего, генерала Ренненкампфа... Это было классическое «кольцо» с истреблением всех, кто пытался из него «выболотиться».

Но интересует нас, мелекесцев, главное, - как мы помогали снабжать фронт тем, что могли сделать сами!

Первое. Свою лепту мелекесские крестьяне и кожевники внесли уже к 1915 году. Из официальных сводок известно, что на фронт было поставлено 86 миллионов пар сапог и ботинок. На этот же период в армию было призвано 16

миллионов человек. Вопрос о том, куда делось 80% этой обувки, до сих пор не имеет ответа.

Говорилось о том, что солдаты сами торгуют обмундированием... Однако, пойманный за этим делом, по приказу главноковерха подвергался битию плетьми до... 50 раз!

Это кто же мог рискнуть «своей шкурой» ради копеечной наживы?!

Данные факты лежат в разряде других иных «необъяснимых» вещей: на фронте хронически не хватало боеприпасов, снарядов, противогазов. В то же время тыловые склады, в т.ч. в Мелекессе, «ломились» от этого «добра».

Уинстон Черчилль сказал в то время фразу, которая лучше всего определила наше состояние: «...ни к одной нации рок не был так беспощаден, как к России. Ее корабль пошел ко дну, когда гавань была в виду, она уже претерпела бурю, когда наступила гибель».

Тыловая Россия - в том числе и наш Мелекесс – напрягая все силы, поставляя на фронт: продукты, мануфактуру, обувь, полушибки, порох, химснаряды, запчасти... Мы надрывались!

А в то же время: правительство России инвестировало в САСШ (США) один миллиард восемьсот миллионов золотых рублей. Россия просила фирму «Винчестер» – производственное – 300000 винтовок. Фирмы «Ремингтон» и «Вестингауз» – 3,3 млн. винтовок. Договоры были подписаны. Обязательства взяты. Их выполнила только фирма «Винчестер». «Ремингтон» и «Вестингауз», отдав 1/3 заказа, до сего дня должны нам за эти инвестиции.

Большим подспорьем армии в тылу было создание разных благотворительных обществ – целой системы территориальных органов ответственных за сбор средств, обеспечение реабилитации больных и раненых воинов. В посаде Мелекесс в то время работал филиал Всероссийского земского и городского союза помощи больным и раненым (РОКК). Молодежь с энтузиазмом вступала в общество Красного Креста, девушки – поголовно, – записывались на курсы сестер милосердия. Были организованы врачебно-питательные пункты.

Как и во всей Империи – лучшие и знатные люди, стремились своим личным примером вовлекать сограждан в эту работу. Пропаганда часто описывала участие всех женщин Дома Романовых, начиная с императрицы и великих княжн, в сборе средств на медикаменты, работе в госпиталях и даже санитарных поездах. В Киеве в Покровском женском монастыре, в прифронтовом лазарете Пскова – трудились сестрами милосердия великие княгини Мария Павловна (младшая), Елизавета Маврикиевна, Милица Николаевна, Анастасия Николаевна, Мария Петровна, Надежда Петровна, Елена Георгиевна. О семьях, призванных в солдаты, заботился специальный фонд под патронажем сестры императрицы Александры Федоровны – Елизаветы.

В провинциальной России этими же благородными делами занимались не только князья или дворяне – типа князя Г. Карапова или княгини С. Волконской, а уездные и посадские комитеты, куда входили священники, учителя, студенты и гимназисты, купчихи. Все они занимались стиркой и дезинфекцией белья, дерганием корпий, пошивом одежды, создавали аптечные склады всем, чем могли, поддерживали работу «Совбежа», участвуя в налаживании жизни в лагерях беженцев.

Это хорошо видно на примере прифронтового городка Двинска (ныне Даугавпилс в Латвии), который чем-то очень походил на наш посад. Народу здесь жило, правда, около 100000 человек и 45% составляли евреи. В Двинске была своя «Красная церковь», как и в Мелекессе – Святого Александра Невского храма!

В 1915 году мощное наступление немцев сдвинуло фронт под самый Двинск. Город подвергся ожесточенной бомбардировке, горел, на храмах звонили все колокола, казалось сдача города - неизбежна.

Однако, старый русский генерал Плеве, командующий 5-й армией, не оставил свой командный пункт, заявив: «Пока я в Двинске, - ни шагу назад!» Под прикрытием редеющих войск из Двинска шла эвакуация населения. Однако евреи не спешили, ибо праздновали свой Швусс... Для их эвакуации понадобился специальный приказ императора, обязывающий еврейское население покинуть не только Двинск, но и Литву. Проезд к месту сбора в специальных лагерях «Совбежа» был бесплатным, оплачивали только провоз багажа, бесплатно беженцев кормили в дороге и местах временного размещения.

Пишу подробно об этом потому, что некоторая часть двинцев прибыла и в наш посад, став со временем мелекесцами. А родной их город Плеве так и не сдал немцам. На выручку 5-й армии пришли батальоны «кавказцев», (переброшенные с Кавказа казачьи части). Они, покидая машины и вагоны, - с ходу шли в окопы на позиции, контратакуя противника. О тех днях и подвигах в первую Мировую, сегодня говорят лишь заброшенные многочисленные воинские кладбища вокруг Даугавпилса, из которого было эвакуировано три четверти населения.

Но была и оборотная сторона этих военно-тыловых, благообразных «картинок». Поскольку фронт требовал все новых ресурсов, на заводах, фабриках, в мастерских - хозяева увеличивали нормы выработки продукции, удлиняли в связи с военным положением рабочий день. Внося большие суммы в благотворительные фонды и, неся убытки на военно-государственных заказах, заводчики, купцы и даже лавочники «по справедливости» перекладывали эти расходы на плечи рабочих, снижая их заработки. Все это не могло не вызвать протеста. Недовольством масс тыловой России не замедлили воспользоваться социал-демократы всех мастей. Одни из них в тылу, другие, призванные в армию, - на фронте, третьи - «ленинцы» - в эмиграции, с территории вражеской, - усилили пораженческую работу в народе. Естественно, растление это совершалось на «немецкие» деньги. Генштаб

В посадском призывном пункте

Германии не мог не использовать данный фактор в борьбе с Российской Империей.

Уже в 1916 году на самой «недовольной» - Мелекесской льно-прядильной и ткацкой мануфактуре была организована ячейка РСДРП (б). Взгляды посадских социал-демократов поддерживали все ткачи уезда, все мукомольщики и даже поддерживающие эсеров – крестьяне.

Так близился закат монархии.

IV. Фронтовые дела

Убиенный в Сараево эрцгерцог Франц-Фердинанд был мудрым человеком. Он не уставал повторять: «Война с Россией означала бы наш конец. Если мы предпримем что-нибудь против Сербии, Россия встанет на ее сторону, и тогда мы должны будем воевать с русскими. Австро-йский и русский императоры не должны сталкивать друг друга с престола и открывать путь революции». Именно за такое четкое понимание обстановки его и приговорили к смерти масоны.

Итог – вам уже известен. Война не только обескровила и опрокинула народы Европы, в ее результате – с карты мира навсегда исчезли две могущественные империи: Русская и Австро-Венгерская. Рухнул Русский монарший престол.

Многие беды во многих ошибках. Ошибки эти следовали чередой даже в условиях ведения боевых действий. Войну с Австро-Венгрией и Германией Россия начала, имея в своем командном составе многих генералов немцев или австрийцев по национальности, а также - католического и лютеранского вероисповедания.

Генерал Ранненкампф, глава Двинского гарнизона – фон дер Остен Дрезден, командир Островского полка Флейшер, командир Юровского полка – барон Гетрович...

Многие немцы или сочувствующие им, находились на службе в интенданстве, тыловых учреждениях, всячески тормозя поставки необходимого фронту. Генерал А. Брусилов со всей прямотой на докладе в ставке назвал это «хаосом и национальной изменой». В мае 1916-го болезненный резонанс в России вызвал приказ Брусилова об аресте в Киеве группы сахарозаводчиков и сионистов – Бабушкина, Доброго и Хепнера. Но военно-полевой трибунал доказал, что российские подданные не только грабили казну государства, но и поставляли сахар немцам эшелонами, несмотря на линию фронта... Приговоренных к высшей мере наказания – расстрелу, - спас от смерти и «отмазал» перед Императором Григорий Распутин!

В этом плане интересна стенограмма допроса начальника немецкой разведки Вальтера Николаи, который открыто заявил, что – «насаждением агентуры против русских непосредственно занимались следующие офицеры, подчиненного мне русского отделения: в Кенигсберге – майор Кемпп, в Алленштайне – майор Фалькоман, в Данциге – майор Весте, в Познани – майор Людерс, в Бреславле – Годовиус...

В Берлине все, поступающие с мест материалы, обрабатывал майор Нейхофф».

На вопрос об агентуре из значительного числа немцев и евреев, проживающих в России, и – занимавших видное положение в обществе, - Николаи уклонился от ответа... поскольку агентура эта еще работала на Германию.

А с фронта в Мелекесс шли письма наших земляков. Например, такие: «...бесконечно жалко смотреть на молодых парней. Можно с уверенностью сказать, что мало кто вернется домой здоровым и не изувеченным, а многие уже в ближайшие дни будут убиты. Полки редеют ЕЖЕДНЕВНО. В победоносных

боях, о которых я уже писал тебе, наш полк потерял половину своих...»

Войну Россия вроде бы начала успешно. Была проведена знаменитая Галицийская битва, в которой корпус генерала Л. Корнилова даже перевалил за Карпаты. В ходе, ее потери русской армии составили 230000 человек. Австро-Венгрия потеряла 450000 (из них 100000 были взяты в плен). Не принес особого разочарования и поход русских на Восточную Пруссию.

Однако к августу 1915 года противник при активной поддержке германской армии, положение выровнял. Немцам удалось вторгнуться на территорию Польши, Литвы, Белоруссии, захватить часть Франции. Правда, потери были вновь несопоставимы: с их стороны 950000 убитых, раненых и пленных; в русской армии 757000.

Контратаки русских были вынужденными: спасали положение союзников – французов. Потому, уже в сентябре 15-го против России на фронте действовали, переброшенные с запада 116 пехотных и 24 кавалерийских дивизий врага. Против этой армии нужно было сконцентрировать еще большие силы. Увеличился призыв в армию, стали создаваться даже женские батальоны «ударниц». Призыву уже подлежали все инородцы!

В феврале 16-го против 1061000 солдат противника, Русская армия насчитывала 1732000 штыков; Западный фронт 754 тыс.; Юго-Западный – 512тыс.; Северный – 460тыс. В связи со вступлением в войну союзной Германии – турецкой армии, на Кавказе был образован Кавказский фронт. Весна и лето 1916-го года были ознаменованы как ярким победами, так и болью поражений.

Наступая в Белоруссии, генерал Ранненкампф так «увлекся» погоней за отступающими немцами, что его атакующие части, оторвавшись от второго эшелона и тылов, понукаемые командующим, увязли в Мазурских болотах. А немцы, заманившие их, захлопнули у них за спиной эту ловушку засадными полками и – три четверти армии русских было просто утоплено и уничтожено.

Зато удался «Луцкий» (Брусиловский) прорыв тщеславного командующего Юго-Западным фронтом А. Брусилова. Он, впервые в военной тактике применил прием, - когда не жалея ни солдатских жизней, ни средств артиллерии, - атаковал врага сразу всеми четырьмя армиями по всему фронту, не концентрируя атаку в одном месте «ударным кулаком».

Результат был хорош: за четыре месяца боев взято в плен 8924 офицера, 408000 нижних чинов, захвачено 581 орудие, 1795 пулеметов, захвачена территория более 25000 кв. километров. Но цифры потерь русской армии тоже были велики. Не был взят Брусиловым город-крепость Ковель. В плену оказался самый известный генерал – командующий корпусом Л. Корнилов (кстати, в истории первой Мировой, - единственный генерал, бежавший из плена, и еще более успешно воевавший после этого, ставший Главнокомандующим Русской армии).

Интересно, что вместе с ним был пленен и поручик Михаил Тухачевский, будущий красный военачальник.

История его плениния в Ломжинской битве еще и показательна тем, что сражался он в порядках прославленного гвардейского Семеновского полка. Командовал полуротой знаменитой на весь фронт 6-й роте «охотников» (почти спецназ) капитана Веселого. Но неожиданная ночная атака немцев застала роту врасплох. Сам Тухачевский спал, завернувшись в тулуп. Оглушив, его и взяли в плен немцы целым и «тёпленьким». Капитан Веселый, погибший в том бою в рукопашной схватке, в одном строю с солдатами, имел на теле более 20 ран от пуль и штыков.

Видимо, несопоставимые с успехом «Луцкого» прорыва потери и привели к

тому, что в командовании Юго-Западного фронта только Брусилов НЕ БЫЛ ОТМЕЧЕН царской наградой, чего этот лизоблюд так и не простил монарху, первым переметнувшись к Керенскому, затем – Троцкому...

Говоря о боевых операциях Первой мировой войны было бы неправильно концентрировать свое внимание только на западном и северных направлениях. Здесь шла война позиционная. И 100 км продвижения, как в одну, так и в другую стороны, ни чего не меняли. Стороны перемалывали миллионы солдатских жизней, оставаясь при своих территориальных интересах.

Вновь созданный Кавказский фронт против турок – сразу же выдвинулся в главные в этом отношении. Поначалу очень небольшой фронт: 100 батальонов пехоты, 96 казачьих сотен, 6 армейских дружины и 300 орудий - вступили в бой за спасение армян от геноцида Турции 24 апреля 1915 года по прямому приказу Николая II. Затем фронт усилили вторым Туркестанским корпусом генерала Николая Юденича, ибо турки втрое превосходили наши части. В результате этого глубокого наступления в Турции, из проживавших там 1651000 армян, спасли только 375000 (около 25%). Но бравый Юденич взял Эрзерум и Трапезунд, установив контроль над всей турецкой Арменией.

Еще более впечатляющими были успехи Русского экспедиционного корпуса во Франции, Греции, Македонии. Спасая своих союзников от разгрома, Россия не только начинала не подготовленные ею операции на своих внутренних фронтах, отвлекая главные силы врага на себя, но и отправляла лучшие боевые части на европейский театр военных действий.

Весной 1916 года, в обмен на вооружение, в Европу были отправлены: Особые – 1-я генерала Лехвицкого и 3-я генерала Марушевского бригады, всего около 20300 человек. Добирались бригады долго и трудно: морями-океанами до Франции. Чуть легче был путь Особых бригад: 2-й генерала Дитерихса (позднее Тарановского) и 3-й генерала Леонтьева, спешивших на Салоникский фронт. Осенью 16-го и весной 17-го Экспедиционному корпусу посыпали пополнение – более 7000 солдат. Итого, за рубежами Родины, с немцами под французским, английским и греческим флагами сражалось около 50000 русских воинов.

Следует отметить, что наши бригады и на деле были особыми. Они шли как штрафники, впереди главных атакующих частей союзников во всех смертельно опасных операциях. Русские атаковав, взяли Афины – свергнув с престола короля-предателя Константина. Русские, захлебываясь кровью, участвовали в прорыве у Амьена, спасая французскую армию от гибели. Русские, потеряв 2/3 личного состава, встали непреодолимым редутом на пути, уже певших победные марши немцев, на дороге Суассон-Париж, спасая французскую столицу.

Революция в России вывела Экспедиционный корпус на запасные позиции, вернее, - в концлагеря, как для особо опасной заразы. Но, самые бравые воины сформировали 1-й Русский волонтерский легион (почти полк) под командованием генерала Готуа. Легион вошел в состав самой дееспособной и жестокой к врагу французской дивизии – Марокканской. И даже эти, так называемые зуавы из ударной «Марокканской», - диву давались бесстрашию и умению русских. 85% из именно «Русского Легиона Чести» полегли в тех боях. А затем через Лотарингию, Эльзас, Саар, германский Вормс, Польшу – ушли домой в Россию.

В то же время в неподготовленное наступление, для спасения союзников, в Восточной Пруссии было введено два русских армейских корпуса, которые были разбиты, окружены, пленены. Командующий армии Самсонов застрелился, не вынеся позора.

А в январе 1917 года – начало сбывааться пророчество покойного Франца-Фердинанда: монарший трон в России был сотрясен не столько войной, сколько предательством ее национальных интересов, разлагающей работой в войсках, в тылу и, даже при Дворе, социалистов, демократов, либералов разного толка.

И только силами 12-й армии болгарского генерала Р.Радко-Дмитриева еще свершались военные операции в масштабах фронта, носившие частичный характер, правда, этот прорыв с Рижского плацдарма и разгром 10-й германской армии поставил тогда всю Германию на грани краха. Но тут как по заказу грянула Февральская революция, положившая начало полному разложению и Русской армии.

Одним из первых Временному правительству, отрекшись от Монарха, присягнули бывшие «герои», такие, как главком А.Брусилов. Офицерство отмечало совершенную бес tactность главкома в том, что он сорвал с себя аксельбанты и украсился красными ленточками и в том, что его вторая, молодая жена горько уверяла всех, что ее муж: «...ваш Главнокомандующий, старый революционер и не изменит новому строю...» После таких пассажей в армии начался настоящий хаос: массовое дезертирство, убийства офицеров и их свержение с командования.

Социалисты-пропагандисты особо усердствовали в выборах окопных солдатских Советов, братания с немцами, организации (на фронте!) демонстрации 1-го Мая с танцами кино, митингами.

К марта 1918 года, после упразднения чинов, званий, погон, выборности командиров и их увольнения, - Русская армия перестала существовать, на год пережив только Русскую Империю!

Встреча на Малом курганском фронточке

V. Уроки Мировой войны

Война всякая – прежде всего разрушение и смерть. Но и всякая война главный двигатель технического и политического прогресса.

Этот парадокс вполне объясним, имея в виду пик концентрации людской воли, энергии масс, мысли, чрезвычайного положения в экономике, ресурсах, производстве.

1914 год. Делегаты съезда городских голов в Москве, в котором принимал участие К.Г.Марков, обсуждавшие вопросы войны и мира.

С 1914 по 1917 годы в России было изготовлено 18,5 млн. винтовок, 480 тысяч пулеметов, 183000 орудий, 8400 самолетов, 34000 автомашин, армия впервые получила танки, бронепоезда...

Кроме разве танков, которые мы закупали (Англия произвела 1032 тяжелых танков Mk.V, Франция 3177 легких «Рено FT», а также тяжелые «Шнейдер M.16», США – несколько тысяч танков по лицензиям Англии и Франции) – Россия произвела десяток эсминцев, десятки подводных лодок, другие корабли, самолеты, бронепоезда, химоружие и бронеавтомобили «Руссо-Балт М.1914» и т.д..

Естественно, что вооружение это создавалось в тылу. И наш Мелекесс не оставался в стороне от оборонных заказов. На чугунно-литейном заводе делали заготовки Симбирскому патронному заводу. В районе нашего пивзавода действовало полузакрытное производство химического оружия и противогазов. Вокруг – в Самаре на трубочном заводе делали артснаряды, в Сормово клепали корпуса подлодок, в Суре рыли и бетонировали военно-морские арсеналы, в Сердобске налаживали радиоаппаратуру, - кипела работа по армейским заказам. А формировался этот заказ - не случайно. В Петербурге–Петрограде действовал правительственный Производственно-Экономический совет, где на анализе

возможностей казенных, царских и частных предприятий, разрабатывалась специальная программа технической перестройки. Причем, - все – от интендантов и военпредов – до самого мелкого купчишки воспринимали эти «копеечные» заказы не как ярмо и подневольную обязанность, - а шли в эту работу сознательно, проявляя особый патриотизм.

Показательно, что в сентябре 1914 года в Москве состоялся первый Всероссийский съезд голов городов и посадов Империи. Уже в первые дни войны сложилась такая самоинициативная потребность выборных органов руководства в единой организации, объединяющей благотворительную деятельность, подобно – общеземской.

Все вопросы на этом съезде голов, так или иначе, были продиктованы военной обстановкой. «Необходимость совместных действий в деле объединения семей воинов, производство военных заказов, обеспечение лечения, приют для беженцев, - отмечалось в российской прессе, - сразу выдвинуло главную проблему о желательности объединения голов в разрешении вопроса первой важности».

И правительство тут же выдало легитимной организации Общегородского Союза 20 млн. рублей, в виде займа для образования фонда.

Прибыв из Москвы, участник съезда голов мелекесский предприниматель и Голова посада К.Г.Марков на собрании Думы, Управы и уважаемых граждан Мелекесса сделал доклад о предстоящей работе. Из почти 200 посадских коммерсантов – ни один не покритиковал инициативы, прошедшего в Москве форума.

Следует отметить, что производство химвооружения и для России и для Мелекесса было делом новым, поэтому, прибывшие из столицы инженеры-химики, привезли и секретные данные, добытые в Германии агентурным способом, разведкой Генштаба. Павел Аптекарь – сотрудник Российского государственного военного архива отмечает в своей работе «Агенты и резиденты», что «...не последняя роль в работе агентурной разведки, отводилась изучению технических новшеств, которые противник собирался применить на полях сражений».

Особенно важной была информация об изобретениях в сфере химических вооружений.

Военный агент в Швейцарии генерал-майор С.А.Головань передал в ГУГШ следующее сообщение: «В городе Х. на юге Германии, на химическом заводе начато производство ядовитых газов на основе соединений мышьяка, против которых современные противогазные маски недейственны».

Работу таких предприятий курировал Военно-промышленный комитет Государственной Думы, возглавляемый депутатом и лидером ЦК партии «Союз 17 октября» - «октябрьстов» - Александром Ивановичем Гучковым. Это его усилиями сохранялось терпимое снабжение армии, развертывание в Империи новых оборонных заводов. В том числе - и Мелекесского химического. Благо компонентов, для создания смертоносного оружия, в округе имелось в достаточном количестве: соль, сода, поташ, живица, табак, хлорный камень, известняк, гнилорыбица, дурман, белена – все это крестьяне окрестных деревень поставляли в волостной центр, где снаряжались этими ОВ корпуса артиллерийских и минометных снарядов.

Следует отметить, что наряду с милосердными фондами местного значения, в Мелекессе была основана миссия европейского общества милосердия, появились зарубежные миссионеры.

Среди тех, кто с первых дней войны проявил патриотизм, беззаветно служа

Родине на фронте или в госпиталях, – была уроженка Мелекесса, фельдшерица Дарья Кутыина. В январе 1914 года мелекесский дворянин, руководитель мужской гимназии Н.Н. Калинин был делегатом первого Всероссийского съезда по народному образованию в Петербурге, организованного обществом грамотности. И тогда, безвестные ранее, труженики просвещения, народные учителя, разосланные, как сообщали газеты: «...по медвежьим углам России, имели не только возможность встретиться друг с другом, но и выяснить общие нужды, провести горячие дебаты, именно той толщи, которая, обыкновенно, не высказывает своего мнения вслух – с одной стороны – из боязни попасть под подозрение у начальства, с другой, – из-за невозможности заставить услышать свой голос. Съезд явно говорил, что в провинции не существует той апатии, о которой еще не так давно красноречиво распространялся премьер. Наоборот, провинция живет и чутко следит за тем, что происходит в мире, верхах, стране...»

В этом плане было интересно и заседание Государственной Думы 9 февраля 1916 года в Таврическом дворце, которое посетил Государь Император. Речь читал и представлял программное заявление правительства Б.В.Штюремер. Выступили некоторые министры (военный, морской, иностранных дел). Однако фракции прогрессивных националистов, центра, земцев, октябристов, думской группы 17-го октября, прогрессистов и народной свободы, – огласили Декларацию, где было выражено чаяние большинства народа России: «Во главу мер, необходимых для стойкой организации страны, большинство Государственной Думы продолжает ставить создание правительства из лиц способных и знающих, сильных доверием страны, готовых решительно изменить применявшиеся до селе способы управления и могущих работать в согласии с народным представительством»...

К какому результату привели подобные либеральные декларации в октябре 17-го мы уже знаем!

А война продолжала набирать обороты... Кроме Европы, в эту «мясорубку» были втянуты Америка, Африка, Азия. По сути, война переросла из Европейской в межконтинентальную. Только в ходе боевых действий – до декабря 1917 года пали правительства в Австрии, Венгрии, России, Голландии, Албании, Сербии. Были свергнуты монархии в России, Италии, Румынии, Греции, Турции. Сменено военное и гражданское руководство в Бельгии, Германии, Франции, Польше, Венгрии, Чехии, Германии, Испании, САСШ... Даже – был сменен Папа Римский!

Конечно, в результате коммунистического и интернационального переворота и бандитского захвата власти, больше всего пострадала Россия. Первая Мировая война ударила по нам, – русским. Ликвидация Российской Империи, – самоопределение полуграмотных и неспособных развиваться самостоятельно народов-рабов: финнов, поляков, молдаван, литовцев, латышей, эстонцев, грузин, азербайджанцев, уйгур, месхетов, липян, словаков, самоедов, – привело к тому, что некоторые из них вообще перестали существовать.

Любопытно, что ни большинство этих народностей (исключая литовцев, поляков, финнов, эстонцев и латышей), ни никак не хотели этого «ленинского» – самоопределения. И, уж совсем не предполагали стать «горючим материалом» для костра мировой революции и всеобщей социализации.

Регressive и прогрессивные стороны войны в жизни народов – неоднозначны. Скажем, что мы в Мелекессе гордимся тем, что и плотник с мельничного производства Марковых – призывник Василий Иванович Чапаев, уйдя на фронт, из нашего посада, сталunter-офицером. А за особое мужество, героизм и способности к военному искусству стал полным Георгиевским кавалером. А уже в 1917-м лупил, почем зря, лучшие, элитные полки Русской армии, став легендарным полководцем в РККА.

Сотни рублей серебром и золотом, последние крохи, все лучшее – отдали мелекесцы в фонд победы над немцами, в поддержку народной армии. Но уже 30 августа 1914 года – 250 мелекесских ткачей со льно-прядильной мануфактуры провели первую в посаде, организованную предателями родины и свободы, забастовку с требованием перемирия с врагом и увеличения денежного содержания рабочих...

Это ли не парадоксы истории!

VI. И еще несколько фактов...

Как видим, первая Мировая война не только унесла 8 миллионов жизней, но и на долгие 74 года выбила Россию из мирового общества, обескровила ее, превратила в огромный концлагерь под руководством большевиков-интернационалистов.

Кроме того, в ходе ее, а позднее в гражданской войне с русским народом, страна потеряла свое морское величие: были потеряны линейный корабль, 3 крейсера, 11 эсминцев, 8 подводных лодок, 10 прочих судов. Погибло 251 офицер, 5134 матроса. Уже с 1918 года полностью перестал существовать весь Черноморский флот, частично утопленный по приказу Ленина, частично ушедший в Турцию с Белой армией и переданный союзникам. Союзники неплохо поживились и за счет Северного флота. А японцам достался почти весь флот на Тихом океане...

Бурно развивавшаяся с 1913 года русская авиация, насчитывавшая б авиаотряд и 36 авиаотрядов, созданную конструктором И. Сикорским единственную в мире эскадру тяжелых бомбардировщиков (самолеты «Илья Муромец») из 38 машин, - была безвозвратно утеряна.

Авиаторы, учившиеся в школах Гатчины, Севастополя, Варшавы, Феодосии, Тифлиса, генеральные конструкторы (создававшие потом авиапромышленность США, Франции и Германии), большинство авиаинженеров, покинули родину.

Русские летчики не только первыми в мире применили авиационные бомбы, они ввели в строй морскую авиацию. Они первыми осуществили воздушный таран: зайдя сверху, - были колесами по вражескому самолету; делали арканы с «кошкой» и накидывали их на пропеллеры вражеских самолетов; забрасывали врагов дымовыми и динамитными шашками...

Кстати, российская пресса того времени глубоко скрбела, рассказывая о гибели одного из лучших летчиков-испытателей П. Евсюкова (нашего земляка, уроженца Ставропольского края). Этот известный пилот сражался в небе Болгарии, Турции. Он готовил авиаэкспедицию в Мурманск, чтобы найти пропавших учёных группы Брусилова, когда грянула I Мировая война...

Евсюков вернулся в Питер, где испытывал в Гребном порту гидропланы для морской авиации. Один из этих полетов стал для него трагическим...

Трагическими стали для России и февральские дни 1917-го. Совсем по иному могли бы выглядеть итоги этой войны, не свершился революционный переворот. В ходе его мы получили деморализованную армию и, восставший в бандитском угаре безвластия, тыл. Россия потеряла до 50% своей территории, до 90% промышленности, еще около 10 миллионов человеческих жизней. Столько же осталось без Родины. Рухнули Верх и церковные устои. Обезлюдили города и села. Началось тотальное преследование русских и православных людей, и их планомерное, не кончающееся сегодня, уничтожение. Иными словами, в Европе не стало больше конкурента ведущим державам. Не стало его и у прогрессировавших САСШ.

Чего и добивались европейские деловые, и финансовые воротилы, развертывая Первую мировую войну.

Кто в России всех храбрее

Оказывается, и в канун 65-летия Великой Победы советского народа во второй Мировой войне, что символично, время приоткрыло завесу и перед сокрытыми в тени истории новыми фактами беспримерного геройства русских воинов еще Первой мировой. А главное, что имена ранее безвестных героев - это судьбы наших земляков-мелекесцев. Поэтому рад вписать в историю родного края еще одну странницу, приоткрывшую тайну подвигов наших земляков. Тем более, в канун 245-летия утверждения Высочайшим указом Императрицы Екатерины II ордена святого Георгия. Ордена только военного.

ИЗ ЛАКЕЕВ В КАВАЛЕРИСТЫ

Анну Андреевну Маштакову, без преувеличения, знают многие в Мелекесском районе. Она - бывший секретарь народного суда Николочеремшанского, а потом и Мелекесского районов. И она знает многих и многое про бывшее наше житье бытъе.

Коренные николочеремшанцы хорошо знают и ее семью. Знавали и ее отца - Андрея Тимофеевича Рябчикова. Достойного, работящего, мужественного человека.

Хотя немногие, уже из нынешнего поколения, догадывались, что дядя Андрей - самый настоящий и редкий герой-воин по всей мелекесской округе. Поскольку в этой семье было принято, на всякий случай, скрывать некоторые факты из биографии отца. Время было такое.

Не многие знали, что до революции Андрей Рябчиков был отдан в лакеи семье графов Орловых-Давыдовых в село Рязаново. Там его выучили не только «благородным» манерам и искусству накрывать столы к обеду, но он стал и отменно ездить верхом, управлять конными экипажами, обучился кучерскому мастерству, секретам ухода за лошадьми элитных пород.

Николочеремшанцы и не подозревали, что их удачливый в лакеиской карьере земляк одним из первых будет призван и отправлен на Галицийский фронт, как только была объявлена Российской империей война империи Австро-Венгерской в 1914 году. Андрей Рябчиков тогда по своим навыкам и умению обращаться с лошадьми был едва ли не лучшим в уезде полу военным специалистом. Поэтому и выпало ему быть среди первых, кто составил формирование 32-го кавалерийского драгунского полка.

Естественно, что первые успехи во время боевых действий Русской армии в Карпатах стали определяющими в военной карьере многих офицеров и солдат, шедших впереди наступающих частей. Тогда-то Андрей и заслужил свой первый солдатский орден - Георгиевский крест 4-ой степени (серебряный) и первый командирский чин - ефрейтор. За мужество в боях, за умение управляться со сложным кавалерийским оружием (пика, палаш, карабин), выездку и управление боевым подразделением.

СПРАВКА

В Русской армии особыми отличиями, близкими по значению к орденам, были золотые и серебряные кресты, их носили на ленте ордена Св. Георгия.

Сначала их получали только генералы и офицеры (1788 г.). Известны первые Георгиевские кавалеры, такие, как А. Суворов, М. Кутузов, Г. Потемкин-Таврический, кавалерист-девица Н. Дурова.

В середине XIX века был учрежден солдатский Георгиевский крест в 4-х степенях (1 и 2 - золотые, 3 и 4 - серебряные), сверх того полагалась медаль Георгиевская.

Известен случай, когда солдат Аввакум Волков, заслужив в русско-японскую войну четыре георгиевских креста, в 1914-ом снова отлился в боях и получил еще один крест 1-й степени, став кавалером пяти орденов. А солдат П. Леонов уже в Перовую Мировую войну заслужил пять «Георгиев», два из них первой степени.

Но это были редкие исключения. Все кавалеры «первого георгиевского банта» - четырех крестов - при жизни были занесены в Почетные книги Героев, хранящиеся в Георгиевском зале Кремля. Это были истинные и редкие в XX веке герои-воины. По советской истории нам известны имена самых выдающихся из них (по гражданской войне красных командиров) - В. Чапаева, С. Буденного, Б. Думенко, Г. Жукова.

ИЗ КАВАЛЕРИСТОВ - В ПОЛНЫЕ ГЕОРГИЕВСКИЕ КАВАЛЕРЫ

Тем более уникальной становится история о том, как лихой кавалерист из Никольского-на-Черемшане, единственный в нашей округе, только сегодня ставший известным, оказался в анналах Кремлевского зала воинской славы среди немногих - полных Георгиевских кавалеров (обладателей двух серебряных и двух золотых крестов, медали и «полного банта»).

Именно такой почести был удостоен Андрей Тимофеевич Рябчиков - старший унтер-офицер драгунского полка, храбрейший воин в дни Луцкого прорыва войск генерала Брусилова.

У каждого, даже самого удачливого воина, своя судьба. Чапаев, Жуков, Буденный - стали самыми известными (но и кровавыми) военачальниками ХХ века и социалистической истории России. Непокорный и своевольный первый командующий первым советским кавкорпусом Борис Думенко был расстрелян по приказу наркомвоеимора Лейбы Троцкого в 1919-м по надуманному обвинению. Не помогло даже заступничество самого В. Ленина...

А вот А. Рябчиков, не роняя своей воинской чести и совести, служить ни белым, ни красным в братоубийственное время не стал.

Вспоминает Анна Андреевна:

- Отец только в 1918-м вернулся домой. Израненный, отощавший, изболевшийся. Но - при полном параде! Мы долгое время перепрятывали от суетного взгляда его награды, кавалерийские шпоры, палаш, амуницию, которыми он дорожил. Но воевать более отец никак не хотел. «Отшивал» всех приходящих агитаторов и с той, и с другой стороны. А когда шла мобилизация, прятался в лесах. Говорил: «Не хочу проливать русскую православную кровь в угоду чуждых мне интересов. Хватит. Сколько германцев уже «накрошил» сабелькой в «окрошку»! А своих-то за что?».

Так и жил - крестьянствовал, всегда состоял при лошадях. Домину себе отгохал. Пахал и сеял. Сад сажал. Маму очень любил.

ГЕОРГИЕВСКИЕ КРЕСТЫ-НА СПАСЕНИЕ ДЕТЕЙ

Анна Маштакова:

- В 1921-м на Поволжье обрушился страшный голод. Чтобы спасти нас от смерти, отец не пожалел самого для него святого - «проели» мы его боевые доблести - все четыре Георгиевских креста.

Неизвестно, как поступил со своими «Георгиями» другой герой первой Мировой Василий Иванович Чапаев, но, судя по воспоминаниям его родственников, он царские доблести чтил мало.

Как рассказывает его брат Михаил: «Василий как-то взялся подновить красками икону Николая Угодника. Получив назад икону, потрясенная ее владелица долго не могла прийти в себя: на лице святого воинственно топорщились большие черные усы, а грудь была увшана всеми четырьмя «Георгиями». И вновь Василию пришлось побывать в полиции. На этот раз за богохульство».

В отличие от Чапаева, кстати, воевавшего с Рябчиковым на одном фронте, Андрей Тимофеевич никогда не позволял ни себе, ни другим грязно выражаться по поводу его боевых заслуг. Никогда не гневил Бога. Крестьянствовал мирно и истово, сообразно таким переменам.

Жена его Прасковья Федоровна не знала от мужа ни попреков, ни жалоб. Создали колхоз, - пошел туда конюхом, выстроил целую конеферму в Никольском, лучшую в округе. И все не «за живую деньгу» шабашил, а из любви к своему делу жизни, да за крестьянские галочки-трудодни...

Создали МТС – первым осваивать сложную технику пошел туда опять Рябчиков – Герой Мировой войны. Перековался на «железных коней», стал бригадиром.

Но те его воинские заслуги перед Отечеством сыграли с Георгиевским кавалером злую шутку.

В то время, как его «коллеги» Буденный и Жуков стали маршалами Красной армии, Андрей Тимофеевич по этапу за свое «георгиевство и аполитичность» отшагивал колымские версты с 1936-го, как враг народа...

Но и в той сталинской «мясорубке» северных лагерей выжил и выстоял наш земляк. И домой вернулся, и дом новый выстроил на новых землях нового села Никольское-на-Черемшане. Почти 60 лет назад отселяли старожилов «никольцев» с родовых земель, затопленных нынешним Волжским морем, созданным под Волжскую ГЭС...

Анна Маштакова, как и ее односельчане хорошо запомнила те времена. Тогда чуть ли не до «белых мух» люди разбирали свои дома, собирали скарб, скотину, птицу, перевозили на вновь определенные им на жительство уже чужие земли. Место было не ухоженное крестьянским трудом, безводное. Но следовало подчиняться «порядку и социалистической целесообразности».

Сегодня многие газеты, описывая эти события, и привирают чуть - чего было - не было! Да, и живности какой-то под воду ушло немало. Бывало, что и гробы с костями покойных волнами прибивало к берегам Черемшана и Бирли. Но самая жуть наступала в последнюю ночь перед перекрытием Волги.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ СТАРОЖИЛОВ

«Люди, особенно в Городище, последний скарб собирали до поздней ночи. Мы с мамакой остались ночевать в селе. Спали на крыше сараев. К утру разразилась страшная гроза. Мы, проснувшись, сидели мокрые от дождя и страха и смотрели, как невиданные молнии «крестили» Никольское!

Под этот грохот сверху виделось далеко. Вот одна из молний ударила точно по кресту нашей церкви. Та, деревянная, вспыхнула, словно свечка, и сгорела сразу же.

Мамака долго крестилась на это зарево, а потом сказала, что Господь определил нам в назидание новую, грешную, тяжелую жизнь. И не допустил, чтобы храм наш ушел под воду. И зря пишут, что церковь наша утопла. Она сгорела, но под воду не ушла!».

Те, кто совершал это преступление, хотели и надеялись, что так же канут из памяти наша история, наши судьбы. Слава Богу, ошиблись!

На снимке: сестра милосердия Даша Севастопольская (сидит справа) среди ветеранов обороны Севастополя (1854г.) - Георгиевских кавалеров.

МЕЛЕКЕСС, год 1918-й

I. Долой немецких шпионов

«Однако никто из нас не знает, что ожидает нас, быть может, в ближайшем будущем...»
Барон Петр Врангель

85 лет назад – 31 марта 1918 года не стало одного из величайших сынов – патриотов России, Главнокомандующего Русской армии, генерала Лавра Георгиевича Корнилова. Осколок снаряда от бесприцельного, шального выстрела пушки с красных позиций, оборвал жизнь этого человека. Так с его смертью почти бесславно закончился освободительный Ледяной поход Русской армии против большевизма.

Этот нелепый, казалось бы, эпизод в судьбе военачальника, - явил собой два символических события: исполнив божественную миссию на земле, в пике своей славы и воинского успеха, пал на поле брани русский генерал Корнилов; уходом своим от мирских забот и радения за землю русскую, Православную, - он знаменовал и начало конца всего Белого дела на Руси.

Это отчаянье, предвидение своей судьбы, судьбы России высказал в своих дневниках настоящий герой гражданской войны, один из лучших корниловских военачальников Михаил Гордеевич Дроздовский: «Только смелость и твердая воля творят большие дела. Только непреклонное решение дает успех и победу. Будем же и впредь, в грядущей борьбе, смело ставить себе высокие цели, стремится к достижению их с железным упорством, предпочитая славную гибель позорному отказу от борьбы...

Нам остались только дерзость и решимость. Россия погибла, наступило время ига. Неизвестно на сколько времени. Это иго горше татарского».

Эти горькие страшные страницы из истории братоубийственной войны в России разворачивают перед нами жуткие картины наступавшего тогда ига. Полковник А.В. Туркул так описывает гибель под хутором Грязнушкина своего первого командира полка Жебрак-Русакевича: «В поле, где только что промчался бой, на долине, заросшей жесткой травой, утром мы искали тело нашего командира полковника Жебрака. Мы нашли его среди тел десяти офицеров его верного штаба.

Командира едва можно было признать. Его лицо, почерневшее, в запекшейся крови, было размозжено прикладом. Он лежал голый. Грудь и ноги были обуглены. Наш командир был, очевидно, тяжело ранен в атаке. Красные захватили его еще живым, били прикладами, пыгали, жгли на огне. Его запытали. Его сожгли живым. Также запытали красные и многих других наших бойцов».

Ну, скажите: можно ли было простить большевистским отрядам, вошедшим в том же апреле 18-го в Екатеринодар, (и переименовавшим город в Краснодар) – надругательство над телом великого воина Л.Корнилова?

Труп его выкопали из могилы. Раздели до исподнего. Привязали к лошади и целый день таскали по городским улицам, заставляя краснодарцев испражняться на тело русского генерала. В конце концов подвесили его вверх ногами на дереве, а бродячие собаки обгладывали ему лицо и руки...

Даже последнего покоя – могилки – не оставили на русской земле большевики ее верному сыну, всю свою военную жизнь проливавшему кровь за Отечество...

А может быть, белая Русская армия являла собой кучку отшельников? Может быть, остальной народ России ратовал за большевистский рай на земле и не считал это игом?

Вот еще одно свидетельство Туркула, беспристрастно рассказывающее о первых часах пребывания дроздовцев в отбитом у большевиков Ростове-на-Дону:

«Выслав вперед разведку, я с несколькими офицерами вошел в собор. Нас обдало теплотой огней и дыхания, живой теплотой огромной толпы молящихся. Все лица были освещены снизу, таинственно и чисто, свечами. Впереди качались, сияя, серебряные хоругви: крестный ход только что вернулся. Слева архиерей в белых ризах возгласил:

- Христос воскресе!

Молящиеся невнятно и дружно выдохнули:

- Воистину...

Мы были так рады, что вместо боя застали в Ростове светлую заутреню, что начали осторожно пробиваться вперед, чтобы похристосоваться с владыкой. А на нас сквозь огни свечей смотрели тяжелые глаза, округленные от изумления, даже от ужаса. С недоверием смотрели на наши офицерские погоны, на наши гимнастерки. Никто не знал, кто мы. Нас стали расспрашивать шепотом, торопливо. Мы сказали, что белые, что в Ростове Дроздовский. Темные глаза точно бы потеплели, нам поверили, с нами начали христосоваться...

Ростовцы пришли нас поздравлять на вокзал. Здесь были пожилые люди и седые дамы, были девушки в белых платьях, только что от заутрени, дети, молодежь. Нам несли в узелках куличи и пасхи...

В мерцании огней все это было как сон. Тут же, на вокзале, к нам записывались добровольцы, и рота наша росла с каждой минутой.

В два часа ночи на вокзал приехал Дроздовский. Его обступили, с ним христосовались. Его сухощавую фигуру среди легких огней и тонкое лицо в отбескивающем пенсне я тоже помню, как во сне. И как во сне, необычайном и нежном, подошла не нему маленькая девочка. Она как бы сквозила светом в своем белом праздничном платье. На худеньких ручках она подала Дроздовскому узелок, кажется с куличом, и внезапно, легким детским голосом, замирающим в тишине, стала говорить нашему командиру стихи. Я видел, как дрогнуло пенсне Дроздовского, как он побледнел. Он был растроган. Он поднял ребенка на руки, целуя маленькие ручки...

И еще одно бытовое свидетельство: «Недели через две в нашем полку начались свадьбы. Что ни день, то свадьба. За три недели стоянки в Новочеркасске, у нас было сыграно более пятидесяти свадеб. Мы породнились со всем городом. Какой простой, человеческой могла бы быть наша мирная жизнь на русской земле, если бы большевики не потоптали всю русскую жизнь...»

Бывший главком Русской армии генерал Михаил Васильевич Алексеев сказал как-то историческую фразу:

«К началу смуты в Русской армии было до четырехсот тысяч офицеров. Самые русские пространства могли помешать им всем прийти на мой призыв. Но если придет только десятая часть, только сорок тысяч, уже это создаст превосходную новую армию, в которую вольется тысяч шестьдесят солдат. А стотысячной Русской армии достаточно, чтобы спасти Россию!»

Во всех успехах и в поражении Белого движения – был один особый отряд.

Соединение бесстрашных профессиональных военных, людей обреченных судьбой, осознающих это, добровольно пошедших на такую жертвенность. Это были люди, беззаветно верившие генералу Л.Корнилову. Любившего его, не предавшие ни разу его идеалов, его памяти, имя им – корниловцы. Ядро их составляли те, кто прошел со своим кумиром знаменитый Ледовый поход. Кто плакал горько и искренне у его могилы, кто составил самое решительное звено Белого движения. Они шли первыми в бой на красные позиции, наводя страх и ужас одним своим появлением. Они прикрывали в войсках генерала Слащева, отход и исход Русской армии из России до последнего патрона, последнего парохода, последнего беженца.

Это их, захваченных на обрывистом крымском берегу в окопах, бежалостнотопили в Черном море десятками тысяч чекистские отряды Белы Куна и Землячки...

Русские генералы... Это особая статья и особа история России. От декабристов до вождей Белого движения, фронтов в Великой Отечественной... Лавр Георгиевич Корнилов особой «генеральской» статью не отличался. Маленький, юркий, жилистый, порывистый, с монголовидным лицом. Но он был умен и расчетлив, образован и удачив. Лидер по характеру. Окопный военачальник. Командир – отец, брат и друг солдатам. Великолепное генштабовское образование. Все звенья служебной лестницы – от ротного звена - до разведывательного управления Генштаба. Он знал в совершенстве более десятка языков. Служил в Сибири, Средней Азии, в Польше, Прибалтике. Был тайным военным агентом в Кашгарии и Персии. Военным атташе в Китае. Вождем-полководцем стал в Первую мировую войну, командуя, начиная с дивизии – армией и фронтом под началом у главкомов Алексеева и Брусилова. Единственный из генералов в Российской истории, попав в плен к немцам, бежал, вновь воевал на фронте.

Став Главнокомандующим Русской армией, он вел себя совершенно независимо по отношению к невежественным указаниям Временного правительства. Предвидел большевистское иго и жизнь свою положил в борьбе против власти интернационалистов-пролетарцев за Русь православную, за русский народ.

Очевидно, предвидя исход революционных событий в России, знал не хуже генерала Алексеева расстановку сил в армии, ее дислокацию и специфику огромной страны, еще в августе 1917 года Корнилов разоспал по всей стране сотни офицерских команд (из числа раненых, ограниченно годных к дальнейшей фронтовой службе) из числа преданных и доверявших лично ему людей. Приказ был отдан такой: «корниловцы» должны были укрепить на местах – в районах их проживания уже созданные офицерские союзы. Войти в контакт с действующими партийными ячейками монархистов, кадетов, националистов, эсеров. Вербовать, формировать, воспитывать и обучать ополченские формирования извольно определяющихся, гимназистов и студентов, демобилизованных фронтовиков, женщин-доброволок. Эти формирования становились второй, тайной армией Корнилова на просторах всей России, где тыл и фронт скоро начали меняться местами, а театры боевых действий напоминали хитросплетение нитей ткацких, слоеный пирог в огне гражданской войны. И кто знает, как сложилась бы история России, - не случись в судьбе Корнилова случайного осколка от снаряда...

Можно только предположить, к чему стремился главковерх в своих далеких замыслах, и как могла меняться ситуация. Вспомним: 360 тысяч офицеров - за созданным в западных и южных областях России внутренним фронтом гражданской войны. На трети территории государства сконцентрированы войска

Русской армии, части большевиков, фронтовые подразделения немцев, румын, чехо-словаков, венгров, англичан, французов, турок. Тысячи самостоятельных отрядиков и банд разношерстного партийного отребья, жаждущие сепаратизма: поляки, молдаване, финны, грузины, армяне...

А в тылах этой несугарази - полная неразбериха и хаос! Но Корнилов предвидел, что его Добровольческой армии - основному боеспособному костяку Белого движения - необходим, прежде всего, плацдарм, он и повел соратников на Дон, на Кубань, восток Украины, дабы создать здесь Южную Российской Империю. А укрепившись, искоренив большевизм, можно было стягивать к сильному центру остальные «пораженные» районы страны. Управлять ими посредством уже созданных в августе 17-го офицерскими союзами и ополчением, готовыми по единой - корниловской команде открыть тысячи местных фронтов, получать поддержку из юга России, от Корнилова.

Но история, как известно, не имеет сослагательного наклонения. И все было - так, как было...

Единственно, что нам остается, это помянуть тех корниловских воспитанников, которые сгинули в нынешней истории, не предав ни дела своего вождя, ни его памяти. Иго, установившееся за ними в России, сделало все, чтобы нам не осталось ни могил, ни имен, ни памяти по этим русским офицерам, воинам, патриотам.

По крупицам собираем мы сегодня документы, заметки, факты, фамилии, фотографии тех, кто именовал себя гордо русскими офицерами генерала Корнилова, кто исполнял его волю, долг перед отечеством и в нашем городе. Свидетельствует сподвижник Л.Г.Корнилова генерал Лукомский: «На Волгу - в Нижний Новгород, Казань, Самару, Царицын и Астрахань - были командированы офицеры с целью организовать там противобольшевистские силы и постараться, поднять восстание против большевиков, захватить в свои руки эти пункты».

Образовались: «Комитет спасения Родины и революции» в Оренбуржье, возглавляемый казачьим атаманом А.Дутовым, в Самаре - Союз офицеров и Гарнизонное военное совещание под руководством полковника Генштаба Н.Галкина, «Забулакская республика» в Татарии, Правительство партии «Алаш» в Башкирии, в Уральске казачье правительство генерала В.Толстова, Симбирске - военное командование полковника М.Муравьева...

Произошли восстания в Ярославле, Рыбинске, Муроме, Саратове, где главную роль играли офицеры-корниловцы. В Царицыне власть перешла в руки партии анархистов. В Самаре анархисты, максималисты, эсеры и офицерство руководили губисполкомом, в их руках был губвоенкомат.

Уже в мае 1917г. был образован Поволжский эсеровский центр: от Казани - до Астрахани, в него вошли Пензенская и Тамбовская губернии. В эсеровское правительство Поволжья вошли видные члены ЦК партии: Д.Донской, Ф.Федорович, М.Веденяпина, К.Буревой, П.Климушкин, В.Фортунатов, И.Брушвит, полковники - М.Муравьев и В.Лебедев.

Естественно, что большевиков такое положение в центре России не могло устраивать. Как мог смириться В.Ленин и его сподвижники с тем, что даже в родном городе Ильича - Симбирске прошедшие выборы в Учредительное собрание дали большевикам только 19,5 % голосов, что только 10 декабря 1917 года там была, вроде бы, установлена Советская власть? Что в марте 1918 года проэсеровский уездной Совет в посаде Мелекесс принял постановление о запрещении огульных хлебозаготовок и сорвал главную акцию - продовольственную политику большевиков?

Что в Бузулуке большинство голосов в городском Совете было за ленинцами, а в уездном Совете их не было вовсе?

Но вот – судьба! Пал генерал Корнилов. В стане Белой армии растерянность и безвластие. Резко притормаживается помошь со стороны стран Антанты. Из центра срочно к Самаре перебрасываются ударные отряды балтийских краснофлотцев, бронепоезда, бронемашины, орудия. Л. Троцкий отдает приказ о формировании частей из интернационалистов. Появляются под Казанью чuvашские и татарские социалистические полки, под Оренбургом – мусульманский легион, немецкий и венгерский батальоны, из военнопленных сформируются интернациональная бригада имени Карла Маркса, «Самарский коммунар» – сводный отряд, из 900 человек которого – половина были венграми, югославами, немцами. Организован Пензенский чехословацкий революционных полк, Социалистический отряд имени III-Интернационала – из военнопленных Австро-Венгерской Империи, Самарская Южно-Славянская коммунистическая группа войск (болгары, поляки, сербы, хорваты).

И вся эта армада чужестранцев, которым – до известного места – все российские проблемы, которая почти не говорит по-русски, – готовится для беспощадного удара по внутренней «контрреволюции». Большевики вооружались, отрабатывали приемы и методы борьбы со всеми несогласными с красной идеологией, с собственным народом. Интересно, что уже в 1917 году мелекесский уком партии посыпал в Петроград с особым заданием В. Тараканова и И. Кисина, чтобы привезти в посад... оружие.

Уже через месяц из арсеналов Казани они вывезли в Мелекесс 500 винтовок кавалеристского образца, пулеметы системы «Кольт» и 350 тысяч патронов... К тому времени в посаде было около 20000 жителей – это же по 175 пуль на каждого из них уже было заготовлено мелекесскими большевиками!

Уже в марте 1918-го посадскую большевистскую власть пробует на крепость отряд бывшего штабс-капитана И. Акимова. Двое суток Мелекесс находился на осадном положении. Бой шел с дружинниками-красногвардейцами Шмидта уже на посадских улицах. И только подошедшая со стороны Ставрополя-на-Волге подмога заставила Акимова ретироваться. Так началось в Поволжье знаменитое Чапанное восстание. Народной армией крестьян-чапанов командовал тоже бывший русский офицер, капитан А. Долинин – житель села Ягодное. Народным гневом полыхнули Самарская, Симбирская губернии, Пенза и Уральская область, часть Татарии. Не последнюю роль сыграли народные бунты в свержении Советской власти, а точнее – власти большевиков в мае-июле 1918 года.

К сожалению, и совершенно понятно, история коммунистического периода в СССР почти не сохранила нам портретов героев Белого движения. Патриотов и верных сынов России. О событиях, происходивших в те годы в Мелекессе, сохранились лишь немногие свидетельства участников и очевидцев.

В. Тараканов вспоминал, что однажды «черносотенцы» Мелекесса (а к ним он относил кадетов, монархистов, членов Союза офицеров и Михаила-архангела, даже эсеров) сорвали большевистский митинг 17 июня 1917 года в народном доме. Они выступали под лозунгом: «Долой предателей Родины!»

Позднее, - вспоминал большевик Кисин, - ответную акцию провели посадские коммунисты, затеяв потасовку с офицерами-корниловцами, проводившими формирование женского батальона. Даже дошло до захвата большевистского лидера Я. Пискалова фронтовиками, но обошлось только дракой с рабочими, без стрельбы.

Во время молебна на посадской площади в честь очередного наступления Русской армии, вновь возникла потасовка непримиримых противников. Иван

A.B. Колчак
в рабочем кабинете

Ларин вспоминал, что рабочим не понравились лозунги: «Долой немецких шпионов!» и «Боже, царя храни!» Потому, де, льнянщики из большевистской ячейки, пошли грудью на офицеров. Но – лукавит мемуарист. Рабочие посада вовсе были не так однородны своей «красной массой». Льнянщики поддерживали РСДРП(б); мукомольщики – партию меньшевиков; кожевники – эсеров... От того после молебна льнянщикам знатно, «по-фронтовому», намяли бока...

Но, как самый жестокий акт со стороны «корниловцев», любили коммунисты со стажем вспоминать, как отвалтузили ремнями офицеры по заголенным задницам «красных дам», переодетых монашками: Миусову, Каштанову, Гунерлак...

А дело в том, что эти раскрепощенные революцией посадские девицы-демократки, переодевшись в христовых невест (чем уже оскорбили чувство православных) и тайно проникли шпионить на заседание Союза офицеров. Где и были раскрыты. Думается, что поступили с ними посланцы Корнилова более чем гуманно...

Можно помянуть сегодня тех, кто честью, присягой, долгом и совестью остались верны своему главковерху всю гражданскую войну, ибо самая малая часть их ушли позднее за генералом П.Врангелем и адмиралом А.Колчаком, в эмиграцию. Остальные уже нашли свой славный конец на бескрайних полях сражений в России, были казнены или замордованы чекистами «железного» Дзержинского.

Самарское руководство офицерскими соединениями в губернии состояло из генерала Тыртова, полковников Галкина и Познанского. В нашем уезде известны отряды капитанов Долинина, Акимова, Богутинского, прапорщика Спириданова... В числе патриотов России были и посадские интеллигенты: Урядинский, Спиридовон, Марковы, Сироткин, Авдеевы. Следует здесь же помянуть продолжавших дело Корнилова воинов чапанного движения: Чилина, С.Пекарского, Сурова, Мызгалова, Михайлина, Новаковых, Клушкина. А рассказ о них – это уже другая история, по другому поводу.

II. «Без пули вам не обойтись...»

«...Мать, родившая и воспитавшая Ленина, тоже по справедливости должна в какой-то мере быть ответственной за дела сего сверхпалача.»

Василий Шульгин

5 января 1918 года большевики, во главе с В.Лениным, захватившие к тому времени фактическую власть в России, - разрешили открывать первое заседание Учредительного собрания, делегаты которого и должны были решить вопрос

об этой власти. Им такое право дали на самых в то время демократических выборах на местах сами народы новой России.

Дело осложнялось тем, что союзнические партии, под руководством РСДРП (б), уже имевшие в руках центральные властные структуры, аппарат, вооруженные силы, опору в губернских центрах и огромное желание - править народом, - на всенародных выборах в истинно народный орган власти - Учредительное собрание - получили менее 25 % голосов доверия. Правые (кадеты, монархисты, националисты) собрали 14 %. А вот правые эсеры, в союзе с меньшевиками, завоевали особое доверие народа — более 60 %. Следуя логике демократии, — они и должны были составить новые властные органы, взять правление страной в свои руки.

Да не тут-то было! Большевики, — самопровозгласившие себя партией и властью трудового народа, не могли согласиться с тем, что народ этот, исключая его сознательную часть - пролетариев - власть над собой им даровать не пожелал. Поэтому, в нарушение всяческих человеческих норм и любой юрисдикции, председатель ВЦИК - Янкель Свердлов решительно отстранил от ведения собрания старейшего депутата эсера С.Шевцова... Когда же собрание не подчинилось диктатуре большевиков, Ф.Раскольников зачитал ленинскую декларацию о том, что Учредительное собрание встало "поперек дороги рабочему и крестьянскому движению" и большевики покинули зал. За ними - левые эсеры. В этом хаосе председатель Центробалта П.Дыбенко передал матросу Железнякову приказ Ленина закрыть собрание и разогнать всех из зала!

Так тачалась гражданская война. Если говорить о законности властей того времени в России, следует помнить, что отречение от трона Николая II было в

Бронепоезд Полупанова «Свобода или смерть» перед отправкой на боевые позиции Симбирск-Бугульма

пользу его брата Михаила. Затем поправка - в пользу сына-царевича Алексея, при котором регентом назначался опять-таки Михаил. В свою очередь Михаил, отрекаясь от власти, назначил всенародные открытые выборы в Учредительное собрание, а дума назначила переходное, до собрания, Временное правительство Керенского. Вот на этом-то любая законность и кончается.

В октябре 17-го большевики совершили вооруженное восстание, низложив Временное правительство. А в ноябре выборы в Учредительное собрание состоялись. И правительство Ленина не ставило под сомнение этот факт, как и то, что власть в России должна была законно перейти его депутатам. Что же стало в январе, - мы уже знаем.

Но в жизни все гораздо сложнее. Можно разогнать собрание, не дав возможности и места для его работы, но как быть с непокорными депутатами, которых народ наделил законными полномочиями на власть? Только уничтожать. А сам народ - "не так проголосовавший и не тем власть поручивший"? Тоже должен быть уничтожен или запуган до смерти! Так оно и состоялось. Учредительное собрание, его делегатов и их выборщиков, большевики загнали в подполье, заставили вооружаться против себя, а затем, объявив контрреволюцией, принялись методично уничтожать. Первые очаги сопротивления бандитски изуродованной власти были созданы эсерами уже в феврале 18-го. К ним примкнули кадеты. Поддержали монархисты и русское офицерство. Мы уже знаем о походах генерала Корнилова на Дон и Кубань. Одновременно сопротивление, в невооруженном пока виде, началось во всей Волге, на Урале. Здесь эсеры имели неоспоримое большинство почти во всех местных Советах депутатов, на которые большевики старались опираться. Ленинские сторонники по несколько раз под разными предлогами тасовали состав местных Советов, производили перевыборы, но перевеса для себя добиться так и не смогли. Вот тогда-то и появились на местах карательные структуры власти, состоящие поголовно из большевиков, формально проголосованные на рабочих митингах - исполнкомы Советов, революционные комитеты, ревсоветы. А с этим народ уже мириться не мог. Тем более, что главным направлением их работы стало продовольственное ограбление крестьянства и всеобщая социализация имущества граждан. Вот в этой обстановке двоевластия (если не трое- или четверовластия) - и началось всеобщее ЗАКОНОЕ сопротивление большевизму. А началось еще в марте - с нашей, Самарской губернией. В Самару, где легально на местном уровне действовали эсеровские Советы и их поддерживало большинство населения, съехались депутаты разогнанного Учредительного собрания, избранные не только от этой губернии. Сначала до 50 человек, а к июню 1918-г уже более 100.

Именно здесь произошло целевое объединение социалистов: (социал-революционеры, социал-демократы (меньшевики), октябристы, народные социалисты, анархисты) и правых сил: монархисты, сторонники военной диктатуры, конституционные демократы и националисты. Такой "сплав" позволил - при поддержке извне - вооруженных отрядов Оренбургского казачьего правительства атамана Дутова и Уральского казачьего правительства генерала Толстова - низвергнуть большевистскую власть. Самару с боя взяли при поддержке чехословацкого корпуса военнонопленных, стоявшего в составах на железной дороге от Пензы до Владивостока и не пожелавшего по требованию большевиков разоружаться.

4 июня 1918 года была взята приступом Самара, а с нею - власть в Среднем Поволжье, позднее на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке (а до этого на юге России - вплоть до Орла) перешла, по сути, к законному правительству. В нашем

регионе она стала называться Комитетом членов Учредительного собрания (Комуч).

92 года прошло с того июня 1918 года. И, воскрешая события того времени в истории посада Мелекесса, нужно иметь в виду те временные, подчас специально проделанные искажения, чтобы разобраться в относительной истинности их. С 1851 года, момента создания Самарской губернии, посад Мелекесс входил в ее состав. И, хотя географически целесообразно уездным центром здесь был Ставрополь-на-Волге (ныне Тольятти), этот городок-крепостица по всем экономическим показателям и социальному развитию уступал нашему посаду. Волостной центр Мелекесс был бурно развивающимся, вторым после Самары по населению, деловому, торговому, промышленно-финансовому значениям городом. Губернии были упразднены лишь в 1928 году с созданием Средневолжской области (центр - Самара). И впервые Мелекесс вошел в подчинение Ульяновского округа. И это было толково. Посад наш к тому времени был более связан с Симбирском - Ульяновском. Ведь даже путь до него был вдвое короче, что до Самары, с прямым железнодорожным сообщением. А вот уездным, а потом районным центром Мелекесс стал на 10 лет раньше. С падением в июне 1918 года Самары, затем Ставрополя волжского, естественно, что и губернская, и уездная власти большевиков переместились в наш город. И он официально был объявлен уездным центром. Причем, такого не происходило в дальнейшем, когда власти эти, включая и мелекесскую, бежали последовательно: в Симбирск, Казань, Москву, Саратов, Покровск, - нигде более не образовывали они уезды или губернии...

Примечательно, что и новая власть Комуча не стала "перечить" в этом большевикам и упразднять мелекесский уездный статус, придавая тем самым законность данного решения. А власть законная в посаде Мелекесс была восстановлена 15 июля 1918 г. Это число очень важно, потому, что до сего дня существовала как бы неверная трактовка событий. Все официальные (советские) источники, воспоминания большевиков и, даже "Хроника событий в Мелекессе-Димитровграде (XVII - XX вв.)", изданная в 1998 году, называют дату "захвата Мелекесса чехословаками" - 18 июля. Т.е. очень "выгодную" советской пропаганде подтасовку - три дня, да в нашу пользу!

Исследуя этот вопрос, я задался целью: узнать какой же это был день недели. И вот в одной из работ, посвященных Мелекессу историком из Самары (а он работник архива и документальности его работ нет оснований не верить) узнаю: что "18 июля в четверг посад заняли чехи".

Сразу вспоминаются мемуары старой большевички А.Алексеевой, публиковавшиеся в местной прессе. С женской дотошностью, большой образованностью по тем годам, и ответственностью комиссара почт и телеграфа Мелекесского уезда, она описывает бегство из города большевистского ревкома, по заданию которого она работала:

"Вечером в воскресенье... мы сели в специальный поезд и покинули Мелекесс... На разъезде "Лес" Аблов решил с группой товарищей вернуться в город, чтобы взять там заложников".

Аблов убыл, а все уездное правительство до утра ждали их возвращения из Мелекесса на разъезде под Брянино.

Затем я обратился к цитатам из дневника мелекесского гимназиста Ю.Букина, хронологически фиксировавшего события тех дней - от 15 июля 1918 года:

"Утром в 6 часов проехали чехи, завязался бой... Большевики были разбиты, а чехи вошли в город. Наступил большой праздник".

Бой, очевидно, был с группой Аблова, расстреливавшей заложников.

Итак, если 18-е было четвергом, а воскресенье приходилось на 14 июля, то Мелекесс был освобожден от Советской власти в понедельник 15 июля. Да, 2 дня с боями под Бряндино и Чердаклами, под прикрытием бронепоезда Полупанова ревком, красногвардейские дружины, семьи и сторонники большевиков двигались к Симбирску. 17 июля они прибыли туда. Но в это время Мелекесс то был уже свободным!

Это в своих воспоминаниях и дневнике подтверждают А.Алексеева и Ю.Букин. Алексеева пишет о том, что они не просто садились в поезд, а : “...отряд отступал с боями, у больницы его обстреляли из пулемета... повстанцы стреляли и со стороны винного склада”. Между ул. Василевской и кладбищем (почти у вокзала) были окопы последней обороны красногвардейцев, прикрывающих спецсостав. И вот в этот уже ощетинившийся праведным огнем Мелекесс (интересно, кто это были?) решает вернуться с группой красногвардейцев Е.Аблов. Уже на разъезд “Лес” ему донесли, что в посаде (и это в воскресенье вечером!) организовано временное управление городом, куда вошли: бывший Голова посада К.Марков, врач Ривенский, член посадской Управы Иванов и управляющий марковской конторой Кашаев. Это за ними, чтобы они не могли произвести репрессий против оставшихся в Мелекессе семей большевиков, ходили “на охоту” абловцы. Нужно признать, что, несмотря на боестолкновение утром 15-го, “охота” была успешной. На разъезд красногвардейцы привели с собой Кашаева и офицеров Полякова, Грязнова, Бакаева (не они ли гнали ревком 14-го вечером из посада?). А вот бывшего Голову Мелекесса, престарелого К.Г.Маркова, скорее всего в эту ночь расстреляли (об этом есть косвенное свидетельство в воспоминаниях младшего брата Аброва - Виктора, бывшего среди “охотников”).

Дневник Ю.Букина фиксирует уже события понедельника. После боя: “Стала свобода в полном смысле этого слова. Чехи были встречены хорошо. В пользу их устраивали концерты, благотворительные сборы, произносили торжественные речи, кричали “Ура!”. И это в «советском» то Мелекессе? Где по воспоминаниям ленинцев, любили большевиков?

Буквально по факту, по крупице приходится “высевывать” из различных источников и воспоминаний имена тех наших земляков, кто радостно встречал приход законной власти - Учредительного собрания, кто позже сложил голову в борьбе с большевистской диктатурой. И первыми, несомненно, в этом ряду стоят К.Г.Марков, Кашаев, Грязнов, Поляков, Бакаев, Ривенский, Иванов. Я сомневаюсь, что они сумели уйти от революционного возмездия и красной пули, вряд ли кому-нибудь из них удалось уйти на чужбину...

Хроника борьбы за родной наш посад Мелекесс любопытна и поучительна. Первые кружки, организации социал-демократов появились у нас в конце XIX века, приблизительно в 1895-1897 г.г. Причем “зараза” эта социалистическая шла в основном от переселенцев третьей волны, разночинной интеллигенции: петрашевцев, народовольцев, михайловцев... Известно, что один из видных социалистов-шестидесятников XIX века, друг и соратник А.Михайлова (народоволец, конспиратор, подпольщик-террорист) - Н.В.Шелгунов начинал свою ученную и литературную карьеру лесоводом в Мелекессе. Сюда он приехал из Петербурга.

Позднее в посаде поселилась семья саратовцев Голубевых. Глава ее Василий Акимович был бухгалтером посадской Управы и заведовал общественной библиотекой, а в 1917-м недолго исполнял обязанности посадского Головы. А вот жена его (как и ее родственники) явно увлекалась социал-демократической идеологией. В 1898 году на короткое время в Мелекессе появляется, скрываясь от

преследования, после разгрома в Екатеринбурге подпольной большевистской типографии, член ЦК РСДРП (б) Мария Моисеевна Эссен - сестра Анны Моисеевны Голубевой. Она, наверное, была самой знаменитой фигурой среди посещавших за все время наш Мелекесс.

Если перечислять далее, то окажется, что Абловы были из Симбирска, Матвеев - из Саратова, Я. Пискалов, хоть родом из Чередаклинского района, революционное воспитание, как и И.Ларин, получал в Азербайджане, где верховодили Шаумян, Микоян, Сталин, Камо, Берия...

Хочу сказать, что размеренно наложенная, почти патриархальная жизнь в Мелекессе, где обживались волжские казаки, чуваши, казанские татары, елабужские крестьяне, не всколыхнулась, когда с Камы, Чусовой, из Устьюга сюда пришла вторая волна переселенцев-староверов. Они тоже основательно устраивались, умело торговали, богатели, по-божески относились к кормившимся возле них согражданам. Социал-революционного нашествия демократов ленинской ориентации наш посад уже не выдержал.

Работа местных социал-демократов активизировалась с появлением в наших местах Абловых, Пискалова, Ларина, - сведения о первой "маевке", проведенной ими на Лесной горке отрывочно. Известно, что организовал ее студент Николай Аблов. С ним же были братья Прокофьевы, учитель Агафонов, врач Чебуркин. Из трех Прокофьевых - рабочим можно назвать только Николая. Павел был конторщиком, Александр - учителем грамоты.

Доблестная мелекесская полиция, сумевшая изловить в посаде саму Эссен- "Зверя", и здесь оказалась на высоте. Аблову пришлось бежать заграницу, Агафонов после мордобоя в полиции, заболел и умер. Остальным социалистам тоже досталось "на орехи".

Лишь с появлением в 1910 г. в Мелекессе Пискалова, социалисты сумели более-менее организоваться в кружок "Больничная касса" на льнопрядильной и ткацкой фабрике (кстати, с тех пор фабрика и стала гнездом большевиков, опорой их в нашем посаде). Сюда уже кроме Прокофьевых вошли Пискалов, Межевов, Глухов, Лукин, Косов, Барабаев, Ф. Топталин, П. Топталин (сын), Можелов, учитель Чембарцев. Многочего, правда, они не добились, - выдвинули только Пискалова в выборщики на губернское собрание по выдвижению кандидатов в IV Государственную думу. А вскоре главарь их бежал от полицейского надзора из Мелекесса - в Самару,

В Мелекессе он появился вновь только в 1916 году. Вот здесь уже можно говорить о настоящей ячейке большевиков. Вернулся, дезертировавший с фронта, студент-недоучка Евгений Аблов. Был привлечен к работе социалистов фельдшер Александр Козлов. С ними были те же братья Прокофьевы, Н. Земин, Н. Юсов, М. Артемьев, Ф. Курносов, К. Бакаев, В. Кисин, М. Мисосова - всего 20 человек.

Неудивительно, что на фоне поголовного хлебопашства вокруг посада, в городке верх держали социалисты-революционеры (эсеры) самая массовая партия в России. Были кадеты. Мукомолы в основном поддерживали меньшевиков. Солдаты-фронтовики проповедовали анархизм. Купечество и офицеры-фронтовики были монархистами и организовались под черным национальным русским флагом в "Союзе Михаила-архангела"... Естественно, что на этом общественно-политическом фоне ходу большевикам не было. Не было и той люмпенской (пролетарской) среды, где бы они могли вербовать своих сторонников. Рабочий Мелекесс был городом мещан-мастеровых.

И только в феврале 17-го, после свержения монархии, при разгуле почти анархической свободы, стала пополняться большевистская организация посада,

появилось и много заезжих социал-демократов: Г.Кульков, С.Осипов, Львов, Б.Тришин, П.Андреев, Н.Эшенбах, В.Шмидт, А.Алексеев...

Распоясались они до такой степени, что есть воспоминания В.Аблова, где он с гордостью говорит о своем отце в этот период. Старик Н.Аблов, не вынеся “омерзительных физиономий держиморд”, оказался возле полицейского участка, а когда оттуда вышел пристав (!), сорвал с него красную повязку. Гуманные власти только два дня продержали главу семейства Абловых в каталажке.

И с особым восторгом описывает Виктор Николаевич прямо-таки матерный разговор своего брата - лидера посадского Совета - с престарелой дамой, дворянкой Тресвятской “помещицы из усадьбы Немировича-Данченко”, которая если имела отношение к “проставленному организатору Малого Художественного театра... то позорила его имя”. Уж тем, что жаловалась на мужиков, разоривших ее имение, захвативших дом, порубивших сад...

Уже в октябре 17-го, мы знаем, сколько оружия завезли в посад Тараканов Й Кисин. И стрелять из него пришлось...

19 февраля 1918 года в Мелекессе против большевиков и их политики уже поднял мятеж начальник продовольственной милиции уезда Родников и его отряд, осуществлявший в уезде принудительный отбор хлеба у крестьян по приказу совдепа, попытался овладеть Мелекессом. Два дня в городе и пригородах шли бои. Потом подоспела помощь из Симбирска: два взвода пехоты и кавалерийский эскадрон. Мятежникам пришлось скрываться в лесах. И еще в феврале-апреле 1918г. военная помощь Мелекессу и его новой власти оказывалась ТРИЖДЫ. А это уже говорят об организованном и планомерном сопротивлении коммунистам-ленинцам. В конце концов - в посаде было введено ВОЕННОЕ положение. Образована военная коллегия из 5 членов партии. А главное, - был создан регулярный красногвардейский отряд. Сюда же были стянуты боевые дружины из Хмелевки, Рождественский отряд, был вооружен отряд из германских военнопленных моряков под командой Рено Пащенко.

Нужно сказать, что к тому времени только еще начиналось формирование регулярной рабоче-крестьянской армии. Все воинские соединения, отряды, красногвардейские дружины на территориях Самарской и Симбирской губерний действовали разрозненно. Не было единых штабов, армия большевиков была полупартизанской. Но, не смотря на это, тем более в условиях открытой оппозиции и полного неприятия решений и легитимности правительства В.Ленина делегатами Учредительного собрания, большевики вовсю готовились к вооруженному столкновению как с контрреволюционными силами (Белая армия Л.Корнилова, “Союз возрождения” и “Национальный центр” - полуподпольные формирования Б.Савинкова), так и против своих “попутчиков в революции” - левых эсеров и их сторонников в Учредительном собрании.

Потому помощь Мелекессу приходила от ближайшего кадрового воинского формирования - Симбирской группы войск, куда территориально входил и посадский отряд. Командовал этой группой войск сначала симбирский губвоенком, левый эсер К.Иванов. Но, как оказалось, он был другом и соратником мятежного главкома Восточного фронта М.Муравьева и поддержал его в июньском мятеже. Говорят, что Иванов всячески тормозил формирования частей РККА, потому был заменен на Пугачевского, при котором политкомиссаром находился большевик В.С.Певзнер...

К этому времени, пока еще не стих радостно-победный и ехидный смех В.Ленина, когда ему рассказали, как Дыбенко и Железняков разгоняли “Учредиловку”, делегаты избранного народом органа настоящей

государственной власти объявили большевикам гражданскую войну. О том, на сколько это было серьезно, можно судить по тому, что в марте 18-го Ленин и его правительство срочно покинули Петроград, обосновались в "провинциальной" Москве, укрывшись за кремлевскими стенами.

Раз уж т.н. действующая власть, оккупировав провинцию, утверждает свое верховенство над всей, еще не подчиненной Россией, то почему бы не образовать противовес ТАКОЙ власти. И он образовывается. В Поволжскую эсеровскую республику срочно выезжают депутаты Учредительного собрания, в основном - эсеры.

Так, к маю 1918 года возникает еще один центр, но уже законной власти в России - в Самаре. Здесь собираются не только депутаты Учредительного собрания от Самары, но и от Симбирска, Саратова, Царицына, Казани, Нижнего Новгорода. Твери, Екатеринбурга, Уфы. Естественно, что в Поволжье определяется двоевластие, - причем, поддержку в массах имеют учредиловцы. Кроме уже известных имен: П.Климушкина, Б.Форнтуанова, И.Брушвита, И.Нестерова, В.Вольского, - следует назвать: И.Майского (Ляховецкого) - с конца 20-х - высокопоставленного ленинского и сталинского дипломата, меньшевика - П.Маслова, В.Алмазова, Д.Ракова, П.Белозерова. В.Абрамова, М.Воденялина, Е.Лазарева, М.Гендельмана, Е.Яшнова, Роговского, В.Оболенского, В.Пепеляева, П.Герасимова... К июню 1918-го - они составили почти 50% от состава всего Учредительного собрания.

Председатель Самарского губкома Валериан Куйбышев метался как в лихорадке. И без вооруженных наступлений противников большевиков, власть мирно и законно перетекала в руки "Учредиловки", к эсерам. Они целиком занимали многие организации, военкоматы, советы. Куйбышев противопоставлял им митинги, будоражившие рабочие и солдатские массы в Самаре. Большевики мастерски владели ораторским искусством, методом подтасовки фактов, управлением психологией толпы, умением сулить сказочную жизнь в коммунизме.

Советская власть - от Пензы до Владивостока рухнула враз в конце мая 1918 года. Виною тому стал приказ наркомвоенмора Л.Троцкого о разоружении нескольких дивизий чехословакских легионеров-военнопленных, двигавшихся в эшелонах по Транссибу в порты на Тихом океане, чтобы оттуда уплыть во Францию, на замену русских экспедиционных корпусов, сражавшихся с немцами в Европе. Чехословаки оружие большевикам сдавать отказались и начали захватывать все города по пути следования их эшелонов. Бывший командующий Поволжской группой войск чехословаков генерал (а в то время - поручик) С.Чечек в своем Докладе на собрании общества участников Волжского движения, в Праге 17 июня 1928 года вспоминал:

"24 мая командир 1-ой дивизии Чехословакского корпуса генерал Коломенский отказался от командования и покинул Пензу. Я, пользуясь мандатом Чехословакского Временного исполнительного комитета, вступил в командование дивизией".

28 мая пала Пенза. Пала без боя. Чехословаки двигались к Самаре. Мост через Волгу в районе Сызрани обороняли красногвардейцы. После нескольких артиллерийских залпов чехословаки вступили с большевиками в переговоры. И предметы, и сама Сызрань пали без боя. Почти бескровно были захвачены мосты у Самары. Уже 4 июня 1918 года все советские большевистские организации покинули Самару и отступили к Симбирску. Вот здесь и начинается боевая история нашего Мелекесса.

В посаде во главе самарских беженцев были В.Куйбышев и, присланный из центра “навести порядок” Н.Подвойский. Их главный штаб располагался в летней резиденции Головы посада К.Г.Маркова. До тех пор, пока дом не сожгли повстанцы. А.Алексеева вспоминает, что 4 июня, когда она получила сообщение о падении Самары и восстановлении там законной власти Комитета Учредительного собрания, ее руководитель - начальник почтово-телеграфной конторы Проскурин не мог скрыть радости и убежал извещать своих единомышленников. Уже 5 июня в городе раздались набатные раскаты колоколов, народ спешил собраться на площади, но красногвардейцы встретили их залпами из винтовок. 6 июня на улицах посада был недолгий бой. Это наши местные патриоты пытались ударить по большевикам изнутри, не дожидаясь чехословаков. Силы пока были не равны, и отряд самаро-симбирско-мелекесских партийцев рассеял мятежников. Называется и несколько имен мятежников: Лабынцев, Палалеев, Алексеев, Василий и Александр Пасецковы. И уточняется, что это были сыновья состоятельных людей Мелекесса. Рассеять-то рассеяли... Но в ночи на 8 июня штаб Куйбышева и дом Марковых заполыхал и выгорел дотла. Помню, еще в 60-е годы прошлого века мы ходили в парк мелькомбината и искали в буряне основательный каменный фундамент этой летней резиденции. Можно было найти и остатки поколотой мраморной лестницы у фасада здания. По эти остаткам было видно, что здание было большим...

С приходом большевистского руководства Самарской губернии в Мелекесс, началась почти поголовная мобилизация против наступающего врага. А врагом были, конечно же, не чужаки-чехословаки, с которыми справились бы быстроенько, а избранные народом члены Учредительного собрания. Вина их состояла, по словам В.Ленина, уже в том, что они не признали законной властью тех, кто совершил в октябре 1917-го государственный переворот, и тем уже была «ужасной».

В Мелекессе шли обыски, аресты “состоятельных” людей, в уезде спешно забирали хлеб у крестьян и отправляли в Центр, в банках паковали валютные запасы и ценности, жгли документы...

Всё благо, которое досталось посаду, приютившему губернские власти коммунистов, - стало объявление ими Мелекесса уездным городом, так как Ставрополь-на-Волге тоже был покинут большевиками. Уже 13 июня над этим городком появилась авиация, сформированной в Самаре Народной армии. А 15-го с Волги был высажен офицерский десант с буксирующим пароходом и пассажирских судов. Без боя они вошли в городок. А бывшие его “правители” уже были в Мелекессе.

В советской историографии события тех дней, что касается происходившего в Мелекессе, описаны скучно. И может сложиться впечатление, что все приехавшие в наш посад партийные бонзы так кучей здесь и сидели, дожидаясь, когда Мелекесс от них освободит Народная армия.

Нет, это далеко не так. Скажем, В.Куйбышев 7-8 июня был в Симбирске, где совещался с местными товарищами из губкома партии. А вот с 4-10 июля он уже в Москве, на V съезде Советов, на отчете перед Лениным за Самару. И, если А.Алексеева вспоминает, что 14-го после обеда он напутствует отступающих красногвардейцев Мелекесса, то **17 июля в Симбирск** следует приказ РВС Республики о назначении Куйбышев политкомиссаром в армию к Тухачевскому...

Возвращаясь к интересующей нас дате - 14 июля, - следует отметить, что именно в этот день в Мелекессе Куйбышев назначил (не будучи армейским начальником!) “командиром Мелекесско-Бугурсланской группой войск Алеева, а политкомом

группы Васянина". Хотя, лично мне кажется, здесь произошла просто опечатка. О каком Бугуруслане может идти речь, если городок это давно уже был захвачен войсками казацкого атамана А.Дутова? Потому, видимо, речь может идти о более локальном районе или направлении - Мелекеско-Бугульминском.

Интересна и телеграфная переписка красных командиров того периода!

14 июля в 12 часов 10 минут командарм Тухачевский отдает приказ Пугачевскому о взятии станции Погрузная и освобождении ее от белочехов. Иными словами, - 14 числа в 40 верстах от Мелекесса уже стоят войска Народной армии, а в посаде начата эвакуация...

17 июля Тухачевский доносит в Казань (в штаб фронта) о том, что части Симбирской группы войск продолжают отход от Мелекесса (не на основании ли этой телеграммы был взят официальный срок падения Мелекесса - 18 июля?). А по источникам мелекесских большевиков-ветеранов следует, что наш эшелон с Мелекесским отрядом и бронепоезд Полупанова 17-го были уже в Симбирске и размещались: военнообязанные в Киндяковке, гражданские и руководители - в полуподвале Дома юности. Совершенно идиотски выглядит телеграмма-приказ Тухачевскому и другим командармам - из штаба Восточного фронта с требованием: "...энергичнее двинуть правые группы на юг в район железной дороги Мелекесс-Бугульма". Из текста-приказа, посланного из Казани в 21 час 20 минут следует, - что штаб фронта совершенно не владеет обстановкой, ибо уже 22 июля пал Симбирск и началось паническое бегство войск в красную Казань, а оттуда до Нижнего Новгорода...

15 июля 1918 года в Мелекессе была восстановлена законная власть. Власть, если это приемлемо к тем условиям, была коалиционной. Город брал сводный отряд штабс-капитана П.Степанова. В нем были, как чехословакие подразделения, так и офицерские роты Народной армии. Всего: 6000 штыков и сабель, 46 орудий, 160 пулеметов, 6 пароходов на Волге.

Здесь нужно сделать отступление и сказать, что в Чехословакском корпусе войск было несколько дивизий и среди них, в полковом звене, было немало офицеров Русской армии. Поволжской группой войск командовал С.Чечек. Курганской - генерал Я.Сыровы, Западно-Сибирской - генерал Р.Гайда (Гендель), штабной работой ведал генерал М.Р.Штефанек. Представителем ЧСК в Самаре был Фишер, в Пензе командовали Мадек и Ленфелат. Среди военных руководителей были: Кадлец, Клецанда, Я.Индра, В.Фундачек, Ребенда (начальник горнозаводского ЧСК в Самаре) и т.д. Но русские офицеры тоже внесли свой вклад в победу над большевиками. Князь, генерал В.Голицын, М.Дитерихс - генерал-лейтенант (будущий Воевода Приморской земской рати), герал-лейтенант В.Каппель (главком Восточного фронта у Колчака), генерал Хорошхин, полковник (затем генерал-лейтенант) С.Войцеховский.

Вот о нем следовало бы сказать отдельно. Вслед за С.Чечеком он принял командование Пензенской дивизией, затем Поволжской группой войск ЧСК. А на ее основе формировал Народную армию Комуча.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ВОЙЦЕХОВСКИЙ (1883-1948 гг.)

Родился недалеко от Мелекесса в семье помещика Уфимской губернии.

Отец его в молодости тоже был русским офицером. Дворянин. После военного училища и недолгой полковой службы С.Войцеховский блестящее заканчивает полный курс Николаевской Академии Генштаба. Участник Первой мировой войны. Подполковник. Начальник штаба 1-й чехословакской дивизии. Один из организаторов мятежа ЧСК против большевиков.

После отступления Народной армии, командаeт Челябинской группой войск, затем группой войск на уфимском направлении, 2-м Уфимским корпусом. В июле 1919 г. назначается Верховным правителем России адмиралом А. Колчаком - командующим 2-й армией, а при отступлении войск Сибирской Директории от Омска, - командующим войсками Директории, вплоть до озера Байкал.

После разгрома Сибирской Директории, некоторое время служит в частях атамана Забайкальского казачьего войска Семенова. Впоследствии эмигрировал в Чехословакию, где был министром обороны этой страны...

Это его подразделения 15 июля в 6 часов утра вошли в Мелекесс, где были встречены радостными жителями, оркестрами, молебном. Очень хотелось бы знать, кто были эти люди, наши предки, хорошо осознавшие уже, что несла им диктатура пролетариата?

История сохранила лишь немногие времена. Это - лидер эсеровской организации в Мелекессе Кочкуров, кадет - учитель гимназии Урядинский, священник В. Сокольский, литератор Ф. Б. Яблонский (псевдоним Булатов), директор ремесленного училища А. Н. Гордеев, телеграфист Стрелков, дочь петроградского хозяина заводов и жена расстрелянного большевиками генерала Русской армии - Е. И. Торчевская, хозяин одной из мелекесских мельниц Крылов, хлебопеки А. Приданкин, Г. П. Белоногов, фотограф И. Г. Букин, жена русского офицера Ильина и еще тысячи свободных граждан посада Мелекесс...

Если большевистский совдеп находился в нашем городе в доме купца Масленникова, то комендатура Народной армии разместилась на Ново-Соборной улице. Комендантами в Мелекессе было двое: чехословацкий прапорщик П. Турза и русский поручик Гладилин. Мы не знаем, к сожалению, кто из мелекесских граждан составил гражданское управление посадом. Те люди, о которых говорилось выше, которые уже вечером 14-го приняли на себя эти хлопоты, были убиты или пленены красными. А сегодня можно только с уверенностью назвать представителя Самарского Комуча в Мелекессе - прапорщика Бочкарева.

Жизнь начала понемногу налаживаться. Еще бы не восторженно приняли мелекесцы правительенную программу Комуча, если в ней гарантировалось: главенство политической, законодательной, исполнительной, судебной и военной властей. Сами же эти власти называли себя скромно ПЕРЕХОДНЫМИ - до нового созыва Учредительного собрания в России по системе "четыреххвостки": прямые, тайные, равные и всеобщие выборы!

Сразу же в Поволжье, освобожденном от большевистской диктатуры, были восстановлены демократические свободы: слова, права граждан на самоуправление; был вновь объявлен не десяти, а 8-часовой рабочий день; созыв рабочих профсоюзов и всекрестьянского съезда; возврат собственности хозяевам; разрешение на частную торговлю и, главное, - хлебом по свободной цене; восстановление в правах городских дум, земских управ и собраний...

Вот возвращать, правда, хозяевам было пока нечего. Все ценное большевики успели изъять и вывезти. По свидетельствам старожилов еще за две недели до освобождения Мелекесса была остановлена льнопрядильная и ткацкая фабрика - оплот большевизма в посаде. Рабочих заставили размонтировать оборудование и станки. Были наглухо испорчены паровые машины. Запасные части и основные узлы попрятали по колодцам, закопали в ямы. Работами эти с большим энтузиазмом руководил главный механик Петр Осипович Саможевский.

Недолго, всего полгода, подержалась в Поволжье власть Комуча. Но значение самого факта ее существования неоценимо.

1. Хотя и вооруженное, но восстановление законного правления в России стало фактом, что с большевизацией страны можно и нужно бороться, что народ в массе своей был ПРОТИВ коммунизации и диктатуры одного класса над всеми остальными.

2. В России после абсолютного монархического, а затем диктаторского управления, стало возможным коалиционное управление идеологически разных политических движений на основе договоренностей и взаимотерпения друг друга.

3. Сближение различных между собой политических, экономических и социальных программ, дало такой сплав надежности жизни, что люди поверили в подлинную народность власти Комуча.

4. Установление правления Комуча в сердцевинной России и отвлечение на себя главных сил правительства Ленина, позволило организоваться и мобилизоваться всем антибольшевистским силам на Дону, Кубани, в Крыму, на Украине, в Прибалтике, Беломорье, на Урале, в Сибири, в Забайкалье и на Дальнем Востоке.

5. Пример Комуча - локальной победы и локального управления на данной территории, вызвал оживление подобной работы правительства во многих краях и регионах России.

6. Лучшие патриоты Родины, сторонники демократии и народовластия, националисты и интернационалисты сошлись воедино на всенародное Вече и в оплочнение против одного, но смертельного своим космополитизмом жесточайшего врага российских народов.

7. Основа этой борьбы - Народная армия Комуча стала основой и опорой военного сопротивления ленинским интернациональным военным ордам еще на три года. Вновь почувствовали воинское единение, боевой дух, силу оружия все те солдаты и офицеры Русской армии, среди которых после гибели Корнилова, Кaledина, Алексеева было полное замешательство.

Интересно, что почин командарма Тухачевского - призыв в РККА бывших царских офицеров (подневольно!), - рухнул уже 29 июля 1919 года. На фронте начался массовый переход офицеров и солдат-фронтовиков на сторону Народной армии. И только жесточайшими и репрессивными методами: расстрелами, забиранием семей в заложники, - наркомвоенмору Л. Троцкому удалось это бегство прекратить. Или, вернее сказать, загнать процесс внутрь организма, ибо, служа в РККА, русские офицеры долго еще гадили красным штабам, срывая многие операции, воплощая свою ненависть к большевизму в подпольное сопротивление.

Объективно, есть и другая сторона деятельности Комуча, которая стала основой его недолговечности и поражения. Это полярность мировоззрений руководящих кадров данного правительства. Как мы уже знаем, - "главную роль" в этом действии играли члены партии социалистов-революционеров. Их просто было большинство, в том числе и в поддержке народом. Однако их программа была очень близка большевистской. Она отражала классовый подход к будущему переустройству России. И, если ленинцы делали ставку на рабочих, матросов, то эсеры, не отрицая такого подхода, - ставили все же на крестьянство. И те, и другие практически не учитывали интересов представителей буржуазии, дворянства, интеллигенции, деловых кругов.

И, хотя вдохновитель и лидер Комуча Климушкин говорил, что: "...мы избрали этот третий путь объединения творческих сил России", - разногласия нарастали снизу.

Мы уже говорили о партиях-соратниках. Грубо это выглядело так:

- лагерь социалистов - эсеры, меньшевики, октябристы, энэсы, сионистская трудовая партия (не путать с Бундом!), стоящая в оппозиции большевикам, алашординцы и более мелкие организации и фракции;

- лагерь монархистов - конституционные демократы (кадеты), "Правый центр", "Союз русского народа", "Тактический центр", "Национальный центр", "Союз защиты родины и свободы" и т.д.

Кроме них была еще третья сила. Национально ориентированные русские люди. Это - "Палата Михаила Архангела", "Союз Черного орла и землепашцев", "Союз офицеров Русской армии".

Вот от этих и пошел первый раскол, Недовольные свободомыслием и излишней народностью Комуча, они уже в августе 1918 года предпринимают решительные действия по антисоциализации Поволжья. В Самаре раскрыт подпольный право-офицерский заговор, организацией его руководит сын управляющего военными заводами губернатором поручик Злобин. Дело замяли, выводов не последовало.

Следом были уличены в заговоре уже более крупные фигуры: члены Комуча -полковник Н.Галкин и депутат Б.Фортунатов. Шума было, естественно, больше. После чего недовольные офицеры стали "эмигрировать" из Поволжской Народной армии В.Каппеля в Сибирь к Колчаку. Вскоре за ними последовал и сам командующий.

ВЛАДИМИРОСКАРОВИЧ КАППЕЛЬ (1883-1920 гг.)

Из Самарских дворян. После военного училища и службы в войсках, закончил полный курс Академии Генштаба. Участник Первой мировой войны. Полковник. Сторонник Комуча. Командовал группой войск в Народной армии. Командир Московской группой войск, командующий Поволжской Народной армией. Уехал в армию Колчака, где был командиром 9-го Волжского корпуса (бывшая Самарская группа войск). 1-м Волжским ударным корпусом (в него входили 1-я Самарская, 3-я Симбирская, 13-я Казанская стрелковые дивизии). Генерал-лейтенант, в мае 19-го командующий Западной армией. Командующий группой войск прикрытия во время отступления Сибирской армии к Иркутску. Главнокомандующий Восточным фронтом и Сибирской армией. Погиб в боях под Иркутском, ведя войска на выручку адмирала Колчака 25.01.20г.

Следует отметить, что Владимир Оскарович несколько раз бывал в Мелекессе, особенно в период боев под Казанью и при отступлении его корпуса из-под Симбирска в октябре 1918г.

Командующий корпусом
Народной армии Комуча
и Сибирской армией
В.О.Каппель

К августу 1918 г. территория, на которую распространялась законная власть - Комуча, располагалась с севера от Сарапула до Оренбурга на юге. И с запада - от Пензы - до Миаса на востоке. Правда, особенно в пограничных районах это был "слоеный пирог" - в террииторию Комуча вклинивались районы, контролируемые частями РККА. Потому освободительные бои Народной армии и Чехословацкому корпусу пришлось вести и с фронта, и с тыла, и внутри освобожденной территории. В Оренбуржье генерал Дутов с переменным успехом вел бои с интернациональными частями главкома красных Г.Зиновьева, и не мог столкнуть этот фронт далее Актюбинска. По Южному Уралу рейдовали войсковые группы В.Блюхера и И.Каширина, проникая глубоко в тылы Уфимской группировке Народной армии. Со стороны Саратова атаковали на два фронта: на Самару и на Уральск части главкомов Яковлева и Вацетиса. Особенно успешно действовала здесь 4-я Особая армия (поочередно возглавляемая - С.Загуменным, А.Ржевским, Т.Хвесиным), а в ее составе - 25-я дивизия В.Чапаева.

От Пензы и Алатаура уже ощутимо давили вновь формируемые части успешного командарма - 1-ой М.Тухачевского. Под Казанью упрямо держали фронт коммунистические интернациональные части И.Вацетиса, под контролем самого наркомвоенмора Л.Троцкого. С севера рейдовала дивизия В.Азина. Глубоко в порядки Комуча уже "вонзилась" 1-я Пензенская пехотная дивизия Воздвиженского. Причем, среди названных руководителей войск РККА, только сам нарком Л.Троцкий не имел боевого опыта и военной подготовки.

Наоборот же, в Народной армии были командиры добродушно подготовленные, имеющие опыт боевых действий, но... хронически не хватало солдатских масс, снаряжения, вооружения. Сначала армия была добровольной и, если у генералов Дутова и Толстова казачьи части были развернуты по штатам военного времени, а самим казакам не вновь воевать, то в обычных стрелковых и кавалерийских частях был недокомплект. Просчет партии эсеров, считавших себя "крестьянской партией", был очевиден: ни зажиточные хозяева, ни тем более - бедняки, - не торопились мобилизовываться. Хотя и немало потерпели от властей большевистских.

Но слишком короток был срок, примененной к ним диктатуры пролетариата, чтобы всерьез прочувствовать на своей шкуре продовольственный, социальный, политический террор. Кроме того, деревня, обескровленная тремя годами Мировой войны, только-только пришла к мирному труду, пополнению запасов.

Оттого, уже в августе 1918 года Комуч вынужден был прибегнуть к силовой и всеобщей мобилизации в Народную армию. А от призыва - до обученного бойца - должно пройти, как минимум, три месяца подготовки. Немногочисленные полки Нарармии уже "растворялись" в массе войск РККА. Растигая фронт, не могли уже сдерживать эти массы, огневую мощь. Все искусство таких полководцев, как С.Войцеховский, В.Каппель, М.Дитерихс, А.Дутов, В.А.Кутин, В.Болдырев, К.Сахаров, Бакич, Ватин, Геллер, Денисов, Корчаков, И.Попов, адмирал Старк, Тонких, М.Ханжин, Г.Щепихин, Г.Белов - было бессильно без пополнения войск, вооружением, техникой.

Перелом наступил в августе под Казанью. Все уперлось в переправу под Свияжском. Об упорности красных говорят и такие факты: наркомвоенмор Троцкий приказывал в отступающих с позиций полках расстреливать каждого 10-го! В тылу появились чекистские заградотряды с пулеметами. Здесь же началась массовая мобилизация в РККА бывших офицеров. Из Балтики - посуходу - перетащили в Волгу несколько эсминцев. Красный флот вел беспрерывный огонь по Казани. Ярость эта была понятна: 6 августа Народная армия захватила в

Казанском банке золотой запас России. В руках Комуча оказалось 500 тонн золота на сумму в 664984357,63 рубля. К сожалению, истратить на нужды борьбы с большевизмом эти деньги не удалось. 10 сентября войска Троцкого ворвались в Казань. А золотой запас пришлось отправлять за Урал...

Не особенно активно вели себя в бою и чехословаки. Они не горели желанием воевать в России, потому их дивизии цепко держались за свои эшелоны и железную дорогу, ведущую в порты Тихого океана.

С усилением в Сибири временного правительства окраины, создание в тылу у самарцев еще и Уфимской дирекции, - усилились разногласия среди депутатов Учредительного собрания, между представителями разных партий. Известно высказывание колчаковского предсомвина В.Пепеляева: "Учредительное собрание это - настоящего, полубольшевистского состава!"

Разногласия дошли до того, что был создан отдельно Уральский Комуч, охватывающий Прикамье. На разделительной линии даже строились таможенные посты. Если в Самаре верх держали эсеры, в Прикамье - всех было понемногу, то в Сибири власть прибрали к рукам явные монархисты.

Деполитизированные генералитет и офицерство, в основе своей составляли партию КВД (куда ветер дует), ударились в разгул, грабежи, бессмысленную жестокость по отношению к населению, свары меж собой.

Следует отметить и главный поражающий фактор в Белой России: это поголовная автономизация территории, яростное сепаратистское движение, не желавшее ничьей власти над собой. Башкирия и часть Казахстана превратились в территорию мусульманской "Алаш-орды". Атаман Анненков в Семиречье провозглашал "Сибирскую автономию казачьей крестьянской России". Появились отдельные Амурская и Забайкальская области (атаманы - Калмыков и Семенов). Дальневосточная республика генерала Хорвата. В Симбирске поднял мятеж левый эсер М.Муравьев и объявил создание Поволжской республики. И эта идея очень пришла по душе Самарскому Комучу. В Екатеринбурге и Ижевске последовательно образовывали Волжско-Камскую и Уральскую республики. Вслед за ними объявились Калмыцкое войсковое правительство у стен Царицына. Дутов желал Южно-уральскую казацкую автономию. А генерал Толстов - просто Уральскую казачью вольничу в Прикаспии. Средняя Азия делилась на Туркестан (красные), Закаспий (белые, эсеры и интервенты) и Амударьинский отдел (казаки, туркмены-джунаидовцы и младохивинцы). На северо-западе вовсю работали правительства генералов Юденича, Миллера и кадета Чайковского. В Финляндии спешно вооружал национальную армию Маннергейм. В Крыму - территория Югороссии. В Киеве и Львове - вильна Украина. В Гуляй-поле - махновская автономия. В Приднестровье - правление атамана Григорьева. Муравьев создал "Одессскую советскую республику". В Харькове и на Донбассе - свои областники. На Дону Краснов и Романовский отстаивают "свою территорию". На Кубани Науменко - свою. В Терской области - свой атаман Вдовченко. Горская республика - у Бичерахова. Приангарье - у Гришина-Алмазова. Дагестан - у Гоцинского. А еще "автономии" в Коканде, Фергане, Оше...

И вот это "лоскутное одеяло" из осколков бывшей империи предстояло соединять в одно целое полотнище - чего? Советской России, Сибирской Директории, Конституционно-монархической Конфедерации, Содружества Социалистических Народных Автономий?

Ответа на этот вопрос, пожалуй, дать не мог никто.

Наверное, стоит уже для убедительности еще перечислить фамилии тех, кто в одно или иное время становился лидером этакой "автономии": полковник

Федичкин, кадет Граве, “командующий”, капитан Юрьев (Ижевск); генерал Попов, квартирмейстер Розендель, Марков-2-й, В.Рычков, чех Ребенда в Казани; генералы Анненков, Красильников, Андогский, Апушкин, полковники Акинтиевский, Глухарев, Антонович, Захватов - у Колчака; мелкие ханы и “правители”: Алиханов (Чечня), Агаев (Астрахань), Алексеев (Ош), Бутенко (Манчжурия), Богаевский (Дон), Бай-Булак-Балахович (Эстония, Польша), Бермонт-Авалов (Прибалтика), Гаубиц (Асхабад); Гордеев (Ташкент), Глазенап (Вильно), Гамов (Хабаровск), Дитерихс (Владивосток), Драценко (Астрахань), Джуниковский (Андижан), Зайцев (Хива), Зыков (Нарва), Иванов-Реинов (Пишпек), Колесников (Китай), Колмыков (Благовещенск), Краковецкий (Новониколаевск), Унгерн и Казгаранди (Монголия), Лайдонер (Эстония), Мадритов (Краснодар), Мастерков (Ферганы), Май-Маевский (Харьков), Миллер (Архангельск), Монстров (Фергана), Ораз-хан Сердар (Геоктепе), Орлов (Симферополь), Тундутов (Калмыкия). Мадамин-бек (Памир), Фостиков (Сев. Кавказ), Хазар-Хан (Хазарский) - в Кизлы-Атреке) Шиллинг (Новороссийск), Шильников (Даурия), Лебедев (Сызрань)...

К ним можно прибавить фамилии членов Комуча Прикамского края В.Бузанова, Н.Евсеева, А.Корякина, мятежника в Якутии Чумикале, на Тамбовщине — полковника Эктора, всплески бунтов Беретти, Шмонина, Третьякова, Долинина, Штенгеля, Ямады, Мелентьевича, Медоловича, таежные войны староверов-никонианцев, Растролина, Горшкова, Гурова, Знаменского и т.д.

Главное: неоспоримо, что, несмотря на заведомый проигрыш, бесперспективность, политическую наивность, иногда - дурость, - большевики с 1918 по 1920 год получили нетушимое пожарище локальных войн практически в каждой российской губернии, каждом районе. Мятежники были наивны - они осознавали, что обречены на провал своих планов и смерть. И все же шли на этот смертельный бой во имя родины, во имя справедливости, против узурпации власти кликой нерусей Ленина.

III. Падение посада

“Всем русским военным начальникам - о пресечении деятельности бывших членов Самарского Комитета членов Учредительного собрания:
...пресекать преступную работу вышеуказанных лиц, не стесняясь применить оружие...”

Из приказа № 56 Верховного Правителя России, адмирала Русского флота А. В.

“Пусть 90 % русского народа погибнет лишь бы 10 % дожили до мировой революции”

Из письма В.Ленина в бельгийскую газету “Суар”

Итак, июль 1918 года. Власть Комитета Учредительного собрания в Самаре пока распространяется от Белорецка - до Нижнего Новгорода. От Актюбинска - до Перми. Но нас, естественно, интересует локальный район - Мелекесский уезд. 15 июля он вошел в состав “Поволжской Республики”. В Бугульму, Нурлат, Ставрополь, Мелекесс, Чистополь и Симбирск пришла новая власть. Взятие - или освобождение? Как оценивать эти успехи Комуча, Народной армии, ЧСК? Чуть ли не 100 лет нам с детского сада навязывали одно мнение. Одну идеологическую

версию. Одни факты советской историографии. Ибо другое (оборотная сторона) было не публиковано, запрещено. Оттого и анализ этих событий был невозможен. Ныне - завеса молчания и "пряток" прорвана. И мы можем хотя бы сравнивать, думать, сопоставлять.

После падения Ставропольского района и Самары, все боевые действия свершались в основном по линии Бугульма - Мелекесс. Узловые пункты красные удерживали путем концентрации своих отрядов и бронегрупп. Пытаясь таким образом прикрыть тотальный вывоз банковских ценностей, продовольствия, вооружения, продукции стратегического характера.

Мелекесский уезд пал 16 июня. Не весь. Со стороны Ставрополя - до Лебяжьего включительно, еще действовала красная группа, которая пыталась соединиться со своими войсками — под Чистополем. Командующий Симбирской группой войск матрос Пугачевский получил соответствующий приказ из штаба фронта из Казани. Но 1-й стрелковый полк чехословаков и приданые ему части Народной армии стремительно накатывались от Нурлата "по железке" в Мелекесс - и далее на Симбирск. Командовал этими боеспособными частями капитан (далее - полковник) Степанов.

АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ СТЕПАНОВ

Уроженец Уфимской губернии, дворянин, помещик. В I-ю Мировую войну служил начальником разведывательного отделения штаба 39-го армейского корпуса. Затем переведен в Чешско-Словацкий корпус на должность командира "I-го Чешско-Словацкого стрелкового Яна Гуса полка". Воевал с немцами на Украине, форсировав Днепр с боями пробился на Волгу. Монархист. Личный друг генерала С. Чечека. В боях под Казанью ему была переподчинена вся северная (правофланговая) группировка войск ЧСК и Нарармии.

6 сентября 18-го только благодаря воинским талантам и мужеству В. Степанова, прикрывавшего сначала Самару, за затем Уфу, войскам Комуча удалось избежнуть тотального истребления армиями М. Фрунзе и, отойдя за Уральский хребет, стать передовыми ударными отрядами Сибирского войска адмирала Колчака.

"Отряд большевиков, - вспоминает А.Степанов, - силуя до трех тысяч человек, при нескольких орудиях, оперировавший в районе Ставрополя, двинулся к Мелекессу на соединение с войсками, действовавшими против нас... Мною, на той же станции Нурлат от 16 июля был отдан приказ, в котором авангарду поручика Груза (4 роты, 1 эскадрон, 6 орудий, 1 взвод инженерной работы, 2 бронепоезда и 2 пулеметные команды), ставилась задача: энергично преследуя противника, не дать ему возможности испортить железнодорожный мост через реку Черемшан и по овладении станцией, а, следовательно, и посадом Мелекесс, прочно закрепиться и немедленно установить связь с полковником Чечеком и штабом Народной армии... Летчику Мельчу произвести разведку по маршруту: полотно дороги - Симбирск, Сенгилей, Мелекесс и Нурлат, сбросить возвзвания и бомбы на неприятельские эшелоны.

Я задался целью не допустить соединения двух крупных отрядов большевиков и разбить их порознь.

Авангард блестяще выполнил поставленную ему задачу. Красные бежали и оставили Мелекесс но, будучи вынужденными восстановить большой деревянный мост, сожженный большевиками, мы не смогли двигаться вслед за ними.

Беспрерывными боями, с превосходившим, без преувеличения, в десять раз противником, полк был утомлен страшно.

...В ночь на 18 июля командующим большевистскими войсками товарищу Полупанову, главнокомандующим Тухачевским, вновь было приказано взять Мелекесс, что первым и было выполнено.

Поставленные в известность об уходе большевиков обрадованными жителями, мы довольно смело подходили к Мелекессу и неожиданно были встречены сильным огнем. Пришлось давать бой, который не отличался от всех предыдущих и базировался исключительно на обходах флангов, чего большевики не выдерживали.

Отряд товарища Полупанова был начисто ликвидирован, а красные, двинувшиеся по тракту со стороны Ставрополя, получив сведения о взятии Мелекесса, повернули прямо на северо-запад, предполагая, видимо, попасть раньше нас к мосту через Волгу.

Нужно было вновь перерезать им путь и сбить их расчеты. Пока в Мелекессе мною устанавливалась на местах власть и элементарный правовой порядок, красные, собрав решительно все силы, бывшие в их распоряжении на этом фронте, при поддержке значительной артиллерией (8-ми орудий, 2-х автоброневиков и 2-х бронированных поездов), сами перешли в решительное наступление и первоначально имели успех, когда удачным огнем артиллерией разбили в нашем главном эшелоне несколько вагонов, один из которых был со снарядами.

Исключительный героизм и хладнокровие ударников, под командой прапорщика Мусилека и 2-й роты прапорщика Фишера, помогли действительно уничтожить большевиков. Характерно последнее донесение Полупанова по аппарату: "И все мои войска разбиты, и все машины я потерял, и остался я один, и сам я болен и сам я уезжаю", но еще более характерен предыдущий обмен мнениями большевистских командующих: "какого-ж... вы сукины сыны, не высыпаете...?" Ответ: "...а где ж, в... тебе ее, мерзавец, найдем!"

Было ясно, что дорога на Симбирск открыта!

...К этому времени из Самары от начальника штаба от 21-го июля получил телеграмму, с подробной ориентировкой о ходе операции по правому берегу Волги отряда Народной армии, под командой подполковника Каппеля. "...Относительно частей противника на правом берегу, имеются сведения, что отряд Гая сегодня отступит на линию Бектяшка, затем Мордово и Еласурь, где предполагается занять позицию. Сообщите Ваше положение и предположение. Речной флотилии приказано сегодня энергично продвигаться вперед вверх по реке. Самара.

21 июля № 317. За начштаба, полковник Петров".

Относительно этого отряда я был кратко информирован в Мелекессе полковником Чечеком. Для единства действий отряд подчинялся мне, но его силу и место расположения я выяснить не мог".

К тому времени, власть, укреплять которую собирался в Мелекессе А.Степанов, была, можно сказать коалиционной, т.е. сборной. Кроме упоминавшихся выше кадетов, эсеров, меньшевиков, националистов, - сюда входили и такие "экзотические" партии и движения, как: Сионистская трудовая партия, "Союз защиты родины и свободы" Савинкова, "Национальный (тактический) центр", корниловский "Союз офицеров", энесы (национал-социалисты). Но, несмотря на "разноголосицу", 23 июля в посаде Мелекесс был издан "Приказ" по Мелекесскому уездному Отряду Народной Армии, подписанный начальником Мелекесского отряда по формированию Народной Армии полковником Пересвет-Солтаном:

“1. Армия комплектуется призывом добровольцев. 2. Минимальный срок службы - 3 месяца, каждый записавшийся на службу не имеет права оставить ее ранее этого срока под страхом ответственности перед судом.

...4. Все без исключения добровольцы состоят на готовом полном довольствии и получают жалование - 15 р. в месяц.

5. Ввиду различных условий службы, ответственности и зпаний добровольцев, устанавливаются следующие суточные деньги:

Рядовому бойцу - 1 р. в сутки.

Отделенному командиру - 2 р.

Взводному - 3 р.

Ротному - 5 р.

Батальонному - 6 р.

Полковнику - 8 р.

6. Сверх того, каждый доброволец, имеющий на своем иждивении семью, независимо от занимаемой должности, получает пособие на содержание семьи 100 р. В случае многодетной. (более 3 детей) - ставка увеличивается”.

Интересны нам и заметки из архива Владимира Ивановича Лебедева “От Петрограда до Казани” (изданы в Германии). В.И.Лебедев в июле-августе 1918 года был представителем военного ведомства Комуча с неограниченными полномочиями, как по гражданской, так и по военной части А, по сути, - был главкомом войск Народной Армии по освобождению от большевиков Сызрани, Симбирска, Казани:

“...заставил Галкина (военный министр Комуча, полковник Генштаба Русской армии) - объяснить мне его стратегические соображения.

Все оказалось чепухой! Галкин воспротивился захвату Пензы для того, чтобы произвести гораздо более трудную операцию: грунтовыми дорогами и в пешем порядке за 200 верст от Самары на север к Мелекессу (!), причем никаких определенных целей этой операцией не высказал...

Говоря это, он путался. Я уже быстро доказал ему что наша операция на Пензу, благодаря ему, уже и проморгана, но операция в нашем порядке к Мелекессу является безумием и ничем не вызвана. Он, весь красный, с этим согласился, и просил меня, чтобы избегнуть совершенного конфуза, повернуть какую-то из усланных им к Мелекессу частей назад только из Ставрополя. А вслед за тем принялся развивать свои стратегические планы..."

Самара. Июнь:

“На участке Симбирск - Чешмы все силы: сербская сотня, нестроевая рота, “Орлик-второй”, Уфимский отряд Народной Армии, а по его смени Пензенский батальон совместно с двумя ротами Народной Армии Мелекесса переданы в распоряжение Гладувки, ударный отряд которого сосредоточился в Бугульме, на Инзенском направлении - батальон Капеля...

Симбирск. С 31 июля по 31 августа».

Нас же весь этот период существования народной власти интересует, прежде всего, событиями, происходящими в Мелекессе и Мелекесском уезде.

IV. Мелекесский уезд. Лето-осень 18-го

Нужно сразу сказать, что территория нынешнего Мелекесского района значительно уступает территории Мелекесского уезда 1918 года. Поражает более всего то, что в то время никого не пугали расстояния. Если сегодня от Димитровграда (по Уставу области - райцентра Мелекесского района) до

областного центра - Ульяновска (Симбирска) иной "лихач" доезжает за 30-40 минут, но перед поездкой долго думает: а нужно ли на этот визит тратить, как минимум, полдня, - то в 18-м было иначе. На лошадях, на "перекладных", поездом - люди того времени пускались в путешествия, не сомневаясь в их целесообразности.

Представьте: Мелекесский район (уезд) тогда включал в себя, кроме нынешней территории: часть Ставропольского уезда (вплоть до нынешнего Тольятти), часть Кошкинского района, весь Чердаклинский и Новомалыклинский районы, часть Старомайнского района, часть Татарии... Власть народная, не стала отменять большевистский указ о создании уезда с центром в Мелекессе. Теперь почти непредставимо, как на этой огромной территории можно было установить эффективное управление: войсками, гражданской административной частью, экономикой, социальной сферой! Но, видимо, предки наши были много мудрее нас. И управление это, подчинение и контроль осуществлялись в таких общественных формах, как ныне принято обозначать "местное самоуправление", но в рамках, выработанных правительством Комуча основополагающих законов и правил для всей территории Поволжской республики.

Кроме того, не следует забывать бурно развивающиеся коммуникационные связи. Очень результативно осуществлялось почтовое, телеграфное, даже радиосообщения. И, не в пример нынешней эпохе, регулярно и эффективно работала пресса. Если равнять нынешний "рынок СМИ" и тогдашний, - перевес будет явно не в нашу пользу. Только в Самаре, и только газет партии эсеров выходило в свет до десятка. Несколько десятков газет было в Симбирске. И это, - не считая журналов и специальных пропагандистских брошюр. И весь этот информационный "Колондайк", после захвата территории осенью-зимой 18-го большевиками, был с успехом использован ленинцами. Они-то знали толк в пропаганде...

И тем более впечатляющие успехи, проявленные в ходе боев в Поволжье воинами ЧСК и Наармии. Если брать только одну операцию (имевшую место быть в Мелекесском районе) полковника Степанова, следует отметить следующие факты. Например, со стороны большевиков в обороне Самары участвовали: Куйбышев (будущий политком Туркфронта), Блюхер (будущий маршал), Подвойский - командующий войсками красной гвардии республики, Чапаев и Худяков (генералы, герои гражданской войны), Гай (будущий комкор) и т.д.

А взята Самара была в один день всего ротой поручика Швеца! Если посмотреть на командование ЧСК, то "шорох" против миллионной РККА по России наводили: полковник Чечек (Пензенско-Волжская группа), поручик Сыровой (Челябинская), капитан Гайда (Новониколаевская), подполковник Ушаков (Нижнеудинская), капитан Кадлец (Мариинская), генерал-лейтенант Диетерихс (Владивостокская). Можно было бы объяснить эти успехи, тем, что командование ЧСК было специально подготовлено в кастовых военных училищах, состояло наполовину из русских офицеров-монархистов, имевших боевой опыт. Но, например Гайда был просто мещанином, попавшим на войну рядовым солдатом, а Кадлец - парикмахером. Да и взгляды у командовавших в ЧСК офицеров были вполне революционны, демократичны, многие сотрудничали с близкими им эсерами. В Уфе, после занятия ее чехословаками, к ним с рядом организационных предложений обратился уполномоченный на то, председатель Уфимского монархического объединения граф Толстой, но ...командование ЧСК заявило, что их корпус антимонархичен!

Потому в Уфе Самарским правительством (в основном эсеровским) формирование войск было поручено генералу Люпову (начштаба - полковник

Пучков), а командующий группой Степанов собрал на переговоры представителей от всех партий и поставил перед ними задачу: выявлять и разоблачать в губернии "окопавшихся в подполье" большевиков. А в Мелекесе Степановым был издан специальный приказ:

"Вступая сего числа в Мелекесе, имея в виду отсутствие в нем какой либо власти, приказываю считать законной властью Временное Правительство, председателями которого являются: губернский комиссар и представитель городского Головы. Указанным лица немедленно явиться к исполнению своих обязанностей и приступить к восстановлению законной деятельности..."

Правда, к этому времени Голова посада К.Г.Марков был уже расстрелян Абловым...

Всего же диспозиция войск ЧСК и Нарармии на июль 18-го выглядела приблизительно так:

- ударная группа бронепоездов - Кучера, Пилата, Некраша, Холявина, Лужа, Ильинского — действует по всем железным дорогам Поволжья;

- саперные, ремонтные, интендантские части полковника Плюшкевича - в арьергарде бронедивизионов;

- 4-й стрелковый полк несет охрану и защиту по всем волжским переправам; наступательные операции вдоль железной дороги Уфа - Симбирск ведет 1-й стрелковый полк, а 5-я рота - держит резервный укрепрайон в Бирске;

- в районе - Бугульма - Мелекесе - Симбирск рейдирует 1-й батальон поручика Груза;

- 1-й запасной полк несет охрану путей на Самаро-Уфимском участке;

- в районе Симбирска и южнее него сосредоточены - 1-й и 3-й батальоны, легкая чешская батарея (4 орудия), эскадрон сербской кавалерии (150 сабель);

- резерв группы - бронепоезд "Орлик" (захваченный у красных) поручика Холявина, взвод инженерных войск, один самолет пилота Мельча, отряд самообороны из Мелекесса.

И это - против армады красных войск! Мы, видим, что самая крупная часть Нарармии - полковое соединение, в то время как РККА вела счет, как минимум, на дивизии - Азина, Каширина, Чапаева, Павлова, Блюхера, Гая и т. д...

А поручик Швец с полубатальоном взял Бугульму и "отшагивал" по дороге к Мелекессу до 80 верст в день с боями!

15 июля адъютант полковника Степанова прaporщик Фиала докладывал командующему группой, что в районе Выселок РАЗГРОМЛЕН отряд большевиков в 300 штыков, шедший от Ставрополя к Мелекессу на соединение с уездным отрядом красных...

16 июля с самолета на чехословацкие эшелоны были сброшены листовки - возвзвания с предложением сдаваться, а тем временем территорию Мелекесского уезда в спешке покидали последние отряды красногвардейцев, которые войска Народной армии даже не догоняли, занятые восстановлением деревянного моста через Черемшан, взорванного красными. Противника жала к Симбирску группа поручика Груза: 4 роты, 1 кавэскадрон, 6 орудий, 1 инженерно-саперный взвод, 2 бронепоезда, 2 пулеметных команды, - что в 10 раз по мощности огня и количеству солдат было меньше, чем у Куйбышева в этом районе!

В то время как А.Степанов устанавливал уже в Мелекесском уезде "местную власть и элементарный порядок" - Куйбышев приказал отбить последнюю его губернскую базу - посад Мелекесе. В бой бросили группу мелекесских большевиков и красногвардейскую дружину, 2 бронеавтомобиля, 2 бронепоезда, 8 полевых орудий, при поддержке Симбирской группы войск. Но этот ударный

кулак не дошел даже до Бряндино. Его встретили плотным огнем и рассеяли 30 мобилизованных прaporщиков из мелекесцев и рота поручика Фишера. Они первыми и вышли к мосту через Волгу. А штурм Симбирска начинал начальник десантных партий подполковник Николаев. Десантировались с кораблей флота Народной армии (командующий - мичман Ершов). К губернскому центру подошли десантные пароходы "Сократ", "Карамзин" и "Рион", бухирные катера - "Мефодий", "Георгий Морозов", "Борец", "Мичман Дмитриев", "Ольга", "Вульф", вместе с которыми в город прибыли - товарищ управляющего военным ведомством Комуча и член главного штаба В.Лебедев, флотский координатор штаба - мичман Мейерер, член Комуча, особо уполномоченный по гражданской части в Симбирске Вадим Подвицкий. С юга к городу походил с войсками только что назначенный главнокомандующим Народной армии полковник В.Каппель.

К этому времени в Самару прибыли для предложения своих услуг - адмирал Развозов, генералы Гоппер и Болдырев, капитан А.Апушкин (будущий личный адъютант адмирала Колчака), полковники Компанейцев и Шмидт

Мне бы очень хотелось назвать поименно всех патриотов России, первыми вставшие под знамена антибольшевистской борьбы, первого (после переворота Керенского) законного, избранного народом на первых свободных (и последних по сегодня) выборах - Комуча. Первых, создавших, подлинно свободную территорию - Поволжскую республику. Первых, павших в борьбе с антинародным Интернационалом Ленина. Но...

За годы советской власти их имена так тщательно вымарывались из истории, столько их было после расстрелов сваленных в общие братские могилы и сравненных с землей, - что, слава Богу, нам удается озвучить здесь хотя бы небольшое количество фамилий этих борцов...

Хвалынской группой Наармии командовал капитан Махин. Начальником штаба Наармии был полковник Генштаба Павел Петрович Петров. Казачьими частями в Самаре командовал эсер, член Комуча Борис Константинович Фортунатов. Глава военной организации, бывший комиссар армии Юго-Западного фронта - Борис Николаевич Моисеенко. Члены Комуча: Алмазов, Воробьев, Николаев, их сторонники и помощники в этом светлом деле - Бонч-Осмоловский (от партии "Народная свобода"), члены Уфимской дирекции - Авксентьев, Зензинов, Болдырев, Вологодский, Виноградов, Астров. Глава башкирского национального правительства Валидов Ахмед-Заки. Начальник контрразведки Наармии, вместе со своим отрядом расстрелянный большевиками в сентябре 18-го около Ундор - подполковник Прибылович. Расстрелянные зимой 19-го: под Лищенском - дворянин, командир южного отряда Наармии полковник Бородин, генерал Буренин (выдвиженец Л.Троцкого, но перешедший на сторону Комуча), начальник штаба Уральской армии полковник Моторнов; руководители уральских формирований - генерал Савельев, генерал Титров, полковник Сладков, командир 10-го авиаотряда полковник Юнгмайстер; ПОГОЛОВНО все воины 6-ой дивизии, оставшиеся прикрывать отход Уральской армии генерала Толстова из Гурьева.

В 1920-м, уже в Ташкенте был выявлен большевистскими контрразведчиками в частях РККА, арестован и убит дворянин из Мелекесса, "павлон" - выпускник Павловского юнкерского училища, - командир батальона на фронтах I-ой Мировой, командир гвардейского полка в 1-м гвардейском корпусе армии генерал-лейтенанта В.З.Май-Маевского, - подполковник Петр Павлович Знаменский...

Так грязнула сухая и теплая осень 18-го. И до этой поры расстановка сил в борьбе за Поволжье была в пользу красногвардейцев: к началу 18-го в Самарской губернии располагалось 12 полков - до ста тысяч солдат, перешедших на сторону

большевиков, в Симбирской губернии - 10 полков (до 80 тыс. солдат). О численности Народной армии мы уже говорили выше. Приведу лишь один пример: в обороне Казани у красных было до 2-х дивизий, полковой резерв штаба Восточного фронта, части отступившие сюда от Мелекесса и Симбирска. Только банк, где они хранили золотой запас Российской Империи оборонял отдельный латышский полк. И вот вся эта армада разбежалась в ОДИН день выступления в городе подпольной офицерской организации (около 5 тыс. человек) и наступления по Волге ДВУХ пароходов с двумя ротами А.Степанова и кавэскадроном сербов!

Так, осенью 18-го в наступлении РККА, возглавляемым лично нарковоенмором Троцким, на немного увеличившуюся добровольную Нарармию (уже без поддержки ЧСК, ушедшего на Урал и в Сибирь) - было двинуто 5 армий!

По ходу их движения к Казани ПОГОЛОВНО собирались под ружье специальные полки, состоящие только из чuvаш, мордвы, татар, прибалтов, мадьяр, немцев, китайцев, персов...

В своих мемуарах В.Лебедев упоминает и о том, что эти "интернациональные" части не владели русским языком, сзади них выставлялись заградотряды с пулеметами. Но они необходимы были большевикам потому, что: "как только нам противостоял отряд из русских солдат, они, завида на нас форму Русской армии - отходили без выстрела. Многие добровольно переходили на нашу сторону, добив своих комиссаров".

Но нас более всего интересуют подробности того, как возвращали власть советов в Мелекесский уезд. Наступление войск РККА началось в двух направлениях - по обоим берегам Волги от Казани. Для десантирования в район Старой Майны были задействованы пароходы бывших акционерных обществ "Самолет" и "Кавказ и Меркурий". Войсками 3-й бригады с большой прибрежной группой войск командовал латыш Г.Х.Эйхе. Конкретно к Мелекессу выдвигался 232-й пехотный полк "имени облисполкома Западной области". Командовали им Я.Пунга, затем - А.Лапин. Политкомом был Черных. После упорных боев на разъезде Бряндино части генерала Каппеля были вынуждены через Мелекесс отходить к Нурулату. Перевес РККА над Нарармией был уже в 50 раз. Конкретно батальон Машкова вошел в посад первым. Отмечено, что в Мелекессе в полк Пунги вступило около 100 добровольцев-крестьян. Начались аресты всех, кто сотрудничал с Комучем.

Еще один любопытный факт: в это время в Симбирске уже формировался штаб будущей Туркестанской армии, нацеленной на совершение мировой революции в Бухаре, Хиве, Иране, Афганистане, Индии. Будущий политком Туркфронта В.Куйбышев и начальник особого отдела армии Эразм Самуилович Кадомцев организуют сразу же школу разведчиков-пропагандистов из людей, тех национальностей, которые более подходили к выполнению этой задачи. О том, как эта армия "освобождала" Туркестан, как зверски выкорчевывалась под командой Фрунзе и Куйбышева "контрреволюция" в Средней Азии, - разговор особый.

А пока красные войска двигались на Уфу, вслед за ними репрессивно шагала советская власть, еще более ужесточая свои порядки, угнетая в первую очередь эсерствующее крестьянство. Интересно сообщение и о том, что из разгромленных частей Нарармии под Бугульмой все чехи, словаки, хорваты, сербы, венгры, китайцы тут же переметнулись в красные формирования своих национальностей.

И еще факт - многие знают, что заместителем коменданта в Бугульме был Ярослав Гашек, здесь он и начал писать свои, впоследствии знаменитые повести и рассказы. Но это не совсем так. Комендантом Бугульмы был мелекесец

политком красного посадского отряда (из крестьян-добровольцев) Иван Дмитриевич Широков. А Гашек, как и другие мелекецы, - Дмитрий Таранов и Альфред Шпиттульский, - был только помощником Широкова.

Красные войска застряли под Уфой, а в зиму 19-го покатились назад, вплоть до Самары, под ударами вновь образованной Поволжской армии Российского Верховного правителя А.В.Колчака.

Но это опять-таки другая история.

А в нашем уезде власть большевиков вновь пала. Большинство ограбленных и вырезанных ими сел восстало против насилия, голода, беззакония. Грязнула новая освободительная, теперь уже крестьянская война, вошедшая в историю под названием "Чапанная" (названная так от очинной верхней одежды крестьян - "чапана"). Перечислять все села в уезде, которые восстали, собрав свои отряды ополчения, шедшие под лозунгом "Советская власть - без коммунистов!", бессмысленно, ибо не было иных поселений. В уезде, кроме посада Мелекесс, власть перешла к новым органам самоуправления. Коммунисты, командиры карательных отрядов, красногвардейцы-инородцы сразу же расстреливались. Центром восстания и фактическим управлением дел в Мелекесском уезде стал город Ставрополь-на-Волге (Тольятти). Возглавил крестьянскую армию и восстание в селах Самарской, Симбирской, Пензенской, Саратовской губерниях Алексей Долинин.

АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ДОЛИНИН (1892-1941 гг.)

Из семьи зажиточных крестьян села Ягодное. Окончил Ставропольскую гимназию. Александровское юнкерское пехотное училище. Подпоручик. Служил в штабе Московского гарнизона. В 1917-м с фронта переведен в Главный штаб Русской армии в Могилев. Штабс-капитан в отделе секретного делопроизводства и цензуры. После ареста Временным Правительством всего Генералитета штаба во главе с Главкадром русских войск Л. Г. Корниловым и определения их Быховскую тюрьму. Долинин, отказавшись быть тюремным охранником, дезертировал из армии. Приехал в Симбирск, был принят на работу в губернский Совет, но за отказ выехать на фронт под Царицын, воевать против белых частей П. Врангеля, уволен "по болезни" - язва желудка - и уехал к родителям в с. Ягодное. В феврале 1919 г. возглавил штаб Чапанного восстания крестьян. После разгрома и репрессий, скрывшись под чужими документами, вступил в РККА. Сражался против Колчака в Сибири, был на Польском фронте, подавлял Кронштадтский мятеж в Петрограде. Демобилизовавшись, послал покаянное письмо во ВЦИК, прося вернуть свою фамилию. Прощен, ему были оставлены и красные награды. В 1941 году был призван в действующую армию. Погиб под Сталинградом.

Все в те годы было не так категорично, как нам сегодня покажется, как изображено в официальной истории, методика и учебники которой, к сожалению, и сегодня мало отличаются от принятого и затверженного курса еще под руководством скомпрометированной себя с первого шага коммунистической партии. Рассказ о том, как жили наши деды, какую власть они на самом деле желали, как представляли свое будущее, - очень серьезен, но и ничтожен документально. Уничтожались все «инакое», - чем руководствовалась сама советская власть, все мыслящее и думающее: документы, факты, живые свидетели,

все несогласные с ленинской политикой. Нам достались лишь крохи воспоминаний о том времени. Запутанные истории, про заблудившихся в терниях эпохи и забытии людях, типа Долинина или красавца "бонопартистского" толка - М. Муравьева...

Но было все это с нами. На нашей земле. В нашем районе. Наших домах и семьях. Потому мы не вправе забывать пройденного, отрицать память, какой бы горькой она не оказалась в действительности. Ведь только в Чапанной войне было уничтожено около 300000 земляков...

Михаил Артемьевич Муравьев и его мятеж: Правда. Вымысел. Факты

В августе 1918 года командарм 1-й Революционной армии, только что избежавший расстрела, назначенного М. Муравьевым – мятежным командующим войсками Волжской республики, – Михаил Тухачевский издает свой известный приказ поголовной (под страхом расправы даже с семьями) мобилизации в армию бывших русских офицеров:

“Все, не явившиеся на прием или скрывшие от мобилизации лошадей, все отказывающиеся защищать свою молодую свободу, свои села и деревни объявляются врагами народа и вне всякой защиты закона.

Изменникам и предателям народного дела не место в Свободной России. Они будут уничтожены”.

Самого Тухачевского Главком Муравьев пожалел, всего-то усадил под арест. Зато будущий генсек компартии И. Сталин, взяв на вооружение изобретенный в 18-м самим Тухачевским термин, объявлял «врагов народа» и без промедления ставил их к стенке...

Дед одного из наших земляков – димитровградцев – вице-президента Ульяновского регионального благотворительного общественного Фонда поддержки ветеранов и

офицеров запаса КГБ, ФСБ и МВД - «Эгиса» - Игоря Анатольевича Федорова - Дмитрий Игнатенко в 1918-м был в Харькове, куда большевики перенесли столицу Украины. делегатом первого съезда Советов, членом ЦИК и Совнархоза Украины. Он рука об руку работал с известными ленинцами – Евгением Боши и Иваном Межлауком. Первая - сестра жены Н. Крылена – Е. Розмирович – создатель и главком Украинской Красной гвардии, каратель и народный комиссар внутренних дел Украины, была послана Лениным, как особо уполномоченный комиссар ЦК РКП(б) в Пензу, - прикрывать мобилизационными войсками Москву с юга от Волжской армии Муравьева и Народной армии Каппеля.

Второй – один из братьев Межлауков, занимавший в Харькове посты наркома юстиции и председателя Ревтрибунала, - тоже отличался крутыми расправами над населением. Его Ленин немедленно перебросил в Казань особоуполномоченным ЦК на Восточном фронте. Но, ставший губвоенкомом И. Межлаук не смог вовремя обезвредить штаб главкома Муравьева, да и войска преданные у него было немного. Зато, после убийства Муравьева в Симбирске, вошедшие туда сразу же части Народной армии Комуча нанесли такой удар вверх по Волге десантами, что Межлауку и всей военно-политической верхушке казанских большевиков пришлось бежать в Нижний Новгород. Во время этого панического бегства в уличных боях был пристрелен и председатель Мелекесского посадского Совета Е. Аблов. А Межлаук за «блестящие успехи» был назначен Троцким военкомом Приволжского военного округа. Здесь войск у военкома прибавилось да вот незадача: мятежник Муравьев был застрелен в Симбирске более проворным И. Варейкисом. Хотя, это не помогло. Спустя десять дней Симбирск пал...

За эти годы Советские историографы уж столько «наворопутили» об этом событии, что становится все труднее отделять правду от лжи, легенды от действительных фактов, бравурные рассказы от воспоминаний очевидцев.

Вот и хочется иногда взглянуть на прошлое нашего края с другой, ранее запрещенной, точки зрения. И объективно увидеть: какая же она, иная, не «крашеная охрой», история наших предков?

В свидетелях у нас будут сегодня люди с «обеих сторон». Те, кто и сам участвовал в мятеже против большевиков-ленинцев; и те, кто сочувственно отнесся к попытке М.А. Муравьева изменить ход исторической реальности; кто тоже был в антибольшевистском стане, но и активно боролся с «муравьевщиной».

Итак, чтобы более в этом рассказе не возвращаться к именованию свидетелей, представим:

Роман Гуль – земляк красного полководца М. Тухачевского, прaporщик на фронтах I Мировой войны, офицер-корниловец и участник Ледового похода легендарного русского Главкома, участник гражданской войны и Белого движения, эмигрант, писатель, возвращенец в Советскую Россию, где подвергался репрессиям, гонениям, истреблению...

Владимир Лебедев – член ЦК партии социалистов-революционеров, командующий Балтфлотом при Временном Правительстве, полковник Генштаба Русской армии, член исполкома Самарского Комуча и военный комиссар по особым поручениям Комитета членов Учредительного Собрания, организатор и вдохновитель всех блестящих побед Народной армии Комуча в 1918 году, один из руководителей военно-стратегического направления в Белом движении, эмигрант, мемуарист, непримиримый анткоммунист.

Александр Логинов – бывший сотрудник ВЧК, адъютант командующего Восточным фронтом М. Муравьева, очевидец мятежа в Симбирске, политзаключенный Симбирской комендатуры, участник гражданской войны.

Михаил Гимов – большевик-ленинец, председатель Симбирского губисполкома, участник гражданской войны.

Следуя принятым до сей поры описаниям, события развивались следующим образом: вскоре после встречи В. Ленина с героями революции М. Муравьевым, только что выпущенным из «Крестов», и назначенным военным комендантом Петрограда и Петроградского участка, последний уже 13 июня был назначен командующим Красным Восточным фронтом с задачей ликвидации чехословацкого восстания на железной дороге от Пензы до Владивостока. Ему же поручалось свергнуть Самарский Комуч, разгромить Народную армию Каппеля.

9 июля Муравьев, прикинувшись покорным большевикам, «облапошив» политкомиссара Благонравова, прихватив с собой Уфимский полк, покинул штаб фронта в Казани и, на бывшей царской яхте «Межень» помчался в Симбирск. Здесь он арестовал нескольких местных руководителей, разогнал совдеп и губком РКП (б), объявил о создании Поволжской Республики, заключении мира с чехословаками и, объявил войну с Германией. Тем самым, левый эсер Муравьев, якобы поддержал эсеровское восстание в Москве. Но «бесстрашные» большевики Симбирска, во главе с Иосифом Варейкисом, заманили на свое заседание главковерха Муравьева и, с помощью латышских частей, уничтожили «муравьевцев» за попытку вооруженного сопротивления. О чем победно рапортовали В. Ленину.

Авантюра, да и только в исполнении опереточного военачальника-дурачка! Однако, все далеко не так однозначно. Потому, пойдем к началу:

Михаил Артемьевич Муравьев был родом из зажиточной крестьянской семьи Самарской губернии. И, что ведь интересно: гражданская война, революции, восстания на территории нашей и соседней с ней губерний – свели в этой «битве титанов» на политическом поле России многих людей, бывших земляков, уроженцев этих мест, соседей и однокашников. В. Ленин, А. Керенский, А. Протопопов (последний царский министр МВД), В. Болдырев (генерал-лейтенант, командующий армией Сибирского правительства), поэт и энциклопедист А. Коринфский (однокашник Ленина по гимназии) – были симбирянами. М. Муравьев, В. Лебедев, В. Каппель (командующий войсками Народной армии Комуча, затем главком у Колчака) – самарцы. С. Войцеховский (начальник штаба Чехословацкого корпуса), А Степанов (командир 1-го Чехословацкого стрелкового, имени Яна Гуса полка, бравшего Бугульму, Самару, Мелекесс, Симбирск и Казань) – помещики из Уфимской губернии. М. Тухачевский и А. Долинин (командующий крестьянской армией во время Чапанского восстания) – соученики по Александровскому юнкерскому училищу...

Получается, что история свела в борьбе противодействующих сил людей почти одного круга, образования, родившихся на одной территории.

В этом аспекте интересно, что М.А. Муравьев, происходивший из крестьянской социальной среды, попав в юнкерское пехотное училище, совершенно изменил свой образ жизни. В 19 лет (1899 г.) «красавец-брюнет с бронзовым цветом лица и черными пламенными глазами», естественно попал в гвардейские части в чине подпоручика. Говорят, что гвардия выковывает людские характеры. Но приближенность к военной и политической эlite также пагубно влияет на них ... Стаяясь и образом жизни походить на представителей «белой касты» – дворянства, Муравьев становится любителем яркой, даже вызывающие пошитой формы, жуиром в женском обществе, гулякой, заливающим ресторанные столики шампанским (и все это – с точностью до наоборот привычкам, воспитанию и образу жизни настоящего дворянина, как Тухачевский, например). По свидетельству Р. Гуля – Муравьев любил эпатировать в обществе: «Появлялся в яркой венгерке, на нем были малиновые чикчиры с серебром, в ресторане появлялся с негритянкой, запаивал ее шампанским».

Но когда идет такая война, каковой была Первая мировая, ни гвардейская каста, ни анархизм не гарантируют тыловую жизнь.

А Керенский, в своих воспоминаниях «Россия на историческом повороте», чуть приоткрыл завесу над фронтовой карьерой Муравьева (к тому времени Михаил Артемьевич уже был членом партии эсеров. И опять эпизод: партия, объявившая себя опорой крестьянства, была, по сути, самым организованным гнездом мощных террористических групп боевиков).

«В 1915 году, - пишет глава Временного Правительства Керенский, - армейские офицеры организовали серию абсолютно бесперспективных заговоров с целью избавить Россию от царя. В одном из них, например, принимал участие известный военный летчик Костенко, который намеревался спикировать на своем самолете на автомобиль императора, когда тот прибудет на фронт, лишив тем самым жизни и его и себя. Два других офицера (один из них капитан инженерных войск Муравьев, впоследствии - «герой» гражданской войны) явились ко мне, чтобы заручиться согласием на их план организовать засаду и взять царя в плен, когда тот прибудет с инспекцией на фронт...»

Как видим, опыт заговорщической жизни у Муравьева был богатый. Его неуемный характер требовал гусарских поступков даже по мелочам. Он рвался к руководству войсками, победам, сражениям. И такой случай представился.

В. Лебедев: «Муравьев стоял во главе всех большевистских войск во время Октябрьского переворота... Думал ли я, еще так недавно, когда он приехал ко мне в морское министерство, с предложением формировать добровольческую армию, что мне придется бить «его войска» под... Сызранью!

Большевики не брали нас в плен, как не брали они пленных при походах Муравьева и Антонова на Украину и на юг. Муравьева... того самого главнокомандующего, который брал в свое время Одессу, Киев, и другие города южной России».

Р.Гуль пишет подробнее о подвигах Муравьева, возглавившего большевистские войска. Это он блестяще разбил казачьи части премьера Керенского и генерала П. Краснова под Гатчиной. «Это он командовал отрядом анархистов, выбивших из Киева Украинскую Раду. По его приказу было расстреляно там 2000 офицеров. Это он из банд создал «Особую армию по борьбе с румынской олигархией», выбил румын из Одессы, создав там «Одесскую Советскую Республику». Им двигали, - подчеркивает Гуль, - мания величия и преследования. Зарвавшийся главком Одесской республики матерно ругаясь и разрешая своим войскам в течение трех дней грабить взятые им города, грозился «сжечь всю Европу!»

Это он диктовал приказ:

«При походе мимо Одессы из всей имеющейся артиллерии открыть огонь по буржуазной и аристократической части города, разрушив таковую и поддержав в этом деле наш доблестный героический флот. Нерушимым оставить один прекрасный дворец пролетарского искусства – городской театр.

Муравьев».

Но не так прост и однозначен был этот гвардеец-авантюрист. Это был уже далеко не тот восторженно-романтичный поручик-гуляка, даже не безрассудномстительный цареубийца и фронтовой капитан спецназа. Боевой опыт подполковника Муравьева, возглавившего красные войска, когда еще в РККА не было ни Тухачевского, ни Фрунзе, был неоцененным. Но и взять главкома за его анархистские поступки было невозможно. Войска любили этого бесстрашного красавца, убалтывающего их цветастыми речами, носившего на каждом пальце рук золотые перстни с бриллиантами, шедшего в атаки, размахивая уникальной турецкой шашкой, инкрустированной золотом...

Ох, непрост был Михаил Артемьевич! Личная охрана его состояла из грузинских вояк и батальона китайцев под командой «капитана китайской службы» Сен-Фуяна (кстати, у другого советского «военачальника» И. Якира охрана также состояла из отряда китайцев, которых он кормил и выдавал зарплату из своего кармана). Потому «дзержинцам» из ВЧК удалось арестовать Муравьева только весной 1918 года, выманив с юга в Москву. Но за главкома тут же вступились высокопоставленные чины из СНК и ЦКа. Потому в июне, когда под Симбирском и Самарой лопнул красный фронт Тухачевского, вождь мирового пролетариата срочно отправил в Поволжье на реабилитацию Муравьева. И вот здесь – новая метаморфоза главкома!

Побывав в руках чекистов, он уже хорошо представлял себе, что ожидает его даже в случае новых побед. Кроме того ЦК партии эсеров готовил вооруженное восстание против правительства Ленина в столице, и на Муравьева очень рассчитывали товарищи по партии. А далее обратимся к комментариям В. Лебедева:

«...6 января большевики разогнали Учредительное Собрание. Впервые за все время своего существования многоязычная, разноплеменная Россия послала своих выборных людей. И здесь в этом Учредительном Собрании, объединенные общей опасностью все племена и нации ее могли создать великую, свободную Федеративную Россию.

Но Ленин послал латышей и матросов и, когда после бессонной ночи депутаты приняли закон, передающий всю землю крестьянам, Учредительное Собрание было разогнано, и Россия распалась на тысячи осколков. С этой минуты ни один народ не мог считать себя связанным с остальными национальностями России, и все принялись спасать самих себя, предавая, и топя друг друга.

Немцы двигались на Петроград. Большевики впали в панику. Готовились к бегству, засыпали город прокламациями и терроризировали его расстрелами. На Псковский фронт отправились отряды красногвардейцев, набранных с бору да с сосенки. Эта публика частью разбежалась, частью же так позорно себя вела, что сами большевики принуждены были впоследствии устроить судьбище по поводу этого скандала... Россия была предана германскому императору. Украина, Литва, Латвия, Эстония, Грузия, Армения, весь юг России были преданы Германии ... Большевики бежали в Москву.

...Надо было прежде всего освободить Россию от разлагающего ее чужеземного завоевателя ... Увы, союзники, если бы хотели, раньше нескольких месяцев на Волгу подойти не смогут, а большевики при помощи немцев организуются быстрее. Германские военнонопленные повсюду получили приказ работать с большевиками. Вполне понятна их ярость против нас. Мы - да, это не только скорое восстановление Восточного фронта, но это уже лишение Германии и Австро-Венгрии миллиона солдат. Только мы, социалисты-революционеры, ясно и твердо определили наше отношение к вильгельмовской Германии. Все воззвания Комуча призывают население к борьбе с немецкими войсками...

Большевики где, теперь это ясно, окончательно выбрали немцев союзниками в гражданской войне... большевики, чувствуя себя весьма ненадежно в Волжском районе, должны будут начать эвакуацию золота к Западу от Волги. А так как в ходе гражданской войны мы отбрасываем их части к Западу, то есть к сфере германского влияния, то неизбежен момент, к которому мы и стремимся – момент превращения нашего фронта в исключительно антигерманский. Наша победа, в которую мы верим всецело, над большевиками приведет нас к встрече лицом к лицу с германцами. Самое то восстание на Волге ведь принято нами во имя создания антигерманского фронта».

Исходя из этих позиций становиться ясным и убийство в Москве посланцев Мирбаха да и поведение главкома Муравьев — все таки офицера-фронтовика в войне против германцев. А в связи с этим и сам факт его мятежа мы сегодня можем рассматривать как акт проявления великого патриотизма по отношению к своему народу, родине.

Итак, - лето 1918 г. Июнь. Казань. Штаб Восточного фронта. Окруженный матросами, китайцами, грузинами, в бывшем царском поезде (а чем он хуже Троцкого?!), окруженный адъютантами и женщинами из Москвы прибывает командующий фронтом М. Муравьев. Но здесь его уже ждут надсмотрщики, посланные Лениным, Троцким, Дзержинским.

Все действия комфорта визируют член РВС Республики К. Механошин, политкомиссары штаба фронта П. Кобозев, Г. Благонравов, в адъютанты приставлен работник особого отдела ВЧК А. Логинов...

Что мог предпринять в данной обстановке Михаил Артемьевич? Видя, как большевики сдаются все русские богатства и саму его родину немцам; ощущая страшный террор чекистов и комиссаров в войсках, в крестьянстве, среди интеллигентии; понимая, что их нисколько не занимает судьба Отечества, брошенного в полымя мировой революции, что жизни соотечественников не стоят ни грамма сочувствия; лично наблюдая, что яростное сопротивление Народной армии оказывают только чужеродные в России полки интернационалистов, а русские части без сопротивления сдаются русской армии города и села, а то и переходят на сторону «врага», - он мог пустить немногое, но эффективное действие. Не спешил с формированием РККА, лично и ежедневно ездил в войска на митинги, распропагандируя их, заменяя ретивых краскомов на кадры из бывших офицеров или эсеров, не позволяя армиям концентрироваться для собирания сил, дробил соединения, выдвигая их под удары чехословаков и Народной армии. И вот назрел час, которого Муравьев дождался. Уже комдормар - поручик Тухачевский открыто доносил своему покровителю Троцкому, дублируя для Муравьева: «Хотел еще вчера начать наступление всеми силами, но броневому дивизиону было Вами запрещено двигаться, а потому наше наступление на Усолье и Ставрополь велось лишь жидкими пехотными частями. Совершенно невозможно так стеснять мою самостоятельность, как это делаете Вы. Мне лучше видно не месте, как надо делать... Даже приказания армиям избегают давать. Вы же командуете за меня и моих начальников дивизий».

Но не так то просто было поручику пенять искушенному в стратегии и настоящем военном деле полковнику Муравьеву. Оттого из штаба фронта и поступал не менее язвительный ответ:

«Иззя. Командарму первой Тухачевскому.

Приказываю вам находиться при штабе армии и руководить боем, а не болтаться по тылам...»

Докладывает секстон Логинов:

«...Муравьев заявил, что Совнарком освободил его из тюрьмы и приказал в течении 4 час. сформировать штаб и выехать на фронт. В штабе Муравьева было несколько офицеров. Начальник штаба Оглоблин и дежурный генерал Ремезов, и начальник военных сообщений... 20-21 июня мы прибыли в Казань, где Муравьев стал устраивать и формировать штаб и войска. Я был в качестве адъютанта Муравьева, но фактически обязанности адъютанта мне не приходилось исполнять, потому что, когда Муравьев уходил на собрания или на совещания, или принимал кого-либо, то приходилось оставаться за дверями, (что может подтвердить тов. Благонравов). Собственно говоря, роль моя как адъютанта сводилась к конвоиру...

В Казани Муравьев расстрелял 200 красноармейцев первого Советского

добровольческого полка... Постепенно в штаб Муравьева стали вливаться офицеры, которые заняли постепенно ответственные и другие должности, и уже чувствовалось в штабе незнакомому лицу возврат к старому. Козыряния и повороты стали обязательными у начальника штаба генштабиста Соллогуба...

8 июля в 12 час. ночи, Муравьев получил из Москвы телеграмму, в которой были подробности убийства Мирбаха и уверенность на скорую ликвидацию дела выступления «левых» эсеров.

Муравьев заявил, что я хотя и «левый» эсер, но в настоящее время, как главнокомандующий Советскими войсками, остаюсь вне партии, потому что считаю своей обязанностью докончить борьбу с чехами. 9 июля у Муравьева появилось три казачьих офицера, которых дал ему Трофимовский. Муравьев тут же оставил меня в стороне и уже с казаками разъезжал по городу. Вечером в 9 час. я приехал в штаб, где в это время находился Муравьев, Механошин, Благонравов и, кажется, Кобозев. У них шло заседание, а казаки стояли у дверей и никого туда не пускали. Я обождал. Смотрю, Муравьев выходит в веселом настроении и объявляет, что сегодня он уезжает брать Самару, а мне сказал, неужели Вы на меня не надеетесь? Или Вы думаете, что я устал? Нет! В настоящее время думать об отыхе не приходится, я на такое дело, как брать Самару, я всегда готов, тем более, что я ее знаю и могу при взятии Самары быть полезным. Муравьев согласился и сказал мне, чтобы я уже отправлялся на пристань. Тут же вышли из кабинета Механошин, Благонравов и Кобозев, с которыми стал Муравьев прощаться и утверждать, что через несколько дней он возьмет Самару. Они, в свою очередь, пожелали ему полного успеха...

На подходе я уже застал еще отряд человек в сто пятьдесят с пулеметами... Вся эта картина меня ужасно удивила, и я уже думал не вернуться ли назад. Вскоре приехал Муравьев с тремя казаками и сербами.

Прибыли также начальник Полевого штаба Ремезов и личный секретарь Наумов и еще трое, которых совершенно только в первый раз видел.

На пароходе Муравьев объявил, что казаки состоят его адъютантами. В 3 час. ночи на 10 июля мы выехали из Казани.

...В десяти-пятнадцати verstах от Симбирска, где по его приказанию остановился пароход и тут же дождался катер... Муравьев обратился к собравшимся с речью: «Я прекращаю войну с чехами и объявляю войну Германии, я не могу больше смотреть, как Германия вывозит мануфактуру, а мы ходим раздетые. Я уверен, что за мной пойдут левые эсеры, максималисты, анархисты и большевики-бухаринцы, которые не признают Брестского позорного мирного договора.

Я объявляю себя Верховным главнокомандующим. Но знайте, что я всецело стою за Советскую власть, за ту власть, которая будет помогать мне в борьбе с Германией, а если кто будет противиться, тех я уничтожу. Я уверен, что войска пойдут за мной. В Симбирске меня ждут преданные мне части. Я объявляю себя Гарибальди, т. е. спасителем России. Долой Брестский позорный мирный договор! Все на германские бастионы! Да здравствует восстание против германцев!

Тут же стал секретарь Муравьева всем солдатам раздавать по 50 руб. Прибыли в Симбирск в 7 час. вечера. Тут же к нему на пароход приехал начальник броневого дивизиона Беретти. После короткого совещания Муравьев посыпал отряд в 60 чел. с 4-мя пулеметами под начальством казака-адъютанта Мудрак занять Совет и арестовать всех коммунистов, другой отряд под начальством казака Вайлидзе в 40 чел. и с 3-мя пулеметами отправился занимать телеграф. Вскоре Муравьев,

Беретти, казак Чудиношвили и начальник штаба Ремезов поехали в город, предварительно приказав часовому с парохода и на пароход никого не впускать и не выпускать.

От Чудиношвили я узнал, что арестован командарм 1 армии Тухачевский, а войска, в том числе и латыши, перешли на сторону Муравьева.»

Намеренно или нет, - но в свидетельствах советских мемуаристов допускаются неточности. Все они путаются в вопросах: сколько войск было с Муравьевым; сколько большевиков было арестовано, и где они содержались; были ли Тухачевский на пароходе; почему Муравьев вел переговоры с окружеными сторонниками Варейкиса?

Многое уточняет Р.Гуль в своей повести «Тухачевский»:

«Первый плыл бывший пароход царицы «Межень», белое изящное судно с полуподводными каютами и круглыми точками оконных люков. На палубе завтракал Муравьев с телохранителями (видимо, А Логинов поглощал пищу за тем же столом! В.Г.), матросами, адъютантом грузином Чудошвили и, захваченными для радости жизни каскадными певицами.

За «Меженью» плыли: «София», «Владимир Мономах», «Чехов», «Алатыры» с вооруженными до зубов бандитами русскими, латышами, китайцами...»

Следует уточнить, что из Казани в Симбирск Муравьев взял в поход: сербский батальон, сотню казаков левого эсера Трофимовского, Уфимский пехотный полк. В городе к Муравьеву должны были присоединиться: бронедивизион Беретти, Симбирская группа войск под командованием левого эсера К.Иванова, отряд моряков-черноморцев, и бронепоезда А.Полупанова. Видимо, главковерх рассчитывал и на 1-ю армию Тухачевского. Если считать, что при удаче, с Муравьевым объединились бы Народная армия Комуча и Чехословацкий корпус, - это была бы большая сила!

Почему мы уверенно говорим о бронепоездах до сих пор ходящего в ореоле славного героя А. Полупанова? Да потому, что следует помнить, что в Южной армии М. Муравьева, когда он брал Киев, служил не только Полупанов, но и позднее, под Одессой, примкнул второй легендарный «броневой» матрос Железняков. Кроме того, именно там, под Киевом был захвачен Муравьевым и подарен другу Полупанову украинский бронепоезд, известный в истории нашего края под именем «Свобода или смерть!». Преданные Муравьеву моряки-черноморцы (в большинстве своем анархисты) рассчитывали вновь на безусловную победу, теперь уже над армией Троцкого. Характерно и донесение Полупанова в штаб фронта после Муравьевского мятежа, его приводит документально полковник А. Степанов, командовавший Казанской группой войск Народной армии: «И все мои войска разбиты, и все машины я потерял, и остался я один, и сам я болен и сам я уезжаю...» После чего черноморцы, как в феврале 18-го под Псковом и Нарвой балтийцы, покинули поле боя, открыв фронт немцам...

Здесь, уточняя портрет М. Муравьева, следовало бы сказать и то, что в Киеве он освободил из тюрьмы одного из ленинских соратников Г.И. Чудновского, с которым вместе штурмовал в октябре 17-го Зимний дворец, и руководил под Лугой разгромом войск Керенского-Краснова. И это, естественно, Муравьеву зачлось в мае 18-го при аресте чекистами.

Уточняя боевую характеристику полковника-главковерха, наталкиваешься на факты, говорящие в его пользу, о его талантах. В то же время, - невольно видишь, как извращали события советские историографы... Позер, пижон, бандит, баловень судьбы, самодур, зарвавшийся «наполеончик», алкоголик, краснобай, бандит с шайкой анархистов... Да, многое из этого можно примерить к

«Гарibalьди русской революции» Михаилу Муравьеву. Как и к любому военачальнику той поры, по обе стороны фронта. Такова уж была эпоха, такие условия войны гражданской, внутренней, национальной.

Однако, собирая факты, изложенные то в одном, то в совершенно другом, неожиданном издании, - осознаешь всю неординарность и способности этого «баловня» судьбы. Керенский явно с иронией повествует о цареубийственных планах Муравьева. Но зато безо всякой иронии, с восхищением вспоминает о том же «капитанском» периоде службы боевого офицера главком Русской армии генерал А.А. Брусилов:

«Весной 1917 года в войсках Юго-Западного фронта возникла здравая идея – создать особые ударные части – батальоны добровольцев-охотников. С этим предложением ко мне обратились подполковник В.К. Манакин и капитан М.А. Муравьев».

И, хотя далее Брусилов сетует, что части эти было не ко времени формировать, т.к. многие командиры совсем не желали отпускать от себя лучшие боевые кадры, да и генерал Алексеев не поддержал почин Юго-Западного фронта, опасаясь, что особые ударные отряды специально подготовленных профессионалов «... могут в случае смуты внутри Российской империи быть употреблены против революционного движения народа», - дело Брусилов сделал. Первые «революционные батальоны» спецназа им были сформированы и специально обучены. Даже состоялся смотр им перед правителем Керенским.

Далее, например батальон спецназа Муравьева – стал основой формирования войск Одесской Советской республики,

И именно против революционного движения народов обратили эти профессионалы свои штыки, свое умение подавлять врага. Интересно, что один из курсантов спецназа Муравьева впоследствии служил в разведке (ГРУ) РККА и в 20-х годах стал организатором советского спецназа. Это полковник Старинов, военный профессор, мастер минного и террористического дела, известный в истории спецслужб в Великую Отечественную войну под кличкой «Дед»...

Интересны в этом смысле и воспоминания репрессированного в миру иерея Филарета, одно время соприкасавшегося с большевистской верхушкой и женатого на вдове видного комиссара:

«...Всякому, кто интересовался Советской Россией, памятно, конечно, имя Муравьева, бывшего командующего Красной армией на чехословацкой границе в 1918 году, потом покорителя Одессы, которую должны были защищать греческие солдаты и, наконец, расстрелянного в Симбирске красноармейцами, заподозрившими его в измене. Как-то после продолжительной беседы с ним я отправился к его «адъютанту» и тут я увидел картину, которая поднесь запечателась в моей памяти. Все пальцы адъютанта были унизаны драгоценными бриллиантовыми кольцами, из верхнего кармана тужурки свешивалась дорогая, тяжелая золотая цепочка и из кармана рейтуз выглядывало запиханное туда настоящее жемчужное ожерелье...

- Видите ли, жалованье мы не получаем, т.е. не получаем его пока, так как штаты еще разрабатываются и законопроект еще не готов; вот, товарищ Муравьев и сказал: «Товарищи, забирайте все, что можете, к черту наше жалованье, бриллианты и золото лучше бумажных денег». Вот мы так и действовали».

И действительно, муравьевские красноармейцы поступали по этому рецепту везде, куда они приходили. В каждом занятом ими городе взламывались запертые лавки и квартиры, жителей выгоняли, обыскивали, отнимали оружие и драгоценности и по собственному усмотрению, если кто не понравится, того тут же и расстреливали. В этом большевистском скотище царила полнейшая безнаказанность всех преступлений и, как я неоднократно мог наблюдать лично, у солдат муравьевской армии все карманы были набиты золотом и все пальцы унизаны кольцами с драгоценными камнями. Так как я слушал «адъютанта» без возражений, то он, становясь все откровеннее, наконец, предложил мне поступить на службу к Муравьеву. «Не пройдет двух-трех месяцев, товарищ, - сказал он, - как у вас накопятся от 10 до 15 фунтов золота... Это дело чистое». Я поблагодарил за такое предложение, но от такого «чистого» дела отказался...

Из сказанного, если отбросить предвзятость автора к антибольшевизму, следует, что с первых дней пребывания в Красной армии Муравьев не только предлагал своим отрядам спецвыучку, но и формировал армию на профессиональной основе. И требовал, чтобы его подчиненным платили равную зарплату, сообразуясь с расценками в армии генерала Корнилова, в Народной армии Комуча, в Сибирской армии или в войсках гетмана Скоропадского. Вот текст подлинного приказа-призыва по Мелекесскому отряду Народной армии:

Муравьев, - офицер с фронтовым опытом, профессионал, хорошо осознавал, что правительство Ленина пытались «сэкономить» в первую очередь на армии. Требуя беспрекословного подчинения приказам, осознания «высшего революционного долга и необходимости», - они старались сделать из РККА не армию профессионалов, а бандитского сброва, добывающего пропитание на театре военных действий...

От любознательного взора Муравьева не могли укрыться факты обогащения за счет армии высшего руководства страны. Только из Симбирска к июлю 18-го были вывезены миллионы пудов зерна, мануфактуры, 27 миллионов рублей бумажных денег, около 100 ящиков золота. Очень популярной в армии была частушка:

*«Чай – Высоцкого.
Сахар – Бродского.
Вся Россия – Троцкого!»*

О последнем наркомвоенморе Советской республики, писал тогда журнал «Еврейский мир»:

«О Троцком молим, как об образованном человеке, изучившем мировую экономику, как сильном и энергичном вожде и мыслителе... из числа великих людей, которыми наша раса облагодетельствовала мир».

Но Муравьев прекрасно знал, что именно стараниями этого «благодетеля» были умерщвлены генералы М. Алексеев, Н. Иванов, А. Каледин, убиты Рузский, Радко-Дмитриев, Корнилов, из под расстрела бежал к белым бывший генерал, начальник Всерославштаба РККА Н. Стогов и еще сотни его сторонников-офицеров. Что только под страхом расстрела их семей-заложников, большевикам лицемерно служили генералы Каменев, Сологуб, Вацетис, Шапошников, Самойло, Лебедев...

Чего стоит указание В.Ленина:
«Свияжск, Троцкому.

Получил Ваше письмо. Если есть перевес, и солдаты сражаются, то надо принять особые меры против высшего командного состава. Не объявить ли ему, что мы применим образец Французской революции, и отдать под суд и даже под расстрел Вацетиса, как командарма под Казанью и высших командиров, в случае затягивания и неуспеха действий?..»

А ведь это, несколько недель назад, именно Вацетис, командуя Латышской дивизией спас Ленина и его команду от неминуемого разгрома эсеровскими мятежниками 6 июля!

Муравьев хорошо осознавал, что после майского ареста, любой его военный, временный промах неизбежно приведет только к одному печальному и безжалостному концу.

«Расстреливать, никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты», - указывал в своей телеграмме в Саратов, тов. Пайкесу - В. Ленин. Видимо, такие же указания получил в Симбирске и предгубисполкома И. Варейкис.

Именно в этой плоскости лежат совершенно необъяснимые действия военного профессионала М. Муравьева в его мятежной тактике. Этим можно оправдать многие его буквально самоубийственные действия.

Симбирск, 10–11 июля 1918 года.

В.Лебедев (его записи и оценки нужно принимать с известной долей недоверия, поскольку, это оценки, сделанные в определенный временной отрезок, в известных только ныне обстоятельствах. Во-вторых, оцениваются действия, хотя и товарища по партии эсеров, но соперника в военной славе):

«Видел захваченные нами ленты-переговоры по юзу между большевицким командармом Тухачевским из Симбирска и матросом (!) Пугачевским, командовавшим на линии железной дороги, по которой его гнал Степанов.

- Что же ты, - говорил Пугачевский из Мелекесса, - мать твою так... не присылаешь подкрепления? Сколько раз я тебе говорил, присытай!

- Разве ты не знаешь, мерзавец, мать твою так... - отвечал Тухачевский, - что вся моя сволочь разбежалась...»

Бои за Сызрань. Муравьев и... Тухачевский панически отступают от вдесятеро (!) меньшего числом и вооружением противника. Вот-вот падет Симбирск!

«Наш единственный шанс на победу – безостановочное движение вперед. Комуч должен стать правительством в вагоне и идти за армией в Москву, пока большевики дезорганизованы. Мне уже помешали двинуться из Сызрани на Пензу, когда Муравьев бежал в панике.

...Но главкому Муравьеву каюк. Что он будет делать теперь? Думал ли я, еще не так давно, когда он приехал ко мне в морское министерство, с предложением формировать добровольческую армию, что мне придется бить «его войска» под... Сызранью!

Сегодня говорил с Каппелем. Нами решено было, что, во что бы то ни стало, необходимо захватить и вторую мостовую переправу – Симбирск. В Симбирске патронный завод, а у нас патронов нет. В Симбирске сукна, артиллерия, а у нас здесь ничего нет. А, кроме того, в Симбирске вся большевистская военная организация, оттуда нам грозит главный удар. Симбирск вряд ли будет героически защищаться, там только что было Муравьевское восстание и главнокомандующего, призывающего своим войскам – вот результат его поражения под Сызранью! – двигаться против германцев вместе с нами, застрелили какие-то латыши. Симбирск надо взять, во что бы то ни стало.

...И вот я снова в Симбирске. Давно ли, всего два месяца тому назад мы с ...

беспомощно ходили взад и вперед по этому историческому городку, по этой родине Гончарова, Столыпина, Ленина, городу, чудесно описанному в «Обрыве»... Ходили и не могли выбраться из него вниз к Самаре, потому что все движение по реке было остановлено.

А в самом городе царил дикий террор. После 8 часов вечера запрещено было показываться на улицах, по городу каждую ночь шла стрельба, и над всею жизнью властвовала чрезвычайная по борьбе с контрреволюцией комиссия с неизбежным латышом во главе.

Стояло начало июня и весь знаменитый обрыв к Волге был в цвету бесчисленных садов, и прозрачны были дали, и чудесная река спокойно катила свои волны вниз.

...Их Муравьев оказал нам огромную услугу. Тут, в Симбирске все живет недавним воспоминанием о восстании Советского главнокомандующего и его трагической смерти. Погубила страсть к ораторству... И чего ему было, объявив войну большевикам, являться с речами перед недоарестованным большевистским советом? Поза! А на улице его ждали, схватили за руки два латыша, третий колол штыком. Сегодня нам рассказывал очевидец, то же латыш. Если не врет, как «очевидец»...

Итак, симбирские события 10–11 июля 1918 года комментируются разными людьми по-разному. А мы попробуем из этих фрагментов сложить мозаику общей картины.

Уже А. Логинов, все время до ареста находившийся на «Межени», не подтверждает даже слова самого Тухачевского о том, что его, командарма, арестовали на пароходе, а содержали в теплушке эшелона на железнодорожной станции.

И Роман Гуль, несколько отличную от официальной версии, выдвигает свою интерпретацию событий:

«...День 10 июля был жарким, над Симбирском облаком стояла пыль; только с Волги тянуло прохладой; в провинциальную тишину города на Соборную площадь въехали броневики, пулеметы, артиллерия, расположились у штаба главнокомандующего у громадного здания кадетского корпуса.

Матросы, китайцы, муравьевские банды заполнили улицы, размещаясь где попало, навели на тихих симбирцев панику до полусмерти: где-то в полях за Симбирском ухали одинокие орудия.

Но как только пришла из Москвы телеграмма, что левые эсеры убили германского посла графа Мирбаха и подняли восстание – Муравьев повел заговор стремительно. Первый, к кому ворвались обвшанные маузерами матросы, был командарм Тухачевский. Его схватили на вокзале в салон-вагоне и, вытащив «именем революции», в черном автомобиле отвезли в тюрьму, в одиночную камеру.

За Тухачевским схватили председателя симбирской организации коммунистической партии латыша Варейкиса, членов Совета и губкома коммунистов Гимова, Иванова, Фельдмана, Каучуковского, Малаховского. Красный Симбирск пришел в полное замешательство.

...На Соборной площади бивуаком расположились матросы: лузгают семечки, поют под гармонику «Цумбу», пьяны; заняли уже все – телефон, телеграф, кадетский корпус, тюрьму...

Казалось бы, у гвардии полковника Муравьева – полная победа. Но странно, очевидцы передают, что решительный и кровавый позер М.А. Муравьев в Симбирске действовал как бы в полной невменяемости; то отдавал приказы,

то отменял, говорил бессмысленные речи, которых пьяные матросы не понимали и провозглашал «Поволжскую республику»; муравьевцы везли из ренсовых погребов вино, водку, на улицах сгоняли девочек. Симбирск охватило безнадежие. А Муравьев теряя самое главное в успехе заговоров - время. В этом хаосе, наносившего удар Кремлю Муравьева, казалось, совершиенно оставили силы... Муравьев забыл даже расстрелять коммунистов...»

Кстати, в «кровавой» схватке с «муравьевцами» в Симбирске, заговор был подавлен бескровно. Не погиб никто, кроме самого главкома...

История не терпит натяжек. Гуль не прав, перечисляя среди арестованных – командующего Симбирской группой войск, губвоенкома К. Иванова. Левый эсер Иванов сразу и безоговорочно взял сторону Муравьева, за что впоследствии был под арестом. Автор повести, говоря о главенствующей роли в ликвидации заговора, во многом прав, сваливая это на латышей. Скажем, после К. Иванова комендантом Симбирска и губвоенкомом стал преданный Ленину коммунист Я. Звирбуль.

Мелекесс в нашей области всегда отличался непочтением к властям, остроумием народа, нарекавшего своих правителей прямо таки убийственными кличками. Например, когда Самарский губревком и В. Куйбышев обосновались в нынешнем Димитровграде, на одном из митингов, где выступал губревкомовец (партийные клички: «Сибириак» и «Валерьян»), - Куйбышев, произошел следующий диалог:

- Слушай-ка, голова,
- обратился заезжий крестьянин к местному обывателю, - кто это на трибуне языком-то молотит?

- Куй-бы-шев! – последовал ответ.

- Так то, что он куй из бывших, я и так вижу, - фамилиё-то ему как? - настаивал крестьянин...

Так и со Звирбулем, который за свои зверства в уездах, - сразу же стал прозвываться: «Зверь-бля!»

Этот имидж прибалтов на Волге вполне оправдывали: предгубкома РКП(б) Иосиф Михайлович Варейкис; его брат Вацлав Михайлович (симбирский гимназист, комсомольский лидер губернии, секретарь ЦК комсомола Туркмении, расстрелянный в 1936г.); губвоенком Иосиф Викентьевич Варейкис, - узурпировавшие власть в красном Симбирске. А из Казани им «потякали» новый главком - Иоаким Вацетис...

Теперь к вопросу о «вменяемости» М. Муравьева. Спецназовец хорошо осознавал, что город в прифронтовой полосе, штаб и войска деморализованной бегством 1-й армии, левозеровские организации в губернии – все уже у него в

руках. Изолировав на время верхушку гражданской «розовой» власти (помните его речи о поддержке мятежа эсерами, анархистами и большевиками-бухаринцами, не признающими мир с немцами) – Муравьев вполне рассчитывал на успех.

Хитромудрые «бухаринцы» во главе с И.М. Варейкисом отторговали себе сутки на принятие решения о признании Поволжской республики. В это время латыши из РКП (б) судорожно вербовали в помощь латышские роты, взывая к национальным чувствам земляков.

Вот оценка ситуации предгубисполкомом М. Гимовым (расстрелянного, по версии Р. Гугля):

«Его контрразведкой руководили офицеры-белогвардейцы, чтоб их силами разрушить армию... но, благодаря работам Исполкома, заговор был раскрыт, и вся шайка с полковником Лобысовичем попала в наши лапы...

Тогда им был арестован заведующий Отделом управления губернией тов. Шеленшкевич и заключен на пароходе. Когда он уехал в Казань, то телеграфные провода были обрваны. Через неделю Муравьев приехал и пригласил весь президиум на свой пароход... Вот тут-то Муравьев и ошибся в своих расчетах. Как только приехал автомобиль, чтобы нас увезти к этому деспоту, каким Муравьев потом оказался, раздался выстрел на Большой улице. Этот выстрел оказался сигнальным к восстанию и свержению Советской власти... Мы поняли, что мы окружены сетями контрреволюции... Только я ушел из Кадетского корпуса, как стали двигаться один за другим отряды из-под горы, и Кадетский корпус был окружен...

Среди «левых» эсеров нашелся один честный – это тов. Гольман. Члены губисполкома во главе с Варейкисом решили или жить или умереть, но уничтожить Муравьева. Но, товарищи, вы знаете, что Муравьев обладает железной волей, его надо было уничтожить. Исполком отобрал верных и стойких красноармейцев, чтобы уничтожить этого господина. Он был заманен в Исполком, и когда он предлагал министерские портфели членам Исполкома, как, например, образовать «волжское правительство», член Исполкома тов. Фратман сказал: «Ты ясный контрреволюционер, а с вами мы будем биться до последней капли крови и тебя отсюда живым не выпустим». Как ни прыгал Муравьев, как ни хотел он поддеть на удочку Губисполком, ему это не пришло...

Тут его пришибли (аплодисменты). Если бы этому « бонапарту» далее просуществовать хотя бы 12 час., то Симбирск был бы взят, потому что он открыл все ворота и банды собирались двинуться в Симбирск...»

Кстати, Симбирск и так пал почти без боя перед походной колонной Народной армии, менее чем через 10 дней... А теперЬ о самом факте убийства несчастного главковерха.

А. Логинов:

«Подъехали к Троицкой гостинице, где Муравьев пообедал в отдельном кабинете вместе с «левыми» социалистами-революционерами. В 3 час. ночи из гостиницы Муравьев, «левые» эсеры, казаки и я прошли в помещение Совета, где, как я узнал, должно состояться чрезвычайное заседание. Придя в Совет, Муравьев, социалисты-революционеры и 3 казака прошли с ним в зал заседаний, а я и еще двое, из незнакомых мне, остались у дверей заседания. Минут 10 спустя к нам подошли латыши, которые сказали: «Товарищи! Мы не желаем напрасной крови, позвольте ваше оружие». Я преспокойно отдал свой браунинг, а также и те отдали револьверы, и нас препроводили в соседнюю комнату. Вскоре в ту же комнату посадили еще одного казака Валидзе. Около 4 час. утра вдруг послышалась стрельба, шум и беготня. Наконец все успокоилось. Тут я узнал от

товарищей латышей, что они хотели арестовать Муравьев, но он, выхватив маузер, открыл по ним стрельбу, троих ранил, ответным выстрелом его уложили на месте».

Роман Гуль:

«Муравьев сам не знал зачем шел; и думал о западне, и не думал; идя на последний в жизни митинг, был уверен только в одном, в красноречии, которым, дурманя, водил грабежом по России красные банды... Муравьев храбр и чужд холодных выкладок Тухачевского: это полубезумный, больной человек, перед которым все заволоклось красным туманом; может, выйдет «Поволжская республика», а может, и ни черта не выйдет.

...вшел, как пьяный, в полу забытье; не заметил даже, что за дверью за своей свитой кольцом стояли латыши интернационального полка в красных куртках с наганами, винтовками; этих речью не подмочишь.

...Из соседней комнаты уже вышла вся засада, окружив заседание в комнате №4. Пулеметчик засел за пулемет, ждет сигнала пустить сквозь дверь ленту... Муравьев выругался матерно, шагнул к Варейкису с маузером, но распахнул дверь, вбежал адъютант Чудошили, бледный, и, перебивая всех, закричал, что в коридоре его разоружили латыши... Муравьев уже догадался, что западня. Варейкис видел: внезапно страшно побледнел Муравьев, и вдруг наступила тишина: Муравьев глядел на Варейкиса, все глядели на Муравьева. Но Муравьев храбр, с маузером в руке быстрым решительным шагом пошел к двери, проговорив:

- Я пойду, успокою отряды сам!

Коммунисты замерли: для слабых заговорщиков минута психологически невыносимая. Муравьев наотмашь ударил дверь, она с грохотом распахнулась, и отпрянул: на него злобно сверкающими взглядами глядели латыши, ощетинившись штыками...

- Измена! – неистово закричал Муравьев и в упор выстрелил из маузера. Но это только секунда. Словно догоняя один другого, грохнули выстрелы и, страшно подогнув ноги, Муравьев с шумом упал...

А теперь официальный отчет Варейкиса и Цимблера в Военный совет Подвойскому и Арапову:

«...Муравьев не застрился, а был застрелен во время ареста, ибо он оказал вооруженное сопротивление, что может подтвердить протокол вскрытия трупа и пять ран, а также и штыковые раны, а также Муравьевым ранены три красноармейца из маузера из числа отряда, которому было поручено нашей фракцией арестовать Муравьева.»

Один из того состава заседавшего Совдепа Г. Каучуковский:

«Муравьев лежал застреленный у самых дверей. Когда я, перешагнув через его труп, вошел в комнату, я увидел тов. Варейкиса, который усиленно махал белым платочком и кричал: «Прекратите стрельбу! Немедленно прекратите!»

Остальные совдеповцы вылезали из-под огромного стола заседаний, где они отсиживались, прикрытые скатертью, пока шла стрельба. Видимо, сам Господь после этого одиночного убийства, вступил за симбирян, не позволив разразиться в городе уличным боям и резне. Хоть в этом Муравьев оказался последовательным, а муравьевцы спешно покинули наш город. Ему было всего 38 лет...»

В этой истории – симбирского периода гражданской войны в России – не все еще до конца ясно. Но архивы наших и зарубежных спецхранов открывают нам строку за строкой всего, что записано и задокументировано очевидцами. Ясно одно: Михаила Артемьевича Муравьева и его дело, явно благое для России и русских людей, сгубила беспечность, порожденная глубокой усталостью долго

воюющего бойца. Только тяжелое похмелье – после выпивки–стимулятора, могло толкнуть профессионала на ошибку. Одну, мелкую, тактическую: пойти в Совет, не произведя разведки, не зная точного плана Кадетского корпуса, не введя туда своей охраны...

Нимб обреченного уже сиял над ним. Его увидел внутренним чувством Варейкис – и все понял. И – победил.

НЕОБХОДИМОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

Как это бывает только в жизни, при публикации моего очерка возникла совершенно

На снимке: дед
И.А. Федорова, делегат
Первого съезда
Советов, член ЦИК и
Совнархоза Украины,
лично знавший Е.Бош,
И.Межлауга и
М.Муравьев - Дмитрий
Игнатенко (в центре)

неожиданная ситуация: В семье И.А. Федорова, взбудораженные ссылкой на связь их деда с М. Муравьевым, стали вновь инспектировать семейный архив. И...

Второй дед (по отцу) И.А. Федорова, происходящий из рода предводителя Харьковского губернского дворянства, - Николай Федорович Федоров, - после окончания Харьковской военной гимназии (юнкерское училище) – служил в рядах Русской армии. После окончания курса Академии Генштаба (военно-инженерный и саперный факультет), некоторое время был сослуживцем в г. Омске со своим однокашником по Академии – лучшим красным генералом-инженером Д.М. Карбышевым...

Неисповедимы пути Господни! Спустя всего – 15 лет дворянин, подполковник Генштаба Федоров, - породнился с социал-демократом, жестоким руководителем ЧК Одесской Советской республики главкома Муравьева – Дмитрием Игнатенко.

Кстати, за верную службу в карательных органах Советов Игнатенко был «достойно» ОТМЕЧЕН: его родной брат (впоследствии – академик, директор Украинского НИИ гинекологии и акушерства), попав в окружение в 1941 году, переодев в немецкую форму целый обоз раненых и санитаров, сам, «став оберстом» гитлеровского Вермахта, благодаря абсолютному знанию немецкого языка, по рокадам, занятым уже фашистами, вывел около 300 человек за линию фронта к своим. За что... был признан немецким агентом и приговорен к расстрелу! И, если бы не случайная встреча в грузинской тюрьме с инспектором, главой ведомства СМЕРШ (смерть шпионам) Николаем Абакумовым, - воспитанником старшего брата и чекиста – Д. Игнатенко - то не миловать бы доктору пули. А так – отсидел всего-то... 15 лет и стал лучшим украинским акушером...

А в подчинении у Абакумова был еще один из родственников И.А. Федорова. Муж его тети – в 1942-м был начальником органов военной контрразведки СМЕРШа Юго-

Западного фронта, а затем более года возглавлял нелегальные и боевые действия чекистских и партизанских соединений на Украине, оккупированной врагом...

Итак, Н. Федоров в годы Первой мировой войны – подполковник, инженер-сапер в рядах Юго-Западного фронта (командующие: Николай Иванов и Алексей Брусилов) служил в подчинении начальника инженерного обеспечения атаки – генерал-лейтенанта К.И. Величко на юге Украины. И самое любопытное, – что в подчинении у начальника инженерной службы 15-й пехотной дивизии (комдив – Безрадецкий) Н. Федорова был М. Муравьев! Попал будущий мятежный красный главком в саперы после того, как были весной 1916-го разгромлены немцами элитные атакующие русские войска. Легендарный Брусилов так пишет об этом:

«Гвардейские части несли огромные потери. Они были брошены на помощь Румынской армии в ее наступлении. Командиром корпуса был назначен генерал А. Зайончковский...»

Офицеры в это время представляли собой весьма жалкое зрелище, ибо они в водовороте великих страстей очень плохо разбирались и не могли понять, что им делать. Офицера на митинге забивали любой оратор, умеевший языком болтать и прочитавший несколько брошюр социалистического содержания. При выступлении на эти темы офицер был совершенно безоружен, ничего в них не понимал...»

...в частях арестовывали начальников и направляли в Петроград, в Совет рабочих и солдатских депутатов; наконец, нашлись и такие части, по преимуществу на Северном фронте, где начальников убивали».

Подполковник Н. Федоров не стал дожидаться принудительной высылки в Петроград, а видимо, пользуясь связями с эсерами своего заместителя – М. Муравьева, близкого к ЦК этой партии, вместе с ним выбыл в мятежную столицу.

Сегодня известно только, что член ЦК партии социалистов-революционеров гвардеец, сапер и террорист Муравьев, благодаря тому, что он «прочитав несколько брошюр» уже мог краснобайством на любом митинге сразить любого оратора из «штафиров», – был выдвинут на главную командную роль в создавшейся Красной Гвардии. Своего начальника он «двинул» в штаб РККА к Подвойскому.

Так Н. Федоров, не будучи коммунистом, а, скорее, наоборот, – стал военным чиновником в группе управделами Наркомвоенмора – генерал-лейтенанта Николая Потапова, перешедшего с должности военного атташе и организатора армии Черногории к большевикам (кстати, и он был сослуживцем Федорова по Академии Генштаба). Всей этой большевистской военной камарильей – до вступления в должность Наркомвоена Л. Троцкого, – руководили своим: Н. Подвойский и М. Кедров, – женатые на сестрах Дирикиль, – а их племянник А. Артузов (Фраучи), – сын третьей сестры, был уже пристроен в главные подручные к Ф. Дзержинскому в ВЧК...

Любопытно и то, что сопротивление войск А. Керенского в ноябре 17-го под Гатчиной подавляли М. Муравьев (в пехотных частях), В. Лебедев и П. Дыбенко (ударные отряды кронштадтских матросов). А в это время в налаживании оборонительных сооружений в Гатчине и Луге против них трудился военинженер Н. Федоров, оставшийся верным воинской присяге.

Керенский коротко вспоминает эти его бесславные дни:

«Финальный акт трагической борьбы Временного Правительства за свободу и честь России разыгрался 30 октября вблизи знаменитой Пулковской обсерватории. Так называемые Пулковские высоты были в руках кронштадтцев. В нашем распоряжении было 700 казаков, бронедивизион, пехотный полк, что прибыл с фронта и несколько полевых орудий...»

Бегство Керенского в матросской робе из Гатчины, Слава Богу, не стало концом для подполковника Федорова. Дружеские и боевые связи, в том числе и с Муравьевым,

ему помогли. Он с войсками красного «Бонапарта» ушел на Украину, где добрался до отчего дома в Харькове. В 20-е годы был «совчиновником», а потом пошел служить к Потапову в инженерно-строительные войска РККА. Строил оборонительные линии против японцев в Монголии, а с 1941-го – полковник Красной армии Н. Федоров в рядах борцов с фашизмом. Стал орденоносцем, заслуженным ветераном Советской армии. – одним из немногих, уцелевших в Первой мировой, в годы революции, в гражданской войне, в годы массовых репрессий... Военачальник – лично знавший героя революции на Украине М. Муравьева, вместе с героем фашистских застенков Дм. Карбышевым, в 1918 году создавшим укрепрайоны под Самарой, давший жизнь своим детям и внукам, укрепляющим сегодня славу и нашего города, заслужил этого небольшого, но справедливого исторического рассказа в строках о муравьевской «эпопее».

Фото из семейного архива Игоря Анатольевича Федорова: справа - его знаменитый дед - подполковник Русской армии и полковник Советской армии - Н. Федоров, третий справа - его сын Анатолий Федоров, участник Великой Отечественной войны, подполковник Смерша.

Власть, которая продолжалась 72 года

Мятежный Мелекес

1. Первопричины

5 марта 1919 года впервые в поволжской прессе появились официальные сообщения о том, что в селе Новодевичье Сенгилеевского уезда Симбирской губернии вспыхнул контрреволюционный мятеж:

«Мятежники разогнали продотряд, арестовали коммунистов и членов волисполкома. Прибывших в Новодевичье, для прекращения мятежа мирным путем, представителей уисполкома мятежники убили, а трупы бросили в прорубь. Председателя волостной ЧКВ Казимирова, после зверского избиения, - привязали за ноги к саням вниз лицом, притащили на Волгу и, бросив в прорубь, выстрелом в упор убили. Посланный из Сенгилея красноармейский отряд мятежники окружили и обезоружили, а его командира расстреляли.

Главари мятежа создали штаб «крестьянской армии», который разослав в окрестные села циркуляры с призывом объединиться к мятежу, арестовывать коммунистов и направлять их в штаб. Одновременно штаб направил организованные им вооруженные банды в близлежащие села Сенгилеевского, Сызранского и Мелекесского уездов, чтобы принудить их жителей примкнуть к мятежу».

Почему же этому событию придавалось такое, повышенное внимание? Ведь официальная советская историография не скрывает, что за 1918 год и - первую половину 1919-го около 340 «кулацких» мятежей произошло по 20 губерниям. НКВД учел 181 контрреволюционное выступление, из них - 44 приходилось на Поволжье. Да и сам вождь мирового пролетариата В.Ленин, предвидя массовое сопротивление, установленной им в результате такого же МЯТЕЖА власти, требовал от своих соратников на местах:

«Повесить (непременно повесить, дабы народ видел) не менее 100 заведомых кулаков, богатеев, кровопийц.

Опубликовать их имена.

Отнять у них весь хлеб.

Назначить заложников - согласно вчерашней телеграмме.

Сделать так, чтобы на сотни верст кругом народ видел, трепетал, знал, кричал: душат и задушат кровопийц кулаков.

...Ваш Ленин».

Это была телеграмма в Пензу от 11 августа 1918 года – именно тогда вспыхнул первый крестьянский вооруженный мятеж. Вспыхнул... и, не затухая, как огненный пал по сухой траве, шел, разрастаясь по всей России, вплоть до 1932 года!

Хотелось бы отметить и одного из ленинских адресатов данной телеграммы – это Евгения Готлибовна (Богдановна) Бош. В это время она была послана в Пензу с чрезвычайными полномочиями – надзирающим от имени ЦК РКП (б) комиссаром, была введена в члены губкома партии.

Любопытна судьба этого чрезвычайного комиссара. Евгения родилась в большой семье земельных арендаторов в Херсонской губернии. Кстати, именно на Херсонщине и тоже в семьях крупных фермеров родились: Л. Троцкий (Бронштейн), А. Цурюпа, Г. Зиновьев (Апфельбаум-Родомыслский), а по соседству был урожден и М. Урицкий.

Когда умер отец Евгении, мать вышла замуж за его родного брата. Теперь в семье перемешались братья, сестры, племянники...

Один из ее братьев был «толстовцем», ушел из дома. Сбежала и покончила с собой одна из сестер. Сама Евгения в 16 лет вышла замуж за фабриканта, но, связавшись с социал-демократами, ради революционных идей бросила семью. После революции возглавляла Киевскую парторганизацию. Не считаясь ни с чем, утопила этот город в юнкерской крови. Комиссарствовала в Харькове, на фронтах руководила воинскими массами. Была политкommом Каспийско-Кавказского фронта, сражаясь рука об руку с А. Шляпниковым (второй муж А. Коллонтай) и С. Кировым. После гражданской войны неизлечимо заболела, лежала в клиниках Кавказа, Италии, Германии. В 1924 году покончила жизнь самоубийством. Ее родная сестра Е. Розмирович (кличка «Гаяля») – была связной В. Ленина, секретарем большевистской фракции в РСДРП. В 1917 году – редактировала «Солдатскую правду», была членом Военно-революционного комитета, Ревтрибунала, была начальником политуправления железных дорог России, членом Центральной контрольной комиссии ВКП (б). Жена первого большевистского Главкома Русской армии, наркома юстиции Н. Крыленко (Брам) – кличка «Абрам».

Неудивительно, что такая вот «семейка», явно психически неуравновешенных комиссаров, начала яро претворять в жизнь указания своего вождя.

Лидер левых эсеров Мария Спиридонова возмущенно писала в ЦК РКП (б):

«Я знаю о Пензенской губернии. В Пензенской губернии пороли крестьян, расстреливали, и все, что полагается, они принесли в положенной форме и в установленном порядке...».

Но в историю вошли события, именно произошедшие в Среднем Поволжье в 1919–1920 годах. Причин здесь несколько.

Первая: как пишет финский литератор Лео Петтинен в своих воспоминаниях:

«Но, несмотря на мощную пропагандистскую кампанию в пользу создания колхозов, значительные слои крестьянства крайне неохотно шли на это. И не только зажиточные крестьяне, которых пропаганда называла кулаками, но и многие середняки. Даже определенная часть бедняков сопротивлялась насильственной коллективизации. В ответ на насилие власти – недовольные крестьяне порой отвечали своим насилием».

Вторая: - к 1916 году в Русской армии солдатская среда и в большинстве офицеры-фронтовики – были выходцами из крестьянства. Массовая демобилизация 1917-го, хаос и анархия в армии Керенского, резко наполнили крестьянство России грамотными, бесстрашными, рассчитывающими на зажиточную жизнь и фронтовые льготы людьми, присягавшими на верность Императору и монархической Родине.

Третья: патриархально-общинная среда русского крестьянства, оставленная руководством РСДРП (б) за чертой списка союзников «рабочих-демократов» и

интернационалистов (им ближе было, скажем, мировое еврейство, объединенное в опереточную партию «Бунд», все управители которой после 1917 года вошли в наркоматы и Советы советской России, а с 1923 года вся партия вошла в состав РКП(б) и стала правящей в русском государстве), не могла принять разработанные идеи и политику Ленина. Тем более что практика правления большевиков показала, как интернационалисты всех мастей, особенно: поляки, евреи, финны, немцы, китайцы – буквально занялись территориальной экспансией, уничтожением коренного народа России, разворовыванием богатств, в большей степени накопленных веками русским крестьянством.

Четвертая: необыкновенно сильное влияние «крестьянской» партии эсеров в массах коренного населения в Поволжье. Недаром, именно в Самаре удалось государственный переворот под руководством эсеров в июне 1918-го. Возникла свободная от большевизма Поволжская республика во главе с Комитетом членов Учредительного собрания и со своей, вполне боеспособной Народной армией. А затем, пусть не надолго, но возник мощный политический альянс эсеров с монархистами, породивший Сибирскую Директорию Верховного правителя России адмирала А. Колчака, с присоединением к ним хорошо военизированного Юга России с армией генерала А. Деникина.

Пятая: за годы с октября 1917-го по – март 1919-го только из Мелекесского уезда было отобрано БЕСПЛАТНО (реквизировано) из частных поместий, крестьянских дворов - около 10 миллионов пудов хлеба, отправленного в Москву, Питер, Германию (по контрибуциям). Что в 1920 году, естественно, вызвало небывалый голод в Поволжье.

Шестое: - на 1897 год по переписи, - в Ставропольском уезде Самарской губернии числилось (включая - Мелекесский с 1918-го), около 300000 населения. К 1918-му это число (за счет беженцев и переселенцев) увеличилось почти на 50000 человек. А в Чапанной войне, на стороне крестьянства, участвовало около 100000 крестьян, третья из которых приходилась на жителей Ставропольского и Мелекесского уездов... Поголовно почти все мужское население деревень!

Седьмое: - из докладной записи в Самарскую губернскую ЧК М. Левитину следует:

«Крестьянская война, или, Чапанка, принимает угрожающие размеры... недовольство вызвано следующими причинами: перегибы на местах с продразверсткой; злоупотребление личной властью отдельными авантюристами и карьеристами, примазавшимися к партии; чересчур рьяные, бесконтрольные действия иных продотрядов, запугивающих крестьян заложничеством; частое принудительное отчуждение мужиков с лошадьми от личных хозяйств; мобилизация в армию старших возрастов.

Характерно, что восставших, мятежных русских крестьян поддерживают татары, мордва, чуваши, черемисы...».

2. Чапаны – это наши деды

В феврале 1919-го уездный агроном из уземотдела Зиновий Устинов получил особое партийное задание: начать в селах создавать крестьянские коммуны.

Дело было знакомое, давно осмысленное. Еще пацаном-студентом Зиновий очень тесно сошелся с местной организацией социал-революционеров, которую возглавлял приятель его старшего брата – Леонтий – учитель из Калмаяра - Николай Моллер.

Эсеровские идеи и, главное, их тактика борьбы с большевистским центром социал-демократов В. Ленина и против его истребительской политики в деревне,

были близки Устинову, воевавшему в июне 1918-го в составе Самарской артбригады с белоказаками, затем партизанившего в Никольских лесах...

Новое задание озадачивало тем, что нужно было не только убедить крестьян в том, что коллективное ведение хозяйства и ликвидация единоличных хуторов, - есть наиболее реальный и доходный выход из экономической разрухи, - но и провести агитацию за полный выем из крестьянских амбаров и закромов всего, вложенного туда труда людского, стратегического запаса хлебов. Якобы, на нужды НАШЕЙ же Рабоче-Крестьянской армии, угнавшей истинно народное правительство Комуча в Самаре за Уральские горы...

Зимний выезд в Мулловскую волость и торопливость с созданием там общественных коммун, проведение выборов членов комитета бедноты, вся эта агитационная спешка обуславливались еще и тем, что лично побывавший в Мелекесском уезде наркомвоенмор Республики товарищ Лев Давидович Троцкий в приватном, после посадского митинга, разговоре с председателем

Мелекесского Революционного комитета Матвеевым высказался однозначно:

- Голодающему в Германии, Питере, Москве пролетариату необходимо срочно помочь. У вас в пакгаузах - миллионы центнеров хлеба! Вы, Василий, лично отвечаете за его бесперебойную вывозку в центр. Вы, Василий, лично отвечаете передо мной за сокрытие зерна в крестьянских амбарах и скронах. Ваша задача: незамедлительно коллективизировать народ в единый, революционный отряд. Все излишки, скот, имущество сделать общим. Ввести в сельских коммунах не только революционный порядок, но и жесткое подчинение приказам, военную дисциплину, поднять на социалистический уровень сознательность каждого крестьянина...

Иначе... Вам, Василий, не миновать высшей кары ревтрибунала. На помилование – не рассчитывайте!

Оттого Василий Матвеев и торопил земотдельцев с выездом в села. И сам вот, сподобился, - ехал с Устиновым в Сосновку, Кипрей, Мулловку.

Сход прошел спокойно. Толпа мужиков, глухо урча, все же поднимала «клес» рук, когда председатель РВК ставил на голосование вопросы коммунизации крестьянских хозяйств. Уже из Сосновки, к вечеру, он с охраной, на уスピлкомовских санях рванул в Мелекесс, твердо наказав Зиновию Устинову с утра «обработать» сход в Мулловке, где и рассчитывали создать центр коммунарского хозяйства.

Старый знакомец Зиновия, местный церковный староста Игнатов, пригласил агронома к себе ночевать.

Такие вот офицеры-фронтовики. вернувшись с «германской», отыграв свадьбу, ввязались в «Чапанку»

За грубо сколоченным из дубовых досок огромным деревенским столом засиделись до темна. Хлебали щербу. Закусывали картофельными варениками со сметаной, крутыми яйцами, хрустким квашением. Когда принялись «дуть» чай из вскипевшего самовара, да лакомиться земляничным вареньем, входная дверь глухо пристукнула.

В переднюю ввалился осыпанный снегом мужик в чапане.

Это был бывший фабричный человек на мануфактуре Алеевых - Хайбуллин, земляк Зиновия по селу Калмаюр. Когда-то, еще парнем, он работал страшим в красивом цеху у братьев Алеевых, потом, скопив денег, ушел на «отруба», стал, как многие его соплеменники, хозяйствовать, крестьянствовать самостоятельно. Устиновых знал с детства. В Калмаюре соседствовали: татары, чуваши, русские, мордва.

Зная, что Зиновий владеет всеми этими языками с детства, поприветствовав хозяев по-русски, мужик Хайбуллин, скосив свои хитрые глаза с красными прожилками в белке на образа в переднем углу комнаты, заговорил по-татарски..

Зиновий, как мог, переводил его скороговорку хозяину:

- Бабай говорит, что сход не рассеялся по домам. Все крепкие хозяева собрались в конторе Марковых. Было решено ставить караульные посты на дорогах. Хотят меня изловить и казнить, как зачинщика смуты и пособника большевиков-разбойников, которые готовы исподнее у мужиков отнять...

Церковный староста перекрестился:

- Господи, оборони от братоубийства!

Устинов продолжал свой разговор с татарином.

Тот неожиданно, видимо, из уважения к хозяину-муэдзину, начал, коверкая слова, выражать по-русски:

- Эй, малай, твой Устин-ата добр чэловек. Яму рахмат-узун, поклон говорить станэш! Яман-мужик собрался у Марковых. Там много-много аскеров было – кто с фронту пришел абзад. Усман-бабай – родной тебя! Я помогать буду. Слава Аллах, твой баш-начальник съехал! А твой шкура искать не так ловко будет. Тебя Мулловка знай, Сосновка – знай, Болотное – знай! Зачем свой знаюм бить? Спасем будет, ёкарна-бабай...

Через полчаса Зиновий Устинов, согревая за пазухой свой маузер, залег в сенное ложе на телеге Хайбуллина. Сверху его закидали стогом свежего сена и татарин, понукая лошадку, рванул в гору, собираясь через сосновые боры быстрее проскочить на Мелекесс.

За горой у засечной балки их тормознули караульные. Действительно, из трех мужиков – двое были во фронтовых шинелишках, с винтами, третий – в чапане, с кистенем. Они придилично тыкали стволами винтов в сено, спорили с бабаем, доказывая ему, что нынче, по средам, «ярмарки» в посаде отменены. Но упрямый татарин голосил о том, как ему нужны деньги на кальм, что сено нынче в цене, а кызынка стоит его неурочного вояжа в Мелекесс...

Пост миновали. Дрожащий от холода и страха Зиновий присел рядом с земляком, понимая, что только чудом и его стараниями сумел выжить в этой передряге.

Шел февраль 1919 года. А уже в начале марта – Мелекесс оказался на осадном положении. Грязнула крестьянская война, которую народ окрестил Чапанной. И-эта настоящая война против ненавистного крестьянам большевистского режима, - станет самой жестокой и кровавой во всем Поволжье. Станет предтечей боев с войсками атамана Антонова на Тамбовщине и Воронежской губернии, войной с Кронштадтом, войной, самой затяжной в советской истории, - с дехканами-басмачами в Средней Азии...

3. Только факты

Наркомвоенмор Л.Д.Троцкий, пригнав свой вооруженный до зубов бронепоезд в Мелекесс, вынудил местные власти вывезти из складов и пакгаузов посада почти трехгодичные запасы хлеба – более 5 миллионов пудов!

Это его продотряды, части ВОХРа третировали крестьянство на территории Самарской, Уфимской, Симбирской и Пензенской губерний, они стремились ликвидировать ПОЛНОСТЬЮ в прифронтовой полосе ВЕСЬ запас продовольствия. Чтобы, в случае нового и более успешного наступления белых войск Директории А.Колчака на Москву, – создать этой армии двести сячекилометровую полосу «выжженной» земли. Жители здешних уездов, сел, деревень, хуторов во внимание не принимались вообще...

Вся «железка» - от Уфы до Москвы и Питера была забита эшелонами с хлебом. Зерновые запасы перекочевывали на Запад – в Германию. И большевикам было в огромной степени наплевать – требуется ли платить немцам по оговоренным в Бресте контрибуциям! Они СОЗДАВАЛИ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ, ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ, СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ЗАПАС ПРОДОВОЛЬСТВИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ПОВЕРЖЕННОЙ ГЕРМАНИИ, ТАМ, ГДЕ ПО ЗАМЫСЛУ ЛЕНИНА-ТРОЦКОГО БЫЛО «ТОНКО», ГДЕ БЫЛИ УЖЕ СКОНЦЕНТРИРОВАНЫ ОСНОВНЫЕ СИЛЫ ИХ АРМИИ МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ, ГДЕ СОЗДАВАЛСЯ НОВЫЙ ПЛАЩАРМ КОММУНИСТИЧЕСКОГО «ПОЖАРА», В СЛУЧАЕ ИХ ПОРАЖЕНИЯ В РОССИИ.

Так что такие «мелочи», как крестьянские бунты или смерти миллионов русских семей в этой СТРАТЕГИИ – никакой значимой роли не играло.

Советская историография утверждает, что все началось с переходом армий А.Колчака в наступление на Самару...

Навстречу ему, в тылу большевистского Поволжья, поднялось, прежде всего, «кулачество». Основной состав Чапанной армии составляло зажиточное крестьянство.

В руководители восстания сразу же определили полковника, графа Орлова (его имения как раз находились на данной территории), полковника Павлова, генерала Бердичева.

Причины восстания определены более-менее справедливо: перегибы при взыскании РЕВОЛЮЦИОННОГО налога! А так же – отсутствие необходимых вещей при товарообмене с мужиками, реакционность власти в вопросах отделения церкви от государства.

Костяк восставших было определить просто: кулачество, попы, офицеры, деклассированная масса дезертиров, «некоторые другие» слои крестьянства, пролезшие в Советы, дезинформированные нестойкие элементы.

Идейные вдохновители восстания – правые и левые эсеры.

С другой стороны – лидер партии эсеров М.Спиридонова крестьянские выступления против большевиков называла РЕВОЛЮЦИЕЙ.

Центром Чапанной войны (чапан, как и кафтан, - овчинное пальто, подбитое сукном – крестьянское зимнее одеяние) были Ставрополь-на-Волге (ныне Тольятти), Мелекесский и Сенгилеевский уезды.

Уже с января 1919 года здесь начались взрывы мостов через реки, порча железнодорожных путей, отпор продотрядам и вохровцам от ЧК. Уже одно это характеризует истинное значение сопротивления поволжских деревень оголтелому и поголовному вывозу из сел хлебных запасов. Подсудно, своим крестьянским умом, люди понимали, что их обрекают заранее на голодную смерть и сознательно оказывали сопротивление властям. Обезлюдевшие деревни в голод в 1920-1921 годах в Поволжье, стали подтверждением данной народной истины.

Суть дела же с возникновением истинно народной Чапанной войны такова:

11 января 1919 года декретом ВЦИК была введена продразверстка. Фактически, ею отменялись всякие нормы сдачи хлеба. Причем, продразверстка, а иначе – поголовное ограбление крестьянского хозяйства, – распространилась теперь и на картофель, мясо, другие овощи, шерсть и т.д. Кроме того, из обобранного двора забирались корова и лошадь, мобилизовывали всех мужиков от 17 до 55 лет включительно, вменялась гужевая повинность. Например, в Уфимской губернии на душу населения в зиму 1919 года оставлялось на прокорм лишь 5,5 пудов не обмолоченного зерна. А под Самарой и того меньше...

Факт, но работа продовольственно-агитационных отрядов (в основном москвичи и питерцы, рабочие) к концу 1919-го «требовало известной обработки в политическом и строевом отношении». А проще, эти отряды ленинской пролетарской гвардии были разбрасываны безнаказанностью при грабежах и насилии во время заготкампаний. Другая часть их – возмущена этими преступлениями.

Вскоре были заменены ВСЕ отряды «ВоенПродБюро», ибо, во время стихийных восстаний ими было убито до 20000 крестьян Уфимской губернии.

В Самарской губернии к 1920 году площадь посевов была сокращена до 60% от довоенной. Засевать земли было некому!

Хочется процитировать здесь самый циничный документ современности: «Инструкцию ВЦИК по проведению разверстки»:

«По приезде в волость срочно собрать собрание, на котором дать гражданам определенный короткий срок по выполнению всех разверсток и объявить волость мобилизованной: никаких домашних работ не производить, исключительно все на вывоз хлеба, фуражка и других продуктов... чрезвычайно разъяснять крестьянам, что разверстка, во что бы то ни стало, должна выполняться полностью, ни с какими нормами не считаясь, и сами, сбывшие свой хлеб по своей вине, посадят себя на голодный паек, потому что ответственность будет коллективная, продавать хлеб мешочнику будет один, а отвечают за него своим хлебом и другие...»

Стратегическая диспозиция того времени выглядит следующим образом:

- Поволжье – главное предполе боев с армией Директории;
- задача ленинского правительства не только не допустить воссоединения всех войск Белой армии по линии фронта, но и нанести поражающий удар по центральной линии соприкосновения: Самара-Уфа-Челябинск-Омск;
- под Самарой, где сосредоточены войска Южной группы Восточного фронта, и с одной и с другой из сторон были приняты планы основного удара на главном направлении;
- естественно, что все данное предполе – от Ижевска до Царицына – было буквально нашитовано агентурой, разведгруппами, террористическими отрядами, пропагандистами всех мастей;

- и, если на севере обстановка склонялась к колчаковской стороне – войска чешского генерала Гайды, уральская группировка князя Долгорукого, и части генерала Болдина, уже минуя Пермь – вышли к Колтасу, готовясь соединиться с северной армией генерала Миллера под Архангельском, бригадами генерала Юденича под Питером и частями Маннергейма в Прибалтийско-Карельской зоне, – то на юге – казачьи армии генералов Белова и Толстова, отряды Алаш-орды были плотно блокированы Уральско-Саратовской группировкой красных. А под Царицыным не могли совершить генеральное и окончательное наступление правофланговые армии Врангеля и Шкуро, сдерживавшие общий темп наступления Белой армии Юга России под командованием А.Деникина.

Оттого, на острие двух жирных стрел в штабных картах, сошедшихся под Самарой и Симбирском, нависла грозовая обстановка.

Гроза эта – носящая сегодня название Чапанская война – в феврале 1919 года разразилась именно в тех местах, где мы ныне проживаем.

Большевики, претендовавшие на властную истину в последней инстанции и какую-то законность, дискредитировали себя в глазах народа, например, такими фактами:

«Если же не будет выполнена разверстка, то комиссар обряда Мансуров произносил следующие угрозы: я, мол, возьму, поставлю орудия с четырех сторон Иванаево и все разобью, жителей всех уничтожу, а на месте Иванаево поселю черемис из деревни Старый Урдя, я на это имею право.

Когда наши сказали, что теперь, согласно распоряжению товарища Ленина разрешена свободная торговля на базарах, то том же Мансуров сказал, что для нас приказы Ленина – недействительны, это только для Саратовского уезда...»

Из заявления председателя Совета Муллы-Ахмета Ситыкова.

«...Неужели нет у нас в центре хороших политработников, которые бы разобрались здесь на местах с этой окрепшей злобной сворой?..

Дела их действительно были такие: сверх разверстки они выграбили до последнего 1-го фунта и говорили Сельсовету, мол, подпишитесь, что, мол, вы отдали добровольно, если мужик не подписывался, то его пороли пletью...»

*Это строки из письма красноармейца Николая Шаманина
в политотдел Южной группы войск.*

И крестьянскому терпению пришел конец!

4. Война народная

6 марта 1919 года Самарский губисполком получил срочное сообщение по прямому проводу от члена президиума Мелекесского уисполнкома Е.Е. Лампеева о волнениях в некоторых селах Мелекесского уезда, вызванных «контрреволюционной агитацией врагов Советской власти и работой колчаковской агентуры».

Сообщалось, что 1 марта в селе Ерыкла толпа, подстрекаемая кулаками, произвела нападение на представителей военной комендатуры Мелекесса, прибывших для мобилизации подвод...

3 марта жители села Новая Майна не допустили продработников к учету хлеба, а на следующий день подвергли избиению, прибывших в село представителей уисполнкома и уездвоенкомата. В местном пункте всеобуча толпа захватила 21 учебную винтовку...

В селе Ягодное Ставропольского уезда и в селе Новодевичье, образована группа вооруженных винтовками мятежников. Объявлено, что власть коммунистов свергается повсеместно! Началась запись в отряды Крестьянской армии. Пятеро арестованных продотрядников утоплены в Волге...

В Ягодном создан штаб Крестьянской армии, чьи отряды на подводах двинулись к Ставрополю.

7 марта президиум Самарского губисполкома образовал военно-полевой штаб по ликвидации мятежа. Командующим всеми военными силами назначены помощник командира Самарского рабочего полка И.М.Шевердин (он был отцом, ставшего позднее известного в Средней Азии руководителя борьбы с басмачеством, советского писателя Михаила Шевердина)...

7 марта отряды чапанов заняли город Ставрополь, отряд из 50 ставропольских коммунистов отступил за Волгу. Семьи коммунистов были подвергнуты избиению и грабежу. Образованна комендатура во главе с И.Н.Голосовым.

В Хрящевке убит председатель волисполнкома А.Г.Пудовкин, зав. клубом М.К.Чернов.

В Мусорке убит председатель Совета И.О.Атяшев.

8 марта комендантом Ставрополя и командующим Крестьянской армией выбран житель Ягодного, бывший штабс-капитан, фронтовик А. В. Долинин. Объявлен его приказ о мобилизации в Крестьянскую армию мужчин в возрасте от 18 до 40 лет...

Специальными посланными группы чапанов, поднимают на мятеж села Сызранского, Сенгилеевского, Бузулукского, Бугурусланского, Самарского, Иващенковского, Златоустского, Бирского, Ишимского, Ялutorского, Сердобского, Ардатовского, Алабырского, Шемуршинского, Никольского уездов...

К 10 марта центр Чапанной войны приобретает контур на стыке Ставропольского, Мелекесского, Сенгилеевского уездов. В междуречье Волги и Черемшана ФАКТИЧЕСКИ власть большевиков вновь пала! В свободные территории входят: города Ставрополь и Сенгилей, села: Ягодное, Новодевичье, Усолье, Отрадное, Хрящевка, Русская Боровка, Мусорка, Новая и Старая Бинадарки, Елховка, Узюково, Чувашский Сускан, Мордово-Озеро, Новая Майна, Аллагулово, Абдреево, Высокий Колок, Никольское-на-Черемшане, Суходол, Белый Яр, Бекетовка, Тереньга, Ерыклинск, Кротково, Елаур...

В очаге мятежа коммунистическая власть сохранилась практически только в посаде Мелекесс...

Если Иван Шеведрин все еще находился в своем штабе в Самаре, где срочно ставили «под ружье» всех, кто еще мог пополнить Рабочий полк в обезлюдевшем, прифронтовом городе, то на территории Мелекесского уезда Крестьянской армии чапанов пытался противостоять сборный отряд большевика Э.Шугара в 600 штыков, 60 кавалеристов, при 5-ти пулеметах и двух орудиях. Коммунистическая пресса и исторические источники лукаво «скромничают», утверждая, что против чапанов им пришлось мобилизовать почти 1500 человек из числа сочувствующих большевикам. Поверхностный подсчет показывает, что только на территории 5 уездов вокруг Самары было сосредоточено отрядов под общим командованием И.Шевердина:

- Самарский рабочий полк (около 1000 штыков);
- Тверской полк бедноты (около 1000 штыков);
- Самарский коммунистический батальон (500 человек), а также отряды, по численности мало уступившие группе Э.Шугара – Ф.М.Голя, А.Ф.Янгуса, В.Г.Скундина (интернационалисты, военнопленные);
 - отряды командиров – Фролова, М.Кудрявцева, Берко (Мелекесский отряд);
 - сводный отряд слушателей мелекесской партшколы – 50 человек при 2 пулеметах;
 - особый отряд сотрудников ВЧК под командованием П.Г.Смидовича.

Петр Гермогенович Смидович – до революции – эмигрант. Соратник и друг В.Ленина по работе в Зарубежном Бюро ЦК РСДРП. Женат на бывшей жене брата А.Луначарского. В должности зам. прод. ВЦИК послан Лениным в Самару личным представителем по ликвидации Чапанного восстания. Руководил вместе с М.Тухачевским карательными экспедициями против восстания крестьян в Тамбовской губернии – антоновщины и восстания матросов в Кронштадте. Брат писателя В.Вересаева. Родом из польско-татарской помещичьей семьи. В молодости был другом и соратником руководителя ЦК эсеров – Чернова, которого позднее предал. В 1920-м возглавил лицемерную большевистскую комиссию, - якобы ликвидирующую голод в Поволжье...

Так вот, именно чекисты П. Смидовича первыми донесли о выдвинутом чапанами лозунге, под которым крестьяне Поволжья восстали против коммунистов:

«Да здравствует Советская власть на платформе Октябрьской революции! Долой коммунистов и коммуну! Долой жидов!»

Естественно, после таких заявлений, тем более, – указанных чекистами примеров воплощения лозунгов на практике:

- в Усолье растерзан работник Совета – Круглов;
- в Мусорке убит коммунист Жигамов;
- расстреляно 32 человека из Сызранского комотряда;
- в Старой Бригадировке – живыми зарыты в землю 2 красных кавалериста;
- в Федоровке убит военком Ингельберг;
- в Ялуторовске жестоко расправились с губпродкомиссаром Индельбамом;
- за ошибки в политическом руководстве и предательство руководители Сенгилеевской парторганизации Блюм и Мач – приговорены ревтрибуналом к расстрелу...

Руководство ЦК большевиков отдало самые решительные приказы, например, - Л.Д. Троцкий:

«Я приказываю всем тем, кто восстал против социалистического отечества, немедленно сложить оружие, кто откажется, тот должен быть разоружен и передан представителям Советской власти. Немедленно должны быть освобождены все арестованные комиссары. Только те могут рассчитывать на милость Советской республики, кто безусловно капитулирует. Одновременно я издаю приказ для подготовки подавления восстания и уничтожения мятежников вооруженными силами».

После очевидного сговора между Фрунзе, Куйбышевым и Смидовичем, охваченные восстаниями, уезды были по периметру блокированы боевыми частями Южгруппы Восточного фронта: 175-й, 176-й пехотные запасные полки, курсанты Симбирских курсов краскомов, 1-й башкирский запасной стрелковый полк, 3-й Алатырский полк Приволжской татарской бригады, 75-я бригада Чапаевской дивизии, отряды ВОХРа и ЧК, - несмотря на шаткое положение на линии фронта, были брошены на ликвидацию крестьянской армии чапанов. А тех то и было, - пусть по уменьшенному почти вдвое в отчетах Смидовича в ЦК – 150000 человек, в большинстве не подготовленных к боевым действиям крестьян, вооруженных топорами, вилами, кольями, ружьями, редко – винтовками, почти без пулеметов и орудий...

Итог этой бойни был предрешен...

5. А на самом деле?

Еще 18 марта 1919 года Самарскую губернию потряс приказ №6 губвоенкома:

«...в деревнях и в городе замечается антисемитская агитация. Предупреждаю: к лицам, натравливающим одну нацию на другую, будет применяться высшая мера наказания!»

И никак не складывается: с одной стороны – антисемитская (антисемитская) агитация, с другой – угроза лицам «натравливающим» одну нацию на другую, а с третьей – к 18-му марта в большинство уездов в Самарской, Пензенской, Симбирской, Уфимской, Саратовской и Уральской губерний приказ этот ну никак поступить-то не мог!.. Кому же он адресовался?

С иной, совсем уж оборотной стороны «медали», - в Чапанном восстании, в Крестьянской армии бок о бок против большевизма сражались русские, башкиры, татары, черемисы, поляки, немцы, чуваши, кыргизы, часто проживавшие добрососедски в одних селах...

Но для мировой «закулисы» и ее обусловленного мнения выброшена пропагандистская уловка: сущность чапанного восстания – антисемизм! И это одна из главных причин, почему крестьянская война не получила ни материальной поддержки с Запада, ни достойной ее пропагандисткой «удавки» на шею ленинского правительства.

Спустя два года, прибыв в Поволжье с гуманитарной миссией – спасти крестьян от голодной смерти, – великий норвежский ученый и гуманист Фритьоф Нансен будет скромно, по-мужски, плакать и содрогаться от виденного здесь: бредущих дорогами скелетов людей, людоедства, расправ властей над замученным вымирающим народом – всех вышеназванных национальностей, и опять-таки, кроме одной...

Не в оправдание, а в объективность картины того времени, в защиту дела наших дедов и бабок, следует сказать о главном:

- 21 марта, обвиняя чапанов в антисемизме, самарские чекисты, под водительством Начибина, арестовали ВСЕХ членов партии анархистов в городе. Анархистов ВСЕХ мыслимых национальностей (в том числе и евреев). Верхушка партии, поддержавшей чапанов только СЛОВОМ, – была расстреляна!

Хотя, объективно, установившаяся в Ставропольском, Сенгилеевском и Мелекесском уездах народная власть восставшего крестьянства ни в коей мере не перечила принципам большевизма в главном – управление Советов.

В Ставрополе-на-Волге была создана эффективно действующая комендатура, избран новый Совет рабочих и крестьянских депутатов: один депутат от каждого жилого квартала (всего – 42) и 17 мест в Совете предоставили руководителям городских профсоюзов.

Самару лихорадило, ибо большинство красноармейцев из крестьян 175-го

запасного полка и артдивизиона перешли на сторону чапанов. И только жуткие репрессии, расстрелы позволили большевикам обуздать солдатскую массу...

Власть чапанного правительства состояла не только из комендатуры и Совета, были избраны начальник Ставропольского гарнизона, начальник милиции, командующий Крестьянской армией – да не какой-то безграмотный «кулак», а бывший офицер Ставки Русской армии, фронтовик и земляк – Долинин.

В уезде начала выходить газета чапанов «Известия Ставропольского исполнкома» под редакцией священника Алеева...

Циркуляры народной власти были коротки и понятны всем: «Всех обнаруженных в уездах коммунистов – под арест!»

«Самосуды и прочие беспорядки – прекратить!»

«Казнокрадов найти! Деньги, похищенные из банка, вернуть!»

Владелец типографии Жилинский выпускал листовки и газету совершенно бесплатно.

Как не пытались позднее советские историки «навесить» на чапанов «массовые зверства», - кроме полусотни имен расстрелянных большевиков и комиссаров, привести в своих работах не могут. Зато стыдливо умалчивается итог подавления Чапанки:

- более 50 тысяч крестьян было загнано регулярными красными частями и чекистами с берега Волги, Самарки, Черемшана, Сурьи, Белой, Воложки и были безоружными сброшены в весенние полыньи. В конце апреля реки эти вздулись, и из-под льда плыли горы трупов-утопленников. Почти год из рек не могли брать воду в окрестных селах...

- Оставшиеся в селах мужики и их семьи были обложены таким оброком, что продразверстка, ставшая причиной Чапанки, была лишь прелюдией к грянувшему в 1920-м году голоду в деревне.

- В результате подавления крестьянского восстания, а затем умерщвления людей от бескорытия, в результате страшного мщения правительства В.Ленина и его соратников по большевистской партии, - в Поволжье, Предуралье, на Средне-Русской возвышенности было уничтожено более двух миллионов крестьян; обездели места традиционного земледелия России.

Политические дивиденды этой войны с собственным народом тоже были на лицо:

- правящие партии большевиков после Чапанки смело и бескомпромиссно расправились со своими соратниками, попутчиками и сторонниками по свершению Октябрьского переворота. Были арестованы и репрессированы лидеры партии анархистов, социал-революционеров (эсэров), эсдеков, меньшевиков, националистов, типа партии «Алаш-Орда». Остается загадкой: почему в эти репрессии не попали националистические партии толка «Поалей-Цион» и «Бунд», представляющее еврейское население России...

- Голод 1920-21 годов стал причиной того, что малолетних детей чапанов силой изымали из голодающих семей, собирали сирот и из Поволжья отправляли в Сибирь, на Украину, в Чехословакию, Германию, где 3-4 года в советских детдомах перековывали идеологически будущих «строителей коммунизма».

- Субсидии, концессии, гуманитарная помощь, которую в 1921 обрушили на Поволжье США, страны Балтии, Италия, Англия, страны Бенилюкса стали хорошим подспорьем голодающей от большевизма России, снизили процент по кредитам, даваемым Ленину «мировой закулисой». Нашим дедам доставались от этой «гуманитарки» обедтки.

6. Послесловие

Удушающая цензура вымарала из нашей истории почти все имена участников чапанки.

Лишь по разрозненным источникам можем мы сегодня помянуть наших родичей, кто с колом восстал против диавольского огня и меча большевизма в Поволжье. Даниловы, Долинины, Трофимовы, Бурлаковы из Тольятти – это ваши прадеды и деды, которые боролись за ваше счастье...

Фроловы из Хмелевки; Чигаковы из Цивильска; Поповы, Жуковы, Орловы, Красновы из Мелекесса; Алеевы, Мазаевы, Кулябины, Ситыковы, Хайбулины – из Самарской и Уфимской губерний; Беловы, Хромовы, Петровы, Лушниковы, Бубновы – из Самарского уезда – все вы чисты перед Богом, совестью и историей. Все вы – страстотерпцы за род свой!

Самый кровопролитный бой чапанских отрядов с войсками Э.Шугара, по словам очевидцев, состоялся на территории нашего уезда где-то между Ст. Бинарадкой и Новоселками.

Оставив на поле боя сотни почти безоружных крестьянских трупов Шугар двинулся на Мелекесс. В это же время один из красноармейских отрядов занял позицию недалеко от Никольского, фронтом на восток. Но ночью караульные проспали подкравшихся к ним разведчиков из армии Колчака, соединившихся с одним из отрядов чапанов Долинина. Часовых вырезали, красных рубили шашками, расстреливали спящих в бивуаке. Спастись бегством удалось немногим...

Весть об ожесточенном сопротивлении крестьян Советской власти докатилась и до Кремля. По личному распоряжению Ленина в Самару были направлены бронепоезда, броневики, матросские ударные отряды из Кронштадта...

Интересно, но факт, сопротивление большевикам оказывали не только доведенные до отчаяния и разоренные крестьяне, к лозунгам чапанов делом присоединились и сами органы власти. Например, Бузулукский городской исполком полностью стоял на большевистской «платформе», а уездный исполком поднимал бузулукские села на борьбу с большевизмом и всецело поддерживал эсеров.

Посадский Совет в Мелекессе не смог справиться с уездным исполкомом, где большинство составляли эсеры. Исполком своими разумными решениями сорвал большевикам их программу хлебозаготовок в Мелекесском уезде...

К марта 1919 года обстановка в нашем уезде была совершенно чрезвычайной: на фронте, где бои с передовыми частями адмирала Колчака шли всего в 47 верстах от Мелекесса – под Нурутлом, перевес сил был на стороне красных; уже под Хмелевкой по-суги был открыт второй фронт, - там части национальной антибольшевистской коалиции – Забулакской республики башкир «Алаш», сомкнулись единым фронтом с чапанскими отрядами мелекесских крестьян. И, если с августа 1918-го Хмелевка была центром действия против Комуча красных партизанских отрядов, то уже в марте 1919-го положение здесь повернулось в противоположную сторону. Чапаны, под руководством местных (мельника Михайлина, помещика Мызгалова, кожевников Новаковых) вымели окрестности от большевистских продотрядов...

Очевидцы рассказывают, что перед наступлением на позиции красных, перед основными силами вооруженных чапанов нередко шли толпы женщин-крестьянок - никто не желал напрасного кровопролития. Крестьянская армия по сути своей была лишь актом отчаяния, формой сопротивления людей, обреченных большевиками на голодную смерть...

Самый боеспособный отряд мелекесских крестьян возглавлял выходец из польских шляхтичей, сосланных за революционные настроения в Мелекесс и разоренных – некто, атаман Сидор Пекарский. Его заместителем был тоже поляк – Чилим.

Эффективно действовали отряды, собранные под Старым Рождествено и Малой Кандалой, которые возглавлял Клушкин, бывший фронтовик...

Мне остается только добавить, что к концу 1919 года в селе Калмаюр был раскулачен мой прадед Гаврила Никитович Устинов, начинавший коробейником, а к 1917-му построивший один (!) на всю округу маленький крестьянский магазин смешанных товаров.

Несмотря на то, что трое его сынов работали в парторганах большевиков, товар и дом конфисковали, ибо он поддержал чапанов...

Выброшенный на улицу, мой прадед пришел в Мелекесс к сыну Зиновию. Здесь дед мой и приоткрыл отца с матерью. В 1920-м парторганизация рекомендовала агроному Зиновию Устинову отречься от родителей и выгнать их из своего дома за их «кулацкую» сущность и кровопийство...

Дед положил на стол партийного секретаря свой партбилет члена РКП (б), - тем самым, став на всю оставшуюся жизнь неблагонадежным, пособником чапанов. Но – оставшись верным своему сыновнему долгу. Своей мужицкой совести.

Поволжские крестьяне после восстания...

Все дороги вели в Мелекесс

92 года назад распоряжением председателя губернского ревкома Валериана Куйбышева посаду Мелекесс был придан статус уездного центра, а Ставропольский уезд, в который входили и села Мелекесской волости, стал именоваться Мелекесским уездом.

С восстановлением Советской власти в Ставрополе-на-Волге (ныне Тольятти), территория этого уезда (района) была поделена так: большая часть земель, сел и деревень, ныне существующих Кошкинского, Елховского, Ставропольского районов Самарской области и Чердаклинского, Старомайнского, Новомалыклинского районов Ульяновской области, а также некоторые населенные пункты Татарии - отошли под юрисдикцию и в административное управление Мелекесса.

А началось все по-боевому...

С октября 1917-го Мелекесс (несмотря на то, что по количеству населения и промышленному потенциалу был вторым городом в Самарской губернии) все еще оставался посадом и был всего лишь центром большой волости (уездным подразделением). К началу 1918 года в посаде сконцентрировались деятельные силы как политического, так и делового направления.

Мелекес, дававший своим детям достаточно емкое и разностороннее образование, был центром проживания многих деятельных людей: промышленников, торговцев, мастеровых, интеллигенции, военных - наших земляков творческого склада ума. Естественно, что большинство из них, воспитанных в духе монархического патриотизма, негативно восприняло власть социалистов-ленинцев.

Уже 20 февраля 1918 года внутренние противники власти большевиков в посаде, при поддержке извне диверсионных отрядов армии адмирала Колчака, попытались в Мелекессе - глубинке на территории «красных» - свергнуть власть Совета.

Ночью они вошли в город и осадили Мелекесский Совет. Бой длился более суток. Только, благодаря вовремя прибывшему на помощь товарищам по партии Симбирскому революционному отряду, удалось восстановить в посаде прежнее положение. Нападавшие скрылись. В Мелекессе ввели осадное положение.

Посадские большевики начали готовить серьезную защиту. Взамен отряда самообороны создали крепкую, хорошо вооруженную и обученную военную дружину. Сторонники коммунистов в ней служили бок о бок с отставными солдатами-фронтовиками, которые в подавляющем большинстве были либо эсерами, либо анархистами.

28 февраля, приняв «на вооружение» крепкую воинскую выучку, посадский Совет создает в Мелекессе уездный (по значению!) штаб Красной гвардии.

Примечательно, что в это время Мелекесс настойчиво перенимает уездные административные и управленческие функции у захолустного и малоспособного к деловой активности Ставрополя. Город этот, бывший своеобразной дачной местностью для самарской знати, постепенно хирел в политическом и экономическом смыслах. Он не мог уже конкурировать с растущим и подчиненным ему волостным посадом.

Мелекесс «был столицей уезда» как промышленным потенциалом, так и разворотливостью мысли своих сограждан. Именно поэтому еще 25-29 марта 1918 года II уездный съезд Советов проходил не в Ставрополе, а в Мелекессе. Сюда, во главе с председателем уисполкома В.Баныкиным в полном составе явились руководители уезда: В.Антипов, Ф.Данилов, Н.Демин, А.Казачков, В.Мануйлов, В.Никитин, И.Нестеров, С.Кожевников, П.ИШлютов. Впоследствии, почти все они погибнут во время взятия Ставрополя войсками Комуча.

Съезд этот постановил: «Единственной властью считать всюду власть Советов рабочих, крестьянских, солдатских депутатов». Все находящиеся в пределах уезда земли «с живым и мертвым инвентарем» съезд объявил общенародным достоянием и взял его в распоряжение уездного Совета. Уисполнкуму поручили организацию охраны этого достояния.

Мелекесцы, учитывая слабость уездного центра, организовали конные вооруженные дружины по охране лесов от порубок. Здесь же было сконцентрировано контрольное управление по соблюдению «обязательного и непреклонного выполнения закона о государственной хлебной монополии». Ведь именно на железнодорожных складах Мелекесса тогда хранились хлебные запасы всего уезда - несколько миллионов пудов зерна!

Мелекесским продотрядам поручили полностью отбирать в пользу советской власти в центре хлеб у «спекулянтов». К чему это привело в 1919 году, когда против власти коммунистов по всему Поволжью вспыхнуло крестьянское восстание (Чапанка), мы сегодня знаем. А вывозя хлебные запасы в Москву и Питер, обобрав «спекулянтов» - крестьян-единоличников и их общины, коммунистические вожди губернского и уездных масштабов обрекли население края на голод 1920-1921 годов.

Война все ближе подбиралась к землям Причеремшанья. Войска, из верных своему долгу солдат и офицеров, признавших единственно законным правительством Всероссийский комитет членов учредительного собрания (Комуч), при поддержке Омской (Сибирской) Директории и Чехословацкого корпуса уже стучали громом пушек «в ворота» Самары. Под их натиском разваливающиеся красногвардейские отряды создавали панику в губернском центре.

Уже 4 июня 1918 года в Самаре объявили эвакуацию госучреждений и служб. Но красным командирам на какое-то время удалось стабилизировать фронт, и беженцы вернулись. Самарские красные вожди еще 6 июня успели «обмыть» 30-летие своего предводителя - предгубревкому Валериана Куйбышева. А уже 8 июня, приняв бой в центре Самары, Валериан уходил от преследователей «огородами, дворами и по крышам» к пристани, где его и еще нескольких «вождей» дождался пароход «Межень», эвакуировавший губревколовцев, так и не успевших опохмелиться после юбилея Куйбышева, в Ставрополь.

К уездному центру отряды Комуча подступили основательно, блокировав все сухопутные пути и контролируя Волгу с воздуха. Началась настоящая охота на губревком. Артналеты на Ставрополь продолжались два дня. С 13 по 15 июня город был в осаде.

Причем, как и предполагалось, ставропольские уездные чины не смогли организовать серьезного сопротивления строевым частям противника. Мало того, городской менталитет здесь был явно буржуазной ориентации, все чаще звучали выстрелы из-за угла в спину...

«Белые» аэропланы контролировали выход на волжский фарватер всех судов. Несколько бомб они сбросили на улицы города. В этих боях погиб и предисполнкома В.Баныкин. Куйбышеву со штабом удалось уйти на пароходе под покровом ночи

к Симбирску, а уже на рассвете 15-го к ставропольской пристани подошли три бускира и один пассажирский пароход, выбросившие на берег десант, освободивший город от красных.

18 июня «десант» из большевистских вождей (Куйбышев, Фрунзе, Подвойский, Галактионов) высаживался из блиндированного поезда на станции Мелекесс. Наш посад в эти дни приобрел особую роль в боях на Восточном фронте.

Дугой изогнутая линия обороны красных пролегала от Воткинска и Ижевска (части, рвущиеся к Казани), через Бугульму (здесь эта линия «вibriровала», и город переходил из рук в руки) и Бугуруслан (его взяли казаки атамана Оренбургского войска генерала Дутова) - до Мелекесса. Наш посад являл собой как бы крайнюю точку на этой натянутой тетиве, готовой выбросить в сторону врага стрелу из сконцентрировавшихся красных отрядов. Беда только в том, что, в прикрытых Мелекессом: Симбирске, Алатыре, Инзе - отряды, пополненные отмобилизованными дезертирами и сельскими мужиками, переформировывались, собирались в боевые соединения, экипировались, - вооружались очень медленно.

Появившийся на фронтовом «передке» наркомвоен и член высшего военного совета Подвойский пытался организовать в Мелекессе непреступную крепость, прикрывавшую собой симбирское и казанское направления.

В ход шли любые меры и посулы, - вплоть до того, что 1 июля 1918 года наш посад стал областной столицей. Здесь разместились штаб фронта, ставка военного комиссара республики, губревком, губсовет, губисполком, губком РКП(б), все уездные организации, вплоть до редакций газет и Мелекесской советской радиостанции.

Подвойский обращается 19 июня к жителям посада и сел на территории района с воззванием: вступать в Красную армию.

Первыми в боевую посадскую дружину вступили мелекесские грузчики. Спешно формируются национальные - татарские, чувашские, мордовские отряды из крестьян уезда. Но даже при поддержке бронепоезда матроса Полупанова, комендантской роты московских стрелков из охраны наркомвоена, посадского коммунистического отряда, конной дружины, отряда самарских чекистов и интернационалистов, которых привел с собой предгубисполкома Галактионов, - сил для сопротивления набиралось мало. Речь об освобождение Самары или хотя бы уездного Ставрополя и не шла. Главное было удержаться под Бугульмой, Бугурусланом, в Мелекессе.

Эту цель преследовали и действия вождей губернского масштаба. В тот короткий период в Мелекессе концентрировались небывалые для посада властные,

политические структуры, экономический потенциал, военное руководство, фронтовые службы. Для местных большевиков делали все, чтобы возбудить в них чувство «ответственности», как можно большее количество местного люда, крестьян загнать в окопы на линии противостояния войскам Комуча. Председатель Мелекесского ревкома и первый посадский большевик Я.Пискалов стал особой, приближенной к политкомарму Куйбышеву, вошел в высшие политические структуры армии, исполнял особые поручения вождей.

1 июля 1918 года Куйбышев на совещании в Народном доме объявил, что Мелекессу и его властям передаются функции уездной администрации. Он потребовал полнонасштабно развернуть военно-политическую и агитационно-пропагандистскую работу на территории Мелекесско-Ставропольского уезда. Необходимо было показать, что советская власть в крае - жива!

Правда, политкомарм и предгубревкому оговорился, что «Мелекесс объявлен уездным центром до ликвидации мятежа». Но уже 2 июля, в связи с загруженностью Пискалова более масштабными делами, прошли перевыборы Мелекесского уездного ревкома. Его председателем стал Евгений Аблов, членами: В.Матвеев, Я.Пискалов, В.Тараканов, К.Бакаев. В тот же день новый ревком «перетряхнул» состав посадского Совета депутатов. В его новом уездном Совете не осталось эсеров, были удалены меньшевики: Кабцан, Апкин, Смирнов, Кочкуров. Полностью «большевизированный» уездный совет работал под контролем секретаря губревкому Е.Когана.

На страницах начавшей выходить с 6 июня посадской, а теперь уездной газеты «Известия Мелекесского совета рабочих депутатов» (всего вышло 10 номеров) выступил сам В.Куйбышев со статьями «Судьба предателей революции» и «Экономическое творчество Советской власти».

В те дни политкомарм много перемещается по городу. Он участвует в заседаниях военного совета в бывшей летней резиденции купцов Марковых (потом она сгорела) на берегу Среднего пруда. Проводит митинги в Народном доме. Обучает искусству управлять губернией в условиях «оккупации» своих соратников в бывшем здании женской гимназии. Обедает и ночует то в доме Пискаловых, то - у Абловых. На явочной квартире у городской гостиницы лично принимает рапорты военных агентов, приходивших из-за линии фронта.

Но срок этой эйфории управления войсками и губернией из Мелекесса, казавшегося непреступным, был очень недолгим. Казалось, только что - 14 июля - он председательствовал на заседании губревкому, где заслушивались отчеты командиров частей Красной армии, создавалась Мелекесско-Бугурсланская группа войск, утверждалось ее командование: группом Алеев, политком Васянин... а уже на рассвете 15-го стало известно, что чехословаки прорвали фронт под Бугульмой, а из-под Бугурслана накатывается «золотопогонная» армия Комуча.

События эти вынуждают Куйбышева и всех губернских начальников спешно бежать за Волгу в Симбирск, под прикрытие орудий бронепоезда Полупанова.

Всего-то три дня Мелекесская уездная власть «порулила» самостоятельно. Основные вооруженные отряды из уездного центра были стянуты для обороны опорного пункта у Бряндино и под Симбирск. Ревком и все уездные структуры решали одну задачу: эвакуации из города банковских ценностей, хлеба, документаций. Отступающие части беспрерывно проходили под Мелекессом. 15-го утром уездная власть пала. Чехословакие батальоны и части Комуча без единого выстрела взяли город.

Уже 17-го вместо ревкомов, укомов, Советов создали Мелекесский комитет защиты Учредительного собрания. Начальник Симбирского отряда Комуча штабс-

капитан Степанов, уводя из Мелекесса войска, оставил в доме Масленникова на Новой Соборной улице комендатуру. Сокомандантами стали: со стороны чехов - прапорщик П.Турза, со стороны русских частей - поручик Гладилин.

20 июля в городе создана и действует вооруженная дружина гражданской охраны. 23-го введено военное положение и комендантский час с 22.00. Пойманы и расстреляны член бюро укома РКП (б) и секретарь газеты «Известия» А.Хмельницкий, военком Парадизов, секретарь уездного Совета Е.Наумова (невеста Евгения Аблова), председатель Рождественского волисполкома А.Львов (он бежал, пытался переплыть озеро, но пуля его догнала в воде), пропагандист Шанишин.

В городе открылось два арестных дома. Их заполнили выловленными в лесах большевиками и их приспешниками. В районе Лесной Хмелевки окружили и разгромили партизанский отряд.

Возвращение в «дооктябрьский период» было противоречивым и болезненным. 6 октября 1918 года город вновь перешел к красным. Отступавшие позаботились о том, чтобы продвижение противника было замедлено: был взорван железнодорожный мост и два деревянных пешеходных мостика через Черемшан. Связь с левобережными селами была прервана.

14 октября восстановленный Самарский губревком постановил: «Административным центром Ставропольского уезда вновь считать промышленно-рабочий посад Мелекесс». Видимо, жива была память у губернских вождей о сдавшем их Ставрополе, как очаге мелкобуржуазной жизни, неспособном к уездному управлению.

18 октября в нашем городе и по всему уезду была объявлена поголовная мобилизация мужчин в Красную армию. Добровольно пошли на фронт только 56 уездных коммунистов, вернувшиеся из бегов в военной форме в рядах бойцов РККА. А временный уездный ревком создавали под контролем командующего пятой армией Мацкевича из больных и престарелых посадских большевиков, оставшихся в живых членов уисполнкома и уездного Совета, и сочувствующих им.

Хозяйственные посадские мужички, приняв из рук военных уездную власть, несмотря на их «окрас», сразу же взялись за дело - восстановление уезда. Стромостотряды навели понтоны на левый берег. В села уезда пошли подводы с агитаторами, хлебом, газетами, брошюрами. Хоздела принял на себя уездный Совнархоз (председатель П.Прокофьев). За порядком следила уже воссозданная горуездная милиция. До 29 декабря - дня выхода в свет первого номера уездной газеты «Знамя коммунизма» (редактор Артем Веселый) - дело пропаганды взяло на себя уинформбюро. В Новой Майне был открыт кирпичный завод, где производили черепицу, гончарную посуду, керамические трубы. Уездный центр «зализывал» военные раны.

В городе ликвидировали городской общественный банк, создали вместо него Совгосбанк и его отделения в селах.

Особый урон был нанесен войной крестьянству. Пасеки разгромлены, весь сельхозинвентарь приведен в негодность, скот съеден или угнан войсками. В уезде на то время было всего три агронома и шесть сельхозинструкторов-самоучек. Но уже к январю 1919 года было создано пять питомников крупного рогатого скота и три - для выведения свиней. В городе работал Нардом, школы ликбеза, кинотеатр «Унион». Здесь отдыхали премированные за достижения в восстановлении сельского хозяйства члены первых уездных сельхозкоммун - «Роза» из Поречья и имени Р.Люксембург из Мусорки.

Мы можем отметить три даты, относящиеся к созданию Мелекесского района:

15 июня, когда фактически управление уездом перешло к Мелекессу; 1 июля, когда Куйбышев официально передал эти функции мелекесскому ревкому, правда, временно; и 14 октября, когда губревком образовал Мелекесский уезд всерьез и надолго. А было все это более 90 лет тому назад.

Районная история

Мелекесский район образован в 1928 году. Заселение территории района начато в XVII веке, когда при царе Алексее Михайловиче было предпринято строительство в Среднем Поволжье укрепленных линий от набегов калмыцких племен.

Так начиналось заселение с Ерыклинска и Тиинска. Близ нынешнего Димитровграда сложилась большая колония переселенцев.

14 мая 1928 года образована Средневолжская область с центром в г. Самаре, в состав которой вошли Ульяновский и Самарский округа.

В Ульяновский округ входил и Мелекесский уезд. В 1930 году образуются укрупненные районы. В Мелекесский район вошло 48 сельсоветов. В 1935 году в связи с новым районированием в составе Мелекесского района осталось 12 сельских Советов.

В 1950 году к Мелекесскому району присоединены Тиинский район и часть Николочеремшанского района.

В 1963 году существующие районы были поделены на сельские и промышленные. Мелекесский район с центром в Мелекессе отнесен к сельским районам.

В 1964 году такое разделение упразднено, рабочий поселок Мулловка вошел в состав Мелекесского района. (Затем, в 1965 году, к району отошли Русскомелекесский, Боровский и Старосахчинский сельские Советы, ранее входившие в состав других районов. Мелекесский район определен как агропромышленный.

...8 июня 1918 года от большевиков был освобожден губернский центр нашего края - Самара, 15 июня - уездный центр Ставрополь-на-Волге (Тольятти). Бежавшие в панике от войск Чехословацкого корпуса и частей народной армии Самарского (Всероссийского) комитета членов Учредительного собрания России руководители Самарского губернского революционного комитета и губернского комитета Российской компартии (большевиков) сначала доплыли на подвернувшихся судах по Волге до Симбирска, но там, встреченные неласково местными соратниками во главе с литовцем И. Варейкисом и ругательскими телеграммами из ЦК РКП(б) и Совнаркома, были вынуждены по железной дороге вернуться в северную часть Самарской губернии, в Мелекес, все еще находившийся под властью советской.

Так в нашем посаде (на месяц ставшем одновременно и губернским, и уездным центром) обосновались организации, осуществлявшие властные функции губернские и уездные. Что и позволило 26 июня председателю губревкому В. Куйбышеву издать самовольный подзаконный акт - распоряжение о создании вместо «оккупированного» не большевиками Ставропольского уезда, - Мелекесский уезд с райцентром в посаде Мелекес. Находившиеся в то время в Мелекессе и уездные власти (ревком, райисполком, партком) скрупулезно подсчитывали количество волостей уезда, которыми еще могли управлять большевики.

Итак, в состав вновь образованного Мелекесского уезда на июль 1918 года входили по нынешним административно-территориальным признакам:

- Ставропольский район Самарской губернии;
- Мелекесский район Ульяновской области;
- Новомалыкинский район Ульяновской области;
- Чердаклинский район Ульяновской области;
- Прибрежные земли Сенгилеевского и Тереньгульского районов Ульяновской области;
- Старомайнский район Ульяновской области;
- Кошкинская, Елховская, Большеконстантиновская, Александротальская и Степношанталинская волости - Самарской области;
- Черемшанская, Левосалаванская и Чистопольская волости Татарии и т.д.

Справка

Сообразуясь с данными переписи населения в Российской Империи на начало XX века, можно отметить интересные факты: в Ставропольском уезде Самарской губернии (с 1918 года - Мелекесском) проживало около 300 тысяч человек. Из них в уездном Ставрополе - 42 тысячи человек.

Всего переселенцев в наш уезд из других стран, губерний и уездов было 15 тысяч человек (или чуть более 5% от общего числа жителей). Основные регионы (поставщики в наш край новых жителей) были Казанская, Саратовская, Нижегородская, Пензенская, Симбирская и Тамбовская губернии.

Интересен факт, что с 1758 года землями в Николочеремшанской волости стали владеть родственники офицера оренбургского гарнизона А.Ф.Дурасова, а мулловскими

1925 год. В Новомайнской волостной сельсовет прибыл представитель из Москвы контролировать заготовку зерна (в центре - П.В.Столяров и Ф.И.Жигулев). Снимок встречались депутаты Ф.Люсеев, В.Улитин, З.Устинов, Иванов, Бородачев.

1930 год.
Делегация
мелекесских
хлебозаготовите-
лей на совещании
работников
«Главзаготзерно»
в Самаре.

Впоследствии
17 из них были
репрессированы за
невыполнение норм
хлебозаготовок и
контрреволюцион-
ные действия.

Фото
опубликовано в
газете «Власть
труда»

землями, заводами и лесными дачами - поручика лейб-гвардии Преображенского полка С.Г. Мельгунова (его жена Екатерина Алексеевна - урожденная Дурасова). А в 1910 году российский премьер-министр и министр внутренних дел (уроженец Симбирской губернии) П.А. Столыпин совершил поездку по нашему краю с целью ознакомления с ходом земельной реформы. В Ставропольском уезде и в посаде Мелекес его сопровождал исполняющий обязанности непременного члена губернской землеустроительной комиссии граф Дурасов...

15 июля 1918 года пал большевистский Мелекес.

Красная гвардия откатилась за Волгу и стала обороной по Симбирскому Венцу над рекой и мостом. Иными словами, новая законная власть Самарского комитета членов Всероссийского учредительного собрания пришла в Причеремшанье, и не стала отменять куйбышевский декрет о создании Мелекесского уезда. Наш район стал легитимен!

Вернувшиеся органы советской власти на местах (октябрь-ноябрь 1918 года) тоже не стали отменять решения губревкома. Была произведена лишь корректировка территории, сообразно объективно сложившейся военной обстановки. Так, был восстановлен Ставропольский уезд, чья граница с Мелекесским пролегла через села Кирилловка - Елховка. В состав Самарского уезда перевели Кошкинскую, Александровскую, Большеконстантиновскую волости, в Татарию отошли Чистопольская и Черемшанская. Наш уезд лишился земель в Правобережье Волги «подперли» старомайнскими землями Симбирскую губернию.

Из географии...

Мелекесский район расположен в восточной части Ульяновской области (Заволжье), граничит с Республикой Татарстан, с Самарской областью.

Протяженность территории района с севера на юг 85 км, с запада на восток 65 км.

Территория района составляет 3472,3 кв. км. Общая площадь землепользования - 205,4 га, в т.ч. сельскохозяйственные угодья - 192,5 тыс. га, из них пашня 167,3 га.

Гидрографическая сеть района представлена Куйбышевским водохранилищем, а также реками Б. Черемшан, М. Черемшан, Б. Авраль, Ташелка, Бирля, Ерыклика, Майна, Сахча.

Район поделен на степную и лесную зоны.

Мелекесский район богат природными ресурсами. В районе имеются большие

возможности использования земельных, минерально-сырьевых, лесных, водных ресурсов.

На территории района ведется промышленная добыча нефти, имеются источники минеральной воды.

Итак, наш уезд лишился земель в Правобережье Волги и «подпер» старомайнскими землями Симбирскую губернию.

А затем, с так и не утвержденным решением ВЦИК, - с Мелекесским уездом начались политические игры. В 1924 году постановлением ЦИК СССР Симбирская губерния была переименована в Ульяновскую область. В 1925 году в числе пяти уездов в новообразованной области находился и Мелекесский уезд, выделенный из Самарской губернии. В 1928 году губерни были упразднены. И была образована Средневолжская область с центром в Самаре. И вот оно! Впервые вместо уездов образованы районы!

Иными словами, если говорить об истории только Мелекесского района, то ему уже 82 года. В 1930-м наш район стал укрупненным - в него вновь вошли села Новомалыклинского, части Кошкинского и Чердаклинского районов.

13 января 1935 года Самара переименована в город Куйбышев, а Средневолжский край - в Куйбышевский край, где один год было четырехзвенное деление: край-округ (в данном случае - Ульяновский) - район - сельский Совет. Но с 5 февраля 1935 года было утверждено новое районирование края (ради улучшения руководства сельским хозяйством, с учетом населения различных народов и специализации данной территории). Так, наряду с Мелекесским районом, были образованы новые: Николочеремешанский, Малокандалинский, Тинский, Новомалыклинский...

В период с 1921 по 1941 год вообще происходило много преобразований на селе. После голодных 1919-1921 годов население нашего края резко сократилось. Многие жижи крестьян-воинов унесли гражданская и Чапанская войны. Затем последовал период укрупнения хуторов и малых деревень в коммуны, колхозы. Многие населенные пункты обезлюдили, были стерты и с карт, и из жизни.

С высоты сегодняшнего дня кажется совершенно нелепым, что первые коллективные хозяйства на территории нашего уезда-района носили, например, имена Ленина, Кирова, Сталина, Молотова, Буденного, Фрунзе, Энгельса, М. Горького, Линдмана, Либкнехта... или назывались «Батрак», «Сила машин», «Комбайн», «Агрономический», «Верный путь», «Знамя труда», «Маяк Ильича»...

В этот период на территории района проживало 69% русских, 13,2% татар, 7,5% мордовы, 9,4% чуваш, 0,9% - остальных национальностей. Распри по национальному, социальному признакам, споры из-за пахотных земель, сенокосов, деловой древесины, различия в ведении натурального хозяйства, приводили к плачевным результатам.

Газета «Ленинский путь» отмечала, что только в колхозе «Грачевка» количество рабочих лошадей сократилось до 24%, двухлетних лошадей сократилось до 93%, дойных коров на 24%, подтелок на 60%, свиней на 79%, овец на 51%.

В 1931 году газета разразилась обличительным материалом «Гнать капитализм из артели!» Здесь говорилось о потере колхозниками бдительности:

«В колхозе «Согласие» состоит Агеев Леонид, в прошлом он имел свой кожевенный заводик, на котором работало 50 рабочих, имел он и приличный особняк-домик, - не место ему в колхозе!»

Противниками коллективизации, врагами бедноты, ужасными людьми, применявшими наемный труд, были названы лишенцы в правах, бывшие крепкие хозяева, псаломщик, урядник, мельник: Даниил Назаров, Никита Пчелкин, Степан Романов, Михаил Земляков, Максим Цошен, Яков Суриков, Василий Волков, Михаил Максимов, Игнатий Маклаков, Яков Афанасьев, И. Яхункин, П. Плещаков.

Особо досаждая крестьянам, судя по опубликованным отчетам, уполномоченный РИКа Паратькин, он в Старой Тюгальбуге («Батрак») и в Новой Бесовке уже отбирал скот и последний скарб у бедняков, чтобы отрапортовать в область о 100-процентном охвате коллективизацией. В Старой Бесовке, Эчкаюне, Старой Сахче уполномоченный РИКа Галимзянов лично производил аресты несогласных вступать в колхозы и отправлял их в районное отделение ОГПУ. Он же доносил, что в селе Александровке

по три раза на неделе происходили нелегальные собрания на дому кулака-лишенца Горчицына. И недовольные выражаются, что «гнет совести хуже, чем при царе». По его доносу этих крестьян выслали за пределы деревни.

Однако уже в 30-е годы экономическое положение в районе постепенно улучшается. Особенное помогло крестьянам решение о создании мощных межхозяйственных машинно-тракторных станций. Из семи первых в СССР одна была в нашем районе - Погрузинская, где сосредоточили 110 «Фордзонов». Затем появились Новомайнская, Якушкинская и «Эстонская» МТСы, последней долгое время руководил один из первых и заслуженных организаторов сельхозпроизводства в районе Григорий Михайлович Косенко. Косенко, землеустроитель и родоначальник Мелекесского краеведческого музея Николай Иванович Марков и мой дед-агроном - Зиновий Гаврилович Устинов были очень дружны. Работали не за страх, а за совесть. И не на существующую власть, а для народа, на благо родного района.

Мелекесский район является муниципальным образованием. В состав его территории входят 52 населенных пункта, которые подведомствены трем поселковым и шестнадцати сельским администрациям.

Численность постоянного населения района на 1.01.2001г. составила 41,7 тыс. человек, в том числе:

- в сельской местности - 25,8 тыс. человек;
- в городской местности - 15,9 тыс. человек.

Наш уезд и в Российской империи был первым самодостаточным в экономическом плане и в Советской России - среди победителей социалистического соревнования, снабжая страну традиционными для наших мест товарами: хлебом, мясом, маслом, шерстью, кожами, деловой древесиной, садово-огородной продукцией, мануфактурой. В посаде были свои знаменитости: купцы, промышленники, деловой, мастеровой люд. В Мелекесском уезде - свои. Именно те, кто занимался производством и переработкой сельхозпродукции. Деловые люди от земли. Здесь можно встретить известные в истории посада имена: братьев Алеевых, купцов Марковых, Бечина, Таратина... Это гиганты сельхозпроизводства. Но были и более известные на селе, жившие по деревням и хуторам в согласии и взаимопомощи с крестьянством, люди Иван и Прохор Кердановские, Иван и Яков Щучкины, Адольф и Юльюс Пуганы, В.Т.Зотов, А.П.Пахомов, Петр и Егор Зотовы, Я.С. и И.С. Романовы, Д.Клементьев, С.Гречкин, Цицорин, Гилле, Сванцов, Рыжков, Кириллов, Самарский, Климан, Мишин, Параточкин - это они растили хлеб, содержали и скупали скот, организовывали мастерские, где делались железоскобяные товары, открывали в волостях кондитерские, чайные, суконные, обувные, мануфактурные заведения.

Как работали предки - за примером далеко ходить не надо. К 1918-му году только на хлебных складах и в пакгаузах посада Мелекесса было сосредоточено около 5 миллионов пудов хлеба. По приказу и под личным контролем наркома по военным делам Л.Б.Троцкого (Бронштейна), и председателя ВЦИК М.И.Калинина к лету 1919 года ВЕСЬ этот хлеб, все запасы, в том числе и семенные, были вывезены из района в центр России, а оттуда эшелонами по долгам и займам - в Германию.

Это в нашем районе в 1920-м, грянула небывалая засуха и недород, людей (а в первую очередь, детей) спасали от голодной смерти международные благотворительные организации типа американской «АРА». Это у нас в районе ужасался и плакал от виденного, от жалости великий путешественник и гуманист норвежец Фритьоф Нансен.

Следует отметить, что районом, вплоть до начала Великой Отечественной войны командовали люди разные, и историкам еще предстоит разбираться, кто из них принес больше людям пользы, а кто - горя. Первым был наш местный «пламенный» большевик Яков Пискалов, за ним: А.Ганенков, И.Козырьков, Н.Люстров, Г.Маурер, В.Рогожин, Э.Вайнбаум, Л.Модалло, М.Палькин, партсекретарями были А.Козлов, И.Кошечкин, Я.Сидоров, И.Козырьков, В.Андреев, Е.Цибульский, И.Ростов, В.Караева, А.Поздняков, И.Скрыпник, В.Абрамов, С.Барябин, Н.Егоров, М.Першин, А.Коренченко, Н.Карягин, Д.Чуканов...

Почти со всеми из них пришлось работать моему деду. Одних он уважал за деловой

подход, других считал скрытыми врагами народа. Если биографию З.Г.Устинова перевести на сухой и лаконичный язык документов, то это будет выглядеть следующим образом: октябрь 1918 года - он был дипломированным агрономом и студентом Московской Петровско-Разумовской сельхозакадемии, а должность занимал - помощника делопроизводителя Новочеремшанского военкомата (только что был демобилизован из Самарской 3-й запасной артиллерийской бригады); февраль 1919 года - помощник заведующего учетно-статистического отдела, затем - заведующий отделом военно-конской работы Мелекесского уездного военкомата; 1920 год - по распоряжению уисполкома назначен председателем райсовхозов Мелекесского уезда и одновременно уполномоченным по расследованию дела об утече керосина в Рязановском совхозе, с правом ареста расхитителей (тогда в Рязаново дед организовывал первую в уезде сельхозкоммуну «Красная Роза»); в 1921 году он назначен заведующим Головкинской группой совхозов. Кстати, именно в то время по распоряжению председателя исполкома Василия Рогожина в новую группу совхозов в Головкинской волости было направлено огромное стадо коров и гурты овец из Елховской волости (своим ходом до Старой Майны!). Когда дед узнал об этом, он выехал навстречу пастухам и обнаружил, что в многодневном переходе от усталости и бескорытца пала почти половина стада, мясо, за бесценок, перегонщики продаивали местным жителям, а в уисполкоме равнодушно фиксировали в актах падеж скота...

Дед добрался до Самары и в губкоме партии пробился к самому Валериану Куйбышеву, доказывая, что этот факт - есть настоящее вредительство, ибо разорили Елховскую группу совхозов и не передали фактически данное количество скота Головкинской. А по отчетам - в Головкинской скота было «несчитано»! Рассвирепевший от услышанного Куйбышев распорядился провести специальное расследование, а один из секретарей губкома был послан политкомиссаром в Мелекес с чрезвычайными полномочиями по наведению порядка в уезде.

1924 год - Устинов становится членом Пленума Мелекесского волисполкома. В 1925-м - уполномоченным по выборам Сабакаевского сельского Совета. Здесь же он стал представителем ВИКа по созданию чрезвычайной комиссии по обследованию голодающих детей и раздаче им продовольствия и денег беспризорным (по 2 рубля каждому) в Сабакаеве и Аллагулове. Служил в Мелекесском уездном земском управлении агрономом. В 1928 году был назначен заведующим окруж управлением, а так как Чердаклинский район (вновь образованный) не имел кадров агрономического направления, дед стал еще и главным агрономом этого района по совместительству. В 1928-1929 годах был назначен районным агрономом Мелекесского района Ульяновского округа и был избран членом райисполкома на районном съезде Советов II созыва. С 1930 года - старший агроном строящейся Мелекесской машинно-тракторной станции.

В 1936 году переведен агрономом крайгоссортфонда и стал делегатом агрономического съезда Куйбышевского края.

Такие вот дела и события происходили в нашем районе в первые годы становления советской власти. Конечно, по тем временам цифры побед и достижений (15-20 центнеров хлеба с гектара пашни, например) были внушительны на фоне разрухи 1917-1921 годов. Но сегодня об этом вспоминать не принято, хотя основы той работы в условиях отсутствия механизации, химизации, электричества, военной разрухи, безлюдья, стали основой и опорой могучего государства - послевоенного СССР, его прогресса. Основой сегодняшних успехов суверенной России.

В 1939 году у района был отнят районный центр. Мелекес стал городом областного подчинения. Здесь появились свои городские органы управления. И город стал делиться полномочиями, базой, помещениями с районом. В городе до сей поры - районная администрация, районный жилой фонд, районная база сельхозтехники, база ГСМ, мастерские, перерабатывающие предприятия... Так было определено советскими властями в центре и в области. Так мы жили, мирясь с усеченностью нашего райцентра. Так и живем сегодня. История новой России еще только создается. И в будущем Мелекесском районе, возможно, появятся другие возможности, условия жизни, задачи. Будет и свой районный центр, определенный нам историей.

Секреты тайных служб

7 января 2009 года Городскому отделу УФСБ по Ульяновской области исполнилось 90 лет! Удивительно, но факт, что первым руководителем территориального органа ВЧК в нашем городе был назначен (после снятия с должностей и суда над работниками временных фронтовых чекистов) известный писатель и первый редактор уездной газеты в Мелекессе - Артем Веселый (Николай Иванович Кочкуров). Именно этим событиям в истории Мелекесса-Димитровграда, работе наших служб безопасности, посвящен данный очерк.

ФСБ ведет начало от Ивана III

Государь Державный Великий князь Иван III Васильевич Глинский вступил на Московский престол в 1462 году, когда дело собирания Северо-Восточной Руси шло к завершению. Двадцатицелтический Государь был человеком крутого нрава, холодный, рассудительный, с черствым сердцем, властолюбивый, скрытный, чрезвычайно осторожный. Внешне он был красив: строен, высок, но несколько сурововат, прозвище имел - "Горбатый"...

За годы своего правления царь сумел мирно сосуществовать с Крымским ханом, дважды покорить непокорный Великий Новгород, покончить вражду с Золотой Ордой, мирно сосуществовать с Казанским царством. Россия Ивана "Горбатого", заслоненная от остального мира Ордою и Литвой, около трех веков до того находившаяся вне круга европейской политической жизни, вышла из сумрака теней. 43 года властвовал на Руси Иван III, при нем Русь территориально выросла с 400 тыс. кв. километров в 1462 году до - 2 миллионов кв. километров. Все эти военно-политические и территориальные победы, вкупе с дворцовыми интригами и заговорами, заставили Государя задуматься о создании государственной службы безопасности.

Из сопредельных с Русским государством стран особую активность в засылке к нам шпионов проявляли правители Тевтонского ордена, Литвы, Турции, германские княжества, Швеция, Англия, Франция и Ватикан. В этих целях использовали послов, диппредставителей, резидентов, негласных агентов разведслужб. Наших недругов интересовало состояние русских вооруженных сил, политические настроения и экономика создаваемого Русского национального государства. Агенты действовали под различной личиной: дипломаты -

Поммериннинги Пальмквист, шут князя московского тевтонец Курка, английский капитан Ченслер, работники "Московской торговой компании", медика, математика и астролога Бомелии, даже подьячих...

Один из таких разведчиков Томас Смит сокрушался в своих донесениях: "Русский народ очень недоверчив и подозревает всех иностранцев, которые расспрашивают о политике или религии". Естественно, что Москве следовало отвечать недругам адекватно. Сначала царем был дан специальный наказ всем воеводам проводить контрразведывательные мероприятия на местах. Иностранные посольские организации тщательно охранялись русскими подразделениями и не только в целях их безопасности, сколько для удержания иностранцев под надзором. Стрельцы Ивана III бдительно несли службу по охране военно-стратегических объектов, пограничных районов и крепостей. Были засекречены и закрыты для посещения дипломатами и иностранными купцами целые области в русском государстве, например Сибирь и юго-восточные районы, где проходили стратегические пути в Персию, Бухару, Хорезм, на Кавказ и в Индию. Велась перлюстрация почты. Затем вся федеральная служба безопасности начала концентрироваться в государственных Посольском и Разрядном приказах. Непосредственными исполнителями контрразведывательных мероприятий правительства на местах были приказные дьяки, подьячие, толмачи, стрельцы, порубежные воеводы и порубежные сторожа. Русские постепенно осваивали и секреты разведки за рубежами государства. Так зарождалась российская служба безопасности.

В дальнейшем мы можем отметить успехи работников русских служб безопасности в период царствования Петра I, в связи с его знаменательными победами над врагами России. Особыми успехами в контрразведке и особым доверием царя отличались граф Толстой и князь Меньшиков. Была учреждена Тайная канцелярия при сенате. Хорошо разбиралась в приемах разведработы Императрица Екатерина II, многое сделавшая для развития дела госбезопасности. Отмечается эффективная разведработка, проводившаяся в русских интересах такими известными людьми, как Витковский, Бичурин, Пржевальский, Тургенев...

В начале XX века российская разведка (особенно военная) и контрразведка стали одними из самых мощных в мире. Их эффективность и полезность подтвердили действия в период Первой мировой войны. Так же эффективно действовали работники госбезопасности, состоявшие на службе при штабах генералов Корнилова, Деникина, Врангеля, адмирала Колчака в период гражданской войны. Большевистское правительство с первых же дней своего правления также начало с создания мощных органов контрразведки, сохраняя при том лучшие кадры, служившие верой и правдой царю и Отечеству.

20 декабря 1917 года Всероссийский совет народных комиссаров принял постановление об образовании Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем. По предложению В.Ленина ее председателем назначался известный профессионал-революционер, имевший богатый опыт борьбы с царской охранкой, нелегальной деятельности и организации самых беспощадных групп боевиков на территории Польши и Белоруссии - Феликс Эдмундович Дзержинский. Естественно, что начальная деятельность органов ВЧК и отбор в комиссию лучших и проверенных революцией кадров происходил в Петрограде и Москве, других центральных городах России, где позиции большевиков-ленинцев были, безусловно, сильны в новых властных структурах. Самарская и Симбирская губернии, в силу некоторых причин находились в прифронтовой полосе. Здесь традиционно население всецело поддерживало партию социалистов-революционеров (эсеров) в силу их ориентации на

крестьянство, максималистов и кадетов, которым импонировали интеллигенция и зажиточные слои общественности. Губернские исполнительные комитеты и советы депутатов, большинство уездных властных структур имели в своих составах большинство представителей этих партий, а большевикам приходилось довольствоваться созданием губкома РКП(б), а в Симбирске до апреля 1918 года был только губернский большевистский центр. Такое же положение было и в Мелекессе, входившем тогда в Самарскую губернию. Хотя Самарский губком под руководством В. Куйбышева, понимая необходимость борьбы с контрреволюцией и саботажем, еще в ноябре 1917 года создал праорган ВЧК - губернскую охрану революционного порядка, а ее руководителем был назначен прaporщик в будущем прославленный маршал Советского Союза В.К.Блюхер...

Считается, что настоящие органы ВЧК свою деятельность в Симбирске начали 21 апреля 1918 года, 90-летнюю дату их создания мы и отмечаем сегодня. Хотя исторически это не совсем точно. Потому что уже в начале мая 1918 года под неожиданным ударом взбунтовавшегося против власти большевиков чехословацкого корпуса, состоявшего из военнопленных австро-венгерской армии на территории России, пала советская власть в Пензе. 4 июня чехословаки взяли Самару и Ставрополь-на-Волге. Губернский и уездный центры во главе с В. Куйбышевым переместились в Мелекесс, который был взят 15 июля, вслед за нашим посадом пал и Симбирск, а бои переместились под Казань...

Естественно, что с мая по октябрь 1918 года на территории от Пензы и до Владивостока власть перешла к военному командованию ЧСК и гражданскому правительству разогнанного большевиками Учредительного собрания (Комуч). В Народной армии Комуча, состоявшей из солдат, офицеров и генералов царской армии были свои, как и у чехословаков, действенные органы контрразведки. А в гражданском правительстве было создано ведомство внутренних дел, которое возглавил, как и председательство в Комуче, видный политический деятель П. Климушкин.

Ленин и его соратники по ВСНК, понимая, что борьба перешла в военную плоскость, в начале мая принимают постановление сначала об учреждении военных округов и должностей комиссаров по военным делам, а в июле - создают чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией на Восточном фронте. Орган этих прифронтовых ЧК поручено возглавить "правой руке" председателя ВЧК Дзержинского - В.Я.Лацису. С 19 декабря 1918 года в составе ВЧК создан Республиканский Особый отдел - военная контрразведка, которую возглавил М.С.Кедров.

Говоря о работе чекистов в прифронтовой полосе в апреле-июне 1918 года, мы можем сослаться на строки из книги полковника В. Тимофеева "На незримом посту". Именно в этот период он работал разведчиком-нелегалом на территории занятой ЧСК и Народной армией Комуча. В Симбирске курсанта-разведчика принимали в штабе контрразведки, "...расположенном в тутичке под раскидистыми вязами" лично руководители губкома Куйбышев и Шверник.

"Это был небольшой деревянный особняк - заурядное жилье какой-то дворянской или чиновничьей семьи. Двор зарос бурьяном... Домик этот цел и сегодня в центре Ульяновска. - Пишет Тимофеев и добавляет, - руководитель красной сети нелегалов Семенов наставлял меня недолго..." Интересно и замечание чекиста к тому, что ему сказал в своем наставлении Куйбышев: "У белогвардейцев там своя контрразведка, а у чехословаков - своя. И, хотя находятся они в разных местах, но работают согласованно. Белогвардейцы сохранили кадры опытных разведчиков царской армии и засыпают их в наш тыл. А мы ничего не знаем..." .

В июле 1918-го именно Тимофеев, бывший на "той стороне" в районе Бугульмы

первым узнал о прорыве на левом фланге Восточного фронта и движении белых отрядов на Мелекесс. Ему, рискуя жизнью, удалось пробиться к родному городу, найти здесь Куйбышева и передать эту важную информацию, тем самым спасти руководство Востофронта, губкома и укома партии и их семьи от верной смерти.

После осеннего наступления красных войск 25 сентября советская власть вернулась в Симбирск. 7 октября - в Самару. Но советская власть на местах, в уездах, ее представители, возвращавшиеся из Нижнего Новгорода, в том числе и в Мелекесс, смогли вернуться к исполнению своих обязанностей только после 15 октября 1918 года. Потому властные функции и контрразведывательную работу на нашей территории вели политические органы и прифронтовые чекисты.

9 октября, выступая на собрании актива советских и партийных работников В.Куйбышев прежде всего выдвинул жестокие лозунги, определяющие задачи местной власти: "Кто не работает - тот не ест!", "Среднее Поволжье превратим в военный лагерь!".

Одним из тех, кому поручалось проводить эту политику, стал молодой чекист и фронтовой разведчик, боец 3-й Орловской бригады Красной гвардии Д.Н.Медведев, впоследствии легендарный герой, командир чекистского партизанско-диверсионного отряда на оккупированной гитлеровцами территории в период Второй мировой войны. А тогда, 19 летний паренек принимал участие в боях под Симбирском и Мелекессом, о чем упоминается в книге "Чекист". В областном УФСБ есть стенд в комнате чекистской славы, посвященный его подвигам.

Но не все были достойны такой чекистской славы. Тому пример и наш Мелекесс. В декабре 18-го в город прибыл молодой самарский коммунист, 20-ти летний Николай Кочкуров, впоследствии известный советский писатель Артем Веселый. Ему поручалось выпустить в уезде первую советскую газету. С первого дня выпуска в свет "Знамени коммунизма" (29 декабря), непримиримый к несправедливости молодой редактор, знаяший жизнь людскую не по наслышке, а проводивший большую часть времени в деревнях и получающий письма от крестьян, повел неслыханную публичную борьбу против негодных методов работы прифронтовых чекистов. Множество мелекессцев было ими несправедливо арестовано. На месте составлялись не правовые расстрельные списки.

У крестьян насилино реквизировали скот, зерно, птицу, лошадей, якобы для фронтовых нужд. Насиловались женщины. Устраивались пьяные дебоши...

Артем Веселый не только предавал эти факты гласности на страницах газеты, он составил детальный доклад о безобразиях фронтовых чекистов в Мелекессе на бюро губкома. 7 января 1919 года бюро заслушало доклад П.Звейнека о злоупотреблениях в Мелекесской уездной ЧК. Постановили: весь состав учека отдать под суд. Н.И.Кочкурова утвердить председателем Мелекесского укома партии и делегировать его в новый состав учека в качестве представителя партии. Это решение всецело поддержал и только что назначенный предгубчека М.Ф.Левитин.

Теперь можно с полной уверенностью говорить о том, что настоящие территориальные органы ВЧК у нас были образованы с 7 января 1919 года. А первым руководителем мелекесских чекистов до 29 марта был коммунист, боец и писатель Артем Веселый... погибший в тюрьме НКВД в 1938 году как незаконно репрессированный...

5 августа М.Левитин был освобожден от обязанностей председателя губчека, в связи с его отъездом в Сибирь на укрепление кадров в этом крае. Новым председателем был утвержден П.Г.Сидельников, а членами коллегии губчека -

К.Ф.Левитин, И.М.Гайлис (Гайле) и Е.П.Картуков. В середине сентября с юга начались прорывы через линию фронта конных полков белого генерала Мамонтова, потому стал насущным вопрос о формировании в уездах на основе чекистских кадров ООНов (отрядов особого назначения) и в Мелекессе был создан "Штаб Красной охраны" ООНа...

Гибель в Германии известных немецких интернационалистов Карла Либкнехта и Розы Люксембург настолько потрясло жителей Самарской области, что целую неделю в городе и уездах шли митинги протестов, а мелекесские власти в память о Розе не нашли ничего лучшего как самодеятельно переименовать наш город в Люксембург аж... на целый год, пока их не поправили из центра. А уже в мае 1919 года в Поволжье грянуло всекрестьянское Чапанное восстание. Истоки его во многом связаны и с беспределом, творимом фронтовыми чекистами, беспределом пропорядков, разорением сел и деревень...

Из этого периода интересен факт, что в наши края на подавление восстания из Москвы был брошен особый сводный отряд ВЧК, под командованием друга и соратника Ленина - П.Смидовича. К этому времени чекисты России уже имели и свой печатный орган - еженедельную газету "Красный меч". В Нижегородской губернии по приказу Ленина были созданы первые концлагеря для "контриков" и несогласных граждан. А потом по Волге долгое время ходил теплоход "Яков Воробьев", названный в честь первого руководителя нижегородских чекистов и исполнителя ленинского решения. А вот заместитель его - К.Г.Хахарев - с 1921 по 1924 год руководил Симбирской губчека и ГПУ. Хотя одним из первых территориальных руководителей Симбирской губчека с февраля 1920 года был Н.П.Крумин. Первый был репрессирован в 1937-м, а Крумин дослужился до генконсула СССР в Гамбурге, работал в Наркомате юстиции СССР.

Если до июня 1918 года руководство ВЧК с гордостью рапортовало, что в России не ликвидирован ни один политический противник советской власти, то уже в июне всего было расстрелянных - 3817 человек. А Чапанное восстание было подавлено отрядами ВЧК и фронтовыми частями с особой жестокостью, погибших исчисляли уже десятками тысяч...

Еще в 1922 году, когда чекистам Ф.Дзержинского было поручено заниматься поимкой спекулянтов, восстановлением работы транспорта и промышленности, ликвидацией детской беспризорности, многими другими народно-хозяйственными проблемами, назрела необходимость отречься и от многих карательных функций, исполняемых ВЧК в предыдущие годы, комиссию переименовывают в Главное политическое управление при НКВД РСФСР (с 1923-го - ОГПУ при СНК СССР). После создания Союза Советских Социалистических Республик ВЧК РСФСР как бы не несет ответственность за происходившее в новом союзном государстве, вплоть до нового российского суверенитета и создания АФБ Российской Федерации. Со дня смерти Ф.Э.Дзержинского в 1926 году, к его чекистской организации все более возвращаются карательные функции. Происходит попрание закона, массовые репрессии, безмерно увеличивается число советских концлагерей, практикуются пытки, расстрелы без суда и следствия.

Работа органов госбезопасности при В.Менжинском, Г.Ягоде, Н.Ежове и Л.Берии осуждена, многие чекисты понесли наказание, произошло покаяние перед народом.

Конечно, были среди них и честные люди, те, кто не запятнав своих рук и совести, высокопрофессионально исполняли свой долг, храня безопасность страны, обезвреживая агентов многих разведок западных и восточных стран, эффективно проводя свою разведдеятельность в интересах СССР. И, если бы не эти

профессионалы, во время Великой Отечественной войны советские чекисты не смогли бы эффективно противостоять гитлеровским захватчикам...

Интересная история происходила и в нашей Куйбышевской области (Мелекесс до 1943 года входил в ее состав) - в 1940-м начальником областного УНКВД назначается комиссар первого ранга (генерал-полковник) Владимир Иванович Сысуев. Он был из семьи сызранских дворян, а брат его Петр - участник Первой мировой войны, в гражданскую воевал в Белой армии, адмиралом А. Колчаком был произведен в генералы и командовал белыми войсками при обороне Петропавловска...

На снимке: комиссар госбезопасности В. Сысуев с семьей

Владимир Сысуев был настолько авторитетен у Л. Берии и у И. Сталина, что впоследствии его брат - белый генерал - трижды арестовывался, даже содержался в мелекесской тюрьме, но неизменно освобождался чекистами под личную ответственность начальника областного УНКВД. В 1941 году в Куйбышев были эвакуированы многие руководители страны, министерства и ведомства, Генштаб РККА, иностранные посольства. Сегодня уже есть сведения и публикации о том, что и сам Сталин с 15 октября по 15 ноября 1941-го тоже находился в специально построенном подземном убежище в кольце войск НКВД в Жигулевских горах под Куйбышевым и показ его на трибуне Мавзолея 7 ноября на параде войск, - всего лишь кинематографическая уловка. Есть воспоминания бойцов войск НКВД о вражеском десанте в Куйбышев и боях на улицах города, когда немцы хотели уничтожить Сталина... Естественно, все эти обстоятельства, когда генералу Сысуеву не приходилось спать сутки напролет и нечеловеческое напряжение - не могли не сказаться на его здоровье - сердечный приступ и, - не стало этого чекиста....

Примером тому, как на фронте чекисты проявляли образцы мужества и героизма могут служить биографии и реальные боевые дела наших земляков мелекесцев-димитровградцев. Свою фронтовую службу бывший начальник городтдела КГБ Абдулла Касимович Гарипов начинал бойцом саперных частей. Потом войсковая политработа, а после непродолжительной учебы в спецаведении, служба в органах Смерш, выявление и обезвреживание вражеской агентуры, диверсантов, войсковых разведподразделений. А после войны его чекистская деятельность связана с обезвреживанием разведки бывших союзников - Англии и США на территории оккупированной Германии. Многому научился А. Гарипов у известного советского контрразведчика генерала Кравченко, одного из главных действующих лиц по обезвреживанию гитлеровской агентуры и диверсантов в Тегеране, где те готовили масштабную операцию по убийству встречавшихся там в 1943-м Сталина, Рузельта и Черчилля. А после Германии Абдулла Касимович с честью исполнял чекистский долг на службе госбезопасности в Ульяновской области.

Автор книги на встрече с А.Гариповым

Много и подробно в свое время писалось в прессе о деятельности в тылу врага партизанского отряда чекистов под командованием С.Цвигуна (впоследствии генерал Цвигун был первым заместителем председателя КГБ СССР Ю.Андропова). Сам генерал после войны издал увлекательную книгу "Фронт за линией фронта", где один из персонажей - молодой разведчик, действующий в тылу врага, - реальный герой, впоследствии долгие годы работавший в Димитровграде - бывший начальник горотдела

КГБ А.Храмов (ныне живущий в США). Это с его подачи и по его инициативе в городе долгое время действовал комсомольско-молодежный поисковый отряд, не один раз ходивший партизанскими тропами отряда чекиста Цвигуна...

Многое пришлось пережить и перед войной, и во время войны, да и после димитровградцу Николаю Федоровичу Аношкину. Сын раскулаченного крестьянина он передвойной сумел окончить Самарский электромеханический техникум. В сентябре 1941-го вместе со многими частями Юго-Западного фронта боец Аношкин попадает в плен к фашистам. Бежит из концлагеря и попадает в партизанский отряд из окруженцев, которым командует Герой Советского Союза лейтенант Покровский, а с 1943-го служит в органах госбезопасности, учится в диверсионной школе под Тулой.

С началом войны главстаршина ВМФ Михаил Скрябин из подводников стал морским пехотинцем. В каких только передрягах не побывал заместитель командира группы дивизионной разведки, ибо их особую дивизию генерала Керсингтона бросали затыкать прорывы в отступающих фронтах: под Ростовом-на-Дону, Харьковом, на Десне. Потому главстаршине из военной разведки не довелось дойти до Берлина, был комиссован подчистую по случаю очередного тяжелого ранения еще в 44-м. Но до самого конца войны хранил разведчик именное оружие - пистолет "ТТ", врученный ему лично командующим фронтом, маршалом К.Рокоссовским. А вот его невеста (а после демобилизации - жена) Екатерина Судакова, после окончания Саратульской летной школы, служила в особых отделах НКВД на многих фронтах с 1942-го и до Берлинской операции, а там и до капитуляции Японии, немного не дошла она тогда до самого Пекина...

Екатерина Ивановна Судакова, в замужестве - Скрябина - не стала фронтовой летчицей. Служила в военной прокуратуре, особом отделе, а затем в армейской контрразведке - Смерш. Бывала наша чекистка и в боях не раз участвовала в захватах гитлеровских диверсантов, трижды ранена. Демобилизации ждала долго-долго, из контрразведки просто так не отпускали, а в 46-м, только вновь открывшиеся старые раны помогли ей рас прощаться с войной и добраться, наконец, до Мелекесса...

Такие вот люди пришли после Второй мировой на службу в органы госбезопасности в нашем kraе. Использовав на новой службе свое боевое мастерство, опыт, смекалку, бесстрашие, они привнесли и новые традиции в нелегкую работу на незримом для большинства соотечественников фронте. Им же и пришлось с 1953 года исправлять "грехи" своих предшественников и проводить

реабилитацию незаконно репрессированных в годы сталинизма граждан. В Мелекессе примером тому может служить реабилитация, при деятельности в городе начальника горотдела МГБ СССР Н.А.Шумилина, - известнейшего советского писателя, ленинградца Александра Лебеденю, сосланного к нам после десяти лет лагерей на Колыме.

В 1947 году в Ульяновской области был сформирован спецотряд из чекистов-фронтовиков и направлен в Прибалтику для борьбы с бандформированиями националистов и фашистских прихвостней, называвшихся "Лесными братьями". Один из чекистов В.И.Солдков погиб при ликвидации Пузе-Пилттенской банды в Зурских лесах. Чуть позже в этих же краях в бою с бандитами был ранен и вывезен на родину в Мелекесс заместитель начальника отдела МГБ П.В.Павлов. Уроженец Ульяновской области он в ноябре 1941 года, прописав год в метрике, ушел добровольцем на фронт под Москву. Был в диверсионном лыжном отряде, ходил в рейды по тылам врага. Потом учеба в Харьковском танковом и Ташкентском училище Смерша. После войны Павлов до перевода в Мелекесс возглавлял райотделы МГБ в Тагае и Малой Кандале, после увольнения из органов долгое время работал в НИИАРе.

Новые структуры и новые задачи обрел наш горотдел КГБ СССР после строительства в Мелекес-се научно-исследовательского института атомных реакторов. Началась работа по сохранению важнейшего режимного объекта от проникновения разведок потенциальных противников, тайны научно-технических разработок, добытия важнейшей научной информации.

Фронтовики, курсанты-выпускники Янгиюльского училища Смерша. П.Павлов в центре на снимке.

Первый спецотдел КГБ на строящемся в Мелекессе ядерном объекте возглавил майор госбезопасности УКГБ по Ульяновской области А.К.Гарипов. Это только на первый взгляд чекисты, состоявшие на охране тайн НИИАРа, были дилетантами. А.Гарипову пришлось проходить вузовский курс по атомной энергетике, а многие работники имели спецобразование по данной технологии. Мероприятия свои они проводили и проводят, конечно, негласно, но широко и, с полным знанием дела, специфики темы, а, главное, людей. Показательна первая встреча в Димитровграде наших ядерщиков с целой американской делегацией во главе с известнейшей мировой знаменитостью, ученым по трансуранным элементам, прародителем первой ядерной реакции на первом американском реакторе - Гленом Сиборгом. Конечно же, обеспечивалась надежная связь со структурами госбезопасности в Москве, Дубне, Свердловске, Шевченко, Красноярске и т.д. Потому мелекесские чекисты

владели и такой оперативной информацией, что в составе американской научной делегации есть несколько сотрудников ЦРУ. Им уделяли особое внимание. “В поле” работали оперативники, а вот на официальный прием к “гостям” вышел сам Гарипов, имевший уже послевоенный опыт работы против западных спецслужб на территории Германии. За обеденным столом он “случайно” оказался между переводчиком-американцем и “ученым” - генералом американской разведки - Тейблом. Американцы затеяли с Гариповым “проверку на вшивость” - испытание разговором по специфике ядерных технологий. Игра велась в открытую, и Гарипову пришлось “подсказать” американцам, что Тейбл принимал личное участие не только в семи государственных переворотах в Латинской Америке, но и в пусках в строй первых реакторов в США. Так и продолжался диалог достойных соперников “уколами” фактов. В Москву же скоро ушло донесение о действительной принадлежности “ученого и переводчика” к спецслужбам, их досье в КГБ значительно пополнились фактами, добытыми в нашем городе...

Следует отметить, что в Димитровграде значительно расширился фронт работ сотрудников нашего городдела против западных разведцентров после расширения производства завода “Химмаш”, строительства спецобъектов ДУСом, расширения тематики в НИИАРе, открытия ДААЗа... В случае с ДААЗом у наших чекистов забот заметно прибавилось. Поскольку работники этого производства очень часто выезжали за рубеж и постоянно принимали западный делегации в связи с закупками и наладкой станков и агрегатов, получением новых технологий, было очень важно знать биографии и судьбы этих, новых для города людей и специалистов. Такая работа велась за границей и по всей территории СССР. Делалось это не зря. Именно здесь были выявлены и разоблачены два английских разведчика, определены лица “особо пристрастные” к нашим специалистам в зарубежных командировках, предотвращены попытки со стороны работников ДААЗа выйти на нелегальные контакты с иностранцами, передачи противнику технической и политической информации. Было отмечено несколько фактов идеологической диверсии против димитровградцев. Например, двое французов были замечены в особым пристрастием добывания грязных фактов бытового характера. Заметив длинную очередь горожан к киоску, где “выкинули” на прилавок первую партию арбузов, французские “гости” вынули портативную телекамеру и один начал снимать другого в его прогулке вдоль длиннущего очередного “хвоста”. Позже димитровградские чекисты отследили ряд публикаций этих “гостей” в западной печати. На страницы газет и журналов были выплеснуты ушата “помоеv” о жизни в нашем городе, о его, якобы, негодной экологии, о невежестве наших земляков.

Эта эффективная работа городдела КГБ была замечена центром. А.К.Гарипов был удостоен особого чекистского Знака - “Почетный работник госбезопасности” за номером 549! Лично председатель КГБ СССР Ю.Андропов вручил Гарипову премию - кинокамеру с дарственной надписью. Так же эффективно руководил городделом, после ухода на пенсию Грикова - И.М.Шипунов. Отлично справлялись со своей службой и оперработники Ю.Сергеев, В.Довгаль, А.Криковцев, Ф.Анисимов. Последний - Федор Михайлович Анисимов - ученик А.Гарипова - впоследствии возглавил городдел КГБ, тоже, как и его наставник, стал “Почетным работником госбезопасности”, сегодня является президентом Ульяновского регионального благотворительного общественного Фонда поддержки ветеранов и офицеров запаса ФСБ, КГБ, МВД “Эгида”. Впоследствии димитровградскими органами госбезопасности руководили: С.С.Юрченко, В.Н.Томбасов, В.Н.Журавель, П.В.Иванов, А.Г.Чигляков, - все достойные люди, патриоты своей родины,уважаемые в городе люди, всецело отстаивающие честь и достоинство димитровградцев, стоявшие на страже интересов и гостайн. Хранимых в Димитровграде.

Диверсанты

Диверсионные отряды на войне появились в тылу немецких войск практически в первые же месяцы войны. В основном они стихийно формировались из попавших в окружение частей РККА, были и первые отряды профессионалов-чекистов, переходивших линию фронта, появились первые партизанские формирования.

К декабрю 1941 года диверсионная подготовка формирований НКВД была поставлена «на поток» и централизована. Под Москвой в тыл к немцам были массово заброшены отряды комсомольцев-диверсантов для проведения актов подрывной работы на важных вражеских объектах. В истории Великой Отечественной войны наиболее известен подвиг диверсантки Зои

Космодемьянской, пойманной и повешенной врагами...

В 1943 году из диверсионных спецшкол НКВД пошли массовые выпуски профессионально подготовленных для этой работы кадров. Они десантировались целыми группами, создавали базы в тылу врага, объединялись с партизанами, создавали целые районы, освобожденные от немцев, вели настоящие боевые действия с отозванными с фронта на борьбу с советскими диверсантами целыми дивизиями врага...

Чекисты шли даже впереди наступавших войск, навязывая немцам бой перед атакой действующих армий. Диверсионные отряды действовали на самых неудобных участках местности. Десантировались с воздуха, моря, выходили из лесов. Их, как огня боялись фашисты, поскольку профессионалы были неуловимы. А под откосы летели воинские эшелоны, горели склады, на минах подрывались автомобили, штабы, казармы врага.

Среди этих героев, воевавших за линией фронта, был и один из наших земляков, о котором мы хотим здесь упомянуть.

Отец Николая Аношкина был из крепких хозяев-крестьян в селе Старая Куликовка, Мелекесского района. За что и попал под раскулачивание и на долгие годы был сослан в Сибирь. Семья «кулака» - жена и семеро детей долго бедствовали, мыкались в селе по чужим углам. Николая поначалу даже в школу не принимали. Однако восемь летку закончил в числе лучших и подался учиться в Самарский электромеханический техникум. Был после его окончания распределен в Башкирию.

Откуда призван в ряды РККА.

Год парень отслужил в 570-м стрелковом полку в Новосибирске, а к июню 1941 его часть была переброшена под Конотоп. С боями отступал до Киева, пока не попал в окружение. Немногим из четырех советских армий удалось прорваться к своим. Уже за Сумами был пленен Аношкин и отправлен в прифронтовой сборный пункт военнопленных в селе Хрестителево...

Вырваться из немецкого плена почти никому из защитников Киева не удалось. Но здесь вторично Николаю повезло. Выкупили у немцев, под видом родственника, сердобольные хохлушки. И - переправили в леса, где собирали партизанский отряд

из окружёнцев будущий Герой Советского Союза лейтенант Покровский. Его отряд, носил имя маршала Ворошилова, терзал немецкие тылы по мере возможности. Пока не влился в сформированный Центром чекистский диверсионный отряд «Запорожец». Это был один из немногих мобильных и боеспособных диверсионных отрядов в Восточной Украине.

Далее в документах Николая Аношкина появляется интересная запись: «С 1943-го по 1944 год - служба в органах госбезопасности. В/ч № 404334, специальность - радиост-телефрафист...»

Обстоятельства сложились так, что в январе 1943 г. самых подготовленных бойцов из чекистского отряда «Запорожец» перебросили на Большую землю, где под Тулой из них сформировали новый диверсионно-чекистский отряд «Штурм» и стали готовить к заброске в Брянские леса, с прицелом на наступление в Белоруссию.

О том периоде боевых действий чекистского диверсионного подразделения «Штурм» и о своем боевом товарище Аношкине (правда, по конспиративным соображениям и твердой традиции - воевавшим под партизанским псевдонимом - Анохин), - пишет воспоминания в книге «Ты помнишь, товарищ?..» командир «Штурма» П. Кочешков. Немало душевных и уважительных строк посвятил командир своему другу.

Это и беспримерные марши на сотни километров по лесам и топям. Это - бои с немецкими гарнизонами, минирование складов, подрывы железных дорог, воинских эшелонов, добыча разведывательной информации о передвижении вражеских войск...

Вся эта напряженная и опасная, почти непосильная, боевая работа диверсантов описанию не поддается. За нее красноречиво говорят такой факт, что Н. Аношкин за этот период был награжден орденом Красной Звезды и... орденом «Знак Почета» - самой редкой наградой для бойцов в период Второй мировой войны, его присуждали только тем, кто воевал в глубоком вражеском тылу. Правда, на руки эти награды, как и личные документы, чекистам-партизанам не выдавали. Они в сейфах штабов ждали возвращения хозяев из-за линии фронта.

Вот что сообщает командир отряда «Штурм» П. Кочешков:

«Я, как бывший командир партизанского отряда «Штурм», действовавшего в 1943 году в районе Белоруссии и Украины, подтверждаю, что боец Аношкин... при выполнении боевого задания по подрыву железной дороги и воинского эшелона противника, на перегоне между станциями Костюковичи - Белинковичи, был тяжело контужен в августе 1943 года и частично лишен слуха...».

Лечился Николай Федорович там же - в лесном партизанском лазарете, где не хватало не только хирургических инструментов, врачей достаточной квалификации, а порой и перевязочного материала. Партизанский лазарет к тому же должен был передвигаться вместе с отрядом, выполняявшим особые маневры и боевые задачи.

Войну чекист-партизан заканчивал уже в звании сержанта в рядах действующей армии, освобождая Восточную Пруссию. До октября 1945 года он, уже военнослужащий 793-го батальона аэродромного обслуживания 60-го района авиабазирования 4-й авиационной армии, только и мечтал о демобилизации, о дороге домой. Ясно, что в аэродромную обслугу его определили, как ограниченно годного к несению сложной боевой работы после ранения и контузии. Чекист умел сдерживаться, контролировать себя, однако ранения, расслабленность перед скорой Победой притупили бдительность диверсанта...

И вот однажды «брякнул», не подумав, в казарме среди солдатского спора, что «у немцев-то дороги отличные, не сравнить с нашей грунтовкой», - и по

статье 165-й был осужден военным трибуналом Московского военного округа к 4 годам лишения свободы!

Итак, четыре года и лагерь в Вельске Архангельской области... Но времена были уж очень суровые! Позднее, не военные власти, а гулаговские, выяснили: Аношкин - сын «кулака», да и в комсомол его не приняли, и в плену побывал... И 4 года «герою» - не срок!

28 октября 1948 года - ровно за год до освобождения - специальным лагерным судом «ИТЛ-Я» МВД СССР он: «за хищения государственного и общественного имущества» был приговорен к 15 годам лишения свободы и 3 годам поражения в правах!

Сегодня это звучит смешно, - ну что может похитить в лагере зек? Кусок мыла, хлеба, топор с лесоповала? Но в те времена такие приговоры были в порядке вещей.

Слава Богу, в марте 1953-го сталинская эпоха кончилась и, отсидев за «вредное происхождение и контрреволюционную пропаганду» почти 8 лет, Аношкин был амнистирован, а освобожден по постановлению Президиума Верховного совета СССР лишь в октябре 1954-го! Правда, со снятием поражения в правах. Теперь ему, фронтовику, доверяли прийти на избирательный участок и проголосовать там за указанного кандидата или – без ограничения появляться в больших городах, поселках, где располагаются и стратегически важные объекты...

Реабилитация героя войны и возвращение ему звания и наград и есть самое твердое доказательство его невиновности! Ордена и медали воину возвратили уже только в 1966 году...

Потому и выбрал герой-диверсант свою родную Куликовку, где и в помине не было никаких стратегических объектов, - опять сработала чекистская выучка на осторожность. А там, поди, было чуть слаще жизни, чем в «Вельсклаге».

Продкарточки, колхозные трудодни, недоверие односельчан. Познакомился он в это время с красавицей Анной, сыграли свадьбу - да подались искать молодые семейное счастье в Мелекесс. Так и прожили здесь без малого 50 лет вместе. 22 года Николай Федорович проработал мукосеем на 2-м хлебозаводе. Потом был в охране на КСК - и так – до самой пенсии. Росли сыновья Костя и Володя, потом внук и внуки, за ними - две правнучки...

Но, никак не давала покоя боевая слава, настоящего диверсанта, а особенно его зековская биография некоторым, сверхдлительным товарищам. Потому теребили и вызывали «куда следует», а там копались в его непростой биографии.

Проходу ветерану не давал один из руководителей горотдела КГБ, известный «чекист-либерал». Вызывал на беседы, угрожал, доводил фронтовика до отчаяния. Вот как об этом рассказывал сын Н.Ф.Аношкина - Константин:

- Прихожу, раз домой, - отца нет, мать в слезах, говорит, - что отца опять вызвали в горотдел, и его долго нет, видно, - не к добру это...

Иду туда сам. Узнав, что я сын Аношкина, пропускают к кабинету начальника. А оттуда уже две сотрудников выводят невменяемого отца под руки, а за ними – выходит врач. Я – к отцу: «В чем здесь дело?». А он: «Нормально, сынок, нормально все, вот – говорят, что подлечиться мне надо...».

Принял меня Храмов, успокаивает, доказывает, что у отца нервный срыв всего лишь. Потому-де, решили ему помочь с лечением в... психдиспансере.

45 дней ездил я в это медицинское учреждение. С отцом общались только через решетку. Он был полусонный, вялый какой-то, видимо, вкалывали ему тогда сильные психотропные препараты.

Когда его выписывали домой, отец потребовал от врача справку официальную,

где бы был указан диагноз заболевания и набор лекарств, которыми его «пичкали». Но врач предупредил, что справку не даст, а если будут от отца жалобы, то снова его «купекут» в психушку...

Сам Николай Федорович обо всей этой истории рассказал в своем исковом заявлении в городской суд так: « Однажды звонит мне женщина, просит встретиться с ней по делу у Торгового центра на улице им. М. Тореза. К 12 часам дня я подошел туда. Она представляется мне сотрудниккой КГБ и говорит: «У тебя есть родственник, работает в СИЗО. Нам нужно, чтобы он помог освободить нужного нам человека кавказской национальности. Поможешь – будешь иметь валюту на три ЗиЛа легковых...». Я дальше с ней не стал вести никаких разговоров – ушел...

Через 2 недели меня пригласил к себе... В кабинете у него были два молодца, одели на меня наручники, сказали: « Следуй за нами! ». Посадили в машину и повезли через лес к оврагу. Там угрожали, били. Я стал протестовать, а они: «Молчи, сука, иначе прикончим тебя, как собаку...».

Потом повезли меня в психушку и отвели в комнату для тяжелобольных алкашей. Находился я там 45 дней на лечении. хотя, - ничем не лечили толком, историю болезни не писали. А, когда я потребовал лечебные документы, врач сказал, что если буду протестовать – отвезут меня в «Карамзинку».

И это притом, что выпивал контуженный и израненный на войне воин-диверсант только по праздникам, не более 2 рюмок. И - совсем не курил - профессия диверсанта не располагала к табачному дыму, который в любой момент мог выдать немецким жандармским и карательным отрядам не только курящего бойца, но и всю боевую группу на задании...

Мог презирать Аношкин чекист недобросовестных коллег (тем более, что тот начальник вскоре, изменил свое место жительства, эмигрировал в США, став «местным Калугиным»), но вот есть и такой документ в его семье, составленный иными работниками госбезопасности:

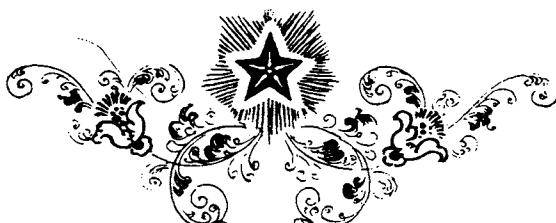
«Управление Агентства Федеральной Безопасности по Тульской области.

Действительно подтверждаем, что Аношкин Н.Ф. являлся бойцом партизанского отряда «Шторм», сформированного в 1943 году в Туле, командиром которого был П.С. Кочешков...»

В Туле не забывают своих боевых товарищей. Чтят настоящих фронтовиков, не завидуя их фронтовой судьбе...

А скоро в Димитровграде стало на кладбищенской аллее фронтовиков еще одной могилкой больше. Не выдержало ветеранское сердце. Иссякли силы и энергия, с которой он «заваливал» фашистские эшелоны, громил врагов в городах и селах в годы фронтовые.

Вечная память и Слава тебе - ветеран! Настоящий фронтовик и боец. Партизан. Диверсант. Чекист. Человек легендарной судьбы, имевший среди наград, кроме орденов, и такую редкую для наших мест медаль – « Партизан Отечественной войны» второй степени.

Черный полдень

(Повесть)

ЛИЧНОЕ И СЕКРЕТНОЕ ПОСЛАНИЕ ОТ ПРЕМЬЕРА И.В.СТАЛИНА ПРЕМЬЕР-МИНИСТРУ Г. У.ЧЕРЧИЛЛЮ

“...Вчера я смотрел вместе с коллегами присланный Вами фильм “Победа в пустыне”, который производит очень большое впечатление. Фильм великолепно изображает, как Англия ведет бои и метко разоблачает тех подлецов - они имеются и в нашей стране, - которые утверждают, что Англия будто бы не воюет, а только наблюдает за войной со стороны».

Глава I

“...И как трудно было сопротивляться британской машине, когда ее пускали в ход, чтобы что-либо навязать! Только убедившись на собственном опыте, можно представить себе, какую целеустремленность, какое разнообразие приемов, какую настойчивость, сначала любезную, затем требовательную и, наконец, угрожающую, могли проявить англичане для достижения поставленной цели”.

Шарль Де Галь. *Военные мемуары, т.1*

Фактически период с 1929 по 1939 годы, последнее десятилетие перед началом второй мировой войны, было десятилетием ограниченных войн, если говорить о масштабах этих стычек, наскоков, агрессивных вылазок вооруженных сил или экспедиционных корпусов разных стран на такой маленькой планете, как наша Земля. Но очень важно знать и понимать, что поля битв этих локальных войн были не полигонами испытаний военных доктрин или мощи армий а, прежде всего, создавали возможности противникам опробовать поля боев, развивать оперативно-тактического решения, планировать быстротечные схватки разведывательных служб.

В своей книге “Признание шефа разведки” американский репортер Боб Вудворд обронил фразу: “Из тех проблем, что существовали в разведывательной трясине, Сирия была особенно трудной”. Это признание знатока многих секретов ЦРУ не относиться к периоду, который будет изложен в настоящей повести, однако оно необходимо нам для дальнейшего понимания того, что происходило на Ближнем Востоке в 1938-1944 годах, где по сути дела Англия в одиночку противостояла нескольким разнородным силам зла, национализма, англофобии и т.д., - возглавляли которые мощные армейские группировки гитлеровского рейха.

Если летом 1939 года в США были разработаны различные варианты плана под кодовым названием “Рейнбоу”, в которых формулировались общие цели и задачи американских вооруженных сил в случае войны, предусматривавшие в том числе – оборону Западного полушария - от Бразилии и Гренландии - до острова Мидуэй в Тихом океане, то и предусмотрительность же английских политиков была не хуже. Индия, Иран, Ирак, Афghanистан - находились под пристальным вниманием английских разведывательных служб. В Саудовской Аравии, Йемене, Трансиордании-Палестине, Сирии и Египте были задействованы на этот период как экспедиционные корпуса, военная администрация, так и действующая армия.

Планы предусматривали также, что США, Англия и Франция будут действовать совместно, обеспечивать оборону Западного полушария путем заблаговременного выдвижения сил в восточную часть Атлантики, на Европейский и Африканский континенты.

Почти от мечети Аль-Азхар начинается главная улица каирского базара. Шум и гортанные крики зазывал у входа в лавочки не могут утопить в своей цветастой непроницаемости даже тысячи вывешенных здесь ковров. И если хочешь скрыться от пристального взгляда - лучшего места не найти во всем Египте...

Этот человек мало, чем отличался от окружавших его потомков древнего египетского народа - роме, населяющих ныне эту сказочную страну. Ловко продвигался он по извилистому проходу между лотков и ящиков с товарами, случайно соприкоснувшись в толпе с прохожим, уважительно прижал правую руку к левой стороне груди, где бьется сердце, - этим традиционным жестом на арабском Востоке выражают свое извинение. Достигнув полуподвального помещения, где выставлена медная чеканка, прохожий скользнул вниз по ступеням, где его поджидал дородный хозяин магазинчика, он обменялся с ним многозначительными взглядами и так же ловко скрылся в соседней комнатке, вход в которую был полукрыт потертым персидским ковром.

Там гостя ждали. Развалившись на атласных ярко красных подушках перед столиком на низких ножках, с чашечкой кофе в руке сидел полноватый человек лет тридцати в европейском костюме.

- Сэр! - воскликнул вошедший, - Макдаун, вы ли это? Простите за не сдержанность, - снизил он тон, - но никак не ожидал увидеть здесь Вас.

Полный господин живо встал со своего места за столиком, шагнул навстречу вошедшему, искренне потряс протянутую для приветствия руку, даже полуобнял своего визави:

- Гордон! Старина Гордон, как же я рад видеть вас в добром здравии, как рад, что мне поручено выйти с вами на связь!

Представив вошедшего, он жестом пригласил его занять место у столика. Неслышино в комнату прошмыгнулся хозяин магазинчика, поставил еще одну чашку с кофе, также молча скрылся за ковром.

Встретившиеся на улице Каира были офицерами "Джей-Ай-Би" - объединенного разведывательного управления Британского королевства. Причем, Питер Гордон всего два дня как прибыл из района боевых действий в сирийских долинах, а на связь с ним прибыл руководитель сектора, который готовил Гордона к работе нелегала - майор Эммануэль Х. Макдаун, не только старший по должности, но и симпатизирующий Гордону человек.

Все откровенное в борьбе за мировое господство Германия открыто вступала в бой на стороне Италии. Борьба эта шла за протекторат над богатейшими районами Средиземноморья, Ближнего Востока. Британское королевство, используя свое военное присутствие в этих районах, торопливо теснило своих противников от Греции и Португалии, Ливии и Сирии, до Египта и Судана.

Однако не все складывалось однозначно. Например, в Сирии вторжению британского экспедиционного корпуса противились не только части Муссолини, но и определенные, хорошо вооруженные отряды противников Англии – местных, влиятельных вождей, знати.

Приятели и сослуживцы, встретившиеся в магазинчике в центре Каира, покончили с дружеской беседой и кофе, и вместе расшифровали письмо Гордону от шефа их отдела ближневосточных проблем с инструкциями.

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА-ЗАДАНИЕ АГЕНТУ. ДЛЯ «ХАМСИНА».

В связи с резким изменением обстановки в районе вашей деятельности и, некоторой переориентацией приоритетов для Италии и Германии,- считайте свою основную служебную миссию в месте вашего пребывания законченной. В связи с угрозой со стороны германских войск для нас в районах Португалии, Азорских островов, Ливии,- вам следует переориентировать легенду по варианту №2.

Необходимые документы, имущественные объекты на месте внедрения и, подготовка окружающей вас среды - произведены.

Вам необходимо внедриться в руководящие круги про-германского настроенных лидеров националистов в Северной Африке. Вариант прикрытия и вариант внедрения №2 - рекомендованы вам ранее и должны быть задействованы через 48 часов после прочтения инструкций.

Приоритеты для сбора информации:

1. Данные о контактах вождей с немецкой агентурой.

2. Сведения военно-оперативного характера для штаба действующей армии.

3. Контакты в сфере вашего действия с разведками третьих стран. Их интересы, люди, методы.

4. Вживление в среду, - вплоть до выдвижения в лидеры противостоящих нам группировок с целью разложения их изнутри, внесение раскола в союз подобных формирований, провокации. Подробные разработки на месте с известным вам представителем".

«Мастер»

Пустыня словно всасывает в себя людей, дерзнувших скитаться по ней. Жара иссушает и коней, и людей. Словно звенищий тонко от жары воздух окутывает вас и снаружи, и изнутри, кажется сам начинаешь тонко звенеть в образовавшемся вокруг тела вашего вакууме. Однообразный пейзаж расплывается перед глазами, горло перехватывает от сухоты, першият от забивающихся в него микроскопических миллиардов песчинок...

Всадников было трое. Белые галабии - длинные прямые рубахи, платки, закрывающие головы и рты, винчестеры за плечами. Арабы не спешили. В этом районе к северо-западу от Бенгази могли оказаться разведывательные отряды, как немецкие или итальянские, так и английские. Над полосой разделения войск не редки были и боевые самолеты противников, обстреливающие даже малочисленные разъезды.

Всадники двигались к песчаному гребню, приподнимающему горизонт. За ним были дороги к морю, к людям, к жилью.

Предводительствовал в группе Шукра-аль Хэсси,- один из отпрывков обширного, богатого и влиятельного рода ливийцев, осевшего на сирийских Голанах. Его спутники знали цель их путешествия - достигнув побережья, попытаться сгруппировать вокруг себя земляков из поморских селений, создать в Ливии еще одно подразделение этнически родственное всем Хэсси, способное даже к боевым действиям. Майор Макдаун с удивлением узнал бы в Шукре - руководителе этой миссии, своего приятеля и подчиненного - Гордона. Но теперь это был исчерненный солнцем, жестокий и немногословный кочевник, от дикового вида которого иногда шарахались даже его соглеменники. Мастерство перевоплощения разведчика было близко к совершенству, достойно великого Лоуренса, хотя и ставки в этой игре были предельными - жизнь.

"В период войны 1914 года итальянцы лихорадочно искали новые источники энергоресурсов. Близ Триполи были произведены обширные исследования, как почвы, так и грунтовых вод, что привело к неожиданным открытиям следов метана, а значит и нефти.

Профессор Ардито Деспо в 1935 году исследовал на следы нефти артезианские колодцы. Им в 1937 году был представлен обширный доклад итальянскому правительству о запасах сырой ливийской нефти. Ливия была условно разделена профессором на 12 геологических зон перспективных в нефтеносном отношении. Зона под условным обозначением "Сирт", обозначена там как самая перспективная.

Попытки итальянцев наладить промышленную добычу нефти в пустынных районах не позволили достичнуть результатов в виду того, что оснастка, технический уровень и поколение буровых установок не были приспособлены к суровым природным условиям Ливии, не могли достичнуть глубинных пластов нефтеносного характера. Кроме того, высоко парафинированная нефть быстро выводила из строя трубопроводы, "засаливала" подъемные механизмы, клапаны.

Район "Сирт" заслуживает внимания с точки зрения использования его как запасного резервуара военно-стратегического и промышленного сырья".

*Выписка из докладной записки отдела ближневосточных проблем
в Форин Оффис.*

"СТРОГО СЕКРЕТНОЕ И ЛИЧНОЕ ПОСЛАНИЕ ОТ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА Г-НА УИНСТОНА ЧЕРЧИЛЯ ПРЕМЬЕРУ СТАЛИНУ.

...6. Не беспокойтесь по поводу мошенника Дарлана. Мы бросили во Французскую Северную Африку большую англо-американскую армию и прочно овладеваем этой территорией. Благодаря отсутствия сопротивления со стороны французской армии, а теперь, - благодаря ее возрастающей поддержке, мы идем, возможно, на 15 дней впереди плана. Крайне важно овладеть тунисским выступом и военно-морской базой Бизерты в самый ближайший момент.

Авангардные части нашей 1-й армии, вероятно, начнут свое наступление немедленно. Как только мы закрепимся там с преобладающими военно-воздушными силами, мы сможем донести войну до Муссолини и его фашистской банды с такой интенсивностью, которая еще пока что невозможна".

"ЛИЧНОЕ И СЕКРЕТНОЕ ПОСЛАНИЕ ПРЕМЬЕРА СТАЛИНА ПРЕМЬЕР-МИНИСТРУ Г-НУ ЧЕРЧИЛЮ.

...Что касается Дарлана, то мне кажется, что американцы умело использовали его для облегчения дела оккупации Северной и Западной Африки. Военная дипломатия должна уметь использовать для военных целей не только дарланов, но и черта с его бабушкой..."

"ЛИЧНОЕ И СТРОГО СЕКРЕТНОЕ ПОСЛАНИЕ ОТ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА Г-НА У.ЧЕРЧИЛЯ ПРЕМЬЕРУ СТАЛИНУ.

...2. На тунисском выступе державы оси удерживают свое предмостное укрепление, которое нам почти удалось захватить при первом нападке. Дело выглядит теперь так, что бои здесь будут продолжаться в течение января и февраля. Я надеюсь, что армия генерала Александера овладеет Триполи в начале февраля. Весьма вероятно, что Роммель отступит в направлении тунисского выступа со своими силами, которые достигают приблизительно 70 тысяч германских войск и такого же количества итальянцев. Две трети всех войск состоят из административно-снабженческих частей.

Война на африканском побережье обходится противнику очень дорого ввиду тяжелых потерь, которые он несет при перевозках и в портах. Мы сделаем все возможное для скорейшего окончания этой операции".

"И.В.СТАЛИН У.ЧЕРЧИЛЮ.

Весьма благодарен Вам за Ваши добрые пожелания по случаю моего рождения. Пользуюсь случаем, чтобы передать Вам и дружественной английской армии искреннее поздравление в связи с новыми победами в Ливии".

"В октябре 1912 года после непродолжительной войны Турция уступила Ливию Италии. Позднее, особенно при Муссолини, на плодородное побережье десятками тысяч хлынули итальянские колонисты, арабы безжалостно сгонялись с лучших земель, которые, кстати сказать, до сих пор принадлежат итальянцам, строились по единным проектам деревни поселенцев и к тысячелетним оливковым деревьям, кое-где сохранившимся еще с древних времен, добавлялись новые плантации. "

Турция уступила Ливию итальянцам, но ливийский народ не уступил. Два десятка лет ливийцы ожесточенно сражались против колонизаторов, и на долю итальянских усмирителей выпало много жертв и мало лавров. Легендарным борцом за свободу был Омар Мухтар, именем которого названы теперь центральные улицы Триполи и Бенгази. Лишь в 1931 году после многих карательных экспедиций престарелый и больной Омар Мухтар был, как этически повествует историческая хроника: "окружен, ранен, схвачен и повешен".

В годы Второй мировой войны Ливию не раз накрывал смертоносный вал. В провинции Киренаика или самые кровопролитные на африканском театре войны сражения, которые были прелюдией к битве при эль-Аламейне между Восьмой армией Монтгомери и Африканским корпусом гитлеровского фельдмаршала Роммеля Бенгази по три раза переходил из рук в руки, его бомбили более тысячи раз, и до сих пор незастроенные пустыни и память жителей хранят воспоминания об ужасном времени.

Победа пришла в Ливию с большим опозданием. С 1942 года по 1951 год страна находилась под англо-французской военной администрацией".

С.Кондрашов: "Контуры времени"

Глава II

В кабинете Сталина был кроме «Хозяина» - Председатель Совета обороны и нарком внутренних дел. Докладывали – начальник разведуправления Генштаба генерал Голиков и комиссар госбезопасности Михеев - начальник управления контрразведки РККА. Стенограмма встречи не велась в виду чрезвычайной секретности темы. Речь очень подробно шла об активизации немецкой разведки в приграничных районах Киевского и Западного особых военных округов. На столе были разложены карты, схемы, диаграммы. В руках у разведчиков папки с шифровками, анализом агентурных данных, планами и мероприятиями операций, контригр.

Сталин, обычно живо интересовавшийся данным вопросом, как и многими другими проблемами, глубоко и всесторонне вникающий в их суть, - выглядел необычно рассеянным, словно какая-то затаянная мысль не давала покоя, уводила от темы сегодняшней встречи.

За кремлевскими окнами и стенами набухал теплом и почками на деревьях май. Улицы Москвы еще приводились в обыденный вид после первомайского

парада и народных гуляний. До начала вторжения гитлеровских войск и начала войны оставалось чуть больше года...

«Хозяин» страны и главного кремлевского кабинета приподнял руку над столом, останавливая доклад Михеева. Ворошилов настороженно оторвал взгляд от карты, выпрямился на стуле.

Сталин медленно провел ладонью по лицу, как бы сгоняя усталость, сосредотачиваясь на терзавшей мозг мысли, глухо и не громко спросил:

- Как ви думаете, комиссар, если немцы решатся на военные действия в приграничных районах Западной Украины и Белоруссии, как такое развитие событий скажется на оперативной обстановке в Северной Африке? Будут там активизироваться немецкие части; смогут ли устоять англо-французские экспедиционные корпуса? Как англичане отреагируют на складывающуюся обстановку, смогут ли оперативно усилить свою группировку? Ввязутся ли в конфликт американцы? И станет ли это войной?

Присутствующие смотрели теперь на молодого комиссара из контрразведки. В нависшей тишине разливалось недоумение.

Поворот беседы в совершенно неожиданное русло сбивало с толку даже Лаврентия Берию. Хозяин задал сразу столько головоломок, что не хватило бы и всего аппарата советников и помощников Берии, чтобы вот так - сразу проанализировать два совершенно разных направления работы, до сей поры никак не увязывавшихся друг с другом.

Михеев машинально закрыл лежащую перед ним папку с документами, встал, отодвинув стул от стола.

- Сидите, сидите, Анатолий Николаевич! - остановил его Stalin. - Я просто хочу, чтобы вы поразмышляли вместе с нами над поставленными вопросами. Вы можете их увязать с темой вашего доклада?

- Попытаюсь, товарищ Stalin, - снова усаживаясь к столу, произнес комиссар.

- Вот и хорошо. Давайте размишлять, время нас сегодня не торопит, - Stalin перевел взгляд на Берию, как бы приглашая того к разговору.

Берия вызов принял:

- Я считаю, что вопросы эти нам придется увязывать с положением на Аппенинах, Балканах, с обстановкой в Греции, Турции, Испании и Португалии. Это уже межконтинентальный театр военных действий, складывающийся, как из основного театра военных действий, так и из локальных боевых операций, товарищ Stalin. Если прорабатывать проблему в деталях нужно время и специалисты. Думаю, даже моя разведка и они, - Берия кивнул в сторону Михеева и Голикова, одни не смогут внятно увязать эти вопросы.

- Я считаю, Лаврентий Павлович, что и нам, и разведчикам иногда палезно делать этакие разминки для ума. - Stalin встал из-за стола, махнул досадливо рукой на попытавшихся вскочить на ноги военных, медленно, словно разминая ноги, двинулся вокруг стола для заседаний, продолжая разговор. - В этой проблеме очень важно увязать стратегию поведения тех или иных сил при данном развитии обстановки.

У немцев, в случае втягивания их восточных группировок в конфликт на наших границах, видимо, будут ослаблены «мишцы» на северо-африканском направлении. Англичане, французы, да и американцы, нэ столько, чтобы помочь нам, сколько из желания упрочить свои позиции, отвести удар от метрополий, оградить от немецкого и японского проникновения на территорию в Атлантике, предпримут штурм на рубежах соприкосновения с противником...

Вот только предпримут ли? И если - да, то как отреагирует на это восточная

часть вытянутого кишкой немецкого мэжконтинентального вала армий? И опять же, если предполагать, что конфликт на наших границах низбежен, если Гитлер пойдет на разрыв договоренностей с нами, а разведданные говорят о таком возможном ходе событий. – Сталин остановился напротив Михеева, выдвинул стул, присел к столу, сложив обе руки прямо на картах разложенных здесь. – Так как, товарищ Михеев, вы из исключаете подобное развитие событий?

- Так точно, товарищ Сталин, не исключаю, - глядя прямо в глаза "Хозяина", ответил комиссар госбезопасности. - Ни я не исключаю, ни наши аналитики. Последние агентурные данные и доклады чекистов из округов говорят за то, что немцы активно прощупывают наш передний край, готовят массовые заброски своих разведчиков, ведут агентурную работу среди населения в приграничных районах, проводят теракты против наших военнослужащих, забрасывают оружие. Одним словом - разведка боем в предполье. Я не могу утверждать, что их руководство пойдет на разрыв наших договоренностей, не располагаю такими данными, но серьезность обстановки не исключает, видимо, и такой вариант.

- Значит, есть повод для размышления над моими вопросами! - перебил Михеева "Хозяин". - И здесь прав ты, Лаврентий Павлович, вопросы эти следуют объединить в целое, проработать масштабно, навэрное, следует подключить сюда и работников наркомата иностранных дел с их информацией...

Сталин перевел взгляд на Голикова, тот продолжил доклад:

- Мы выделили ближневосточную проблему, товарищ Сталин, как одно из приоритетных агентурных направлений. И если подойти к проблеме с точки зрения стратегии, я бы отметил немаловажный фактор для противостоящих там сторон - наличие обширных запасов нефти, особенно в районе Ирака, Ливии, Саудовской Аравии, а также контроль над Сuezским каналом в Египте. Считаю, что если немцы ввязнутся в конфликт с нами, то для нас наиболее выгодным будет развитие событий на Ближнем Востоке не в их пользу. Тогда стратегические запасы промышленного сырья и топлива, морские порты и базы станут сильными раздражающими факторами для Вермахта, им придется усиливать южное направление техникой, живой силой. Наши люди сообщают, что сколько-нибудь значимой поддержки немцам от итальянцев ждать не приходится. Италия крепко увязла в противоречиях с Грецией, на Балканах. Там их основные интересы. Вот вопрос, как поведут себя англо-французские группировки в этом районе, насколько они способны к атакующим действиям и на какую глубину территорий, что будут предпринимать их правительства в ситуации, когда мы и они втянемся в конфликт с немцами, кого они поддержат и насколько...

Голиков, как и его собеседники, выдержал паузу:

- Я, товарищ Сталин, принимаю все Ваши замечания к немедленному исполнению. Через неделю буду готов сформулировать ответы более точно, с фактами в руках. Буду готов доложить Вам мероприятия, оперативные разработки.

Ворошилов, до этого не вступавший в разговор, видимо заинтересованный его докладом, спросил:

- А что, комиссар, и там есть твои люди, если так уверенно докладываешь об итальянцах?

- Так точно, товарищ маршал, есть. - Лицо Голикова затвердело. Он стал скончаннее, давая понять, что в разговоре затронута информация, о которой не может спрашивать даже Председатель Совета обороны.

Сталин, любивший заниматься даже эпизодами из разведработы, естественно, знаяший подробно о работе разведчиков в разных странах, иногда требовавший докладывать ему о судьбе даже одного конкретного агента, - хорошо понимал,

что и одно слово, случайно оброненное, пусть на совещании такого ранга, может привести не только к гибели или расшифровке одного внедренного агента, но и к провалу целой цепочки разведчиков, всей операции, может быть утеряна и ценная информация, и люди, и дальнейший доступ к той или иной проблеме...

“Хозяин” встал и вновь прошагал по кабинету к своему столу, пристально осмотрел сидящих перед ним, пристукнул по столешнице рукой:

- Итак, сабэремся здесь через недэлю и еще раз послушаем разведчиков, да и товарища Молотова. Поразмышляем над фактами. Пока все свободны. Вас, товарищи, прошу еще задэржаться, - он указал пальцем на Михеева и Голикова.

Когда Ворошилов и Берия вышли из кабинета, Сталин опустился на стул, вяло пошарил рукой в нагрудном кармане френча, вынул вчетверо сложенный лист бумаги, не глядя на разведчиков развернул его, еще раз пробежал взглядом по тексту, который почти уже помнил наизусть, и, вздохнув облегченно, словно передавая вот уже сутки мучившую его мысль-занозу, протянул листок в сторону Михеева, взглядом приглашая его к чтению этого документа. Начальник управления контрразведки, взяв в руки эту страничку с машинописным текстом, хотел здесь же у стола «Хозяина» прочитать ее, но Сталин жестом остановил его, отсылая на место:

- Чытайте оба. Минэ важно знать мнение профессионалов...

“ИЗ ДОКЛАДА ПОСЛА ПО ОСОБЫМ ПОРУЧЕНИЯМ В НКИД ТОВ. РАЧИНСКОГО А.Г.

“...Английское правительство передало займ Турции в размере 50 млн. фунтов стерлингов на военные расходы и закупку военной техники.

...Италию пытаются все еще удержать в состоянии нейтралитета, идут в этом на ряд экономических уступок. В том числе английским военно-морским флотом, курсирующими в Средиземном море, осуществлен беспрепятственный провоз немецкого угля на итальянских судах в порты Италии.

...Англичане твердо убеждены, что время работает на них. Считая, что ресурсы Британии и ее колоний, а также Франции неизмеримо больше, чем немецкие, они не стремятся во что бы то ни стало расширить их добывчу в Северной Африке. Вероятный ход событий: всяческое направление немцев на нашу страну. И это было бы наиболее выгодной сделкой для Англии и Франции. Они смогли бы использовать свое влияние на обе стороны: как нашу так и Германскую, после обескровления обеих в военном конфликте.

...Подтверждение тому - морские операции английских крейсеров против наших судов с грузами из США. Недавно были задержаны в открытом море на пути во Владивосток наши пароходы “Селенга” и “Маяковский”. Англичане уверяют (!) нас в том, что стаки на этих судах, закупленные в США, предназначены нами для передачи Германии и продолжают удерживать в плену наши пароходы.

...На сегодняшний день все боеспособные части англичан сконцентрированы в колониях. Правительство Британии опасается нападения немцев на страну. Поэтому считаю, что в случае нападения немцев на Францию, англичане не будут упорствовать в помощи ей, а постараются извлечь из поражения французов максимальную для себя выгоду: прибрав их технику, флот и дивизии, вывезти их и сконцентрировать в северной Африке, где они в случае решения Гитлера напасть на Британию, могли бы нанести ощущимый и упреждающий удар...”

- А тэперь я хотел бы знать то, что мне знать можно, об источнике информации из интересующего нас района. Только о нем, без связей, явок, вэрбованных лиц...

Сталина забавляла, как человека увлекавшегося нелегальной работой, вся эта разведывательная кутерьма. Хотя он считал шпионаж высокого уровня - делом настоящих мужчин, делом партийным, государственным. Но никогда не доверял разведке, считая людей этих хоть и важными, но маленькими винтиками в большой политической игре. Людьми, в силу не масштабности своего мышления, политического непрофессионализма, неспособными давать точные прогнозы, увязывая аспекты всех проблем в идеологии руководства страны.

Эта недоверчивость «Хозяина», как мы знаем, сыграла с ним роковую роль в июне 1941 года. Фашистские войска застали врасплох не только руководство армий, но и Сталина...

Михеев и Голиков, заметив улыбку, скользнувшую в усах Сталина, переглянулись: кому начинать? И комиссар, хотя и не знал деталей дела, как старший среди них двоих взял инициативу в свои руки.

Но хозяина мало заботила общая канва рассказа об источнике информации или подходы к ближневосточным и африканским проблемам. Ему была интересна судьба разведчика, его способности и возможности проникновения в секреты высших сфер политики и штабов региона. А это уже было известно только Голикову. Он владел всей информацией по нелегалам, но и в отличие от своего коллеги не осторожничал, считая откровенность и честность главными качествами коммуниста, тем более перед лидером партии большевиков.

- Прежде всего я хотел бы отметить, товарищ Сталин, что внедрение нашего нелегала, его легенда и подготовка, - это еще одна блестящая работа бывшего начальника разведупра Берзина, чьи воспитанники сегодня занимают самые выгодные с точки зрения нашего дела посты и положение во многих странах мира. Работают давно и блестяще. Данный же человек в интересующем нас регионе внедрен туда не нами, а английской военной контрразведкой, как их агент. Имеет чин капитана британских вооруженных сил. А к англичанам же внедрял его Берзин. Туркмен по национальности, блестяще образован. Владеет семью языками в совершенстве, но специализировался в арабском, получил даже духовное мусульманское образование...

“ИЗ РАССКАЗА КУРСАНТА ШИХБЕРДЫ АННАКЛЫЧЕВА НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ РККА Я.К.БЕРЗИНУ. «1924 год.

Я родился в 1904 году в семье дипломата. Мой отец Аннаклыч был родом из селения Балхш на западе Туркмении. Во время присоединения Ахалтекинского оазиса к России и боя у Геоктепинской крепости его родители (мои бабушка и дед) погибли. Его самого - девятилетнего мальчика-сироту – подобрал раненного и голодного русский дипломат Родофиников и отправил в свою семью в Санкт-Петербург. Тогда многие офицеры и члены дипломатической миссии так поступали, наверное, замаливая грехи, за эту бойню в Туркмении... Даже сам руководитель этой военной экспедиции генерал Скobelев подобрал в крепости девочку, она воспитывалась в его семье под именем Татьяны Текинской...

Моего отца учили наравне с родными детьми Родофиниковыми, дали блестящее образование. К 1891 году он владел пятью языками в совершенстве: туркменским, русским, английским, фарси и арабским. Специализировался на фарси и был принят на работу в отдел переводов департамента иностранных дел. В 1895 году получил должность референта товарища министра. А через год был направлен в посольство в Персию советником по вопросам культуры.

В Тегеране встретился со своей будущей женой - моей матерью.

Рашей-аль Хэсси - она была из знатного сирийского рода священнослужителей. Вышла замуж за английского подданного Чарльза Гордона, работавшего в Дамаске. Он был специалистом по истории Востока, но, видимо, был связан и с разведкой. В 1895 году они переехали в Тегеран, где Гордон неожиданно умер. В 1903 году отец и мать поженились, а через год родился я и родители вновь вернулись в Санкт-Петербург. Потом меня отдали в гимназию. К тому времени я уже разговаривал на туркменском, арабском и персидском языках, чуть хуже - по-русски и по-английски. Кроме гимназии, обучение шло и дома под присмотром и руководством матери.

В 1915 году жизнь в городе стала тяжелой, шла война. Мать настояла, чтобы мы с ней уехали в Дамаск к ее родне. Дед настоял, чтобы меня отдали в духовное училище получать мусульманское образование. А через год, видя мое не усердие там, мать, поскольку она носила фамилию Гордона и считалась английской подданной, увезла меня в Лондон, где определила в колледж с военным уклоном обучения. Там не надо было платить, после смерти ее первого мужа ей полагались некоторые льготы. В 1917 году меня перевели из колледжа в разведывательную школу, видимо, заинтересовавшись моим знанием нескольких языков. Через четыре года я был направлен в Россию с заданием: через отца попытаться проникнуть на работу в наркомат иностранных дел.

Встреча с отцом, который всецело принял сторону революции и по-прежнему занимался дипломатической работой вместе с Чичериным, многое изменила в моей судьбе. Не торопился ни помогать мне в выполнении задания, ни сообщать о моем амплуа в ЧК. Считалось, что я вернулся к нему из Дамаска, куда к тому времени опять перебралась мать. Отец устроил меня на курсы дипработников при наркомате, а через год в 1923 году меня неожиданно призывают в РККА и отправляют на учебу в Омскую объединенную высшую военную школу Сибири. Кстати, там я учился вместе с сегодняшним командиром 77-го кавполка Дмитрием Павловым. Мы сдружились с ним. Сейчас его полк воюет с басмачами в Восточной Бухаре... Затем скоропостижно умирает отец. И я, чувствуя себя давно уже россиянином, не желая работать против своей и его родины, пришел в особый отдел ОГПУ с заявлением о своем задании. Теперь вот - курсант нашей школы разведки...»

Глава III

Берберский шатер то надувался от порыва налетающего с побережья ветра, то, глухо хлопнув, опадал, сморщиваясь складками. На расстеленных верблюжьих кошмах за супой посреди шатра отдыхали двое. Старший - бербер с посеребренной проседью бородкой, - был вождем племени "хамсинов", - так называли их за способность неожиданно и неотвратимо налетать из пустыни, как одноименный, свирепый ветер. Второй, прибывший из Триполи младший представитель рода Аль Хэсси - досточтимый Шукра, через свою тетку Ренду приходящийся троюродным племянником самого святого Омара - предводителя всех арабов-ливийцев, павшего в священной войне детей Аллаха против неверных "итало"...

Судя по тому, что вождь принимал гостей лично и в своем шатре, угодливо сам подливая ему в плошку охлажденное, бродящее, шипучее верблюжье молоко, утоляющее жажду и пьянящее, - можно было понять: сколь высоко положение Шукры среди некоторых ливийских племен. Шукра отдыхал, полуприкрыв веки, расслабившись, о чем-то думал. Вождь с достоинством ждал предстоящего

разговора, не торопил высокого гостя вопросами - обычай не дозволял - следил только, чтобы Шукре было сытно, приятно, удобно.

А гость мысленно восстанавливал картины последних дней, перебирал в памяти факты, события, добытую информацию, - анализировал добытое. В Триполи он встречался с людьми, ведущими тайную борьбу за свободу Ливии, с авторитетными в арабском мире, влиятельными эфенди-господами. Они на виду, сотрудничают с итальянской администрацией, немцы ведут с ними переговоры, пользуются их влиянием в обществе, но... все-таки это истинные хозяева этой горькой, но родной им земли. Этого народа с тысячелетней историей. Это от них Шукра узнал, что Гитлер напал на "Русию" - так называли арабы Советский Союз, что его войска рвутся к "Мос-кие" - столице Русии...

Перебирая в памяти детали жизни последних дней в Триполи, Шукра еще раз припомнил текст своей шифровки, которую повез его аскер-воин в обратный путь до Каира. Он вручит ее хозяину магазинчика чеканки на базарной улице Каира. Первую половину этого послания, где говорится об укреплениях итальянцев на побережье, где есть сведения об арабских отрядах и их мощности, готовых вести борьбу с немцами, - хозяин магазинчика передаст, скопировав, Макдауну или его людям. А вот послание целиком, сложным путем, через Палестину, уйдет к радиству, который через эфир отправит ее в Европу - в Москву...

Да, Шукра понимал всю тяжесть положения и своей родины и Англии в этой развернувшейся войне с Германией. Он понимал, что в самой Британии сейчас мало кадровых войск, они сосредоточены здесь - против корпуса Роммеля. Что Франция уже практически потеряла свои боеспособные части в боях с немцами, а те, разрозненные дивизии, что удалось эвакуировать в Англию, на Ближний Восток - пока деморализованы, плохо вооружены. Конечно, остается еще часть французского военного флота в портах Англии, даже - сверхсовременная подводная лодка (о ней частенько говорили морские офицеры-итальянцы в Триполи) "Сюркуф", - но это небольшая часть флота. Остальной же, ударный военно-морской кулак Франции в портах Александрии, Оране, Мере-эль Кабире, Дакаре, Алжире, третьего июля был потоплен адмиралами Жонсу и Соммервилом частично добровольно, частично расстрелян английскими крейсерами. Они теперь не достанутся немцам, но и англо-французской группировке не послужат...

А это значит, что Советскому Союзу в войне с Гитлером приходится надеяться только на свои силы. И ждать активных боевых действий в районе даже Северной Африки не приходится. Англичане осторегаются танковых ударных групп Роммеля...

Вот почему свою задачу Шукра видел сегодня в том, чтобы активизировать арабские племена, их антиитальянские и антинемецкие настроения. Вновь вернуть, хотя бы именем Омара Мухтара, динамику борьбе за освобождение священной земли арабов от неверных. Конечно, вспыхивающие в пустыне и горах мятежи или налеты конницы берберов на укрепленные базы на побережье - не более чем осиные укусы для Роммеля. Но они могут подстегнуть к атакам экспедиционные корпуса англичан. Вот почему он был так настойчив в своем донесении Макдауну... Ведь любое движение в сторону Ливии будет воспринято немцами как полномасштабное наступление, а значит - с востока сюда будут перебрасываться дополнительные ресурсы, которые уже не будут противостоять Красной Армии.

Вот и вождь "хамсинов", что принимает Шукру у себя в шатре, тоже будет задействован в этой операции "Священная война", которую пытается начать в

Ливии троюродный племянник святого Омара. Хотя, вождю никогда не узнать и не понять, что сотня его воинов с саблями и винтовками, могущая погибнуть под пулеметным и минометным огнем любого из фортов на побережье, - способна вызвать сильнейшие подвижки целых механизированных корпусов и армий в разных частях света...

Шукра оторвался от своих мыслей, приподнялся, сел. С благодарностью взглянул на вождя "хамсинов", все так же молча и терпеливо заботящегося о госте. Выказывая ему душевное расположение и благодарность, разведчик прижал правую руку к той половине груди, где билось сердце, склонил голову, заговорил:

- Уважаемый вождь, к вам меня послал дед мой, досточтимый Мухаммед, с наказом, чтобы в трудную минуту я положился только на вас, уважаемый, и только вашу помощь принимал. Он почитает вас как своего друга и благородного человека.

Момент этот пришел. Я в трудном положении, потому обращаюсь к вам, достопочтенный вождь, как к родителю своему, ибо в мире этом мне уже не к кому прийти больше с сыновней покорностью.

Отец и мать мои уже покинули мир наш, пусть Аллах успокоит их души, дед, как мне недавно сообщили, уже готовится к встрече с Всеевышенним...

Шукра склонил голову, скорбно замолчал. По щеке его заскользила слезинка, он пытался скрыть свое состояние перед вождем этим молчанием, за крепко стиснутыми зубами...

- Я весь внимание, сын мой, - промолвил, тронутый таким откровением и проявлением чувств, вождь хамсинов, - я принимаю тебя, как родное дитя, и готов дать тебе и совет, и защиту!

Шукра готов был к такому разговору:

- Отец, вы знаете, что сейчас у нас, арабов, мало возможностей продолжать борьбу. На наших землях столкнулись самые страшные в мире военные силы: немцы и англичане.

Священная война с неверными может быть продолжена, если мы поддержим англичан, с которыми - полмира. С ними и договориться легче. Значит, - нужно делать все, чтобы они победили немцев.

Мне сейчас очень трудно, отец. Часть моего сердца далеко отсюда - в холодной России, где поконится прах моего родителя. Но там идет война - немцы, как азраилы, черным крылом накрыли эту землю, истребляют ее людей... Разве могу я быть от этой борьбы в стороне, мудрейший?!

Мне очень нужна ваша помощь, ваши воины, ваши связи, - тогда мы сможем быстрее освободить наши земли, помочь другим народам в их справедливой битве с сынами Гитлера. Я буду зорок, как сокол, хитер, как каракал, жесток, как крокодил, но мне нужно, чтобы и на побережье, и в горах, и в пустыне - люди знали о том, что Вы - мой духовник, отец, чтобы даже камень у дороги давал мне укрытие, мне нужна вера, даже тогда, когда я надену мундир немецкого солдата или буду сыпать яд в наши колодцы - все должны быть убеждены, что я - все делаю только на благо арабов, с воли и по указанию Всеевышеннего...

Старик одобрительно покачивал головой. Слова этого мужчины говорили о его горячем и честном сердце. Помыслы его были чисты. Желания - правоверны. За его словами была сила воина и мудрость предводителя. Вождь неожиданно потянулся худыми темными руками к Шукре, привлек его голову к своей груди, ласково заговорил:

- Ты прав, сынок! Сегодня арабам тяжело в этом мире, но есть народы, которым

еще тяжелее. И всем нам на севере и на востоке нужно вести одну священную войну. Только тогда каждый из нас добьется своего освобождения.

Твои мысли и слова - это правда большого и справедливого воина. Но один воин в степи даже коня своего не устережет. И здесь ты прав. Тебе нужна помошь, нужны надежные люди. Я верю, что ты не подведешь меня и их. Что ты настоящий магометанин и сумеешь даже во время битвы заслонить слабого брата по вере, закрыть глаза и успокоить душу молитвой павшему герою. Так всегда поступал твой дядя - великий воин Омар. Так жил в этом мире твой дед. Я знал и твою мать - Рашу - благородную и достойную женщину. Я верю, что и отец твой был достойным человеком, правоверным последователем пророка Мухаммеда. Мир праху их!

Это и дает мне право на то решение, которое я принимаю. Я вручаю тебе наше знамя священной войны правоверных, верю, что ты далеко пронесешь его.

Вождь отстранил от себя Шукру, выпрямился, пошарил рукой за пазухой, вытянул из-под ворота широкой рубахи какой-то предмет на тесьме, снял его с себя через голову, - подал в ладонях гостю.

- Это старинный амулет счастья. Давным-давно наши предки нашли этот осколок небесного камня, посланного Аллахом в пустыню. С тех пор он - символ власти и повиновения всех бедуинов. Любой в наших краях знает, что обладатель этого амулета - определен советом старейшин по воле Аллаха в повелители. Передо мной амулет носил святой Омар - твой дядя. Я - передаю этот символ власти - тебе, Шукра. Да будет праведным твой путь! Теперь ты будешь повелевать людьми, воинами, теми, в ком живы заветы предков, кто чтит волю Всевышнего, у кого сердце не трусивого шакала, а - льва. Но и те, кто отошел в сторону от наших традиций, стал безбожником или предался неверным, - не будут чинить тебе препятствий, сын мой. Они слишком хорошо понимают, что хозяин амулета - избранник богов и народа. Только коварство может остановить тебя, как остановило святого Омара. Зорче всматривайся в людей, Шукра, познавай их помыслы, разгадывай черные души, - тогда ты сохранишь себя и нас от позора, от предательского удара в спину.

А теперь о главном: в пустыне появился человек, он – от немцев. Он хорошо знает и наш язык, и наши обычай. Благородно ведет себя по отношению к арабам. Хорошо платит за помощь. Он ищет хорошие дороги, удобные уроцища, отмечает на картах колодцы. Я думаю, он определяет места, где немецкие воины могут быть предпочтительнее английских в сражении. Мои люди помогают этому человеку. Найди его, помогай ему. Ты многое узнаешь из им задуманного. Тогда тебе легче будет с ними бороться, тогда англичане смогут их одолеть. Да пусть Аллах осветит твой путь, сынок! Я верю в тебя.

Глава IV

"От Эль-Аламейна до Александрии - всего 60 миль. Это один танковый переход Роммеля. Подумайте о срочности эвакуации..."

Из донесения Гордана - Центру.

"Сплошной линии фронта в Ливии никогда не было. Роммель принял старинную тактику "гусицкого лагеря", его армия гигантским табором перемещалась в пустынном пространстве, окружность его составляли танки и бронемашины, а внутри "лагеря" двигались штабы, артиллерия, ремонтные мастерские, службы радиоперехвата, походные госпитали..."

Авиация маршала Кессельринга, базируясь на аэродромах Сицилии, заранее прорукоужила фугасами английские позиции, досталось и Тобруку, но Меллентин сказал Роммелью, что в Торбуке еще Муссолини выстроил такие бетонированные бомбоубежища, что англичане не дрогнут...

5 июня Роммель разрезал британские дивизии на отдельные части. Борьба завершилась приказом по английской армии: "Как можно скорее отрываться от противника..."

В политической неразберихе все смешалось - даже Роммель стал вдруг союзником самого Аллаха...

Британские штабы сжигали секретные документы, крыши Каира и его парки густо засыпало слоем пепла, словно Везувий погребал новую Помпею.. По улицам, отчаянно звоня, мчались переполненные трамваи, которые вели яркие каирские красотки, а пассажиры (сплошь арабы и негры) кричали из окон прохожим - назло своим колонизаторам - англичанам:

- Накимай, Роммель! Свободу Египту... велик Аллах!"

"Барбаросса" В.С.Пикуль.

"У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941-1942 годах... Иной народ мог бы сказать правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство..."

Сталин И.В. "О Великой Отечественной войне Советского Союза".

"Черчиль был потрясен. В Африке англичане оказались теперь на рубежах, которые они занимали два года тому назад. Продолжение противником своего наступления могло бы привести к разгрому всех английских войск в Египте, к захвату Суэцкого канала, Ближнего Востока, его важных нефтяных источников и завершиться соединением с немецкими армиями, наступавшими через Кавказ или через Балканы".

Чарльз Б.Макдоальд. "Тяжелое испытание".

ЦЕНТР – ГОРДОНУ.

"Необходимо срочно спланировать и провести в тылу Роммеля широкомасштабный диверсионный акт по уничтожению его складов с горючим, боеприпасами, желательно и штабов. Подробный план и координация действий с армейской разведкой - личным контактом связников через "Вождя".

ЦЕНТР – «КЛИНКУ».

"Вам нужно активно оказывать содействие в работе ваших прежних наставников. Цель - помочь удержать их позиции в Египте, не дать Роммелью выйти на соединение с южными армиями Восточного фронта. Очень важна ваша информация о том, что делается в штабе Роммеля. Успехов.

Дядя Степан".

Триполи

«Можем ли мы позволить себе бездействие на Атлантическом театре в течение всего 1942 года! Не следует ли нам в рамках общей подготовки «Болero» осуществить какую-либо другую операцию, с помощью которой можно было бы захватить выгодные позиции, а также прямо или косвенно ослабить давление, оказываемое на русских?»

У.Черчиль. Из речи на совещании генералитета.

Именно в Триполи Шукра обрел свой статус предводителя племен кочевников - основного формирования, имеющего большое влияние на общественно-религиозную жизнь арабов. Во всесильной власти старого вождя «хамсинов» и не только среди кочевников он убедился, когда в столице ему открывались двери домов самых знатных, самых заносчивых, самых независимых хозяев. По амулету, висевшему на шее Шукры, все сразу признавали его если не за предводителя здешних мест, то за наместника - точно. Благодаря связям с арабской знатью, знанию языков, зрелому уму, - Шукра без труда был принят армейской верхушкой итальянцев, водил дружбу с немецкими специалистами, офицерами штаба генерала Роммеля.

Но главной своей работой он считал формирование боеспособной группы кочевников, оснащение их автоматическим оружием, средствами связи, транспортом. Такая группа арабских «коммандос» скрытно обучалась в полевой ставке вождя «хамсинов»...

Словно накалившийся наждак, тысячи песчинок в оранжевом мареве впивались в лица людей. Колонна автомобилей постоянно вставала в песчаной колее: то дожидаясь тягача, помогавшего переваливать через очередной бархан автомобилиям; то пережидала, когда будет залита вода из запасного бурдюка в закипевший радиатор какой-то из машин.

Колонну составляли грузовики из части технического обеспечения бронетанковой группы, а также легковые штабные машины, закамуфлированные пятнами краски горчичного цвета под окружающий ландшафт. Среди штабных шли и два «Оппеля» из подразделения пропаганды. В них находились прибывшие с инспекцией из Берлина двое военных: полковник абвера Рейхард Гелен и личный представитель начальника имперской контрразведки генерала Франца фон Бентивенни - штурмбанфюрер Отто Шульце. Оба они числились здесь сотрудниками ГСК - посланниками министерства пропаганды. Зато настоящий пропагандист-референт Хайнц Вессель был также и личным представителем служб СС рейхсфюрера Гиммлера, человеком, питавшим конфиденциальной информацией и шефа гестапо Мюллера. Человек беспринципный, жестокий и подозрительный, он готов был шагать по трупам своих коллег, делая карьеру. Особенно его сторонились армейские офицеры, побаиваясь доносчика и, одновременно презиравшие его. Они знали, что Вессель любит цитировать малоизвестное высказывание самого рейхсфюрера Гитлера: «Совесть, как обрезание у евреев крайней плоти, калечит человека. Потому наши СС лишены совести». Слова эти «пропагандист»-эсэсовец считал своим жизненным принципом.

Потому, презирая всех этих «прикомандированных», Вессель ехал в другой автомашине, предпочитая в попутчиках местного араба-переводчика и проводника «берлинским выскочкам», никогда не работавшим практически в том «поле», которое определяется для оперативной деятельности настоящему разведчику...

А вот проводником и переводчиком у Весселя был человек, которому доверять бы и не стоило профилю от Мюллера... Да, уже около месяца, воспользовавшись рекомендациями своих трипольских друзей, Шукра за безобразно малую плату исполнял при гестаповце обязанности «боя» - малыши на побегушках. Он делал все, чему в полевых условиях есть соответствующие службы у высокопоставленных офицеров: стирал белье, как денщик; готовил документы на арабском и контролировал досье в картотеке, как адъютант; консультировал Весселя по военно-политическим вопросам, как штабист или референт... референта.

Однако это давало «Клинку» и массу преимуществ. Он был принят за благонадежного образованного дикаря. Он имел теперь доступ и к тайной деятельности Весселя. Он мог свободно вращаться в армейских штабах, среди гитлеровских офицеров. Мог иногда мысленно срисовать обстановку на оперативно-тактических картах немцев.

«Агент-двойник - это мужчина или женщина, используемые какой-нибудь страной для шпионажа против другой и, которые фактически являются агентами противника, работающими против завербовавшей их страны. Отсюда логически вытекает, что агент-двойник - самый сложный вид агента, с которым приходится иметь дело контрразведчику. Является ли агент-двойник самым опасным или самым полезным видом агента? Это зависит от взглядов и интересов агента; связан ли он со своей страной или страной противника...

... Если же контрразведчик сомневается в агенте, то его следует рассматривать как опасного человека, а если вина агента-двойника может быть доказана, то его надо немедленно предать суду. Если же вина агента полностью не доказана, его следует держать за решеткой до конца войны, чтобы он не мог вредить тем, кто его поймал. Поражение в войне, как известно, часто зависит от малейшей ошибки. И оказать доверие агенту-двойнику, в искренности которого ты сомневаешься, - значит совершить крупнейшую ошибку, которая может иметь дурные последствия.

Разобраться в деле агента-двойника гораздо труднее, чем в деле обыкновенного шпиона. Изучение всех сторон дела агента-двойника занимает дни и даже недели. Ведь каждый факт надо проверять и перепроверять, а это требует времени».

О.Пинто. «Друг или враг!» (Откровения армейского контрразведчика).

Конечно, Вессель никак не мог доверяться полностью этому образованному, но - туземцу. Однако в недрах высшего эсэсовского руководства развивалась и крепла идея создания в предполье фронтов новых формирований: мусульманской дивизии «Хан-дшар», туркестанского и кавказского полков, индийского легиона, которые сам Гиммлер именовал дикими, в прямом смысле, и «элитными войсками» - с сарказмом.

Таких арабов, как Шукра, Вессель рассматривал, как готовую и к военному сотрудничеству с войсками Роммеля местную знать. Особенно успешно такое влияние немцев происходило на территории Египта и Трансиордании. А вот в Ливии этим предстояло заняться мнимому «пропагандисту».

Своей беспринципности и использованию любой возможности на благо его карьеры Вессель учился у своего товарища по партии и университету - ныне одного из партийных лидеров рейха - Адольфа Эйхмана. Тогда, в 1937-м, они под видом студентов по заданию шефа СД Гейдриха посетили они Палестину. Задание им, тогда рядовым оперативникам отдела 11-112 СД, а проще - службы «еврейской референтуры», было строго определено: установить контакты с сионистской разведывательной организацией «Хага-на», максимально использовать их возможности для открытия новых каналов еврейской эмиграции из Германии на Ближний Восток. А в потоке переселенцев отправить как можно большее число подготовленных в «референтуре» агентов, диверсантов в Сирию, Египет, Палестину, на север Африки.

Командировка их была признана успешной, Адольф сумел внушить шефу отделаoberштарфюреру СС Хагену, что это он лично обеспечил блестящий результат палестинской прогулки, был замечен, отмечен, выдвинут... А Вессель, определенный ему в подчинение, был загнан другом-однокашником вновь на

Ближний Восток, уже как «лучший специалист по семитам». Хотя, бывая в Берлине, Вессель всегда получал у Эйхмана самый радушный прием, иногда они даже устраивали традиционные «студенческие» попойки. Наставляя Весселя, однокашник не боялся и пробалтывать тайное из тайного рейха. Зажиревший гитлеровский любимец, воздушный ас - Герман Геринг говорил: «Мне все равно, куда стрелять, лишь бы выстрелить...» У Геббельса в банках Буэнос-Айреса уже лежало около двух миллионов фунтов стерлингов... Зигмунд фон Лист, бывший полковой командир ефрейтора Шикльгрубера, ставшего впоследствии Гитлером, - стал фельдмаршалом, а по совместительству одним из богатейших коллекционеров мира, ставив в свое прусское поместье сокровища из Лувра... Даже аскетичный шеф СС Генрих Гиммлер, воспользовавшись сионистскими связями Эйхмана; подобравшего ему в Америке пройдоху-банкира Горстхета, с помощью этого еврейского маклера уложил в «Бэнк оф Америкэн» несколько миллионов долларов. А по пути прихватил дворянское поместье в Баварских Альпах для своей дочурки Пипы...

Сам Вессель вслух об этом боялся говорить даже наедине с собой. Но выводы делал. И вот сейчас он, лучше, чем кто бы то ни было даже в штабе Роммеля, знал, какие богатства сулит рейху (и ему лично) эта операция в Африке. Знал и с вожделением поглядывал на туземца, которого приручал. Такие влиятельные здесь у арабов шейхи могли открыть путь к «аладдиновым» пещерам, путь к власти денег..

Сейчас колонна из Триполи двигалась к югу, в ставку Африканского корпуса генерала Роммеля. Это была одна из немногих, прорвавшихся из итальянской Бизерты в порт Триполи, колонн, доставляемых кораблями действующим войскам на север Африки. Большинство грузов, техники, войск успешно отправлялось англо-американской авиацией на дно Средиземного моря.

Шукра осознавал, что присутствие в маршеевых ротах, в колонне его «патрона» Весселя и командированных офицеров разведки и контрразведки могло означать только одно: авбер и СД, обеспокоенные успехами разведорганов Британии (УСО) и США (ОСС), пытались перехватить инициативу у противников непосредственно на поле боя, в войсках Роммеля..

- Герр Вессель, - голос Шукры оторвал «пропагандиста» от навязчивых дум о карьере, - скоро будет становище Аль-Нигар, там есть колодцы, можно передохнуть водителям, заправиться водой. Следующий переход будет проще.

До Тобрука, где базировался штаб генерала Роммеля, оставалось не меньше двухсот километров прибрежных дорог спекшейся глины плато. Октябрьские дни в Ливии не предвещали дождливой погоды, потому транспорт, по выщербленным колесами машин дорогам, шел по плато споро.

В становище Аль-Нигар стояло до десятка бедуинских палаток. Хозяева их из племени «рахиме» проводили у колодцев большую часть времени. Пока солдаты вермахта ставили для офицеров презентовые навесы, носили воду, разжигали таблетками сухого метилового спирта очажки, чтобы приготовить кофе и разогреть консервированный обед, Шукра ушел к бедуинам.

В ближайшем же шатре он застал старейшину рода «рахиме» - подслеповатого старика, чье лицо было испещрено многими шрамами, иссечено песками. После взаимных приветствий старик потребовал от Шукры предъявить ему для опознания подвеску из «небесного камня». Долго елозил по амулету власти своими темными сухими ладошками, бережно уложил его за отворот рубахи, надетой на Шукре:

- Почтеннейший, повинуюсь воле старейшин-аребе, готов служить вам. Можете распоряжаться подчиненными мне «рахиме», мы исполним вашу волю!

- старик поклонился с достоинством молодому предводителю, замер, готовый выслушать Шукру.

- Скажите, вождь, не было ли в последнее время у вас в становище других гостей, «хамсинов»? - Шукра сдвинулся внутрь шатра, присел на кошму, прикрывавшую землю.

- Был и есть, достойный, - заторопился угодить гостю старик, - он уже два дня ожидает ваш караван.

- Зовите его! - Шукра в волнении привстал с кошмы, невольно делая рукой отсылающий жест в направлении выхода их шатра.

- Уже послал за ним, - хитро прищурив подслеповатые глазки, отвечал ему вождь. - Мои люди давно уже заметили ваш караван. А когда вы говорили у очага с неверными, ваш человек определил, что вы именно тот, кого он дожидался, гости у «крайхим»...

Вскоре «хамсин»-аскер сидел на корточках перед Шукрой, тихо докладывал ему о своей поездке в Дамаск, выпрашивал из складок на галабие послание...

«ХАМСИНУ» ОТ «СТРАННИКА».

В район вашего действия направлена группа коммандос. Задача - уничтожение «Лиса пустыни» в его логове. Начало операции - 5 ноября. Ваша задача - с началом действий коммандос поддержать их нападением ваших воинов на комплекс штабных зданий в Тобруке. Желательно: уничтожение корпусного центра связи, пленение известных вам прикомандированных из Берлина. Отход на Мерса-Матрух не позднее полуночи б ноября, когда начнется основная операция. Пароль для связи с нашими контратакующими отделами: «Мы из Каира. Наш дом в Замахеке».

Крепи вас Бог! Удачи».

«КЛИНОК» - ЦЕНТРУ.

На запрос о состоянии и боеспособности Африканского корпуса сообщают информацию заслуживающего доверия источника из Триполи. Она соответствует моим наблюдениям и данным их полевого штаба корпуса. К осени этого года под коммандованием Роммеля находится около 90 тысяч итало-немецких солдат. Главная ударная сила корпуса - танки, однако из 540 машин более половины старого образца, вышедшие в ремонт по два и более раза. 1219 полевых орудий и ПТО. 350 боевых самолетов и 76 «транспортников».

Все это почти в три раза меньше боевого потенциала союзников на севере Африки и на Ближнем Востоке. Несмотря на это, боевой дух в частях вермахта очень высок. Немецкий корпус выгодно отличает высокий профессионализм каждого солдата, их большой боевой опыт, стаж «работы» в условия пустыни в любое время года. В штабе Роммеля абсолютно уверены, что в случае реальной помощи техникой, авиацией и живой силой из Германии, корпус, возобновив наступательные действия, способен внести коренной перелом в ход всей военной кампании. Союзники могут не выдержать, и за немцами останутся не только Северная Африка, Египет, но и большая часть Средиземноморья.

Следуя же логике действий представителей центральных аппаратов СД, аввера и ОКВ, досаждающих Роммеля, ему следует обходиться только имеющимися в его распоряжении силами и вооружением. Ставкой Гитлера перед войсками вермахта поставлена задача нового блицкрига на юге России. Итальянские высшие чины штабов в Триполи подтвердили, что на состоявшейся встрече Гитлера с Муссолини первый уверял дуче, что готовится небывалый прорыв из России к Иранской равнине. А с захватом Кавказа клещи вермахта «сомкнутся над всей Британской империей».

Полученная информация продублирована на «Остров». От «Странника» получены новый приказ на ведение активных боевых действий в тылах Африканского корпуса во взаимодействии с десантированными сюда коммандос и инструкции на ближайшие месяцы. Следуя приказу с «Острова», так как в данных обстоятельствах: нахождение моего отряда на территории активных боестолкновений, оторванность от каирских явок и связи в Сирии; внедрение в штабные структуры корпуса и доступом к особо ценной, первичной информации, - все это заставляет некоторое время работать в режиме автономного поиска.

В связи с возрастающей опасностью провала или гибели перехожу на вариант связи «Б-4» в кодированном виде.

*Надеюсь на личную встречу после победы. Будьте живы. Крепко жму ваши руки.
«КЛИНОК».*

На импровизированном очаге, разведенном солдатами из спиртовых таблеток, в котелке булькало подобие традиционного немецкого «зуппе»: клейкая масса из сухого картофеля и горохового концентратса с добавлением тушеной свинины. За раскладным дюралевым столиком расположились «прикомандированные» и начальник конвоя - майор Бергендорф. Майор рассказывал о своей службе в корпусе недавно получившего звание фельдмаршала Роммеля. Рассказывал увлеченно и несколько развязно, как и полагается боевому офицеру в полевых условиях да еще, очевидно, принявшему в пути шнапса.

-...они думали, что генерал-лейтенант Бернард Монтгомери провидец, что нам не удалось взять Эль-Аламейн потому, что он сумел создать там концентрированную оборону. А фельдмаршал одним броском танкового полка пережал им глотку у Джело, где они минировали приличный кусок пустыни. Наш штаб постоянно вел радиоигру с англичанами. И в результате - эти придурки решили, что мы ведем разминирование участка и закапывали танки в песок, создавая мощные огневые точки...

Бергендорф черпнул ложкой «зуппе», поднес к губам, причмокнул, обжигаясь, зашипел сквозь зубы. Вессель кивком головы указал Шукре на место возле столика. Заметив, как поморщился Otto Шульце, пропагандист из канцелярии Геббельса усмехнулся. Его «коллегам» было невдомек, что этот смуглый, в арабской одежде человек - их проводник и переводчик - был представителем местной племенной элиты. И, как конфиденциально рассказали Весселю ливийские аристократы из трипольского руководства, - Шукра был определен ими вожди нарождающейся мусульманской армии воинов Аллаха, ведущих свой джихад на пустынных просторах арабского побережья Африки, - был наделен практически неограниченными полномочиями. И с этим нельзя было не считаться. Себе же в заслугу Вессель ставил удачную вербовку молодого вождя, переход его на сторону именно немцев. И это было выгодно как вермахту, увязшему в африканских песках танками Роммеля, так и представителям разведки и министерства пропаганды.

О вербовке Шукры и, приятии им идей рейха, Вессель уже сообщил в Берлин. Потому, приближая к себе этого араба, доверяя ему и выказывая равное отношение к Шукре, - разведчик и пропагандист пытался убить сразу двух зайцев.

Майор Бергендорф, прочавкав, свинтил колпачок с обшитой лосиной шкурой фляги, длительно глотнул, прикрыв глаза, прислушался, как струйка шнапса, обжигая, протянулась по пищеводу к желудку, встряхнулся и продолжил свой рассказ, вперив полуписьмовый взгляд в полковника Рейхарда Гелена:

- Британцы вместе с отрядом янки клюнули на наше вранье в эфире. И, когда мы ночью скрытно вывели танки из-под Джело, рванулись в атаку на бывшие

свои, ими же минированные укрепления. Их мотопехота скатилась с гребня прямо в долину и вся, слышите, господа, вся - вляпалась в мины! Грохот, вой, пожарища - все это было ужасно... Мало того, поскольку они не успели сообщить своим об этом, в штабе у Монтгомери решили, что завязался встречный бой. А так как у британцев почти не было тяжелой бронетехники в передовых частях, их артиллерия получила приказ обработать рубеж, дабы раздолбать снарядами наш полк, якобы рвущийся на оперативный простор. Так они и добили из пушек собственные батальоны, гибнущие на минных полях. А наш корпус спокойно прошел сторонкой и вонзился во фланг Монтгомери. Нет, господа, фельдмаршал - истинно великий стратег, воин и настоящий хитрец. Нам всем здесь жаль станет, если фюрер захочет использовать его талант на Восточном фронте, где дела идут из рук вон плохо...

Майор осекся, взглянув на Шукру, сообразив, что сказал лишнего при этом арабском парне. Глен, сидевший рядом с ним, успокаивающее коснулся ладонью плеча Бергендорфа:

- Все в порядке, майор. У нас нет секретов от шейха. Он наш единомышленник, да и в звании, думаю, если бы они присваивались здесь местной знатью, Альхессы уже был бы генералом...

«Однако, - подумал Вессель, - Рейхард не так прост. Он уже в курсе закулисных игр в Триполи, а может быть, и не только ливийских... Явно пытается стянуть одеяло, сотканное нами - СС - на абверовское тело адмирала Канариса! Нужно будет более подробно поработать с этим «шайхом», подкинуть ему информации правдивой, но с запашком приключенческим, цветастым. Арабы это любят...»

Покидая Аль-Нигар уже вдвоем с Весселем в одной машине (Глен, Шульце и Бергендорф решили ехать вместе, прикладываясь к фляге майора и, забавляясь хитрыми боевыми операциями Роммеля, в которых Бергендорф участвовал не раз, и умело рассказывал о победах над «глупым» противником), - Шукра видел через боковое стекло «Оппеля», как из шатра, где он встречался с вождем местного племени, выскользнул его аскер, и заспешил, заскользил с песчаного гребня в обратную колонне немцев сторону. Там ждали его муджахеды, которым предстояло доставить письма Шукры по назначению...

Степанов

«Добейтесь доверия вождя и удерживайте его доверие. Укрепляйте, если можете, престиж вождя перед другими за свой счет. Никогда не отказывайтесь и не разбивайте тех планов, которые он может предложить. Всегда одобряйте их, а похвалив, изменяйте мало-помалу, заставляя самого вождя вносить предложения до тех пор, пока они не будут совпадать с вашим собственным мнением...»

Хотя бедуина трудно заставить что-либо делать, им легко руководить, если только у вас хватит терпения. Чем будет менее заметно ваше вмешательство, тем больше будет ваше влияние. Бедуины будут с охотой следовать вашему совету, но они не предполагают, что вы или кто-нибудь другой об этом знает...

Маскировка не рекомендуется... В то же время, если вы, находясь среди арабов, сумеете носить их одеяния, вы приобретете такое доверие и дружбу, какие в военной форме вам никогда не удастся приобрести. Однако это и трудно и опасно. Поскольку вы одеваетесь как арабы, они не будут делать для вас никаких исключений. Говорите о ваших убеждениях что угодно, но избегайте критиковать их взгляды. Весь секрет обхождения с арабами заключается в непрерывном их изучении. Изучайте характеры арабов, их вкусы и слабости и держите все, что вы обнаружите, при себе. Ваш успех будет пропорционален количеству затраченной вами на это умственной энергии.

Из лекции Томаса Эдварда Лоуренса, полковника британской разведки, руководителя Арабского бюро Интеллиджанс-сервис, перед спецкурсом в г.Блэчи.

«Явный поворот в войне означился осенью и зимой 1942/1943 года, но, однако, не только на Востоке, но еще определенное - в Северной Африке. Там 7 ноября высадились союзники, и их успехи в последующие месяцы принудили державы оси к обороне.

Капитан первого ранга, доктор Г.Фостмайер. «Сталинград. Анализ и документы битвы». 1974г.»

ИЗ АНАЛИТИЧЕСКОЙ СПРАВКИ НА ВЫСШЕЕ КОМАНДОВАНИЕ ВЕРМАХТА. АРХИВ ГРУ.

«Эрвин Роммель. Выходец из семьи служащих... Участник первой мировой войны... Показал себя инициативным, храбрым офицером. Карьерист в лучшем смысле этого слова. Кавалер высшего ордена кайзеровской Германии. Крест за мужество и героизм до конца своих дней носил на шее, не снимая. Особые заслуги Роммеля заключаются в его успешной операции против отступавших итальянских войск... После войны - командир особого егерского батальона. Некоторые времена преподавал тактику в пехотном училище. В вермахте особо отличают его труд «Пехота атакует». С 1933 года член НСДАП. Начальник охраны отрядов гитлеровцев в Нюрнберге, где проводились нацистские съезды. Затем представитель вермахта в «Гитлерюгенде». Преподаватель военных дисциплин. С 1936 года - начальник личной охраны Адольфа Гитлера, который доверял Роммеля всецело, ибо тот не был выходцем из военной, семейной аристократии, не занимал в армии «потомственного места в полку», не был отягощен привычками и традициями юнкерской клики. Прусские и баварские бароны презирали Роммеля, считая его высокочкой, неучем и любмичком фюрера.

Роммель лично сопровождал Гитлера во всех поездках по стране и на фронтах (Чехословакия). В 1939 году был назначен комендантом личного железнодорожного штабного состава Гитлера, получил звание генерала (Польша)...

Танковая дивизия Роммеля отличилась при оккупации Франции... В 1941 году он, - командующий «Африканским корпусом». За год получает звания: генерал-лейтенант, фельдмаршал, - с переподчинением ему итальянских частей маршала Грациане, в т.ч. отборную танковую дивизию «Апете» («Таран»). В начале 1942 года в результате наступлений войск Роммеля совместная немецко-итальянская группировка передвинулась в Северной Африке на 600 километров, овладев морскими портами в Средиземноморье (Бенгази, Киренаики) и имела реальные шансы, отбросив противника, прорваться к нефтяным районам Месопотамии, затем - на Кавказ. Лишь благодаря высококвалифицированной работе разведок Англии и США (см. архивное дело «Операция «Ультра» 1942-1944 гг. Ф-2МВ, дело 16/32, раздел «Спецхранение»), по дешифровке переговоров и переписке противника, и проведению дезинформационных операций, командованию английских войск удалось предотвратить прорыв корпуса Роммеля на фронте 8-й армии, что стало еще одним тяжелым поражением немцев во Второй мировой войне...

28 ноября 1942 года Роммель лично докладывал Гитлеру о своем поражении (60 тыс. убитых и раненых, потеряно 300 танков и 400 орудий). Фельдмаршал до марта 1943 года так и не сумел восстановить положение на африканском театре военных действий и реабилитироваться как военачальник. 16 марта смещен Гитлером со своего поста. В мае остатки его корпуса попали в плен.

Анализ ситуации, проведенный спецгруппой 2 Управления ГРУ, дает повод к «реабилитации фельдмаршала Роммеля»:

<...> с лета 1942 года практически 100% грузов, направлявшихся на усиление корпуса Роммеля, оказались потопленными флотами и авиацией союзников в Средиземном море;

- в тылу войск фельдмаршала были сосредоточены значительные силы объединенных диверсионных групп союзников («коммандос», десантная бригада Эйзенхауэра (110 тыс.

человек), объединенные удары сосредоточенных в Африке французских войсковых группировок адмирала Дарлана (вишистское правительство) и генерала де Голля (движение сопротивления «Свободная Франция»);

<...> приоритет главного штаба вермахта и ставки Гитлера были устремлены на театр военных действий в СССР, в связи с чем, несмотря на неоднократные обещания лично Гитлера в бесперебойном снабжении «африканцев» Роммеля горючим, боеприпасами, живой силой и новейшими образцами бронетанковой техники («Тигры», «Пантеры»), к началу наступления союзников - 23 октября - запасов топлива на складах ТСМ корпуса было всего на три дня, передвижные ремонтные подразделения не могли полноценно восстанавливать технику как подбитую в боях, так и быстро выходившую из строя вследствие эксплуатации в условиях пустыни, где почти не производилось замены солдатского и офицерского состава передовых частей, практически не выходивших из боев;

<...> контрмероприятия, проводимые спецгруппой «Ультра», поставлявшей объединенному командованию союзников расшифровку всех немецких донесений, приказов, переговоров, а также радиоигру с противником, применение эффективных методов дезинформации штаба Роммеля, позволяли Черчиллю узнавать о планах немцев раньше, чем самому Гитлеру, опережать вермахт и Роммеля в принятии решений... Обращаем внимание на особо эффективные методы ведения разведорганами союзников психологической, пропагандистской обработки, как противника, так и населения оккупированных стран (радио «Би-би-си», «Свободная Франция», «Честь и родина», агентурная работа спецгрупп ОСС и «Интеллиджанс-сервис», а также ПГУ НКВД, ГРУ);

- как дестабилизирующий фактор на этом фоне, может быть отмечена и работа на оккупированных территориях отрядов муджахедов из местной оппозиции немцам, решающей свои задачи по клановой и национально-территориальной независимости от чьего-либо влияния (освободительная борьба в Египте, Трансиордании, Палестине, Ираке, Ливии, Алжире, Марокко, Сирии, Тунисе, Мавритании - странах Maghrib, Месопотамии, Полиэзии и Киренаики).

<...> с начала 1944 года Э.Роммель назначен на пост командующего группой армий «Б» во Франции, т.е. практически на острие немецкого противостояния открытию союзниками второго фронта. Чем объяснить его возвращение из почти годичного небытия (в резерве ставки) вновь на самый ответственный участок фронта? Полученные документы свидетельствуют о том, что «ореол Роммеля» как талантливого военачальника перед Гитлером пытались в это время развенчать почти все представители военной элиты Германии.

ФРИДРИХ ПАУЛЮС, ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ, ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА ВЕРМАХТА:

«Две недели инспектирования «Африканского корпуса» - это ужас. Роммель ходит, окруженный толпой журналистов и фотокорреспондентов, постоянно нарушая указания верховного командования, бравируя этим...

Генерал-лейтенант Роммель, по моему убеждению, не обладает широким военным кругозором, при этом разрабатывает и самостоятельно осуществляет наступательные операции, большие напоминающие аферы... Роммель - не дорош до задач, которые стоят перед ним. Он - швабский тугодум...»

КРЮВЕЛЛ, ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ, ПОСЛЕ РОММЕЛЯ КОМАНДОВАВШИЙ «АФРИКАНСКИМ КОРПУСОМ»:

«Он разбойник и счастливчик одновременно...»

КИРХХЕЙМ, ГЕНЕРАЛ, ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ОКВ В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ:
«Что касается Роммеля, то я придерживаюсь такой точки зрения: его репутацию создала пропаганда, которую сначала вел Геббельс, а затем Монтгомери...»

ГАЛЬДЕР, ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК, НАЧАЛЬНИК ГЕНШТАБА ВЕРМАХТА:
«Характерные ошибки Роммеля показывают его как весьма неприятного человека, с которым никто не хочет конфликтовать из-за его грубости и из-за того, что ему покровительствуют сверху... Он явно не соответствовал задачам, которые ставили перед ним, требованиям командования...»

М.ХЕЙБЕР, БИОГРАФ МИНИСТРА ПРОПАГАНДЫ Й.ГЕББЕЛЬСА, ПОЛИТОЛОГ:
«Геббельс систематически поднимал Роммеля, делал его символом победы в пустыне...»

Однако в деле фельдмаршала Роммеля, видимо, возобладала другая точка зрения на его полководческие таланты и верность долгу и фюреру.

АДОЛЬФ ГИТЛЕР:
«Англичане делают Роммелю небывалую рекламу, так как, хваля его, им легче объяснить своему народу причины поражения... Прислушайтесь к тому, что о нем говорит Черчиль в палате общин, хотя бы из тактических соображений. Роммель в его исполнении изображается генералом с гениальными способностями».

ФЕЛЬДМАРШАЛ ОКИНЛЕК, КОМАНДУЮЩИЙ БРИТАНСКИМИ ВОЙСКАМИ В АФРИКЕ:

«Мы слишком много говорим о Роммеле, в результате создается реальная опасность, что наши войска станут его бояться. Как бы он ни был способен, Роммель совсем не сверхчеловек».

ПЕРЕД САМЫМ СРАЖЕНИЕМ ПОД ЭЛЬ-АЛАМЕЙНОМ ГЕББЕЛЬС, ПЕРЕГОВОРИВШИЙ ПО ПРЯМОЙ СВЯЗИ С РОММЕЛЕМ, ТУТ ЖЕ НА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ В БЕРЛИНЕ ЗАЯВИЛ:

«Сегодня мы находимся в сотне километров от Каира и Александрии. В наших руках ворота в Египет, и мы собираемся действовать! Я верю в воинский гений Эрвина Роммеля...»

ПРИЛОЖЕНИЕ к аналитической справке. Гриф «сов. Секретно». Выдается только по требованию зам. начальника ГРУ.

«Выходы, носящие характер оценок развед潜能ала противника, сделанные аналитиками Управления, указывают на то, что частично в провале немецкой военной кампании на Севере Африки в конце 1942-начале 1943 годов виноваты разведслужбы гитлеровской Германии.

Как ни парадоксально, но именно в войсках Роммеля (а не в Берлине или на советско-германском фронте) обострилось противостояние сразу трех разведуправлений Германии: СД, абвера и «пропагандистов» Геббельса-Риббентропа.

Шестое управление: внешняя СД (разведка за границей). Штат - до 500 сотрудников. Структура - восемь групп. Орган партии (НСДАП). Потенциал: до 5000 агентов. В Северной Африке пересекалась деятельность VI группы - (Франция), VIB-2 группы - (Испания и Португалия), VIIД группы - (зона американского влияния) и - непосредственно VIB-3 (Северная Африка). С начала 1941 года и по май 1945 года руководитель СД - Вальтер Шелленберг (спецхран ГРУ, личное дело Шелленберга. Документы VII-B-группы 7 Управления РСХА).

«Пропагандисты». З Управление РСХА (с подчинением внутренней СД - оперативная разведслужба). В подчинении министерств пропаганды и иностранных дел Германии находились прикрепленные к их службам специалисты групп III-В и III-С Управления (общее руководство осуществлялось группенфюрером СС Отто Олендорфом. См.: спецхран ГРУ, личное дело Олендорфа. Документы УН-В-группы 7 Управления РСХА).

Абвер (Управление разведки и диверсионной работы генштаба вермахта). Высокопрофессиональное и строго конспирированное ведомство, организованное капитаном I ранга Конрадом Патцигом. Система отделов и служб. Нашего интереса заслуживают II отдел (полковник Эрвин Лахузен) - «аусланд», агентурная сеть и III - отдел спецопераций (с 1942 года - полковник Рейхард Гелен).

С 1934 года начальник абвера - адмирал Вильгельм Канарис - мастер агентурно-диверсионного дела (агентурные документы на имена: Лазаря Захариадиса (грек), Реда Розаса (аргентинец), Отто Зелигера и Герхарда Вольмана (немец), Мойши Мейербера (еврей), Георга де Винда (голландец) и др.) Данные на Канариса, Лахузена, Гелена - спецхран ГРУ, раздел «Абвер» - БНД.

С июля 1939 года представители этих трех разведорганов начали соперничество за «поле деятельности» на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Вследствие чего руководство ОКВ, ставка и РСХА получали совершенно разноречивую информацию как о противнике, так и о состоянии дел в итalo-немецкой группировке, непосредственно на территориях оккупированных стран, в верхах формирующихся национально-освободительных движений.

В Северной Африке столкнулись интересы и карьерные устремления «полевого» руководства разведорганов Германии: генерала Франца фон Бентивени (РСХА), абвера - полковника Рейхарда Гелена, референта Министерства пропаганды Хайнца Весселя, сотрудников итальянской военной разведки генерала Роатта, резидентуры абвера под руководством доктора Пауля Леверкона, разведуправления штаба «Африканского корпуса» - полковника Густава Рена. (Данные на импреков - спецхран ГРУ). <...>

<...> особо отмечается, что как с руководством «полевых разведорганов», так и с армейскими разведками итальянцев и немецких «африканцев» успешно осуществлялась контригра Ми-б и американских спецслужб из ОСС и Джси-2. К примеру, в 1946 году абверовца - майора Михаэля, - с 1943 года бывшего заместителем начальника управления иностранных армий (Запад) полковника Рена, службы ГРУ в американском секторе Германии засекли в форме американского военного при штабе Эйзенхауэра (разработка ст. лейтенанта А.Гарипова)...

В этом свете интересна и роль самого фельдмаршала Роммеля. В ноябре 1942 года у берегов Испании люфтваaffe был сбит самолет с английским курьером, везшим в штаб Монтгомери секретное письмо с изложением плана операции «Торч» (Архив военно-стратегических мероприятий МО СССР). Чуть позже, секретарь из объединенного штаба вооруженных сил Британии, прямо на улице Лондона потерял секретное донесение с данными по операции «Торч» (Спецхран ГРУ. Фонд оперативных мероприятий за рубежами СССР. «Операция «Выемка». Разработка резидентуры ГРУ в Англии). <...>

В декабре того же года в штаб генерала де Голля неким арабом, жителем деревни Бамия, были доставлены карты с нанесенными диспозициями войск в Северной Африке, якобы упавшие с проезжающего армейского грузовика...

Все эти факты легли в основу «Доктрины военной кампании Африканского корпуса Роммеля» на период зимы 1942-го - весны 1943-го годов. Фельдмаршал, ссылаясь на данные своей разведки, докладывал в ставку, что войска союзников никаких операций в районе Ливии-Туниса-Алжира до марта не будут проводить...

Результат: 8-я армия англичан выбила войска Роммеля из Эль-Аламейна. Его корпус был прижат под Габесом между озерами, соляными болотами и безлюдной

каменистой пустыней. А сам фельдмаршал, якобы пришел к выводу о необходимости оставить Ливию и держать оборону в... Тунисе, где уже началась полномасштабная высадка североамериканских войск и активизация французских соединений.

С своими «планами» Роммель САМОЛИЧНО, бросив войска, выехал к Гитлеру, уговаривая его, что сопротивление в Северной Африке для немцев... «абсурдно». Но фюрер дал понять фавориту, что ни он, ни Муссолини никогда не отдаст приказа к отступлению. После этой поездки активность Роммеля, как военачальника, резко пошла на убыль. Словно фортуна и виктория оставили «Лиса пустыни»...

Еще задолго до своего провала был зафиксирован случай с Роммелем, когда он во время победоносного и нашумевшего танкового рейда из Тобрука к египетской границе неожиданно покинул расположение штаба, улетев ЛИЧНО на разведывательном самолете. Двое суток никто не знал, где находится фельдмаршал. В результате в его войсках началась паника и они отступили. <...>

6 июня 1944 года начинается десантирование союзников в Нормандии. А 4 июня, выехав из своего штаба на машине, опять внезапно - до 7 июня - исчезает командующий немецкой группой армий «Б» во Франции фельдмаршал Роммель. Позднее историки оправдают этот поступок « сентиментальностью » настоящего немецкого семьянина Роммеля. Он-де хотел отвезти в подарок своей супруге на день рождения пару туфель...

Однако факты говорят об ином:

командующий 7 армией в том же день проводил штабные учения с высшими чинами вверенных ему дивизий, но почему-то в очень отдаленном от побережья городке;

командир танковой дивизии, прикрывавшей побережье, убыл за развлечениями в Париж;

командующий западными военно-морскими силами уехал на отдых в Бордо;

в отпуска, на охоту были отправлены старшие офицеры оперативных управлений и разведорганов штаба группы армий «Б»;

поварскую попойку в штабе, в ночь с 5 на 6 июня, устроил оставшийся за Роммеля его начальник штаба генерал Шпейдель...

...И вновь у Роммеля на руках в этот период были разведданные, представленные в его штаб... начальником управления иностранных армий (Запад) абвера полковником Реном...

20 июля был раскрыт заговор генералов против Гитлера. Шли повальные аресты в высших эшелонах вермахта. Среди заговорщиков арестован генерал Шпейдель и еще ряд старших офицеров штабов армий группы «Б». Ими же процитированы слова Эрвина Роммеля: «Если Гитлер не образумится, тогда я открою западный фронт, ибо превыше всего сейчас - англичане и американцы должны вступить в Берлин раньше russких». Заговорщики также разъясняли, что Роммель должен стать послевоенным канцлером Германии...

14 октября, дома, Роммель - старшим адъютантом Гитлера - было предложено самоубийство, похороны с воинскими почестями или - суд, казнь, расправа над семьей. Роммель мужественно принял яд из рук посланца фюрера.

...17 июля, когда Роммель был тяжело ранен и выбыл из строя, в МИ-б было отдано сверхсекретное задание оперативной группе «коммандос» из 5 профессионалов категории «А» спецподготовки: «Похитить, вывезти из Франции и доставить в Британию фельдмаршала Роммеля!»

Месяц спецгруппа вела охоту на командующего, отслеживала его передвижения по госпиталям, но задание выполнить не смогла. (Спецхран ГРУ. Особая папка спецопераций категории «А». МИ-б) <...>

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО. ОСОБАЯ ЧАСТЬ.

Подлежит ознакомлению только с письменного приказа начальника ГРУ. «Спецхран». ОВР и РАР.

«...Ноябрь 1942 года. МИ-б подготовлена спецгруппа «коммандос», категория «A». Район действий: Тобрук-Мерса-Матрух. Базовый лагерь в Корнуолле. <...>

Два взвода парашютно-десантной бригады специального назначения. Особая подготовка для ведения действий в глубоком тылу на территории противника. Место дислокации - Шеффилд, район пригородной резиденции архиепископа Саутуэркского. <...>

Отряд специального назначения «Хамсин». Место дислокации - Ливия. Особая подготовка в местных условиях. Принадлежность - последователи арабского мятежника и националиста «Шейха Омара». (Спецхран РАР ГРУ. Особый фонд ограниченного доступа. Разработка операции «Клинок». Изъятию и уничтожению не подлежит). <...>

Первая из спецопераций по похищению или уничтожению Роммеля. Условное название: «Лис пустыни». Проведена с 1 по 18 ноября 1942 года. Результат - отрицательный. При проведении операции уничтожены два взвода парашютно-десантной бригады, отряд «Хамсин», 9 «коммандос». Двое «коммандос» взяты в плен, вывезены авверовцами в Германию. Так казнены. Трое - без вести пропавших. <...>

...ВЫВОД ПЯТЫЙ:

наиболее вероятен и такой вариант, как вербовка Роммеля американской OSS, в комплексе с вариантом «психологического влияния» (см. вывод третий). В послевоенных разработках аналитиков из ЦРУ встречаются «недоговоренности» в период действия в Северной Африке представителя госдепартамента США в Алжире, посланника и офицера службы разведки госдепартамента США Роберта Д. Мэрфи. В том числе, его тайная миссия 21 октября 1942 года на отдаленную виллу у Средиземноморского побережья в 90 милях западнее Алжира, в которой принимали участие представители генерала Эйзенхауэра и адмирал Дарлан. В этом участке зафиксировано и появление подводной лодки неизвестной принадлежности... Именно в эти же сроки происходили самовольные отлучки фельдмаршала Роммеля и полковника Рена на несколько суток. <...>»

Кабинет заместителя начальника Разведуправления Генштаба РККА, корпусного комиссара Григория Салнина был плотно зашторен тяжелыми зелеными занавесями из драпа по трем стенам. На двух из них были оконные проемы. На третьей стене - секретная карта, занимавшая пространство от стены до стены и от потолка до пола. Карта мира, с нанесенными на нее рельефом местности, транспортными и водными путями, мелкими населенными пунктами и спецобозначениями, принятыми в агентурной работе военных разведчиков...

- Проходите, товарищ Аннаклычев, - Салнин встал из-за своего стола, шагнул навстречу Шукре, крепко пожал его руку, жестом показал на стул возле приставного столика. - Рад вас видеть в бодром настроении. Я пригласил вас на беседу по просьбе «Старика» - Петериса Яновича Берзина - начальника Разведуправа. Самого его нет сейчас в Москве, но он очень хотел бы с вами встретиться перед вашей командировкой...

Салнин прошел на свое место перед занавешенной картой, «угнездился» перед письменным столом. Вместе с краскомом к приставному столику шагнул и сел напротив широкоплечий человек среднего роста, светловолосый, в гражданском костюме. Шукре, последние три года вживавшемуся в форму командира РККА, было непривычно видеть в кабинете корпусного комиссара штатского человека.

- Знакомьтесь! - Салнин протянул обе руки к вошедшим: - Шихберды

Аннаклычев, выпускник спецкурса Разведупра. Игнатий Степанович Степанов - наш сотрудник и ваш будущий куратор.

Аннаклычев и Степанов пожали друг другу руки, пытливо обменявшись взглядами.

- Вам предстоит еще не одна встреча, отработка взаимодействий, тогда и узнаете друг друга поближе, надеюсь, подружитесь и успеете наговориться. - Комиссар открыл ящик стола, достал оттуда папку с документами. - А сейчас я хотел бы уточнить некоторые моменты, возникшие в ходе вашей подготовки, товарищ Аннаклычев. Просто пополнить информацию о вас, вашей будущей работе...

Итак. Вы прошли специальную разведподготовку в школе Интеллиджанс-сервис. Первым вашим заданием было: вернуться в Советскую Россию к отцу, с его помощью внедриться на работу в НКИД, вести сбор информации, ее обработку и передачу связному из Лондона. Так?

- Так точно! - привстал со своего места краском, - если не считать некоторых уточняющих деталей...

- Да не вытягивайтесь передо мной, товарищ краском, кстати, как вас мама-то зовет?.. Шукра... - улыбнулся в усы Салнин, - да сидите вы - у нас строевое чинопочитание не принято. Эк, в вас крепко засела легендированная военная выправка... Товарищ Степанов, мне кажется, здесь есть еще над чем поработать, складить что ли его показное офицерство. Как бы нам не переиграть с этим.

- Подрабатываем, Григорий Иванович, - серьезно отвечал ему Степанов, делая пометку карандашом в блокноте, лежавшем перед ним.

- Далее, - Салнин открыл папку, листнул бумаги в ней, - так оно и произошло. Но... здесь, примите мои соболезнования, - умирает ваш отец. А вас самого совершенно неожиданно призывают в РККА и отправляют на курсы краскомов в Омскую пехотную школу. Хотя, нужно уточнить, для вас - неожиданно... А нам было любопытно посмотреть на ваши дальнейшие действия.

И, надо признать, они нам понравились. Когда работник особого отдела училища доложил о вашей с ним беседе, мы даже были несколько обескуражены вашей искренностью и откровенностью. Вы прошли соответствующую проверку. Успешно окончили курсы краскомов и убыли к месту дальнейшей своей «службы». Вы уже побывали там, с местностью и людьми знакомились?

- Был, товарищ корпусной комиссар, - Шукра вновь дернулся, чтобы привстать со стула. Ему не часто еще приходилось видеть перед собой командиров такого высокого ранга. - Пardon... Я думаю, это была очень умная разработка. Отдаленный гарнизон за Котласом. Мое назначение туда производителем работ. Ведь в нашей школе я прослушал спецкурс по военно-строительному и саперному делу, получил нашивки с «топором и лопатой». А под Котласом та отдельная саперная рота, в которую меня направили, ничего кроме насыпной дороги не строила... Моя же задача: мосты через речушки да гати через болота, разработка примитивных их проектов, ничего сверхсекретного не носила...

- Да-да. Так и было задумано. Петерис Янович считал, что в этом качестве вы будете почти недоступны вашему английскому руководству...

- Прошу прощения, товарищ замначразведупра, - Шукра слегка порозовел щеками оттого, что прервал на полуфразе Салнина, - кто это - Петерис Янович?

Салнин, откинувшись широкой спиной, обтянутой габардиновой гимнастеркой, на спинку «развесистого» стула искренне похвастывал:

- Это вы меня простите! Я же автоматически, по привычке, именую товарища Берзина его настоящим именем. Наш начальник Разведупра - человек с почти легендарной биографией! У него этих псевдоимен да кличек - полным-полно. А

я по привычке называю его настоящим именем отчеством. Для вас он - Ян Карлович Берзин. Главный руководитель и личный куратор в вашей командировке. Агентурная кличка - «Старик». Именно он лично курировал вашу разработку легендирования, подготовку. А мне поручено проконтролировать внедрение и отработать достоверную схему вашего выхода из задания, полученного в Лондоне. Ваше алиби, иными словами.

Прошу любить и жаловать - я заместитель начальника разведупра Генштаба РККА по агентурной работе. Кличка - «Иезуит» - ваш покорный слуга...

- Пока мы будем с вами, Шукра, детализировать конкретное перевнедрение к англичанам, вам придется еще кое-чему подучиться. - Степанов, улыбаясь смотрел на краскома, уже в общих чертах представляя, какого рода беседа, занятие и практическая подготовка предстоят этому красавцу восточного типа, в так ладно сидевшей на нем форме краскома...

Шел второй час беседы в кабинете Салнина. Его альютант уже дважды заносил тарелки с бутербродами, менял заварной чайник, подогревал кипяток. Шла детальная «сшивка» достоверного человека с конкретными установками на его легенду «по жизни».

- Итак, в последний раз, когда к вам в Котлас заезжал связной, он в полной уверенности действительного передал вам письмо от вашего папеньки Родофиникова-Аннаклычева, у которого побывал в его кабинете на Кузнецком мосту. - Салнин, склонясь к лежащей перед ним папке, еще раз сверился, что это соответствует задокументированным сведениям. - Мы не зря до сего времени держали в секрете факт кончины вашего отца. Вы, Шукра, уже профессиональный разведчик. И, надеюсь, простите нам эту, не совсем этичную, мистификацию. В нашей работе приходится иногда использовать самые неожиданные вещи, а это, чаще всего, спасает жизнь очень нужным людям... Считайте, что ваш отец все еще продолжает прикрывать вас от провала. Но... Вместо него в кабинете референта наркома по персидским проблемам сидит наш человек. Вернее, видел до сегодняшнего дня. Именно сегодня в НКИДе будет официально объявлено, что ваш отец скоропостижно скончался. Вы объявитесь в поле зрения ваших коллег из посольства Великобритании дня через два-три. Резко и основательно ставьте вопрос о вашем отзыве из России: здесь - личная трагедия. Бесперспективность инженерно-саперного бытия в неперспективном стратегически месте. Ваша угнетенность положением в РККА Советской России, никчемностью и равнодушием родителя, главное - бесплодное прозябанье профессионала. Желательно ненавязчиво подсказать бы вашим кураторам и такой вариант, что вы, по мусульманскому обычаю, обязаны в этот трудный час поддержать мать, быть с родственниками, поститься и очищаться духовно перед Аллахом, так? - уловив утвердительный кивок Шукры, комиссар продолжил. - Но здесь не пережимайте! У вашего начальства должна как бы самостоятельно возникнуть мысль о переводе вас на Ближний Восток, туда, где у их агента есть перспектива, местные, немалые возможности, поддержка. Где не ослабевают, а наоборот - умножаются их усилия и возможности влияния. Вот это как раз и есть основная часть вашего задания. Вы нам нужны среди своих - в Сирии, Египте, Ливии, Трансиордании.

Напутствуя разведчика, Григорий Салнин внутренне поражался уму, профессионализму и предвидению, которыми обладал его друг и начальник Берзин. Человек без систематического классического образования, член партийной боевки, истерзанный ранами, допросами и побоями в охранке, тюрьмами и каторгами, он, с приходом к власти большевиков - его соратников,

сразу вырос до масштабов государственного, политического и военного деятеля. Привнес в порученное ему дело всю свою природную энергию и интеллект, приобретенное умение. Жестко поставив все это на службу революции, народу.

Вот и в случае с этим парнем Петерис просто и гениально засек появление необычного человека в доме сотрудника НКИДа. И, воспользовавшись ситуацией, провел блестящую, молниеносную комбинацию под носом у агентов Интеллидженс-сервис, словно заранее предвидя, что парень-то окажется стоящим, талантливым, верным и полезным именно на том направлении, куда его сейчас готовят...

Почти месяц ушел у Шукры и Степанова на «притирку». За это время Аннаклычев сумел через ГУК Наркомата военных дел уволиться из кадров, сдал квартиру отца, распродал его вещи, передал Наркомату инодел отцовскую библиотеку, заодно испросив себе право покинуть Россию для воссоединения с матерью и ее семьей. Как и предусматривали Берзин с Салниным, руководство Интеллидженс-сервис еще и повысило Шукру в звании до капитана за работу в тылу войск вероятного противника, решило использовать одного из учеников полковника Лоуренса на театре военных действий и интересов почти всех европейских стран и САШС - в арабском мире на четвертом континенте и в Средиземноморье.

Отработка деталей операции внедрения, основного задания и средств связи у подружившихся молодых людей шла в доме на набережной Москвы-реки. Здесь, еще в квартире отца, занимаемой им до отъезда, а также в соседней по лестничной площадке квартире, где временно обитал Степанов, превратив ее в настоящий учебный центр. Разведчиков сближало не только предстоящее общее дело, возможно, на долгие годы, но и многие совпадения в их судьбах. Шукра откровенно, в деталях, сопреживая вновь, рассказывал Игнатию об отце и матери, о жизни в Тегеране, нелегком воинском обучении в Лондоне, о семье деда, его поместье под Дамаском...

Степанов, словно перекликаясь с ним, вспоминал свое детство в бакинских переулочках, добрососедстве интернациональном. Потом свою боевую юность в эскадронах второй Конармии. Первое задание на вывоз из Турции и Греции белогвардейцев и эмигрантов, желавших вернуться на родину. Агентурную работу в группе бывшего члена реввоенсовета армии, личного друга М.Фрунзе и чекиста Константина Макошина, свой приход в Разведупр РККА к Берзину...

- Ты, Шукра, главное помни всегда - я рядом. Я с тобой. За нами - мощь и весь ум нашей партии, армии. А люди это, я тебе скажу, - ого-го, какие головастые, толковые, но и простые. Не кичливые, - Степанов ерошил свою светлую буйную шевелюру, возбужденно ходил по комнате, стараясь передать свое убеждение и свои ощущения Шукре. - А знаешь, наша с тобой работа мне очень напоминает атаку: сначала все бурно, на вздохе! Потом захлебываешься своим криком, и голова начинает думать - как бы уцелеть! А когда видишь, что штыковой бой неотвратим, здесь уж, брат, все по расчету выверено - на победу...

ИЗ ДОКЛАДА КУРСАНТА ШАННАКЛЫЧЕВА НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРА ГЕНШТАБА РККА:

«Обычно английские секретные службы набирают своих агентов среди офицеров, интеллигенции, студентов, бизнесменов, маклеров, провинциальных служащих. Для их подготовки используются как стационарные разведшколы, военные колледжи, так и передвижные «полевые» курсы, располагающиеся в сельской местности. Между

офицерами военной разведки всегда были разногласия по кастовому признаку. Соперничество, зависть, вражда. Все это пытаются сгладить, особенно на территории противника, неограниченными ассигнованиями. Деньги, свободный доступ к фондам, как бы сглаживают различия между «лордами от разведки и парижами»... Я был в числе последних. Да еще и «нечист» кровью.

УРОКИ И. СТЕПАНОВА:

«Никогда не обряжайся. Накладные усы, там - борода, парик - все это глупость. Будь самим собой, так легче прожить не напрягаясь. Наша разведка - не трюки циркачей или приключения. Прежде всего - это напряженный труд, воля и выдержка, мозговитость. Передумай своего соперника - и он побежден!

Никогда не жалей денег. Легче купить какие-то сведения, чем рисковать из-за них своей и нашими головами. Но не забывай - угроза провала всегда реальна - работа наша самая опасная...

Я понимаю, для тебя родной дом, родина - там, где мама, родичи... Но здесь, в России, жил и похоронен твой отец, - русский по духу человек. Да, у нас пока многоего нет. У нас и голодно, и голо. Но в тебе постоянно должно быть чувство, что Россия - это и твой дом, твоя родина. Мы все здесь твоя семья, Шукра. В любой момент, как бы плохо тебе ни было, Советская Россия тебя прикроет, вытащит, привлекает. И еще, - знаешь, в Англии есть пословица: «Все равно это моя страна. В любом случае - права она или нет, она - это я»? Помни об этом всегда. Увидишь, будет легче».

«КЛИНОК» - ЦЕНТРУ.

Оказывается, я - шеих. Я - наследник рода и традиций Аль-Хесси. «Гордон» получил благословение на работу. Приступаю к выполнению основного задания. До встречи».

Телохранитель поневоле

Генералы Василевский и Бодин, которые пришли на доклад к «Хозяину» с начальником ГРУ генерал-майором Алексеем Панфиловым и, приехавший чуть позже, нарком НКГБ Всеволод Меркулов, - напряженно ждали, что скажет Сталин на только что произнесенные слова главного военного разведчика о готовящемся немцами покушении на жизнь советского партийного и военного лидера...

Сталин не приглашал генералов к столу. Не разрешил им садиться. У стола сидел лишь, нахолившись, словно ворон в непогодь, сверкая исподлобья пенсне, Лаврентий Берия. Сталин молчал. Его левая рука, лежавшая поверх стопочки документов, мелко подрагивала. Взгляда из-под набухших пухлой синевой век не было видно. И это было странно, словно пустые глазницы слепца вперились в генералов. Сталин не отключался от происходившего у него в кабинете. Сталин не впадал в забытье, как это показалось Меркулову. Сталин думал. Вспоминал. И Сталин боялся, что эти вот бравые молодцы высоких чинов, сумевшие добить этот кровавый план-замысел немцев, вовсе не так всемогущи на своей территории от Смоленска и до Владивостока. От Мурманска и до Тифлиса... Боялся, что бесноватый Адольф и его хитромудрый, как корабельная крыса, грек-недоносок в адмиральских погонах прорвут заслоны его, сталинских, чекистов. Подстерегут. Подорвут...

Сталин боялся смерти, как таковой, бродившей за кремлевскими стенами, и - бесславного конца. Кто это еще сможет удерживать невероятным напряжением мозга, интеллекта, жесткими руками - Сталин быстро взглянул на подрагивающую кисть левой руки и поморщился - страну? Им выстроенную систему. Режим. Этот затаившийся народ. Ну - не Лаврентий же! Или этот, обделывавшийся от

одного сталинского взгляда, старый козлобородый «всесоюзный староста»? И уж точно - не эти мальчики в мундирах, которых он словно шахматы на доске двигал и убирал, задумывая новые комбинации...

Лаврэнтий... Сталин вновь поморщился. Да, это он - Лаврэнтий - был тогда, два с половиной года назад в его кабинете, когда речь шла о разведработе в Африке.

Нет, этот похотливый, не умеющий весело пьянеть в застолье, мастер дел заплечных и сборщик сплетен на всех и вся, которого чуть было не обвинили в предательстве большевики Абхазии, - не может быть никем, кроме как... Берий при нем - Кобе! Да, именно Берия и его бериевцы, понял вдруг Сталин, и только они смогут выловить, обезвредить гитлеровского убийцу. Будет Сталин - будет и всемогущий... пока... Берия. Они, как близнецы, повязанные обстоятельствами, делами, историей, как пуповиной, и только вместе могут сохранить себя еще несколько лет.

И, найдя эту мысль, в клубке других, терзавших в это утро мозг, Сталин успокоился. Встал. Подошел к Берии. Тот тревожно, преданно вскинул на «Хозяина» взгляд из-под пенсне. Сталин положил свою левую, уже не трясущуюся руку Лаврентию Павловичу на плечо. Чуть сжал плечо. Чуть потрепал, успокаивая.

- Надэ-ж-ны ли полученные вами сведения? Атвельтэ вы, гэнзрал Панфилов...

Как всегда в минуты глубокого душевного волнения он говорил с очень сильным акцентом, иногда даже забывая простые и нужные русские слова, которые любил и умел, в другое время, даже стихослагать.

Панфилов выставил на левой руке перед собой папку из кожзаменителя, открыл ее, но, не взглянув, «поедая» взглядом только «Хозяина», докладывал, судорожно сплатывая холодную слону, оросившую его рот:

- Источник этой информации, товарищ Верховный Главнокомандующий, совершенно надежен. Вот уже тринадцать лет он осуществляет агентурную работу. Срок для нелегалов почти критический. Но у него подлинное и глубокое внедрение в высшие сферы арабского мира. За это время вся его информация была очень точной, полезной, своевременной. Данное сообщение о Вашем... о... на Вас... Виноват, товарищ, Верховный Главнокомандующий, о замыслах немцев, получена от специального эмиссара адмирала Канариса в Северной Африке - полковника Гелена, кстати, он только что назначен заместителем начальника абвера. Кроме того, мы перепроверили все это еще раз. Наши люди, непосредственно работающие в районе подготовки террористов, подтвердили их существование. Уже ведется дальнейший поиск и наблюдение.

Панфилов, уловив жест Сталина, чуть приподнял папку, покоившуюся на согнутой в локте руке, и зачитал текст:

«КЛИНОК», ЦЕНТРУ.

Приступил к работе при штабе африканской войсковой группировки вермахта. В связи с особенностями внедрения, прошу связь вести по варианту «Б-4» в кодированном поле.

Получил от «Странника» указание на проведение операции по изъятию либо уничтожению командующего, <...>

Одновременно в районе Тобрук-Мерса-Матрух будут по аналогичному плану действовать спецгруппы с Острова. Прошу подтвердить полномочия на самостоятельные действия и принятие решений по обстановке.

СРОЧНО. СВЕРХВАЖНО.

Представителем абвера со специальными полномочиями <Г...> произведена моя

вербовка. Назначен координатором немецкой военной разведки среди местной знати. <Г...> в личной беседе попытался сформировать мое мировоззрение в духе преданности идеям фюрера, их военно-политической доктрины о постзвоенном мировом пространстве. Закрепляя успех, облек меня особым доверием, <Г...> рассказал о структуре абвера, успехах некоторых его подразделений на территории противников Германии.

Полагаю, особого внимания заслуживает следующее: в районе Пруссии действует сверхсекретное учебно-разведывательное и террористическое подразделение абвера - «бюро Валли». Руководитель - личный друг <Г...> и начальника абвера - фрегаттенкапитан Целлариус. Среди 130 военно-разведывательных, диверсионных и контрразведывательных органов 60 школ по подготовке агентов абвера на советско-германском фронте; это наиболее оснащенное, успешно работающее, элитное подразделение. Подчинение - лично <К...>. Там действуют такие люди из русской эмиграции, как бывший адъютант генерала Юденича, племянник Врангеля, известный разведчик барон Шмальшлегер.

Несколько месяцев назад там началась подготовка агентов особого назначения (мужчина и женщина) по программе и под непосредственным контролем полковника Скорцени.

Задача: по подлинным документам внедриться в Москву;

владея в совершенстве миниатюрным оружием особой убойной силы, произвести теракт в отношении тов. Сталина; деятельность всей агентурной сети абвера в Москве и вокруг нее ориентируется на эту операцию - прием террористов, разведка места действия, график движения объекта, обеспечение прикрытия, вывод агентов из зоны действия, обеспечение операции перехода на немецкую сторону.

ИЗВЕСТИНО:

Точно известно, что подготовка шла в г. Рига. Осваивается оружие типа «базуки» - ручной «танцер-кнакке» (снаряд 30 мм., кумулятивного свойства, пробивает броню в 40 мм с расстояния в 300 м). Акт намечен на годовщину революции в России. Документы прикрытия задействованы из военной контрразведки. Заброска будет осуществлена воздухом специальным самолетом типа «Арадо-332-у».

ПРЕДПОЛАГАЮ:

Это не первая тергруппа с подобным заданием. По ее образцу готовится несколько дублеров с поправками на обстоятельства. В данном направлении работает, очевидно, «Абверкоманда-204» под Ленинградом.

Прошу особое внимание обратить на эту информацию. Авторитет тов. Сталина в Англии, США, Африке и в самой Германии высок настолько, что только с его именем связывают успешное сопротивление немецким войскам, верят в него.

Желаю всем нам победы.

До встречи, дядя Степан, твой <...>.

Сталин жадно вслушивался в каждое слово донесения агента. К нему после прочтения последних строк вернулась взволнованность. Скрывая это, он обернулся к Берии:

- Слушай, Лаврэнтий, похоже, это донесение от того же человека, о котором нам рассказывали генералы Голиков и Михеев весной сорокового года!

Сталин озадаченно помотал головой, вспоминая что-то. Вновь, проигнорировав генералов, заговорил с Берией, уже доброжелательно поглядывая, как тот тяжело приподнимает обрюзгшее тело, выпрямывается из-за стола:

- Помни, ты, Лаврэнтий Павлович, тогда обещал нам, что мы получим достоверные данные с театра военных действий англо-американских войск против

итало-немецких в Средиземноморье, на севере Африки, в странах Магриб? Я не ошибаюсь?

Берия, сняв пенсне, нервно протирал его шелковым платком, повернулся всем телом к Сталину, склонив голову, вслушиваясь в речь «Хозяина».

«Как же, - думал этот умудренный в разведработе и контрмероприятиях мастер, - ты ошибешься! Один раз вошедшая в твою рябую башку блажь уже ничем оттуда не вышибаема... И эти марионетки в галифе - словно воды в рот набрали, - Берия зыркнул исподлобья на молчавших, вытянувшихся перед Сталиным генералов. - А уж Сева Меркулов доволен-то - в итоге ему же ловить немецких придурков с огнеметами. Ему и докладывать «Хозяину» о спасении сиятельной жизни... А ведь на его месте должен был бы быть это педераст Витюша Абакумов - дело-то затевается «смершевское». Но слаб Витюша не только на попку, но и в коленках - вот и не взяли его с собой генштабистские попугаи, побрезговали! А я еще хотел его с Севой лбами стукнуть... Забыл - не забыл, в этой чертовой чехарде с чекистами мне только о кобовской ромашке помнить! Это у него башка, как энциклопедия, все нужным и ненужным дерзмом напичкана, всепомнит... Хотя без его башки и - моей на плечах не удержаться...».

Сталин терпеливо ждал, когда Берия вплюснет пенсне в переносицу, откроет заглубленный ниточкой меж пухлых щек рот с синеватыми губами. Дождался.

- Это товарищ Сталин может себе позволить помнить все, - Лаврентий Павлович начал разговор вслух именно со своей последней мысли, полагая, что она и есть главное, чего хочется сейчас услышать «Хозяину», - мы - клерки, решаем задачи дня сегодняшнего, локально. Нам помнить все бывшее даже вредно. Отвлекает от главного в данный момент... Но я вспомнил тот день и Ваши указания - как и на что нам ориентировать этого ценного агента, товарищ Сталин! Считаю, его информация сегодня заслуживает первостепенного внимания всех правоохранительных органов и сил безопасности. Потому удивлен, что на докладе товарищу Сталину отсутствует ключевой кадр из этих систем - начальник Главного управления военной разведки - «Смерш» Абакумов. Или вы, товарищи генералы от Генштаба и разведок, сами, своими силами думаете вычислить вражескую агентурную сеть в Москве и прифронтовой зоне, повязать террористов?

Слушая Берию, Сталин еще более осознавал, насколько ловок в таком вот диалоге Лаврентий, насколько он дополняет ЕГО - Сталина, нужен ЕМУ, полезен пока...

- Считаю, - Иосиф Виссарионович качнул указательным пальцем правой руки в сторону Василевского, - товарищ Берия прав по существу. У вас в Генштабе и на фронте дел невпроворот, и какие-то террористы, которые пусть и угрожают здоровью и самой жизни товарища Сталина, не стоят отвлечения от дел начальников такого масштаба, как вы. Товарищ Сталин за свою жизнь видел столько угроз, нападений, сам занимался эксами, что еще одна попытка, пусть и хорошо подготовленная, не сможет выбрать из рабочей колеи товарища Сталина. Да.

Лаврентий Павлович, тэбе нужно возглавить межведомственную комиссию по выяснению всех деталей готовящейся в Москве провокации врага. А НКГБ, ГРУ и «Смершу», под твоим руководством, предстоит координировать все дэйстия, вплоть до поимки агентов-террористов... Приказ об этом товарищ Поскребышев заготовил уже сегодня.

Тэперь, генерал, - Сталин перевел палец с Василевского на Панфилова, - я хочу сказать, что вы, напуганные предстоящим покушением на товарища Сталина, успели с этой, на ваш взгляд очень ценной информацией ко мне. Похвально,

- ми тэперь знаем и мэсто нахождения, и мэтоды работы строго законспирированных гнезд абвера. Знаем вдохновителей этих акций. Можем анализировать их действия, опрежать их, противостоять им.

Но, как же получилось, гэнерал Панфилов, что вы упустили самое главное в донэсении нашего агента? - Сталин ссутуился, прошаркал мимо Берии к своему креслу, тяжело опустился в него и вдруг заговорил жестко, почти непозволительно даже ему в этой компании военачальников. - Начальник Гэнерального штаба всей Советской Армии, ее мозг; главный опэраторник этого штаба и его мозг; начальники двух мощнейших в мире разведок - военной и зарубежной, славные стражи нашей безопасности; - вы что же, были ослеплены этой информацией, что дурно попахивает приключэнским романом, чтобы не заметить главного?!

Сталин любил вникать в работу разведки, считая и себя большим мастером политической интриги. Особенно его радовало, грело душу, когда он умел схватывать налету, вычленить суть предполагаемой «головоломки». Оказаться масштабнее в оценках, чем специалисты разведдела:

- Товарищ Сталин за вас, гэнералов и асов разведки, делает виводы... А они таковы - наш агент вошел в доверие к высшим чинам абвера. Ему довэрят очень секретную информацию, видимо, планируя ввести его в подобную же операцию, на таком же уровне. Так? А если это так, то, может быть, вы подскажете мне, нэспециалисту в вашем деле, - где, когда, против кого и зачём абвер готовит подобную пакость, что им оч-чэнь подошел наш товарищ? И вот тогда мы уже заранее и реально сможем предотвратить их операцию. Или... вовремя предупредить, предостеречь, скажем, лорда Черчилля, а?

Сталин довольно посматривал на обескураженные лица его слушателей - на пунцового Панфилова и бледного Меркулова. И только Берия, казалось, оставался безучастным и спокойным. Он никак не отделял себя от Сталина. Его ум - от своего. Его гнев... - от гнева всей партии большевиков.

Вождь, вдоволь насладившись растерянностью генералов, уже мягче, почти по-отечески, вопросил:

- Сколко, говорите вы, лет уже верно и очень полэзно работает наш товарищ в Африке? Кажэться, почти пятнадцать? А по национальности он, по-моему, туркмэн?

Здесь уже не выдержал и Берия. Он резко повернулся к Сталину и смотрел на того с редким для Лаврентия Павловича чувством - страхом. И обожанием. Господи, - прошло почти три года, а он помнит даже такую деталь давнего разговора! Он что, - и вправду гений?!

- Я думаю, Лаврэнтий Павлович, - Сталин уловил и его ужас, и смятение, и теперь явно насмехался над ним - Берией! - такой взрый нам, способный и мужественный человек, разведчик заслуживает и соответствующей награды?

Берия, поняв, что уже и за него все решено Сталиным, и его ответ ничего не изменит, только молча склонил голову.

- Какое звание у нашего разведчика, - обратился Сталин к Панфилову.

- Подполковник, товарищ Верховный Главнокомандующий, - отрапортовал начальник ГРУ.

- А есть ли среди ваших подчиненных, товарищ Панфилов, туркмэны? - Сталин хитровато прищурился и, не дозволяя ответить начальнику ГРУ, сам же продолжил, - Много ли их? А сколько среди туркмэнов - разведчиков генералов? А из них, - работающих нэлегально в Африке? Или есть кто-то еще, водящий дружбу и заслуживающий доверия у заместителей начальника абвера? Я думаю, на большинство вопросов вы, генерал, ответите мне отрицательно. А отрицать

блестящие заслуги очень способного человека, тем более в дальней разведке, будет совсэм неверно! Не по-нашemu. Не по-партийному.

Начальник Генерального штаба, пишите представление на нового генерала ГРУ! А начальник Разведура пусть заготовит наградные документы на высший орден СССР - орден Ленина.

«Ах, Коба, ах - актер, нет, не актер - режиссер, талант! - восхищенно думал о своем патроне Берия. Он отлично понимал, что теперь с него, ответственного за поимку убийц, Сталин три шкуры сдерет! Донесение-то стало сверхдостоверным: и писал его теперь уже восхваленный САМИМ генерал, кавалер ордена Ленина... - Так что, - размышлял далее Берия, - даже если у этого греческого адмирала-макаки сорвется его сраный «экс», на «Хозяина» надо будет выпускать своих умельцев, - от Витьки Абакумова, - а потом брать их с поличным, в грохоте, но... холодненькими. Тогда только Коба поверит, что я сделал все. И... даже больше».

«ИЗ СВОДНОГО ОТЧЕТА ГУК «СМЕРШ» ДЛЯ ЧЛЕНА ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП (б), ЧЛЕНА СТАВКИ ВГК, ПРЕДСЕДАТЕЛЯ МЕЖВЕДОМСТВЕННОЙ КОМИССИИ ПО БОРЬБЕ С ПОЛИТИЧЕСКИМ ТЕРРОРИЗМОМ НА ТЕРРИТОРИИ СССР ТОВ. БЕРИИ Л.П.

«В период с декабря 1941 года по январь 1945 года сотрудниками ГУК были выявлены и обезврежены 16 вражеских групп, имевших задание на исполнение террористических актов против руководителей партии, Советского государства, военачальников. В большинстве своем все они готовились органами военной разведки вермахта (абвер). Благодаря своевременно полученной информации, офицерам оперативного состава «Смерши» удалось не только определить основные места дислокации этих террористических центров как на временно оккупированной немецко-фашистскими войсками территории, так и на территориях сопредельных с СССР стран Европы, - но и внедрить в некоторые центры нашу агентуру. Эффективно предотвращать заброс вражеских спецгрупп, срывать планы абвера.

Особо отмечается интенсивная работа в данном направлении специальных абвер-команд на Западном и Северо-западном направлениях: а/к-104, а/з-112 (Псков), а/з-326, зондерлагерь 22 (Тарту и Вильянди), р-д/ш в Кейла-Юа, Кумна, Лется (район Таллина), разведцентр «Цеппелин-Норд» (г.Рига). На этом направлении были зафиксированы забросы в наш тыл группы Политова-Шиловой <...> Фангер-Краулиня <...> Раковой <...>, около 30 агентов добровольно явились с повинной в органы «Смерши».

На направлении действия вражеской группировки «Север» немцами умело противостояли военные чекисты Балтфлота, 42-й, 67-й, 2-й Ударной советских армий. Поощрения заслуживают службы контрразведки под руководством: Соснихина П., Алова А., Маркова Д., Чугунова В., Кононенко Д.

...В полосе действий войск Волховского фронта контрразведкой были задержаны подготовленные в р-д/ш Стренчи (Латвия) немецко-фашистские агенты Краченко <...>, Щетников <...>, Мокий <...> - в период июня 1942 - июня 1943 годов. Задание - покушение на ленинградских руководителей т.т. Кузнецова, Жданова, Щербакова <...>.

...Спецотрядом «Смерши» (руководитель - подполковник, а с 1943 г. - генерал-майор Кравченко Н.), предотвращена попытка покушения на глав союзных держав и вождя СССР тов. Сталина И.В. В ходе оперативных мероприятий разгромлена вендеренная в Иран разветвленная сеть немецко-фашистской агентуры, уничтожены спецотряды террористов О.Скорчени.

<...> в мае 1944 года на территории Северо-Кавказского военного округа была принята к радиоигре и дезинформации противника группа резидента Шеллера <...>, обезвреженная ростовским «Смершем». По «наведенному мосту» чекисты вынудили

руководство а/г-103 десантировать в районе п. Яшкуль (Калмыцкая АССР) отряд специального назначения, сформированный из немецких офицеров, завербованных агентом поляков, украинцев, грузин, эстонцев, русских - зондерфюрером Вербой (доктор Долль). Агентами было задумано - под прикрытием высаженных с самолетов «калмыцких спецотрядов доктора Долля» (10 групп по 25 человек) обеспечить проход в центральную часть Российской территории СССР террористов <...> с задачей покушения на тов. Сталина И.В.

В выполнении задачи кроме оперативного состава «Смерша» СКВО были задействованы офицеры Батайского авиаучилища (подполковник Казанский Т.), кавалерийский эскадрон (командир - Васильков И.), отряд погранохраны (майора Ильина А.) в ночном бою было уничтожено большинство диверсантов и два «фокке-бульфа» со снаряжением, прилетевших из Берлина. Группа террористов Огdonova <...> была взята в плен.

В местечке Летсе (Эстония) в составе 150 курсантов р/ш-17 готовились к покушению на высших партийных руководителей в Москве три автономные группы (в следствии наступления советских войск группы перебазированы в разведцентр агента «Норд-Поль» под Кенигсбергом). Зимой 1945 года контрразведкой 2-го Прибалтийского фронта была перехвачена и ликвидирована одна из групп Каспера Хансе <...>, вторая группа (14 человек) под руководством бывшего белогвардейца Л. Матизена была блокирована в районе острова Хиума сотрудниками «Смерша» КБФ. Террористы: Нури, Солонг, Кольдре, Демин - взяты живыми. Цель группы - взорвать комплекс зданий на Старой площади в Москве <...>

Нач. ГУК «СМЕРШ» Абакумов».

ИЗ МАТЕРИАЛОВ СЛЕДСТВИЯ:

«В разведшколе мне присвоили кличку Карл... Нас стали обучать топографии, прыжкам с парашютом. Потом нас учили подделке паспортов, военных билетов, печатей, владению новейшим оружием, стрельбе в ночной темноте, различным приемам борьбы. Много времени отводили на отработку легенд. Я должен был рассказать, что якобы во время войны потерял родителей, жил у родственников с 1942 по 1947 год служил в Советской армии, работал на заводе. Проводились занятия по тайнотписи... Снабдили адресом конспиративной квартиры в Париже...»

Разведывательно-диверсионная группа состояла из 4 человек. Четырехмоторный «Дуглас» без опознавательных знаков благословили... на нарушение советского воздушного пространства. Приземлилась группа на опушке леса, близ деревни Клетище. По радио мы связались со штаб-квартирой диверсионной службы ФРГ, доложили о готовности выполнить задание по уничтожению Сталина... Выехали в Москву.

Командир диверсионной группы Виктор Борщевский». В. Кассис. «Из тайников секретных служб».

Ночь в полдень

«Мое указание - полный вперед!»

Ответ президента США Ф.Д.Рузвельта на вопрос конгрессмена Г.Гопкинса о судьбе операции «Болеро» и «Следжхаммер» по вторжению войск союзников в Северную Африку.

«Господин фельдмаршал, вы можете капитулировать, когда угодно. На то вы и фельдмаршал...»

А.Гитлер - Э.Роммелью после битвы под Эль-Аламейном.»

ИЗ ЛИЧНОГО И СЕКРЕТНОГО ПОСЛАНИЯ ОТ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА Г-НА УИНСТОНА ЧЕРЧИЛЛЯ Г-НУ СТАЛИНУ.

«...2. Строго секретно. Только для Вас лично. «Факел» развернется в самое ближайшее время в весьма значительном масштабе. Я понимаю, что политические трудности, по поводу которых Вы высказали беспокойство, разрешены удовлетворительно. Военная сторона операции развивается точно по плану.

Получено 5 ноября 1942 года».

«Я не был трусом, но не был и глупцом. Сознание вечной опасности отравляет разведчику все наиболее спокойные и радостные моменты его внешне благополучной жизни.

Не завидуйте разведчику, когда он надевает утром шелковый халат, днем садится за хорошо сервированный стол, а ночью идет в дорогой ресторан под руку с красивой женщиной. Помните: смерть всегда идет с ним в виде браунинга в кармане брюк или ампулы с ядом.

...Сладкие обещания не выполняются, благородные призывы оказываются обманом. Люди устали от несоответствия между тем, что пишется, и тем, что делается вокруг.

Наши люди хотят так мало - здравого смысла, честности и порядка. Хотят уважения к себе. Дождутся ли?»

Из записок разведчика ИНО ОГПУ Дмитрия Быстролетова, прошедшего после 16-летней работы нелегалом ад сталинских лагерей.

«По характеру своей деятельности мы встречались с Берзином несколько раз, всегда уходили от него заряженные его оптимизмом, сознанием важности выполняемого нами интернационального долга».

Б.Слонинер, бывший воин-интернационалист в республиканской армии Испании, директор Реактивного НИИ.

В деревне Атала, куда приехал по поручению Весселя Шукра, шло приготовление к закланию. В 20 метрах от берберской палатки находился очаг, на котором хозяйка с соседками готовили пищу. Мужчины быстро зарезали козу и сковористо сняли с нее шкуру. Из этого животного целиком они собирались готовить мешуи - самое роскошное блюдо у степняков. На круглом латунном подносе с поднятыми краями, выложенном «хлебом» или блинчиками из ячменной муки, в густом пряном соусе из фула плавали куски козьих потрохов, приготовленных в кипящем масле и куски мяса с костями, зажаренные на огне. Хозяин палатки - старейшина деревни - Абдалла (Раб Божий), извлекая косточки из фиников и фаршируя их шариками масла из козьего молока, готовил блюдо, которое он первым должен был подать Шукре на закуску.

На ковре у приподнятого палаточного полога полулежали кроме Шукры его воины, командиры сотен воинов Аллаха - Абдель-Кадер, Абдеррахман и Халед. Вот и пришла пора ставить им задачу на боевые действия. И воины Аллаха знали это. Они бесхитростно и буднично готовы были и на бой, и на смерть - высшую почесть мужчины-мусульманина, идущего на святое дело против неверных...

- Халед, помнишь нашу поездку в Испанию? - шейх бережно положил в рот фаршированный финик, прихлебнул кофе, зажмурился от удовольствия. - Помнишь, Халед, как марокканцы из сафийского корпуса берберской жандармерии, с которыми мы познакомились в Танжере на переправе, нас в Испании кус-кусом угощали? Я думаю, сегодня берберское угощение будет не хуже...

- Помню, господин, - отозвался Халед, который вот уже восемь лет сопровождает Шукру во всех поездках, которому командующий повстанческими отрядами сегодня доверял более, чем кому-либо еще, - тогда, в рощах под Эстремадурой мы двое суток ждали появления этого энглези, с которым Вы, господин, целую ночь разговаривали, не ели, не спали, а Халед стерег Ваш покой в окопе под апельсиновым деревом...

- Так ты, Халед, решил, что это был энглези? Почему? - искренне удивился Шукра.

- Очень уж он надменным был и не боевым совсем, да и немцев с франкистами опасался больше, чем мы, - Халед, сам не осознавая того, искренне и точно охарактеризовал человека, с которым встречался Шукра, вызванный шифровкой из центра в Испанию в разгар боев франкистов за овладение республиканской Валенсией...

Не генеральское это дело

Шукра и сам не ожидал тогда, что на встречу с ним под Эстремадурой придет главный военный советник народно-демократического правительства республиканской Испании - генерал Гришин. Он же - «Папус». Он же - «Старик». Он же - легендарный начальник ГРУ, армейский комиссар II ранга Ян Карлович Берзин. Противостоящий тогда силой всего его зарубежной агентуры, его «сынками», могущественной разведсети гитлеровцев под руководством генерала Шперле, командующего спецгруппой «Кондор»...

Тогда, осенью 36-го, майора Красной Армии и капитана британской разведки Шихберды Аннаклычева и Шукры Гордона особо поразило, что анализ его работы за 9 лет Берзин производил на память, не имея никаких записей, вникая и в суть деятельности разведчика, и в мельчайшие детали той или иной ситуации. Причем, разговор шел только на английском языке... Но особенно Шукру поразили слова начальника Разведупра советского Генштаба, сказанные ему - майору-нелегалу, которых в их системе работало тысячи, сказанные с абсолютной откровенностью:

- Очень важно вам, Шукра, помнить и знать, что бы ни происходило в СССР, какие бы ни совершались невероятнейшие события, - мне вы можете доверять всецело. Не станет меня - бой есть бой - доверяйтесь Салнику. Не будет моего друга и заместителя - верьте Степанову. Они - люди надежные. Настоящие профессионалы. Друзья. Они для вас за пределами Советского Союза - олицетворение нашей могучей страны рабочих и крестьян. Они - ваше прикрытие. Ваш дом. Ваше сердце...

Сегодня, готовя свои отряды воинов Аллаха к нелегкому бою в самом логове Роммеля, исполняя приказ руководства английской МИ-6, Шукра уже точно знал, что в советском разведупре уже нет больше Берзина. Но манера работы центра со своим агентом нимало не изменилась. Разведчик чутко ощущал уверенное ведение его по «полю» Салнимым и Степановым. Так близко и дружески, как он провел три месяца в Москве вместе с Игнатием, Шукра сошелся в своей новой жизни только с Халедом. Только Халеду мог он доверить руководство завтрашней операцией в штабе немецкого «Африканского корпуса».

- Халед, встречались ли наши люди с энглизами, которые стоят лагерем у Скалистого плато? - не дожидаясь праздничного обеда, шейх начал уточнять обстановку и детали завтрашнего боя. - Подготовили ли сенуситы-пастухи свое пастище для приема парашютистов?

- Их оста! (Да, хозяин), - приподнялся с места Абдель-Кадер - представитель боевой сотни сенуситов. - Вади пока еще очень суха, дождей не было. Земля покрыта только сухими травами, - это аэродром, оста, а не долина! Мои воины готовят костры к ночи, они же примут энглизов с неба и проводят их на место сбора...

- Таиб (хорошо), баша, ты хороший предводитель. Я верю, что завтра у твоего отряда получится все, что мы задумали.

Шейх строил свой план нападения на штаб немцев, исходя из рекомендаций тактического плана, который ему, почти не имевшему боевого опыта, пришлось перчерпнуть из книги американца Джеба Стюарта, знатока партизанских действий в тылу врага. Эти свои знания, ощущения он пытался передать командирам отрядов, строго спрашивая с них за выполнение задачи.

Оранжевое солнце вставало над Тобруком. Мимо окююченного лагеря немцев, без дороги, прямиком по песку по направлению к поселку Сахлян двигался караван друзов-кочевников. Солдаты на сторожевых постах с любопытством и некоторой брезгливостью смотрели на этих, словно усохших до худобы под палящим солнцем людей, в серых, давно нестиранных бурнусах. Одеждии, в котором для европейцев женщины мало отличны от мужчин. Замыкавший верблюжью колонну Абдеррахман даже не смотрел в сторону немцев. Пусть себе глазеют! Но им-то не выглядеть, что под бурнусами у его друзов спрятаны карабины, патронташи с боезапасом. Его задачей было - обойдя Сахлян, сосредоточить караван со стороны складов с горючим, которым немцы заправляли танки. А на закате - ударить по складам, отвлекая на себя караул и комендантские подразделения штаба в Тобруке...

Так оно и произошло. Зарево от горящих и подорванных цистерн поднялось высоко в небо, притягивая к складам все новые силы из состава пожарной части и охранных подразделений. Но и у дороги к Сахляну, и в районе складов друзья вели плотный огонь из карабинов и пулеметов, сковывая немцев.

Комплекс штабных зданий в Тобруке состоял большей частью не из стационарных строений, а палаток, огороженных «коючкой», стоянок автотранспорта и полевого аэродрома. Удар в районе аэродрома наносили парашютисты шеффилдской десантной бригады спецназа, выведенные в этот район после приземления пастухами Абдель-Кадера. Сам он с основными силами атаковал корпусной пункт связи немцев, но напоролся на расположение танковой разведроты и увяз в позиционном бою с профессионалами, которые все туже стягивали огненное кольцо вокруг пастушьей сотни.

Немецкие патрульные бронемашины с прожекторами умело высвечивали места прорыва арабских отрядов, обильно поливали их позиции пулеметным огнем.

Халеду удалось блокировать штабные палатки. Его воины как бы составили внешнее кольцо наступавших, обращенное огнем наружу. Они сдерживали рвущихся на выручку Роммеля головорезов из личной охраны фельдмаршала.

Шукра, по сути дела принявший на себя командование ударной группой английских «коммандос», вел их к домику, где отбивались работники оперативного отдела корпуса и подразделения авбвера. За этим строением, отсеченные забором, стояли две палатки, в одной из которых фельдмаршал жил, в другой - был его личный кабинет. Именно в жилой палатке и находился сейчас Роммель.

Крупнокалиберный танковый пулемет басисто садил очередями от забора. Кто-то из танкистов сумел перебросить его в этот район и умело «угнездить» у порожка фельдмаршальской палатки. Из двадцати великолепно подготовленных «коммандос», вооруженных короткоствольными автоматами, гранатами со свето-звуково-шокирующим устройством, девять уже лежали бездыханно на подступах к зданию оперативного отдела. Плотность огня немцев возрастила и из-за того, что охрана фельдмаршала была не только по противостоящим им воинам Халеда, но и поверх их голов, прижимая к земле «коммандос».

Все решил подоспевший уже в темноте батальон легких танков, подходивший по приказу начальника штаба корпуса генерала Штумме к Тобруку. Танкисты в подсветке прожекторов с патрульных бронемашин рванулись на позиции воинов Халеда, и вскоре стали слышны безумные крики арабов, попавших под гусеницы танков. У наступавших не было достаточного количества гранат, чтобы противостоять технике. Шукра дернулся за куртку командира «коммандос»:

- Выдвигайте своих людей туда! Нужно хоть как-то отвлечь танкистов, дать возможность моим людям поменять позиции, иначе нас всех вместе зажмут в бронеловушке!

Но англичанин и сам понимал, что они попали в сложное положение. Отдал приказ. Несколько его парней тенями скользнули в тыл группе. В это время удачным выстрелом из ручного гранатомета один из «коммандос» сбил пулемет перед палатками фельдмаршала. «Коммандос», не дожидаясь приказа старшего, кинулись со всех сторон к цели. Но... опоздали!

Фельдмаршал, внимательно наблюдавший за боем, понимал, что рано или поздно пулемет будет сбит, и послал к авбировцам, успешно отбивавшимся справа от его палаток, своего адъютанта с приказом: как только пулемет замолчит, - группа разведчиков должна атаковать наступающих с фланга. Дежурный офицер связи и водитель бронемашины фельдмаршала в тот же миг выстрелили над «коммандос» из ракетниц. Слепящие шары зависли уже за спинами англичан, открывая их позиции как при дневном свете.

Шукра еще слышал отчаянные вопли на английском языке рванувшихся и, попавших под плотный автоматный огонь «коммандос», ощутил всем телом приближение ревущих танков, утюживших метавшихся воинов Аллаха, когда рядом рванула противотанковая граната на длинной деревянной ручке, брошенная от палатки Роммеля. Земля дрогнула от взрыва, куда-то вбок метнулись в темном небе лучи прожекторов, и все провалилось в черноту и спасительную тишину.

Фельдмаршал, все еще разгоряченный боем, в расплахнутом мундире стоял в своей палатке у походного раскладного стола. Докладывал начальник охраны гауптман Розенталь:

- ...Экселенц, мы добивали остатки нападавших уже за территорией штаба. Пункт связи выведен из строя. Есть жертвы в оперативном отделе, среди интендантов, разведчиков. Два англичанина взяты живьем, один из нападавших в передовой группе, по одежде - из арабов, взят раненым. На базе в Сахляне дела хуже - пожарная команда пока не может ликвидировать огонь на складе с топливом. Комендантские части и взвод СС преследуют нападавших уже в пустыне. Там жертв больше. С обеих сторон...

- Значит, это специалисты по диверсионным акциям - хваленые британские «коммандос»? - Роммель, заметно нервничая, принялся застегивать китель, повернулся боком к гауптману. - Что ж, в таком случае пленных приказываю не брать! Арабов следует примерно наказать смертью за посягательство на жизнь командования вермахта. От «коммандос» толку мало. Эти профессионалы знают, на что идут. Они и так - смертники... Но, Розенталь, раз уж есть эти одушевленные трофеи, давайте их сюда, - хочу взглянуть лично на «отважных парней».

Оба лейтенанта из состава «коммандос» были изрядно помяты. Форма изорвана. Но держались они достойно. Даже перед самим фельдмаршалом, которого должны были быть в случае удачи уже волочь на взлетную полосу сунитской вади.

- Этот изорванный взрывом бедняга - тоже из вашей группы? - Роммель брезгливо указал на тело Шукры, залитое кровью, валявшееся у входа в палатку.

- Да, сэр, - один из «коммандос», повернувшись посмотрел на раненного шейха. - Он готовил операцию здесь на месте. И то, что мы попали под траки ваших «утюгов», зашедших с тыла, решивших дело, - его просчет. Нужно было на дороге в Тобрук предусмотреть засаду на такой вот случай... Прохлопал парень удачу!

Роммелю нравились эти спокойные парни. Они работали на совесть, профессионально и до конца. Так же спокойно ждали решения своей участи. Его решения. Фельдмаршала, за жизнью которого они пришли сюда, пытаясь его судьбой и участью решить и исход битвы на этом континенте.

- Британцев к медикам и подготовить к отправке в рейх! Может быть, службам гестапо удастся что-либо вышибить из них. Мне ни они, ни их знания не интересны.

- Роммель повернулся к лейтенантам: - Желаю вам выжить, господа офицеры. И в дальнейшем выказывать свою отвагу, а главное - честь не в таком подлом деле, а на поле боя. А покалеченного...

- Виноват, господин фельдмаршал, - из-за спин Розенталя и автоматчиков вперед выступил референт Хайнц Вессель, - этот раненый не простой террорист. Он - один из предводителей арабских племен на занятой нами территории. Отприск местной знати. А теперь, после признания британцев, думаю, что очень ценный агент из Интеллиджанс-сервис. К сожалению, с ним работал инспектор из абвера - полковник Гелен, который позавчера вылетел в Берлин по вызову адмирала Канариса... Видимо, он тоже ответит, уже в рейхе, за непредусмотрительность в работе с агентурой... Завтра мы с личным представителем рейхсминистра Гиммлера - штурмбанфюрером Шульце летим в Берлин. И, если вы, господин фельдмаршал, разрешите, то мы возьмем с собой этого раненного арабского шейха и агента. В РСХА сумеют с ним поработать, да и абверу будет интересен этот тип...

- Забирайте, если он вам нужен, - махнул рукой в сторону Шукры Роммель. - Только врачам его покажите, пусть подштопают пропырявленного шейха. Иначе будет вам приятная прогулка под небесами с трупом в фюзеляже... Вон как он кровью истекает!

Шукра пришел в сознание уже под руками немецкого хирурга. Несмотря на нестерпимую боль, он ясно осознавал, что провалил задание. И ему, видимо, предстоит новый этап в жизни, если она еще будет, эта дальнейшая жизнь...

Ни «Гордон-Клинок», ни его руководство в Лондоне и Москве не знали продолжения судьбы разведчика. Они даже не знали, что Шукра еще жив. Что он из немногих, кто пошли в эту ночь в Тобрук жив, и еще мог на что-то надеяться. Не знали до конца войны.

СПЕЦХРАНАРХИВА ГРУ.

Из «Личного дела» № 867/12 АНОУ.

<..> согласно собранной информации им были сделаны выводы, подкрепленные фактами и данными из заслуживающих доверия источников, следует: первый заместитель наркома иностранных дел СССР В.Потемкин в мае 1936 года имел неофициальную, тайную встречу (г.Каир) с видным еврейским деятелем Наумом Гальдманом. В беседе с ним первый зам. наркома высказал полную, личную симпатию и поддержку сионистскому движению на территории Трасиордании и в Палестине. Потемкин, давая оценку деятельности в этом вопросе руководства ВКП (б), лично тов. Сталина И.В., сожалел, что на тов. Сталина И.В. оказывают негативное влияние товарищи Каганович Л.М. и Мехлис Л.Д. (Последний до революции был членом

левосионистской партии Поалей-Цион), что оба эти советские партийные деятели отличаются враждебностью к сионистскому движению.

«Источник» сообщает также о встрече по данному вопросу В.Потемкина с полномочным послом СССР во Франции - тов. Богомоловым. Впоследствии посол перевел определенные средства из представительского фонда посольства СССР на счет еврейского ученого и общественного деятеля Г.Аронсона, известного своей антисоветской работой «Сионизм и сталинизм». Главная идея данной работы и бесед первого зам. наркома СССР состояла в том, что на современном историческом отрезке времени важно даже пожертвовать в борьбе с коммунизмом полумиллионом евреев в Палестине или содержавшимися в лагерях другим полумиллионом евреев, чтобы осуществить панмусульманский заговор против Советского Союза. Этую же идею разделяют и в Лондоне, - в связи с чем, «Источнику» поручено английской разведкой - проводить во влиятельных кругах арабской аристократии в Сирии, Египте, Марокко линию на замирение и сотрудничество с еврейскими организациями в трансиорданской Палестине.

<...> по итогам рассмотрения нашей информации принято радикальное решение Правительства СССР. С 1940 года В.Потемкин переведен на работу в Наркомпрос.

В 1937 году «Источнику» удалось установить тайную связь анархистского руководства (ПОУМ) с британской разведкой. Кроме того, эмиссары ПОУМ через посредничество агентов СИС, имели ряд встреч с германской агентурой на территории Марокко.

<...> вовремя принятые меры: на фронте под Арагоном был ликвидирован заговор и военный мятеж в дивизии ПОУМ, командование которой должно было открыть фронт франкистам. Гитлеровско-троцкисткий заговор был раскрыт и в руководстве ПОУМ, лидеры анархистов арестованы. Заговорщики рассчитывали и на помощь бывшего политика-либерала от Соцпартии Л.Кабальеро, чье правительство вынуждено было уйти в отставку. Но, вместо рвавшегося в власти предателя трудящихся масс Испании А.Нича из ПОУМ, Республиканское правительство возглавил тов. Х.Негрин, а военное руководство интербригадами передано тов. Андре Марти. <...>

Работа резидентуры.

Выполняя задание зам. начразведупра «Источнику» удалось почти невероятное: восстановить деятельность резидентской сети Генштаба Российской Империи, действовавшей на территории Египта до 1916 года. «Источник» принял под свое начало глубоко законспирированную и внедренную до революции группу из состава русской эмиграции, которую создавал и возглавил в 1885 году нелегал российской военной разведки - генерал В.С.Голенищев. Под видом ученого-египтолога он по август 1940 года активно работал над сбором разведданных в Средиземноморье. Агентурная сеть осведомителей генерала Голенищева после 1918 года была ориентирована на антисоветское военное командование русских кругов белой эмиграции. Имя Голенищева ученого-эпиграфика было хорошо известно и авторитетно в европейских кругах египтологов.

Операция по реанимации и активизации дореволюционной разведсети Голенищева - одна из самых блестящих и эффективных перевербовок ГРУ. «Источник» в 1941 году принял под свое начало 9 разведчиков-нелегалов, давших обязательство работать на ГРУ Генштаба РККА <...>

В марте 1941 года Источник и его группа были задействованы Управлением в операции «Цепная реакция», проводившейся совместно ГРУ и ПГУ НКВД СССР на территории Европы, США, Ближнего Востока. <...> Силами египетской резидентуры было осуществлено внедрение агента ГРУ в Манхэттенский инженерный округ, организацию, производившую ядерные изыскания на территории США по приказу президента Рузельта. Приказ: создать ядерное оружие. Благодаря сведениям из Египта, Манхэттена, Швейцарии (группа «Красная капелла» см. Дело №592/7 АНОУ) в

оборонной промышленности СССР начались практические разработки по ЯО <...>
В 1942 году «Источник» помогает бежать на сторону союзнических войск (английский сектор обороны под Эль-Аламейном) 240 советским военнопленным под командованием полковника Хлебникова. Используемые в войсках «Африканского корпуса» гитлеровцев в качестве механиков в ремастерских, советские танкисты, попавшие в плен на Восточном фронте (Украина), впоследствии были использованы в наступательных боях союзных войск в Северной Африке (т.н. танковый разведбат 4-й бригады бронетанкового корпуса 8-й армии генерала Окинека). В 1943 году резидентура «Источника» способствовала интернированию из Африки еще одного батальона из советских военнопленных, бежавших во время наступления союзных частей в Алжире из расположения противника. Батальон был принят советским командованием в Северном Иране, передан на территорию СССР (см. Архив КГБ СССР, раздел «Смерш», май-август 1943г. Внeterриториальные операции). <...>

...Дело закрыто в связи с выбытием из состава спецкадров ГРУ агента «Клинок».

Причина: гибель агента. Достоверность подтверждена спецкомиссией группы внутренних операций ГРУ.

Хранить вечно. 7 раздел Спецхрана ГРУ. 2.06.1946г.

Принято на постоянное хранение 10.09.1956г.

Глава V

«Найдется ли настолько дерзкий,
Чтоб богу смерти бросил вызов:
Попробуй жизнь мою похитить,
О, повелитель преисподней!»

«ПАНЧАТАНТРА».

Воздастся всем по их делам...

«Я сомневаюсь, что адмирал совершенно ничего не знал о готовящейся высадке союзников в Анцио. Не верю я также, что ему ничего не было известно о подготовке вторжения в Северную Африку. Герберт Вахман из Гамбурга сообщил ему точное местонахождение морских конвоев, предназначенных для осуществления операции «Торч». Может быть, Канарис имел свои соображения на этот счет, но он предоставил немецкому генеральному штабу и верховному командованию самим сделать необходимые выводы. Точно известно, что начальник абвера знал о предполагаемом выходе Италии из войны, однако в своем донесении генеральному штабу говорил обратное. Нельзя достоверно утверждать, что Канарис знал о поездке графа Гранди в Португалию, предпринятую для переговоров с союзниками, но он мог об этом узнать от своего коллеги генерала Чезаре Аме, начальника итальянской военной разведки, с которым он был в дружеских отношениях...»

И. Колвин. «Двойная игра».

«Руководитель разведывательного отдела штаба сухопутных сил фашистской Германии Гелен в обзоре положения на советско-германском фронте утверждал, что «На волжском направлении противник не намеревается в ближайшем будущем предпринимать крупные наступательные операции».

...В сводке о положении под Сталинградом главари абвера сделали такое заключение: «Для развертывания широких операций противник, по-видимому, не имеет достаточного количества сил».

И это, заметьте, говорится в самый разгар подготовки Советских войск к стalingрадскому наступлению, в котором участвовало 11 наших армий, несколько отдельных корпусов, более 900 танков, почти 15 тысяч орудий и минометов, 115 дивизионов ракетной артиллерии, свыше 1100 самолетов!»

Сергей Острыakov. «Военные чекисты».

«Советская Россия все равно, что оконное стекло; нужно только раз ударить кулаком и все разлетится в куски».

*Начальник генштаба вермахта генерал Гальдер.
Нюрнберг, август 1945г.*

На исходе был победный май, а не берегу Датского залива во Фленсбурге союзники все еще позволяли хозяйничать нацистской клике. Правительство гроссадмирала Деница и генштаб во главе с фельдмаршалом Йодлем продолжали осуществлять руководство войсками, немцами. Маршировали по мостовым роты, снимались с якорей корабли и лодки, тихо покидая в предутреннем тумане гавань, почтенные горожане приводили в порядок садики и дворики. Все это мирно уживалось с расквартировавшимися английскими и американскими военнослужащими...

И, если в восточной зоне, занятой советскими войсками, уже налаживалась мирная жизнь, выявлялись и арестовывались нацисты и их пособники, то на западе этот процесс выглядел иначе.

Союзники торопились выявить не столько преступные деяния каждого нацистского руководителя, сколько его деловые качества, возможности использования его в своих целях.

Советским разведчикам, получавшим сведения о том или ином важном фашистском чине, скрывающемся в западном секторе, приходилось не раз требовать его ареста. Не всегда это делалось оперативно, словно англичане и американцы прикидывали – стоит ли вылавливать преступника или дать ему возможность скрыться, обеспечить нужному человеку прикрытие...

В Люненбурге союзники доверили ночное патрулирование бывшим военнопленным, выпущенным из фашистских концлагерей. В парный патруль попали и двое русских – солдаты Иван Сидоров и Василий Губарев. После комендантского часа друзья по неволе, покинув здание комендатуры, вышли на улицы городка. Разговор уже который день сводился к одной и той же теме – когда разрешат вернуться к своим.

Волжанин Сидоров был более экспансивен. Он настаивал на немедленном уходе в восточную зону – там мол, скорее во всем разберутся, свои же ребята... Осторожный Губарев отговаривал товарища от опрометчивого поступка.

- Ты, Иван, не горячись. Не зря у нас на рязанщине говорят: тише едешь – дальше будешь! Ну, представь себе, рванем мы от англичан, до своих не успеем добраться, как нас без аусвайсов опять их патрули выловят и – в лагерь. Все сначала: проверки, перепроверки, здесь же заступиться некому, да и в лагерь опять же другой попадем, а нас там никто не знает, удостоверить личности наши некому. Вот и закрутится карусель... Опять же – приказ был всем находиться в местах, где зарегистрированы.

Специальная советская комиссия нас принимать будет. Уж таков порядок, а там глядишь – домой отправят – май-то кончается, теперь уж скоро...

- Может ты, Василек, и прав, – начинал сомневаться Сидоров, – здесь нас не неволят, вот – работенку доверили непыльную, кормят, как на убой, придет срок –

замаршируем на Восток, до дома, до хаты, пока доберемся — глядишь, и Волга ото льда освободится, водица прогреется — окунусь в нее — вроде как отмоюсь от всякой нечисти, все ранки и рубцы залечу...

Только зря ты, Василек, про “тише, да дальше” вспомнил, как бы это “дальше” бьюко нам не вышло. Все-таки мы кто для наших — хефлинги, пленные?! А как, да что, — разобраться некогда будет — не одни такие. Вот и двигайтесь, ребятки, в края дальние, земли сибирские. Вчера я с капитаном английским в комендатуре говорил, Мур его зовут, знаешь — переводчик ихний? Вот-вот, он рассказывает, что чуть ли не каждого второго из наших туда отправляют и еще скалится, гад!

- Ну вот, — прервал товарища Губарев, — а ты — рваннем! Рванем — как раз прямиком в эшелон дальнего следования. Скажут, что приказам подчиняться разучились.

В это время из-за ближайшей ограды садика на мостовую вышли трое. Губарев резко прервав речь, шагнул навстречу:

- Стой! Ваши документы! — сорвав с плеча автомат, Сидоров тоже шагнул к незнакомцам.

Некоторое замешательство этих людей, вызванное неожиданным столкновением с патрулем, прошло, но они продолжали молчать. Одеты все трое были в цивильные костюмы, шляпы. Двоим на вид можно было дать лет по пятьдесят, третий — молодой, высокорослый парень, спортивного вида, сразу же привлек внимание патруля. В его фигуре чувствовалось напряжение, он чуть двинулся вперед, как бы заслоняя собой спутников. Сидоров, внимательно наблюдавший за ним, резко повел стволом автомата в сторону задержанных:

- Руки поднять! — И повторил за товарищем:

- Ваши документы!

Худощавый мужчина в очках дотронулся до плеча молодого:

- Спокойно, Отто, нужно подчиниться... От судьбы не уйдешь.

- Яволь, герр Миллер, — расслабился тот.

Василий Губарев тихо проронил, переходя на русский язык:

- Иван, видно офицеры переодетые! Смотри в оба!

- Руки на затылок! — зло, по-немецки, выкрикнул Иван. — Вперед марш! — И, шагнув на дорогу, пропустил задержанных.

В комендатуре, куда патрульные привелиочных прохожих, долго не разбирались. Некогда было дежурному офицеру. Он вызывал машину и велел Сидорову и Губареву проводить задержанных на окраину Люденбурга, где размещался лагерь для гражданских лиц.

В лагере содержались немцы, подозреваемые в связях с нацистами, задержанные без документов. Это был своеобразный сортировочный пункт. И более трех дней в нем никто из задержанных не находился. С утра и до обеда сотни двух человек из лагеря приводили в порядок цеха и территорию черепичного завода, пострадавшего от бомбардировок. Они нехотя копошились в карминовой пыли, покрывавшей тут все, разбирали завалы. Над лагерем стоял густой хруст осколков черепицы, по которым топтались задержанные.

После обеда, с двух часов дня, начинала свою работу следственная комиссия, которая не особенно придирчиво рассматривала до полусотни дел, задавала вопросы, выносила решения. Одних тут же выгоняли за ворота завода, других переправляли контрразведчикам под охраной. Работа эта прекращалась к восьми часам вечера, и задержанные разбредались по помещениям, где они коротали ночь на тощих тюфяках, ожидая утра.

Охранялся лагерь из рук вон плохо. Двое часовых у ворот да двое патрульных, время от времени обходивших территорию по периметру, — практически и

составляли ночную охрану. Правда, немцы, привыкшие к порядку, почти не совершали побегов, положившись на судьбу, снисхождение комиссии. Сюда и доставили патрульные задержанных в центре троих мужчин.

Разбуженный, заспанный и недовольный их приездом, помощник коменданта лагеря по режиму вызвал часового и отправил привезенных в цех, где было оборудовано спальное помещение. Но часа в три утра лейтенанта вновь подняли с постели.

Часовой доложил, что к нему хочет обратиться один из задержанных.

- Пусть терпит до утра! - гневно закричал помощник коменданта, - я ему не горничная с ночным горшком! Что за недержание?

Наклонившись к офицеру, солдат что-то зашептал ему в ухо, вновь выпрямился и развел руками.

- Что? - вскочил с дивана лейтенант. - А ну, давай его сюда!

Вошедший судорожным движением поправил пенсне, затравленно оглянулся по сторонам.

- Слушаю вас? - подошел к нему лейтенант.

- Я хочу сделать заявление, - вяло откликнулся вошедший, - моя фамилия Гиммлер, я - рейхсфюрер войск эсэс. Один из руководителей этого разбитого вами государства...

Человек горько усмехнулся. Затем лицо его приняло жесткое выражение, натянулась кожа на скулах. Лейтенанту даже показалось, что он стал выше ростом, и заговорит сейчас властно, приказным тоном. Невольно английский офицер вытянулся перед этим человеком, рука судорожно поправила сбившийся набок узелок галстука...

- Я требую, - зазвенел голос задержанного, - доложить обо мне вашему командованию и соответственно моему чину относиться ко мне, создать приемлемые для жизни условия, пищу...

Он еще продолжал говорить, а лицо англичанина начало резко багроветь, он зачем-то сдвинул узел галстука набок, резко шагнул вплотную к этому страшному человеку и заорал, захлебываясь словами:

- Шваб! Проклятые... Он мне... диктовать... тебе на месте надо... стрелять!

Несколько успокоившись, но все еще испепеля взглядом съежившегося от крика задержанного, лейтенант отвернулся от него, прошел в угол комнаты, сел за стол, зло бросил:

- Подойди сюда! Чем ты докажешь, мокрица чертова, что ты - Гиммлер? Чем?

Ночной звонок в комендатуре тоже поднял со сна дежурного офицера. Он выслушал сообщение. Помолчал в недоумении, попросил собеседника еще раз повторить сказанное, положил трубку на стол и по другому телефону стал вызывать коменданта города майора Дугласа.

Доложив и выслушав указания коменданта, дежурный офицер больше уже не отходил от телефона. Он связывался то с одним абонентом, то с другим, объясняя им ситуацию, докладывая. И одно имя, имя страшного палача, главы мучителей народов Европы - Гиммлера, произносилось тише, чем обычный текст, даже с некоторым почтением.

Представитель штаба экспедиционных войск и двое руководителей контрразведывательных органов из войск США и Великобритании еще находились в пути к Люненбургу, когда в комендатуре произошла трагедия, о которой впоследствии заговорил весь мир.

Анатропологическую процедуру проводил гарнизонный хирург капитан

Манкель. Сидевший перед ним полуголый человек зябко поеживался от прикосновений рук врача. Капитан, то и дело заглядывал в специальную справку об особых приметах руководствующего состава нацистов вермахта, на сей раз не перелистывал ее, все сведения о человеке сидевшем перед ним были изложены на первом листе справки. И это еще раз подтверждало высокое положение Гиммлера в фашистском рейхе.

В другом углу комнаты трое офицеров с пристрастием рассматривали предъявленные задержанным документы, удостоверяющие его личность, осматривали его верхнюю одежду.

Комендант Люнебурга майор Дуглес еще час назад и не предполагавший о начавшемся переполохе в его комендатуре, отдуваясь и тяжело передвигая свое тучное тело по кабинету, разговаривал с человеком, назвавшимся Гиммлером. Но разговор этот скорее походил на размышление вслух, которым занимался майор. Собеседник его лишь изредка и однозначно отвечал на вопросы, видимо, хорошо понимая, что судьбу его будет решать не комендант, а чины союзнических войск куда выше рангом.

- Почему же именно в Люнебурге заявил о себе,- то ли спрашивал, то ли негодовал Дуглес,- почему в Берлине русским не сдался? Не сбежал в Киль? Есть ли в этом умысел? И чтобы такой всемогущий человек скитался по рухнувшей на колени стране, среди руин, а потом сдался оккупационным войскам где-то в паршивом городишке!

...Здесь что-то не так! Ведь у нас только и ждут, чтобы переломить хребет этому господину в пенсне, этому изуверу фашизма. А? Молчите, герр Гиммлер, или как там вас еще?..

В это время один из трех офицеров, что занимались проверкой документов задержанного, удовлетворенно хмыкнул:

- Точно, сэр! И номера партийного и эсэсовского билетов сходятся, похоже, что это не фальшивка.

- Ну что же,- Дуглес продолжал перемещаться по комнате,- тем хуже для вас, герр Гиммлер. Тем хуже... Теперь-то уж точно ваша веревка намылена, осталось накинуть петлю вам на шею.

Дверь кабинета распахнулась, и в помещение влетел полковник английской армии, контрразведчик Симпсон. Этот пройдоха, быстро делавший себе карьеру в фронтовых условиях, теперь переключился на работу по поимке нацистских преступников. Дело это было и видное, и приносило, кроме авторитета, известные материальные дивиденды. Узнав о случае в Люнебурге, Симпсон, благо он находился недалеко от городка, очертя голову помчался к "заветному пирогу", радуясь, что он опережает своих коллег из штаба, которых за глаза величал "чинушами" За ним ввалились его подчиненный и друг лейтенант Пругер, немец по происхождению, здоровый верзила ирландец - шофер О'Нил.

Дуглес, увидев полковника, скомандовал офицерам и двинулся к Симпсону с докладом, но тот лишь махнул рукой на коменданта, бегло огляделся, приветливо, как старому знакомому, подмигнул Гиммлеру, затравлено озиравшемуся по сторонам, и заорал, обращаясь почему-то к Пругеру:

- Что за люди? Освободите помещение! Кто посмел вести допрос? Разве вы не знаете, господин майор, о порядке производства подобных дел?

Майор Дуглес недолюбливал этого шумного высокочку Симпсона, который надо- не надо - лез на вид к начальству, из простых фактов городил секретные дела, любил покрасоваться в период боевых действий на командных пунктах в войсках, своим видом и едкими вопросиками нервировавший строевых

офицеров во время дела. Поэтому комендант, надувшись и приподняв грудь, попытался осадить полковника:

- Сэр, здесь не допрос! Мои подчиненные пытаются установить личность этого человека, в чем я не вижу криминала, это ведь и наша обязанность?!

Понимая, что спорить с комендантом сейчас - даром терять драгоценное время, выигранное у штабистов,- Симпсон примиряющее положил руку на плечо Дугласа:

- Хорошо, хорошо, майор. Я не спорю - долг службы - есть долг. Но сейчас необходимо, чтобы как можно меньше людей присутствовало в кабинете, когда начинает свою работу разведка. Это, я думаю, вам разъяснить не нужно?

- Пругер, пусть все выйдут,- настойчиво повторил Симпсон, - все, кроме доктора и коменданта.

Дуглас, обиженно пыхтя, двинулся к своему столу, разведчик уселся на стул прямо против Гиммлера.

Та скорострельность, с которой велся разговор, ввергла Гиммлера в уныние, он хорошо понимал, что этот деловой полковник сейчас вцепится в фюрера эсэсовцев, и главу разведок Германии как породистый королевский бульдог, и начнет его потрошить, добиваясь сведений, которыми затем можно шантажировать и самого Гиммлера, и выторговать ими себе блага.

«Да,- думал он,- началась эта лихорадочная игра, в которой он теперь не главное надзирающее лицо, а только фигурка в руках смекалистых и деловых победителей. И чем больше он будет открывать им секретов рейха, тем меньше будет стоить его фигурка в этой игре».

А Симпсон уже вел свою партию.

- Итак, доктор, чем вы нас порадуете,- обратился он к капитану Манкелю, деловито вытиравшему полотенцем руки. - Что скажете вы, специалист,- Гиммлер это или фальшивка, рассчитанная на дураков? Бумажки-то они научились в своих лабораториях готовить на любой вкус. А вот телесные атрибуты: голову, зубы, уши, нос - улики, не так ли, герр Гиммлер. Вам это известно лучше, чем мне!

- Перед вами тот человек, чьим именем он назывался,- коротко подтвердил доктор. -Правда, без соответствующего вывода комиссии, я никаких подписок не дам.

- Не имею чести знать вас, полковник,- заговорил вдруг задержанный,- но мне хотелось бы уточнить кого вы представляете и долго ли будет эта унизительная процедура опознания. Я уже не раз требовал встречи с представителями вашего генералитета, надеюсь для них слово рейхсфюрера, хотя и бывшего, не потребует дальнейших уточнений.

- Заговорил, голубчик,- удовлетворенно потер руки Симпсон, - заговорил! - и перешел на немецкий язык:

- Вспомнили былую вседозволенность, герр Гиммлер? А? Все! Больше нет вашей замуштрованной Германии, ни бесноватого фюрера, есть только неясное, но короткое будущее, да, возможно, та веревка , о которой здесь распространялся комендант!

Вскинулся Гиммлер. Близоруко щуря глаза, он зло «выцедил»:

- Германия была, есть и будет! Вы поставили на колени народ, а дух национал-социализма жив! И он еще понадобится и англосаксам, вы придетете собирать к нам рассеянные по Европе крупицы нашего опыта...

Симпсон жестом остановил его, придинулся вплотную к нацистскому главарю, продолжал по-немецки:

- Вы уже месяц, как стали никчемной фигурой. Ваш пастырь Адольф предал вас анафеме, как только узнал о ваших переговорах через принца Бернадотта. И молите Бога, что в его паучьи лапы тогда попал только ваш выкормыш Фегелейн. С него живьем сдирали шкуру в бункерах рейхсканцелярии, прежде чем застрелить. Вам тогда не было больно, герр Гиммлер, биотоки его мук не рвали вам сердце и душу?

Вы для нас не более чем мешок, набитый полуобесценившейся бумагой. Потому полемику мы не будем вести. Отвечайте на вопросы, и от ваших ответов будет зависеть наше к вам расположение. Не как к начальнику полиции и министру внутренних дел бывшей империи, а как к свидетелю, который много знает.

Первый вопрос, и от точного и полного ответа на него будет зависеть искренность наших дальнейших отношений,- все ли архивы СД и абвера уничтожались? Если какая-то часть их пряталась, то где, кем и когда?

Симпсон начинал "большую раскрутку", так он любил называть форсирование событий, обострение ситуаций, когда чутье подсказывало ему, где и чем можно выдвинуться из-за спин товарищей по службе. Момент истины, добыча сведений в самой неподходящей и горячей обстановке - этими психологическими пассами, опытами славился полковник, этим он гордился.

Пругер переводил и писал протокол допроса в своем объемистом блокноте одновременно.

- Я думаю, что вы представляете "Джей-Ай-Би" – объединенное разведывательное бюро королевства, - задумчиво произнес Гиммлер. - Я прав? Тогда вам бы должно быть хорошо известно, полковник, что все еще свободен шеф гестапо, группенфюрер Мюллер, жив и здоров тот высокочка Гелен, продолжает действовать "хондойч" - абверовец Лахузен... Разведка не погибает с армией, она - кровеносные сосуды народа. А это значит, что все, о чем вы спрашиваете меня, еще является особым секретом нашего государства.

- Послушайте, вы, - у Симпсона резко запульсировала жилка на виске, он решительно пошел в атаку, - неужели вам не понятно, что вы уже мертвец, у меня, и вам это известно доподлинно, найдутся способы погуманнее ваших гестаповских палачей, но достаточно эффективные, чтобы изувечив ваше дряхлое тело, сохранить мозг в здравии, развязать вам языки. Даже если мне придется пристрелить вас, что повлечет мое увольнение из армии, а возможно и тюремное заключение, то я с гордостью пройду через этот позор, ибо в глазах замученных вами народов я буду героем - орудием мести в их воспаленных ненавистью сердцах. Надеюсь, вы тоже отлично меня понимаете?!

Симпсон откинулся на стуле и только сейчас обратил внимание на доктора, который безуспешно пытался вставить в разговор хоть слово.

- В чём дело, капитан?

- Простите, господин полковник, но мне необходимо закончить еще одну процедуру, осмотреть полость рта этого человека, - Манкель кивнул на Гиммлера, - дело в том, что при осмотре его вещей найдены две ампулы с ядом. И я боюсь...

Видя, что Симпсон взорвется сейчас злобой, на помешавшего его обработке Гиммлера, доктора, майор Дугдас оторвал взгляд от бумаг на своем столе, хрипло прервал Манкеля:

- Я думаю, сэр, это освободит вас от присутствия еще одного свидетеля секретной работы, - усмехнувшись, он продолжал, - таков порядок. И чем точнее он будет соблюден, тем меньше вам придется потом оправдываться перед начальством, да и мне тоже.

Симпсон хорошо пронимал, что затеянная им афера повлечет гнев начальства не только по отношению к нему, но и к Дугласу. Мысль, пришедшая на ум во время этого разговора, должна была тоже помочь в обострении ситуации, потому он вскинулся со стула, выражение его лица ожесточилось, повернувшись к доктору, он отрывисто приказал:

- Заканчивайте осмотр!

Затем жестом подозвал своего шофера. О'Нил оторвался от дверного косяка и, громко топая обувью, двинулся к полковнику. Тот незаметно подмигнул Пругеру:

- Как только доктор закончит осмотр, помоги этому джентельмену освободиться от лишней одежды. Потом заглянешь ему в те места, где он может еще прятать свои смертоносные ампулы. Да не церемонься с ним!

Услышав последние слова, Гиммлер вздрогнул, его мозг пронизало чувством брезгливости, страха, безысходности. Закатив глаза, он обостренно ощущал, как пинцет доктора скреб по его зубам, еще мгновение и он наткнется на вмонтированную в последнем дупле зуба нижней челюсти ампулку с цианистым калием и тогда будет длинная ночь его заката, мучений. Его - повелевавшего почти миллионной армией отборных парней из эсэс, владевшего душами сотен миллионов недочеловеков во всей Европе...

Гиммлер глубоко вздохнул и с каким-то отчаянием, почувствовав, что пинцет скользнул на тот самый зуб, почти бездумно и обреченно сомкнул челюсти. Он еще слышал, как заорал доктор, ощущил хруст на зубах, судорожно сплотнул слону, вывернулся из рук схватившего его за плечи шофера и рухнул на пол.

Дядя

Эвенки долго не могли понять, что от них хотят и что такое «шпионаж в пользу Японии». Щурили узкие глаза и, все же соглашались с тем, что действительно готовили восстание с целью «присоединения своего поселка к Японии».

Дали «агентам самураев» по четвертому сроку. Но они вместо благодарности за смертность начали умирать еще в Красноярской тюрьме. Сначала просили хором: «Либа! Либа!». Рыбы им хотелось сырой, ничего другого есть не могли... Обвинили их в измене родине».

Дм. Быстролетов. Агент ПГУ НКВД. «Черные книги».

12.08.41. «Гюнтеру не нравится. «Голиков не достаточно компетентен и молод». В общем, русскую секцию или отдел в военной разведке возглавляет немецкая сволочь!».

*Ф.Голиков, руководитель советской военной миссии по ленд-лизу в США.
«Дневники начальника ГРУ».*

И.СТАЛИН. ЛОРДУ ЧЕРЧИЛЛЮ. СЕНТЯБРЬ 1941г.

«Я понимаю, что настоящее послание доставит Вашему Превосходительству огорчение. Но что делать. Опыт приучил меня смотреть в глаза действительности, как бы она была неприятна, и не бояться высказать правду, как бы она ни была не желательна».

Маршал Василевский хорошо понимал, что обращаться к Сталину с просьбой, которую он высказывал сейчас по настоянию руководителей советской военной разведки, чревато неожиданными последствиями. Но, в период победоносного наступления на фронтах, только начальник Генерального штаба Советской армии, второе лицо после министра обороны и Главнокомандующего войсками, - только

ОН мог поставить вопрос перед «хозяином». А он, кроме того, помнил: еще полтора года назад, в присутствии «хозяина» принимал продиктованное решение о судьбе человека, о котором докладывали лично Сталину.

Немаловажным в сомнениях маршала было и то, что Сталин фактически упрекнул тогда и руководство подчиненного ему ГРУ, и самого Василевского, и, почему-то даже Берию, в том, что они недооценивают работу ЭТОГО нелегала. Руководителя резидентуры ГРУ в Северной Африке. Фактически, своим донесением агент спас жизнь САМОМУ Сталину...

Выслушав просьбу маршала, Сталин вызвал в кабинет заведующего своим секретариатом генерала Поскребышева.

- Напомни-ка нам с маршалом - сколько и каких генералов-предателей находится в плену у Гитлера...

Квадратного вида, в обвисших с ягодиц брюках - от постоянного сидения в кресле – Поскребышев, не моргаючи, смотрел на «хозяина». Методично, словно зачитывая письменную справку, выдал информацию:

- В оффлаге XIII Д под Хаммельбургом фашистское командование содержит 42 бывших генерала Советской Армии, сдавшихся в плен на поле боя. Среди них находятся: бывший герой Советского Союза, бывший генерал Шепетов, бывший командующий 5-й танковой армией Потапов, бывший генерал ГРУ Самохин, бывшие штабные работники фронтовой структуры, бывшие генералы - Артеменко, Понеделин, Привалов, бывший комбриг Лазутин... На сторону врага перешли и служат фашистам, создав так называемую Русскую освободительную армию изменников Родины: бывшие генералы Власов, Трухин, Благовещенский, Шатов, Жиленков, Богданов, Наумов, Малышкин, - товарищ Сталин.

- Врешь, Поскребышев! Среди предателей Родины и всякой другой сволочи - нет и быть не может товарища Сталина! - мрачно отшутился «хозяин».

Поскребышев же боялся даже улыбнуться, тянулся - руки колесом по жирным бокам - «ел» глазами Верховного. Молчал.

- Да, сколько ж этой сволочи пэрметнулось к врагу! И не только, - замэтьте, маршал, - в период нашего вынужденного отступления, но и вчера. Сегодня! Когда мы выбиваем фашистские войска из Пруссии, Прибалтики, наступаем на территории европейских стран... Сколько еще у нас ср.ди советского народа, на двадцать восьмом году создания государства рабочих и крестьян, при руководящей и единственной партии большевиков, - врагов этого народа, нашего государства?! Пльюхо работаем мы с кадрами. Нэ учимся этому делу должным образом, хотя об этой проблеме нас в свое время и своевременно предупреждал товарищ Ленин...

Сталин сидел за столом, чуть раскачиваясь, и горестно, в такт речи кивая головой:

- Товарищ Василевский, я хочу вам напомнить, что и мой син - старший лейтенант Джугашвили у нэмцев в плэн... И на политбюро тогда мои товарищи и соратники предлагали мне провести переговоры о его судьбе с Гитлером. Обменять Якова на нэскольких его генералов, плененных нами в боях на Украинэ. Вы знаете, что я тогда ответил? Я задавил в сэбе понятное сэнтиментальное чувство отца к судьбе своего сына. Я и сейчас должен думать о многих тысячах синовей наших, которые нам нэ менее дороги, которые тоже испили горькую чашу вражеского плэна.

Понимаешь, генерал, - Сталин «высверлил» взглядом широко распахнутые, выбеленные глаза Поскребышева, - наше военно-разведывательное ведомство просит меня помочь отыскать в плену и вымэнить у гитлеровского командования их очень цэнного агента - гэнера ГРУ, который принес нам нэмало пользы в

довоенное время и в первые годы войны. Маршал сам лично принес мнэ эту просьбу...

Но ни товарищ Василевский, ни наш Генеральный штаб, которым он пока руководит, ни разведывательное управление не знают, где содержат этого генерала немцы. Они не знают даже точно, что он сейчас в плэну и на территории Германии. Они все это предполагают по косвенным фактам!

А товарищ Сталин должен за них добыть точные сведения, планировать опэрации по его вызволению из плена, думать за них. Работать за них, - так бэздарно разбазаривающих наши самые ценные разведкадры!

Сталин незаметно слготнул горькую от желчи слюну, во гневе изнутри наполнившую его рот. Сморщился лицом от омерзения. Глубоко вздохнул, придинул от края стола стакан с остывшим приторным чаем, слготнул из него. Отставил стакан, жалобно звякнувший в подстаканнике. Махнул рукой Покребышеву - уходи!

- Товарищ Василевский, я нэ могу дать разрешение Гэнштабу и его самой секретной и оперативной службе - разведке - сейчас, в пэриод таких широкомасштабных наступательных операций советских войск по всему фронту, хоть на сутки, хоть на час - отвлечь от этих пэрвоочередных задач хотя бы одного работника, офицера. Даже - солдата! Мы ежминутно теряем на поле боя наших людей, наших синовей. И в солдатской форме, и в гэнеральских кителях...

Это нэ значит, что товарищ Сталин не сопрэживает горю их родителей, их семей. Пусть в ГРУ и дальше занимаются выяснением судьбы нашего агента - гэнерала Родофиникова, если я правильно помню его фамилию. Но мэры принимать по его вызволению, если он в плэну, в Германии, ми будем только после точного знания всэх обстоятельств дела. Всэх фактов. Фактов, маршал Василевский. Так и пэредайте своим разведчикам это рэшение товарища Сталина.

Полковник Степанов был включен в специальную следственную комиссию, которая занималась делом о самоубийстве Гиммлера.

В порту Фленсбурга, где на борту крейсера "Георг" разместились члены комиссии, постоянно толпились журналисты. В западную печать уже просочились сведения о случившемся в люнебургской комендатуре. В газеты шли письма читателей с требованием наказать тех, кто проворонил нацистского преступника, с сожалением о том, что Гиммлеру удалось избежать суда, были письма и такого содержания, которое можно было свести к мнению: "Собаке - собачья смерть".

Все это, включая неохотное решение разведывательных органов союзнических войск о расследовании, накаляло и без того нервозную обстановку на борту крейсера. Потому Степанов заявил о своем желании побывать на месте совершившихся событий, в Люнебурге. Вопрос этот обсуждался недолго. Полковнику, вместе с его подчиненным следователем, капитаном Марининым, было разрешено в сопровождении лейтенанта Пругера выехать в городок, который неожиданно, благодаря прессе, стал известным всему миру.

Мелкий дождь засыпал дорогу, окрестные перелески, предгорья. Зябко поеживаясь, Пругер рассказывал о случившемся во время допроса в комендатуре Степанову. Тот развернувшись на сидении своим крупным телом, наклонив лобастую голову с высокой седой шевелюрой к собеседнику, внимательно вслушивался в его речь, стараясь в коверкающем акценте уловить правильный смысл русских слов.

- Мой шеф, - Пругер старался выгородить полковника Симпсона перед русским,

членом следственной комиссии, от мнения которого зависела и их с Симпсоном дальнейшая судьба, - повел очень тонкую игру. Если бы в наши, а значит, и в ваши, господин полковник, руки попали бы документы СД, абверцев, или хотя бы сведения о тайниках, вы представляете, какая бы польза от этого была разведывательным органам. А получить эти сведения от Гиммлера можно было только использовав момент истины этой горячей ситуации. Опять же, если этот человек не являлся тем, за кого он себя выдавал, могло проявиться именно в таком форсировании событий. Не думайте, господин полковник, что решиться шефу на такой шаг было легко. Но он представил себе, что начнется вокруг Гиммлера, попади он сразу в руки наших штабных крючкотворов, хуже того, бизнесменов от войны... Вряд ли об этом событии вы узнали бы так скоро и получили бы доступ к первичным документам допросов, не говоря уж о самом Гиммлере, о его тайнах и тайнах его разведок.

- Да, - усмехнулся Степанов, - представить себе иную ситуацию, значит довольствоваться тухлыми сведениями ваших руководителей.

Что-что, а покрывать тайны рейха мраком, наводить туман они умеют. В этом можно бы и согласиться с полковником Симпсоном и вами. Но то, что он, опытный разведчик, не учел величия своего противника, его умозаключений, его болезненное самомнение, страх перед расплатой, его иное понимание момента истины, - ведь Гиммлер сам нередко пользовался многими методами лучших разведчиков, - это было ошибкой. Явной ошибкой.

А скажите-ка, Пругер, где люди, что были задержаны вместе с Гиммлером? Может быть, они прольют свет на главную загадку, как тот оказался в Лунебурге?

- К сожалению, господин полковник, - Пругер кисло улыбнулся, - в комендатуре оказались недостаточно расторопные люди, они упустили момент, да и в лагере не сразу поняли, какую ценность они могут представлять, позже ни одного из спутников рейхсфюрера не удалось обнаружить и выявить.

- Что, охрана лагеря недостаточно надежна?

- Ее, господин полковник, - опять покривился Пругер, - и не было в полном понятии этого. Да и кто всерьез будет охранять цивильных швабов, перепуганных и перекалеченныхвойной! Зато теперь уж точно там наведут порядок...

- Крепки мы все задним умом, - проворчал Степанов.

Он отвернулся от спутников, задумался, поглядывая в окно автомобиля. Да, не из легких досталась ему задачка. И сведения, как можно более точные и достоверные, нужно добывать, и с союзниками не перессориться. Вот и рассказ этого лейтенанта из немцев еще перепроверить нужно. Не играли здесь его шефов, не подсовывают ли ему битые карты англичане...

Личный телохранитель Генриха Гиммлера - гауптшарфюрер Отто Лемке в один день потерял все. Под развалинами его дома, рухнувшего от бомбардировок союзнической авиации, погибла семья. После неудачных попыток рейхсфюрера вести переговоры с западными державами, они, переодетые в гражданские платья, скитались по северу Германии, в надежде пробиться сначала к Венку, затем гроссадмиралу Деницу. Хотя и это уже было равно самоубийству. Их вела, скорее, иллюзорная надежда, чем здравый смысл уйти на подводной субмарине от позора, лечь в дрейф где-нибудь у берегов Бразилии, выждать момент и вступить на берег Латинской Америки...

Но уже одно то, что на них не было мундиров, знаков различия, эсэсовских регалий, столько лет наводящих страх на толпу, не было того, что органично воспринималось уже, как кожа, к чему выработалась привычка от "ночи длинных

ножей” в Мюнхене, символически обезличивало их, ввергало в неуверенность, неспокойствие, раздражало. И, когда здесь, в этом заштатном Люнебурге, о существовании которого Лемке и не подозревал раньше, они злым роком были брошены в застенки паршивого заводика, оплетенного колючкой, в компанию пропойц и бродяг, рассоллившихся бургеров, и здесь он - карающая десница нации, его кумир и божество - Генрих Гиммлер вдруг пал духом, заговорил о несправедливости судьбы и божьем гневе, Лемке окончательно понял, что рухнуло все, - и годы безраздельной и фанатичной в своей преданности, службы рейхсфюреру, и вера в дух нацизма, и непобедимость фатерлянда, и смысл жить, нет, не жить, скорее - пресмыкаться дрессированной крысой дальше!

Отто Лемке, умеющий в мгновение ломать врагам кости, перебивать хребет, знающий приемы боевой борьбы и бокса, чувствующий каждый бугорок своего мускулистого и тренированного тела, обладавший почти феноменальным талантом в стрельбе и чутье на настроение своего шефа, не стал в этой ситуации напрягать мозг, анализируя причины потерь, ища их первопричину. Он видел врага. Он чувствовал, осязал его. Тех, кто разъезжал в джипах по его родине, кто топтал своими башмаками поля его соотечественников, кто был одет в эту форму цвета хаки, кто неуемно, не сдерживая эмоций победителей, харкая жвачкой на мостовую, покупал за банку консервированной колбасы или пачку вонючих сигарет любовь истощенных немок, кто был и поведением дик, и лицом черен...

Отто клялся себе в том, что пока в состоянии его мышцы подчиняться воле воспаленного мести мозга, пока он владеет автоматом и ножом, он будет убивать их, грызть, топтать! Он ненавидел русских, этих варваров с красными звездами. Но ненависть его здесь была абстрактной. Лицом к лицу же с англичанами и американцами он встретился здесь, на севере фатерлянда, ощутил их плоть, их суть. Именно к беспощадной борьбе с ними и был готов Отто.

Часового он снял бесшумно и профессионально. Этот интеллигент, советник рейхсфюрера по политическим вопросам и связник между Гиммлером и принцем Бернадотом, звавшийся коротко и таинственно Хайнц, мелко дрожал и всхлипывал, пока Отто обтирал об одежду убитого англосакса свой десантный нож. Лишь после акции Хайнц поверил в крушение всяческих надежд. Когда шеф ушел сдаваться, они словно онемели от его малодушия, затем Лемке пришло целый час уговаривать этого слизняка Хайнца уходить из лагеря. С ними было покончено этим бездумным шагом рейхсфюрера. Ему теперь не нужны были ни советники, ни телохранители. Отто решил действовать на свой страх и риск. Но прежде нужно было вывести из игры, из этого лагеря Хайнца. Своими секретами, знаниями он мог навредить Гиммлеру. В том, что Хайнц расколется на первом же допросе, Отто не сомневался. Потому он потащил интеллигента за собой.

Нырнув под проволоку, Лемке и Хайнц спешно уходили в темноту. Чутье боевика и на сей раз не подвело Отто. Буквально через два часа, когда был обнаружен труп часовщика, случилась трагедия в комендатуре, весь Люнебург был поднят на ноги. Искали спутников Гиммлера. Но рассвет застал их уже далеко от места трагедии.

И ни Отто Лемке, уходящий с Хайнцем в горы, ни капитан Маринин и полковник Степанов, спешащие в автомобиле по дороге в Люнебург, не знали о том, что пути их, уже пересекавшиеся однажды, в 1944 году, вновь по воле судьбы сойдутся здесь, на севере Германии. И они, не знаяшие друг друга, не подозревавшие об их встрече ранее, столкнутся лицом к лицу, сойдутся в смертельной схватке.

Как только Игнатий Степанович Степанов узнал в комендатуре Люнебурга от

майора Дугласа, излагавшего суть дела о том, что Гиммлер был задержан его соотечественниками, он отправился в сборно-пересыльный лагерь, где работала советская комиссия по репатриации военнопленных.

Майор Ерашов, возглавлявший репатриационную комиссию, был немало встревожен приездом работников Смерша. И пока в лагере разыскивали Ивана Сидорова и Василия Губарева, он, часто промакая залысины на голове носовым платком, все мельтешил по кабинету, пытаясь чем-то угодить начальству, понять цель их приезда или обнаружить - в чем же промахнулись его подчиненные, сортируя и разбираясь с бывшими пленными.

- Завтра, товарищ полковник, первую сформированную партию бывших узников концлагеря Бухенвальд отправляем в нашу зону, потом на родину. Всего их пятнадцать человек. Лояльность их, показания о плenении, автобиографические данные подтверждаются... Что еще я могу? Главная проверка - там у нас на месте. Ваши коллеги более опытны в этих делах. Думаю, вражина какой - не проскочит мимо них.

- Да вы садитесь, майор, садитесь,- недовольно поморщился полковник Степанов,- скажите-ка мне лучше, всех ли русских опросили, со всеми ли познакомились?

- Почти, товарищ полковник! - Ерашов застыл перед начальством, вытянулся.

- К сожалению, перепроверки много времени отнимают, потом очные ставки с теми, кто друг другу может подтвердить автобиографические данные. Но старался увидеться со всеми, предупредить о работе комиссии. А то английские, и особенно, американские вербовщики, так и вятся вокруг наших ребят...

- Так вот,- перебил его Степанов, вновь маxнув майору: "Садитесь!" – например, этих - Губарева и Сидорова запомнили? Нет ли их в этой первой партии возвращаемых?

- Знаю их, товарищ полковник,- кивнул головой майор, пробирающийся за столом к табурету, и застыл опять вытянувшись,- Сидоров - почти земляк мне, тоже волжанин. Ребята они вроде "чистые", но вот последнее время уж больно часто вокруг них вербовщик один, из американцев, увиивается, о чем-то шепчется подолгу, подарки разные таскает им, даже доллары, по-моему, дает... Я решил к ним пока присмотреться, еще разок по душам поговорить.

- Они вам ничего не рассказывали о том, как у англичан в комендатуре службу патрульную несли? - насторожился Степанов.

- Нет, товарищ полковник, об этом я их не спрашивал. Патрулировали тогда многие. Харч-то союзнический нужно было отрабатывать...

В это время в кабинет, постучавшись, вошел сержант, посылавшийся за патрульными. Доложил:

- Товарищ полковник, бывшие военнопленные Сидоров и Губарев доставлены по вашему приказанию.

- Давайте их сюда! - привстал в нетерпении Степанов.

Пиджаки у друзей были одинаковыми, немецкими, в клеточку, с широким хлястиком по талии. "Видимо, в одном мануфактурном магазине приодевались", - сразу отметил Степанов про себя. Сидоров был пониже ростом, и брюки английского покроя - обычные, форменные, солдатские брюки, топорчились на нем, как галифе до самых щиколоток. На ногах были немецкие же ботинки, которые носили горные егеря. Подошва их жесткая, толстая, вся резная, словно пирог, покусанный мышами. У Губарева брюки были обычные, штатские, но заправленные в хромовые сапоги. "А хромачи-то наши,- отметил вновь Степанов,- советского производства, офицерские".

Шапки друзья держали по лагерной привычке - в руках у согнутого локтя. Недоуменные лица их словно бы испрошали: "За что же мы понадобились такому высокому начальству?"

- Пройдите и садитесь, - пригласил их Степанов. - А вы, сержант, свободны! - Дождавшись, пока тот, прищелкнув каблуками, шагнет за дверь, продолжил:

- Не окажите ли любезность, майор? Найдете себе дело в лагере на полчасика?

Задумчивым взглядом за окно проводив фигуру майора, вновь утиравшего платком лоб, полковник повернулся всем телом к патрульным:

- Ну, что, орлы, по домам пора? Поедете, поедете, но сначала должны помочь мне разобраться...

ИЗ БЕСЕДЫ ПОЛКОВНИКА ГРУ И. СТЕПАНОВА СО СТАРШИНОЙ ВОЙСК НКВД И. СИДОРОВЫМ:

«Давайте-ка, старшина, самого начала, как от рождения Христова, расскажите, мне это интересно».

«О чём говорить-то, гражданин полковник, у меня в прошлой жизни все – как у всех: родился, учился, служил, воевал... сидел».

«Откуда это у вас: «гражданин полковник»? Вы что, и в наших лагерях побывали?»

«Никак нет... Я ведь с 42-го – в войсках НКВД, и в Смерше служил, знаю, как положено арестованному к следователю обращаться...»

«Но вас-то я не арестовывал! И не моя вовсе это обязанность – вашу судьбу решать. Так что, давайте-ка все начистоту, без протокола, но подробнейко обскаживайте. Все, что помнится, что было пережито».

«Вас понял. А вот начать с чего, не соображу... Но, как смогу, обскажу. Родом я из Средневолжского края, из-под Самары, то есть, виноват, из-под Куйбышева. Город наш – Мелекесс. На речке Черемшанке стоит. Отец каменщиком в промкомбинате работает. Мать – ткачиха на мешочной фабрике. Сестренка, должно быть, еще в школу бегает... У нас с ней разница в десять лет. Там и закончил я десятилетку. В первой образцовой школе. После школы поступал в полиграфический техникум в Куйбышеве, да на физике срезался. Домой вернулся, тоже в промкомбинат пошел на работу – учеником каменщика. Трехэтажку строили мы тогда по Прониной улице... А тут в военкомат меня вызывают: Пора, мал, в Красную армию тебе, дружок, служить идти. Пора, так пора. Забрали лоб и – в эшелон. Парень я тогда был налитой – гиревым спортом занимался в школе. Да и на стройке не булки пек... Вот и задвинули меня на Дальний Восток, во флот. Из учебного экипажа через полгода только выпустили, нате-здрасте – фашист напал. Попер немец, значит, по Украине-Белоруси, и вроде как остановить его там некому! Ну, нас, матросиков осеннего призыва, вместо кораблей – в поле с винтовками отправили, стали учить, как по земле ползать, врага на «Ура!» в броске штыком доставать...

Под Смоленском уже наша отдельная бригада морской пехоты не в черных бушлатах, а в шинельках была. Пилотки на «лотухах», а не бескозырочки. Только и осталось от моря, так – тельники. Мы в них воевать увахвали. Чтоб фашист видел, с кем дело имеет, в атаки ходили – душа «полосатая» нараспашку!

Вот тогда меня впервые ишибнуло по бугру осколком. Мина ихняя сзади ахнула – я лбом в землю мерзлую – стук... очнулся уже в ревире... Виноват – в санчасти бригадной. Руки-ноги не слушаются, а дернешься – блевотиной изойдешь! Ранение в позвоночник, а к нему контузия общая. Лежу ровно ребятенок спленатый... Хорошо еще транспорт скоро подоспал – нас, тяжелых, в эшелон – и в Москву, в госпиталь. Я с койки там только через три месяца подыматься стал. Ходить заново учился. Там и спину мне путево заштопали, тоже заново. Но все равно – до выписки в корсете, как барынька дореволюционная, гуляя...»

Старшина смолк. Отвернулся от Степанова, стащил с себя пиджак, задрап рубаху. На оголенной худой и бледной спине страшно выделялся посредине его выступающего хребта уродливый от хирургического «шилья» провал. След-память о смоленской атаке.

«Ладно, старшина, заправляйся, давай! А меня страшать увечьями не следует. Я не малохольный какой штабник. У самого еще с восемнадцатого этаких рубцов хватает. Война - это же не ярмарка...»

«Простите, товарищ полковник. Вспоминать начал, так бугор вновь зазудел. А мне его еще и лагерные суки-капо блоковые отшибли...»

Вышел я из госпиталя - ни моряк, ни вояк. Не урод - не мордоворот. Ветром качает...

Тонаю по Самотеке на сборный пункт отмечаться, догоняет меня эмка. В ней - майор госбезопасности. Подсадил и, пока ехали, он судью мою пересил: на сборном пункте документы сам выправил; меня в галицинские казармы пограншколы переправил; назначил командовать отделением пацанов-комсомольцев, галичинских фэзэушников, добровольцев. Как я понимаю, готовили из них диверсантов по немецким тылам. Фронт-то у Москву уже стоял...»

«Фамилию майора помните? Как называлось это подразделение?»

«Фамилия его была еврейской - Тракторберг, что-ли... Нет - Трактенберг. Точно! А в казармах - диверсионная школа была. Но она-то, видно, была временно сформированной. Пацанов через пару недель кого куда: по домам, в ополчение, на окопы, а кто покрепче - тех в действующую... Я-то уже сергантские нашивки получил и - в заградотряды НКВД попал. Ими под Москвой - на Минском тракте - этот майор и командовал. За спинами сибирских частей стояли мы с пулеметами. Приказ был - с передовой ни одного дезертира не пропускать. Всех, кто бежал, пулеметами и отгоняли назад. Так что под Москвой фронтовикам выбора не было: либо фашист убьет, либо мы - заградники - пристрелим. А когда фронт сдвинулся, мы вслед пошли. Правда, уже на спецоперации нас часто забирать стали...»

«Какие спецоперации? Чего-то помните? Рассказывайте подробнее: где, кто командовал, что за местность была, фамилии. Что помните...»

«Мало что помню, товарищ полковник. И время прошло, да и в лагерях здешних быстро от воспоминаний о советской жизни «вылечили». Больше помнится, как выжить старался, как зубы от битья выплевывал, как о хлебушке мечталось да голодом доходил до погретения...»

А в прифронтовой полосе ловили мы тогда дезертиров всяких, пленных конвоировали, автоклонны к фронту сопровождали. Рота смершевская наша была усеченная - человек полста всего. Ротный - лейтенант Козыкин - из призывников, лет сорока дядька. Был у него заместитель - старшина из энкеведенных, кадровых. Дотошный спец... Воловченко его звали. А хозяйственными делами больше всего я занимался - уж тоже старшиной в звании стал. Продукты доставать, масла ружейного, транспорт заправить, банку - там организовать бойцам...

Кочевали мы тогда вслед фронту, были под Загорском, стояли в Можайске. Потом пошли по Смоленщине - в Кармановском районе, были подо Ржевом, вышли к Белоруси. Там-то на немцев, в прорыв шедших, напоролись. Там меня и взяли в плен, суки эсэсовские...»

«Вы, Сидоров, говорили о специальных операциях. Видимо, вам приходилось участвовать в поимке вражеских диверсантов, разведчиков, участвовать в облавах? Вспоминайте, старшина, подробнее. Может быть, что-то неожиданным было в такой службе, что-то особенным, непривычным, секретным, может быть. Кстати, от того, как и чем закончится наш разговор, зависит и вся ваша дальнейшая судьба. Сроки вашего возвращения домой. Но среди всего - меня особенно интересуют спецоперации вашей роты в Смоленской области. Как вы называли район вашего базирования?»

«Кармановский, товарищ полковник. Это районное село там такое есть. Или городок маленький. У нас там место расположения было в райотделе НКВД. Тогда после немцев очень уж там голодно было - все фашисты, суки, сожрали в округе. Пожали многое, многих постреляли... Мы в Карманово старались пореже бывать. У передовой, на рокадах да в хуторах - там повеселее жить было...»

Вот помню, летом сорок четвертого бросили нас на патрулирование по лесным проселочным дорогам. Ждали какой-то самолет с диверсантами. Он не только пролететь, должен был и посадку произвести. Гражданские чекисты с нами ходили - подбелили нас на пятерки - и в поиск! Дня три-четыре по лесам шастали, все окольчевали. Подняли в ружье и милицию, и военкоматских коллег, и бойцов из комендатуры, дивизиона зенитчиков...

Ориентировка была, что диверсантов-то двое всего: мужик и баба, но очень они опасные, видно, были. Нас сутками мытарили, проверяли мы всех подряд - в таком деле и друг дружку пострелять немудрено было. Так вот у деревни одной - Батуровка, кажется - на лесной полянке нашли мы самолет ихний - он крылом об дерево хряпнул, мотор оторвал себе и улететь не мог. Летчиков там уже не было. Они в леса рванули, и их потом зенитчики подловили. А террористы эти привезли на самолете мотоциклы, на нем и прорвались к Карманову.

Наша группа наперед им вышла ко Ржевскому шоссе. Утром тормознули мы мотоциклистку, а там и вправду - мужик, майор-смершевец, и баба-офицерша. И документы у них в порядке все, и ордены у майора на груди полно, даже геройская звезда была. Только мы под дождиком всю ночь мотались, грязные все, как черти, а они чистенькие, сухие, и мотоциклистка такая, словно и не моталась с ними по нашим общим делам. Хотя твердят, что в операции тоже задействованы...

Но мы и так уже заподозревали их. У самолета-то следы мотоциклисты «считали», на них и сориентировались. Взяли этого майора с бабой его под стволы. Обыскали мотоцикл, а там! Пистолеты, гранаты, мины, рация, куча денег, чистые документы - целая пачка, а главное - труба такая, вроде маленького фаустпатрона. Немецкая. Точно, потом сказали в НКВД, диверсантами они были. К Москве рванались. Не иначе -грознуть начальнику какого-то хотели, а тут мы. Их самих и скрутили».

«Дальше-то что, старшина? Дальше!»

«А дальше, товарищ полковник, амбец нашей роте пришел. Под Невелем эсесовская часть в прорыве оторвалась от своих, выскочили они к селу одному - названия не помню, а там мы со своими пулеметами. Да и то всего двумя взводами, часть людей лейтенант с собой забрал - колонну с ракетами для «Катюш» сопровождать...»

Бой, конечно, приняли. Да какой там бой! У эсесманов этих даже три танка было. Заширахали они нас снарядами, голов не поднять, не то что в штыковую! Мне тогда туля ключицу перебила, рука вывернута, не бегу - вихляюсь, автомат удержать не могу, не то что палить из него... В кровище весь. Таким и повязали. Утянули за собой через фронт. Потом лагерь... Да я об этом писал уже два раза начальнику здешнему, что до вас тут сидел. Уже поминал все. Или еще раз рассказывать?»

«Рассказывать обо всем на надо. Это я уже прочитал в ваших документах, старшина. И меня интересует только одно: вы сидели в концлагере Моосбург под Магдебургом. Но это ведь спецлагерь для старших офицеров, для англичан, американцев, французов, для немцев - политических заключенных. Там, кажется, наших советских солдат и даже офицеров не содержали? Как же вам удалось туда попасть?»

«А я, товарищ полковник, там и не сидел. У нас - обслужи из солдат - был свой барак в особой зоне, поодаль от основного лагеря. Пригнали нас туда, чтоб за офицеров-хефтиングов работать. Им же по международным правилам, которые немцы вроде бы соблюдали, нельзя было на фашистов горбатиться. Вот мы - поляки, русские да сербы

- за них работали. Подсобниками на кухне, подметальщиками, мойщиками, санитарами, говновозами...»

«И что? Неужели не общались вы, обслуга, с военнопленными офицерами? Не сутками же вы под охраной ходили?»

«Нам, товарищ полковник, обращаться к ним было строго запрещено. И сами они там все были не простыми офицерами, в званиях не ниже майора по-нашему если. Бароны всякие, лорды английские. Одним словом, баре, лица высокопоставленные. И еще. Мы, подсобники, в лагерных делах были все новичками. В плен все попали только в последние месяцы, других концлагерей толком и не знали... Как я понимаю, в Моссбурге подсобная команда долго не работала. Немцам лишние свидетели ни к чему. Полгода - и в крематорий! А на наше место новых бы набрали..»

«Как же вы уцелели-то, Сидоров? Или немцы пожалели?»

«Да не жалели они ни кого, товарищ полковник! У них в языке и слова-то этакого, «жалость», нет, наверное. Уже поздней осенью несколько англичан побег заделали. Ну не побег - там же очень не разбежишься - скалы кругом... Не знаю как, но напали они на охрану у входных ворот. Так пропускной пункт был оборудован свойной выгородкой. Вот в этом загоне из колючки и устроили они бой. Охрану почти голыми руками перебили. Захватили грузовичок, который продукты перевозил. Но в суматохе, видимо, ему по мотору пулей попало, и не пришлось им уехать...»

Часов шесть они провоевали. Немцы внутри лагеря всех по баракам загнали, эсэсманы из Магдебурга въездную дорогу блокировали и ударили снаружки по лагерю, побили тех англичан. Досталось этим ребятам крепко. А меня и еще двоих поляков из обслуги оставили в основном лагере при ревире-больничке, где эти бунтовщики, что в живых остались, дохдили... Месиво из костей и мяса окровавленного! Смотреть было больно и страшно. А мы их обмывали после допросов, кормили, камеру подтирали, ту, где пытали их... Потом хоронили за лагерем, когда их гестаповцы расстреляли. За поселковым кладбищем. И вот тогда нас всех трех сначала тоже в гестапо забрали, в Магдебург. Допрашивали, не говорили, мол, эти хефтилнги о чем с нами? А через сутки - прямым ходом в Бухенвальд, на «переплавку» отправили. Не хотели, значит, чтоб мы с корешами из обслуги общались... Грешно говорить, но все это - и бухенвальдская «командировка» - меня спасли.

«Да, о том, что вы работали в бухенвальдском крематории истопником, я читал в ваших показаниях. Хотя и понимаю, что подневольно, что жизнь свою спасали, а все же жутковато, необычно. Вот и майор ваш, начальник комиссии по депатриации военнопленных, потому же, видимо, не решился пока дать однозначное заключение по делу вашему и вашего товарища...»

Может быть, Сидоров, у вас есть еще что-то, о чем вы умалчиваете? Я имею в виду не столько вашу моосбургскую историю, сколько службу бухенвальдскую?»

«Никак нет, товарищ полковник! Все, что со мной в Бухенвальде было, может подтвердить любой хефтилинг из тамошних, что живым остался. Да и Василек, напарник мой, Губарев, тоже обскажать может. Мы с ним с января сорок пятого вместе. Как чуяли, что разлучаться нам, «истопникам», нельзя... Потом, товарищ полковник, я же хоть и заградником был, все же - в «Смерие»! Знаю порядки тамошние. В моем деле, поверьте, все подробенько запротоколировано, расхождений и в малости нет. Фактически точно изложено. По моему понятию - я ж теперь долго от такого дерьяма отмываться буду... Вот и вы не просто так сюда, поди, приехали. Тоже «колоть» меня будете, перепроверять?»

«Я, старшина, сюда по делам не прошлым прибыл, а самым последним. Помните, как третьего дня вы в патруле троих немцев прихватили и сдали в комендатуру Фленсбурга? Вот об этом мы сейчас подробненько поговорим...»

«Виноват, товарищ полковник, так вы не совсем армейский офицер? Вы особист? Или из разведорганов?»

«А почему это вас, Сидоров, волнует? Армейский ли я чин, или чекист?»

«А если вы, товарищ полковник, из разведки, то есть у меня к вам сообщение. Обещал я одному человеку, как раз из моосбургских хефтилников, англичан этих, что передам его слова последние, но только в разведотдел нашей части, если добраться мне до них повезет, дожить, то есть...»

«Что ж, старшина, у вас в деле нигде не отмечено знание вами английского языка раз вы так запросто с англичанином общались? Или по-немецки с ним говорили?»

«Нет, по-русски...»

«Что? По-русски? Этот англичанин по-русски говорил? А как хорошо? И главное - о чем?»

«Так вы из разведотдела, товарищ полковник? Я же клятвенно обещал ему: или - в разведотдел передать, или... забыть все. Так и умереть с этим...»

«Давайте, старшина, не будем торговаться. Не в вашем положении сейчас старших офицеров перепроверять. Самому бы выпутаться из того, что наворопутили в последние годы... Был бы я не из разведорганов, а, скажем, смершевец, стал бы я здесь с вами антимонии разводить. Давно бы и того, чего не знаете, на рассказывали бы в подробностях... Сами же в спечастях служили, имеете представление, как в наших органах работать с подозреваемыми умеют! Не так?»

«Так, товарищ полковник. Поэтому лучше сразу вам открыться, чем таить все до настоящего допроса.

Так вот там, в Моосбурге, ходил я за одним из этих англичан: обмывал, перевязывал... Избивали его сильно, да и ранен он был в грудь, ноги... А я так думаю, что он и не был англичанином даже. На непонятном языке, горянном каком-то все бредил, беспамятный от болей; с виду - вовсе не светлый иль рыжий, - чернявый, горбоносый, армянистый такой. Или на еврея похожий. И по-русски чисто со мной говорил...»

Ночью мы с поляком одним сидим около избитых англичан, дежурим. Балакаем на смеси русско-польско-украинско-немецкой. Все там на смешанной тарабарщине говорили, иначе было не понять друг друга. А мой армянистый хефтилинг очнулся, взгляд его осмысленным стал, что ли... Дождался, когда поляк к своему хефтилингу отошел и говорит мне: ты, мол, русский, я по речи твоей слышу? Я подтвердил. А он одними только хрипами - губы-то спеклись, зубов уж нет - тихо выспросил и про звание мое, и про то, где служил. Я-то скрытничая, про службу в «Смерше» никому до самой пересылки здешней не открывалася - иначе точно уж до крематория не доползешь. Печка раем покажется по сравнению с тем, что в гестапо над комиссарами и чекистами вытворяли... Евреям и тем легче было - сразу в расход! Об них даже рук не марали, суки...

Ну я и этому хефтилингу соврал, что, мол, в полковой разведке был, что повязали меня, когда мы в поиск шли. Тут он о главном-то и сказал. Только, говорит, если жив останешься, слова мои должен передать своим - разведчикам, то есть. И более никому до самой смерти. Лучше же для тебя, говорит, будет, если слова эти и умрут с тобой, хоть в лагерной печи, хоть от старости, если выживешь. Обещал ему это. Не обещать не мог - ему же жить оставалось меньше суток. А слова его, - это как воля последняя боевого товарища. Не исполнить никак нельзя! Он, товарищ полковник, сказал всегоничего! И секрета в тех словах нет никакого. Хотя, вы лучше моего сообразите. А сам я до сей поры удивляюсь, чего он беспокоился о таком пустяке...

Вот что он сказал: передай, говорит, в разведотдел любой советской части, в которую посчастливится попасть, что ты видел и знаешь, как умер Гордон. И когда - точно назвать надо. И еще - он, мол, сделал все, что мог, и рад, что помогал родине

своей. И последнее. Желает он всем своим товарищам быть живыми, жаль только, встретиться с ними больше не придется. И все это сказанное просит доставить к дяде...»

«Какому дяде? Ну, старшина, досказывай!»

«Все. Больше - ни слова. Дяде - и все. Видно, любил он дядю своего сильно, раз перед смертью ему кланялся. Так я думаю. Сначала показалось мне, что хотел он или дядю назвать, или адресок его дать. Но ничего не сказал о нем больше. Там, мол, в разведке, все правильно поймут. Они ждут этих слов. Хотя чего ж такого из сказанного им ждать можно, не секрет же».

«Не секрет... А слова очень ценные ты, старшина, мне передал. Спасибо тебе, Сидоров, что выжил, что донес! Дяде, говоришь? Был, наверное у твоего хефлинга дядя такой, дорогой ему очень... Может, в разведке и работал, а! Потому он тебя и просил к нам дойти. Только к нам...»

«Может и так. Вот дошел, слава Богу. Вроде хорошее дело сделал в аду этом кромешном. Простите, товарищ полковник, вы еще и о тех немцах, которых мы задержали с Губаревым, хотели спросить? Так я с них почти ничего и не знаю. Взяли, отвели, сдали. Разговоров с ними не вели...»

«Да, да, старшина, помню. Только об этих немцах, которые в подметки твоему хефлингу теперь не годятся, мы можем и позже поговорить. Да товарищ твой уже, наверное, капитану Маринину все доложил... А вот скажи-ка мне, Иван Сидоров, ты видел, как немцы расстреляли этих англичан?»

«Никак нет. Они нас с кайлами и лопатами вывели за кладбище, когда там уже только трупы были. Да и те завернули в брезент, обвязали. Мы для них троих одну могилку и вырыли. Вместе их там и уложили, упокоили...»

«Место, место помнишь? Показать сможешь?»

«Так точно!»

«Собирайся, старшина! Быстро. Поедешь со мной. Туда поедем. В Мюнхен...»

Добиться разрешения на то, чтобы самому доставить Сидорова и Губарева в советскую зону, Степанову пришлось сложным путем. Видимо, союзники всерьез имели виды на бывших военнопленных. Почти сутки ушли на оформление документов, на переговоры с английскими службами во Фленсбурге. Но так или иначе, оба бывших патрульных, вырванных из лап вербовщика, в котором Степанов заподозрил работника разведывательных спецслужб США, увозил он в своем автомобиле на восток, торопясь, ибо время неудержимо уходило, а расследование с каждым часом становилось все труднее. Союзники неохотно открывали некоторые факты, другие же, о которых Степанов лишь подозревал, надежно укрывались от него, уплывали в далекие сейфы, цепкие руки.

ЗПИЛОГ

Автомобиль, в котором кроме водителя находились полковник Степанов, капитан Маринин, переводчик лейтенант Иоффе, бывшие военнопленные Губарев и Сидоров, был подорван гранатой на горной дороге по пути к Магдебургу. К счастью, погибший водитель сумел вывернуть машину из-под взрыва. Она боком «притерлась» к скале, развернулась поперец шоссе, мотор заглох, а ее пассажиры сумели выбраться наружу.

В скротечном бою (два пистолета и автомат водителя против еще одной гранаты, «шмайссера» и пистолета нападавших) советским офицерам удалось отбить нападение. Но 6 июня 1945 года на шоссе под Магдебургом, уже после окончания войны, были убиты: водитель автомобиля старшина Сопрыкин (в

результате взрыва первой гранаты), бывший старшина войск НКВД СССР, немецкий хефтлинг Сидоров и переводчик с английского языка лейтенант Иоffe. Со стороны: нападавших - взят в плен референт рейхсфютера войск СС Хайнц (Густав Шредер) и обнаружено два трупа - неизвестного немца в солдатской форме, а также, как утверждал Хайнц, личного телохранителя Г.Гиммлера, гауптшарфюрера СС Отто Лемке. Последний был застрелен капитаном Марининым в момент, когда он пытался в одиночку атаковать подорванный автомобиль и его пассажиров.

В госпитале под Магдебургом армейский хирург в зоне оккупации и ответственности советских войск в Германии сделал сложнейшую операцию тяжело раненному полковнику Степанову. Через двое суток того сумели доставить в Берлин, а оттуда эвакуировать самолетом в Москву в главный армейский госпиталь к Бурденко. Повторную операцию, в том числе и трепанацию черепа, извлечение осколков, производил сам главный хирург Красной Армии профессор Вишневский. И только после операции он смог уверить лично начальника ГРУ генерала Ф.Кузнецова, что жизнь полковника Степанова теперь вне опасности.

«В Германии насчитывается 75 неофашистских объединений, в которых состоит около 20 тысяч человек. Они готовы пустить в ход оружие, чтобы создать тоталитарное государство по гитлеровскому образцу. У них могущественные покровители по всему миру, в том числе и в Соединенных Штатах. И мы щедро оплачиваем деятельность неофашистов, тесно сотрудничаем с западногерманской разведкой, укрываем тех, кто совершает преступления против человечности».

АЛЛЕН ФЕРГЮСОН, ЗАМЕСТИТЕЛЬ ДИРЕКТОРА ЦРУ ПО РАЗВЕДКЕ.

Рейхард Гелен в 1945 году возглавил новое разведывательное управление новой, поверженной Германии – «Бундестагрихтендист» (БНД). Функционировать оно начало еще на территории фильтрационного лагеря по выявлению нацистских преступников и их злодеяний в американском оккупационном секторе ответственности. Затем с помощью своих коллег из США (ОСС-ЦРУ), Гелен отстроил и законспирировал в местечке Пуллах под Мюнхеном свое шпионское гнездо.

«Густав», а в приближенных к нему кругах - «Великий Молчун» - он же Р.Гелен, человек высокого роста, худощавый, с птичьими чертами лица, был очень хитрым, дальновидным, осторожным профессионалом. Даже в истории с нападением англичан на штаб Роммеля и явным просчетом авбвера в агентурной работе, он сумел выйти сухим из воды, не только сохранил за собой свои посты, но и упрочил свое положение - главного армейского разведчика.

Гелен не был, как Роммель, фаворитом Гитлера. Но ему с не меньшей эффективностью помогали делать карьеру его тайные и явные покровители: генералы Эрих фон Манштейн, Адольф Хойзингер, Гудериан, а также Рудольф Гесс и Генрих Гиммлер. К 1944 году Гелен даже имел в своем подчинении спецотряды десанта в составе отдельных армейских частей и дивизий СС.

Последовательный борец с коммунизмом и советским режимом в СССР, Гелен, воссоздав в послевоенной Германии одну из самых эффективных разведок в мире, в конце своей карьеры мечтал стать начальником разведуправления армий НАТО... Уходя на пенсию уже «Доктором» (еще один псевдоним Гелена), он помня услугу, оказанную ему Х.Весселем в истории с диверсией под Тобруком, оставил за себя на «хозяйстве» своего друга и соратника Весселя.

«Наши усилия, чтобы Москва приняла наши концепции, равносильны заявлению: наша цель – свержение Советской власти. Отправляясь от этой точки зрения, можно

доказать, что эти цели недостижимы без войны, и, следовательно, мы тем самым признаем: наша цель в отношении Советского Союза – война и свержение силой Советской власти».

**ИЗ ДИРЕКТИВЫ СОВЕТА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ США.
СНБ 20/1.**

* * *

В далеком Сирийском поселке Идрис под Дамаском живет эта женщина. Хадижка вот уже более 30 лет ждет из дальних странствий своего, данного Аллахом, мужа, любимого ею Шукру. Она не знает нужды – родственники мужа полностью содержат его семью и дом. Давно отдана замуж их дочка Сара и Хадижка время от времени навещает ее дом в Алеппо, отводит душу с внучатами. Но недолго. И вновь спешит к своему дому в Идрисе – нужно ждать, поддерживать там порядок, ведь ее любимый муж и хозяин всегда может появиться дома внезапно, но радостно. Жаль, редко...

Ее иллюзий не развеивают родственники. Хотя еще в 1956-м они получили странное письмо на арабском языке, где сообщалось, что их Шукра, и это точно установлено, погиб в Германии в 1945 году. Место его захоронения не установлено. К письму прилагалась цветная фотография, на которой был снят маленький европейский городок. Чистый и аккуратный. И все думали, что это неспроста, может быть, там нашел свой последний приют на земле и провел свою последнюю исповедь перед Аллахом их беспокойный Шукра?..

Фотография эта до сей поры висит на стене в доме Хаджики. Ей сказали, что в тех местах, изображенных на снимке, бывал Шукра, и это последнее, что о нем пока известно...

«Знаешь, когда-то в юности я мечтал, чтобы о моей смерти узнали из газет. С годами мечта поумнела: пусть люди узнают об этом, прочитав имя на надгробной плите. Но сейчас и этого не будет. Даже надгробной плиты не будет. Но именно сейчас - сейчас! - я хочу выжить. Во что бы то ни стало».

ЮРИЙ БУЙДА. «ДОМЗАК».

* * *

Два пожилых господина долго бродили по окраине Моосбурга. Потом сидели на поселковой площади в гаштетте - кабачке, на хорошем немецком языке расспрашивали завсегдатаев этого погребка о том, почему не сохранено старое кладбище Моосбурга. Им в деталях и печально поведали, что уже в 1946 году проходящая английская воинская часть устроила в окрестностях городка танковый парк со складом горючего. Однажды то ли по недосмотру военных, то ли в результате диверсии действующих в предгорьях остатков банд «наци» - склад взлетел на воздух. Сгорело все, включая кладбище. Хорошо еще, что поселок уцелел, хотя потом пришлось менять черепицу на крышах домов, вставлять в окна стекла. А в те годы, сами знаете, как трудно было со стройматериалами...

Кладбище решили не восстанавливать. Англичане срыли испятнанный мазутом и гарью слой земли, рекультивировали этот клочок местности, разбили здесь садик, а в центре его установили большой каменный красный готический крест, напоминающий теперь о похороненных когда-то здесь предках моосбургцев...

Гостей спросили, не из Чехии ли они, наверное, там, в Судетах, и образовался их легкий и мягкий акцент в немецком языке. Те ответили утвердительно. Заказали

всем моосбургцам, сидевшим в это время в погребке, по рюмке шнапса, «запросили помянуть их товарища, якобы тоже похороненного концлагерными «наци» у стен старого бывшего кладбища.

Скорбно помянули все. Еще памятны были жуткие годы, дай Господи, последней войны на земле. Ведь тогда досталось всем - и немцам, и чехам поровну...

В Моосбурге были два пенсионера от разведки. Генерал Ф.Кузнецов и полковник И.Степанов.

«Итак, война закончилась. Итог ее оказался ужасен. С 1939 года и до конца войны в Северной Африке и Европе, включая военных и гражданское население, убитые составили, очевидно, свыше 35 миллионов человек, а Европейский континент лежал в руинах.

В Северной Африке и Европе, включая Италию, американская армия и военно-воздушные силы потеряли 765 694 человека, в том числе 177 062 человека убитыми. На Средиземном море и в Атлантике военно-морской флот США потерял 10 204 человека, из них 5462 человека убитыми. В целом в войне против Германии и Италии США потеряли 775 898 человек, в том числе 182 524 человека убитыми.

Велики были вклад и жертвы Советского Союза, но вклад и жертвы Соединенных Штатов и западных держав тоже были огромны...

Очень немногие из тех, кто участвовал в боях, могли усомниться, что это было правое дело для союзных наций, ибо доказательства глубокой порочности противника, ужасающей тирании, какую человек способен установить над себе подобными людьми, воочию предстали перед всеми в Бухенвальде, в Бельзене, в Дахау и во многих других местах, в том числе и в маленьком Ор突如其来. Уничтожение этих жестоких мест зла и насилия уже само по себе было достаточным основанием, чтобы пойти на тяжелое испытание, каким была эта война.

Чарльз Б. Макдональд,
заместитель главного
военного историка армии
США. «Тяжелое испытание».

1998г.

И война воспитывает личность

Как, само собой разумеющееся, мы воспринимаем то, что в Великой Отечественную войну взошли полководческие звезды многих военачальников, в том числе и наших земляков. Мы можем с полным правом гордиться героическими ратными делами генералов из Мелекесса: Г.Захарова, В.Баданова, И.Барсукова, А.Полнова, героя боев в Афганистане и Чечне В.Платошина...

Но не только ратников и их воинские таланты высвечивают войны. Мы также вправе назвать имена и достижения фронтовиков, которыми они проявили иные таланты, уже в мирные годы.

Муладжан Гумеров из Мулловки долгие годы трудился неприметно на ткацкой фабрике, на ДААЗе. И мало кто знал о том, что после второй Мировой войны этот заслуженный фронтовик почти год провел на службе в особом карауле, охраняя главных фашистских лидеров на судебном процессе над ними в Нюрнберге. Что эта – нелегкая, но отвечавшая его желаниям и мечтам все фронтовые годы служба, запечатлена в мировом документальном кинематографе, что он стал одним из героев фильма «Суд народов»...

Другой наш земляк – Александр Птицын многие годы проработал на объектах НИИАРа. И опять же, мало кто из его окружения знал о боевой биографии этого человека. Окончив Качинское военно-летное училище в 1940-м, Птицын служил в Среднеазиатском военном округе в истребительном полку майора П.Хары, героя воздушных боев с фашистами в небе над Испанией. В начале Великой Отечественной войны Птицын добился перевода на фронт. Где «бороздил» небеса над Белоруссией, Восточной Европой, Австрией, Германией. Прикрывал штурмовики и бомбардировщики в битве над Берлином. Военный летчик 1-го класса, подполковник Птицын совершил около 200 боевых вылетов, более 100 разведывательных полетов в тылу врага, лично сбил около десятка фашистских самолетов. За что и был удостоен трех орденов Боевого Красного знамени.

Григорий Панкрушин воевать начал с 1939-го, когда РККА освободительным походом прошла на земли угнетенных Западных Белоруссии и Украины, затем – на финской...

С 1941-го его пушки вели уже огонь по фашистам. От стен защищенного Сталинграда Панкрушин снова начинает освободительный поход знакомой дорогой на запад. И так, через всю войну - до Берлина. Стал кавалером двух орденов Отечественной войны I-й степени, ордена Красной Звезды.

Но главное – это то, что наш земляк, после войны ставший в СМУ-14 заслуженным строителем России, - со своим Краснознаменным, Бранденбургским артдивизионом, где он был замполитом, взяв город Познань,

в ночь с 22 на 23 февраля 1945 года, штурмом овладев городком Тирштигель, ПЕРВЫМ из массы советских войск перешел границу фашистской Германии!

Капитан запаса Григорий Шевченко, пройдя всю войну, 30 апреля 1945 года встречал в частях штурмовавших Берлин. В 21 час 50 минут бойцы их 24-го стрелкового корпуса, где Шевченко был помощником начальника разведотдела штаба корпуса, доложили, что над рейхстагом водружено красное знамя!

После войны Шевченко работал в лабораториях НИИАРа, был членом городской комиссии содействия Фонду мира. Занимался на своем участке пытливой селекционной работой, выращивая необычные для наших широт сельхозкультуры, плодовые деревья. Был старейшим членом литобъединения «Черемшан», писал воспоминания, рассказы, повести, стихи. Его произведения были отмечены на литературных конкурсах, публиковались не только в местной и областной прессе, но и сборниках, журналах, альманахах в Киеве и Москве. Так что, творчеством воина-фронтовика и литератора мы, несомненно, можем гордиться.

Командиром полка морской пехоты завершил боевой путь по дорогам Европы Сергей Иванович Гордиенко, позднее ставший в Димитровграде членом литературного объединения «Черемшан», писателем. На страницах местных газет публиковались его мемуары, повести и рассказы о фронтовых делах его товарищей. Из его произведений мы узнали, что он со своей ротой моряков- дальневосточников был брошен, в самые критические для Сталинграда дни, сходу в полымя боев. От стен Волжской крепости наш земляк-писатель дошел до Праги, совершая со своими морпехами боевые подвиги, громя фашистов.

Сергей Гордиенко создал еще один уникальный труд – «Энциклопедию пионеров своего дела». Этот материал рассказывал о сотнях тысяч людей на Земле, которые когда-то и в чем то стали первыми: в открытиях, изобретениях, полетах, спорте, литературе, искусстве...

Когда писатель и воин Гордиенко надевал свой парадный мундир, все дивились обилию наград, украшавших его полковничий китель: ордена Ленина, Боевого Красного знамени, Красной звезды, зарубежные награды. Но особенно поражало, что офицер имел и солдатскую медаль «За отвагу». Когда его спрашивали, как он получил и за что эту редкую среди офицеров награду, Гордиенко немногословно отвечал: «Пришло как-то лично «законопатить» фашистский бронепоезд в тоннеле...».

Мы, к сожалению, не можем сегодня даже предположить, - кем бы могли стать и какую славу родному городу принести павшие на фронтах наши земляки. Выпускники 1941-42-го годов, в основном из первой образцовой школы, они так и остались для нас солдатами второй Мировой войны. Принесли в жертву нам свои жизни: Евгений Певцов, Александр Топталин, Алексей Левашов, Анатолий Миронов, Олег Бакаев, Николай Ерин, Юрий Дорофеев, Виктор Горшенин, Константин Борискин, Евгений Игнатьев, Николай Игнатьев, Александр Игнатьев, Иван Наумов, Николай Обрезков, Олег Сергиевский, Лев Эюс, Лев Галактионов, Борис Евграфов, Николай Коробов, Фаина Жителева, Юрий Недоносков, Евгений Кондрашов, Мария Мусорова, Тося Потапова, Петр Бартенев, Сергей Бартенев, Владимир Бартенев...

Их товарищи, которым посчастливилось выжить в кровопролитной битве с фашизмом, всей своей последующей жизнью и делами славили родной город. Все они были выкованы войной.

Г.Полнов стал первым секретарем горкома КПСС и это его стараниями вырос, облагородился и окреп Мелекесс-Димитровград.

Заслуженными врачами РСФСР стали в родном крае Ю.Слабожанин и П.Калинкина.

А.Пекки стал ученым в институте геологии Карельского филиала Академии наук СССР.

А.Загуляев – известным ученым-энтомологом в Ленинграде.

В.Соловьева была заведующей отделом в горкоме КПСС, директором школы.

Л.Данковцева долгое время была заместителем предгорисполкома; секретарем райкома партии в Молдавии была Антонина Прохорова, а Евгений Лягушев – доцентом Мелекесского филиала Ульяновского политехнического института; офицерами служили в армии и после войны Ю.Цыбко, И.Михайлов, А.Меляшинский.

В Жуковском трудился Ю.Шемарин, в Одессе – Ю.Скурлыгин, в Задонске – Г.Титов, в Ленинграде, начальником службы безопасности на Кировском заводе – В.Игнатьев, в Калининграде – С.Марков, в Куйбышеве – В.Кашкарев...

Но, где бы ни жили воины великой войны, наши земляки, они, стали воспитанными в горниле боев **ЛИЧНОСТЯМИ**. И никогда не забывали, что они – мелекесцы.

Главный инспектор – Климент Ефремович

Одна из димитровградских городских газет, описывая пребывание в нашем городе маршала Советского Союза, бывшего наркома обороны СССР, с декабря 1941-го – Главного инспектора резервных армий и отдельных соединений РККА Клиmentа Ефремовича ВОРОШИЛОВА, писала, что стерлись в памяти точные даты его посещения Мелекесса, нет уже в живых свидетелей этих событий, нет точных дат... Я хочу лишь восполнить некоторые исторические пробелы в летописи родного Мелекесса. В том числе и те, что касаются пребывания здесь К. Ворошилова, - героя гражданской войны, боевого соратника и личного друга И.Сталина.

1. Пастух-повелитель

Клим Ворошилов был родом из Луганской области. С малых лет подрабатывал в деревне пастушком, потом, – батраком на сельских угодьях зажиточных односельчан. Затем перебрался в Луганск, стал подмастерьем на металлургических предприятиях. Мастер-металлист из него вышел никакой, зато в нелегальных кружках и противоправной работе парнишка был заметен!

В 1907 году К.Ворошилов был делегирован на Лондонский съезд РСДРП, где на всю оставшуюся жизнь приобрел себе верного друга, такого же делегата-новичка И.Сталина. В годы гражданской войны новоиспеченный комиссар с

трехклассным образованием командовал соответственно: партизанскими отрядами коммунистов Луганщины, 5-й, 10-й Красными армиями, был политкомом 1-й Конной армии у С.Буденного. Особо отмечен будущим генсеком партии большевиков И.Сталиным в оборонительных боях под Царицыным, в лихих наступлениях на армии русских генералов Деникина и Врангеля в 19-м на Украине и в Крыму.

После гражданской войны Климент Ефремович был последовательным и преданным сторонником своего друга по подпольной работе в Баку – «Кобы», резко противостоял антиподу Сталина - М.Фрунзе, яро разоблачал раскольническую деятельность в РКП(б) Л.Троцкого, концентрировал преданные ему воинские части в Подмосковье, занимался селекционной кадровой работой. В 30-е годы, став уже наркому обороны СССР, твердой рукой убежденного сталинца выкорчевывал из рядов РККА командные кадры времен гражданской, подписывая почти все обвинительные заключения своим бывшим соратникам под расстрельную статью.

Во время Великой Отечественной войны, уже в глубоком пенсионном возрасте бывший пастух и рабочий-металлист, с трехклассным образованием и логикой партизанского кавалериста-рубаки, был брошен Сталиным, как самый преданный кадр, на Ленинградский фронт против ударной немецкой танковой группировки. После чего генералу Г.Жукову, срочно брошенному в Ленинград, пришлось останавливать врага уже буквально на улицах города, а потом - два года плотной блокады, голод и расстрел Ленинграда из орудий фашистов прямой наводкой, ПО ВИНЕ ТОЛЬКО ВОРОШИЛОВА, - унесли жизни более 3000000 жителей!

Единственная способность маршала Ворошилова - казнить и миловать, повелевать и создавать важный вельможно-партийный вид - в ноябре 1941-го была использована Сталиным в некое благо для страны и армии. Первый публичный выход «всенародно любимого» маршала в новом для него качестве: представителя Ставки и ГКО, главного инспектора войск резерва РККА, состоялся в столице нашей области - Куйбышеве 7 ноября 1941 года, где он и начальник Генштаба РККА маршал Б.Шапошников принимали воинский парад частей Приволжского военного округа под командованием генерал-лейтенанта М.Пуркаева. Затем последовали выезды Ворошилова в формирующиеся здесь части резерва фронта.

Первый раз Климент Ворошилов побывал в Мелекессе в январе 1942 года. Здесь он инспектировал подготовку на курсах красных командиров (КОКС) резервистов, располагавшихся в здании бывшего Дома Советов на центральной площади города и, готовившуюся к боям на фронте 58-ю стрелковую дивизию. Теперь обратимся к фактам. 10 сентября 1997 года газета «Местное Время» в подборке «Визит Ворошилова» приводит свидетельства двух наших земляков: А.Маркеловой и Б.Лебедева, которые помнят приезд первого маршала СССР в Мелекесс. Наиболее расплывчаты сведения Маркеловой. Она пишет, что в середине августа, то ли 41-го, то ли 42-го года, когда ей было еще 12 лет, в привокзальной школе готовились к приезду Ворошилова. Детям младшеньким, вроде нее, удалось через дочку начальника станции пробраться на перрон. Там она и запомнила встречу Климента Ефремовича с мелекессцами...

Второй свидетель - Борис Лебедев, работал на станции «Мелекесс» главным кондуктором. Его впечатления о том приезде маршала более объективны: «Еще за несколько месяцев до ответственного момента практически каждого работника станции вызывали в НКВД. Спрашивали о прошлом, о знакомых, родственниках. Хорошенько «трясли» биографию.

...Впереди и сзади правительенного поезда, вагоны которого почему-то окрашивались в розовый цвет, шли точно такие же составы, причем, один на станцию впереди, а второй сзади. Машинисты и даже рядовые кочегары были штатными сотрудниками НКВД. Сам вагон, где ехал Ворошилов, был полон верзил-автоматчиков, которые сопровождали маршала даже в туалет. В вагоне была и своя кухня, где по заказам готовили любое блюдо.

...Заиграл оркестр. Ворошилов в окружении автоматчиков пошел смотреть встречающий его почетный караул из лейтенантов... Ворошилов подошел к этим офицерам и ахнул - все они были с бледными лицами, худые, а одежда вся в заплатках. Маршал крикнул: «Это что за оборванцы!» И тут же приказал разжаловать в рядовые находившегося на перроне начальника КОКСа. Потом... приказал его везти прямо на Торфболото, где формировалась одна из дивизий. Приехали как раз к обеду. Он берет тарелку у одного солдата, а там - месиво хуже лагерной баланды - воняет тухлятиной и на два стакана воды - одна крупинка...»

Считаю, что именно воспоминания Лебедева относятся к январю 1942 года. Подтвердить это может цитата из книги-летописи боевого пути 1-й стрелковой, впоследствии тоже - 58-й, но гвардейской, ордена Ленина, Краснознаменной, ордена Суворова, Красноградско-Пражской стрелковой дивизии. Ее авторы А.Ольшанский и У.Арзымбетов в своих воспоминаниях «Единой семьей в боях за родину» подтверждают: «Одновременно с комплектованием дивизия готовилась к предстоящим боям. Боевая подготовка шла непрерывно ночью и днем... Трехмесячный труд командиров, штабов, партийных и комсомольских организаций увенчались успехом».

Один из авторов, которому я помогал в создании и издании этой книги, мой старший товарищ и министр по делам печати Каракалпакской республики У.Арзымбетов рассказывал мне о том - майском - посещении дивизии маршалом Ворошиловым.

- В январе 1942-го в Поволжье стояли лютые морозы. Части нашей дивизии, состоявшие из парней, уроженцев Киргизии, Узбекистана, Таджикистана и Каракалпакии, были дислоцированы прямо в поле или в перелесках. Мыкопали землянки, валили окружающие леса, строили печки. Но это не помогало. Все резервы, как я теперь полагаю, былиброшены на фронт. Потому не было у нас ни стекла, ни досок, ни теплой одежды, ни вооружения. Что достанем в головом и нищем Мелекессе, принимавшем эвакуированных с Запада и раненых с фронта, - все шло в ход. Жрать - и то было нечего! На «Торфболоте», за железнодорожным мостом у разъезда «Обамза», на мелекесском кладбище - остались тысячи могил призывников из Средней Азии, погибших в тылу от тифа, голода, дизентерии, замерзших на зимних учениях...

Когда приехал с инспекцией маршал Ворошилов, командование дивизии стянуло в «парадную роту» все лучшее, что могло. Но, увидев это оборванное, обмороженное войско из дистроиков, маршал был шокирован. Именно, после посещения им мелекесской дивизии вышло специальное постановление ГКО о троекратном улучшении снабжения формирующихся армий, а уж сколько «голов» высокопоставленных полетело тогда - и не скажу, поскольку был в те годы только парторгом 178-го гвардейского стрелкового полка. И одним из миллионов свидетелей происходящего...

Наиболее авторитетный свидетель тех событий - генерал-майор М.Петров, бывший адъютант маршала Ворошилова. В своей книге воспоминаний «В дни войны и мира» он пишет так: «Инспектирование резервных армий и отдельных соединений было... возложено на Клиmentа Ефремовича Ворошилова... Поезд...

состоял из бронированного вагона-столовой, вагона-гаража, куда помещались три легковые автомашины, одного, а порой и двух пассажирских вагонов, где находились офицеры инспекционных групп и секретариата. Вначале к составу цеплялась платформа с зенитками, но вскоре от нее отказались, так как она только демаскировала нас...

Обычно стоянка нашего поезда на очередной станции была не более двух-трех суток, в зависимости от сложности выполняемых задач. А потом - снова вперед... С середины апреля 1942 года, завершив выполнение первой части правительственного задания, коллектив генералов и офицеров, возглавляемый К.Е.Ворошиловым, приступил к инспектированию еще пяти резервных армий. И, кроме того, восемьми стрелковых дивизий и свыше двадцати отдельных стрелковых, механизированных, танковых и истребительно-противотанковых бригад. **ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ АПРЕЛЯ 1942 ГОДА** прибыли в один из волжских городов, где формировались запасные части и соединения..."

Следуя далее по тексту мемуаров М.Петрова, мы установим, что уже в конце июня этого же года маршал вместе со своим штабом был отозван в Москву для подготовки обширного доклада на совещание в ГКО о мерах по ускоренному обучению командиров и формированию новых частей и соединений. После того К.Ворошилов уже не занимался инспектированием, поскольку в начале сентября был назначен главнокомандующим партизанским движением в тылу врага. А из этого следует, что маршал, как утверждает в «Местном времени» А.Маркелова, не мог быть в Мелекессе в августе 1942 года! Именно в июне 1942-го, после инспектирования ее маршалом, 1-я (58-я) стрелковая дивизия была выдвинута на Сталинградский фронт, откуда начался ее славный боевой путь.

Так что, второй раз К.Ворошилов посещал наш город с инспекцией в мае 1942-го. В своей книге «Мелекесцы в боях за Берлин» - ветеран войны Александр Семенович Милюсов, описывая боевые пути и подвиги трех известных на сегодня дивизий, формировавшихся в Мелекессе, подчеркивает: «14 мая и 16 июня 1942 года 1026 артиллерийский полк посетил Маршал Советского Союза К.Е.Ворошилов, который занимался подготовкой резервов для действующей армии».

Итак, мы, наконец, точно установили, что К.Ворошилов трижды появлялся в Мелекессе в 1941-м и 1942-м годах. Причем, маршал никак не мог ДВАЖДЫ инспектировать один и тот же полк. Так что, следуя моим сведениям из воспоминаний фронтовиков, в июне 1942-го Ворошилов побывал и в других - СТРЕЛКОВЫХ частях 58-й гвардейской дивизии.

Есть неоспоримые факты, что К.Ворошилов в 1942-м лично принимал парад резервных частей в уральском городке Нижние Серги, где среди участников марша было по крайней мере трое наших земляков, выпускников средней школы №1, окончивших Пензенское артиллерийское училище лейтенантов, отправлявшихся на Калининский фронт...

И еще об одном факте в истории Мелекесса времен Великой Отечественной войны, пока нерасшифрованном. Детально изучая материалы в сборнике документов «Ульяновская область в годы Великой Отечественной войны», я нашел любопытную запись в докладе зав. военным отделом Мелекесского горкома ВКП (б) М.Логинова, который доносит, что с 9 марта 1942 года «... при формировании 431-й СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ ... общественные организации вручили воинским частям 13 знамен... Из культурного оборудования передано: портретов 10, художественной и политической литературы - 200 экз.»...

А вот история формирования 431-й дивизии в Мелекессе до сих пор никак не исследована и ее не называют краеведы в своих работах!

2. Добродушный палач

Так каким же он был этот ПЕРВЫЙ МАРШАЛ СССР, любимец детей, офицеров и Генералиссимуса, живая легенда, основатель большевизма, создатель Красной армии, полководец побед РККА?

Об этом нельзя не рассказать, имея в виду, что маршал в Мелекессе не только миловал, но и наказывал примерно резервные части, полуолодных, полураздетых и полуобутых, невооруженных, необученных воевать солдат и деморализованных офицеров. За какие заслуги бывший пастух и слесарь-металлист, имеющий трехклассное начальное образование, был облечен властью казнить и миловать любого в стране победившего социализма?

Сохранились подлинные списки командиров Красной армии всех рангов, подготовленные и подписанные перед войной Ворошиловым, с его циничными приписками в адреса арестованных. Фактически, после затопления нескольких барж, в трюмах которых находились захваченные в боях под Царицыным солдаты и офицеры Белой армии, Ворошилов «расчистил» Красную армию от всех маломальски талантливых командиров старой формации, став самым-самым среди новой армейской элиты. Интересно, что наиболее авторитетных военачальников, таких, как Тухачевский, Блюхер, Корк, Кутяков, Штерн, он поначалу «пригревал» у своей груди: давал отпуска для лечения за границей, принимал у себя дома, дружил семьяно, поселяя на своей даче в Крыму... Но, когда наступал момент истины, маршал Ворошилов, не дрогнув, подписывал своим боевым друзьям и соратникам смертные приговоры. Он лишил армию почти всех полководцев, а в начавшейся войне новых стратегий, технологий и машин, оказался слабым, растерянным, никчемным наркомом...

В.Блюхер: «Клим не в ковше с водой - в ложке готов утопить меня»... Маршал Блюхер погиб в застенках НКВД с выбитыми по приказу Ворошилова во время пыток глазами... Отбившись шашками и пулеметами от наседавших на вагон командарам на маленьком полустанке в предрассветный час чекистов, преемник В.Чапаева его друг и соратник И.Кутяков, командовавший уже Приволжским военным округом, вызвал коменданта станции и велел тому по прямому проводу созвониться со своим другом - наркому обороны К.Ворошиловым. Климент Ефремович в ответной телефонограмме подтвердил пароли и велел Кутякову СДАТЬСЯ ЧЕКИСТАМ. А по прибытии в Москву обещал ЛИЧНО РАЗОБРАТЬСЯ С ПРОИЗВОЛОМ! После этого Кутякова уже никто более не видел в живых...

В годы войны с гитлеровцами Климент Ефремович более известен, как маршал, проваливший с треском порученные ему операции: под Могилевом, когда рухнул Западный фронт, под Ленинградом, когда город оказался в клещах блокады, под Керчию, когда был загублен десант и оставлен врагу весь Крым... Но мы все же продолжаем верить в фантомы прошлого, в «гений» наших полководцев и мудрость сталинских маршалов.

Вспоминает мелекессянка А.Маркелова встречу маршала на мелекесском перроне:

- Я Ворошилова сразу узнала. Он был, как на фотографии, только не в военной форме, а в коричневом костюме. В тот же момент мы подбежали к нему. Все девчонки боятся слово вымолвить, а я начала говорить: «Клим Ворошилов...», а он стоит спиной и не слышит. Тогда я погромче: «Клим Ворошилов, письмо я написала!». Он повернулся: «Это ты мне письмо написала? Умница ты моя!» и погладил по голове. Этот момент я запомнила на всю жизнь.

Б.Лебедев: «Ворошилов на меня особого впечатления не произвел - маленький,

рябой мужичок. Не очень разговорчивый и слегка надменный, хотя была в нем и природная доброта: когда мы прибыли в Мелекесс, и Ворошилов выходил из вагона, он собственоручно подарил мне половину большого пирога и коробку папирос «Казбек». Во время войны это считалось ценностью №1».

Елена Георгиевна Козлова (Рубинова), бывшая жительница общежития в Кремле:

«Однажды нашей ватаге поручили распределять билеты на благотворительный концерт в пользу беспризорников. Самым «не жадным», по нашим понятиям, был К.Ворошилов, вот с него то мы и начали акцию. На Коммунистической улице в правительственном коридоре у входа обычно полуспал швейцар Червяков, мы тихо просочились мимо и позвонили в дверь квартиры Ворошилова. Он выслушал нашу просьбу и опустил в кружку 3 рубля за 10 билетов, денег у него своих не было, и ему их одолжил Енукидзе, который в тот момент был в его квартире...»

Писатель Лев Разгон, лично знавший маршала: «При всем своем внешнем обаянии Ворошилов был коварный и недобрый человек. Если не считать Молотова, никто из окружения Сталина с таким энтузиазмом не глумился над своими вчерашними друзьями, товарищами, помощниками, как Ворошилов... Он не только никогда ни за кого не заступился, но мелко услуживал даже оперодчикам.

...многие наши тогдашние боги были, как и Ворошилов, самой обыкновенной липой, этакой дешевенькой легендой, которая, однажды возникнув, начинала жить самостоятельной жизнью... Не так ли и сегодня все повторяется в наших новых премудрых руководителях...»

Вспоминает Ворошилова в период его пребывания в Мелекессе и его личный адъютант генерал М.Петров:

«Здесь хочу особо подчеркнуть, что наравне с нами достойно переносила все тяготы и лишения беспокойной жизни на колесах и машинистка К.Е.Ворошилова - Лидия Константиновна Павлова, замечательный мастер своего дела, обаятельный человек. Впоследствии по личному представлению Клиmentа Ефремовича она была награждена орденом Трудового Красного Знамени.

Обычно стоянка нашего поезда на очередной станции была не более двух-трех суток, в зависимости от сложности выполняемых задач...

Куда бы ни приезжал наш состав, среди местного населения быстро распространялся слух о Клименте Ефремовиче. И он, несмотря на большую загруженность, находил время для бесед с рабочими и колхозниками. Немало различных просьб поступало к нему и через местные органы власти. И Климент Ефремович всегда оказывал необходимую помощь».

Вот и на примере приезда главного инспектора резервных войск в Мелекесс можно судить о его «отеческой» заботе о бойцах, командах и советских людях вообще. В его первый приезд в городок переформировывалась 58-я стрелковая дивизия, здорово потрепанная в боях на Украине. Солдаты из марлевых рот были еще с недолеченными ранами, разутые и раздетые. Не было вооружения, тылов, пищи, бытовых принадлежностей. Наш городок, принявший к тому времени беженцев и госпитали, детдома и предприятия, формирующий и снабжающий новые части бойцов, был пока не в состоянии помочь еще одной обескровленной немцами дивизии. Увидев эту всю малоприглядную картину, маршал Ворошилов устроил на партхозсовещании выволочку ру ководителям горкома и райкома КПСС, советским работникам. И дивизии помог очень действительно в своем «Ворошиловском» духе: боевой комдив полковник Н.Шкудунович был снят с командования и отправлен в кадровый резерв. Вместо него на дивизию поставили полковника В.Самсонова из команды Ворошилова. Хорошо, что старого комдива не расстреляли прямо перед строем по законам военного времени...

Прониклись речью и посулами маршала и мелекесские руководители: до поступления необходимого дивизии по разнарядке ГКО, наши земляки, буквально по домам, под присмотром чекистов и милиции, собирали валенки, варежки, котелки, ложки, стекло оконное, вымели и последние запасы продовольствия из общепита, по селам из закромов!

Умел работать на показуху и «агитировать» револьвером раздутый пропагандой герой гражданской войны, чьим именем в стране при «всеобщем ликовании» называли при его жизни города и поселки, улицы и пароходы, танки, партизанские и пионерские отряды. Именем того, кто практически обезглавил самую мощную армию в мире, чем развязал руки гитлеровскому командованию, вверг на долгие годы страну в ужасы и смерти второй Мировой...

Генерал Андрей Власов и его «Власовцы» – наши земляки – предатели или герои?

Вторая Мировая война. А. Тейлор, ссылаясь на немецкие источники, дает нам страшную картину потерь советского народа в первые годы Великой Отечественной войны. В 1941-м, под Киевом немцы взяли в плен 665 тысяч человек, воинов РККА; в Крыму и Донбассе - еще 400 тысяч; под Брянском и Вязьмой - 673...

Но самой страшной потерей для СССР была - гибель и плениение в ходе наступления летом 1942-го 20000 воинов на Волховском фронте. Еще и потому, что там 2-я Ударная армия была пленена во главе с ее командармом - генерал-лейтенантом А. ВЛАСОВЫМ. А в дальнейшем, стала орудием Гитлера в борьбе с большевизмом. И в этих рядах были и наши земляки - МЕЛЕКЕССЦЫ!

1. «Власовцы» формировались и в Мелекессе

Фронтовой Мелекесс заслуживает и особого разговора. Второй, после Самары, город в Куйбышевской области, он был главным опорным пунктом в Приволжском военном округе. На 1939 год в Мелекессе жило более 33 тысяч человек. В первые годы войны сюда эвакуировано еще более 10000 человек. Самрайцентр, и его села: Мулловка, Новая Майна, Тинск, Обамза, Бряндино, Новоселки, - были центрами формирования воинских частей.

За период 1941-1942 годов в нашем городке были переформированы, созданы

Заместитель командира 725-го ЛАП по вооружению лейтенант Леонид Гордеев в первые дни войны на фронте был в составе войск 26-й армии Юго-Западного фронта.

было направлено: "141 коммунист, 109 кандидатов в члены КПСС, 126 комсомольцев и 110 человек младшего комсостава". Мелекесс, кроме всего, выделил дивизии: "... 40 котлов для приготовления пищи, 12 пищущих машинок, 4 сейфа, 20 саней, посуду, стекло и стройматериалы для землянок".

2 февраля 1942 года дивизия ушла на фронт под Ржев. Впоследствии ей присвоено имя - "Одерская".

С марта 1942-го, на базе 9-й Запасной саперной бригады, в Мелекессе формируется, выведенная из боев 1-я стрелковая дивизия (в последствии - 58-я, гвардейская, орденов Ленина и Суворова, Краснознаменная, Красноградско-Пражская дивизия). О ее биографии написана А. Ольшанским и У. Арзыбетовым прекрасная книга: "Единой семьей в боях за родину". Части этой дивизии лично инспектировал 14 мая и 16 июня 1942-го маршал Советского Союза К. Ворошилов. В ее рядах сражался и мелекессец - Герой Советского Союза Константин Дмитриевич Шулаев, с которым я был лично знаком...

В Мелекессе же формировалась еще одна - 431-я стрелковая дивизия. К сожалению, о ее боевом пути у нас пока нет достоверной информации...

В нашем городе в первый военный год были открыты и курсы комсостава; сформирован полк народного ополчения из 3-х батальонов, численностью в 1480 человек: 1-й в городе, 2-й в зерносовхозе им. Крупской, 3-й в Мулловке. В первый же год Мировой войны наш городок принял кроме беженцев с Запада, - 3 эвакогоспитала на 1600 мест (в 1-й школе, Учительском институте, санэпидстанции, музее, клубе мелькомбината), 12 вагонов редчайших книг из всесоюзной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина из Ленинграда, Житомирский театр оперетты, Витебскую чулочно-носочную фабрику, детский дом из Ленинграда, экспериментальную мастерскую НИИ Наркомхимпрома, ставшую основой завода "Химмиша" и выпускавшую для фронта вооружение для судов ВМФ...

В 1943-м горожане, склонившись, отправили на фронт целую эскадрилью самолетов-штурмовиков "Валерian Куйбышев" с учебного аэродрома в селе Кошки.

и оснащены четыре воинских дивизии и две боевые бригады! Кроме того - еще отдельные воинские части (полки, батальоны) были включены в 21-ю и 10-ю армии, созданные в первые годы войны на территории Приволжского военного округа.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

На территории Мелекесского района на 1 июля 1941 года в городе переформировывается 336-я стрелковая дивизия, выведенная с Юго-Западного фронта, обескровленная в боях, но со знаменем соединения. Дивизия, почти обесчеловеченная, побывала в знаменитом, созданном фашистами "Уманском котле", пополнившись теперь мелекессцами. Начало ей положили 400 ульяновских курсантов из танкового училища, пешком пришедшие в Мелекес из лагерей в поселке Белый Ключ.

Штаб ее находился в доме по улице III Интернационала, 101. 6 декабря дивизия начала свой новый боевой путь в наступлении из под подмосковного города Одинцово - на Калугу. Впоследствии, за боевые заслуги, дивизия стала: Краснознаменной, "Житомирской".

С 25-го декабря 1941 года в Мелекессе проходило формирование новой - 58-й стрелковой дивизии. В ее ряды, кроме мелекессцев, Ульяновским горкомом КПСС 109 кандидатов в члены КПСС, 126 комсомольцев и

110 человек младшего комсостава". Мелекесс, кроме всего, выделил дивизии: "... 40 котлов для приготовления пищи, 12 пищущих машинок, 4 сейфа, 20 саней, посуду, стекло и стройматериалы для землянок".

2 февраля 1942 года дивизия ушла на фронт под Ржев. Впоследствии ей присвоено имя - "Одерская".

С марта 1942-го, на базе 9-й Запасной саперной бригады, в Мелекессе формируется, выведенная из боев 1-я стрелковая дивизия (в последствии - 58-я, гвардейская, орденов Ленина и Суворова, Краснознаменная, Красноградско-Пражская дивизия). О ее биографии написана А. Ольшанским и У. Арзыбетовым прекрасная книга: "Единой семьей в боях за родину". Части этой дивизии лично инспектировал 14 мая и 16 июня 1942-го маршал Советского Союза К. Ворошилов. В ее рядах сражался и мелекессец - Герой Советского Союза Константин Дмитриевич Шулаев, с которым я был лично знаком...

В Мелекессе же формировалась еще одна - 431-я стрелковая дивизия. К сожалению, о ее боевом пути у нас пока нет достоверной информации...

В нашем городе в первый военный год были открыты и курсы комсостава; сформирован полк народного ополчения из 3-х батальонов, численностью в 1480 человек: 1-й в городе, 2-й в зерносовхозе им. Крупской, 3-й в Мулловке. В первый же год Мировой войны наш городок принял кроме беженцев с Запада, - 3 эвакогоспитала на 1600 мест (в 1-й школе, Учительском институте, санэпидстанции, музее, клубе мелькомбината), 12 вагонов редчайших книг из всесоюзной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина из Ленинграда, Житомирский театр оперетты, Витебскую чулочно-носочную фабрику, детский дом из Ленинграда, экспериментальную мастерскую НИИ Наркомхимпрома, ставшую основой завода "Химмиша" и выпускавшую для фронта вооружение для судов ВМФ...

В 1943-м горожане, склонившись, отправили на фронт целую эскадрилью самолетов-штурмовиков "Валерian Куйбышев" с учебного аэродрома в селе Кошки.

Все это - факты как бы героической биографии города. Но наши историки "забывают" еще об одном, - странном факте из биографии Мелекесса и мелекесцев! Или ... предпочитают умалчивать. И я, долгое время не знал, как подать в печать сохранившийся у меня материал-рассказ Альберта Жирнова - мелекесца-фронтовика из 57-й стрелковой бригады, формировавшейся в нашем городе в октябре 1941-го.

Дело в том, что все официальные источники прошлой поры упорно молчат о том, что в наших краях в 1941-м была сформирована печально известная под именем "Власовской" - 2-я Ударная армия! Даже в специальном сборнике "Краснознаменный Приволжский" - вы не найдете ни строки об этом знаменательном событии. Вроде бы, как и не было такого факта в истории Великой Отечественной войны!

Пришлось залезать в глубины памяти и архива. И вот что выясняется: в октябре 1941-го, в Поволжье была выведена после кровопролитных боев на Украине и под Ростовом-на-Дону крепко поредевшая 26-я героическая армия. Об этом нужно писать подробнее, ибо воины 26-й вполне заслужили этого.

22 июня 1941-го 26-я армия приняла первый неравный бой и сконцентрированный удар гитлеровцев под Львовом. Буквально на острие их действующих армий. Об этом подробно пишет в своей книге воспоминаний маршал И. Баграмян, бывший тогда начальником оперативного отдела штаба Юго-Западного фронта. 26-я - ни на шаг не отошла от своих рубежей по границе СССР, пока немцы, не прорвав фронт справ и слева ее, не создали угрозу окружения армии. Это вообще первые три месяца от начала войны, была единственная армия, которая своими боеспособными действиями полностью блокировала все атаки гитлеровцев. Ни разу, без приказа штаба фронта, не сдав немцам ни одной позиции. Армия ПРОФЕССИОНАЛОВ!

Я горжусь тем, что в ее рядах первые три месяца войны в обороне Киева сражался и мой отец - Леонид Гордеев, один из пятерых фронтовиков-мелекесцев, удостоенный редкой награды - медали "За Оборону Киева"! И только прикрывая отход всей армии, фланги которой "провалили" и сдали соседи - 5-я и 6-я армии, дивизия отца, оставленная в прикрытие отходящих частей, без боеприпасов, в тройном кольце окружения, целиком была или истреблена или - попала в плен! Но основные соединения 26-й, под командованием генерала Ф. Костенко, вышли с боями под Ростов. На берега Дона. Когда в боях погиб весь штаб Юго-Западного фронта, его командующий генерал М. Кирпонос, в плену были три из пяти командармов, - последовал приказ И. Сталина сдать Киев врагу. 26-я, обескровленная, вышла из окружения.

Самый "фартовый" гитлеровский генерал-танководец Гудериан доносил фюреру: "...Пока передо мной стоит 26-я армия русских, - я не смогу двигаться вперед!" Фактически в первые месяцы войны 26-я армия оказалась единственным на всех фронтах самым боеспособным формированием во всей РККА. Она отходила с боями, ТОЛЬКО ВЫНУЖДЕННО ВЫПОЛНИЯ ПРИКАЗ, выравнивая фронт, избегая полного окружения.

Мой отец был всего лишь лейтенантом, заместителем командира артполка по вооружению. А вот отход 26-й, прикрывая от танков Гудериана, исполняла вся 196-я дивизия генерала Яковенко. А отход дивизии прикрывал и артполк майора Корженевского. В том, 725-м ЛАПе и служил отец. Естественно, что в том десятке тысяч человек, прикрывшими чуть ли не голыми телами отход основных частей, в живых, но плененными остались только сотни... У которых не было уже ни только орудий, но и винтовок, пистолетов и патрон, чтобы застрелиться самим!

Отход, полностью погибшей в боях 6-й армии, до Киева прикрывала 99-я стрелковая дивизия. Еще год назад ею командовал генерал Андрей Власов. Теперь же он был назначен командовать и срочно, из того, что «окажется под рукой», формировать 37-ю армию, чтобы она непосредственно прикрыла от наступающего врага столицу Украины. 37-я армия генерала Власова, выполнив свой долг, последней, в сентябре 41-го покидала приднепровские рубежи, уже рассеченная немцами на три части, но с упорными боями, так же как и 26-я прорывая кольца окружения.

Части 26-й, под командованием генерала Костенко, еще прикрывали Полтаву и Харьков, сражались позднее под Ростовом, где и были разбиты в октябре 41-го...

26-я армия, оставшись без погибшего в боях командарма, была выведена на переформирование в Поволжье. На территории нашего военного округа оставалось немного мест, где можно было бы обучать и организовывать такое количество войск. В Самаре, Саратове и Пензе формировались новые - 25-я и 10-я армии. Потому новые части 26-й готовились в Оренбурге, Казани и Мелекессе. Поскольку из пяти командармов Юго-Западного фронта двое погибли в боях, а двое были пленины немцами, а их войска не раз находились в окружении за линией фронта, старый состав воинских частей был признан «неблагонадежным». Потому и новым командармом стал не единственный «боеспособный» из той пятерки - генерал А. Власов, находившийся в резерве Ставки, а генерал-лейтенант Г.Г.Соколов, проходивший свою службу в ЧК и НКВД.

Хочу привести пример его «полководческих» способностей. Отраженных в приказах по армии:

«Хождение, ползание как мух осенью, отменяю и приказываю впредь в армии ходить так: военный шаг - аршин, им и ходить! Ускоренный - полтора, так и нажимать!

С едой не ладен порядок. Среди боя обедают, и марш прерывают на завтрак. На войне порядок такой: завтрак - затемно, перед рассветом, а обед - затемно, вечером. Днем удастся хлеба или сухарь с чаем пожевать - хорошо, а нет - на том спасибо, благо, день не особенно длинен.

Запомнить всем - и начальникам, и рядовым, и старым, и молодым, что днем колоннами больше роты ходить нельзя, а вообще на войне для похода - ночь, вот тогда и маршируй! Холода не бояться, бабами рязанскими не наряжаться, быть молодцами и морозу не поддаваться. Уши и руки растирай снегом!»

Вот таков был теперь после гибели генерала Федора Яковлевича Костенко командарм в 26-й.

Именно с этого периода и начинаются нестыковки в официальной мелекесской истории. Как мы помним, в августе 1941-го в Мелекессе формируется 336-я дивизия. В декабре - 57-я. В марте 1942-го - 1-я. Причем, на базе 9-й саперной бригады. Кроме еще ополченского полка, войск в нашем городе больше как бы и не было. Но вот свидетельство нашего земляка, солдата Великой Отечественной войны А. Жирнова:

- В октябре 1941 года меня мелекесский райвоенкомат призвал в учебную роту. Мы занимались в лагерях у Новой Майны. Здесь формировалась 57-я стрелковая бригада: четыре батальона пехоты и саперная рота. Был еще взвод разведки из лыжников. Большинство ребят призвали из-под Бугуруслана и на лыжах они ходили очень плохо. Мы, «лесные люди», учили их на лыжне хотя бы держаться. Но, что толку, если ты в 18-20 лет впервые лыжи надел! А война-то, - это не шутки и не соревнования, не прогулка...»

1 декабря 1941 года 57-я стрелковая бригада, еще 6 таких бригад и одна дивизия

- и составили реанимированную 26-ю армию (в июне 1941-го армия генерала Костенко насчитывала “по мирному” времени 3 стрелковых, одну авиадивизии, отдельный мехкорпус и один артполк, три отдельных зенитных дивизиона). Так вот эта “полуармия”, недокомплектованной, полуобученной, полуоголодной была срочно брошена Ставкой на Волховский фронт, исполняя одну из двух (кроме обороны Москвы) на то время задач стратегического характера, - разблокирование Ленинграда. Теперь запомним , что Мелекесс к тому времени уже принял из города Ленина библиотеку союзного значения “Салтыковку”, детский дом, госпиталь. Настало время помочь ленинградцам боевыми частями. Именно мелекессцы составили ядро в формировании 26-й армии. Основа ее – 57-я лыжно-стрелковая бригада спецназа наполовину состояла из наших земляков, мальчишек-добровольцев, которым не было 18 лет! Приведу пример: тогда же из Карсунского и Вешкаймского районов нашей области добровольцами в 10-ю армию, формировавшуюся в Кузнецке под командованием бывшего начальника ГРУ генштаба генерала Ф. Голикова, ушло около тысячи добровольцев-ульяновцев. Среди них было двое знакомых мне. После войны они поселились в Мелекессе: П. Павлов был заместителем начальника горотдела МГБ, а В. Будилов директором 25-й школы. Они ушли на фронт защищать Москву, когда обоим едва исполнилось по 17 лет, прибавили в метриках по году, а в военкомате на это “не обратили внимания”!

Но вот путь мелекессцев в составе пока еще 26-й армии на Волховский фронт, - это путь к их “проклятию в истории” войны.

2. Как их «кинули»

Командующим Волховским фронтом Сталин назначил бывшего начальника генштаба РККА генерала К. Мерецкова. Который только что был выпущен из застенков НКВД. Одно это говорит о том, какое значение Сталин придавал этому фронту и задаче по разблокированию Ленинграда. Генерал, еще плохо передвигавшийся на ногах (у него отбили почки, сломали ногу, подавили психику и волю), получил задачу на наступление войск Волховского фронта в направлении Новгорода и прорыва кольца вражеской обороны под Ленинградом. Находящийся в окружении голодный, плохо вооруженный, измотанный Ленинградский фронт генерала М.Хозина, должен был стать вспомогательным в этой операции. В усиление Волховскому фронту в конце ноября из Поволжья стали выдвигать новую армию, которая уже во время ее выдвижения из 26-й была переименована во 2-ю Ударную. Но, как ее не назови, то, что было в нее понапихано на скорую руку, боеспособным назвать было трудно. Вместо 4-5 стрелковых, обученных воевать в поле дивизий, в ней была лишь одна, сформированная из войск НКВД. 7 бригад и пять отдельных лыжных батальона были собраны из мальчишек-новобранцев, да и “старики”, пришедшие из боев на Украине, лыжами владели плохо, они прошли только летне-осеннюю кампанию на Юго-Западном фронте. Самой стойкой была здесь дивизия, собранная из воронежских рабочих дружины. Но ни одна часть не имела боевого опыта!

Так происходили события на фронте:

21 ноября 1941 года.

Полковник Антофеев пеняет командарму Соколову, - что дивизия его еще на марше, у него нет боеприпасов и продовольствия, - на что командарм-“стратег из НКВД” отвечает: “...Так требует “Хозяин”(Сталин), значит надо выполнять приказ”.

10 января 1942 года комфронтом К. Мерецков, убедившись в

небоеспособности генерала Соколова, заменяет его на генерала Клыкова. А тот, в свою очередь, перед самым наступлением, заменяет ВЕСЬ состав Военного совета и штаба 2-й Ударной.

11 января Клыков убеждается, что в армии израсходован ВЕСЬ БОЕЗАПАС снарядов и патронов!

13 января по приказу Сталина все еще не полностью переброшенная на передовую из эшелонов 2-я Ударная идет в наступление. Встречное же движение войск Ленинградского фронта успешно отбито немцами.

14 января, за счет других армий, поддерживающих наступление 2-й Ударной, ей передано по 3 (!) бекомплекта на каждое орудие...

25 января К. Мерецков просит (!) Ставку Верховного главнокомандования поддержать прорыв 2-й Ударной дивизиями, снятыми из соседних, вспомогательных армий и, - ПОЛУЧАЕТ ОТКАЗ. Наступающие части 2-й Ударной оторвались от основной линии фронта на 80 километров, при ширине этого прорыва всего в 25! Поддерживающие их армии соседей так и не смогли прорвать свой фронт!

Введенные в прорыв вслед за 2-й Ударной кавалерийская и стрелковая дивизии резерва - окружены немцами и с боями прорываются назад...

6 марта на Волховский фронт прибывают член ГКО Г. Маленков и маршал К. Ворошилов. Вместе с ними на должность зам. Командующего фронтом прибыл генерал-лейтенант А. Власов.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Андрей Андреевич Власов. Кличка "Ворон". Родился в 1901 г. в селе Ломакино Нижегородской губернии, в семье священника. В 1917-м поступил в Духовную семинарию. В 1918-м оставил учебу и перевелся в Московскую сельхозакадемию. В 1919-м добровольцем вступил в РККА. Воевал на Южном фронте. Закончил один курс вечерней военной академии. С 1920-го выдвинут на командную должность. С 1930-го - член ВКП(б). В 1938-39 годах, под командованием маршала В. Блюхера, служил военным советником в Китае. Награжден орденом генералиссимуса Чан-Кайши, медалью "XX лет РККА". Служит в штабе Ленинградского военного округа в должности начальника разведотдела.

С 1940 года - командир 99-й стрелковой дивизии в Киевском Особом военном округе. С 25 по 27 сентября его дивизия участвует в смотровых учениях в присутствии наркома обороны С. Тимошенко и командующего округом Г. Жукова. Впервые за последние годы в приказах по РККА отмечается очень высокая подготовленность и выучка дивизии Власова, его умелое командование войсками. Газеты несут хвалебными статьями о нем. За этот успех дивизия и ее артиллерия награждены переходящими красными знаменами. Лично нарком обороны награждает А. Власова золотыми часами. Правительство - орденом Ленина. В его аттестации на повышение генерал армии Г. Жуков записывает: "Предан партии Ленина-Сталина и социалистической родине... Прекрасно всесторонне развит, военное дело любит... Хороший руководитель и методист, обладает высокой оперативно-тактической подготовкой... энергичен. Смел в решениях, инициативен."

В июле 1941 года генералу Власову поручается формирование 37-й армии, которая с ходу вошла в бой под Киевом. Он организует мощный укрепрайон в столице Украины и после отхода за Днепр штаба фронта, фактически командует всеми войсками ЮЗФ, участвующими в обороне Киева. После приказа Сталина, 37-я, прорвав двойное кольцо немецкого окружения, отошла за Днепр. Фактически гитлеровцам так и не удалось взять у Власова Киев!

В период, когда в стране организовался дефицит командных кадров, вследствие

массовых репрессий перед войной, А. Власов становится фаворитом Сталина, облеченный его особым доверием, газеты пестрят хвалебными о нем статьями - "Сталинский полководец", по авторитету Власов уже превосходит Жукова. Потому, когда в конце октября 41-го немцы почти вышли на улицы Москвы, и в поселке Красная Поляна фельдмаршал фон Бок в бинокль рассматривал Москву, Сталин бросил в бой еще не до конца сформированную Власовым в тылу 20-ю армию. И здесь генерал Власов блестящее выполнил требование вождя - вышиб вражеские войска именно из Красной Поляны, отодвинув фон Бока от столицы. А разгром его армией фашистской группировки на реке Лама - вошел в учебники по военной тактике, стал самым значимым эпизодом в битве под Москвой.

Теперь становится понятным, какие надежды возлагал Stalin, посылая генерала Власова заместителем к нерешительному с подавленной психикой командующему Волховским фронтом Мерецкову!

Как грамотный, но неуверенный и малоинициативный военачальник Мерецков понимал, что введенная им в прорыв 2-я Ударная армия, ввиду неудачного наступления соседних с ней войск теперь находится в вытянутом далеко вперед "мешке". Прервано ее снабжение. Лыжники завязли в раскисших лесных болотах. Задача по прорыву блокады Ленинграда фактически сорвана. Как опытный высокопоставленный генштабовский и цзюковский аппаратчик Мерецков также понимал: ПОЧЕМУ к нему заместителем назначен А. Власов. Через короткое время Мерецков из комфорта вновь бы переместился в арестантку НКВД!

Но и сам генерал Власов, несмотря на свой фаворитизм у Сталина, хорошо понимал, что сначала - окружение Ленинграда, поражение здесь от немцев, а теперь сорванная разблокировка на Волховском фронте, - уже стоили отставки сталинскому другу К. Ворошилову. Ставленник маршала Жукова, стабилизировавшего фронт под Ленинградом, генерал М. Хозин, так и не сумевший продвинуться с войсками ни на метр, отправлен Сталиным на "тухлый" тыловой Приволжский ВО, хуже всех пришлось маршалу Г. Кулику. Его войска так и не сумели взломать оборону немцев извне и выйти к железной дороге на Ленинград. 54-я армия, как и 2-я Ударная увязла в обороне врага. Уже в январе 1942-го нарком внутренних дел Л.Берия представил Сталину рапорт:

“...маршал Кулик настроен пораженчески, поддался панике... не организовал отпора врагу”... за сим последовало постановление ГКО и оргвыводы: “...привлечь к суду маршала Кулика и передать его дело на рассмотрение прокурора СССР”. Следомшло постановление Пленума ЦК ВКП (б): “...исключить Кулика Г.И. из состава членов ЦК ВКП (б)... снять Кулика Г.И. с поста...”

Но то был маршал! Старый боевой товарищ Сталина. Чего же могло ожидать всего-то генерал-лейтенанта Власова? И Андрей Андреевич отдавал себе отчет в надвигающейся беде.

ХРОНИКА НАДВИГАЮЩЕЙСЯ ТРАГЕДИИ

7 марта - во 2-й Ударной, по приказу К.Мерецкова, в третий раз (!) за два месяца меняется начальник штаба. Генерал В.Визжалин - на полковника (!) С.Рождественского.

10 марта, в связи с тяжелым заболеванием (!) в тыл эвакуируется командарм-2 генерал Клыков. Его обязанности исполняет генерал П.Алферьев. Армия продвигается вперед на 100-200 метров в сутки!

19 марта. Ставка требует от Мерецкова атакующих действий фронта. При этом комфортом не только не дают обещанную из резерва армию, - но и запрещают переброску в полосу наступления 2-й Ударной двух дивизий из армий обороны.

9 апреля. Гитлеровцами полностью перекрыт "перешеек" в районе местечка Мясной Бор, снабжавший армию боеприпасами и продовольствием. В окружении оказались и части 59-й армии.

16 апреля. Мерецков, услав своего заместителя "от греха подальше" - помогать наступлению в штабе 2-й Ударной, требует от Власова принять командование окружеными войсками. Власов не соглашается с таким решением. Тогда Мерецков приказом НАЗНАЧАЕТ замкомфронта (!) командармом без согласования со Ставкой. Соответственно Власов становится ответственным за разгром армии и НЕ ВЫПОЛНЕНИЕ приказа Ставки на прорыв!

21 апреля Ставка ЛИКВИДИРУЕТ весь Волховский фронт! Тем самым как бы утверждает приказ Мерецкова и закрепляет за Власовым ответственность за ВСЕ дела во 2-й Ударной. Командующий теперь уже объединенным Ленинградским фронтом и инициатор объединения генерал М.Хозин со своими войсками по ту сторону немецкой блокады в ходе всей наступательной операции так и не смог ни на километр приблизиться к атакующей противника с внешней стороны 2-й Ударной.

Именно с этого дня и до июня 1942-го, всего полтора месяца был генерал Власов командующим войсками, сражавшимися в полном окружении. И, нужно сказать, опытный военачальник, имевший практику вывода войск из окружения, уверенно руководил армией.

Но 30 мая следует приказ Ставки М.Хозину на новое наступление! Хозин передает его во 2-ю Ударную, где без боезапасов "по уши" увязли в лесных и болотных боях всего-то 2 дивизии и 7 неполноценных бригад. Армия была блокирована немцами и с флангов, воевала без поддержки соседей. Выход был единственным: прикрывшись с фронта и флангов от наследавшего врага, ударом в тыл - на Мясной Бор, восстановить "перешеек" и отойти к войскам фронта за Волхов!

Ни бывший комфронт (впоследствии, маршал) К.Мерецков, ни настоящий - генерал М.Хозин, впоследствии за провал собственной инициативы объединения фронтов "униженный" до Приволжского ВО, понимая всю гибельность наступления 2-й Ударной, знающие о необходимости ее выхода из окружения, не станут искать пути спасения войск. И только в конце мая Ставка санкционирует отход армии из "котла". Но, остается вопрос: КОМУ передан этот приказ? С армией уже нет связи! "Перешеек", восстановленный в ее тылы извне, составляет в поперечнике всего один километр! Из армии не могут эвакуировать раненых, у воюющих в разлившихся болотах солдат нет еды, кончаются патроны!

Рассказывает А.Жирнов, боец 57-й "мелекесской" стрелковой бригады:

- Жрали еловые шишки, червей, лягушек... Кости, уцелевшие от убитых и разложившихся коней, считались деликатесом. Солдаты походили на скелеты. Не только наступать, передвигаться-то могли с трудом. Я был ранен в щеку, все боялся отстать от своих ребят, которые пробивались на "перешеек", хотя там был такой кошмар! Немцы перервали этот километр минами и снарядами, и только ночью можно было там проползти! Мне не удалось... Попал в плен к немцам.

А вот письмо-свидетельство И.Деменкова к родным, опубликованное в газете "Правда" 5 февраля 1970 года:

- Я получил первое ранение под Тихвином, второе на Волхове... Мы в окружении копали окопы штыками, прикрывая отход наших полков... Помню, как пробирался я на кукурузное поле, которое обстреливал противник... оттуда меня тащили раненого к "перешейку", потом - госпиталь, где выходили по-матерински медсестры. Выписали -и - вместо фронта - отправили в лагерь..."

Когда генерал Власов повел свои войска на прорыв, - он мог полностью

полагаться только на дивизию генерала Антюфеева, где еще оставалось до 1000 человек, которые за неделю уничтожали до 500 гитлеровцев. Остальные части, разделившись на мелкие группы, ползком, шли за линию фронта, голодные израненные... Вышла из окружения и вынесла знамя 92-я стрелковая дивизия - всего из 15000 человек личного состава - 83 бойца!

23 июня генерал Власов еще раздавал бойцам медали "За отвагу" и "За боевые заслуги". А 25 июня командующий ВНОВЬ ВОССТАНОВЛЕННЫМ Волховским фронтом К.Мерецков с радостью бывшего "зэка", издает приказ ОБ АРЕСТЕ командарма 2-й Ударной, генерала А.А.Власова!

3. Предатели? Назначенные в «Крайние»?

2-я Ударная, в принципе, продолжила свое существование до дня Победы. Но те, кто попал в окружение на Волхове, названы были страшным словом: "ВЛАСОВЦЫ"! Итого, около 30000 человек. В том числе - 57-я "мелекесская" стрелковая бригада. Получившие приказ разблокировать кольцо гитлеровцев вокруг города Ленина. Попавшие в лесах и болотах Новгородчины в плен или павшие там. Выжившие в этой бессмысленной "мясорубке". Израненные дистрофики. Потерявшие своего полководца...

По его имени назвали ВСЕХ, кто с оружием в руках противостоял нам - "Власовцами". Кем же они были? Почему стали такими?

Начнем с того, что во 2-ю Ударную из ПриВО было отправлено 7 бригад: 19-я запасная, 91-я отдельная танковая, запасная - полковника Г. Лапшева, 31-я, полковника С. Кувшинова, танковая, полковника Орлова, 57-я стрелковая, "мелекесская", еще одна - отдельная танковая...

В основном, - из призываников уроженцев Казахстана и Оренбуржья. Поставленные на лыжи, но плохо обученные на них ходить. В прорыв они шли по сугробам пешком, лыжи несли на плечах, жители степных районов, они по воле Сталина-Жукова были брошены в леса и болота, которых никогда не видели, не знали. Вооруженные винтовками, вместо автоматов, тащившие в прорыв орудия без снарядов, управлявшие легкими, слабобронированными танками, с моторами, работавшими на бензине, замерзающем на морозе,тонувшие в болотах...

Им дан приказ: ПРОРВАТЬ МОЦНЫЕ УКРЕПРАЙОНЫ ПРОТИВНИКА ВОКРУГ ЛЕНИНГРАДА! Хотя, от времени отдачи этого приказа до окружения 2-й Ударной, в наступающей армии - ТРИжды сменилось командование! Генералу Власову выпала самая незавидная доля: выводить почти разгромленное войско из окружения. И он сделал все, что мог: вывел из лесов и болот 16000 солдат и офицеров. Но при этом - более 6000 воинов погибло, 8000 пропало без вести. 11 июля сам генерал-лейтенант А.А.Власов перешел на сторону немцев. ПОЧЕМУ?

Давайте порассуждаем:

первое - несмотря на то, что он был "лучшим сталинским полководцем", Власов уже до того дважды выводил свои войска из окружения, чем, видимо, исчерпал кредит доверия у вождя. Победоносный генерал усилиями будущего маршала Константина Мерецкова (на смену которому Сталин и прочил Власова), "отмывающегося" от берииевских застенков, брошен вместо маячившей должности комфронтом, на армию, которая к его приходу туда уже была деморализована и

небоеспособна, гибла в болотах. Но спрос теперь в полной мере был бы именно с ее последнего командира - Власова (помните приказ Мерецкова о его аресте?).

второе, - он сдался врагу. И на то была своя причина. Власов хорошо понимал, что Сталин теперь припомнит все: "поповское происхождение" генерала, сдачу Киева, провал наступления под городом Ленина (хотя, в этот период был блокирован Сталинград, дважды отдан врагу Харьков, сданы Воронеж и Керчь). Кстати, в это же время учинена расправа и над замом наркома обороны, маршалом Куликом! Именно потому Власов, выведший из окружения всех, кого смог, потерявший в боях и от самоубийств генералов из 2-й Ударной - И.Зуева, С.Буланова, Ф.Черного, А.Шашкова, - сам перешел на сторону противника. А там возглавил Русскую оппозицию сталинскому режиму. И тех, кто поверил ему, кто был его единомышленником, кто вступил ДОБРОВОЛЬНО в Русскую Освободительную Армию и вел бои с Советской Армией с 1944 года, назвали его именем - "Власовцы". Хотя большинство и не были бойцами 2-й Ударной, не шли с генералом Власовым в плен.

Кем же были эти люди? Обычные бойцы и офицеры, брошенные своим командованием в смертном бою, под давлением обстоятельств и в невыносимой обстановки, взятые в плен. Отправленные в немецкие концентрационные лагеря, сломленные ранами, голодом, режимом содержания. И только немногая часть из них - сознательно перешедших по идеяным соображениям на сторону врага.

Среди «власовцев», не перешедших за своим генералом-предателем на сторону врага был и наш земляк А.Жирнов, и другой наш земляк, которому повезло выйти из окружения - Н.Егоров, сражавшийся в 99-й дивизии (в последствии - воздушно-десантной). Они не попали в число "оборотней", не было их и в рядах власовской РОА, но мы и не знаем, сколько еще наших земляков, плененных там, потом воевали на стороне гитлеровцев??!

4. «Ворон»

Такую кличку дали генералу Андрею Власову в НКВД. Его поступок считается и сегодня многими бесчестным. Нет, до Власова в плену у немцев были и другие советские генералы: Карбышев, Понедельин, Лукин... В окружении застрелился генерал Ефремов. Но Власов и его сформированная для борьбы со сталинским режимом РОА, стали для советского коммунистического руко-

водства самым сильным раздражителем, даже более, чем сами гитлеровцы. Потому, еще в годы войны, Л.Берия и его подчиненные чекисты сформировали спецбригады для физического уничтожения генерала Власова. Которому и дали кличку “Ворон”. Ближе всех к исполнению этой цели были, завербованный НКВД, ранее плененный немцами, начальник артиллерии 8-го стрелкового корпуса 26-й армии (переформированной во 2-ю Ударную), комбриг М. Богданов. В РОА Власова он стал начартом. Но ему не удалось ни отравить, ни убить, не взорвать Власова, как предполагалось. Сам же он потом, как ни доказывал, что был агентом НКВД, был расстрелян по приговору советского суда.

Не смотря на активные действия диверсантов Берии, вместе с генералом Власовым РОА создавали: майор И.Евстифеев, генералы А.Благовещенский, В.Малышкин, Ф. Трухин, Г.Жиленков, Д.Закутный, И.Меандров, В.Мальцев, С.Буняченко, Г.Зверев, В.Корбуков, Н.Шатов.

И последнее. Каким же он был - генерал-лейтенант и несостоявшийся маршал - Андрей Власов? Вот что говорит клирик Московской патриархии, бывший настоятель православного храма в Нью-Йорке, отец Александр:

- Был он очень высокий - за 190, - плотный, осанистый, представительный. Уехав из Берлина в конце войны, вывез с собой в Фюсен митрополита Анастасия, главу Зарубежной Церкви... бывший партиец, мог нести и сам церковную службу, - без запинки произносил “Символ веры”, другие молитвы. Значит, не все еще выдул из его семинаристской головы красный сквозняк. Много говорил о большевиках, о зверствах Сталина...”

Из “Обращения Русского Комитета” к бойцам и командирам Красной армии, ко всему русскому народу:

“Русские люди! Друзья и братья!

Довольно проливать народную кровь! Довольно вдов и сирот! Довольно голоды, подневольного труда и мучений в большевистских застенках. Вставайте в борьбу за свободу!”

Так писал в 1943-м году генерал Власов. Его войска из РОА несли этот девиз в страшные по жестокости и братоубийству бои между русскими солдатами под венгерским озером Балатон и под чешской Прагой. “Власовцы” сами в плен не сдавались, они сознательно шли на гибель, предпочитая смерть сталинским застенкам.

Андрея Власова советские спецназовцы “достали” в мае 1945-го. В том же году его расстреляли.

...А сын Андрея Андреевича до сего дня живет в Самаре...

И еще несколько штрихов к этой истории:

Символично, что генерал Власов сдался немцам в деревеньке названием Пятница, с ним была только повариха. Его личную капитуляцию принимал командующий группой немецких войск на Волхове генерал-полковник Линдеман (“Липовый человек” в переводе) и именно в пятницу...

Сталин настолько возненавидел Власова и всю (!) 2-ю Ударную армию, что, несмотря на ее героические дела в будущем, из 35 Героев Советского Союза в этом соединении, ни один не получил высокого звания ни в 1942-м, ни в 1943-м годах!

В редакции газеты 2-й Ударной - “За Отвагу!” - служил и погиб под Мясным Бором поэт Всеволод Багрицкий, сын известного советского поэта Эдуарда Багрицкого.

В редакции его заменил поэт М.Залилов. Ныне это героический сын татарского народа. Герой Советского Союза, один из лидеров борьбы антифашистов в

гитлеровских застенках - Муса Джалиль, попавший в плен вместе со своим командармом Власовым...

Еще один симбирянин и писатель Николай Троицкий (Норман) попал в плен в 1941-м году. До 1943-го был в концлагерях, где получил предложение идти в РОА Власова. С тех пор этот бывший семинарист из Симбирска был чиновником по особым поручениям при бывшем семинаристе - генерале А. Власове. Работал под псевдонимом «Нарейкис». Затем - долгие годы скитаний по Германии, Испании, Америке. Лишь в феврале 2000-го года Троицкий вновь побывал в Ульяновской области. Как гость, автор десятка острожюжных книг о сталинском режиме, о генерале Власове, о Русской Освободительной Армии...

В армии Катукова

5 января 1942 года в Ставке Верховного Главнокомандующего И. Сталина состоялось совещание, где было принято решение об общем наступлении на гитлеровские войска под Москвой. Это был план ВТОРОГО этапа по ликвидации группировки немецко-фашистских войск на подступах к столице. Интересно, что на совещании, кроме Сталина, генералов Ватутина, Штеменко, Захарова, Василевского, Черняховского, Рокоссовского, Москаленко, Баграмяна, Рыбалко, участвовали и интересующие нас лица. Это - Г. Жуков, Е. Петров (впоследствии ставший заместителем Жукова по проведению учений со взрывом атомной бомбы на Тоцком полигоне), а также - командующий 20-й армией генерал... Андрей Власов и командующий гвардейской танковой армией генерал М. Катуков.

Наступление это, начавшееся 10 февраля, дало результаты только в направлении Вязьмы и на калужском направлении. Затем оно завязло в снегах, морозах, плотной обороне гитлеровцев... Но особо отмечались успешные действия войск генералов Белова, Власова, Катукова. Было это 68 лет назад...

• Каких только былей и легенд не случалось с нашими земляками, которые прошли фронты Великой Отечественной войны! Хватит не на одну книгу... Этот рассказ о том, как мелекессец, гвардии полковник Евдоким Катиркин воевал под командованием прославленного полководца Михаила Ефимовича КАТУКОВА.

1. Однополчане

Хотя, судя по рассказу Катиркина, в разное время в войсках Катукова воевали еще три человека из нашего города кроме него самого, - бывшего начальником связи 4-й танковой бригады. Еще были: бывший председатель горисполкома и инспектор ЦК профсоюзов по Мелекессу - Петр Васильевич Епанешников и - бывшая санинструктор Александра Никандровна Земцова.

Е.П. Катиркин в 1974-м году подробно описал встречу ветеранов 1-й танковой армии маршала бронетанковых войск Катукова с жителями братской Украины, в местах, освобожденных от гитлеровцев воинами-катуковцами. В дальнейшем мы будем придерживаться его текста.

Прямо мистически знаменательно, что танковой армии Катукова за освобождение украинского города Чорткова было присвоено наименование “ЧОРТКОВСКОЙ” - это, если бы, как за освобождение села Бесовки в Новомалыклинском районе, - называли бы армию освободителей - “БЕСОВСКОЙ”...

Хотя, истинный смысл в “Чортковских” действиях танкистов и их командаира М.Катукова,- был налицо. Воины из соседних с катуковцами частей с ласковой подначкой звали танкистов за их непрезентабельный вид “мазутными чертями”. А немцы, страшно боявшиеся неудержимой лавины атакующих танков Катукова, - “бронированными чертями”...

Впервые, подполковником, Катуков в истории Великой Отечественной войны возникает в 1941-м году, в рядах войск Юго-Западного фронта. Тогда, в июне-сентябре его судьба, да и судьбы его однополчан - не стоили и полушки...

Блестящие немецкие генералы-победоносцы и их танковые армии распяли и изнасиловали всю Европу. Намотали на траки своих боевых машин Польшу, Югославию, Чехословакию, Бельгию, Францию, Голландию, Данию, Норвегию, Австрию. Будущие фельдмаршалы Гот и Гудериан беспрепятственно начали свое шествие в историю. И некому, и нечем было им оказать достойное сопротивление. Если бы...

20-я танковая дивизия РККА, в составе которой была и 4-я танковая бригада, сформированная в 1941-м подполковником Катуковым, к 26-му июню вышла в район сосредоточения на прикрытие советской границы в поселок Клевань под Ровно. Но 22-го июня ее командир М.Катуков еще находился в Киевском окружном госпитале по поводу операции на почках. В тот же день, услышав о начале войны, этот несгибаемый военный профессионал, весь в повязках на незаживших еще ранах от скальпеля хирургов, выкрав форму из каптерки, выехал на фронт в свою бригаду. Бесстрашие не долеченного в госпитале комбрига и его танкистов перед немецкими “танковыми клиньями”, равнодущие к собственной жизни и воинское умение, - породили некую боевую безрассудность уже в первые дни войны. Бригада, невзирая на потери и превосходящие силы врага, шла и шла в атаки! Этакая безрассудность объяснима была и тем, что недавно комбриг Катуков склонил свою жену, свою офицерскую и человеческую опору в жизни, семье, и мало чем дорожил теперь в жизни нынешней. А беспредельная вера в своего командира, умение и злость его воинов, их отчаянные боевые рейды, - стали и основой их побед над хвалеными танками Гудериана и его войском.

Как и мой отец, Е.Катиркин, еще более двух миллионов воинов-профессионалов из кадровых частей РККА, готовившихся к этой войне и попавших в “переплет” в первые ее дни на Юго-Западном фронте под основной танковый удар немцев, хорошо знали, чего им стоили бои в составе недоформированных

по военному времени, дезорганизованных частей перед лобовым ударом всей мощи германской армии! Не только истерические приказы И.Сталина: "...контратаками выбить врага с советской земли и добить его на чужой территории... Киев - не сдавать!", - но и высочайший профессионализм кадровых дивизий и бригад, их личного состава, - стали тогда под Киевом основой многих будущих побед. Обеспечили мобилизацию в тылу, были беспримерным образцом мужества, героизма, самопожертвования, бессмертия!

Войска 5-й армии в составе Юго-Западного фронта были наиболее других поражены противником. Этому способствовало много факторов, в том числе и то, что это была ПРАВОФЛАНГОВАЯ армия, которая при молниеносном прорыве своего фронта и Западного фронта, с которым она соприкасалась, первой оказалась в плотном окружении немецких передовых войск на стыке двух советских фронтов.

При этом, раненым в плен к врагу попал командарм генерал М. Потапов. Затем он погиб. Из такого смертельного окружения вышло, присоединившись под Киевом к частям отступавшей от города 37-й армии генерала А. Власова, лишь 20 процентов всех войск 5-й. Но и среди такого бедлама всегда находятся герои! Среди достойно отходивших со страшными боями были и сохранившие честь, боеспособный состав, матчсть, подразделения 4-й танковой бригады М. Катукова. Да, обескровленные, почти без боезапаса, на последних каплях горючего, но наносящие тяжкий урон врагу. Тогда-то и пришло к ним фронтовое, дорогостоящее определение - "Катуковцы!".

Следующий этап боевого пути полковника М. Катукова и его однополчан происходит в августе 1941-го. На Сталинградском танковом заводе. Вот как вспоминает эти дни, назначенный Председателем ГКО И. Сталиным уполномоченный ГКО по Сталинградскому тракторному заводу Наркомсредмаша по производству танков Т-34 А.Ветров: "... ко мне в кабинет вошел среднего роста полковник, командир формирующегося в Сталинграде войскового соединения, личный состав которого принимал участие в работах по сборке танков.

- Товарищ Уполномоченный Государственного Комитета Обороны! - строго официально обратился он ко мне.

Я встал со стула, приветствуя его и вошедших вслед за ним военных.

- Докладывает командир 4-й танковой бригады полковник Катуков. Прошу вашего содействия в ускорении сборки и передаче, выделенных моей бригаде пятнадцати тридцатьчетверок, а также в получении дополнительного количества ходовых запасных частей к ним. - И, снизив голос, уже неофициально, закончил: - Понимаете, дела на фронте не позволяют нам здесь долго задерживаться...

По худому и обветренному лицу, воспаленным глазам, да и по видавшей виды, полинявшей грубошерстной гимнастерке, можно было заключить, что полковник недавно с передовой. Такое же впечатление оставляли и пришедшие с ним танкисты. На двух из них белели повязки, а один опирался на палку..."

В дальнейшем разговоре специалист получил от воинов-фронтовиков несколько практических советов по доводке Т-34. П.Г.Динер, например, посоветовал на быстрый выход из строя шестеренок коробки передач, на малый моторесурс танка, на неблагополучие электростартеров, траков, "пальцев". Много говорили об отскакивающей в бою при попадании снарядов в борт окалине из сварочных швов. Это было вскоре устранено.

В сентябре у танкосборочного цеха состоялся митинг, посвященный передаче воинам Катукова новых боевых машин. Вспоминает А.Ветров: "С ответным

словом выступил командир 4-й танковой бригады полковник М.Е.Катуков. По слегка побледневшему его лицу и горящим глазам было видно, что он взволнован.

- Огромное спасибо вам, тракторозаводцы, за могучие сталинградские танки и за добрые слова в наш адрес! - сказал комбриг и склонил обнаженную голову.

- От имени воинов вверенной мне бригады, я заявляю Центральный Комитет нашей родной большевистской партии, правительство и вас, дорогие товарищи, в том, что мы всегда были, есть и будем верными сынами Советской отчизны, борцами за правое дело свободы и независимость народов! Будьте уверены, что враг еще не раз почувствует силу наших танковых ударов. Конечная победа будет за советским народом!

...Прозвучала команда: - По машинам!

Экипажи быстро заняли свои места в танках. Загрохотали двигатели и, скрежеща гусеницами, тридцатьчетверки двинулись к распахнутым заводским воротам...

- Наверное, направляются на Западный фронт, там сейчас очень сложно, - подошел ко мне начальник механического цеха Л.Е.Макоед..."

ОН ОКАЗАЛСЯ ПРАВ. Танковая бригада профессиональных воинов Катукова встала во фронт армии К.Рокоссовского под Москвой. Там, где был нанесен последний, яростный удар гитлеровцев. Катуковцы прикрыли своей "стальной грудью" Москву на Истринском направлении у водохранилища. Выдержали все атаки врага и неудержимо сами контратаковали немцев.

Интересны воспоминания фронтовиков - участников боев того, 41-го, тех танкистов, которых вывел из окружения их легендарный комбриг. Запись рассказа нашего земляка П.Епанешникова: "Мы очень дорожили жизнью и здоровьем нашего комбира, - понимая, что он - организатор и вдохновитель всех ведущихся победных боев. Мы всецело доверяли ему, вверяя свои жизни Катукову".

Такому отношению к командирам, особенно к тем, которых по-человечески любили подчиненные, было скорее доверием, чем исключением. Хотя, в 1941-м подразделения НКВД Берии доносили наверх, что в войсках Юго-Западного фронта (из почти 3-х миллионов человек, сражавшихся здесь) 75000 солдат и офицеров задержано в качестве дезертиров!

Но - были и другие примеры, равнозначные любви катуковцев к своему комбиру. Писатель, Герой Советского Союза В.Карпов в своей книге "Полководец" приводит такой эпизод из истории Юго-Западного фронта: "Во время одного из налетов авиации, осколком бомбы Карпезо (командир 15-го межкорпуса, - авт.) был сражен. Бойцы и офицеры любили своего комкора. Хоть и в спешке боя, но все же похоронили его с прощальным салютом, возложили на могилу венки из полевых цветов.

Вскоре после похорон возвратился из штаба армии, куда его вызывали по какому-то неотложному делу, полковой комиссар И.В.Лутай, заместитель комкора по политчасти. Крепкая дружба связывала его с Карпезо.

...Комиссар, потеряв самообладание, стал кричать: - Карпезо погиб?! Не может быть! Не верю! Разройте могилу!

Уговаривали, успокаивали комиссара, но он настаивал на своем. Пришлось раскопать могилу. И надо же случиться такому чуду: прощаясь с боевым другом, обнимая его, Лутай уловил тепло в его теле, а потом и слабое биение сердца! Видно, неопытный врач поспешил констатировать смерть комкора. Немедленно была оказана медицинская помощь. Карпезо ожил!"

2. Отстояли Москву

Вот такое же отношение было в 4-й танковой бригаде к М.Е.Катукову, - без которого ветераны-танкисты не представляют своего боевого пути. Это подтвердили и бой под Истрой, когда катуковцы, получив новые танки из Сталинграда, с войсками К.Рокоссовского гнали немцев от столицы. Когда, заслонив под Мценском своими бронемашинами Тулу, они отбили атаки бронированных «клешней» Гудериана, одержав здесь победу в одном из первых в истории этой войны массовом танковом сражении.

Теперь от воспоминаний мелекессцев-катуковцев обратимся к другим первоисточникам. Рассказывает вторая жена комбрига Екатерина Катукова-Лебедева (ее первый муж комкор Лебедев был передвойной расстрелян):

- Фашисты на две недели отложили наступление на Тулу. Гудериан писал: "...Это был первый случай, когда огромное превосходство Т-34 над нашими танками было совершенно очевидным. От наступления на Тулу пришлось отказаться..."

Приказом N 337 от 11 ноября 1941 года ВПЕРВЫЕ в Советской Армии танковой ДИВИЗИИ Катукова было присвоено звание - Гвардейская. Танковая же тактика ведения боя танковыми зигзагами была взята на вооружение во всех бронетанковых частях...

В разгар ожесточенных боев в районе Волоколамска, я и встретилась с Михаилом Ефимовичем Катуковым. В то время я работала в редакции радио "Говорит Западный фронт" и приехала в его дивизию делать репортаж... Помнится, вышли мы с Михаилом Ефимовичем из избы, постояли немного под сосной, поговорили, и я поняла, что останусь с этим человеком навсегда. В ту пору у каждого из нас уже была за плечами крутая, сложная жизнь...

"Крутая" новая жизнь корреспондентки радио и комдива-танкиста началась сразу же:

- Курская битва... День и ночь тут бушевал огненный смерч. В ночь на 6 июля во вторую полосу обороны была выдвинута 1-я танковая АРМИЯ Катукова. Против нее фашисты кинули в бой танковые дивизии СС "Адольф Гитлер", "Мертвая голова", "Викинг", мотодивизию "Великая Германия".

На Курской дуге едва не погибла и я. Бои были такие страшные, что казалось, живыми мы не останемся. И вот, когда бои уже стали стихать, когда казалось, что уже все позади, вдруг над деревней Средняя Долина появился самолет "рама" и сбросил одну бомбу.

...В те дни штаб армии Катукова едва не попал в плен... Это было такой мелочью, что на подобное мы даже не обращали внимания. Я даже не прилегла к земле. Небольшой осколок от бомбы заскользил по моим волосам и тихо упал возле ног... Какое имущество у генерала и его боевой подруги? Подбитый мехом кусок брезента, который давал возможность спать на снегу. У меня была еще большая пуховая шаль. Она и платком служила, и одеялом - это все, что мы имели с Михаилом Ефимовичем в годы войны...

Далее - начинаются годы победоносного движения ПЕРВЫХ - дивизии и армии, ГВАРДЕЙСКИХ соединений Катукова, в рядах которых с первых дней войны рядом с ним сражались и мелекесцы. Их мобильное, несокрушимое и победоносное соединение перебрасывали, как резерв Ставки Верховного Главнокомандования, с 1-го Украинского (комфронт И. Конев), на 1-й Белорусский фронт (комфронт Г.Жуков).

Атакующие, разящие действия, которые демонстрировали "катуковцы", позволяли Михаилу Ефимовичу гордо и независимо держаться на равных даже с такими жестокими военачальниками, как маршал Жуков. Е.Катукова пишет: "Не могу не сказать, что по отношению к подчиненным у маршала Жукова преобладала манера повелевать. Вежливостью Георгий Константинович не отличался. Все старались уйти от гнева Жукова.

И только Катуков однажды смело возразил ему:

- Товарищ маршал Советского Союза! Вы не подготовлены для разговора. Вам необходимо успокоится. Тогда я буду слушать вас.

И Георгий Константинович понял свою неправоту!

Спустя много лет, когда Жуков был "наказан", находился не у дел, он при встрече со мной сказал:

- Михаил Ефимович порядочный и честный человек. Он один из немногих нигде не сказал обо мне ничего плохого..."

Оценивая боевые заслуги армии Катукова, командующий 1-м Украинским фронтом маршал И.Конев пишет: "Убедительно доказали свое моральное и боевое превосходство над врагом и советские танкисты. Техническое превосходство нашего танка Т-34 наглядно проявилось на поле боя. Значительно выше оказалась и тактическая подготовка танкистов. Советские танковые войска под командованием генералов П.С.Рыбалко, П.А.Ротмистрова, С.И.Богданова, М.Е.Катукова и В.М.Баданова (кстати, тоже наш земляк, - авт.) на всех этапах борьбы сражались умело и храбро, и были могучей ударной, маневренной силой сухопутных войск".

3. Кто творил победу?

Наши земляки и другие воины дивизии, а потом армии М.Катукова, не только совершали подвиги на полях сражений, они были первыми "миротворцами" в этой жестокой битве. Однажды 1-я гвардейская танковая армия освободила лагерь военнопленных... За противотанковыми рвами и четырьмя рядами колючей проволоки они увидели бараки и 32 электропечи, в которых сжигали людей! Всего несколько тысяч бывших узников, оставшихся живыми, рыдая, встречали своих освободителей "катуковцев". Обнимались с танкистами. Плакали и пели бравурные песни на разных языках.

В дни капитуляции гитлеровской Германии сам Катуков всячески пытался обезопасить своих танкистов от глупой уже гибели. Е.Катукова пишет: "Зееловские

высоты были круты и недоступны для танков. Разведка нигде не нашла никаких путей на эти высоты, их попросту не было. Вокруг лес, овраги, минные поля, мощная противотанковая оборона. И тут Михаилу Ефимовичу пришла в голову мысль - пустить танки с зажженными фарами по железной дороге, что шла по глубокому каньону с отвесными скалами. И еще решено было создать вдоль

дороги видимость боя, чтобы противник подумал: это его войска выходят из окружения.

В ночь с 16 на 17 апреля 11-й танковый корпус прорвался по железной дороге на высоты..."

А вот еще одно аналитическое замечание, раскрывающее нам характер полководца и веру в его талант подчиненных. В конце войны окончательно сложилось несколько групп военачальников, приверженных тому или иному военному лидеру. Конечно, верх одержали те, кто не предал своего "ведущего", не изменил лидеру, но и безоговорочно верил в гений и авторитет И.Сталина. Это оставались: Ворошилов, Буденный, Тимошенко, Мехлис, Булганин, Шапошников, Голиков, Захаров, Штеменко... Старая гвардия.

Против нее образовалась новая "жуковская" гвардия, названная Георгием Константиновичем в его воспоминаниях: Соколовский, Хозин, Федюнинский, Жадов, Курочкин, Берзарин, Черняховский, Телегин, Малинин, Шаповалов, Полубояров, Казаков, Катуков...

Им же противостояли еще две группировки из новых и ретивых боевых генералов: здесь лидерами стали маршалы И.Конев и А Василевский. За ними шли такие военачальники как Гречко, Рыбалко, Плиев, Судец, Баграмян, Бабаджанян, Данишевский, Драгунский, Еременко, Мерецков, Подлас, Рокоссовский, Крейзер, Колпакчи... Уже одно перечисление имен дает нам представление о тех, кто схлестнулся в борьбе за власть в будущем.

Вместе с падением самого "вдохновителя наших побед" Г. Жукова, началось послевоенное падение и всех его фаворитов, сторонников. Уже при хрущевском режиме власти М.Катуков, доказав все-таки свою лояльность новой верхушке в КПСС, стал наконец, тем, кем достоин был еще в годы войны - главнокомандующим бронетанковыми войсками ВС СССР. Но под ним, для контроля над героем войны, был пристроен генерал Бабаджанян...

Но немного и о другом. О том, чего, может быть, и не подозревали сами катуковцы. В 1973-75-х годах они проехались по местам боевой славы 1-й Ударной гвардейской танковой армии. Все, - кто к тому времени остался в живых. И - трое из них были мелекессцами!

"Чортовские", - те, кто чертом рвал фронты и обороны гитлеровцев, кто из стволов пушки своих тридцатьчетверок крушил бронированные армады фашистов, - все они вновь побывали на Днепре, Днестре, Пруте, в Прикарпатье, где Катуков и его ребята-гвардейцы крушили немецкие гарнизоны. Об этом подробно рассказывала газета "Знамя коммунизма" в июне 1974 года. Наши катуковцы были самыми знатными гостями в этих освобожденных ими районах...

В кинофильме "Освобождение" есть эпизод, где сам Катуков, в танковом комбинезоне, стоя на танке, кричит своим орлам: "Вперед! За Родину!".

Этот кадр очень рассмешил настоящего командарма М.Катукова и его однополчан. Он никак не отражал настоящей, боевой действительности. Командарм был смелым, но не тупым командиром. И на танк его без лишней необходимости никто из его подчиненных не допустил бы. Настоящий полководец нужен совсем в ином качестве своему войску!

Обиженные герои. За что же их обидели?

Чем интересна бывшая столица малых городов Поволжья - Димитровград?

Во многом "слава" его приходится на возведенные здесь памятники и архитектурные излишества. К сожалению, прошлые правители оставили нам множество памятных мест, означенных камнями, где начертано: "Здесь будет установлен... памятник... памятный знак..." или - "На месте этом будет возведен..."

Но речь сегодня не о том. На знаменитой алее Славы, по улице

Юнг Северного флота, где ежегодно проходят массовые празднества в честь Победы, прошлые правители городка, на зависть многим другим "не столицам", установили четыре бюста землякам, героям СССР и один - полному кавалеру ордена Славы. И это - хорошее дело. Однако, у меня, как краеведа и сына ветерана Великой Отечественной войны, остаются вопросы. По какому принципу и кто отбирал кандидатов на бюсты? Кто воплощал их в бронзу? Не стал ли этот акт памятливости актом БЛАТНОГО отношения к землякам-героям?

Почему я негодую против, казалось бы, бесспорно хорошего поступка: увековечения героев в памятниках? По нескольким причинам.

Первое - и, наверное, главное, - присмотритесь в эти, с позволения сказать, творениям скульптора! Все они (за исключением татарина Бильданова) НА ОДНО ЛИЦО! Нет никакого различия между совершенно разными людьми. А это в искусстве называется - ХАЛТУРОЙ, за которую и заплачено меньше.

Второе, - по какому принципу «правители», не советуясь с историками, а самолично отбирали ЧЕТЫРЕХ кандидатов из ТРИНАДЦАТИ мелекесцев Героев Советского Союза и ОДНОГО из ПЯТЕРЫХ наших земляков полных кавалеров солдатского высшего ордена Славы? Если, как упоминалось, по БЛАТНОМУ, - то понятно. Если, исходя из финансовых возможностей, - то это напоминает идиотизм. Нет денег - не ставь памятников никому, иначе - будет нанесена ПРЕДНАМЕРЕННАЯ обида всем остальным воинам-фронтовикам. Будет создана ИСТОРИЧЕСКАЯ НЕЛЕПОСТЬ И НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ ПО ОТНОШЕНИЮ К НАСТОЯЩИМ ГЕРОЯМ ВОЙНЫ!

Если исходить из неграмотности (а мы этого делать не можем после того, как мэрские чиновники сдали на отлично экзамен по краеведению) властей, то тогда

картина становится понятной: знаю я фамилии ВОТ ЭТИХ ТОЛЬКО героев, - им и ставлю памятники, они наши, городские, остальные – по рождению - нам не земляки!

Потому, преклоняясь перед подвигами тех, кому уже стоят сегодня одноликие бюсты на аллее Славы, все же хочу внести некоторую ясность в историческую справку для чиновного сословия “краеведов-отличников”.

Как уже упомянуто, МЕЛЕКЕССЦЕВ, героев СССР, именами которых могут гордиться и город Димитровград и Мелекесский район - 13. Если брать принцип возведения памятников только по «ГОРОДСКОМУ» рождению героев, то только ОДИН из четырех запечатленных (Мытарев, Барышев, Юносов, Коломин) родился в Мелекессе - это Петр Иванович Коломин. И кавалер ордена Славы - Абдулла Бильданович Бильданов тоже НЕ УРОЖЕНЕЦ МЕЛЕКЕССА.

Принцип следующий и, - на мой взгляд, главный: бюсты должны ставится в порядке хронологии получения высшей воинской награды. В этом случае у нас поставили памятники воинам, получившим награду ПЯтым, Шестым, Седьмым и Тринадцатым по счету! По воинским званиям - бюсты поставлены подполковнику, лейтенанту, сержанту и двум рядовым, в то время, как среди наших земляков-героев есть генералы и полковники. Видите, какая несуразица творится! Прямо, наплевательски безграмотное отношение и к истории ВОВ, и к судьбам героев, и к славе родного города!

Потому, давайте разберемся, кто же БОЛЕЕ или МЕНЕЕ (хотя, это и кощунственно по отношению к воинским подвигам) все же справедливее достоин установления первых бюстов в аллее героев. По моему разумению, увековечивая память и подвиги воинов-фронтовиков, следует учитывать их НАСТОЯЩИЕ заслуги перед народом, Отечеством, земляками, их ВОИНСКИЙ вклад в дело нашей Победы над фашизмом. Таких земляков-героев и полных кавалеров ордена Славы, ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ, в Мелекесском районе и его районе - Димитровграде - 20! А теперь пойдем по истории подвигов, хронологии и значимости этого в истории второй Мировой войны.

Следуя лозунгам ушедшей эпохи и ее пропаганды - у нас: “Никто не забыт и ничто не забыто”, “Нет безвестных героев” и “Подвиги эти будут жить вечно”!

Как относятся администраторы-архитекторы к этим истинам, - нам уже ясно. Установили бюсты-близнецы, и тем хотят отделаться от своего долга перед героями, перед ветеранами.

Мне совершенно понятно, что сегодня в обществе ветеранов ВОВ остались только далекие от войны в “поле”, где ежечасно гибнут «на передке»: зенитчики, гаубисты, десантники, “морские волки” с тральщиками.... Мало того, все они, в основном, ребята призыва уже 1943-44 годов. Воины наступательных операций. Те, кому не пришлось хлебнуть настоящего боя в обороне или окружении, кто дрался уже не с профессионалами гитлеровского вермахта, а с его остатками; деморализованными австрийцами, чехами, голландцами, итальянцами, румынами... С частями, где были собраны уже ветераны, инвалиды, мальчишки из «Гитлерюгенда»...

Потому и «грешат» они, тоже уже перешагнувшие 80-летний возрастной рубеж, исторической неточностью. И это – совсем НЕ ВИНА их. Потому хочу помочь администрации установить хронологическую истину в истории ПОДВИГОВ наших земляков. Если их не делить на урожденных в городе или деревне, то список героев выглядит так:

КОЗЛОВ Николай Андреевич. Героя получил - 6.02.42г. Жил в селе Н.Сахча. Призван в армию из Мелекесса. Воевал на "финской", потом в Отечественную - на Ленфронте. Лейтенант, комбат стрелкового полка.

ШУЛАЕВ Константин Дмитриевич. Уроженец Горьковской области. Призывался из Мелекесса. Лейтенант-связист. Героем стал на Днепре - 20.12.43г.

ШИЛЬДИН Петр Степанович. Родился в Тиинске. Комроты, гвардии лейтенант. Героем стал при взятии г. Киева , 23.12.43г. После войны проживал в г. Куйбышеве.

МОЖИЕВСКИЙ Иван Елисеевич. Рожден в селе Грязнуха (Приморское). С 1941г. на фронте. Механик-водитель танка. Гвардии старшина. Герой с 3.06.44г.

БАРЫШЕВ Аркадий Федорович. Родом из села Слобода-Выходцева. Старший сержант. Подвиг, вместе с тремя своими земляками, совершил на Карельском фронте в июле 1944г.

ЮНОСОВ Борис Николаевич. Уроженец Ленинград, эвакуирован в Мелекесс. Гвардии рядовой. Герой - с 21.07.44 г.

МЫТАРЕВ Иван Петрович. Родился в селе Репьевке Майнского района. Гвардии рядовой. В Димитровграде жил с 1968г. Герой - с 21.07.44г.

МАРКЕЛОВ Владимир Андреевич. Родом из Подбелок Мелекесского района. Гвардии рядовой. Подвиг на реке Свирь совершил 21.07.44г.

ЕРМЕНЕЕВ Виктор Иванович. Родился в селе Аврали Мелекесского района. Там же проживал после войны. Сержант-зенитчик. Героем стал 18.11.44г.

ЧЕРНОВ Матвей Степанович. Родом из Малой Якушки Новомалыклинского района. Учился в ремесленном училище в Мелекессе. Рядовой, пулеметчик-радист, погиб в Латвийской ССР. Герой с 24.03.45г.

ЯШНЕВ Алексей Степанович. Родился в Мелекессе. Лейтенант. Погиб 24.01.45г. при форсировании Одера. В Димитровграде его именем названа улица. Геройское звание присвоено 10.04.45г.

ЗАХАРОВ Георгий Нефёдович. Учился в Рязановском совхозе-техникуме, работал в совхозе им. Крупской. Родом из деревни Старое Семенкино Битуганской волости Самарской губернии. Участник боев в Испании, Китае. Имел на счету 18 сбитых гитлеровских самолетов. Комдив. Генерал-майор, в его соединении воевал авиаполк "Нормандия-Неман". Дважды удостоен ордена "Почетный Легион" Франции, Почетный гражданин г.Парижа. Героем стал 19.04.45г.

КОЛОМИН Петр Иванович. Уроженец Мелекесса. Учился в Оренбургской школе военных летчиков. Полковник. Камполка. 200 боевых вылетов. 115 сбитых гитлеровских самолетов. Героем стал 18.08.45г.

Причем, в 1941 году или в 1942-м Героев было - единицы. На украинском направлении знало только генералов Власова, Петровского и лейтенанта Мукуча Бекчяна, удостоенных орденов имени Ленина, что тогда приравнивалось к званию ГЕРОЯ.

ИТАК, мы четко видим, что только ДВОЕ из 13 Героев СССР родом из города Мелекесса. Это - ЯШНЕВ и КОЛОМИН. Причем последнему установлен бюст. Значит - не по принципу рождения героев ставили эти памятники! Тогда по какому?

По хронологии - ПЕРВЫМ бюст должен быть для Николая Андреевича КОЗЛОВА. А вот управленцы думают совсем иначе, чем краеведы и жители! Кому хотим, - тому и ставим! И поставили - Мытареву, Юносову, Барышеву и Коломину.

А по какому принципу - не ясно. Если по РОЖДЕНИЮ, - тогда бюсты должны бы стоять - только ЯШНЕВУ и КОЛОМИНУ. Они - городские.

Если по хронологии подвигов - то - КОЗЛОВУ, ШУЛАЕВУ, ШИЛЬДИНУ, МОЖИЕВСКОМУ, - и затем, тем, кому они уже установлены. Тоже и с кавалерами

Орденов Славы. Бильданов-то родом из Старомайнского района, только в 60-е годы прошлого века стал в Мелекессе директором столовой. А кроме него, но родом из Мелекесса, был такой же кавалер полного ордена Славы 3-х степеней ГОЛИКОВ Иван Георгиевич, сержант, минометчик, воевавший «на передке», в отличие от партнера батальона Бильданова... Кроме того, - Михаил СИМОНОВ

тоже кавалер трех степеней этого же ордена, мелекесец, принявший бой 22 июня 1941 года под Белостоком, уникальный боец-танкист, тоже удостоенный этих наград, но его бюст почему-то не стоит на аллее Славы! И еще один - СЕМЕНОВ Георгий Трофимович, - родившийся в селе Никольское-на-Черемшане в Мелекесском районе, - не стал прототипом для бюстового творчества. Участник боев за Кенигсберг, разведчик, он даже не числится в памяти "архитекторов" патриотом, совершившим подвиг...

Забываем и еще об одном полном кавалере ордена Славы Иване Антоновиче ЖУРАВЫХ, уроженце Рязанской области, но в последние годы проживавшем в Димитровграде. Пулеметчик, истребитель танков, а потом удачливый полковой разведчик, - он был шесть раз тяжело ранен, подлечивался в госпиталях и, - до последнего дня войны прослуживший на передовой линии фронта, или за ней - выполнив задания командования в тылу противника...

Но есть еще один аспект этой проблемы. Бюсты на родине Героя положено устанавливать, если это высочайшее звание дано герою ДВАЖДЫ! Так кто же достоин такой почести сегодня? НИКТО. Ибо, никто из наших героев-земляков ДВАЖДЫ не удостаивался этой почести. Согласен, что подвиги и их герои должны быть увековечены. То, что на аллее Славы стоят бюсты НАСТОЯЩИХ ГЕРОЕВ, нет никакого сомнения! Но - какие ГЕРОИ? Те, кто прошел отбор ПО БЛАТУ? Согласен, что все они - достойны бюстов. ВСЕ! Но тогда возникают вопросы: КОМУ, ЗА ЧТО, КОГДА и, в каком качестве ДАНА ЭТА НАГРАДА? Мало того, всем, кто историю родного города не знает, а только сдает на экзамене перед никчемной комиссией, никакого отношения не имеющей к нашей истории подлинной, следует помнить бы, как помнят это настоящие патриоты Мелекесса, что есть у нас и ЕЩЕ ГЕРОИ, ДОСТОЙНЫЕ УВЕКОВЕЧЕНИЯ. К тем именам, что я уже приводил выше, следует добавить, как минимум еще ДВЕ КАНДИДАТУРЫ. Генерал-лейтенанта Василия БАДАНОВА и генерал-инженера Ивана БАРСУКОВА. Первый - участник Первой мировой войны, гражданской, был командиром танкового корпуса, который перерезал пути наступления армиям немецкого фельдмаршала Манштейна и не позволил разорвать кольцо окружения гитлеровских войск под Сталинградом. Он был творцом и исполнителем сложнейшей и смертельной операции в ГЛАВНОЙ битве последней войны. Да, Баданов не стал Героем СССР, хотя его ПОДВИГ был этого более, чем другие, достоин. Но мы можем гордиться тем, что генерал Баданов - ПЕРВЫЙ В НАШЕЙ СТРАНЕ КАВАЛЕР ПЕРВОГО, - ВРУЧЕННОГО ПОСЛЕ ЕГО УЧРЕЖДЕНИЯ, - ОРДЕНА СУВОРОВА!

Иван Антонович БАРСУКОВ не только уроженец старого Мелекесса и выпускник мелекесской дореволюционной ремесленной школы. Он в 1941 году в звании генерал-майора становится заместителем наркома вооружения, а в конце войны - заместителем министра обороны СССР. Он один из разработчиков и главных поставщиков в армию противотанковых ружей и минометов, которых так боялись фашисты. Он в 1943 году удостоен звания Героя Социалистического труда - награды, вручаемой тем, кто воевал во вражеском тылу или «ковал» Победу на оборонных заводах СССР!

ИТОГО, - нам нужно бы иметь на аллее Славы - 20 памятников ГЕРОЯМ прошедшей войны, прославившим наш город и наш народ своими подвигами. Но это только досужие размышления здравомыслящего краеведа. Вряд ли к ним прислушаются чиновники, не умеющие даже ни заработать, ни подсчитать копеечку для благого дела патриотизма...

Потому и стоят на ГЛАВНОЙ АЛЛЕЕ СЛАВЫ в Димитровграде, как "три тополя на Плюющих", - ОБИЖЕННЫЕ или ОСКОРБЛЕННЫЕ нашей памятью воины, заслужившие этой великой народной ПОЧЕСТИ.

Воздушные асы земли Мелекесской

В конце 80-х годов прошлого века на телевидении были очень популярны программы военного журналиста, поэта, барда Виктора Верстакова, оживляющие героические страницы Отечественной войны. Вдвойне интересны были они и тем, что сам Виктор воевал в Афганистане, хорошо понимал психологию воинов, знал обо всех каверзах боевых действий

И вот, в одной из передач, Верстаков поведал рассказ о подвигах дважды Героя Советского Союза, бакинца, летчика-истребителя, Нельсона Степаняна. Я срочно связался с Виктором по телефону, затем отправил ему подробное письмо. А дело-то в том, что Нельсон не только геройствовал в небе над Балтийским и Черным морями, гоняя фашистских асов, но и успел отметиться в военную пору на территории нашего района...

Журналистская судьба, частые переезды с места на место не позволили мне увидеть ту, дополнительную передачу Верстакова о героическом летчике Степаняне. Да и не это важно! Главное, чтобы рассказ о действительном герое войны дошел до всех нас, на короткое фронтовое время, ставших его земляками.

Итак, историческая справка:

Степанян Н.Г. - командир 47-го штурмового авиааполка, капитан. Звание Героя Советского Союза получил в 1943 году.

Во время Крымской операции и освобождения Севастополя его авиааполк потопил 8 немецких транспортов и 12 быстроходных десантных барж.

После освобождения Крыма его Феодосийский авиааполк вновь был передан в состав Балтийского флота.

14 декабря 1944 года в неравном бою над портом Либава Степанян погиб. А 6 марта 1945 года за этот подвиг гвардии подполковнику Н.Г. Степаняну было вторично присуждено звание Героя Советского Союза.

Летчики прославленного боевого авиакомандира Николая Челнокова (ведомым которого в 1941-м был Н. Степанян) в составе 9-й Краснознаменной Рокшинской штурмовой авиадивизии свою войну закончили только 8 мая 1945 года, базируясь уже в Польше. Потери героев неба были невосполнимы - в декабре 44-го они потеряли почти полк своих товарищей...

А перед страшной трагедией, разыгравшейся над водами Балтики, летчики дивизии Челнокова и полка Н. Степаняна уже третий, последний, раз гостили в Мелекессе. Дело в том, что самолетов на фронте всегда гибнет много больше, чем самих летчиков. Поэтому, время от времени, личный состав авиаторов отводится в тыл, где они получают новые машины на авиазаводах, осваивают их, совершенствуют свое мастерство в тыловом небе, перегоняют самолеты к месту базирования фронтовой авиации...

В 1941 - 1942-м годах машины получали на Воронежском авиазаводе. Но после занятия города немцами завод по выпуску штурмовиков «ИЛ» перебазировался в Куйбышев. На новеньких самолетах членковцы перелетали в... Кошки, где были оборудованы аэродром и учебная база, месяц-полтора воздушные асы осваивали новую технику, отрабатывали боевое взаимодействие, летную тактику, отыхали, отъедались...

По сей день в маленьком (соседнем с нами) райцентре, как фронтовые легенды, рассказывают истории пребывания «летунов» на этих землях. Поскольку моя семья попала в самый «эпицентр» данных событий, истории эти обретают впервые данный письменный вид.

Сразу нужно сказать, что элиту советской авиации было принято беречь и особо выделять. Очень многих бесстрашных летчиков потеряли вооруженные силы в первые месяцы войны на Западном и Юго-Западном фронтах. Оставшихся, имевших боевой опыт (Польская, Испанская, Финская кампании), свели в ударные авиаивизии штурмовой авиации и использовали только в крупных операциях. Особенно дорожили «торпедоносными» частями морской авиации. Им были щеболе льготы, особое содержание, забота, лучшая техника, отдых, заслуги. Нужно сказать, что перед войной в СССР было всего 626 Героев Советского Союза. А по апрель 1944 года в стране дважды героев насчитывалось всего - 145 человек. Треть из них - посмертно. Половина - были летчиками...

Исторический феномен и в том, что с июня по декабрь 1941-го, по известным причинам, звания Героя в войсках почти не присваивалось. Орден Ленина, полученный за беспримерное мужество и героизм в период массового уступления советских войск до Москвы - считался высшей наградой. Но уже 8 июля 1941 года за образцовое выполнение боевого задания, отвагу и мужество троих летчиков (С.Здоровцев и И.Харитонов за первые боевые тараны над Ленинградом и М.Жуков за десяток сбитых им вражеских машин) были удостоены медали «Золотая Звезда» и звания Героев.

Тем интереснее для нас, что впервые в Мелекессе в 1943-м году появились сразу два Героя Советского Союза - летчик Н.Степанян и его заместитель по авиаподготовке С.Львов. Оговоримся, что появились не случайно. Одна из молодых руководительниц Мелекесского райисполкома по делам службы была в Кошках, где и встретилась с Нельсоном Георгиевичем. Несмотря на то, что они оба были уже людьми семейными, между ними вспыхнула яркая симпатия, любовь. Естественно, что женщина-руководитель могла чаще бывать в Кошках, чем летчик, командир полка, оставив часть в Мелекессе. Так получилось, что в нашем доме на станции Погрузная (в 2-х км от Кошек) квартировала семья зама и друга Степаняна - Львова. Потому у нас и устраивались веселые посиделки, свидания Нельсона Георгиевича с его любимой. Эта красавая история любви двух молодых людей имела еще и свое положительное общественное значение. Роза А. (по понятным, щадящим причинам - в Димитровграде до сих пор живут ее дети, внуки и правнуки - мы не называем ее фамилию), пользуясь своим положением, направляла из хозяйств района на Кошкинский аэропорт продукты, промтовары. А летчики - в первую очередь Степанян и Львов, бывшие уже Героями - приезжали в Мелекесс для встречи с трудовыми коллективами, школьниками, призывниками городка. Участники районной художественной самодеятельности были самыми желанными гостями в полку Степаняна, выступая с концертами перед фронтовиками.

Да как было не влюбиться в этого человека! По описаниям очевидцев - Степанян был не только красив собой. Небольшого роста, он был энергичен и очень подвижен, всегда гладко выбрит, усыки - подстрижены, форма на нем - отглажена, на кителе вместе со Звездой Героя, - знак летчика-миллионера Гражданского воздушного флота...

Свои рассказы он «подсаливал» мягким армянским акцентом. Выразительно жестикулировал руками, часто и заразительно смеялся. Было ему в ту пору всего-то 30 лет.

Трижды за войну полк побывал в Кошках. Трижды, в самое суровое для советской страны время отважные летчики участвовали в этой трогательной и красивой истории, имевшей мелекесскую «прописку».

А сама история асов авиации началась в 1939 году, когда их комдив Челноков был назначен заместителем командира I-го минно-торпедного полка. В небе над Финляндией, Карелией, Прибалтикой - Челноков всегда был надежно прикрыт своими боевыми товарищами Копыловым, Игашевым, Новицким, Абраменко, которые погибли еще до 1941-го. А войну с фашистами он встречал под прикрытием Степаняна и Львова. Они воевали на «Ил-2» и «ДБ-3», которые немцы с ужасом называли «черной смертью». Асов берегли и особо ценили командующий КБФ адмирал Ф. Трибуц, командующий BBC - ВМФ генерал С. Жаворонков и командующий авиацией КБФ генерал М. Самохин.

За годы войны эти ребята штурмовали вражеский флот на Балтике и оберегали ленинградское небо. «Утюжили» на Юго-Западном фронте фашистские колонны под Кременчугом, Крюковым, Полтавой. Отбивали у фашистов Черноморское побережье в составе 1-й Новороссийской, дважды краснознаменной штурмовой авиадивизии. Затем снова беззаветно сражались в родных им местах: над Ленинградом, Тихвином, Шлиссельбургом, Прибалтикой...

Еще семь летчиков из эскадрильи Челнокова удостоились за годы войны звания Героя Советского Союза, трое из них - дважды. Среди них - Н. Степанян и С. Львов. У них была даже своя песня-гимн:

Горит ли полдень над землею,
Взойдут ли звезды в небосвод,
Идут крылатые герои,
Выходят соколы в полет.
Во славу знамени родного
Лети ты, песнь, как небо широка,
И днем, и ночью в полет готовы
Гвардейцы первого полка.
Нет в мире нашей доли краше,
У нас в моторах - стук сердец,
Преображенский - гордость наша,
И Оганезов - наш отец.
Для внуков сказкой станут были,
Споют о славе тех годин,
Как мы на Хельсинки ходили
И как бомбили мы Берлин.
Нас именами дорогими
К победам Родина зовет,
Зовет Гречишникова имя,
И доблесть Львова нас ведет.
Как Игнашов в бою суровом -
Тараном бей из облаков!
Сияй нам мужество Хохлова,
Веди вперед нас Челноков!
Смелей в полет, крылатых стая,
Твори геройские дела,
Чтоб снова Родина до края
В цветах победы зацвела!

На музыку композитора В.Ватмина слова этой песни написал известный в те годы поэт Николай Браун. А впервые зазвучала она не в строю, а на концертной площадке Кошкинского аэродрома, в исполнении детского хора первой Мелекесской образцовой школы в 1944-м году.

Нужно сказать, что «членоковцы» тогда как бы породнились с нашими земляками. На станции Безенчук под Куйбышевым жила эвакуированная семья комдива. На Погрузной - семья Львовых... Именно в Кошках Степанян и Львов обучили летчиков полка своей «именной технической новинке» - бомбометание и стрельба с малых высот. Штурмовики подходят к цели на высоте 800-900 метров и пикируют, на корабли под углом в 40-50 градусов, одновременно ведя прицельный огонь из пушек и ракетными снарядами. На высоте 40-50 метров летчик сбрасывает бомбы, взрыватели которых поставлены на замедление в 7 секунд, и почти у самой воды выводит самолет из пике... Сотни вражеских кораблей нашли свой приют на дне моря, когда такую новинку применили наши торпедоносцы!

Особо хочется упомянуть и о С.Львове. В 1944-м он уже числился инспектором боевой авиации, пропагандистом боевого летного мастерства, воспитателем молодых пилотов. Мог бы и неходить лично на боевые задания... Но Герой он во всем герой! Воздушный ас второй мировой войны - В.И.Воронов в своей книге «Морские истребители» вспоминает: «...за учебными боями будут наблюдать инспекторы, Герои Советского Союза Львов и Курзенков...»

Кстати, Герой неба над Заполярьем Сергей Курзенков в середине 70-х годов прошлого века несколько дней был в творческой командировке в Мелекесском

Сестра летчика-героя Львова - Евгения (слева) и хозяйка дома, где квартировали Львовы, - Клара Устинова (в шлемофоне летчика)

районе. Летчик и писатель встречался с коллективами колхозов, школ. Особенно радушная и запоминающая встреча была у него в Рязановском совхозе-техникуме, где учился еще один ас войны - Герой - генерал авиации и командир дивизии, где был французский полк «Нормандия-Неман» - Г.Захаров.

Последний раз друзья-командиры Степанян и Львов прибыли за новой техникой в Кошки после завершения Крымской операции (произведено было там 4506 боевых вылетов, потоплено и повреждено 120 вражеских судов) - и перед жестокими боями над Прибалтикой и Восточной Прусссией, Нельсон уехал в Мелекесс, а Львов проводил все свое свободное время с семьей. Как родные уже стали нам его жена и сестра - Ляля и Женя, обе москвички, но жившие уже 2 года в Погрузной, где они могли встретиться с любимым...

Они словно чувствовали, что никогда больше не увидятся. Расставание было тяжелым... А в декабре, в жесточайших боях над Балтикой, круша фашистские корабли, порты, самолеты, полег - перед самой Победой - почти весь полк Н.Степаняна. Пал смертью храбрых и сам командир, и его зам. - С.Львов...

Мои родные бывали в Москве в семье Львовых. Переписывались с ними и никогда не могли забыть молодых, веселых, боевых летчиков с Кошкинского аэродрома, сложивших свои жизни на алтарь Отечества.

Прекрасно и знаменательно, что в Димитровграде, на постаменте в районе улиц 50-летия Октября и Осипенко - героини-летчицы - установлен памятный знак - боевой самолет. Ведь это исторически верно и особенно памятны нам имена настоящих Героев, чья военная биография, фронтовые пути, судьбы и любовь теперь уже навеки связаны с Мелекессом. И жаль, что в Кошках нет такого памятника - ТАКИМ людям!

Мы все пережили...

Моисей Воедилов родился в деревушке Жердное Брагинского района Гомельской области. Тогда, конечно, никто и не подозревал, что спустя десятки лет, все они в одночасье, получат такую дозу облучения, что былье беды, включая и фашистскую оккупацию Белоруссии, - "семечками" покажутся! А пока, удачно пережив годы сталинских репрессий, Моисей, к тому времени закончивший Савичевскую среднюю школу, только горевал, что отца его "замели" (благо - не по политической статье, а за неуплату налогов), все же остальное было обыденно и житейски понятно. Пас гусей на Глуховичском дворе, работал на торфозаводе в Костюковке...

В июле 1941-го призвали в Красную армию. И, не успев обмундироваться, призывники попали под первые бомбёжи немецкой авиации на разбитых переправах Днепра...

Как местный житель, он выводил из окружения по лесам да болотам группу призывников и старослужащих красноармейцев, а в одной лесной деревушке наткнулись окруженцы на подразделение заслона из частей НКВД. Учинили,

было, им допрос с пристрастием, как в тех органах было положено, но решили сами суд не чинить, а переправили этих “полусолдат” в близлежащий райцентр.

Разместили их в здании школы, ибо остальные дома были разбиты бомбёжкой, а когда подступил немец, - перевезли в деревню Лужки.

Там как раз формировался заново 45-й стрелковый полк, где крестьянского паренька Воедилова ускоренно обучили быть снайпером. А в сентябре 1941-го было его первое боевое крещение - уничтожали они десант фашистский, высадившийся в тылу наших войск!

- Но к вечеру, - вспоминал фронтовик, - у Лужков были немецкие танки, они прошли через наш лагерь, деревеньку, но наткнулись на засаду истребителей. Здесь все для них и закончилось. С нашей стороны погибли пятеро солдат и лейтенант, командир засадного подразделения. Остальные ушли на переправу через Оку, спалили за собой деревянный мост, вышли к городу Елец...

Снова начали формировать: кого - куда. Я попал в эшелон, шедший через Грязи - Лиски - Балашов - Поворино - Сызрань - Самару - Казань - аж до Свердловска...

Так попал снайпер Воедилов в Еланские лагеря на Урале, в них толково обучали стрельбе не только из автомата, но и минометов, а после формирования новой части направили на Калининский фронт. Воевал в 30-й армии, был ранен, отлежался в прифронтовом госпитале и снова в окопы - под Ржев!

Боевой стаж Воедилова был учтен. Потому стал он разведчиком в 44-м гвардейском артполку. А в освобождении Ельни и Смоленска уже был матерым разведчиком в 16-й гвардейской дивизии 11-й армии...

Боевая работа разведки сводилась в основном к одному: определению минированных немцами зданий и обезвреживанию сел и деревень от этих фрицевских “сюрпризов”, корректировке огня.

- Помню, - говорил Моисей Александрович, - на воздух взлетали даже дома, вроде бы проверенные саперами. Так погиб наш командир полка. Чуть было не подорвался вместе со штабом и командир корпуса...

А еще был интересный случай, когда немецкие разведчики, уничтожив на нашей передовой караульный пулеметный расчет, захватили в плен нескольких спавших казаков-кавалеристов. Побили, помяли их хороенько, а потом помыли, накормили и отправили назад... Велели им притащить к фрицам знамя кавалерийского полка...

И казаки согласились! Хорошо, что наше охранение встретило их огнем. Одного убили, остальных ранеными пленили...

С боями, разведчик Воедилов дошел до Курска. Потом участвовал в освобождении Брянска, Витебска, шел обратной дорогой домой в Белоруссию, не зная, что там с его родными и близкими, оставленными под немцами...

Но, неисповедимы пути-дороги солдатские! Армию повернули на северо-запад, и пришлось теперь воевать на неманских переправах, брать прусские города: Гумбиннен (Гусев), Кенигсберг (Калининград). Удалось даже побывать солдату на отбитой с большими потерями даче самого Геринга...

- Особенно упорные бои были под Кенигсбергом, - сетует ветеран. - Там, помню, брали один замок прусских баронов, превращенный в форту. Немцы не только отбивались, но и яростно контратаковали нас! Я с разведчиками попал в дивизион капитана Сокулина, а дрались мы вместе с пушкарями на батарее лейтенанта Рахметуллаева (оба офицера были душанбинцами), на них выперло до двадцати немецких “Тигров”. Я вовремя засек маневр фашистов,

успел предупредить командиров, потому и Сокулин, и майор-пехотинец Шутов (он был самарцем) успели вовремя покинуть КП...

А когда пробился на батарею лейтенанта Рахметуллаева, там все были изранены. Перевязал, кого смог, а дальше, по приказу командира нашего полка И.Камесова, повел своих разведчиков отбивать захваченные пушки этого дивизиона...

До самой ночи разведчики сержанта Воедилова вели бой, но орудия у немцев все же отбили! За что стал наш герой старшим сержантом.

За Кенигсбергом были бои за Тильзит, потом готовились к отправке на Дальний Восток, - на японца... Но судьба солдатская распорядилась иначе. Стал старший сержант принимать молодое пополнение в городе Черняховске. И только там узнал, что отца его, пришедшего из советских лагерей и активно помогавшего советским партизанам в родных белорусских местах, арестовали и замучили в гестапо. Что немцы сожгли дотла его родную деревеньку. Что в огне том заживо сгорели мать, старшая сестра и братья...

Воедилов рвался в родные места, побывать на могилке у своих! Писал рапорты комдиву, комкору, прокурору армии... И лишь 15 июня 1945 года вышел приказ отпустить его – погорельца - на 10 суток на родину. Поехал... Как оказалось - не зря! Разыскал родную 13-летнюю сестренку Надю, которую и привез с собою в часть. Жила она на квартире начальника разведки полка, в его семье, где сразу же приняли ее, как родную!

А в 1947-м демобилизовали бывалого фронтовика. И он с сестрой вернулся именно в родные ему места. Надя вскоре от бездомности и бескормицы перебралась к тетке в Улан-Удэ, а Моисей Воедилов стал отстраивать родную деревню. Вскоре полюбил девчушку из местных - Лидию, женился, отстроил на месте пожарища новый дом, родили шестерых детей. Работал в сельском хозяйстве, да так, что о нем не раз помпезно писали в местных районных газетах. Так бы и было все путем...

Но грянул черный для Белоруссии год -1986-й! Ахнул Чернобыль, да так, что не только украинцам, всей Европе хватило того излучения...

Тогда-то и перебрался Моисей Александрович - член КПСС, ветеран Великой Отечественной войны, разведчик, кавалер двух орденов Красной Звезды, ордена Отечественной войны II степени, медалей "За Отвагу" и "За взятие Кенигсберга", дважды раненный немцами в ногу и раз - в грудь, почетный воин гвардейской Карабаевской, ордена Ленина, краснознаменной, ордена Суворова II степени, стрелковой дивизии - к своей дочери - в наш город, но... с вручением ему еще одной отметины от Советской власти: удостоверения "Эвакуированного из зоны отчуждения, подвергшейся радиации, загрязнению, вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС"...

Странны пути человечьи... Не сгинул белорусский паренек и солдат кровопролитной мировой войны в огне боевом, не сгинул род его в огне пожарища гестаповского, не пропали его близкие, шабры, его народ. Выстояли, выжили, победили. Отстроились, раны залечили, а тут - новая напасть - ядерная. В мирное время! От которой и спрятаться-то негде! Вот и снова стали люди изгоями, лишенными мест родных. Благо, что есть еще наше человеческое сострадание, участие. Есть еще на земле русской опять наш Мелекесс-Димитровград, где нашли свой приют и покой вечный люди достойные!

Мы ничего о прошлом не забыли!

64 года прошло с той поры, как отгремели последние залпы Второй мировой войны. Когда наши доблестные воины, те, кто сумел живым дойти до фашистского Берлина, поставили окончательную точку в неоспоримой Победе советского народа над войсками бесноватого Гитлера.

Долгие четыре года шла наша армия к этой желанной победе над врагом. И путь этот отмечен как горькими вехами, так и воинской доблестью. В рядах этой армии шли к Победе и тысячи наших земляков. Далеко не всем из них удалось вернуться в родной дом. Они сложили свои головы во многих знаменитых битвах, они тоже отстояли свою Родину, вернули нам мир и жизнь. Слава павшим Героям!

9 мая ежегодно над нашей Россией да и в странах бывшего СССР звучат слова торжественной команды для тех, кто еще остался в строю живущих сегодня:

«ФРОНТОВИКИ, НАДЕНЬТЕ ОРДЕНА!»

И когда они, уже редким и неуклюжим строем, идут к Вечному огню у обелисков поклониться от имени боевых друзей, не дождавшихся этого - 64-го мгновения Победы, - невольно вспоминаешь тех, кто выиграл схватку с самым сильным противником всех времен и народов на Земле!

И здесь нам, мелекессцам-димитровградцам, есть, кем гордиться. Среди настоящих ПОБЕДИТЕЛЕЙ имена наших земляков:

прославленные генералы Отечественной войны - Баданов, Барсуков, Захаров;

комполков - Гордиенко, Коломин; комбаты - Игнатьев, Козлов, Пильщиков; ротные - Шильдин, Яшинев, Шулаев, Карапасов;

комиссары - Годунов;

старшины - участник Парада Победы Страшнов, Ларин, Баранов, Милюшов, Щелков, Тимошкин;

сержанты и рядовые - Симонов, Ермаков, Сладков, Ионов, Павлов, Смольников, Каюров, Андреев, Дермугин...

Во всех родах войск воевали наши земляки, показывая боевое мастерство и мужество. В небе над Сталинградом начали ковать Победу летчики Забелин и Миронов. В море топили фашистские суда матрос Бибина и юнга Слюняев. В прибалтийских болотах и перелесках охотился за врагами и метил их снайперской пулей ныне Почетный гражданин Димитровграда, самый известный член Союза писателей России в Поволжье – Ларин. Первым открыл смертоносный для фашизма огонь по Берлину из пушек своего артдивизиона Вишняков, вошедший в историю артиллерии. Вели эффективную разведку в тылах немецких Гарипов и Носов. Десантировался на головы врагов бесстрашный Жуков. Взламывал оборону фашистских войск на своем танке Ендураев. Бесстрашно спасала от смерти пленных солдат на виду у своих палачей в концлагере военврач Мусорова...

На фронт, на отпор ненавистному ворогу, мелекесцы вставали целыми

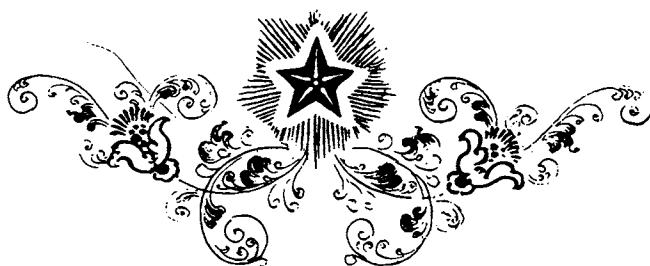
семьями. Среди династий фронтовиков в нашем городе было семеро Милишинских, шестеро Бородулиных, Шулаевых, Храмовых, пятеро Тарасовых, Совалевых, Никилиных, четверо Милюшовых, Игнатьевых.

Это была поистине ВСЕНАРОДНАЯ битва за жизнь на земле. Она отмечена Киевской, Смоленской, Московской, Ленинградской, Тульской, Курской, Белорусской, Корсунь-Шевченковской, Карпатской, Варшавской, Одерской, Кенигсбергской, Пражской битвами. Но венцом всей Победы, конечно же, стала завершающая – БЕРЛИНСКАЯ!

Неоценим вклад в нашу с вами Победу любого из фронтовиков. Артогнем крушил врага, начиная от Подмосковья, лейтенант, кавалер ордена Александра Невского - Евгений Чуманов. Троих друзей сразу в течение двух дней потерял мелекесец, старший лейтенант из стрелковой дивизии Евгений Савельев при взятии Берлина. Всем троим посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. А наш земляк, которого за форсирование Одера представили к такому же званию, отказался от получения его, считая, что живые должны добывать фашизм не за награды, а в память о павших...

Старший лейтенант Иван Морозов со своим подразделением оказался в Корсунь-Шевченковской операции на пути отступавшего противника. Ни на шаг не отошли от своих позиций наши бойцы и не выпустили немцев из котла, побив их, затем пленив во много раз превосходящее войско и взяв немалые трофеи. Наш земляк был особо отмечен в приказе Верховного Главнокомандующего Генералиссимуса И.Сталина!

Герои, где бы они ни воевали, как и наша Победа, как и их подвиги – всегда будут бессмертны. А память о них – незабвenna.

Поистине – академики!

Так считаем
В. А. БАРЫШЕВ

Почти у всех народов нашей планеты было традиционно заведено (а у некоторых сохранено и сейчас) – самые важные жизненные вопросы решались на сходах старейших жителей. Совет Старейшин – это бесценное обобщение жизненного опыта, своеобразный кладезь мудрости, понимание проблем, передаваемое от поколения поколению. Если есть такой опыт, его хранители, люди знающие и умеющие многое, то не стоит всем остальным учиться «изобретать велосипед», давно уже существующий, или рисковать своим здоровьем, упрямо «наступая на одни и те же грабли»! И это, наверное, очень правильно.

Для того чтобы возродить эту традицию, вслушаться в мудрые мысли человека, немало знающего и пожившего, наверное, нужен такой разговор.

«ОБЩИНА, ТРУД, САМОУПРАВЛЕНИЕ - главные слагаемые удовлетворяющие человека и жизнь на земле. Вникая в создаваемую систему административных, объединенных крестьянских поселений, я вижу дальную перспективу в этом, - начинал свои размышления самый мудрый и опытнейший руководитель сельхозпредприятия, и учебного заведения в Мелекесском районе Владимир А враамович Барышев.

- В моей жизни был пример такого общинного самоуправления. Мать моя была из старообрядческого рода, который сначала ушел в глухие леса от преследования новоцерковников и властей, а затем поселился на Саратовщине. Новое поселение было вытянуто вдоль гор на 7 километров и ограждено двойным частоколом. С четырех сторон были сделаны ворота, где велось круглосуточное дежурство и знали всегда о появлении чужих. Всей общиной строили добрые дома. На каждом подворье было гумно, скотный двор, летние глиnobитные домики, куда в теплое время переселяли детей на случай, если в селе будет пожар...

На возвышенностях были родники, каждый был укреплен, одет в сруб, а по отводным желобам вода собиралась в речушку, которая протекала вдоль всей улицы. Ее прудили, делая водоемы для птицы, зарыбляли, обсаживали ветками. Бани топились через раз - для себя и соседей. В каждом хозяйстве были огороды и сады из фруктовых деревьев.

Но главное - в общине не было раздора. Мирно жили, мирно трудились сообща, вместе праздновали и помогали друг другу в горе. По-нынешнему это называют модным импортным словечком: «толерантность» или терпимость к миропониманию другого.

Мать была верующей, посещала молельный дом, хранила староцерковные книги, иконы. Отец, прошедший две войны, был человеком суровым и справедливым, работал бригадиром, состоял в компартии. И это в нашей общине не мешало ни взаимоотношениям его с людьми, ни нарушало любви и согласия в доме.

Кроме работ в поле, наша семья из 11 человек кормилась огородом, садом, держали коров, свиней, овец, кур, гусей... И всего у всех хватало. Жили обеспеченно. Раза два в год деревенский староста, избираемый из пожилых и авторитетных людей, ездил на подвode по дворам и собирали налоги: откупались от государства крестьяне, кто - чем мог. Кому и сколько переправляя потом собранного староста, никто не перепроверял, ибо все это было на доверии.

Это истории и мои приятные воспоминания из детства. Но это было! Даже в те суровые и властные годы люди могли создавать вот такие идеальные общины-поселения, которые самоуправлялись под приглядом государственным! Сегодня нами сделан первый шаг в ту же сторону. А новая эпоха, ее правовое обеспечение, образованное общество - позволяют нам не только брать пример с предков, но и развивать эти отношения, углублять уже имеющиеся знания. Хочу верить, что поселенческие администрации станут именно тем путем к труду, миру, согласию, благоденствию. Нужно только умело подобрать кадры управлеченческих структур и всем миром заново обустроить свою жизнь на общинных, толерантных принципах, уважении, добропорядочности...»

Директор Рязановского сельхозтехникума В.А.Барышев недовольно сетовал: «При стабильной погоде - это были бы последние дни уборочных работ. А тут, по дождю да просушке, еще дней 10-15 «провоюем»...»

Поле под яровой пшеницей в 220 гектаров было на три четверти обработано. Хлеба скосены и обмолочены, зерно вывезено. Но небольшой клин еще покачивал

туго набитыми зерном колосьями. А на краю лесопосадки «толпились» комбайны, грузовые автомобили, шоферы и комбайнёры, а также пожарная машина и «Кировец» с плугом, на случай возгорания.

Причина простая: после ночного дождя колос на неубранном еще клине влажный, все ждут, когда ниву окончательно «продует» ветерком... «Конечно, - толкуют хлеборобы, - можно было бы и влажное зерно на хлебоприемный пункт вывезти, там просушат, но цены за это на элеваторах «кусаются»! Зерносушилка есть и в сельхозтехникуме, но топливо для нее тоже недешево - сразу подскочит себестоимость зерна...» Хотели уж угнать технику на центральную усадьбу, до утра отложив жатву, но Барышев и здесь рационален по-хозяйски! Распорядился ждать часов до пятнадцати, тогда можно будет успеть закончить работы на несжатом клине. А то до утра, что еще погода преподнесет... Согласен с директором и опытный механизатор Александр Юрьевич Просвирияков. За добрый десяток лет работы на жатве он всяко повидал...

Передовик производства в сельхозтехникуме - сам родом не из Рязаново. Его родина - город Отрадный, но затем родители переехали в колхоз под станцией Майна, там Александр и набирался мудрости крестьянского труда. А когда выпускница сельхозтехникума и уроженка села Рязаново - Елена получила назначение на работу, как молодой специалист, к ним в село, ее сразу же приметил Просвирияков. Сыграли свадьбу, а потом решили переехать в Мелекесский район. Получили квартиру в Рязаново, Елена Андреевна - должность бригадира на СТФ, благо специальность ее подходящая - зоотехник-селекционер, а муж стал работать на тракторе, на комбайне «Нива», теперь вот управляет с «Доном»...

Работа хлопотная: весной да летом - в поле, осенью и зимой - в мастерских на ремонте техники. Частенько студентов «подбрасывают» передовику на выучку, набираться практического опыта... Но Просвирияков не ропщет и доли лучшей искать, ехать куда-то не намерен. Потом и слово дал Барышеву, что не бросит ни совхоз, ни техникум. Таких опытных работников и воспитателей мало осталось...

- Конечно, - рассуждает он, - на вахте в Сибири или на нефтепромыслах в Вишненках, можно поболее заработать, но там и возраст нужен помоложе, да и дома за хозяйством приглядя не будет... Так что, срасся уже с Рязаново: и люди стали своими, и работа по душе, и после уборочной ни зерном, ни премиальными не обижают! На стороне найдешь тысячу-другую приварка, зато многое другое можешь потерять, в том числе и уважение к себе, как человеку трудовому, основательному...

Такой вот разговор состоялся у Барышева на краю поля, пока все ждали милости у погоды, а она на сей раз не подвела рязановских хлеборобов.

«КАДРЫ РЕШАЮТ ВСЕ, НО ИХ НУЖНО ХОТЕТЬ И УМЕТЬ ВЫРАСТИТЬ!»

Фразу о кадрах высказали мудрейшие люди задолго до И.Сталина. Ему же приписывают это выражение потому, что его система подбора, воспитания и расстановки кадров была и есть лучшей. Не следует забывать, что в этой кадровой цепочке не последнее место занимает вопрос контроля за тем, как эти кадры работают!

Над таким вопросом давно задумывается и Владимир Авраамович. Рассуждает, спорит сам с собою, соотносит разные факты, анализирует события. Этим он всегда в работе.

-Мы начинаем терять требовательность к исполнителям порученного им дела, оттого и заваливаем самые прекрасные планы и реформы. Я, 55 лет выпускская специалистов для сельского хозяйства, хорошо знаю, что до 90-х годов, выпускская

по 650 профессионалов, мы не могли “насытить” потребность в кадрах даже в пределах нашей области. Так куда же делись эти потребности сегодня? Что, у нас в стране переизбыток кадровый?

Проблема кадров пока не “клюнула” руководителей государства в “темечко”. Потому у президентской команды до этой реформы руки и не доходят. Но это чревато тем, что в один миг могут встать многие производства, будет потеряна квалификация, нас не спасут никакие призывы крепить научно-технический прогресс. И Россия может слететь в “табели о рангах” ниже любого отсталого сегодня государства. Грянет кризис кадровый!

Чтобы этого не случилось, нужно бы каждодневно, пусть малыми пока дозами и затратами, возрождать систему подготовки и воспитания кадров. И здесь как ни где бы пригодился накопленный в Рязаново опыт эти кадры готовить. Во всех хозяйствах области, на всех предприятиях в Поволжье, даже в научных центрах, таких как НИИАР, в отраслевых управлениях, во властных структурах и сегодня работают тысячи выпускников нашего техникума. На них держится политика и экономика всей области! Экономика!

Я только назову А.И.Якунина и В.П.Тигина, руководящих сельской отраслью Симбирского края, или скажу, что в самом передовом СПК им. Крупской России сегодня работают почти полтысячи специалистов - наших выпускников, почти всеми отделениями управляют “рязановские” кадры, управляют с успехом в период развала крестьянства по стране. Потому, что их учили по лучшей в мире системе, потому, что на том производстве управляют люди, знающие кадры, умеющие их воспитывать, ценящие специалистов, видящие перспективу.

Нужно не только вести учет наличия кадров, готовить их на более масштабные дела, доверять делать смелые шаги в экономике и на производстве, но и четко, СТРОГО СПРАШИВАТЬ за результат. Следует возродить систему учета таким образом, чтобы молодой специалист, как сегодня, не бегал в поисках своего места в жизни и не “челnochил”, чтобы прокормиться, а был в полной мере обеспечен работой по выбранной им специальности, всеми бытовыми условиями, благами. Но и закрепление кадров должно быть продумано на государственном уровне. Обеспечивающее его производство должно законодательно иметь право на обеспеченность кадрами, хотя бы года на три... Учеба должна быть по ходоговорам, гарантирующим равные права всем трем сторонам в них. А нам в техникуме приходится сегодня изучать рынки труда, давать правовые и трудовые консультации своим студентам, чтобы они могли закрепиться на производстве по специальности. Даже психологические тренинги проводим по предмету общения с руководителем, к которому приходят в поисках работы. Вот некоторые цифры из Федеральной программы развития села:

- только 64 процента сельского населения обеспечено работой...
- 75 процентов сельского населения пользуются водой, состав которой не соответствует нормам и стандартам...
- 40000 человек на селе живут в местах, не обеспеченных автобусным сообщением даже с райцентрами...
- согласно демографическим данным, за 10 последних лет убыль сельских жителей возросла с 30000 человек до 278000...
- продолжительность жизни на селе снизилась до 64 лет...

О каких кадрах может идти речь в данных условиях! Мы ведем себя как временщики на родной земле. Всем начинают править чиновники, которые идут к власти командой, на 4-5 лет. Потому они и не решают ничего, кроме собственных нужд. Может быть, новая административная реформа даст, наконец, возможность

руководителям работать, не оглядываясь на сроки, подбирая кадры толковых специалистов, строго с них спрашивать за порученное дело?

Такая система действует в Белоруссии, где президент сам следит за расстановкой кадров, их ростом, продвижением, где они, может быть, не совсем демократично подчинены воле одного лица, с них очень жесткий спрос, но результат таких действий оказывается много эффективней, чем у нас...

Забыли мы в кадровой работе и опыт первых лет перестройки. Выборность кадров при самом широком обсуждении их качеств человеческих и знаний, умений, их нужности в отрасли, - тоже четко дисциплинировали претендентов на должности, ставило их под отчет перед народом. Кадры в России еще есть. Не все пока умы и профессионалы перетекли на Запад от безысходности. Дайте только нам четкую систему, обеспеченную законодательством, обеспечение ресурсами, тогда наши кадры будут вновь способны решать самые глобальные проблемы...»

Неторопливый и всегда серьезный в решении любых проблем Барышев и говорит, взвешивая каждое слово. И к его словам внимательно прислушивается любой собеседник. Привычка эта выработалась в педагоге и инженере Барышеве здесь в Рязаново за более чем полувековую его деятельность руководителем крупного хозяйства и учебного заведения. Прибыл сюда молодой специалист пешком по проселочным дорогам. Освоился, осел, обзавелся семьей и своим домом, врос в этот край. А когда назначили главным в округе, стал строить техникум, его мастерские и лаборатории, закупать технику, транспорт, прокладывать современные дороги и коммуникации. И всегда все у него получалось хорошо.

Теперь, чтобы выяснить тот или иной факт из истории поселка или древнего края, - достаточно обратиться к Барышеву. Он знает почти все. Знает каждый перелесок, поле, закоулок в Рязаново, каждый дом. Он сумел также сохранить исторический центр поселка, прадедами отстроенные здания. В то же время Рязаново гордится новыми многоэтажками, современной пекарней, сельским краеведческим музеем, Домом культуры, стадионом. Тем, что директору известны все бытовые и семейные проблемы работников, педагогов.

Наград, званий и почестей у Барышева с избытком. Но он есть, был и будет настоящим народным академиком, - уважающим труд на земле, людей, с ним работающих. С особенной - ЕГО методикой образования и воспитания кадров для сельского и народного хозяйства страны, ЕГО пониманием жизни и политического момента. И этим он велик и заслужен.

Сендецкая – это профессия

Несколько раз пытались мы перехватить преподавателя русского языка и литературы “неувивимую” Валентину Николаевну Сендецкую. Но была она то в отъезде, то в поле со студентами, то на занятиях...

Писали об отделении землеустроителей - оказывалось, что заведует им Сендецкая. Когда решили рассказать о студентах-технологах хлебопечения и кондитерах, с удивлением узнали, что и здесь руководит отделением Сендецкая!

Ну, а уж когда пришли к правоведам, первым делом закричали: «Неужели, и здесь старшая Сендецкая?!»

- Конечно! - без тени смущения и гордо отвечали нам...

Так не бывает - решили мы. Ну, не может один человек преподавать и литературу, и вести практику в полях, и сажать со студентами парки, и быть неуемным организатором конкурсов, вечеров, концертов, и по дому успевать хлопотать, да еще одновременно руководить тремя(!) сразу самыми престижными по профессии отделениями!

- Да увидим ли мы когда-нибудь ваше многопрофильное порождение? - вновь возопила бригада журналистов!

- Пожалуйста, вот оно - порождение вашего воображения, - раздался за нашими спинами веселый и милый голос...

Невысокая, тоненькая, совершенно очаровательная женщина (хоть сейчас на подиум модельерш!) лукаво и заразительно смеялась над недотепами из газеты.

- Я, Сендецкая! И ни от кого нарочно не прячусь!

От такого чуда можно было и «оффонареть» в самом деле... И это-то она «перепахивает» со своими воспитанниками сотни гектаров земли за сезон? Тогда где же обязательные сапоги? Брезентуха, а не «лодочки» и свитерок?

Если в подчинении у Сендецкой десятки педагогов различного профиля, 400 студентов, техперсонал, здания, сооружения, лаборатории, оборудование, то почему она так тихо и ласково говорит, не матерится, не стучит кулаком, не «взмылена» от руководящего ража, а только неуловимым и изящным жестом поправляет «академические» очки, уважительно говорит всем самые в ее должностях непотребные слова: «пожалуйста, спасибо, будьте добры»?

Было от чего «пожухнуть», когда рушатся все стереотипы! Вот почему мы и решили поразбираться с самой Сендецкой до конца. А конец вышел совсем неожиданным... Для того чтобы мастерски сделать фотопортрет этой невероятной женщины, а уж потом педагога и управленца, нашему фотокору пришлось подставить у кафедры ящик, чтобы Сендецкая попала в нужный ракурс. И эта уважаемая всеми в техникуме специалист, руководитель трех отделений, заслуженный работник просвещения Российской Федерации, беспрекословный авторитет всех студентов, мать двоих взрослых детей, легко и беспрекословно, словно на театральной сцене, вспорхнула на этот ящик и встала под объектив!

И история ее появления в Рязаново так же неожидана, как все в ней. Ехал по распределению в Александровку выпускник Волгоградского политехнического института Николай Александрович Сендецкий. Молодого инженера взялся подвезти директор техникума из Рязаново В.А.Барышев, по дороге переагитировал к себе в совхоз на работу. А вскоре Сендецкий привез в Рязаново и молодую жену, выпускницу Донецкого пединститута Валентину. Так они и стали неотъемлемой частью здешнего коллектива. Их приняли, полюбили. В 1988 году, заскучав по родным местам, решили перебираться на Украину, да не вышло! «Прикипели» душой к Причеремшанью, к Рязаново, как и многие их коллеги здесь. Николай Александрович заместитель директора техникума по воспитательной работе. А вот Валентина Николаевна - и есть то чудо, о котором рассказывают здесь...

Дочь Сендецких, закончив здесь же землеустроительное отделение, теперь живет в Москве, работает в крупной строительной фирме. Сын, закончив в Рязаново отделение механизации, а затем Ульяновский политехнический университет, пошел служить в армию, в РВСН. Под Чебаркулем служит заместителем командира части по технике и транспорту. И с разницей всего только в несколько месяцев, сыграли Сендецкие сразу две свадьбы для своих детей...

- Вот вам и Рязаново, - улыбается Валентина Николаевна, - люди бегут из деревни, ищут лучшего и значимого на стороне, а мы здесь пригодились, обжились. Рязаново - место особое, со своей аурой. Недаром наши выпускники всегда и во всем при деле, всегда в «цене». А в жизни важно не то, откуда ты и каков твой диплом, главное - докажи свои знания, умение, способности. Такому не везде учат так дотошно, как у нас в техникуме. А мы все очень дорожим «Рязановской маркой», своим знаком качества!

«Чудо», поправив свитерок, упорхнула от назойливого фотокора, и уже из коридора поманила нас ручкой: зайдите, мол, и сюда. И снова повергла нас в ступор. В небольшой комнатке хранит она всякие изумительные вещи, сделанные руками многих поколений студентов. Все это может стать основой целого музея уникальных поделок. А может - как у Сендецкой - экспонатами и интерьером кабинета... эстетики...

Нет, как хотите, но СЕНДЕЦКАЯ из Рязаново - это явление далеко даже не районного масштаба. Это - целая энциклопедия о том, как нужно и можно быть на селе профессией, повелительницей домашнего очага, целой наукой, да притом чаровницей, умеющей всегда чувствовать и быть потрясающей салонной красоты и воспитания женщиной.

Не пропадайте надолго Валентина Николаевна, пожалуйста. И журналам иногда нужно доказывать, что их стереотипы – всего лишь плохое воображение...

Темя Валя

На погoste сельхозкооператива имени Н.Крупской теперь навсегда «поселился» один из самых знаменитых и популярных в СССР людей. Вернее, одна. Это наша землячка, настоящий академик телевизионного искусства, известная сотням миллионов детей под именем «Теми Вали», со сказками которой они засыпали, известная сотням миллионов взрослых, смотревших сквозь слезы ее пронзительные телеспектакли «От всей души», артистка и телеведущая – Валентина Михайловна Леонтьева. Человек необычайной судьбы, женщина, воплотившая в себе лучшее, что могло выдавать в эфир телевидение того времени, незаслуженно оскорблённая в конце жизни многими коллегами и «культуртрегерами», родными и не родными злопыхателями, - была вынуждена буквально бежать на свою вторую родину в Новоселки, где обрела любовь и заботу, сострадание и понимание, внимание всех земляков со всей Ульяновской области и... вечный покой. Это журналисты-ульяновцы возбудили интерес к Леонтьевой, заставили вновь обратиться к академику от телевещания и к проблемам беззащитной женщины столичных коллег, сразу же попытавшихся создать нездоровый культ из беды великой актрисы. Но время все расставило по своим местам.

Теперь на кладбище в Новоселках, недалеко от православного храма, есть ухоженное памятное место под именем Валентины Леоновой, умершей 22 мая 2007 года. Куда со всей России едут на поклон люди, несут свою скорбь и цветы. Давайте и мы помянем ее Добрым Словом.

Леонтьевы - коренные питерцы. Их дом - до сих пор цел на углу Большого проспекта и ул. Зверинской. Жили они на 6 этаже. И сестры - Валя и Люся, часто, лежа на подоконнике, с «птичьей высоты» обозревали двор- колодец под их окнами.

ДЕТИ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА. В квартире №20, прихожая которой была заставлена шкафами, сундуками, коробками, за второй дверью справа жили Леонтьевы, а за соседней - известный советский поэт Николай Тихонов... В ноябре 1941 года сестры стали первыми слушателями его блокадной поэмы «Киров с нами». Встречались они и с самим Сергеем Мироновичем Кировым и его женой – Марией Львовной Маркус, сотрудникницей службы соцобеспечения и общественного призрения Ленисполкома, занимавшейся созданием коммун проституток во Дворце пионеров, где Киров любил играть с детьми, особенно маленькими девочками...

В этом «особенном» доме Люся и Валя слышали авторское исполнение стихов Самуила Маршака, Ольги Бергольц, видели Николая Акимова, Валерия Чкалова. Позднее Валентине повезло в Москве общаться с Ираклием Андрониковым, Всеволодом Пудовкиным, Юрием Олешей, Татьяной Тэсс, Мариэттой Шагинян.

Отец их - Михаил Леонтьев - служил главбухом на Октябрьской железной дороге, имел возможность давать дочерям приличное воспитание. Для них всегда были открыты двери музеев, филармоний, театров.

Но все рухнуло 22 июня 1941 года, когда в блокадном Ленинграде с голода умер отец. Всю старинную мебель в доме перепилили на дрова. Муж Люси погиб в первые дни войны. Умер ее ребенок - первенец, а самих сестер, еле живых, вывезли уже по «Дороге жизни».

А НАЧИНАЛОСЬ ВСЕ С ЗЕРНОСОВХОЗА И... КВН. Богата и удивительная история самого известного в Ульяновской области сельского производственного кооператива имени Крупской. Сколько судеб, имен, дел переплелось здесь за 70 лет его существования!

Среди них - судьбы и сестер Леонтьевых, эвакуированных сюда из блокадного Ленинграда. Попали сюда Люся и Валя почти случайно. Все решилось в поезде, где сестер опекала домработница поэта Н. Тихонова - Маруся. Родом она была из Мелекесского района, куда привезла с собой и девушек. Даже в 1942-м, зная уже об ужасах в блокадном Ленинграде, жители села все же сбегались посмотреть на «ленинградских скелетиков», поплакать над их судьбиной.

А Люся все вспоминала, как отец настоял, чтобы она выучилась на экономиста, этой «скучной» профессии. Оказалось, - не зря. Став в годы войны классным экономистом, она так и проработала в совхозе в этой должности 30 лет. И за этот труд была удостоена ордена Трудового Красного Знамени...

Валя в совхозе пошла доучиваться в 9-й класс. Была самой талантливой школьной артисткой в совхозном драмкружке, который вел тогда овощевод совхоза, энтузиаст театра и талантливый человек В. Колокольцев.

Уже после войны Валя уехала в Москву поступать в театральное училище, но не прошла по конкурсу и стала учиться в химико-технологическом институте. Правда через год ее приняли в школу-студию при Малом художественном академическом театре, по окончании которой она с блеском играла на сцене Тамбовского драмтеатра...

Если бы человек мог предугадывать свою судьбу... Возможно, и артистический путь Валентины Леонтьевой был бы менее тернист. Кто знает, если бы осталась она в «прозаическом» химико-технологическом институте, то не стала бы одной

из основательниц так блиставшего в конце 60-х и в 70-е годы студенческого театра "того вуза, а потом - и блистательной команды в КВН"?

НО, УВЫ, СЛОЖИЛОСЬ ИНАЧЕ. Уже в зрелом возрасте Валентина признавалась сестре, что она - звезда советского телевидения - очень завидует Люсе - совхозному экономисту. Та, - выпускница Ленинградского гидрографического института, дважды выходила замуж, схоронила обоих мужей и была счастлива в совхозной жизни, среди детей, внуков, восьми правнуок... А ведь театральная карьера Валентины Михайловны Леонтьевой складывалась более, чем удачно.

- Два сезона отработала в Тамбовском драмтеатре. Играла Джему в «Оводе», Лизу в «Дворянском гнезде», Ларису в «Бесприданнице». Хотя тут совсем другое: актриса играет, а на экране как раз надо быть самой собой. Недаром нас никто из зрителей не называл по фамилии. Спрашивали: «Кто сегодня, Ниночка или Валечка?» В те годы на телевидении и своих дикторов не было, - их приглашали с радио. Потом появилась Нина Кондратова - она была первым ТВ-диктором. Затем пришла Оля Чепурнова. Я была третьей...

Когда позади было более 80 лет жизни, Валентина Михайловна, выпускница средней школы в совхозе, Народная артистка СССР, член союза журналистов СССР и России, была уверена:

- Мне вообще в жизни очень повезло. Общепринято, что только дураки могут считать себя счастливыми. Не могу сказать, что я такая уж дура или, наоборот, безумно умна, но, тем не менее, все-таки счастлива, что сорок с лишним лет назад вытащила этот беспрогрызный лотерейный билетик, на котором было написано «телевидение».

16 марта 1954 года наша землячка впервые пришла на телевидение. На конкурсе телеведущих она читала либретто «Лебединого озера» (много позднее, ставшего зловеще-трагической заставкой ко многим политическим событиям). Это чтение буквально поразило корифеев ТВ - Юрия Левитана и Ольгу Высоцкую. Валентина была принята в телесемью. Но, строптиво сразу же отказалась вести престижное по тем временам «Время» - новостную программу. Зато, несомненно, талантливыми были редкие тогда «отдушины» - передачи «людского» плана: «От всей души», «Спокойной ночи, малыши!», множество других культурно-образовательных и музыкальных программ.

«Валя», «Тетя Валя», - была желанным гостем в любом доме необъятного Советского Союза, на ее передачи собирались, как на редкий концерт, - огромными семьями, застольями...

ОНА БЫЛА – САМО ОБЯЯНИЕ! С детства своего совхозного получила совершенно сокровенный талант и характер «родного русского человека», близкого всем и каждому, неиссякаемого добротой.

Тетя Валя, которую судьба не баловала подачками, и в зените своей славы сохранила русскую открытость, добросердие, непосредственность, непрятязательность, человечность. Ее любимыми книгами всю жизнь были: «Вини-Пух и все, все, все», «Маленький принц» Экзюпери, мультфильмы...

Но она могла быть и предельно жесткой:

- Когда какая-нибудь из моих учениц не настроена работать и хнычет по поводу того, что у нее заболела кошка, я ей: «Да пошла ты к чертовой матери со своей кошкой! У меня - мама умерла - я работала. Сын умирал - тоже работала!» Еще не похоронив маму, я поехала в Комсомольск-на-Амуре делать передачу. Вышла на сцену и, пока мне хлопали, сказала мысленно: «Мама! Этую передачу я посвящаю тебе!»

И - отключилась: пела, хохотала. Уж как я тогда выступала, сама не знаю. Наверное, все получилось потому, что я все маме посвятила - самому главному для меня человеку на свете. Я каждый день мысленно разговариваю с ней, желаю спокойной ночи. И прошу ее, чтобы приснилась. А она не снится. Значит, ей там спокойно.

Успех, слава, обожание - все это выпало на долю девочки из мелекесского совхоза сполна. Она действительно стала профессионалом ТВ-дела, лучшей, почти ТВ-классиком. Но это - только одна сторона жизни и работы этой обаятельной женщины. Есть и другая...

Семейная, бытовая жизнь у Валентины Михайловны, в отличие от Люси, - сложилась не так счастливо. Однажды, в пылу откровения, Валя сказала сестре: «Как я завидую тебе! А вот у меня нет и, скорее всего, не будет счастья стать бабушкой...»

И это говорила любимица всего Советского Союза! Самая известная телеведущая СССР - своей сестре, экономисту совхоза, простой деревенской бабе, бывшей и известной, и счастливой своей судьбой и любовью!

Валентина Михайловна недолго была счастлива своим «театральным» браком. Зато второй её муж - Ю. Виноградов - бывший посол СССР в Индии, сотрудник дипмиссии СССР в Нью-Йорке, - был символом женского счастья... 20 лет они прожили вместе. После того, В. М. Леонтьева писала:

- Первый мой муж был режиссером радио: прожив с ним четыре года, - разошлись... Со вторым мужем довелось пожить и в Америке. После чего грязная газетная «утка» о том, что «тетя Валя» - ... агент ЦРУ! Так «шумели» ее коллеги - завистники из ТВ. В своем «родственном» экземпляре книги, - вспоминает Валентина, - я написала сестре: «Как мне без тебя плохо! И как легко и радостно, когда ты рядом!»

Любви, увлечений было – не счесть! Она говорит, что даже любила одаривать, одевать своих мужчин, несмотря ни на что...

- Видно на роду у меня написано, чтобы меня бросили те, кого я, как сумасшедшая, любила. Даже отец моего единственного ребенка ушел от меня!

Жизнь «взаправду» и «для всех»- перепелись в судьбе Валентины Леонтьевой. И, если Люся, была счастлива судьбой в глухом приволжском совхозе, то Валентина - блистала на телезрекранах. «Будильник», «Голубой огонек», «В гостях у сказки», «В мире животных» - все эти, - зашкаливавшие рейтинги передачи были настоящим творческим успехом В. Леонтьевой. Бывший министр культуры господин Швыдкой очень хотел задействовать 80-летнюю женщину в своей программе «Культура» - но...

Это же предложение развеивает миф о дикторах-миллионерах с ТВ. Пенсия у «Тети Вали» - едва за 3000 рублей. Ни машины, ни дачи, ни нажитого поистине «каторжным» трудом. Лишь скромная квартира в центре Москвы. Она и в быту неприхотлива: после блокадного Ленинграда, - навсегда - любимейшее блюдо - макароны! Напиток - от совхоза - молоко! Еда в жизни В. М. Леонтьевой - на... 25 месте в жизни. И это - Лауреат Госпремии СССР, «агент ЦРУ»?

Было время, когда САМ председатель Гостелерадио Лапин, отсмотрев очередной ролик с В. Леонтьевой, - не выдерживал: «Чтобы ее я в эфире не видел!» Это когда она «без спроса» представила на ТВ одну из английских общественниц... «Тетю Валю» спасали друзья-блокадники и постоянный, огромный внутренний порыв к работе,

В СЕМЬЕ ОНА БОГОТВОРИЛА СЫНА!

- Боже, какой он был прелестный мальчик, а какой длинный... когда родился, приходилось перешивать пеленки... Сегодня этот «бородатый» ребенок и бизнесмен, востребованный на ТВ, однако, не стал ее продолжателем... А мама любит складывать пасьянс в своей уютной квартире, тем более, после того, как в 2001-м упала на улице и повредила позвоночник, да и зрение ухудшилось...

«ТЕТЬ ВАЛЯ» - ЭПОХА И ИСТОРИЯ ТВ!

Чего только она не помнит, не знает, не умеет! Прошла через все. В том числе - зависть, невзгоды, предательство. Но слава шла впереди нее.

Однажды на королевском приеме в Монте-Карло она ужаснулась тому, что принцесса этого государства была одета в «ее» платье! Было время, когда «всенародных любимцев-героев» закрывали. Кого как... Пропала с телезкрана и «тетя Валя», жившая в США... Пошли слухи. Но — очередные же «живые» на ТВ гастроли все поставили на места. В родном ее совхозе, увидев «свою Валю», люди аплодировали часами, а в зале яблоку было негде упасть...

- Говорю им: «Вы не перепутали! Моя фамилия не Пугачева!» А они пуще хлопают! Убедились, что я не сижу в Лефортове, что не выбросилась из окна с 9-го этажа...

Все два года, что мы прожили в Нью-Йорке, мне было плохо: я была одинока и никому не нужна - а я ведь оторвалась от места, где была нужна всем...

Сильное чувство стыда я испытала однажды, в одном бродвейском зоомагазине. Я собачница страшная и всегда визиты в этот магазин начинала с отдела: «Все для собак». И, когда увидела, как наши женщины советские покупают себе галеты собачьи, а продавщица-американка прекрасно понимает, что покупают они совсем не собакам... Там продавались и потрясающие ошейники для болонечек, такс, ливреток - наши соотечественницы все это примеряли на руки! Я не знала, куда деваться от стыда, подошла и шепнула на ушко: «Не берите - это для собак!» На что мне резонно ответили: «А твое какое дело?»

Я жила в чисто американском доме, где не могла ни с кем поговорить, у меня не было знакомых. Лишь однажды встретила женщину, с которой, наверное, могла бы найти общий язык, но из этого так ничего и не получилось...

Обычно дома, когда одна, я всегда пою - как-то добралась и до украинских песен. И вот выхожу со своим сыном гулять и вижу соседку с целым детским выводком, и все они у нее на поводках - в Америке принято при посещении магазинов и детей малых и собак оставлять на улице, привязав к специальной ручке. Так вот эта американка говорит мне: «Вы украинка? Гарно спиваєте!». Я спрашиваю: «А вы украинка?» Она: «Нет, я - жидовка!». «У нас так не принято говорить» - я поясняю. А она - за свое. Переубедить не удалось, но зато я выяснила, что родители ее в Херсоне, а ехать туда она не хотела, - считала, что сразу в тюрьму попадет. Это было время, когда все боялись даже письмо написать...

Однажды, накануне моего 40-летнего юбилея на телевидении... председатель Гостелерадио Брагин... обнял меня, поцеловал и дал какой-то конверт. Оказалось, что там были деньги - премия за сорок лет работы. Наградили двумя окладами. Тогда это составляло 300 тысяч. А все девочки, с которыми я занималась техникой речи, ежемесячно получают многое больше.

Какой была Госпремия и, как я ею распорядилась? Пять тысяч. На эти деньги купила новую мебель за две тысячи, а на остальные три отправила сына к отцу в

Бангладеш, хотела их познакомить, наконец. Конечно, у каждого из нас есть какие-то «тараканы» в голове. И у меня тоже. Но я умею дружить, хотя друзей у меня стало очень-очень мало...

Теперь я понимаю, что я все-таки сильная, иначе скучожилась бы давно... Даже дома мне иногда хотелось броситься под первую встречную машину. Но только я входила в здание телецентра, как все забывалось - садилась к камере и становилась счастливой! Муж правильно мне говорил, прожив со мной 27 лет: «Если бы я знал, что женюсь не на тебе, а на телевидении, я бы никогда этого не сделал»...

СЕДИНА В ГОЛОВУ... А СИЛ ЕЩЕ МНОГО

- Да, я - старая, седая, я смотрю в зеркало и все это вижу. Но что я могу сделать, если у меня тут, в груди, еще много всего...

Потому Валентина Михайловна и еще раз удивила всех нас своим неожиданным появлением на телекране в нескольких специальных программах. С замиранием сердца ее земляки из СПК имени Н.К.Крупской, ее племянники, внуки племянницы видели нашу и свою - «тетю Валю», - с ее, как всегда, бескомпромиссной позицией в жизни.

- Пять лет назад некий ваучерный фонд предлагал мне миллионы за то, чтобы я его поддержала. Я их тогда просто выгнала, сказала: «Не могу предать себя, предать людей - я не имею права что-то говорить, не доверяя вам, подводить своих односельчан... Знакомые удивлялись: «Ты сошла сумасшедшая». А я просто не имею права врать людям, спасшим меня от голода...

Я хорошо помню коммунистов на телевидении. Сама я никогда не была в партии и никогда не хотела. Я просто видела, какие члены партии меня окружают... Хотя среди коммунистов были и честные.

В конце 70-х без объяснения причин закрыли мою программу «От всей души». Цензура вершила свой суд, ни перед кем не отчитываясь... Я даже не стала выяснять, почему так произошло, и не потребовала объяснений. Многие и сейчас не хотят представить себе, что может произойти в случае нового прихода коммунистов к власти! В том, что коммунизм — это зло, меня не переубедит никто и никогда.

Вот такой она и была - наша «крупская» тетя Валя. Великая эпоха советского телевидения. Простая, русская женщина, актриса, любимица нескольких поколений. Академик своего дела.

«По профессии я — чудоитель...»

Интересную историю поведал мне не менее интересный человек. Прадеда его из семьи известных столяров-краснодеревщиков на Орловщине барин выменял на свору борзых собак у помещика из нашей деревеньки Грязнухи (ныне - село Приморское). Здесь и обосновался весь род Машковых. Дед нашего героя Михаил Матвеевич в 1929 году, по набору, пришел поднимать в степях новый зерносовхоз. Был прорабом на строительстве первых поселков - это его руками в Новоселках построены первые школы, детский сад...

ОТ ДЕДА К ВНУКУ

Дед умел неплохо рисовать. Долгое время в семье хранили его картину "Начало совхоза", где были изображены водокачка, палатки поселка в степи, шест с воздетым на нем красным флагом...

Сын прораба-художника Александр Михайлович Машков работал в родном совхозе по фамильной специальности - столяром. Здесь тоже немало сделано его умелыми руками. А вот внук - наш герой - Анатолий Александрович Машков не пошел по стопам своих предков. У него с раннего детства появилась тяга к железу, механизмам, станкам. С 16 лет он уже стоял здесь за токарным станком в ремонтных мастерских. Сначала учеником, потом сдал на разряд.

- Если бы не мой учитель - уникальный станочник-универсал Петр Федорович Дороднов, который не умел что-то делать плохо, неряшливо, я, может быть, никогда бы не освоил свою профессию в совершенстве, - вспоминает Анатолий Машков, - не полюбил бы ее. Сколько раз хотелось заняться чем-то другим, но не мог без своего станка... Пытался и из родного села съехать, нашел интересную работу в Ульяновском локомотивном депо, но выдержал лишь несколько недель, вернулся. Вот так, с 1964 года и работаю на родине, которую люблю безмерно, в родном мне коллективе, где все знакомо и понятно, хотя, сами знаете, шоферы, ремонтники, - люди далеко непростые...

ДО ВСЕГО ДОЙТИ СВОИМ УМОМ

А «непростые» люди с уважением относятся к Машкову за его умелость, талант, безотказность. Начальник автогаража С.В.Пименов примерно так рассказывает об этом умельце:

- Дороднов был токарь-самоучка, его воспитанник таков же. До всего должен умом доходить... Принесут ему деталь автомобильную на реставрацию, раздолбанную так, что без слез не взглянешь. Поворчit Машков, поворчit, разгонит всех «сочувствующих» подсказчиков, станет думать... А потом приносит эту деталь, отшлифованную, как новенькую. Где надо - расточит, отфрезерует, подварит, и она снова готова к эксплуатации.

Не помню, чтобы ему «рекламации» за брак предъявляли. И сам он так болеет душой за дело; что просит водителя, чтобы тот попробовал, как деталь эта «сработается», а если что не так, забирает ее снова к себе на участок и «доколдовывает» надней.

ХУДОЖНИК В ДУШЕ

Участок, где «под рукой» у Машкова три станка, стоит описать отдельно. Я, например, за долгую журналистскую жизнь такого и не видывал, чтобы в отделенном от громадного, промысленного, подкопченного выхлопными газами помещения, где должна быть грязь, окалина, стружка соседствовали с токарного дела мастером вещи, несовместимые с виду... Прямо над станком, на растяжках, покачивается птичий теремок!

- Давно уж, - говорит в ответ на мое недоумение хозяин токарного участка, - синичка одна прижилась. Зимой прячется у меня от морозов, цвирикает, подпевает работающему станку. Летом реже бывает, только когда дождик ее прижмет, юркнет в оставленное ей в окошке отверстие, почистит от грязи перышки, еду поклюет и на волю!

На противоположной стороне интересный коллаж из портретов, живописных работ, зарисовок с натуры и... фотографий Владимира Высоцкого!

- Дар такой от деда, видимо, мне достался, - и на это есть объяснение у Машкова. - Лет до восемнадцати очень я рисовать любил. Но только тогда, когда душа требует, и не писать не можешь уже... Однажды в совхозе работал профессиональный художник. Отец привел его к нам. Тот долго смотрел мои работы и изрек: «Сделано с душой, но без мастерства. Могу вашего сына поучить, как подбирать краски, как быстро и мастеровито писать...», но я отказался. Не могу работать, пусть быстро, но - под заказ.

Я не знаю, как надо правильно положить краски на полотно, пишу по наитию, иногда один портрет в течение года: стираю не так наложенный колер, вновь пишу... Но всегда по велению сердца. Особенно по молодости бывало, влюбившись, а это чувство величое, всегда требует выхода творческим силам. Давно уже не брал кисти в руки. Нет вдохновения...

БОГАТ, КАК ЦАРЬ МОРСКОЙ

*«Если я богат,
как царь морской,
крикни только мне:
«Лови блесну!»
Мир подводный и надводный
свой,
не задумываясь, выплесну...»*

Хрипловато и надсадно пел Высоцкий. Подумалось: «Это ж почти о нем самом - о токаре-умельце Машкове!» А он еще и фанат этого актера и барда. Находит в песнях Владимира Семеновича что-то очень понятное его собственной душе...

- Удивительно, - делится сокровенным Анатолий Александрович, - сколько лет слушаю песни Высоцкого и не устаю. На каждый случай жизни, на каждое душевное состояние есть у него слова точные, мне созвучные. Но вот встретишь другого любителя его песен, радуешься, думаешь, что встреченный тобой чуть ли не собрат духовный. А разговоришься, ан - нет, не понимает он тебя, не близок по чувствам, да и Высоцкого понимает совсем по-другому...

А песня, звучавшая под гитару, обнажила еще одну грань этого необыкновенного человека Машкова. Нет, наверное, в СПК более заядлого рыбака, чем он. Знает все хитрости-премудрости этого дела, все приманки, умеет мастерить снасти, как на летний, так и на зимний ловы. А уж все рыбные места, все «потайные» водоемы в округе, - это он лучший знаток. Часами может на любимую тему говорить...

Уходя, спросил ненароком, чего, мол, цветы комнатные он не дома выращивает, а на гаражной полке? А цветы действительно заслуживали вопроса: сочнолистовые, кустистые, развиваются и цветут в «подслеповатом» помещении, в этом шуме, камазовской гари...

- Знаете, - рассмеялся Анатолий Александрович, - и здесь без душевного подхода, без любви и уважения к растению не обходится. Жена жаловалась, что цветы у нее сохнут, не хотят расти. Забрал их сюда, на свой участок. Прижились в гараже! Значит и место у нас хорошее, и обстановка добрая. А жена - зашла раз, увидела эту красоту и подивилась. Спрашивают все: чем ты их «уговариваешь»? А я шучу, что поливать, мол, чаще нужно да не забывать, тогда любое живое существо на твою заботу и откликнется...

И для всех он — Голубков

Есть категория людей неуемных. И не только в своей профессии. Они со значением берутся за многие дела, решают проблемы многих людей, искренне считают, что их долг — везде побывать, все успеть, всем помочь...

Было принято называть такое состояние человека «активной жизненной позицией». Хотя, скорее, это характер, судьба предначертанная, состояние души. Таким мне и представляется этот человек: быстрый в мыслях и движениях, скорый на принятие решений, коренастый, с непокорным седоватым «ежиком» на своей мудрой голове, умеющий найти ритм и лад в общении как с механизатором или телятницей, так и с академиком или политиком самого высокого ранга.

И все это — об Анатолии Ивановиче Голубкове — генеральном директоре лучшего в России сельхозкооператива имени Н.Крупской. Его биография в смысле географического местоположения очень проста и не масштабна. Родился, как принято ныне говорить, в неполной семье: воспитывали мальчишку, из соседнего с нами поселка Чердаклы, мама и бабушка. Рос, как и все сельские ребяташки, домовитым, упорным, работающим, хозяйственным, сметливым. Эти качества и пригодились на вступительных экзаменах в Ульяновском сельскохозяйственном институте (сегодня — Академии). Профессию получил самую крестьянскую — агронома. Работать стал в одном из передовых хозяйств области — совхозе имени Крупской. Здесь набирался опыта у именитых знатоков этого производства, авторитета в коллективе, практических знаний на зерновых нивах... И вот уже более двух десятилетий Голубков руководит родным хозяйством. С перерывом только на время, когда его избирали руководителем парторганизации соседнего района.

Интересен такой расклад: во времена советской власти сельхозпроизводства получали государственные дотации и развивали их, делая упор на создание в определенных зонах страны от одного — до трех базово-показательных предприятий «гигантов». В нашей области совхоз имени Крупской всегда был самым передовым по своим показателям, и удерживать его в лидерах руководству совхоза было не особенно сложно. С переходом на рыночные отношения, ликвидацией господдержки, созданием кооперативного метода управления и полного хозрасчета многие хозяйства в новой России просто рухнули. Пример тому очень похожее по мощности и уровню развития животноводческое предприятие в селе Никитинка в соседнем Елховском районе Самарской области. Хозяйство даже внешне (поселок городского типа) похожее на СПК имени Крупской...

И только тогда становятся понятными методы управления и возможности самого Голубкова!

СПК не только не рухнул в период экономического хаоса — нисколько не снизил темпов производства зерна. Продолжает развивать животноводческую базу.

Развивает машинный парк сельхозтехники, оборудования, ремонтную базу. Разместил у себя оказавшуюся не у дел безработную сельскохозяйственную авиаэскадрилью, производящую здесь подкормку растений, борьбу с сорняками, сдабривание пашни удобрениями с воздуха. Заключен выгодный контракт с фирмой «Данон», построен цех по выпуску молочной продукции. В полном порядке содержится коммунально-бытовой и жилищный фонд поселков. В Димитровграде действуют пять фирменных продуктовых, любимых горожанами за качество и дешевизну товаров, магазинов этого хозяйства, вносящих свою прибыль в развитие СПК. Здесь даже содержит свою конеферму, скопив лошадей в разорившихся по области хозяйствах. Проводят селекционную работу, обращают в прибыль даже выступление коней на скачках по многим ипподромам страны!

Итог всему этому: В СПК люди крепко держатся за свое место работы, которая хорошо оплачивается. Отсюда не уезжают в поисках лучшей доли – здесь стоит очередь из иногородних специалистов, мечтающих жить и работать «у Голубкова». Мне в течении длительного времени пришлось общаться с Анатолием Ивановичем, с жителями поселков кооператива. Сказать, что его уважают, ему доверяют, ему безоговорочно верят люди – будет мало. Его здесь боготворят!

И он отвечает своим землякам тем же. В период выборной кампании я работал в его команде и знаю, что его метод – расставив помощников по отведенным им участкам работы, с учетом их деловых качеств, он больше не оборачивается на тылы, полностью доверяясь СВОИМ ЛЮДЯМ. Он знает – его не подведут в трудный час. Он верит в успех и «заражает» этой уверенностью свою команду.

Голубков не признает «мелочей». Он знает, понимает и видит все. Дела детсадовские, школьные, спортивные, клубные, музейные, досуговые, парковые, рыболовческие – в любом из них – частица души и деловой вклад Голубкова. Не было в Новоселках и округе своего православного храма – голубковцы выстроили его. Не было священника – Анатолий Иванович убедил епархиальное руководство, что приход этот важен, - священник прибыл в СПК.

В соседних области и Елховском районе, чьи земли хорошо видны из СПК имени Крупской, также отчетливо виден был брошенный православный храм из красного кирпича в умершей деревеньке Новая Хмелевка. Однажды у его подножия засутились люди. Стали производить реставрацию церкви, поднимать рядом дом для паломников. «Командовал» всем житель Самары, известный в области меценат и радетель за восстановление брошенных храмов и деревень, полковник в отставке, бывший офицер по особым поручениям при начальнике Генштаба Советской армии маршале Н.Огаркове, А.Логинов.

И такое событие не могло пройти мимо внимания А.И.Голубкова. Съездил, узнал все, поинтересовался: нужна ли помощь? И отправил к храму несколько грузовиков с грунтом, который засыпали на укрепление площадки у церкви Михаила Архангела, что красуется сегодня на холме над речкой. И проводится в ней служба. И идет к храму многочисленный православный люд из окрестных поселений. И возрождается деревенька Новая Хмелевка. И строятся уже новые дома. И в этом возрождении есть частица участия Голубкова в святом для каждого русского патриота деле...

И опять жизнь все увязывает в неразрывный узел судеб людских. У Новой Хмелевки есть свой заинтересованный летописец – одна из учительниц школы в Березовке – Жукова. Эта фамилия была очень распространенной в деревне. Поэтому учительница не только собирает исторические документы и факты из прошлого Новой Хмелевки, но и разыскивает знаменитых ее поселенцев – Жуковых. На часто посещаемом и содержащемся в добром состоянии бывшими

хмелевцами родовом их погосте – кладбище видел я множество могил под крестами и даже братскую, для многих жителей деревни, где – дата смерти у всех одна и та же – 1920-21 годы... Среди останков этих односельчан, умерших в страшные дни голода в Поволжье – десятка два носили фамилию Жуковых.

В совхозе имени Крупской работал демобилизованный из армии хмелевский житель Анатолий Жуков. Писал стихи и рассказы, печатался в районной газете, был членом литературного объединения «Черемшан». Потом стал работать в областной прессе, уехал учиться в Московский литературный институт. Сегодня имя нашего земляка хорошо известно в русской литературе. Он – лауреат многих престижных премий, в том числе – Государственной премии России.

Березовская учительница Жукова «открыла» еще одну знаменитость – родители одного из заместителей вице-премьера России тоже родом из этой деревушки. Когда-то переехали на Дальний Восток, откуда он и попал в депутаты Госдумы, потом в вице-премьеры...

Так что Голубков не только приложил руку к восстановлению храма, но и к историческим изысканиям. А, когда тяжело заболела и осталась покинутой всеми в забвении народная артистка Валентина Леонтьева, Анатолий Иванович сразу отправил за ней родственников, выделил телеведущей квартиру в Новоселках, вывез из Москвы ее вещи. «Как же, – говорил, – она же – нашенская, землячка. Уж если ее «крупчане» приютили в войну, приняли, как свою, выходили ленинградскую блокадницу, выучили, приложили руку к началу ее артистической карьеры, – сегодня-то помочь Леонтьевой с нашими возможностями, – сам Бог велит!»

Жизненное кредо Голубкова очень простое:

- Нужно так строить отношения в коллективе, чтобы созидательный труд для каждого стал насущной потребностью. Ты только поверь в человека, помогай ему решать возникающие проблемы, стимулируй его сознательное стремление работать разумно и полезно, тогда и отдача будет весомой. Труд каждого превратится во благо для всех и здесь против нашего объединения сознательных работников-профессионалов никакая экономическая разруха не страшна. Вместе можно выживать. Вместе нужно отстаивать себе достойную жизнь. Строить свое сообщество. Находить возможность создавать такие законы, которые не ограничивают народное самоуправление, а развивают его, позволяют проявлять разумную инициативу.

Именно этим и занимался четыре года Анатолий Иванович, став депутатом Государственной Думы России. Естественно, что все жители СПК имени Крупской голосовали за СВОЕГО. Но пришлось мне наблюдать интересную картинку из жизни Голубкова. Вот нужно срочно отыскать кандидата в депутаты. Чуть свет набираешь номер его мобильного телефона:

- Вы где?

- В дороге, еду в Вешкаймский район, там встреча с избирателями. Потом по пути еще в два района заеду, встречусь с людьми, побеседую об их нуждах. Дома буду заполночь, так что сами решайте проблемы. Вы же лучше знаете как!

И так почти всю предвыборную кампанию. Команде ставились им только «узловые», стратегические задачи, а тактику «разруливали» мы сами, исходя из своего опыта. Голубков же не упускал ни одной возможности пообщаться с людьми, своими земляками-избирателями лично. Выслушивал беды и советы каждого. Мотался без устали, казалось, по городам и селам. А эта территория – пол-области!

Он работал во властных структурах районов, области, России, теперь вот – снова

в Законодательном Собрании области решает проблемы людские. Он был членом ЦК Аграрной партии России, сегодня – в политсовете областного отделения Единой России. Всегда на передовых рубежах борьбы за счастье народное.

Уж таков он – кандидат сельскохозяйственных наук, «Заслуженный работник сельского хозяйства России». Его СПК входит не только в десятку лучших производств России, но и – Европы. Много и разных званий присваивали этому неутомимому труженику и организатору производства, но наиболее значимое для Голубкова – признание международного комитета «Прогресс ради развития», находящегося во Франции, и выдавшего Голубкову Сертификат, как лучшему в России директору сельхозпроизводства, одному из немногих в Европе!

И дворники може быть... академиками

Он – один из немногих россиян, чья биография вошла в библиографический справочник «Социологи России и СНГ XIX и XX веков». Там есть и такая запись:

«Завгородний Аскольд Яковлевич – специалист в области философии и социологии познания».

Он, пятнадцать лет назад, впервые подал документы в образованную в 1990 году независимую международную Академию информатизации (МАИ), надеялся, что эта организация, зарегистрированная в ООН, входящая в ЮНЕСКО, в качестве способствующей единому мировому информационно-сотовому сообществу, поиску внеземных космических цивилизаций, оценит и его работы в этом направлении. И вот, 30 мая, на Ученом совете МАИ, Завгородний был избран полноправным членом-корреспондентом Академии. Среди 120 ее членов из РАН, одним из огромного количества ученых в 220 регионах только России, чем сразу же прославив Димитровград. Он стал равным таким коллегам по этой Академии, как – 69 лауреатов Ленинской премии, 140 лауреатов Госпремий СССР и России. Как Герои труда – академики Ю.Харiton, Э.Евреинов, З.Церетели, Малан Лю, В.Астафьев, И.Лаптев и другие известные в мире люди.

Когда мы с ним познакомились, он работал... сторожем и дворником в одном из городских детских садов! Чем и поразил меня. Быть признанным академиком, творящим великолепные научные разработки, уважаемым в мире исследователем межчеловеческих отношений, и – изгнем в родном городе...

Такое, наверное, возможно только в российской глухомани, где любая нестандартная мысль, любое, пусть прогрессивное, движение «против шерсти», против установленного местной «серостью», – расценивается, как «выгендеривание». Над убогостью мысли убогого населения. Как непонятное для большинства мещан проявление гениальности, нестандартности не только мышления, – образа жизни, НЕСООТВЕТСТВИЯ их уровню пещерного сознания и ценностей!

Аскольд Завгородний родился в Донбассе. В глубоко религиозной семье. До 18 лет был истово верующим человеком. Примерным прихожанином в православных храмах. Образование получил в техническом вузе, стал инженером-металлургом. Коммунистические догмы были ему настолько «вбиты» в мозг и душу, что его рассудочная логика пошатнулась в сторону атеистического мировоззрения.

Успешно работал молодой инженер в Москве, затем – на печально известном челябинском «Маяке». А с 1961 года Аскольд Яковлевич переезжает в Мелекесс, где начинает работать в материаловедческом секторе НИИАРа. Здесь же он впервые задумывается над тем, чтобы написать научную работу и стать соискателем на звание кандидата наук.

Но в это время, занимаясь точными науками, Завгородний неожиданно для себя увлекся классической философией. Интересные работы под его именем цитируются известными учеными, публикуются в «нежелательных» для советской идеологии журналах. Потому увлечения кандидата на соискание научного звания, его теории развития человечества, взаимодействие вышестоящего над нами уровня развития и взаимодействие цивилизаций с Космосом, - стали формальной причиной для детального разбора взглядов ученого и его морального облика в... парткоме института! К партаппаратчикам присоединили свои голоса ученые-ортодоксы. Все они «разделали под орех» работу соискателя. Несмотря на то, что не защищенной еще диссертации было уделено пристальное внимание европейского научного сообщества.

Эти неучи и ортодоксы даже не подозревали, что все научные выкладки Завгороднего были - не закавыченными цитатами «идолов» коммунизма: Маккиавелли, Маркса, Энгельса, Ленина!

Отказ «подсудимого повиниться» перед «классической» наукой, пересмотреть свои выводы и взгляды, - стал «приговором» для «не остыневшегося» специалиста.

Впоследствии, звание академика МАИ парадоксально было присвоено неформальному философу и... формальному дворнику!

Аскольд Яковлевич был в числе немногих ученых в стране, которых сегодня признают теоретиками и экспериментаторами, получающими практически значимые результаты. Но в Ульяновской области чтили его заслуги перед наукой: он руководил ювенологическим (омолаживание) городским обществом, являющимся структурным подразделением Поволжского центра организации «Российские ученые социалистической ориентации» (РУСО). Здесь всегда с большим вниманием выслушивали научные доклады и сообщения академика из Димитровграда. И надо же было такому случиться на памяти Завгороднего: сначала не понятого и не принятого «ученого-диссидент» в СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ обществе и научном центре, где зарубили его диссертацию, а потом, - когда все его оппоненты-ортодоксы и апологеты коммунистической идеологии дезертировали из социалистического прошлого в капитализм российский без сожалений и принципов, - он, практически стал единственным, кто не предал эти идеи, остался на СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ «платформе» мировоззрения!

Наши академии считалась лучшим в России знатоком развития «толстовской» теории общин, советских ТОЗов и коммун в сельхозпроизводстве, «чаяновских» фермерских формирований при НЭПе, израильских кобузев в настоящее время. Он несколько раз побывал по приглашениям за границей, на месте изучая этот опыт ведения общественного хозяйства.

Он работал не только в области изучения материи, но и космософии. Его публичные работы вызывали бурю восторгов в мировом научном сообществе, снискали необыкновенную для нашего технократического города славу, как города – научно-экспериментального центра. Работы Завгороднего хорошо знают в ЦК Компартии России и... среди последователей «Живой этики» или «Детки» П.Иванова. Аскольда Яковлевича многие почитают наряду с легендарными именами учителей: Рериха, Иванова, Сытина, Блаватской.

Близко я столкнулся с академиком на реальной практической основе. Я пригласил его читать двухгодичный цикл лекций по истории развития человечества и цивилизаций в созданном в Димитровграде журналистском лицее. Своими глазами видел, - как буквально заворожено лицеисты вслушивались в нестандартную лексику ученого, чуть иронично вещавшего им:

«Вы, вслед за своими школьными учителями, твердите, что «по великому дарвиновскому учению – люди, в результате тысячелетней эволюции и освоению принципов труда, наконец, из обезьяньего облика стали переходить в человеческий! И вам не стыдно! Достаточно небольшого мысленного усилия, исторического эксперимента, чтобы повергнуть в прах эту теорию!

Есть более точная и обширная наука, пока, к сожалению, малодоступная в школах, - космософия. Так вот она подтверждает вселенскую суть в зарождении человека, взаимосвязь нашу с Космосом, иными мирами. И об этом я вам расскажу сегодня...».

Так рождался в сознании подростков новый кумир, новая философия по-Завгороднему. Нужно сказать, что во многом благодаря Аскольду Яковлевичу, год недоучившиеся лицеисты (не по вине организаторов лицея, а от сорванного финансирования хорошего начинания) все получили гуманитарное образование. Многие – по профилю – журналистское. Многие сегодня работают в СМИ, в том числе и городских. Мы учили их литературному труду и коммуникабельности, а Завгородний – умению думать, мыслить. Раскованно, без фетиша.

Вот лишь несколько из его изречений и мыслепостроений:

«Не верю, - а знаю, что Бог есть. Потому должно быть сотрудничество человека с Божественным высшим уровнем организации материи. Среди нас есть люди, которые могут общаться, например, с ангелами-хранителями».

«Здоровая жизнь – это жизнь в любви и гармонии».

«Человек ведет неправильный образ жизни чаще потому, что его к этому приучили, а переучиваться мало, кто любит».

«Главное – даже не уменьшение объема мозга, а – деформация души человеческой!».

«Развитие идет по спирали. Назад мы не попадем, прийти можно к подобной же гармонии, но на другом витке спирали, другом уровне, где реально вернуть человеку истинные его характеристики».

«А корень наших болезней – больная душа!».

«Принципом нового общества должна быть любовь, чувство, а не отношения. Человек, живущий в таком обществе, будет здоровым и умным».

«Человеку предоставлена возможность выбора: либо живи по космическим законам, либо отвечай за их нарушения неудачами, болезнями, разрушениями мечты, судьбы».

«Я склонен считать, что все в мире имеет ступенчатую структуру, и не одно существо не является всемогущим. Но любой вышестоящий по развитию уровень материи, способен координировать нижестоящий».

Мне остается добавить только, что Аскольд Яковлевич многие свои идеи внедрял в практические действия. Будь то – его личное присутствие в общинах-коммунах, где он даже внедрил эффективное лечение трудом наркоманов; будь то – его личное многолетнее участие во всех российских соревнованиях «моржей», где уже почти 70-летний ученый занимал призовые места. И – никогда не болел простудой, доказывая эффективность здорового образа жизни.

Такой вот и дворник, и академик из Димитровграда.

Почетный гражданин

Его биография – это судьба любого человека огромной страны СССР военного и послевоенного периода. Он родился в 1941-м, самом страшном году для советских людей, в рабочей семье из поселка Гурьевка (ныне - город Барыш). Как, оставшись безотцовщиной, выжил он в лихую годину, как мать одна сумела не растерять семью и детей, выкормить и вырастить их, в том числе и самого маленького, Володю, – это отдельная и жестокая история семьи не только Паршиных, но и сотен тысяч семей по всей разрушенной стране. Двое его братьев сложили головы на Великой отечественной войне, навсегда оставив отметину в душе этого человека.

Барыш известен своей текстильной фабрикой. Такие же производства и вокруг этого города: в Жадовке, Измайлово, Старо-Тимошкине. Потому выбор специальности у подросшего паренька Володи Паршина, чья семья издавна была связана с фабричным производством, был невелик, – после десятилетки он поступил в техникум механизации и электрификации в городе Кургане, где получил профессию электротехника. И опять, – как его матери удалось поддержать сына в годы учебы, как студент сам «колотился», элементарно зарабатывая на пропитание и одежду, – история не очень веселая и отдельная...

Времена все еще стояли суровые, страна находилась в состоянии «холодной войны» чуть ли не с половиной стран планеты, оттого всех парней призывного возраста поголовно брали на срочную службу в Советскую армию. Тем более не избежал этого поворота в судьбе выпускник техникума. В армии нужны были специалисты его профиля. Служить Володе пришлось на территории Туркестанского военного округа, на берегу озера Балхаш в Приозерске (Казахская Республика) в ракетных войсках. В подразделении ВРМ (автомастерские) сразу «пришелся ко двору» как специалист, ему доверили командовать спецотделением. Служба особо не тяготила, но стала очень ответственной и тревожной еще с 1960

года, после боевого инцидента с самолетом-разведчиком из США, пилотируемым летчиком Гери Пауэрсом, удачно сбитым нашими ракетами под Свердловском. С того времени боевые дежурства ракетчиков были усилены, был установлен особый режим в воинских частях.

Тогда же нашими учеными на космодроме Байконур был осуществлен двойной запуск космических ракет с космонавтами на борту. Посадка их в незапланированном районе казахстанской степи вызвала переполох. На поиски спускаемых аппаратов были брошены все силы и средства. По тревоге была сформирована и поисковая группа на двух военных грузовиках в Приозерском ВРМ, куда вошел и В.Паршин. Но группе не повезло, автомобили попали в солончак (просоленная степная трясина). Одну машину засосало так, что с нее не успели снять скаты. Трое суток в солончаке на мартовском морозе солдаты жгли покрышки со второй машины, пытаясь спастись. А командованию было не до пропавшей поисковой группы, икаки космонавты...

Через трое суток по чадному дыму покрышки их все же нашел вертолет и эвакуировал. Врачи, осмотревшие поисковиков, сразу же определили: сильное переохлаждение организма, обморожения и пневмония у всех. Лечение на месте, вследствие тяжести заболеваний посчитали невозможным. Потому перевезли солдат в Ташкентский окружной госпиталь. Полгода пришлось провести В.Паршину на госпитальной койке. Потом комиссия. К случаю этому подошли по человечески, поскольку мать Владимира жила отдельно от его сестер и братьев, а он считался единственным кормильцем у нее, из армии его комиссовали. Дома под присмотром местных медиков и благодаря стараниям мамы он быстро пошел на поправку. Теперь нужно было думать о будущем. И, хотя, как многие сверстники пошел работать на фабрику, решил, что ему необходимо и высшее образование.

Поехал в Куйбышев и поступил в политехнический институт на электротехнический факультет. Тоже приходилось несладко, - сдав сессию, тут же устраивался работать на стройку, чтобы хоть как-то подсобить родным внесении их бремени на его учебу. Старание и серьезность студента оценили: назначили мастером, а потом и доверили возглавить строительную бригаду. Все выдержал бывший воин и выучился успешно. После окончания института В.А.Паршин несколько лет работал в родном Барыше, затем был назначен директором межрайонных электросетей в Инзе. В 1984-м переехал в Димитровград, где возглавил предприятие «Горводоканал». В 1990-м опытному руководителю-хозяйственнику и депутату горсовета предложили должность первого заместителя председателя горисполкома, где он стал работать и учиться политическому руководству под началом В.С.Писарчука.

Владимир Сергеевич Писарчук. Крепкой житель нашего города. Вся его деятельность связана с формированием и становлением коллективов строителей и монтажников, развитием материально-технической, производственной базы Димитровградского управления строительства. Он прошел все ступени этой службы: от мастера МСУ-30 – до комсомольского и партийного руководителя и генерального директора управления. Обладает огромным опытом руководящей работы. Имеет три высших образования, в том числе окончил Академию народного хозяйства при правительстве России. С 1985-го по 1992 годы возглавлял Администрацию города и городской Совет

народных депутатов. Награжден орденом «Дружбы народов», удостоен почетных званий – «Заслуженный строитель РФ», «Почетный строитель России», «Ветеран атомной энергетики и промышленности», нагрудного Знака «Академик И.В.Курчатов» III степени.

Пришло В.А.Паршину вскоре возглавить и комиссию по приемке имущества распущенной президентом России КПСС. И это благодаря его мудрости, напряженной работе это имущество в городе было сохранено и используется на благо горожан и ныне...

Вскоре главой администрации области он назначается главой администрации Димитровграда. А в 1996 году на впервые после 1917 года проведенных свободных выборах получает доверие горожан возглавить Димитровград в должности Главы города.

На благо городского сообщества он благополучно прослужил до 2000 года, уступив на очередных выборах менее 1% голосов сопернику. И хотя противниками были допущены многие нарушения закона, он не стал с этим разбираться, посчитав это унижением для себя.

За последний десяток лет в Димитровграде на стенде Почетных граждан нашего города появились фамилии около двух десятков новых имен людей, удостоенных этого звания. Не хочу подвергать сомнению решения народных депутатов о присвоении этого высшего звания в иерархии городской. Почти все, ставшие Почетными гражданами, так или иначе, достойны этого.

Среди них – первенствует бессменный Голова Мелекесса – Константин Григорьевич Марков, с 1877 года возглавлявший исполнительную власть в городке и только за два года до Октябрьского переворота – в 1915-м ставший его Почетным гражданином...

Вторым, после революционного переворота и диктата советской власти и коммунистического режима, главой Мелекесса-Димитровграда был на всеобщих и демократических выборах избран лишь Владимир Алексеевич Паршин, девять лет, руководивший городским хозяйством и его политикой в самые сложные времена перехода от социализма к рыночным отношениям в обществе...

Дело в том, что в 1996 году, на четвертом своем сроке в должности Главы города, Паршин был первым, кто поддержал идею организации в Димитровграде городского Писательского отделения Союза писателей России. Поддержал самым решительным образом, делом. Наш город стал местом проведения семинара молодых писателей Поволжья и выездного заседания секретариата Правления Союза Писателей России, где состоялся прием в профессиональные писательские ряды самых талантливых участников семинара, в том числе троих из Димитровграда. Выросшее количественно, наше Писательское отделение сразу же активно вступило в создание новой высоко духовной культурной среды в Димитровграде, помогая тем Главе города в решении этих проблем.

Интересно, что, воспитываясь в рабочей семье, в окружении промпроизводств, с юности Владимир Алексеевич хорошо знал и любил такие места в родном районе, как Жадовский монастырь с его святым источником. Поселок Поливаново, где до революции проживал в своем имении просветитель, прогрессивист, коллекционер произведений искусства и большой знаток литературы В.Н.Поливанов. Он не только основал в окрестностях села Акшуат уникальный лесопарк с тысячами пород деревьев и кустарников, но и создал там же музей из 10 отделов, где хранились материалы по истории и археологии

родного края, рукописи Гоголя, автографы Пушкина, Лермонтова, Жуковского, Вольтера, Карамзина, Дмитриева, многих других деятелей литературы, культуры и искусства. Его имение посещали М.Лермонтов, Д.Минаев, И.Яковлев...

Видимо все это и заложило основы настоящей мудрости и гуманитарной образованности В.Паршина. Его трепетное и заинтересованное отношение к развитию литературы, культуры и искусств в Димитровграде.

Глава города с детства запомнил книги, особенно охотно классику, хорошо разбирается в классической и эстрадной музыке, очень любит музыкальные вечера. Собрал неплохую домашнюю библиотеку.

Потом было многое, плодами его культурных проектов позднее воспользовались иные городские власти, формируя в Димитровграде культурную столицу Поволжья. Жаль, только не хватило здесь мудрости «паршинской» в сохранении этого уровня высокой духовности...

Ведь под руководством В.А.Паршина в городе, наконец-то был исторически обоснован и установлен день рождения нашего поселения, отпразднован 300-летний юбилей. В свет вышел первый номер ежемесячного литературно-краеведческого журнала «Черемшан». Под его патронажем проводились ежегодные массовые конкурсы для молодых литераторов - «Муза». Межрегиональные фестивали поэзии. Финалы Поволжских литературных конкурсов. Только при помощи Главы Паршина вышли в свет книги Е.Ларина, В.Гордеева, Ф.Касимова, первые сборники писателей А.Филимоновой, Д.Смольникова, Н.Алиевой, А.Никонова, Д.Лескина, П. Слюняева....

Оттого димитровградские писатели особо чтят и помнят заслуги Паршина – первого послереволюционного Главы города. Оттого и все преобразования, и развитие городского хозяйства при нем и под его руководством в новой, суверенной России можно сравнивать только с достижениями за сорокалетний период правления К.Г.Маркова.

Городок наш вместе с Константином Григорьевичем сумел без потерь пережить сложные годы Русско-Японской войны и беспорядки 1905-906 годов. Как ни тяжело пришлось Мелекессу и мелекессцам в годы Первой мировой войны с Австро-Венгрией и Германией, пережили и это лихолетье, причем, вошли наши предки в ХХ век с электростанцией, телеграфом, высокотехнологичными и предприятиями, железной дорогой, бездефицитным бюджетом посада! Не удалось только преодолеть нашествия большевистских интернациональных орд...

Аналогичный виток истории повторился и в годы работы В.А.Паршина на посту Главы города. Его высшая карьера и становление как политика начались с 1990 года, когда он стал депутатом самого многочисленного, заполитизированного и единственного за все время городского Совета, вынужденного после августовского путча самораспуститься. Но Паршин остался в руководстве исполнительной власти. А когда в 1993 году наступило время мучительного выбора в поддержке Президента или Верховного Совета России, когда нестойкие руководители бежали от руководства городом, Паршин остался практически один, заслоняя собой город и горожан от большой беды. Так он и был нашим Главой девять долгих и непростых лет.

При Маркове в Мелекесс пришло электричество. Паршин, в неимоверных экономических социальных ситуациях развала государства и городского хозяйства, героически сумел сохранить в тот период город светлым, теплым, сытым...

При Маркове Мелекесс связала с Уфой и Симбирском железнная дорога. Но в самые «крутые» времена именно умением и настойчивостью Паршина от захолустного строения «марковских» времен – нашего вокзальчика, в столицу

России пошел впервые в нашей истории пассажирский состав: «Димитровград-Москва»!

Марков помогал горожанам строиться, при нем возникали новые улицы, от него нам достались здания музея, Дома пионеров, хлебокомбинат, парки и скверы...

В последние 20 лет только при Паршине в Димитровграде появлялись новые улицы, целые жилые микрорайоны, ремонтировалось дорожное полотно, вновь асфальтировались улицы, город всегда был освещен по ночам...

Он вникал во все, как мог, помогал городу сохранять и развивать все аспекты деятельности городского самоуправления. Это при нем у нас была одна из лучших футбольных команд России в первой лиге, баскетбольный клуб высшей лиги, хоккейная дружина из высшего дивизиона, проходили республиканские соревнования по автогонкам на выживание, вырашивались боксеры мирового и олимпийского уровня.

И сегодня, несмотря на возраст и масштабы деятельности, Владимир Алексеевич продолжает служить своим землякам верой и правдой, по совести, думая, прежде всего о людях, их благе. Под его руководством новое развитие получило непростое в нынешние времена хозяйство – «Мелекесмежрайгаз», раскинувшееся на территории трех районов. В новой своей должности бывший Глава города вышел на новые масштабы – межрегиональные. Приобретение «Газпромом» в лице Паршина такого руководителя, хозяйственника, политика, – несомненный успех концерна.

Год назад на окраине Новочеремшанска, на выходе из поселкового газораспределительного пункта, звучно рвануло, разбрасывая осколки металла и комья мерзлой земли по сторонам, газовая труба. Поздний вечер окрасился ярким светом пожара...

Подобные аварии да еще в морозы, нередко приводят к очень печальным последствиям. По аварийному сигналу в Новомалыклинский район были сразу же стянуты по тревоге службы МЧС, МВД, ФСБ и прокуратуры. К полуночи в уже действующий штаб по ликвидации аварии подъехал и губернатор С.И.Морозов.

Как это и бывает, в первой прокурорской версии виновниками происшедшего стали сами потерпевшие - газовики. Недосмотр, халатность, ненадлежащее выполнение своих служебных обязанностей...

Поэтому, в числе первых, глава администрации области заслушал сообщение начальника районной газовой службы Д.С.Адайкина, и задал резонный вопрос: «Когда можно будет устраниТЬ аварию?» Ответ ответственного в этой ситуации специалиста поверг всех в шок: «Через пять часов подача газа в поселок возобновится!» Но Д.Адайкина поддержал и сам В.Паршин, лучше других знаяший, кто действительно был там не только самым опытным специалистом со стажем, но и единственным, кто знал газовое хозяйство района с «первой конфорки» и досконально. Им решили поверить и даже не дали команду на слив воды из отопительной системы Новочеремшанска, поддерживая от промерзания до утра только электричеством.

На час раньше обозначенного срока система газоподачи в поселок была отложена и авария ликвидирована силами районной службы и прианными ей подразделениями с техникой.

Директор филиала «Мелекесмежрайгаз» объединения «Облгаз» В.А.Паршин, сам всю ночь простоявший на границе области, при свете прожекторов, на свирепом морозе и пурге у Новочеремшанска, до последней

минуты не верил в удачу. А главный распределитель работ Д.Адайкин уже дал команду на пропуск газа. И здесь победителей ждал второй подлый удар судьбы: новенький агрегат ГРС, не выдержав авральных условий, «засифонил» газом изо всех щелей и отверстий.

Обречено замерла армада аварийщиков - не получилось! Но только руководители газового хозяйства уже четко раздавал команды: к ГРС кинулись слесари, сварщики вновь подключили аппараты, по телефону полетела команда на базу газовиков, и там вступили в работу токарные и сверлильные станки.

Через два часа «сверхнормативного» времени ГРС был полностью перебран, отремонтирован, укреплен. Новочеремшанску удалось спастись от большой беды.

В душе у Паршина осталась обида только на прокуроров, до последнего считавших «крайними» в той аварии газовиков. Ведь только когда силами ФСБ удалось вычислить и задержать банду мусульманских террористов, совершивших не один десяток подрывов на газо- нефтепроводах в Ульяновской, Самарской, Пензенской областях, в Татарии, - стало ясно, чьих рук дело было и под Новочеремшанском.

Сколько энергии, заинтересованности и личных сил в газовую службу Новомалыклинского района вложили руководители межрайонного звена А.П.Долинин, мэр Димитровграда, а ныне директор нашего филиала В.А.Паршин, его главный инженер С.В.Новиков, начальники служб «Мелекесмежрайгаза», - знают только ветераны этой системы.

Интересен и тот факт, что среди людей, принесших славу и успех городу – оказались его сокурсники и ровесники по Куйбышевскому политехническому институту. Принадлежностью к которому они гордятся всегда. Это – бывший директор НИИАРа, бывший первый заместитель министра атомной промышленности РФ, ныне – депутат Госдумы В.Б.Иванов. Это и наш коллега. Талантливый поэт и прозаик, инженер и педагог, член Союза писателей России А.С.Осипов...

Галерея Почетных граждан Димитровграда у нас впечатльна! Но только в период нахождения Паршина на посту Главы города было возобновлено ее качественное и количественное пополнение. При активной и деятельной поддержке В.А.Паршина свой высочайший авторитет, подлинное развитие своих талантов, способностей, возможностей получили и другие наши Почетные сограждане: писатель Ларин, тренеры Гришин, Науменков, был по достоинству оценен вклад в развитие города и многих педагогов, врачей, парработников прошлого... И мы не зря задаемся вопросом: если не В.А.Паршин, то кто же тогда более достоин в галерее Почетных граждан Димитровграда быть рядом с легендарным К.Г.Марковым?! В галерее им же воссозданной для укрепления авторитета города, его граждан. Именно так решили наши депутаты и граждане города. Так решила сама жизнь!

В своей книге – «В России нашей – мой Димитровград» еще в 2000-м году Владимир Алексеевич напишет:

- Все мы выдюжим... Но без поддержки моих земляков, без их умения терпеть, надеяться и доверять, - наверное, не смогли бы работать ни Глава города, ни администрация, ни наши депутаты. Мы все здесь, - в нашем Димитровграде. Составили наше неплохое землячество, учились выживать и работать по-новому, учились по настоящему хозяйствовать на родной земле...

Низкий поклон вам всем за ваш труд и поддержку, мои земляки-димитровградцы! Спасибо Вам, уважаемый наш Владимир Алексеевич, за Ваши добрые и мудрые слова, за Ваш поистине ратный и созидательный труд!

Невысокий человек энергичной походкой ранним утром обходит свое сложное хозяйство, которым он назначен руководить. И снова от его умелого руководства будет зависеть жизнеобеспечение всех горожан и еще жителей в селах трех районов...

Но ему хватает опыта, знаний, умения организовывать работу, мудрости в воспитании кадров в газовой отрасли, чтобы она была и оставалась передовой во всей области. Чтобы бесперебойно действовали «артерии голубого топлива», раскинувшиеся на сотни километров по родному краю.

Груз ответственности и нетерпение безответственного отношения других на им порученных участках работы, иногда приводят к срыву в его характере. И тогда, «крайний» в ответе за все дела подчиненных перед начальством и людьми, Паршин становится неумолимым, жестким, требовательным даже в мелочах руководителем.

И лишь поздним вечером, уединившись с книгой любимого автора из его немалой домашней библиотеки или, настроившись на прослушивание классической музыки, - он пытается совладать с нервами, обрести свое привычное душевное равновесие. Для завтрашнего дня. Для новых действий. Для понимания проблем даже нерадивого человека.

У него множество разнообразных наград и почетных званий, памятных сувениров, подаренных уважающими его людьми. Но, как всегда, самой высшей наградой себе, он считает доверие земляков.

Неистребимая литература

Из истории печати в Мелекессе

В декабре 2010 года мелекесской районной газете исполнится - 92 года. Так что у нас юбилей и довольно солидный. Именно поэтому в преддверии дня рождения печатного юбиляра хочу рассказать о жизненном пути газеты, да и вообще всех местных средств массовой информации. Ведь любая газета и общество - неразрывно связаны друг с другом. А значит, рассказав об истории самой газеты, мы затрагиваем и историю родного края. Не претендую на полную достоверность всех исторических фактов в этом пересказе, так как точно все о прошлом знать практически нельзя - время стирает многое. Но в целом, - думаю, общая картина достаточно ясна.

К сожалению, в разработке темы «Средства массовой информации в Симбирской губернии - Ульяновской области» очень много пробелов и неточностей. Материал этот не исследован историками печати, не систематизирован. Немногим лучше положение и в Самарской губернии. Поэтому, когда начинаем говорить об истории возникновения того или иного органа СМИ в нашем городе, возникают разногласия, путаница, сообщается неверная информация.

Я вовсе не хочу ставить под сомнение правомочность и объяснимое желание редакции газеты «Димитровград» набавить себе юбилейных годков или ревизировать объективную действительность. Просто, имея в виду и профессионалов, и любопытствующих читателей, и будущие поколения пытливых любителей истории родного края, попытаюсь расставить по местам некоторые исторические реалии.

О своей газете, - печатном слове - в Мелекессе мечтали со времени первой русской революции. Исследователем истории посада и его окрестностей, писателем Феликсом Дмитриевичем Касимовым, точно установлено, что заявку самарскому губернатору на издание своей газеты «Глушь» подавал симбирский полиграфист, сосланный за неблагонадежность в Мелекесс, Николай Николаевич Аблов. Именно он открыл в 1904 году у нас первую частную типографию. Затем, в 1910-м году, посадский земский врач и коллежский асессор Федор Викторович Яблонский подавал прошение к губернатору Самарской губернии о разрешении издания «Мелекесской газеты» либеральной направленности. Видимо, имея в виду то, что учредитель «Глуши» Аблов собирался издавать явно крамольную газету, и чтобы не создавать прецедентов в дальнейшем, избегая жалоб, - губернатор «отписался» тем, что пресса может быть разрешена им по статусу - только в городах. Поскольку Мелекесс на то время еще

числился посадом, вопрос об издании здесь газет мог разрешить только министр внутренних дел России.

Интересно, что в 1917 и 1918 годах и первый и второй просители сумели-таки издать свои газеты и именно в том ключе, который был им ближе в социально-политических взглядах.

В семье ссыльного Николая Аблова старшего, было 15 родственников и детей. Нужно отметить, что Николай Николаевич был человеком образованным: в доме была богатая библиотека, детей учили основательно в гимназии, все владели музыкальной грамотой, учились позднее в институтах. Но... с самого детства отец прививал ребятам революционно-демократические взгляды. Четверо его старших сыновей были членами Ленинской РСДРП. Максимилиан Аблов погиб в тюрьме после активного участия в событиях 1905 года. Николай Аблов бежал за границу. До 1910 года активно помогал В.Ленину в его формировании партии коммунистов в Швейцарии. В Россию вернулся уже как связной Ленина и был усажен за решетку. А уже в 1912 году, привлекая младшего - Евгения, он расклеивал в посаде прокламации, устраивал рабочие сходки, маевки. После очередного «залета» в полицию - бежал и сгинул в просторах России.

Евгений же, исключенный за неблагонадежность из Мелекесской гимназии, потянул за собой в революцию меньшого брата - Виктора, учившегося в гимназии по благотворительной стипендии, учрежденной Головой посада К.Г.Марковым.

Евгений – «особая статья» в семье и в истории Мелекесса. На его долю выпали все лавры великого революционера местного масштаба. Перед войной

1914 года он поступает в Петроградский Межевой институт. Но в 1915 году его призывают в армию. Как и большинство ленинцев, Евгений Аблов не желает воевать и с фронта дезертирует. Скрывается в окрестностях посада. А тут и февральская революция подоспела. В посаде небольшая кучка большевиков сумела попасть к дележу власти во вновь созданном комитете народной власти. Мало того, ведомые Абловым и Я.Пискаловым большевики, сумели «продвинуться» на большинство мест в Совете депутатов. Пользуясь свободой, провозглашенной Временным правительством, Евгений Аблов, наконец, осуществляет мечту своего отца - издавать газету. Благо, и бюджет посада переподчинен Совету.

Итак, ПЕРВОЕ печатное издание в посаде Мелекесс Ставропольского уезда (района) Самарской губернии было издано в отцовской домашней типографии частным порядком Е.Н.Абловым. Это была газета «Рабочий». Она издавалась в июле 1917 года, и в свет вышло только 8 номеров. Но, несмотря на то, что «Рабочий» была частной газетой, ее материалы явно отражали точку зрения большевиков-ленинцев. Именно Евгений Аблов был скоро вызван в Симбирск (своих кадров там не хватало) и 21 октября 1917 года выпустил в свет «Симбирскую правду» - орган Симбирского комитета РСДРП, в качестве ее главного редактора. Этот факт, а также отсутствие финансов, послужили причиной прекращения выпуска в Мелекессе «Рабочего».

Но вот уже с июня 1918 года большевики, взяв власть в свои руки и в посаде, начинают выпуск здесь (как и по всей России) первой официальной газеты: «Известия посадского Совета рабочих и солдатских депутатов» под редакцией того же Е.Аблова. И этот факт становится исторической датой рождения у нас посадской (городской) газеты. Выходили «Известия...» 2 раза в неделю (среду и воскресенье), всего было выпущено 9 номеров (факсимиле одного из них хранится в краеведческом музее). Редакция располагалась в доме бывшего Головы посада К.Г.Маркова на Базарной площади в помещении торгово-промышленного банка. Печаталась в типографии союза кооператоров и потребительских обществ. Но 2 июля 1918 года ее выпуск был прекращен. 6 июля у большевиков силами Народной армии Самарского комитета членов Учредительного собрания была отбита Самара. Губернские власти бежали в Мелекесс, а после падения

Ставрополя (Тольятти) посад стал настоящим губернским центром. Губревком во главе с В.Куйбышевым объявил Мелекесс уездным (районным) центром. Но части мятежного Чехословацкого корпуса и Народной армии уже были под Мелекессом. По сути уже весь уезд был свободным от большевистской диктатуры. После нашего городка удар освободителей был направлен на Симбирск.

Именно в эти тревожные военные дни и выходила во вновь образованном уездном центре - посадская (городская) газета «Известия...», от которой идет начало будущих городских газет «Власть труда», «Знамя коммунизма», «Димитровград».

В тех, первых «Известиях...» публиковались статьи В.Куйбышева и Н.Подвойского, Е.Аблова и А.Хмельницкого, И.Кошечкина, Я.Пискалова, Н.Эшенбаха, Е.Лампеева. Но газета эта была локальной - за пределы посада в уезд не доходила. Сам же уезд с центром теперь в Мелекессе был неизмеримо больше нынешнего Мелекесского района. Сюда входила территория Ставропольского района (Тольятти) и части территорий нынешних Кошкинского, Елховского, Старомайнского, Чердаклинского, Алькеевского районов! Естественно, что жители этого огромного уезда, прежде посадских, нуждались в своем печатном издании.

В июле 1918 года возвратившимся легитимными властями в посаде был разрешен выпуск, также ранее заявляемой «Мелекесской газеты» - органа Объединенного блока социалистов: эсеров, меньшевиков, октябристов, анархистов, чехословацких интернационалистов, кадетов, монархистов и даже «черносотенцев» - из Союза Михаила архангела...

После возвращения в Мелекесс (в октябре 18-го) все той же власти большевиков, первый возник именно вопрос о пропагандистском издании. Еще были в «бегах» Эшенбах, Лампееев и Кошечкин, погибли А.Хмельницкий и Е.Аблов. Поэтому начинать новую газету был прислан самарский большевик и журналист Николай Кочкуров (впоследствии известный советский писатель Артем Веселый).

И 29 декабря 1918 года в посаде Мелекесс, ставшем уездным центром, вышел в свет первый номер, наконец-то регулярной, - УЕЗДНОЙ (РАЙОННОЙ) ГАЗЕТЫ: «ЗНАМЯ КОММУНИЗМА» - органа Мелекесской партии коммунистов (большевиков) и Мелекесского Уездного Исполнительного Комитета Советов. Было объявлено, что по селам уезда ее будут доставлять два раза в неделю. Тираж газеты был 3000 экземпляров. И она стала первым печатным изданием местного уровня, где каждый крестьянин, житель уезда мог бы высказаться о наболевшем (естественно, если он был обучен грамоте)...

Итак, 29 декабря 1918 года жители Мелекесса и всех окрестных поселений в уезде впервые получили свою местную газету «Знамя коммунизма». Газету районную. Истинно так, ибо речь в ней велась не только о текущих событиях в посаде, но и в селах, и деревнях, где жило людей тогда многое больше, чем в Мелекессе.

Если «Рабочий» и «Известия...» отражали точку зрения посадского люда, поддержавшего большевиков, то «Мелекесская газета» была выпущена в период правления Самарского Комуча и, естественно, стояла на антибольшевистских позициях. Но все они были лишь эпизодическими изданиями, жизнь их была коротка, и, кроме «Известий...», носили неофициальный характер.

Интересно другое. Как мы помним, типограф Н.Аблов и врач, действительный коллежский асессор Федор Яблонский просили разрешения у самарского губернатора на издание в Мелекессе газет. Теперь первый - имел непосредственное отношение к газете «Рабочий», а второй - после падения большевиков издавал свою «Мелекесскую газету».

Следует отметить также, что в октябре 1918 года большевики разрешили выход в свет еще одной, неофициальной, газеты для татарского населения района - «Мелекесс тауши».

Но «главным рупором» пропаганды в районе стала, конечно, «Знамя коммунизма».

Хотя для большинства неграмотного населения более действенным средством массовой информации стала Мелекесская советская радиостанция, транслировавшая свои передачи и в деревни. Но ее программы обязательно перепечатывались в «Знамени коммунизма».

Итак, первым редактором первой официальной районной газеты в Мелекесском уезде стал самарский большевик Н.И.Кочкуров (Артем Веселый). Совсем мальчишкой начал он свои первые литературные опыты в газете самарской организации РСДРП - «Приволжская правда». В этой же редакции часто встречался с чешским коммунистом и будущим писателем Ярославом Гашеком. (Гашек в октябре 1918 года с войсками красных дсвобождал Мелекесс, бывал у нас в период, когда он служил в комендатуре Бугульмы, где в его команде было несколько мелекессцев).

Н.Кочкуров был ранен в боях с Народной армией под Самарой, лечился и скрывался по окрестным селам, перешел линию фронта под Покровском и уже в рядах РККА вернулся в Самару в октябре 18-го. Видимо, тем самым 19-летний мальчик-литератор заслужил доверие не только возглавить редакцию мелекесской районной газеты, но и после ряда его резких выступлений против произвола чекистов был назначен еще и областным контролером над местной ЧК. Что в 1937-м ему чекисты и припомнили. Наградой за верное служение Советской власти известному писателю стала... пуля!

Так кто же помогал Артему Веселому в его газетном деле? Это были разные люди: местные советские и партийные работники, такие, как В.Матвеев, Н.Эшенба, Е.Лампеев, В.Аблов; жители Мелекесского уезда, тянувшиеся к литературному труду: Одинокий, Федоров, Чернышов, Иван Назаров, П.Мартынов, а Л.Могилевский позднее стал штатным сотрудником самарской «Коммуны». Имена многих остались неизвестными. Уже в феврале 1919 года по всем уездам Самарской губернии полыхнуло крестьянское восстание против большевиков, известное в истории как «Чапаевская война». На фронте - армии адмирала и верховного правителя России А.В.Колчака подошли к Бугульме и Самаре, потому многие, писавшие заметки в большевистскую газету «Знамя коммунизма», скрывались тогда за псевдонимами типа: «Недремлющее око», «Непримиримый», «Советский» и т.д., небезосновательно боявшиеся за свою жизнь.

Можно говорить и о том, что сам Кочкуров состоялся как настоящий писатель Артем Веселый именно в нашем районе. В нашей газете увидели впервые свет его ранние рассказы: «Братья Рулевы», «На фабрике», «Там, на полях». О нашем районе есть немало интересных строк в его маленькой повести «Клюквин-городок».

Уже 28 марта 1919 года Артем Веселый распрошлся со «Знаменем коммунизма» и Мелекесским уездом, где он был еще и членом уездного комитета РКП (б). Теперь он стал работать инструктором Самарского губернского комитета партии, а оттуда ушел добровольцем на Южный фронт.

Может быть, именно отзыв этого талантливого человека, принципиального коммуниста и толкового организатора, да еще прифронтовая обстановка в уезде, охваченном огнем крестьянского восстания, сказалась на том, что газету залихорадило... Вместо объявленных двухразовых выпусков в неделю, просуществовавшая в своем названии до 18 августа 1919 года, она тогда выходила один раз в 10 дней. Естественно, что ни уком, ни уисполком такое положение не могло не волновать. Принявший после Артема газету мелекесский коммунист Иван Кошечкин предложил сменить название газеты, а новую выпускать три раза в неделю. Так в истории средств массовой информации в Мелекесском районе появилась ВТОРАЯ официальная районная газета «Рабоче-крестьянская правда» - орган Мелекесских укома и уисполкома Советов депутатов. Следует отметить, что к этому времени вся тяжесть партийной, мобилизационной, экономической и социальной работы местных коммунистов была впервые со дня организации уезда перенесена на село! Уже в апреле 1919 года состоялась первая уездная партийная конференция, где было обнародовано, что в Мелекесском уезде насчитывается всего 11 партичеек на сотню

жилых поселений, а в них - 158 членов партии. Время было военное, суровое, голодное, а потому, не считаясь ни с чем, из посада и со всего уезда было собрано 1000 человек беспартийных, но сочувствующих советской власти, да еще 117 коммунистов (то есть 75 процентов всех имевшихся), которые составили Мелекесский рабочий полк, ушедший на колчаковский фронт и полегший там за власть Советов.

Но в истории города был еще один парадокс, о котором нельзя не сказать. В 1915 году посадские власти вышли на императора с прошением переименовать не звучное имя - Мелекесс - на Алексеевск, в честь наследника-царевича. Но получили отказ. А вот в 1919 году прямо-таки общим голосованием на городском митинге в память убиенной революционерки Розалии Люксембург (Германия), было решено переименовать Мелекесс в город Люксембург. Местные власти были согласны с этим решением. Губернские, вроде бы согласившись тоже, промолчали. Так, целый год наш Мелекесс именовался Люксембургом, во всех официальных бумагах и названиях, пока ВЦИК во главе с М.И.Калининым не «цыкнуло» грозно: а кто позволил нарушать субординацию и советскую дисциплину! Право переименовывать - дело только республиканской власти! Своеобразники притихли, а Мелекесс остался со своим патриархальным именем.

Но интересно, что с января 1919 года наша районная газета на удивление миру именовалась органом Люксембургской (Мелекесской) партии коммунистов (большевиков) и Уездного исполнительного комитета Советов. Забавно, не правда ли?

А вот появившаяся в августе 1919 года газета под названием «Рабоче-крестьянская правда», и вправду стала еще ближе к сельскому населению уезда, и не только заголовком. Но и здесь не обошлось без своеобразного парадокса. В 1919 году, несмотря на все переименования и «вливания» в редакцию, «Р-К правда» таки не смогла стать трехразовой газетой. Она появлялась в домах мелекесцев раз в пять дней... Всего же просуществовала эта районная газета десять неполных лет.

В начале прошлого века мелекесским журналистам приходилось уметь не только владеть пером, но и оружием. В те времена на дискуссии не оставлялось времени. Многое разрешалось просто: правота в своих убеждениях находилась на спусковом крючке...

Первый директор мелекесской типографии устроил Н.В.Шурчалкин вспоминал, как однажды они с Артемом Веселым ездили в Новую Майну агитировать крестьян вступать в коммуны. Споры на митинге дошли до того, что Артем неосторожно, в запале пообещал «всех контрреволюционеров поставить к стенке». Мужики оскорбились, притянули оглобли, чтобы проучить «посадского молокососа». Редактор газеты был вынужден выхватить из деревянной кобуры маузер и стрелять. Слава Богу, в воздух. Да и мужики охолонули. А могло бы стать и хуже...

Гражданская война - время суровое и жестокое. Война - не щадит и музы. В 1918 году в боях в городе Казани с наступающими войсками Народной армии погиб эвакуированный туда из Мелекесса первый в нашем kraе журналист и редактор «золотое перо» коммунистов Самарской и Симбирской губерний Евгений Аблов. Назначенный заведующим хозяйством Казани, он, раздав оружие и боеприпасы бежавшим с ним из посада большевикам, сам, до последнего охранял ценности, увезенные из Мелекесского народного банка. Дождался уличных боев и сгинул с чемоданами золота в руках...

Такая же незавидная участь постигла и самого молодого партийного публициста мелекесца Александра Хмельницкого (племянника известных революционеров, друзей В.Ленина, членов ЦК РСДРП - Эссеев). Еще в Мелекесской мужской гимназии Александр редактировал рукописный журнал союза учеников шестых классов. Затем возглавлял молодежную организацию при посадском комитете РСДРП (б), был членом этого комитета. Хмельницкий участвовал с Абловым в выпуске посадских «Известий...», стал секретарем этой редакции.

После боев против Народной армии и обороны Симбирска Хмельницкий вернулся в

Мелекесс организовывать подпольную работу. Был схвачен и разоблачен мелекессцами, расстрелян «как ярый враг Комуча и агитатор жида-масонского общества против коренного населения России».

Так что - журналистика в нашем городе с самого начала стала делом опасным, а газеты - баррикадами политической войны в обществе. Например, выпуская первый номер «Известий...» и «Симбирской правды», Евгений Аблов, не без намека, писал, что средства на издание этих газет - это добровольные сборы граждан, добытые КРОВЬЮ и потом пролетариата. Хотя Артем Веселый, обращаясь к пролетарию Мелекесса, сразу же в первых номерах «Знамени коммунизма», сообщил, что редакция готова платить за информацию... по рублю за строку. За это обещание пришлось расплачиваться второму уездному редактору Ивану Петровичу Кошечкину. Это при нем уездная газета стала называться «Рабоче-крестьянской правдой». Кошечкин тоже - не местный уроженец, он приехал в Мелекесс в начале 1917 года вместе со своим партийным наставником Я.Пискаловым, уже имея опыт подпольной революционной деятельности в Самаре. Через год вместе с товарищами по партии и Мелекесскому совдепу бежит из посада и возвращается уже сюда вслед за войсками РККА. Ведет партагитацию, редактирует газету, наводит «порядок» в охваченном мятеежом уезде вместе с председателем укома РКП (б) П.Башаевым, под началом которого по селам к июню 1919 года было уже 90 коммунистов (и 110 - в посаде). Некоторое время И.Кошечкину, хорошо показавшему себя в усмирении крестьян, приходится сочетать журналистскую работу с обязанностями первого секретаря уездного партийного комитета, в который были избраны еще В.Шмидт, А.Алексеев, П.Ганенков, В.Матвеев. Скоро он мог рапортовать в Самару, что такое совмещение обязанностей принесло неплохой результат: на фронт против Колчака отправлено еще 237 крестьян-мелекессцев по мобилизации укома; в июле-августе вместо них на коммунарских полях уезда работала внушительная «городская дружина». Хлеб убирали и растили скот лынянщики, мукомолы, советские служащие, интеллигенция.

Рапортовал И.Кошечкин в уездной газете и о том, что в райцентре Мелекесс «...к августу 1919 года было уже 275 коммунистов: совслужащих - 55, крестьян - 87, рабочих - 30, исполнковцев и из других выборных организаций - 99, прочих - 4. В комсомольской организации Мелекесского уезда - 60 человек». И вся эта «орда» из 700 человек - на... почти 100000 населения!?

Но уже в сентябре Кошечкину пришлось оставить пост главного редактора. Во-первых, стало это не так престижно - в связи с организацией нового, Кошкинского района, Мелекесскому пришлось часть из своих 30 волостей передать туда, сократить свою территорию. Во-вторых, весь сентябрь секретарю укома пришлось посвятить работе в открывшейся в Самаре 5-й губернской конференции РКП (б), куда он был послан от Мелекесского уезда.

Но и этого журналиста, и редактора постигла незавидная участь. Возвращаясь в 1921 году с самарского губернского съезда Советов, Кошечкин подхватил в дороге, ночуя в одном селе, холеру и скончался. Было ему тогда 24 года.

А в 1922 году «Рабоче-крестьянская правда» с горечью констатирует, что неурожай, голод, болезни выкосили уже половину населения уезда, отмечались факты живодерства. 60 процентов мелекесских детей лишились родителей и были принудительно вывезены в детские дома на Украину, Кавказ, в Белоруссию, Подмосковье. Там их не только откармливали, но и идеологически воспитывали, готовили кадры для новой социалистической России. Так мстила большевистская власть непокорным районам и участникам крестьянской войны в Поволжье. Сознание бунта выкорчевывалось смертями голодающих, вплоть до истребления «кулацкого сознания» в их семени...

«Рабоче-крестьянская правда» выходила в Мелекесском районе до 1929 года. 6 июня 1928 года Мелекесский уезд был ликвидирован, территория его вошла в состав Ульяновского округа Средневолжского края. Мы можем сегодня назвать только тех, о ком еще сохранилась информация, кто выпускал в нашем районе газеты, писал статьи,

заметки, стихи, проводил в жизнь политику компартии. Незначительное время работал в Мелекессе младший из братьев Абловых - Виктор.

Он вернулся из сибирской каторги, куда его определила в 1918 году контрразведка адмирала и Верховного правителя России А. Колчака. Впоследствии он работал журналистом в Волгоградской области, написал книгу о революционных годах в Мелекесском районе: «Из юношеского далека», был персональным пенсионером.

Поработал в районной газете и бывший комвзвода Чапаевской дивизии, уроженец нашего села Кирилловка - Иван Федорович Кирюшкин. Потом его «двинули» на партийную работу в центр, он был руководителем в газетах Самары, заведовал отделом в газете «Правда».

А районную газету редактировал в 1921— 23 годах ответственный редактор А. Капралов. При нем в прессе часто выступали такие известные местные партсовработники, как Е. Лампееев, В. Шмидт, В. Кисин, Мария Пискалова.

С июня 1925 года редактировал «Рабоче-крестьянскую правду» ответственный редактор П. Остроумов. Газета была уже органом укома ВКП (б), уисполкома Совета и упробфюро. В том же году состоялась первая городская партконференция (до этого проводились городские партсобрания. На конференцию избирался 1 делегат от трех коммунистов). И если в январе 1919 года, когда Мелекессу официально придали статус города, здесь жило 19000 человек, то в 1925 году в райцентре насчитывалось около 25000. Потому в 1927 году при ответственном редакторе А. Семенове районка выходила в свет уже точно раза в неделю.

В те тревожные времена журналисты не только умирали, погибали в борьбе, но и просто могли исчезнуть, чем-то не угодив органам ОГПУ-НКВД. Потому мы сегодня не можем полноценно осветить работу всех литераторов, корреспондентов, редакторов, работавших в Мелекесском районе, от иных ни следа, ни документов не найдем даже в архивах чекистских.

Иллюстрацией тому может служить обращение их через газету «Правда» к первому мелекесскому редактору и прославленному большевистскому писателю Артему Веселому перед его арестом: «Писатели должны выкинуть за борт литературы мистику, похабщину, национальную точку зрения... Тем, кто нас заменит, придется строить на руинах, среди мертвой тишины кладбища».

Но, несмотря на «зияющие дыры» в журналистских рядах, число их и печатных изданийросло наравне со всеобщим образовательным уровнем. Только в Симбирске к 1927-му году выходило 200 наименований газет и журналов, таких, как: «Гильотина», «Свободный ученик», «Наши ультиматумы», «Будь готов!», «Ульяновец на страже». Конечно, в этом плане Мелекесский район здорово отставал, но и у нас в 1920 году появилась новая татарская газета «Серп и Молот», газета - орган Мелекесского укома РКСМ «Юный строитель». Редактировал комсомольско-молодежное издание Г. Эшенбах. В редколлегию кроме него входили: Г. Рейнановский и Е. Ефимкин. А с 1936 года заработало районное, местное радиовещание под руководством редактора В. М. Морева.

Несмотря ни на какие гримасы истории, жизнь в районе продолжалась.

Многое из истории советского государства в период с 1930-го по 50-й годы стало известно нам только за последнее десятилетие. Открылись архивы, в полный голос заговорили очевидцы. И оказалось, что времена, когда люди вроде бы начали отходить от страха перед войнами, бунтами, неразберихи гражданской войны, голода, начинали мирную созидающую жизнь, были не менее жестокими. Строки «коммунизма» требовали миллионов рабочих рук. А вот платить за эту работу большевики не могли.

Часть ресурсов, накопленных царской империей, ушла с эмигрантами в изгнание. Часть «сожрали» войны, разрухи. Часть отдали немцам по reparациям и долгам. Остаток нещадно расхищался представителями новой власти, ранее бывшими неимущими...

Бесплатно работать никто не желал, а заставить вкалывать на «дармовщину» можно только одним способом - насилием. Так сталинским ЦК ВКП (б) в жизнь проводили идеи Лейбы Бронштейна (Троцкого) о создании в стране военного, казарменного коммунизма. За миску похлебки и кусок хлеба миллионы советских людей в лагерях для заключенных бесплатно возводили Беломорканал, Магнитку, Днепрогэс, Дальстрой, Карагандуголь, мыли колымское золото...

Много ли было там журналистов - мы не знаем, архивы НКВД пока еще малодоступны. Но факт, что не только редакторы, но и многие сотрудники мелекесских газет с 1930-го по 40-й годы часто покидали родные места, «переселяясь» в сталинские лагеря.

Мелекесский район вошел в Симбирский округ. И с 1930 года - от 23 августа - в Мелекессе стала издаваться газета «Власть труда» (всего 125 номеров) – орган ГОРОДСКОГО комитета ВКП (б) и горсовета депутатов.

Возвращение территории района и полномочия районным властям в районцентре Мелекесса произошло в 1939 году. 15 ноября 1939 года в свет вышел первый номер районной газеты «Сталинское знамя» - ОРГАНА МЕЛЕКЕССКОГО РАЙКОМА ВКП(б) И РАЙСОВЕТА ДЕПУТАТОВ. Редактором был в ней Яков Шитов. А вот заместителем его - Михаил Кокряшин, - о ком в свое время писала димитровградская частная газета «Местное время».

Кокряшин родился в Мелекесском районе, в селе Аврали. Рано осиротел. В юношестве писал стихи, рассказы, сказки. Окончил корреспондентские курсы в Самаре, работал специальным корреспондентом в газете «Власть труда», писал и стихи. В 1939 году был направлен заместителем редактора в «Сталинское знамя», здесь вел среди сельчан литературный ликбез. С началом войны ушел добровольцем на фронт, был политруком саперной роты в Бугурусланской дивизии. Погиб смертью храбрых 2 февраля 1942 года под городом Демидово в Смоленской области.

И еще одна фамилия в истории советской печати в Мелекессе: Сергей Игнатьев.

Много лет назад я начал собирать документы и материалы для своей документальной повести «И она ответила: «Победа!» - о судьбе двух мелекесских мальчиков, павших в боях на фронтах Великой Отечественной войны. Среди домашнего архива семьи Игнатьевых мне попались в руки и документы старшего брата моего героя - Сергея.

Родом семья была из Никольского-на-Черемшане. Сергей в 1926 году окончил школу крестьянской молодежи и стал работать учеником десятника на Самаро-Златоустовской железной дороге. В 1929 году - приказчиком по распиловке леса на Мелекесском лесозаводе. Здесь он был избран председателем заводского профсоюзного комитета Союза деревообрабочиков. В 1933 году заканчивает рабфак и по 1936 год проходит службу в РККА парторгом воинской части. После демобилизации продолжил учебу в Ульяновском учительском институте. Стал преподавателем истории и географии. В студенческие годы сотрудничал в симбирских газетах, «набил» руку как журналист. А в 1937 году Сергей уже принят на работу в редакцию газеты «Власть труда» заведующим промышленным отделом. В 1941-м году, как и его коллега Кокряшин, - на фронте. В окружении был ранен, и сильно контужен. После годов лечения в госпиталях, был признан негодным к строевой службе. Вернулся в Мелекесс, некоторое время работал в районной газете, потом в партийных органах, но война достала его уже после Победы, он умер от ран.

Резонно задать вопрос: а откуда получали жители района информацию в 30-е годы, когда работа газет приостанавливалась.

Конечно, было проводное радиовещание. Но в свет выпускались и газеты окружного центра - Симбирска и краевого - Самары, доставлялись в села, печатались письма наших земляков с мест. В моей первой книге «Бери да помни» есть рассказ о том, как в 30-е годы мелекесский ипподром был превращен в аэродромное поле, где садились служебные «кукурузники». А однажды на мокром лугу между деревнями Боровка и Аллаково

приземлился терпящий бедствие аэростат с тремя воздухоплавателями из ленинградской военно-воздухоплавательной школы, исполняя испытательный полет в Уфу. Три дня эти летчики жили у крестьян Аппакова, чинили неполадки, сворачивали аэростат. Об этом событии живо писали все краевые газеты, летчики были гостями во многих трудовых коллективах района...

В эти же годы жителям сел стали доступны специализированные газеты нашего края: «Беднота», «Жатва», «Заря», «Чинь стямо» («Восход солнца» на чувашском языке), «Красная жатва», детская «Смена - смене», «Ленинский молодняк», «Средневолжский комсомолец», «Пролетарский путь». Журналы: «Новый самарский земледелец» (агрономического общества), «Экономический путь» (экономического общества), «Вестник агитации и пропаганды» (окружкома ВКП(б)), «Печать и революция», сызранский журнал «Отклики», в котором работал местный литератор, впоследствии крупный советский писатель Константин Федин, в Симбирске функционировало, выпуская популярные брошюры для крестьян, книжное издательство «Перевал».

На местном межрайонном, районном и колхозно-совхозном уровне тоже существовал свой пласт средств массовой информации - многотиражный. Об этом можно было узнать из книги А.Шефера «История города Куйбышева» и его же книги, вышедшей в свет в 1941 году - «История города Ульяновска» (автор - старший научный сотрудник архива управления НКВД по Куйбышевской области).

Часть сел, выделенных из Мелекесского уезда в созданный - Кошкинский, получали здесь свою районную газету «Ленинский путь». Всеми коммунистами и всем новым районом здесь руководил (в т.ч. и с помощью районной газеты) товарищ С.И.Бенкин. «Ленинский путь» писал о нем:

«Сын еврея, рабочего лесопильного завода города Гамеля. В партию большевиков вступил в 1919 году. А в 1932 получил назначение в качестве руководителя коммунистами в должности секретаря Кошкинского районного комитета ВКП(б). Это именно товарищ Бенкин придумал и с помощью работников НКВД организовал у себя в районе свой концентрационный лагерь для кулаков, саботажников, крестьян, не выполнявших нормы заготовок хлеба, мяса, молока, яиц, шерсти, леса - исправительно-принудительную колонию местного, внесудебного масштаба в поселке Телкино...»

В 1931 году другая часть сел, выделенных из Мелекесского района - в Октябрьский, стали получать свою районную газету «Дружба». Читали ее в колхозах «Муравей», «Виктория», «Борьба с засухой», «Гигант», «Урняк» и других.

И это не шутка. Таково было время, таковы были нравы, уровень грамотности, политической зрелости. Да и в нашем Мелекессе в те годы выходила, скажем, многотиражка на льнокомбинате под названием - «Штурмовик» А в совхозе «Красный шквал» - ныне СПК имени Н.К.Крупской - своя газета - «Ударник», да еще под эгидой политотдела НКВД по совхозам... Здесь некоторое время работали литераторы Л.Латынин, И.Лошилин, В.Багров (известный советский поэт, расстрелянный теми же органами НКВД в 1937 году).

А вот в деревне Соплевке издавалась газета «Красное знамя», своя, «соплевская»!

И в нашем районе крестьянский труд был превращен в «битву за хлеб». Своими статьями, заметками, книгами местные журналисты невольно наполняли эту «битву» соответствующим содержанием. Вот только заголовки некоторых заметок: «Все на борьбу с засухой!», «Новый быт сельской молодежи», «Дети труда и борьбы», «Красные платочки»...

В стихах, в специально изданных для крестьян сборниках, публиковались целые поэмы: «Кормление коров по нормам», «Уход за коровой», «Компост», «Хранение картофеля». Они учили потомственных крестьян «новым» технологиям:

*«Ты, хозяин, очень прост,
Коль не слышал про компост!
Это - тоже удобрение,
Как навоз, на удивление!
Действует он на полях,
На огородах, на лугах,
И всегда-то: мусор сгресть.
Можно всякому завесть».*

В эти же годы в Симбирском округе открыли свой собственный, по примеру юшкинцев, концлагерь «Сухая речка» в районе села Старый Атлаш. Здесь покоятся, кстати, тысячи крестьян, в том числе и из Мелекесского района, казненных без суда и следствия за «кулацкие выступления» против повальных продовольственных заготовок.

И кто знает, чему бы еще учили мелекесцев многочисленные служители «красной печати», сколько бы еще «контриков» сгинуло в болотах, горах, снегах - стройках коммунизма за колючей проволокой, если бы не грянула война, которую большевики спешно объявили отечественной, священной, народной.

Как ни странно, в годы Великой Отечественной войны, несмотря на огромную нехватку продовольствия, средств, техники, людей, в Мелекессе продолжали выходить две газеты: городская «Власть труда» и районная «Сталинское знамя».

Как и во всех отраслях народного хозяйства, на газетном фронте в тыловом Мелекессе мужчин, ушедших в действующую армию, заменили женщины-журналистки, подростки, пенсионеры непризывного возраста...

В этот период в Мелекесском районе и в городе действовало около 35000 радиоретрансляционных точек, похожих диффузорами на тарелку, черных цветом вестников свежей информации с фронтов. Но на любую информацию в военный период налагалась жесточайшая цензура. Потому, практически, не было у населения радиоприемников с самостоятельной настройкой на радиостанции мира. Их полагалось сдавать в военкомат. Такие радиоприемники были только в официальных организациях, в том числе и в редакциях газет, под контролем главных редакторов. Именно у таких вот приемников сидели в наушниках стенографистки, принимали специальные передачи телеграфного агентства СССР для местных газет. Часами замедленно бубнил диктор, повторяя информацию, сводки с фронтов, чтобы текст успевала записать даже малограммная «приемщица» в самом глухом уголке страны. Эта вот официальная информация и составляла три четверти всего объема публикуемого в газетах. Но и ей были рады люди в деревнях и селах, ждавшие каждой весточки о боевых действиях нашей армии.

Естественно, что в редакциях ощущалась жуткая нехватка квалифицированных работников, да и где их было взять в Мелекесском районе! Поэтому к газетному делу привлекали эвакуированных сюда беженцев из западных областей, захваченных немцами. Большую помощь оказывали газетчикам и специалисты из государственной Публичной библиотеки имени М.Е. Салтыкова-Щедрина (в просторечии: «Салтыковки»), перевезенной в наш райцентр из блокадного Ленинграда. Она была размещена в старом здании Дома учителя на площади Советов, рядом с типографией и редакциями газет.

В годы Великой Отечественной войны одним из популярных журналистов в нашем районе был эвакуированный из Петрозаводска (Карелия была оккупирована войсками финских фашистов и временно стала территорией Финляндии, на которой действовали партизанские отряды под руководством будущего председателя КГБ СССР и Генерального секретаря ЦК КПСС Ю.В.Андропова) известный советский, карело-финский поэт Тобиас Оскарович Гуттари. Под этим своим родным именем он и вошел в

историю Мелекесса. А в советской литературе его больше знали как члена Союза писателей СССР - Леа Хело. Он вошел в историю советской литературы как классик и один из основателей литературы карелов. Он одновременно хорошо владел и финским и русским языками. В Мелекессе собрал вокруг себя обитавшие в те годы в нашем районе литературные силы.

Следует отметить и наиболее значимые произведения Гуттари, поэтические сборники: «Перешагиваю», «Красная армия - верный страж», «Победители реки», «Песни о войне», «Моя страна». В этом же тематическом ключе он творил свои корреспонденции в газетах «Власть труда» и «Сталинское знамя». Умер Гуттари в 1953 году в Петрозаводске.

Кстати, в 1975 году в Мелекесской школе № 9 состоялась встреча выпускников военных лет. Из выпуска 1941 года, почти полностью ушедшего на фронт добровольцами, присутствовало всего двое оставшихся в живых «мальчиков». Одним из них был ученый из Петрозаводска А.Пекки. Позднее в райгазете было опубликовано подробнейшее интервью с ним.

Много и подробно писали журналисты «Сталинского знамени» о воинах формировавшейся в Мелекессе 58-й Гвардейской, ордена Ленина, Краснознаменной, ордена Суворова Красноградско-Пражской стрелковой дивизии. Ее части располагались как в городе (штабы), так и в вырытых на берегу Черемшана землянках (у железнодорожного моста). А вот транспорт, тяжелое вооружение, арсеналы были «расквартированы» на разъезде Обамза в Мелекесском районе и на станции Новая Малыкла.

Об этом я узнал, когда работал в Узбекистане, в Каракалпакской автономной республике, в Приаралье. Однажды министр печати республики Утамбет Арзыметов попросил меня отредактировать написанную совместно с генерал-майором, профессором, доктором технических наук, заместителем начальника Калининградского высшего военно-инженерного училища Александром Ольшанским книгу. Приступив к работе, я с удивлением узнал, что сержант-связист Александр Ольшанский и комсорг батальона 178-го гвардейского стрелкового полка Утамбет Арзыметов писали и такие строки: «...пока в глубоком тылу формировалась наша дивизия, на советско-германском фронте вновь развернулась напряженная борьба за стратегическую инициативу... Утром 7 июня части дивизии начали грузиться в эшелоны. На перроне железнодорожной станции воинов дивизии провожали представители партийных и советских органов, рабочие, крестьяне и служащие - шефы дивизии, родные и близкие», - а это же - о нашем Мелекессе! Но и тогда, в 1981 году - еще нельзя было по цензурным соображениям называть наш район впрямую, как место дислокации боевого соединения.

Авторы и рассказали мне, что погрузка в эшелоны шла в Новой Малыкле и Обамзе. А личный состав стрелков грузился в райцентре. Дивизия ушла на фронт, оставив в лесах и на местном кладбище холмики над могилами умерших от болезней, холода и голода солдат: казахов, узбеков, каракалпаков, туркмен, так и не успевших встать в боевой строй.

И хотя наш район считался глубоким тылом, нападения немцев ждали и здесь. Немецкие бомбардировщики совершили налеты и на наш областной центр - Куйбышев. Именно там, в 1941 году разместились центральные парторганы, наркоматы, многие организации, эвакуированные из Москвы. Куйбышев и область стали запасной столицей СССР. Немцы могли совершать налеты еще и потому (даже мелекесская райгазета с гордостью сообщала), что в Куйбышеве, «в связи с 25-и годовщиной Красной Армии заместитель наркома обороны маршал Советского Союза Б.М. Шапошников устроил прием для военных и военно-морских атташе при иностранных посольствах и миссиях в СССР».

А жители сел Мелекесского района внесли денежный вклад на переданную военным летчикам эскадрилью боевых самолетов «Валериан Куйбышев». О поездке делегатов от нашего района на фронт тоже рассказало «Сталинское знамя».

19 января 1943 года из состава Куйбышевской области была выделена новая Ульяновская область и в нее переданы города Ульяновск и Мелекесс и 24 района. Секретарем обкома ВКП (б) был назначен И. Терентьев.

О чём упоминали тогда наши газеты?

IV Мелекесская районная партконференция в феврале 1944 года отметила, что «своим самоотверженным трудом труждющиеся района стремились отдать все силы делу разгрома врага». А в «Сталинском знамени» появились информации о самых достойных: трактористах: Сидоркине, Кузьминой, Лизине, Паниной, Четкасовых; работниках рембригады МТС - Артемьеве, Шаталине, Комарове; доярке Павлушкиной, свинарке Паникеевой, телятнице Морозовой, ткачихах - Салтыковой, Космыниной. Наш район за IV квартал этого года получил в награду переходящее Красное знамя обкома партии и облисполкома.

Не забывали в газете о делах фронтовых, о подвигах воинов-земляков. В № 9 от 3 марта 1944 года, например, был опубликован обзор военных действий на начало 1944, где отмечено, что «за это время на всех фронтах подбито и уничтожено 305 немецких танков, сбит 281 самолёт...». Рассказывается и о боевом пути ордононосца Алексея Логинова, о котором «Сталинское знамя» писало еще в 1940-м году, как об участнике боев у озера Хасан на Дальнем Востоке.

Запомнился мне и снимок командира летной эскадрильи, старшего лейтенанта И. Рожкова, награжденного двумя орденами Красного Знамени, присланный с фронта родным и переданный ими в газету...

В своих воспоминаниях (газета «Димитровград-Диалог» от 29.12.93г.) бывший ответственный секретарь редакции газеты «Знамя труда», проработавшая там 20 лет, Елена Васильевна Дохтурова рассказывает о той нелегкой военной поре в жизни мелекесских журналистов и о друзьях-товарищах по «газетному цеху»:

«Редакционные работники с энтузиазмом (это тоже символ того времени) и не под чьим-то давлением участвовали в субботниках по тому или иному поводу. Перебирали картофель перед посадкой, осенью участвовали в уборке - это в Мулловке. Пололи лук, собирали овощи в Новой Майне. Отчет об этом в наших редакционных альбомах...»

Говоря о журналистах-фронтовиках, Елена Васильевна не забывает о своих коллегах Е. Ларине, А. Баширове, В. Медведеве (горевшем в танке, после чего его кисти рук с пальцами напоминали боксерские перчатки, мы диву давались, как это он ими умудрялся держать авторучку...), И. Осипове, Ф. Гофштетере. Там же она приводит строчки из пронзительно-реалистического стихотворного поздравления поэта Евгения Ларина:

«*Да, в вашей жизни*

Все бывало:

И неудача, и успех.

И только счастья

Было мало.

А, впрочем, это - как у всех».

Журналистам военной поры было где черпать вдохновение и творческой азарт. Вот текст из докладной записки директора Ленинградской государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Наркомпрос РСФСР о размещении груза:

«...я сопроводил груз, отправленный из Ленинграда 19 июля, до места назначения (Мелекесс, Куйбышевской области). Груз прибыл 21 июля, к разгрузке приступили 2 августа, перевозку и размещение закончили 15 августа.

Всего отправлено было и прибыло 2498 ящиков, нагруженных в 6 четырехосных и 6 двухосных вагонах.

Груз сопровождали 14 научных работников, специалистов соответствующих фондов с членами их семей, всего из Ленинграда выехало 28 человек.

Директор А.Х. Вольпер».

Датирована записка 22 августа 1941 года. Груз этот, естественно, книги, свитки, редкие рукописи. В нашем районном центре все это было размещено до самой Победы. Была гарантирована сохранность этой сокровищницы знаний. Работники «Салтыковки», конечно же, внесли свой вклад в провинциальную жизнь мелекесской интеллигенции, активно сотрудничали с редакциями местных газет.

Газета того времени сообщала о перевыполнении годовой военно-производственной программы хлебокомбината, (хотя цензура запрещала приводить качественные показатели хлебозаготовок), о первых гастролях мелекесского драмтеатра, выезде его труппы на концерты в села нашего района (артисты тоже были эвакуированы сюда из западных областей), о том, что по линии райкома РОКК подготовлено более сотни значистов ГТО, десятки школьниц окончили курсы медсестер. С гордостью писали, что мелекесские женщины, заменяя ушедших на фронт отцов, мужей и сыновей, освоили и профессию стрелков военизированной охраны. Только на железнодорожных путях от Бряндино через Мелекесс и до Новой Малыклы было более трех десятков женщин-обходчиц и мостовых сторожей.

Патриотический почин объявили стахановцы из Моисеевской МТС комбайнеры Смолин, Шайдуллов и Замальдинов. Их инициативу подхватили во всех колхозах и совхозах области. А фото засчителей занесли на областную Доску почета. И об этом пишут районные газетчики, ибо любой почин, способствующий увеличению выхода продукции, -есть еще один удар из тыла по врагу во фронтовых окопах, а может быть - чья-то одна, но спасенная жизнь нашего солдата...

Сухо и коротко гласят газетные строки о сборе средств на восстановление разрушенного хозяйства в освобожденных Советской армией областях. И только в своих черновых (архив запрятан - до лучшей поры...) блокнотах газетчики живописуют, как мальчишки и девочонки комсомольцы ходят по деревенским совершенно обнищальным домам и рассказывают, как в Сталинградской, Курской или Минской областях люди лишены всего - даже сожженного немцами жилья, и уверяют, что помочь им не умереть могут только они - мелекесцы! И вновь несут к сельсовету кто, что может отобрать от семьи, детей: ложку, кружку, глиняную тарелку, десяток куриных яиц, штанишки выросшего сына, гвозди, топоры...

Воина еще гремела, а правительство уже думало о восстановлении всего разрушенного. И главным было - на чем-то сэкономить. В 1951 году две мелекесские газеты были сведены в одну. Ликвидировали «Власть труда» в городе, и «Сталинское знамя», приняв в себя городских журналистов и городские заботы, стало органом городского и сельского парткомитетов и Советов депутатов трудящихся. Произошло это 1 июля 1951 года...

Чтобы понять, что происходило со средствами массовой информации в Мелекессе в 1951 году, (как бы - веховом), нужно еще раз «пробежать» по этапам их создания и становления:

1918 год - вышла в свет районная газета «Знамя коммунизма».

1919 год - районная газета переименована в «Рабоче-крестьянскую правду». В связи с упразднением губернии и созданием Средневолжской области (1928г.), в состав Ульяновского округа вошел Мелекесский район, но была ликвидирована райгазета. В 1930 году образован укрупненный район, в состав которого вошел и Новомалыклинский. Но вместо райгазеты стали выпускать «Власть труда» - орган мелекесского горкома ВКП (б) и горсовета депутатов.

С 1935 года в Средневолжском (позднее Куйбышевском) крае началось разукрупнение районов, но стали восстанавливаться районные газеты. С 1939 года вновь вышла в свет

Мелекесская районная газета «Сталинское знамя». Хотя нужно учитывать, что с 1932 по 1938 годы газета «Власть труда» была объединенной и выходила как в городе (орган горсовета), так и в районе (орган райкома ВКП (б), райсовета и райпрофсовета). Так что мелекесцы без своей местной прессы пережили только 1,5 года. Но вот с 1951 года в целях экономии средств Центральный комитет коммунистической партии вновь приступил к объединению газет. И в свет вновь вышла объединенная горрайгазета «Сталинское знамя». Была ликвидирована «Власть труда». Бывшего все послевоенные годы редактора Б.Багрянова сменил И.Кирюшкин. Тогда же из дальневосточного города Райчихинска приехал к нему заместителем опытный газетчик и литератор М.Оленин. А осенью того же года в Мелекессе появился переведенный из лагерей на поселение в ссылку, репрессированный известный советский писатель-ленинградец А.Лебеденко. Чуть позже в редакцию влились и молодые литераторы Я.Рогачев и Е.Ларин. Это благодаря их и преподавателя пединститута И.Хмарского заботам в газете стали появляться материалы «запрещенного» А.Лебеденко. Но продолжалось это недолго. Чекисты быстро пресекли творчество «врага народа». Александр Гервасьевич остался без средств к существованию. Пробовал работать истопником печей в школе - и отсюда «попросили». Тогда мелекесские литераторы придумали брать у него уроки английского языка и платить за это, публиковали его заметки под своими фамилиями и давали гонорары. Затем с помощью директора ремесленного училища П.Карпенко, хорошо понимавшего всю негативность ситуации, устроили Лебеденко в училищную библиотеку переплетчиком.

Но политический климат постепенно «тепел» и в 1952 году чекисты уже не так рьяно следили за ссылым писателем. Тогда и удалось создать в Мелекессе при райгазете литературное объединение «Черемшан», фактическим организатором и руководителем которого был А.Г.Лебеденко.

В 1953 году Лебеденко разрешили, наконец, выехать домой в Ленинград, а затем реабилитировали. Он до самой смерти в 1975 году поддерживал дружеские отношения с мелекесскими журналистами и писателями. Благодаря ему в нашем районе стало постоянно действовать при редакциях газет литературное объединение «Черемшан», из которого вышло немало талантливых и известных советских писателей, начинавших свое творчество с районеты: лауреат Госпремии России А.Жуков (из совхоза им. Н.К.Крупской), лауреат многих областных литпремий Е.Ларин (из села Красный Яр), лауреат премии им. Гончарова С.Матлина (из села Новая Малыкла), Г.Зимняков (из села Русский Мелекесс), А.Никонов (из Рязаново), мелекесцы Я.Рогачев, И.Хмарский, А.Гарипов, С.Кузьмин, И.Беликова (живущая в Кургане), Н.Шадрин (живущий в Курске), В.Кузнецова и О.Кузнецова (из Мулловки), В.Коробков (из Нижней Якушки).

«Оттепель» и послабления в творческой жизни длились недолго. В 1956 году опять состоялось размежевание в средствах массовой информации. 16 ноября прекратило свое существование «Сталинское знамя» (спустя три года после смерти И.Сталина), а с июня 1955 года в свет вышел первый номер, восстановленной в названии первой официальной районной газеты «Знамя коммунизма» - органа Мелекесского райкома КПСС и райсовета депутатов трудящихся, которую возглавил М.Оленин.

А 2 декабря 1956 года был выпущен первый номер уже новой газеты «Ленинское знамя» - органа райкома и райсовета, редактором которой был назначен переведенный с «Волгостроя» Н.Сусин. А «Знамя коммунизма» стала городской газетой, куда был переведен М.Оленин, а затем ее возглавил редактор М.Клиников (впоследствии ставший редактором областной газеты в Пржевальске, в Киргизии).

Но районная газета опять же просуществовала очень недолго, в апреле 1962 года, в связи с разделением партийно-хозяйственной власти на промышленные и сельские областные комитеты, «Ленинское знамя» было упразднено. В Мелекессе стала издаваться межрайонная (сюда свели редакции газет из Н.Малыклы, Чердаклов и Ст. Майны) газета

Ульяновского обкома КПСС и областного Совета депутатов. Она предназначалась для районов Мелекесского территориально-производственного, КОЛХОЗНО-СОВХОЗНОГО управления и называлась «Приволжская правда». Редактировал ее Берестнев (№1 от 29 апреля, 1962г.) В ноябре 1963 года была «прикрыта» и городская газета «Знамя коммунизма».

Но уже с января 1963 года власти нашего района все-таки создают свою «хитрую» газету для сельчан «За изобилие!» Она выходит под эгидой парткома Мелекесского производственного колхозно-совхозного управления и районного Совета депутатов трудящихся. Хотя по тогдашнему статусу газетка эта мало отличалась от многотиражек, но в ней были свои, мелекесские новости, свой родной дух, чего, конечно же, так недоставало межрайонке...

Все нововведения, как обычно, длились недолго. Как только был снят со своего высшего поста в партии и правительстве инициатор укрупнений Н.С.Хрущев - все вернулось на круги своя: в апреле 1965 года упразднили «Приволжскую правду» и в районах Левобережья Волги вновь были образованы свои газеты.

В Мелекессе был возобновлен выпуск городской газеты «Знамя коммунизма», где вскоре вместо Берестнева редактором стала его заместитель М.Казанцева. А в районе вышел в свет первый номер нынешней «Знамя труда», где редактором был утвержден на долгое время талантливый организатор печати и порядочный, душевный человек Александр Петрович Баширов. Удивительно, но факт: Баширова не только уважали, но и искренне любили всегда и все, кто работал в его редакции, что в журналистских коллективах - почти исключение из обратных правил...

Его заместителем, а затем, после безвременной кончины Баширова, - редактором стал известный уже писатель Евгений Степанович Ларин. И этот необычный для партийной прессы тех лет сплав строгой сдержанности, чрезмерной ответственности, сухого партийного стиля в руководстве и творчестве Баширова с импульсивностью, эмоциональным восприятием действительности, ярким, самобытным, иногда едким до озабочения словотворчеством поэта Ларина, - стал на многие годы образцом в областной журналистике.

Особенное значение в советской истории имели XX, а главное, XXII (1962) съезды Коммунистической партии Советского Союза. На них был разоблачен культ личности И.Сталина, дана оценка деятельности его соратников, не желавших признать свою вину, выработан курс на «оттепель» политической жизни в стране, ее экономическое преобразование. Во главе этой авантюры стоял Н.Хрущев, наш земляк М.Суслов, будущий генсек КПСС Л.Брежnev.

Эти преобразования имели глубинный смысл: тогда зародилось диссидентство, волюнтаризм, экономический хаос, либерализация. Через 18 лет все это в конечном итоге привело к плачевному результату - развалу мощного союза государств.

Но это всего лирика. Факты говорят об интересной исторической ситуации. Газеты и их работники, получив, пусть и ограниченную, свободу действий, раскрепощенность мысли и словоизвержения, были застигнуты врасплох (еще свежи в памяти жестокие репрессии за неосторожное слово), растеряны, не готовы к перестройке.

Факты свидетельствуют, что со 2 декабря 1956 года в Мелекессе выходит в свет (с небольшим перерывом) газета «Знамя коммунизма» орган РК КПСС, С 1 АПРЕЛЯ 1965 ГОДА СТАВШАЯ ОРГАНОМ ГОРОДСКОГО ПАРТКОМА.

Одновременно с этим, из многотиражки «За изобилие!» организуется новая районная газета «Знамя труда».

В этот период сложно разделить журналистские коллективы по принадлежности партийно-советской территориальной системе. Идет «перекупка» кадров, «сшивка» новых коллективов, установление новых связей, ориентиров, приход в журналистику Мелекесса

и района новых людей. Редактором городской газеты назначается (впервые!) женщина - М.Казанцева. Районной - фронтовик и политический работник - А.Баширов.

К счастью, они не только возглавили журналистское сообщество в нашем районе, но и на долгие два с лишним десятилетия (опять впервые!) отработали методику и практику функционирования средств массовой информации в провинции. Стали «законодателями» мод в областном сообществе творческих работников, партийной публицистике, полиграфическом исполнении. И, славу Богу, оба редактора либерально и тактично (в лучших традициях 60-х годов) выправили и оживили литературную работу среди пышущей братии города и района.

Конечно, всякая либерализация имеет свои положительные и отрицательные стороны в практическом применении. Местные, провинциальные газетчики и литераторы в период «отпущеных вожжей» впервые ощутили себя личностями местного масштаба, а не «винтиками» в партийной машине насилия. Это все вылилось в совершенно юмористические ситуации.

Если в период свирепой реакции партаппарата творческие работники и думать не смели о кулаарных сборищах (больше трех - уже контрреволюционная организация!), гулянках, тем более - выпивке на рабочем месте (до 10 лет каторги!), то теперь все повернулось вспять. Ветераны литобъединения «Черемшан» помнят не только отлучение советского писателя-классика А.Лебеденко от публичных выступлений в местной прессе, но и строгий выговор газетчикам от заведующей отделом пропаганды и агитации райкома партии В.Соловьевой за «несанкционированные парткомом сборища литераторов в помещении редакции, вольные разговоры на запрещенные темы и приманивание к парторгану всяких посторонних типов, вроде ссыльных и отлученных от творчества лишицев с антисоветским душком».

Так что это было. А стало совсем иначе. Проще, интереснее, но безответственнее за свое поведение. В тот период и в городе, и в селах на каждом перекрестке стояли соблазнительные чайные, столовые, пивные заведения и забегаловки. Государство - монополист в новых экономических условиях училось вытряхивать деньги из переполненного кармана своего гражданина. И кто же первым попадал в эту ловкую состроенную ловушку? Ну не токарь же или комбайнер, для которых установлен режим: страда и пропускная система! Конечно, люди свободной профессии: литераторы, журналисты.

В Мелекессе, например, их рабочий день начинался с посещения самой ранней опохмелочной точки - пивной у автовокзала: «Оленевки», носившей это имя от завсегдатая - ветерана М.Оленина, бывшего редактора райгазеты. Пивная, примыкающая к центральному парку культуры и отдыха, рядом со зданием типографии, носила имя «Рогачевка» - в честь заместителя редактора Я.Рогачева, регулярно в течение дня навещавшего ее.

А вот в том месте улицы имени III Интернационала, где ныне установлен памятник самому титулованному в Мелекессе посадскому голове К.Г.Маркову, располагалась пивная «Осиповка» - по имени редактора районного радиовещания И.Осипова (ему было удобнее и ближе бегать туда из здания радиокомитета).

Пивная стояла на месте нынешнего памятника М.Мусоровой, в столовой (ныне магазин «Центральный») были занавесками отделены кабинеты, но для «журналиг» - отдельно (направо), для совпартруководства - налево. Далее, по улице Гагарина: пивная на углу улицы Аблова (у бывшего обувного магазина), пивная за зданием школы №17 (ныне МУПК), от артели «Красный пищевик» на углу улицы имени Тухачевского и, почти напротив, - на втором этаже кассы взаимопомощи пенсионеров (сегодня «Автозапчасти» - напротив «Европы»), две столовые и пивнушки на рынке, у детского парка, отдельно стоящая пивная и забегаловка в складах горторгра, в бывшей сторожке Красной церкви

(ныне – мебельный центр), пивной бар на углу Самарской и Аблова, за детским парком. Здесь литераторы собирались после работы, «ставили» пиво детскому писателю, врачу Илье Никитину (осужденному за контрреволюционную деятельность), и он взахлеб, часами читал им наизусть стихи Сергея Есенина, книги которого еще не издавались.

В этих культурно-питейных литературных встречах в райцентре с большим удовольствием принимали участие и гости Мелекесса, уже известные писатели А.Рутько, Е.Мальцев, В.Дедюхин, Н.Благов, В.Пырков, С.Романовский, Ф.Панферов, А.Сагтаров. Как факт отметим, что первое прочтение перевода на русский язык «Маленького принца» Антуана Де Сент-Экзюпери состоялось именно в мелекесской «Рогачевке», в исполнении ульяновского писателя-переводчика, француза русского происхождения Г.Велле.

Но нас также интересует, как же протекала жизнь в мелекесских деревнях, как описывали ее в райгазете? Легче со вторым, достаточно охватить взглядом заголовки тех лет, чтобы понять, что оттепель 60-х - это внешнее проявление. В заметках же цензура парткомов не допускала на своей территории вольнодумства. Традиционные и привычные закабаленному государством крестьянину: «битвы, бои, атаки за урожай», надои, корма и курино-утиная яйценоскость. Почины, движения, соревнования, «партийная» агротехника сбережение навоза. Призызы и заголовки, заголовки...

Всё эта трескотня, включая сводки и графики, собиралась в редакциях по телефону. А вот за живым словом, очерком о судьбе человека, разумном, добром, вечном - нужно было ехать в глубинку. Дело это непростое по тем временам. Весь попутный транспорт - телега или трактор, на которых приезжали по делам сельчане в райцентр и ночевали в Доме колхозника (располагался на месте нынешнего цветочного ряда по ул. Куйбышева в районе площади Советов). К пяти утра здесь уже сновали журналисты, разыскивая транспорт до нужного села, просясь в попутчики. Уезжали дни на два-три. Ночевали в колхозных «заезжих избах» или, как метко их окестили, «домах терпимости», где водились мыши, клопы, тараканы, можно было подхватить и вонек. Но именно здесь собирались и создавались лучшие газетные публикации.

Правда, в типографии и в редакции были свои конные выезды, которыми чаще пользовались сами редакторы. С этим связан один анекдотический случай.

На телефонный звонок из райкома и требование назвать клички лошадей, которые будут участвовать в праздничных бегах на ипподроме, балагур Михаил Оленин тут же среагировал:

- От типографии - жеребец по кличке «Камертон», а от райредакции - мерин по кличке «Роледер»!

Так и записали в программу забега.

На ипподроме редакционных коллег из обеих газет и типографии Оленин собрал вокруг корреспондента Александра Алексеевича Роледера. И вот из громкоговорителя на всю округу загромыхало:

- На старт вызывается следующая пара: от типографии жеребец «Камертон» с наездником... От райредакции жеребец «Роледер»!

Месяцами после этого, завидев «жеребца» в коридоре редакции, умирали от хохота газетчики. Так и переживали «оттепель»...

Среди тех, кто писал летопись Мелекесского района в 50-70-е годы, нужно помянуть только добрым словом «золотые перья» редакции: Н.Головко (сельхозотдел), А.Роледер (отдел культуры), Б.Баженов (репрессированный зам. редактора), И.Осипов (радиоредактор), В.Медведев, А.Будылев, А.Захаров, Я.Рогачев, В.Костин, А.Кириллов (директор типографии). Очень многое сделали в райгазете лауреат Госпремии РСФСР, именитый писатель, а тогда бухгалтер совхоза им. Н. К. Крупской А.Жуков, поэт Г.Зимняков, ученый, художник и прозаик И..Хмарский, писатели А.Никонов (из с.Рязаново), А.Кирюхин, В.Куликова, Г.Шевченко, Л.Розин (из райцентра).

Я пришел в редакцию в самом начале 70-х годов. Почти сразу после армейской службы. Начинал с создания на ДДАЗе типографии и многотиражки «Автостроитель», затем - заведовал отделом в новомальклинской «Звезде», откуда был затребован А.Башировым «домой»: сначала врио радиоорганизатора, потом корреспондентом, заведующим отделом в «Знамени труда». Потому многое, о чем говорилось в предыдущей главе, - это уже и моя биография.

И хотя к тому времени в редакции появились автомобили «газики», даже мотоциклы, этот транспорт по-прежнему (и, наверное, правильно) был более редакторским, чем разъездным. В журналистском жаргоне есть словечко «оказия». Это как раз то, на чем мы добирались в любое глухое mestечко в районе.

О ситуациях с загульной «оттепелью» в райцентре - уже писал. А вот в деревнях все было несколько иначе: ночевали в «заезжем доме». Питались в столовых, которые были почти в каждой бригаде. Там же бывало пиво в буфете. А все остальное - в сельмаге или «сельпо», которое работало световой день в казенной избе, а всю ночь - в доме продавца, где хранились самые «ходовые» товары, в т.ч. «горячительные».

К 70-м годам в райредакции уже была своя «специфика». Если, например, Е.Ларин тяготел к южным территориям района, то А.Кирюхин - наоборот - к северным. М.Оленин и И.Осипов были «всеядными» - они отвечали за всю информацию по всему району, за все экономические показатели. Мне было поручено освещать промышленность района, а это - Новая Майна, Мулловка. Старая Сахча, немного в совхозе им. Крупской.

В сельпо было все: от кнута и хомута - до пряников. Вино и водка - разумно (учитывая госмонополию) дешевые. Можно было брать и «под запись» в тайной тетрадке продавца в долг, даже на месяц. Фотокорреспонденты (в основном, самые - «саростажные» - В.Муравьев и В.Волчков) пользовались своим преимуществом. «Настреляют» кадров, отпечатают фотки и везут их в подарок героям снимков...

Хорошая, по-деревенски «наваристая» столовая с буфетом была в бывших райцентрах Тинске и Никольском. В Старой Сахче, где работал уникальный в условиях прогресса, автоматизации и модернизации промышленных предприятий, комбинат, выпускавший крестьянские сани, деревянные ложки, упряжь, скалки, кубышки, кули и мочало - был общепит не хуже тиннского. Но самыми, как говорили рабочие, «запитками» были Хмелевка и Мулловка. Здесь работали не только столовые, но были «чайные», «чапки», забегаловки.

Это все из редакционного фольклора. А на самом деле, выезжая в село, готовились основательно. Получали командировочные, задания по плану редакции, создавались «кустовые» бригады, собирались «подорожники». Зимой бросали жребий - кому достанется редакционный теплый туалуп и валенки.

Сама специфика (или - технология) редакционного потока сбора, обработки и подачи информации была «отрепетирована» на высшем уровне. Ценились уже не только снимки «передовиков», не только сводки и заметки, но особо и морально и материально поощряли за очерки о людях, проблемные статьи, фельетоны, проведение пропагандистских акций. Недаром коллективы стабилизировались настолько, что на работу в редакцию можно было попасть только после одобрения кандидата на редколлегии, многолетнего состояния в очереди на вакансию, а главное, только при наличии несомненных способностей и ежемесячных публикаций по заданию редактора.

Текучесть кадров была минимальная. За нравственным обликом партийного «помощника» и пропагандиста зорко следил райком (или горком) партии. Но, интересно, раз попав в «обойму» парторганов, нужно было буквально совершить преступление уголовного характера, чтобы тебя выперли из редакции. Как примеры такой «воспитательной» работы по «блюдению» приличий на должностных постах можно привести факты перестановки (в зависимости от того, насколько «тяжел» проступок

«запитка» или совершен акт верноподданнического подлизывания) журналистов по должности: от редактора-заместителя его - зав. отделом - до корреспондента и обратно. Это коснулось: Я.Рогачева, М.Оленина, А.Будылева, И. Слюняева, Ф.Лопаткина, Е.Рябова, В.Гужвы, Б.Щипицына, А.Мелешко и других. В городе и районе создалось как бы единое сообщество пишущей братии, своеобразная «цеховая каста» - так было легче противостоять тоталитарному коммунистическому переюспитанию нас. Но, что касалось чисто творческих дел, конкурсов и соревнований, лидерства - здесь шло азартное соперничество. И это все во многом определяло прогресс в мелекесской журналистике. Всегда среди лидеров областного соревнования, литконкурсов, смотров по архитектонике газет и полиграфисполнению, во всех сборниках очерков об ульяновцах (выходивших по 2-3 в год!) - мелекесцы были на первом плане, могли на равных посоревноваться с коллегами из областного центра. Были у нас и всесоюзные и всероссийские награды и признания, отметины. К сожалению, все эти гранты, дипломы, вымпелы, памятные знаки, сувениры, именные награды - потихоньку исчезали с редакционных музейных витрин.

Особое соперничество было за... литературу. Городские «интеллектуалы» всегда презирали «деревенщиков», у которых было меньше возможностей проявиться. Со временем и библиография, и дела влитобъединении «Черемшан» были прочно прихвачены городской редакцией. А на деле литературных публикаций, открытый новых имен, настоящей творческой учебы было всегда больше в «Знамени труда». Именно здесь неприметно, но, совершенно полезно, и истово работал главный наставник и популяризатор всех имен в мелекесской литературе Е.С.Ларин, писатель, друг, учитель, признанный в нашем районе. Возможно, все это делал он даже в ущерб собственным творческим интересам. Но совершенно искренне, простодушно, осознавая будущность. Факт неоспоримый - именно в «Знамени труда» работали, воспитывались, творили восемь членов Союза писателей России!

Период перестройки изменил социальный облик города, творческую ауру СМИ. Сначала ушел из жизни А.Баширов. Правда, районная редакция осталась в надежных руках его соратника Е.Ларина. А вот в горгазете, после ухода М.Казанцевой, начались необратимые процессы. Я бы назвал этот период вспышкой разоблачений и низверганий.

Правда, длился он недолго. После смерти редактора М.Красовицкого (когда «сорвали» «Знамя коммунизма» окончательно и взошла - «Димитровград-панорама») горгазета стала медленно, но верно выходить на более конструктивный творческий курс, под руководством В.Дюжего вновь завоевывать оставленные позиции, лидерство.

А вот в «Знамени труда», к счастью, эта преемственность происходила много мягче (после избрания редактором В.Синяева был вынужден перейти на руководящую должность в областной телерадиокомитет А.Кирюхин). Пошел как бы обратный процесс: из города в райгазету перешли И.Макарова, Л.Ибрагимова, В.Зиновьев, О.Богатов, Н.Семин, А.Сафонова, А.Иванюк. Покинули горгазету и Б. Корженевский, Л.Якушин, С.Слюняев, М.Мясников, В.Болотова...

Все больше молодых творческих кадров стала выпускать в свободное творческое плавание «Знамя труда» - первая и старейшая официальная газета Причеремшанья. В иных СМИ, на новом поприще расцвел талант В.Синяева, Н.Мигиськиной, Т.Кудряшовой (радиоорганизатор), С.Гололова, Т.Коломейцевой, А.Федотова, А.Кирюхина, Р.Василенко, Л.Марковой, Г.Байдаровой, Л.Якушина, Л.Алешечкина.

Творческий потенциал «Знамени труда» не только не пострадал от этого, но и укрепился. Следует сказать, что именно с районной газетой сотрудничали долгое время ставшие сегодня известными писателями С.Рыбак, А.Саттаров, С.Лимонов, З.Веселая,

В.Виноградский, А.Жуков - (г.Москва), А.Дарьялов - (г.Калининград), Н.Шадрин - (г.Курск), М.Хусайн - (г.Казань), Н.Бондаренко - (г.Санкт-Петербург).

Умышленно не стыкую нашу журналистскую деятельность с заданностью темы. Конечно, журналисты в первую очередь, выполняя задания партаппарата, пытались воссоздать в иллюзорной жизни на газетных полосах срастание практики и научного обоснования т.н. коммунизма, что из этого получилось - видно за окном историй. И спорить о том, что «доделать великое ленинское начинание до рая всечеловеческого что-то помешало», сегодня могут только остервенелые. Отлученные от «кормушек».

А мы, лавируя среди «минных полей», организованных райкомами, все же честно писали о том, что народ реально делал сам - о стройках «коммунизма»: ДААЗе, который оббрал людской ресурс деревни, о строительстве НИИАРа и его «спутников», поглотивших финансовые и строительные фонды села, оставшегося под соломенными крышами, о нынешних бетонных «небоскребах» свинокомплексов, стоящих мрачными и голыми памятниками на фермерских полях. О многом другом.

29 декабря 1918 года вышел в свет первый номер регулярной официальной уездной (районной) газеты в Мелекессе.

Судьба ее ломалась по-всякому, но без своей газеты район не оставался никогда. С 1965 года газете нашей определили название «Знамя труда» (кто-то из «бывших» в парторганах КПСС подшутит над ленинцами, определив нам в заголовок название центрального органа партии эсеров) и она не изменяла своим читателям, не «сбрасывала, как змея», свою газетную шкурку, была верна интересам людей крестьянского труда.

А время и эпохи отмывают кадры новой исторической летописи в истории России... За последние 20 лет - чего только не изменилось! Меняла названия, редакторов, хозяев и весь курс городская газета. В городе функционируют три радиовещательных центра, два эфирных телеканала. Только в нашем райцентре за это время выходили и выходят в свет 38 газет и три журнала! Так что, несмотря ни на что, и здесь районная пресса опять держит первенство. Меняются времена. Меняется облик окружающего нас мира. Меняются люди. Но по-прежнему, по-доброму, с ностальгией во всех редакциях вспоминают прошлые поколения журналистов. Вроде бы и условия были не в пример жесткие, и работы неблагодарной больше, и полиграфия древнее, а вот, поди ж ты, жилось интереснее, веселее, дружнее, мастерства было больше, лучшего качества.

Редакторами последовательно после В.Синяева в «Знамени труда» были Л.Якушин (опытный журналист, приехавший с Чукотки, живущий теперь в Санкт-Петербурге), О.Богатов (спортивный репортер из Уральска, работающий в Москве), А.Сафонова (бывший редактор «Автостроителя», нынешний известный в регионе издатель газеты «Большой Черемшан» и владелец еще нескольких региональных газет и книжного издательства «ЮНИ-пресс» Л.Алешечкин... При всех них заместителем работал и работает дипломированный журналист Е.Еликов. А вот с подготовкой профессионального образования остальной молодежи, пришедшей на смену нам в городские и районные СМИ, дело обстоит неважно. Хорошо, если по всем 15 редакциям наберется десяток дипломированных журналистов. Но и те, из категории «ветеранской». Один-два всего сегодня получают образование на профильном факультете. Остальные же самоучки разного уровня и профподготовки. Ну не могло это не сказаться на характере прессы, на грамотности и тональности публикуемого здесь.

Это они первыми забили тревогу на страницах районной «Рабоче-крестьянской правды» о засухе в регионе, о бескормице, голоде и болезнях. Они буквально подтолкнули власти к организации помощи селу. Публиковали списки осиротевших детей, чем спасали их от голодной смерти, организовав выезд в благополучные районы

Сибири, Северного Кавказа, Белоруссии, заставив организовать в тех местах детские дома. Это они заставили специалистов разработать и опубликовать методику сохранения урожая в засуху, новой технологии заготовок, борьбы с голодом. Это в нашей газете соратники Ф.Нансена публиковали адреса питательных пунктов и график работы международной организации «АРА», помогавшей выжить русской деревне...

Именно «Власть труда» инициировала строительство крупных и мощных машинно-тракторных станций, где не только базировались отряды современной техники, используемой колхозами, но и производился ее ремонт, заправка, обучение эксплуатации, оперативная переброска на поля.

Приходится с горечью констатировать, что параллели с сегодняшними СМИ - худые. Только опять районная газета бьет тревогу о вымирании деревень, о голодном детстве призывников в армию из российской глубинки, об угрозе новых эпидемий, катастрофах в окружающей села среде, словом и делом помогая крестьянам в трудную годину.

И только опять же главная районная газета ругает о положении «умирающего» машинно-тракторного парка в деревнях, о разрушении системы «Сельхозтехника», о пагубной перспективе такого управления сельским хозяйством.

Бьет и бьет тревогу газета, как вопиющая в пустыне. Единственная, оставшаяся изо всех серьезно работающих во имя людей, газета. Верю, что и этот призыв будет услышан. И мы опять двинем дела с точки замерзания. И, наверное, теперь не важно, кто первым из мелекесских журналистов и насколько эффективно начал поход за интересы своих земляков. Ведь все мы живем и творим ради них.

БЫТЬ

Что такое - «мелекешки»?

Сказки - это всем всегда понятно. Побасенки, бухтины (по В. Белову) - тоже. Сказы, рассказы, байки, приговоры и т.д. - известные литературные жанры.

Я «изобрел» мелекешки. Это - своеобразный жанровый симбиоз. В свое время писатель Владимир Солоухин «изобрел» свои камешки, - короткие документальные новеллы из жизни, с четкой моралью и комментариями. Мелекешки - в моем исполнении - это документальные камешки в «огород» властей, основанные на думысле и правде, понятные и расшифровываемые только в одном месте - нашем Мелекессе-Димитровграде. О житии в нем одном. Потому - это и есть мелекешки или - мелекесско-димитровградские бухтины. Они - вне времени и, конкретно, никого не обличают. Скорее это реквием по

исковерканным писательским судьбам. Они современны и - в то же время – «под старину», они злободневны, и - традиционны. Их поймут и дети, и даже взрослые дяди и тети...

Надеюсь, что они станут поучением, нравоучением, затеей.

Первая. Как посад Мелекесс начал превращаться в городок мертвых писателей

*«На Руси мятеж не большие лета,
Он к зиме кончается тоской.*

*На Руси благодарят поэта
Гробовою черною доской...».*

Татьяна Глушкова.

В одни и те же годы в Симбирской и Самарской губерниях сошлось творчество двух поэтов-сатириков. Нам более известен Дмитрий Минаев, 175-летие, со дня рождения которого мы будем отмечать в 2010 году. Нищий, пообстрепанный в столицах, гонимый и больной поэт прибыл в родной ему Симбирск на покой. Но нравы местного общества, самодурство властей настолько поразили Дмитрия Дмитриевича, что он разразился грозной, безжалостной сатирической поэмой «Губернская фотография», где совершенно узнаваемая предстал перед публикой, вслед за губернатором, вся его невежественная команда взяточников, дураков, лизоблюдов, казнокрадов и палачей. Причем, в образах негодяев себя тут же узнали и все уездные чиновники, головы городков по всей округе...

Поэтическое “зnamя” именитого земляка подхватил в нашем посаде поэт Спиридон Денисов. Он, как главный библиотекарь Мелекесса, не только всецело способствовал распространению «Губернской фотографии» Минаева, но и ее изучению, живому обсуждению, сравнению с местными порядками и произволом чиновников. Сам Денисов «числился» в крестьянских поэтах, редко ему, выходцу из Кондауковки Рязановской волости, удавалось попасть на страницы периодических изданий. Да и Минаеву удалось опубликовать поэму только в столице, спустя два года после ее написания, а в родном Симбирске это было совершенно немыслимо! Здесь его травили, про него злословили, делали гадости, выставляли вором и придурком, - лишь бы только нивелировать его злую публичную сатиру, отбелиться от правдивых фактов. Минаеву не простили и - до сих пор не прощают - его обличительных строк не только “вредной” для властей губернской поэмы, но и эпиграмм, пародий, фельетонов. Умирал он в своем домишке на улице Большой Саратовской в нищете, больным, во враждебном к нему отношении со стороны чиновничества и обывателей. Хоронили его почти тайно, за гробом шло всего несколько человек. Учащихся и студентов симбирских учебных заведений на похороны не отпустили педагоги...

В коммунистические времена в доме Минаева располагался скуденький, но музей поэта, размещалась областная писательская организация. Но власти не могли терпеть почти в центре города подобного «гнезда вольнодумства и презрения к руководству», потому домишко сначала задвинули на задворки за многоэтажки по улице имени самого Минаева, поближе к тюрьме. Потом поставили прямо на коллектор теплоцентрали у мусорных контейнеров. Дом начал «пухнуть» от влаги и сырости, гнить. В связи с этим упразднили музей, изгнали из стен его писателей. И вот - в преддверии 175-летия Минаева и 145-летия выхода в свет его «Губернской фотографии», - нет уже в домике ни одной из бывших контор, прячется здесь синекурное спортобщество «Урожай»...

Так был первым умерщвлен большой российский талант.

Подобная метаморфоза произошла и с мелекесским поэтом Спиридоном Денисовым. Родился он в Кондаковке. Трудное детство, сиротство, ранний труд не озлобили его. Почти самоучка, он постоянно совершенствовался в литературе, филологии библиографии. Писал доступным простому народу языком понятные вещи, обличал местное чиновничество. Таких поэтов-борцов, как Спиридон Денисов, называли «народниками». Именно народ, крестьяне - распевали его песню «Поповская камарилья» даже в святой праздник - Пасху...

Из села Старая Бесовка, где он работал, Денисову пришлось почти бежать, ибо там его поставил под надзор полицейского унтер-офицера Владимира. А его образованную дочь-красавицу Машу, неизменно отказывавшую женихам из местных «крутых», но разнуданных парней, издевательства и злословие довели до болезни.

С 1902 года Денисовы живут в Мелекессе. В посаде литературная работа у поэта пошла плодотворнее. Но печататься все равно было негде. Можно отметить только одну его публикацию в столичном журнале «Чтение для народа», выпускавшем генералом А. Гейротом. Хорошая рецензия на денисовскую оду «Волга», опубликованную в журнале «Русское богатство», А. Некрасовой, стало причиной тому, что на творчество крестьянского поэта обратил внимание книгоиздатель С. Балашов, он же и выпустил позднее оду в сборнике начинающих поэтов...

Такая «приворотность» посадского «писаки» и его отвращение к чинопочитанию, стали новой причиной для преследования Денисова мелекесскими властями. Поэт окончательно слег, когда его дочь, неудачно выйдя замуж за местного обывателя и жесточайшего деспота, устроившего Маше домострой с оскорблением и побоями, - умерла от подобной жизни. Сам певец народной героики и горя, - стал неприкаянным в родном посаде. Власти его третировали, соседи издевались над просвещенным крестьянином, средств жить и творить - не было. Спиридон надолго ушел «в народ», ходил по селам, жил в подворьях добрых людей, проматывал горе... Заболел, слег, окончательно был оторван от местного обывательского мирка.

Посадское руководство делало все - или, наоборот - не делало ничего, чтобы помочь поэту.

Одним словом, - 10 января 1910 года его не стало. Спиридон Денисов – как бы открыл счет гонимым в Мелекессе литераторам. Черный счет! Этот крестьянский поэт очень помог в становлении литературно одаренного юноши - Саши Скobelева, замордованного работой мальчика на побегушках в магазине купца Березина. Именно Спиридон настоял, чтобы его воспитанник бежал из Мелекесса, что и спасло в дальнейшем талантливого человека - будущего большого советского писателя Александра Неверова...

Вторая. Времена меняются?

Все рассказанное в первой мелекешке относится ко временам, когда в Симбирске, например, правил дела просвещенный губернатор Загряжский. А нашем посаде Головой был рачительный хозяин и добрый человек Константин Марков. Если даже и в их времена и епархиях могло твориться вопиющее неуважение к лучшим умам того общества, к настоящим пассионариям, пытавшимся пробудить совесть, честь и справедливость в мире гнилого чиновничества, - то, что и говорить о временах и нравах, когда ступила в наши владения проклятая потом народом власть советская...

Именно неуживчивость среди местных, уже советских негодяев, прорвавшихся

к власти в Мелекессе, их отмщение другому, советскому же писателю - Артему Веселому - привели последнего в 1938 году в застенки НКВД, где он и был замучен.

В Мелекессе же бедствовал, болел и отбывал ссылку крупный ленинградский прозаик Александр Лебеденко. Вместо того, чтобы в полной мере использовать на благо мелекесского мало просвещенного общества его таланты, местные власти превратили просветителя в бездомного и безработного изгоя. Он работал истопником, его подкармливали городские газетчики... Дело в том, что старого коммуниста, участника гражданской войны и бойца Красной гвардии в революцию, впоследствии писателя, чьи романы издавались миллионными тиражами, лауреата Сталинской премии, одного из создателей Союза писателей и одного из его руководителей - Лебеденко в Мелекессе власти напрочь отлучили от публичных выступлений в местной печати. Хотя до своего ареста писатель был и делегатом второго конгресса III Интернационала, встречался с самим Лениным, имел с ним продолжительные беседы. А бывшая завотделом пропаганды и агитации райкома партии В.Соловьева получила выговор от руководства за "...несанкционированные партийным комитетом сборища литераторов в помещении редакции, вольные разговоры на запрещенные темы и, - приманивание к парторгану всяких посторонних типов, вроде ссылочных и отлученных от творчества лишенцев с антисоветским душком".

Но даже в этой изуверской обстановке Александр Гервасьевич Лебеденко сумел организовать городскую интеллигенцию, создать первое в Мелекессе литературное объединение "Черемшан", основу которого составили такие же как и он ссыльнопоселенные из разных концов страны литераторы. Иных уж нет...

Мелекесс был окружен лагерями с заключенными в них по политическим статьям. Для многих из них город был местом вынужденного поселения, ссылкой. Под надзором органов МГБ, без права выезда из Мелекесса, иногда и без права переписки с родней, жили здесь неординарные и отверженные люди. Свои сроки "мотали" у нас будущие писатели: И.Хмарский,- бывший работник НКИДа и Госкомиссии по reparations из фашистской Германии; бывший врач скорой помощи и детский писатель И.Никитин, осужденный за контрреволюционную деятельность; осужденный, как польский шовинист - литератор Марк Раковский, только в 60-х годах попавший на родину и, написавший о Мелекессе в польском журнале "Звено"; педагог и литератор В.Шульц; литераторы И.Горюнов, Хузангай, С.Казанкова, московский поэт, научный сотрудник Пушкинского дома Б.Коплан. Последний написал, вернувшись из ссылки, цикл "Мелекесские ноктюрны", в котором есть и пророческие строки, обращенные к нам - сегодняшним писателям, когда, говоря о развитии литературы в нашем крае, Коплан сказал, что он чует здесь: "...творчества сказочный рост".

Время течет. Все должно бы изменяться к лучшему. Но история мелекесской литературы гласит совсем об ином.

Неприкаянными и забытыми, в нищете и злословии умерли уже в послевоенные годы поэты Яков Мулярчик и, сидевший в послевоенных лагерях, Геннадий Зимняков (Потемкин). От непризнания властями, безысходности и безденежья ушли в леса на подсочку сосен, подшабашить на издание своих книг молодые и очень талантливые Дмитрий Лескин и Александр Никонов. На "очень умных интеллигентиков" и порядочных работников в глухомани напали бандиты-рецидивисты. В поножовщине Никонов был ранен, а один из самых талантливых мелекесских поэтов прошлого века Дима Лескин - был убит... И его книга стихов вышла уже много позже этой трагедии.

Третья. Дальше - больше!

Один из лучших журналистов советской городской газеты "Знамя коммунизма", и руководитель литературного объединения "Черемшан", курировавший промпредприятия в Димитровграде - Альберт Мелешко, вышел на след преступной группы, орудовавшей на ДАЗе и связанной с местными властями. Ни посулы, ни уговоры, ни угрозы не могли остановить литератора, и власти это поняли. Тогда по "наводке" бандиты, жестоко надругавшись над ребенком писателя, убили и повесили на берегу пригородного озера сына Мелешко... Обезумевший от горя отец дошел до республиканской прокуратуры, - но "взаимовыручка" властителей тогдашней жизни была крепка и официальная версия - "самоубийства" паренька показала, насколько беспомощны и беззащитны литераторы перед коррупционерами. Альберту Александровичу пришлось покинуть наши края...

Очередной жертвой произвела властей стал следующий, после Мелешко, руководитель литературного объединения "Черемшан" - прозаик Абдулла Гарипов. Фронтовик, чекист с огромным опытом работы против американской и английской разведок, он долгое время возглавлял горотдел КГБ, курировал безопасность работы НИИАРа. Лично выявил и взял с поличным в Димитровграде двух английских разведчиков, был удостоен благодарности и памятного подарка от председателя КГБ СССР и будущего генсека КПСС Юрия Андропова...

Но даже огромный боевой опыт фронтового контрразведчика, его умение и профессионализм, принадлежность к всемогущей организации не смогли помочь писателю в его дальнейшей судьбе. Выйдя на пенсию, Абдулла Касимович с такой же страстью и умением отдался новой, писательской профессии и творчеству. Его повести и рассказы печатались не только в Поволжье, но и в Москве, Киргизии, получили одобрение критиков, известных писателей страны, прекрасные отзывы бывшего советского классика - Чингиза Айтматова, с которым Гарипов был знаком лично.

Острое слово писателя, для власти, замаранной в неблаговидных делах, всегда было страшнее любого оружия террориста... Тем более, слово такого писателя, как матерый контрразведчик, располагающий убийственными фактами, информацией, документами!

В ход идет все тот же нечеловечески подлейший прием: внука писателя находят убитым. Над этим мальчиком тоже надругались насилиники. Эти же "шестерки" и были схвачены милицией, действие их признано почти... хулиганством, и никак не было увязано с мщением деду (они сегодня давно уже на свободе). Тщетно пытался пробить "броню" коррупции властей чекист и писатель! Мало того, издевательства над ним стали еще изощренней: дважды областная писательская организация представляла Правлению Союза писателей России и СССР на прием в творческий союз документы и рекомендации на Гарипова. Тщетно! Ни рецензии известных писателей, ни мнение Чингиза Айтматова и лауреата госпремии РСФСР ульяновца Николая Благова, не были приняты во внимание. В приеме Гарипова в ряды советских писателей "по высшим творческим соображениям" отказали. Это еще больше подорвало его здоровье, сказалось на его работоспособности.

Только в 1993 году мне удалось убедить новое руководство Союза писателей России - новой страны - в признании заслуг писателя Гарипова. Ускоренным порядком его приняли в члены Союза писателей России. Передавая мне членский билет Гарипова и, смущаясь от неловкости ситуации, главный кадровик Союза С.В.Дудченко просила вручить билет Абдулле Касимовичу и принести ему глубокие извинения от имени Правления: "Гарипов давно уже состоявшийся

профессиональный писатель, мы заем, что оформить его принятие с Союз должны были еще лет десять назад, но вы же понимаете, какие были времена, и многое зависело в писательской судьбе от команд со Старой площади...”, - говорила тогда эта милейшая женщина. Казалось бы, справедливость, пусть через столько лет, но восторжествовала. Но прожил мелекесский писатель после этого признания совсем недолго...

Показательны в этом отношении примеры расправы криминальных кругов чиновничества города в период ельцинского правления. Даже на государственном уровне, пытались приручить мятежных писателей, награждали самых именитых из них - Ю.Бондарева и А.Солженицына орденами... Но, символично, что оба классика, наплевав на президентские потуги и посулы всяческих благ и милостей, отказались от “идуловых” наград.

В нашем Мелекессе все было проще: в стане демократической оппозиции яростно отставал новый курс российских властей, ранее бывший “под колпаком” у мелекесских правителей, старейший писатель и просветитель в городских литературных кругах, фронтовик и орденоносец, мятежный писатель Евгений Ларин. Против его яркого слова, гражданской непримиримости, правоты, у власти имущих не было никаких средств борьбы, не было в стане аппаратчиков и неокоммунистов достойного по уровню ума и мышления человека.

При содействии областного парткома их газета устами местного “советолога” начала травлю писателя-фронтовика. И только в суде, переживший жуткий стресс и потерявший здоровье Ларин смог доказать всю нелепость и неправоту выдвинутых против него обвинений, отбиться от аппаратчиков, пригвоздить их к позорному “столбу”. Как участник этого процесса от имени городского писательского отделения, свидетельствую: это было нелегко и непросто. Операция “антиларинианна” провалилась.

Но была еще организована бандитская вылазка - с целью запугать писателя-демократа. На его дачу совершаются налет бандитов, разбой. Против преступников в защиту деда встал внук писателя (известный в стране мастер-кардист)... В схватке бандиты ранили парня ножом в грудь, и спешно бежали.

Долгое время после этого писатель, вставший на защиту жизни и здоровья, достоинства своего внука пытался в судах добиться справедливого приговора “наймитам” из криминала. Но их сумели увести от заслуженной ответственности...

Четвертая. «Не плуй против ветра»...

Что по «разумению» недалекой чиновной рати более всего унижает человека, приижает его социальный статус? Что, как они «думают» может низвергнуть непокорного и неугомонного писателя? По их «разумению» - запрет на его публикации и созданные ему условия получить только низкую и грязную работу. Всех нас писателей и литераторов Мелекесса, так или иначе (кроме лизоблюдов) не раз власти пытались унизить РАБОТОЙ!

И – невдомек им, что в народе, которому они втoldычивают: «Любой труд почетен!», писатель, который зарабатывает на хлеб насущный золотарем, людьми воспринимается прежде всего, как страстотерпец, униженный недостойной его властью.

И бесполезно доказывать и переучивать «долбаков» с двумя купленными дипломами о высшем образовании, что писатель в бесчисленной массе жителей планеты – это своеобразное и отличное от научных догм локальное мироздание, мировоззрение. И унизить его невозможно, как и созвездие Альфы Центавра...

В свое время Владимир Ульянов по кличке – «Ленин» пытался унизить ТРУДОМ своего бывшего друга и одноклассника по Симбирской гимназии Аполлона Коринфского. Когда-то Ульянов часами пропадал в доме у этих высокообразованных, интеллигентных людей. Питался с ними за одним столом, пользовался их библиотекой. Став в советской России тем, кем он был в своей скрытой и зверской сущности, Ульянов получил письмо от своего однокашника Коринфского, к тому времени считавшегося в мире талантливым поэтом, издателем, ученым-энциклопедистом. В письме он пытался призвать «Ленина» к благородству, указывал на кровавые репрессии против просвещенных и лучших представителей русской интелигенции, напоминал исторические параллели. В ответ пред. Совнаркома наложил резолюцию о том, чтобы поэта направили на принудительное трудовое перевоспитание (почти так, как много лет спустя, повторил со своим народом в Камбодже Пол Пот). Несколько лет после этого «униженный» однокашником Коринфский подметал мятой улицы Твери, куда был сослан, получая более чем скучный паек, где и умер в нищете, НО НЕ СЛОМИЛСЯ перед нечеловеческим уродом, и его ущербной идеологией.

Встречаю как-то в Ульяновске замечательного нашего поэта, известного прозаика, бывшего ответственного секретаря областной писательской организации Евгения Зиновьевича Мельникова.

- Как жизнь, Женя? Что новенького написал? Чем «промышляешь» на жизнь?

- Как у всех, - отвечает старый знакомец, - несладко живем. Пытается найти работу в каких-то изданиях, но от меня, как от «чумного» шараются. Видимо, кому-то из администрации «на хвост наступил» своими публикациями по сохранению культурных ценностей в области, которые уничтожаются... Да ты знаешь, как мы добивались сохранения минаевского музея. Как пытались спасти его дом от разрушения...

Теперь вот - дворником работаю, подметаю ульяновские улицы, - а это и зарплату приносит, и время свободное бывает. Готовлю к изданию новую книгу по истории уникальной Николиной горы, мистическом для православных христиан месте, - это будет философская повесть, написанная дворником...

Книга у него действительно получилась интересной и стала заметным событием в обществе. Резонансность его произведения, публичная слава, - заставили власти «скрепя сердце» присудить писателю литературную премию за книгу «Призраки Николиной горы», в которую вошли повесть и рассказы лучшего из ульяновских прозаиков...

Типична в этом отношении судьба димитровградского баснописца, переводчика и краеведа Виктора Сысуева. Уже одно то, что Виктор Петрович – сочиняет басни в старом стиле, но на новый лад, - не дает покоя «узурпаторам» от литературы, пытающим своим творческим «ядом» и доносами власти. То – узреют в его персонажах: ослах, бобрах, волчицах и т.д. себя родимых, то – намеки на властные персоны! Ну, - нет прохода талантливому писателю...

Мало того, оказывается, - есть ущербность Сысуева и в его биографии. Отец его был генералом в войсках адмирала Колчака! И, - какое-то несчастье, - что его не расстреляли или не сгноили в тюрьме до 1941 года. Вот и пришло бывшего колчаковского и царского генерала призвать на фронт в Великую Отечественную войну... рядовым, - может под фашистской пулевой хоть сгинет сам...

Прошел воин русской военной и дореволюционной выучки все фронты новые от начала – до конца. Пришлось вновь давать генералу воинское звание советское. И дали. Стал Петр Сысев, полковник из академии Генштаба Русской армии, боевой генерал гражданской войны... ефрейтором!

А после войны сын его – Виктор, «замаливая грехи» родителя вынужден был в числе первопроходцев уехать поднимать казахстанскую целину, где получил медаль за труд свой. Выходцы из семьи сызранских дворян Петр и Виктор Сысуевы хлебнули тюремной баланды вдоволь, в том числе и мелекесской. Но не сломились. Баснописец живет теперь в новой демократической России. Но не только его басни подвергаются обструкции, его краеведческие изыскания, часто идущие в разрез «официально утвержденной властями истории» также подвергаются сомнению и... забвению. Чуя все это – вот и нынешний состав общего собрания областной писательской организации, принявший в свои ряды графоманов, фальсификаторов, плагиаторов, - отказал «на всякий случай» Сысуеву в приеме в Союз писателей России. Даже, несмотря на то, что он сделал первым в стране последнего десятилетия вместе с другим мелекессцем Александром Пантюхиным новое уникальное переложение со старославянского величайшего литературного памятника «Слово о полку Игореве». Попутно сделав ряд открытых и уточнений в тексте!

Однако путь в литературу ему заказан свыше. Управленцами народной культуры. Ущемленцами, «унижающими» писателей, перекрывающими им «кислород». Вот и Виктор Сысуев, как и его коллега из Ульяновска Евгений Мельников, - в дворники погорел. И этот, достойный и писателя труда, облагораживает городские улицы и дворы. Приносит зданию пользу людям.

Конечно, - метлой махать – не роман писать, но у нас на родине – это, наверное стало нормой, когда «униженные» до метлы писатели не вымерли еще от бескорыщи, а продолжают творить свое богоугодное дело!

Пятая. «Силовые» приемы

Когда-то один из секретарей городского парткома КПСС откровенно сказал мне: «Пишите что хотите. Но любая ваша публикация перед появлением в свет все равно будет сверяться мною по партийным и нравственным принципам. И никуда вам от этого не деться». Так что, прежде чем пером бумагу начать «марать», - соотнесите ваше: «хочется», с требованиями руководства и партии. Иначе, как бы не было потом «мучительно больно» за все сказанное в запале...».

Так «ласково» только журили писателей. Но в советские времена могли поступать и круче: лишить работы, очереди на получение жилья, отлучить от публикаций в средствах массовой информации, отказать в приеме в Союз писателей, выселить за рубеж, если в тебе есть хоть капля еврейской крови или ты – космополит (как Бродского, Солженицина, Корнилова, Лимонова, Максимова). Ну, а если ты – «русопят» до предела, - то и усадить на лагерные нары (как Жигулина, Бородина, Шаламова, мелекессцев – Никитина и Зимнякова), благо, всегда найдется статья в УК за хранение боеприпасов или неуплату алиментов...

Слава Богу, уже тогда не работали «политические» статьи. А сегодня – тем более – все предельно демократично. Зачем же сажать мятежного «писаку», будоражившего народ своими, неугодными властям поступками или «виршами»! Есть же более эффективные методы расправы. Вплоть до уничтожения...

Жаль, но Мелекесс покинули по разным причинам, в том числе опасаясь преследования и от безысходности в издательстве своих книг, талантливые молодые литераторы: Г.Генераленко, Е.Новоселова, А.Филимонова, Е.Козлова, Н.Высотин, А.Пантюхин, Л.Степанова, Л.Артемова... В отношении Степановой был применен «силовой прием». Власти, видимо не устраивала ее бескомпромиссная работа в

редакции одной из городских газет. Лида не «лизала пятки покровителям», публиковала остросюжетные материалы, была несговорчива. Тогда решили действовать против писательницы «проломными» методами. Ее сына уличили в «преступлении» и заперли в изоляторе временного содержания. Где он от побоев и скончался. А по «официальной» версии – от передозировки наркотиков... Но самое интересное, что никто не озабочился тем, что в поднадзорном милиции изоляторе оказались слишком большие дозы наркотических веществ! Тогда кто же их туда пропустил?

На похоронах сам шеф ГУВД принес свои «извинения» Степановой, пообещав разобраться в ситуации и наказать виновных. Однако вскоре в управлении произошел еще один инцидент: был задержан не тот подозреваемый в сбыте наркотиков, при его захвате этот студент был жестоко избит милиционерами, скончался прямо в здании ГУВД. К начальнику применили самое «жестокое наказание» - уволили из милицейских рядов... А Лидия Степанова уехала из Димитровграда.

А вскоре в областной газете «73-й регион» была опубликована статья, в которой произведен детальный и фактический анализ состояния дел в снабжении нашего города и региона наркотиками, указаны точные пути наркотрафика, базы хранения - зелья, названы имена исполнителей, в том числе и главного мента...

Следующая и, как мне кажется, не последняя история со смертоубийством мелекесским, (пытаюсь на себе не показывать), произошла совсем недавно. Главный участник ее – самый талантливый из молодой поросли мелекесских писателей, готовившийся в руководители писательского отделения в городе и районе – Слава Первушин.

Несмотря, на заявленный мною литературный жанр – «мелекешек», здесь хочу быть предельно документален. Это – еще один из способов сохранить предельную реальность происходившего...

Не стану лукавить, я принимал самое деятельное участие в писательской судьбе Славы. Тем более, - что мы с ним заканчивали один факультет в Казанском госуниверситете. Биография писателя Первушкина более чем насыщена событиями, так или иначе отразившимися на его судьбе. Он служил «срочную» в частях морской пехоты. Был подготовлен и физически и морально безусловно к дальнейшей жизни. Фактически был предан родине, как ее патриот, и готов к бескомпромиссной борьбе за ее и свою честь. После университета работал в газетах региона, на телевидении, попытал свои силы на литературном поприще во многих местах в СССР: в Прибалтике, Татарии, Якутии. Со своими песнями был представлен на международных конкурсах в Риге и Симферополе. Стал лауреатом всероссийского телеконкурса исполнителей. В Саратове вышла в свет его книга повестей и рассказов, он много и плодотворно работал в нашем журнале «Черемшан». 10 лет назад Слава был приглашен к участию во Всероссийском семинаре молодых литераторов в городе Отрадном. Здесь, представленные им произведения произвели фурор в среде не только участников семинара, но и среди руководства выездного секретариата Правления Союза писателей России. Слава первым и безоговорочно был принят в том году в члены Союза писателей. Тогда же началась подготовка к изданию его новой большой книги стихов и прозы.

А вот с работой Первушину не повезло. Для должности психолога в исправительно-трудовой колонии, писатель, как нельзя лучше подходил в профессии. Но Слава был еще и бескомпромиссным человеком, активным борцом с беззаконием. И он, вместе со своим другом – оперработником из ФСБ майором Денисом Кузнецовым, начал разработку в деле прохождения через «зону» наркотиков.

Дениса срочно отправили в командировку в Чечню, где он с товарищами, выехав по сигналу о появлении боевиков, попал в умело или специально организованную засаду, был тяжело ранен, умер в госпитале...

Первушину же, по его словам, сразу предложили уволиться из «зоны», обещали переводом рекомендовать в любое, им выбранное место работы. Он выбрал службу в милиции и стал пресс-секретарем ГУВД. Но... ненадолго. Вскоре, возвращаясь со службы домой, писатель бесследно пропал. Через четыре месяца его тело нашли в одном из частных домов, оно было закопано в погребе. Занятно, что хозяин дома, якобы сказал родственнику, что его мучает совесть, что он убил «мента», когда тот пришел к нему в гости. Родственник донес в милицию, но в избе нашли труп повесившегося и «раскаявшегося» хозяина, и тело Первушкина. На его похоронах руководители ГУВД и города клялись, что они доведут дело до конца. Однако же следствие, зная, что в рот убитого писателя был забит бандитский «кляп» - пробка от пивной бутылки, традиционная «метка» в криминальных кругах, означающая, что покойный много наговорил лишнего, не торопится исследовать эту версию... Не стало «тянуть» и еще за одну примечательную «ниточку»: в складках одежды Первушкина нашли землю, которая по составу совсем не соответствовала земле из погреба. Но не стали искать иное место, где совершено было убийство.

Странным было и то, что вскоре после похорон Славы прямо в милиецком кабинете покончил с собой, застрелившись, следователь, ведший это дело. Конечно, со странным убийством писателя это не связали, нашлись другие причины. Но настораживает, что из сейфа этого следователя бесследно сразу же исчезла видеокассета, с какими то важными записями по делу Первушкина...

Следователь из прокуратуры, курировавший ход расследования, неожиданно уволился с работы. Позднее его найдут в собственном гараже, задохнувшимся «по неосторожности» от выхлопных газов из автомобиля...

Когда мне понадобилось просмотреть уже «списанное» в архив и закрытое «за доказанностью» дело об убийстве члена Союза писателей России и милиционера, я обратился, как председатель местной писательской организации с такой просьбой к прокурору города. Но мне было отказано в этом. Мол, я же не являюсь родственником Первушкину, да и проводить «частное собственное расследование» тоже незаконно...

Все это наводит на грустные мысли – писательская опала и надзор за нами не прекращаются и сегодня в новой, «демократической и просвещенной» России.

Пришлось мне быть и у руководства Союза писателей с этим делом. Предложил предельно откровенно рассказать о судьбе Первушкина и мотивах его убийства на страницах столичной прессы. Поахали в Союзе, посочувствовали нам, писателям из тихого провинциального городка, согласились, что такая публикация необходима, а потом откровенно заявили: «Тебе же там, на месте, еще жить и работать, а после обнародования этаких историй, и с тобой всякое может приключиться! Нет, тобой рисковать не хотим... А сам-то разве не боишься расправы?»

Отбоялся за долгую и бурную жизнь, видимо. Пишу теперь свою «Быль». Надеюсь на то, что в моем родном городе, где когда-то в четвертом поколении похоронят и меня рядом с моими предками, а не «отблагодарят поэта гробовою, черною доской» раньше отведенного Богом срока, как это случалось раньше. Вот и пишу свои «мелекешки», видно, пришло оно все же - время иное. Иные городничие. И вам желаю надеяться на лучшее.

В ЧЕМ ПРОВИННИЛСЯ СОВЕТСКИЙ КЛАССИК ПЕРЕД МЕЛЕКЕССОМ?

Речь пойдет об авторе книги "Железный поток", воспевшем жесточайшую бойню, которую учинили татары, китайцы, евреи, немцы, венгры и многие другие народы-соплеменники интернационалистов над Русской армией в 1920 году в Крыму, взяв в боях Ишуньские позиции, утопив по приказу комиссаров ЧК Белы Куна ("соавтора" расстрела всей семьи, включая малолетних детей, Императора Всех Русей - Николая II) и, горбатенькой " ведьмы революции" - Землячки - (В.Залкинд), в крови миллионов несогласных с ними людей...

Александр Серафимович Серафимович - подлинная фамилия - Попов (он и выходец из семьи священников), долгое время числился в классиках русской и советской литературы. Его кошмарные литературные изыски, именуемые критиками, - то очерками, то рассказами, то новеллами, то - чуть ли не повестями, - были обязательны к изучению в советских школах и вузах. Именно потому, что

они яро пропагандировали классовое насилие одного слоя населения над другим. Серафимович, как террорист даже был осужден вместе с А.Ульяновым, С.Говорухиным и И.Гордеевым за покушение на убийство царя - Александра III, и сослан в Архангельскую губернию. В нынешней России - сидеть бы этому Серафимовичу долго и - за разжигание национальной розни, и призыв к насилию над конституционным строем...

Но - все это слова. А факты таковы: в нашем районном центре, одной только ветвью власти - городской - решено было (без согласования с населением районного центра), ЕДИНОЛИЧНО - мэром городка, поставить бюст писателя-негодяя на площадке перед Центральной районной библиотекой, видимо, в назидание грядущему поколению...

ДАЮ СПРАВКУ:

А.С.СЕРАФИМОВИЧ(19.01.1863г.-19.01.1949г.) - террорист, на старости лет - в 55 - вступил в Компартию. 80 лет назад издал свой "Железный поток", советский, прокоммунистически образованный писатель. Его творчество - это тоже образец террористической пропаганды, воспевание насилия над не согласными с политикой большевиков. Он лично был обласкан тоже преступником - В.Лениным, направлен им в действующую против законного правительства армию, в качестве ведущего корреспондента большевистского главного органа печати - газеты "Правда".

Вот тогда-то, в 1918 году, впервые пересекся большевистский комиссар Александр Серафимович с нами, мелекессцами. От этой нeliцепрятной истории остался, в невеликий по объему очерк Серафимовича «В теплушке», расшифрованный местными «мудрецами», как связующий наш райцентр с «творчеством великого» литератора...

Для тех, кому уже недоступно по-правилам образования суверенной России творчество бывшего изувера, цитирую то, что он о НАС - мелекессцах-димитровградцах, о дедах наших писал он на всю страну!

ОЧЕРК - «В ТЕПЛУШКЕ»

Суть его проста - «великого писателя», бегущего с дрогнувшим перед армией Колчака фронта, в Бугульме сажают не в комфортабельный люкс-вагон, как бы положенный по принадлежности корреспонденту «Правды» и номенклатурщику от РКП (б), а в обычную фронтовую «теплушку» к вшивым и грубым солдатам. Серафимович возмущен тем, что в «теплушку» не погрузили дров для отопления, что среди «солдатни» есть уже тифозные больные. А, главное, - что на любом полустанке железнодорожники требуют литера на проезд этого, бегущего в тыл эшелона, задерживают его, пропуская «фронтовые». Что нет на станциях для дезертиров питья, еды, тепла, пути...

Более десяти часов перед Симбирском продержали «теплушку» с «великим комиссаром» в нашем Мелекессе. А затем, отправив эшелон с артснарядами(!), даже под угрозой расстрела, отправляют теплушки на один путь с драпающим бронепоездом моряка А.Полупанова, и только чудом удалось избежать крушения...

Так вот, - человек, который раз в жизни проехал по железной дороге через наш Мелекесс, и только 10 часов всего просидевший в вагоне на станции, но в заслугу которому мы сегодня ставим памятник и хотим, чтобы этой лысой и усатой бородавчатой голове поклонялись наши дети, - опубликовал в тогдашней центральной российской газете «Правда», на ВСЮ СТРАНУ, такие строки О НАС, МЕЛЕКЕССЦАХ:

«На железной дороге Симбирск-Бугульма было мало вагонов и мало паровозов. И ВСЕ железнодорожники, коменданты со злорадством ссылались на это, как на ПРИЧИНУ медленного движения.

...Необходимо с корнем, БЕСПОЩАДНО вырвать из тела НАРОДНОГО эту железнодорожную гангрену... малейшая халатность должна КАРАТЬСЯ БЕЗ ПОЩАДЫ, ВПЛОТЬ ДО РАССТРЕЛА!»

Итак, ну, - не мы, а наши предки, - по мнению драпающего с фронта Серафимовича, - «гангrena, которую нужно истреблять расстрелами беспощадно». За это его «наследие» должны сегодня мы благодарить такого писаку? Читать его ПРАХ? Гордиться тем, что по его «науськиванию» все же не расстреляли нашего деда, отца или нас?

Кровожадное «чудище» в cementirovali в нашу родную землю напротив ДААЗа. Десятки тысяч бывших крестьян, чьи предки умерли от искусственно организованного «серифимовичами» голода, выходя после смены с родного завода, - кланяйтесь этому идолу, вновь «завербованному» властями нас унижать и уничтожать голодом!

Специально для крестьян и тех, у кого еще сохранились сельские корни, хочу еще раз процитировать этого монстра, именуемого писателем. Человек, чей бюст венчает новую «образованность», в 1921 году в очередной раз, с тайной миссией, посетил Симбирскую губернию. Ему мало было, что его самого не уничтожили тогда, в 18-м, воины Народной армии Каппеля или мелекесские, русские железнодорожники! Он, теперь, прикрываясь властным

удостоверением “Правды”, едет в районы, где правительством Ленина был искусственно и в отместку за восстание народное создан голод. Где крестьянство низводилось под корень, чтобы подавить этот бунт против антинародной, антирусской власти.

ИМ было важно свести в могилы миллионы русских земледельцев, голодом «выжечь» поволжскую деревню», а детей крестьянских, пока умственно не подросших, собрать в детдомах-коммунах, воспитать в преклонении к ЭТОЙ ВЛАСТИ И ЕЁ ИДЕОЛОГИИ!

И здесь опять понадобился ПАЛАЧ - СЕРАФИМОВИЧ!

Побывав недельку в уже забытом им Симбирске, он вновь разродился очерком, в котором снова вымазал нас дерьмом. В 1921 году, в голод, посланный нам в Поволжье, за “Чапанную провинность”, за поддержку не большевиков, а эсеров, нашим земляком же В. Ульяновым, - Серафимович приехал поторопить органы ЧК скорее собрать и вывезти из “чумного” района ВСЕХ детей. Чтобы потом их идеологически “осоветить”, сделать из них «манкуров», не помнящих родства, ненавидящих своих же родителей за их “крестьянскую несознательность”...

И этот нынешний димитровградско-“любимый БЮСТ” пишет:

ОЧЕРК - “ДЕТИ” - 1921 ГОД

“...а детей были ВЫНУЖДЕНЫ отдать в детские дома, - а сами мерли от голода...
Детям наказывали молчать, будто - они не русские, чтобы их подбирали...
...мать их, патлатая, с почерневшим лицом, исхудальными ногами, не спускала воспаленно-жаждных глаз, как исхудалая, ОБЛЕЗЛАЯ ВОЛЧИЦА...

Детский дом, куда они рвались, словно находился на казарменном положении, да и этому были бесконечно рады!

Ребяташек надо было не только накормить, - но и НАЧАТЬ ВОСПИТЫВАТЬ, ПУСТЬ ОНИ ВЫЙДУТ НЕ ДЕТДОМОВЦАМИ, НЕ ЗВЕРЕНЫШАМИ, А СОВЕТСКИМИ РАБОТНИКАМИ!”

И так писал он, может быть, - о моей или вашей бабушке “волчице” (!) писал тот, кто сегодня стараниями чиновничества новой России внедряется в нашу жизнь тот, чей облезлый облик красуется в центре нашего Мелекесса!

Как же нужно не уважать наших предков, истинную историю, свой город, его традиции, всех нас, чтобы установить (для нового устрашения?), этакое пугало нерусской истории и литературы на НАШЕЙ улице?!

Остается вопрос: почему же в Мелекессе не поставить бюст истинно НАШЕГО писателя, родившегося или работавшего здесь? Революционного демократа Николая Васильевича Шелгунова, авангардиста в литературе – Артема Веселого, освобожденного в Мелекессе, невинно осужденного и ссылочно-поселенного здесь узника сталинских лагерей, крупного прозаика, ленинградца, основателя Мелекесского литобъединения “Черемшан”, - Александра Лебеденко? Все они - люди более чем достойные и благообразные. А нас заставляют любить другого, - советовавшего стрелять нас, как собак...

Если только - это не новый изуверский план переписывания истории в обратном направлении, и не новое «осовечивание» наших детей и внуков?

Рассказы

Искушение сатаны

Смурым августовским днем и, промозглой не по-летнему ночью, он принял обличье священника. Ему очень мешала долгополая черная ряса, предательски дрожал в руке крест-распятие, которым он благословлял обалделых и наивных отроков, посылая их, может быть, на верную смерть, на братоубийственную свару. С виду он был свят, но когда произносил путаную проповедь, где неправое, не богоугодное дело он величал делом правым, - лицо его озаряла гадкая ухмылка, - и только тогда в нем проявлялась суть.

К ухмылке легко и однозначно можно было додумать острые уши, рожки...

Потом он стал занимать все больший объем в моем доме, на работе, в мыслях, в жизни. И большее время. Стоило включить телевизор, раскрыть газету, выйти на митинг - казалось в самом мозгу начинал звучать его вкрадчивый голос. Легкая хрипотца и уральский диалект - завораживали наяву...

- Покорись! - требовал он. - Сегодня я банкую! Я покупаю все, что продается. Я даю вам "зеленые", много "зеленых", а вместе с ними - счастье. А это - обладание всеми радостями земными - от лучших сортов вин и колбас, до самого недоступного и совершенного женского тела. И все это - сейчас, сегодня, здесь и там - за океаном. Но - все это в твоей жизни, - а сколько ее осталось у тебя?! Так стоит ли хлопотать о заумном, несуществующем, абстрактном? И всего-то платы - твой вовремя поданный голос за мою кандидатуру, подпись под ничего не значащим листком-бюллетенем! А в остальном - промолчи, не вмешивайся, живи в свое удовольствие. Я снимаю всяческий контроль над тобой - дерзай!

Он нащептывал мне даже во сне:

- Потерпи. Все изменится в нашу пользу. До дураков и до стада безмозглых нам дела нет. Думай о себе, о своем сроке в бренном мире, а не о всем человечестве. Другого случая, как и другой жизни у нас не будет. Это редкий шанс - банкуем!

Какое тебе дело до того, кто качает где-то в Сибири грязную нефть в тухлых и промороженных болотах - американцы или грузины? Твое авто-иномарка - всегда будет заправлено горючкой под крышку бензобака, лучшей горючкой в мире!

Что тебе до хлюпающих заразной спермой гнилых отроков, где-то у меня «на куличиках», которые так жаждут желтые и узкоглазые соседи?! Пусть эта венерическая клоака их волнует - не нас. Но за эти «куличики» мы получим свой кусок благословенной земли на Гаваях, выстроим замки и виллы...

Я уже и сам подумывал, глядя на то, как ловко он отыгрывает сценарии бесноватых спектаклей:

- Ну, дай-ка, и я сыграю в этой пьесе, где вместе и заодно морочат нам мозги и порождения его и его враги заклятые (не только по сценарию, а явно) - да как талантливо! Ну, правда, на такое, да для себя - у меня таланта не менее будет... Разок попридуриваюсь - вся оставшаяся жизнь моя (да и внукам хватит) в сладкой неге пройдет! Ему же многого не надо: делай вид, что веруешь в него, что он - истина - лукавь, лги, изворачивайся, запутывай простое. А за все - полная безнаказанность!

Он чувствовал мое колебание. Был все настойчивее, все назойливее. Уже и мои принципы готов признать, уступить готов:

- Подумай! Ну, на, потешься своими идеями. Народ потешь. Но не забывай о нашем уговоре! Мы - это мы. Они - ничто. Этот кусок деръма - их родина? Вот пусть в нем и барахтаются на потеху сильным мира сего. Мы - тоже сильны с властелинами этой жизни.

Да, ты - из того же деръма родом. Но зато у тебя путь избранного. Мир избранных. Владей - лучшим на этой планете! А на деръмо-то - плюнь! И в стадо это плюнь! Мы правим бал...

Не устоять мне перед искушением таким. Ах, как он проникал в меня, обволакивал, ублажал. Ух, какую жизнь - как грэзы - щедро бросил мне под ноги - владей и властуй!

Но... не рассчитал и подставился. Не устоял я перед искушением - плюнул! Прямо в его харю. Между рогов и ушей. Чуть выше ворота сутаны и креста нательного. Харкнул!

Знаю - все это сон. У разбитого корыта - при своем интересе, а в кармане... Но могу же я хоть раз в жизни своей поддаться искушению? Тем более с соизволения такого! Может потому еще и жив пока, что он подставился, разрешил?.. Жив! Чего и вам желаю.

Опричник

От застывшего взгляда его ничего не выражавших и бесцветных глаз – бросало в дрожь. И обезволявало.

Так, наверное, палах обезволявал и завораживал свою жертву. За секунды до того, как голова осужденного, разбрызгивая струи крови, уже кочканом подпрыгивала на помосте. Отдельно от тела...

Есть люди – в глубине души – соловушки. Или – просветители. А может быть – воители за отечество и други своя. Он – был порожден опричником. Смертельный, боевым псом, за похлебку только служащим режиму власти. Все равно, какой. Но - нуждавшейся в опричнике. В мастерах дел заплечных.

- Прости меня, Федя, - скрежетал он голосовыми связками, - в такой ситуации просить у меня милости, - опрометчиво. Когда я был такой же голытьбой, вроде тебя, но обещал тебе же кучу денег; - это был политический ход. Необходимость в борьбе за власть. И ты свой контракт отработал четко, не вдумываясь в суть грядущего. Теперь власть вся – во мне и у меня. Пораскинь своими светлыми мозгами, какой резон мне теперь платить по липовым векселям? Мне легче отправить тебя в ссылку, хоть – не под пулю подставить. И против меня - ты уже ничего сотворить не сможешь. Иначе, тебя люди анафеме предадут. Они в меня втюрились по уши с твоей же подачи. А тебя просто распнут за лицемерие...

Я мог пришибить его в самом начале, когда вел опричника к власти. Обезвредить себя и всех от этой сволочи. Мог и теперь, но вокруг – уже служила ему опричнина стража из квадратных горбунов. Суетились «заплечные» друзья. Просто так – не подобраться к его горлу!

И стал я странником. Каликой перехожим. Приживалой. На подаянии.

Но – не служкой у корыта и плахи. Мысли мои были со мной. Деяния – тоже. Я владел трудом и ремеслом. Я не служил никому и никакой нечисти. Сам определял путь дорогу. И опричникам было меня теперь не остановить.

Увешанный золотыми знаками отличия, скоробчив казну, отведав медов заморских, - лицом стал он черен, как сам Нечистый. Душа и замашки опричника проявлялись все выпуклее. Поведение становилось смешным. И уже никакие мосты не соединяли опричника с Богом. И - поделом змию опричнины!

Бог вдыхает в нас душу. Но и Ему приходится, видимо, порой отвлекаться на иное. Оттого кто-то и бывает пропущен в череде земных тварей и рабов Божиих...

Оттого на земле есть и опричнина. Есть лишенные Господом нашим добродушия. Опричники, как слуги Люцифера, устремляются к царствующей нечисти, подалее от Судного дня и Божьей Благодати. Тем и ускоряют свою погибель. Теряют и семя греховное. Лишаются разума и Царствия небесного. Аминь!

Время во мне или Очко

(ОБНАЖЕННЫЕ ИЗВРАЩЕНИЕМ МЫСЛИ С ОТСТУПЛЕНИЯМИ)

I

Дело здесь не во мне. Дело в том, с чем я соприкасаюсь. Дело – в них. Тех, кто меня любит или ненавидит. И то и другое – есть действие. Значит – есть литература во всей ее широте и долготе. Есть конфликты – основа художественности произведения. Например, романа или повести, рассказа или даже эссе.

II

Он был Щеголем. И он ненавидел Меня.

По сорок минут в ванной комнате чистил зубы. Каждый! Отдельно! Потом пудрился. Даже промежность. Чтобы не прела...

Каждый день заново гладил галстук. Это – еще сорок минут. Чистоплюй!

Я был плебеем. Из крестьян. Солдафон. Никто...

Я был тем, кто мог за мгновение собраться в лекционный зал, но, забыв перед этим отодрать маникюрной щеточкой все пылинки с не гляженых брюк.

III

Плебей!

При всей своей «заумности», задумчивости и талантах. Все же ходил я в «пригармошенных» штанах, как все мои предки. Не вздевал в ворот рубахи галстук. Никак не терпел ни узды, ни удавки...

Да и ум мой был для меня величиной третьестепенной. И авторитетов я не признавал ни в чем.

IV

Когда вас ненавязчиво поглаживают по ляжке и пытаются просунуть наманикюренный пальчик, отполированный пилочкой для ногтей, к вам же в анальное отверстие, - для меня это ощущение малоприятное.

Лучше бы сразу втыкал свой умягченный член туда, куда намеревался! И это было бы куда понятнее. Реальнее. За что морду набьют. Или... поцелуют.

V

Бить голубого по морде – это равносильно тому, как бить по мишени в тире. По «десятке» кулаком. За то, что она не слотнула посланные тобой пули. Да еще тем местом, - куда ей положено активироваться...

Но, поверьте, морда, особенно пидора, - это редкий инструмент. В котором, оборвав клавиши и струны, можно здорово подпортить и всю их «рапсодию».

VI

Он умирал. Завещал нам никогда не пить сухого вина, ибо в нем уксус – залог и логово язвы.

Таз стоял рядом с больничной койкой и был полон блевотины, перемешенной с кровью. В вены обеих его рук были загнаны иглы от капельниц.

Странно, но его обметанные сухой сукровицей губы, где уже не было ни грана помады, кроме цвета серости, - мне казались более привлекательными своей изможденностью и стоицизмом. Более податливыми, чем его набреолиненные вихры.

VII

Когда умер Рильке и умрет Моисеев Борух, - к ним в анальные щели вползли и будут ползти могильные черви.

Черви бывают пидорами?

Бабоноподобный Саша Твардовский, писавший почти гениальные стихи, отвращал многих своим отвисшим «курдюком». Однажды, вернувшись из боев, с «передка», где он писал «горячку» для очередного номера фронтовой газеты, побывав в традиционной для тех лет «мясорубке» со «стрелялками», - поэт слег. Двое суток он не только писать не мог, - его рвало, как нашкодившую кошку. Выворачивало льготным «сухпайком»...

Говорят, что он был сладкой любовницей и не только для мужиков. Как целый бисексуальный маньяк с одним яйцом – Солженицын. Может, оттого и народилась на Руси святой песня: «Александра, Александра...»?

А я сам – кто?

Бык? Сперматозоид? Ходок? Лизун? Или – всеядный гад?

Ведь литература массовая – это и большое, мягкое, удобопереваримое жопочничество тоже!

А, если не иное, - то Большое. Опустошенное от семени. «Деланное пальцем!», - как подтвердил Климов в своей - «Князь тьмы», выродками рода человеческого. Или, как в анекдоте: «Я рожден не... пальцем и не... палкой»!

VIII

Время во мне...

А что еще так и трет, пучит, торчит во мне?

Да нет, - это совсем не фаллос. Он у меня пока нормально ориентирован.

Может быть, когда ослабевший и запачканный задний проход станет притчей во языцах, как у всех старых и дряблых, - не останется во мне никакой эстетики желаний. Ни к НЕЙ, ни к НЕМУ.

Но это уже, философски рассуждая, - не анал. Это – финал. Что многое меняет в ценностном определении. В жизни регулярной...

IX

Есть расхожее мнение, что Диктатор, например, - Ленин, Гитлер, Сталин или Каддафи, - предпочитали иметь своих близких сторонников в... себе...

Наверное, в этом есть резон. Во время этакого акта предельно познаешь не только темперамент, характер, выносливость, нежность и преданность сосватника, но и – по напору струй, - многое тайное, в чем грешил партнер.

Иосиф Сталин, как грузин, (как армяне, чеченцы, лезгины, аварцы, евреи, таты, караимы, ассирийцы, особенно любители езды на ишачках – узбекские мальчики) был слаб к таким слабостям. Он, со временем эксзов, особенно уважал входить в злачные места с заднего прохода, как его подельник, но армянин «Камо».

Нет, женщина никогда так эффективно не сможет сладостно прощекотать, прочесать, прочистить от окаменевшего геммороя анал, как это сделал, например, Хрущев, - бывший стахановец-шахтер! Главное, после такой «проходки» начисто исчезали глисты...

X

Окаменение. Чем и кого?

У НИХ проще процесс познания, присовокупления к ремеслу, опознания. Эта совокупленность, естественно, много крепче дружбы. Это – преданность. Это – как материнская вскормленность. Как любовь без границ.

XI

Дожили! Дождались!

В автобусе ко мне вновь прильнул нетерпеливо красномордый, узкоглазый, щекотливый мужик. Наверное, узбек. Или армянин.

«Огурец» был даже не малосольный. Он еле-еле вмещался в карман. Пользуясь давкой граждан в тесном проходе, я резко двинул рукой и, поймав «любовника» за его пупырышник, - сжал того, смял, резко сложил пополам, как танком готовое к бою орудие.

Роста во мне чуть менее двух метров. Лапа – тонкопальцевая – и при том почти медвежья, готовая к хватке. Силой Бог не обидел. Потому щекотастый – пал!

Поскольку на пол ему прилечь не позволяли поручни, руки, ноги, бока соседей по транспорту, - он завис в заднем проходе «пазика». А я страстно сотрясался и его сотрясал, как студень, в оргазме небывалых ощущений.

Здоровый «узбек», а – пищал мышью. С чего бы? Он же так хотел любви и острых ощущений!

Слабак. Стоило ему прищемить «огурчик», - сник, скукожился. Но это же только прелюдия к любви, к тому, чтобы я еще мог с ним проделать в экстазе...

XII

Вас никогда не кусали за ... ? Наверное, это самое редкое ощущение в отношениях партнеров.

Зубы вонзаются в жилистую мякоть. Скрипит кожица. Потом рвется на тонкие полоски. Весь ствол влажнеет от тока крови...

А только что было оружие гнева и возмездия! Теперь – кожаная тряпочка, больничный тампон!

XIII

В мое молодое время в армии «этакое» не позволялось. И не командирами или уставами, - самой солдатской моралью!

Можно было – «долбить баб». «Чистить им кочегарку», «рвать перегородки», оставляя после себя «дупло». Но никогда! Никогда – нельзя было даже произносить слово «пидор»!

За это даже могли убить. За - проделанное ими, – оставить обоих уродами на всю оставшуюся жизнь. Даунами. Растениями кастрированными...

XIV

Можно рассказывать, что – «я ее (королеву Елизавету, принцессу Диану, Мадонну или Пугачеву) – «отхарил»...

Что «она» - читай в скобках кто – отсосала из меня на год вперед!
Но никогда, слышите, никогда! – не произносите, что ОН – (Буш, Бен Ладен, Путин) – были у вас... на «конце». Даже, если бы и были...
Это просто неприлично. Имея только ввиду такую, пусть и публичную, личность!
Не-при-ня-то – и все.

XV

Она.

Хотя это – тоже не очень и прилично... Хорошо, если приучена «до» и «после» хотя бы подмываться...

Конечно, грязное влагалище – это далеко не «откалибранный» анал, - но все равно малоприятно. Даже погано. Зато у мужика нет интимной щели. Приходится что-то «калибровать»...

XVI

Она – клоака для сброса всех твоих, в раз нагроможденных чувств и темных дум, посредством оголенного, жаркого, ненасытного и утомленного конца.

XVII

Она в это время – другое планетарное существо. Гуманоид. Через которое познаешь иную Вселенную. Но – такую же ненасытную, грязную, подозрительную.

И, - только в миг семяиспускания, - она – торичеллова пустота. Ничто. Вернее – облако наслаждения, обращенное само в себя...

XVIII

За-дох-ну-лись! Впи-лись! От-вра-ти-лись!
Спустились опять на грешную землю свою.

XIX

Женщина – соска. Словно пытается высосать тебя всего и навсегда. Как две стихии. Для тебя одного.

Куда быть?

Тем более, что капель происходит не зависимо от разума и вещественного...

XX

Целовать небритую, отвратительную морду за узкопроходность ее обладателя, - плесб!

Каждой ТАКОЙ морде – по кулаку!

Это, конечно, разборки и неразборчивые связи – мужские...

Но, - не в ж... же мне его лобызать?!

Хотя, с мужиком – проще: позы равные, особенно по пьянке, а утром очухались, - похмелились разом, вдвоем...

В туалете - обоюдная ощущимость – смазаны! Главное против геммороя полезно. И – для гармонизации всей страны.

Но, - родной ж... по определению у мужика быть не может. Вот ее... ставшая за ночь родной... - представляема!

В ней утолаешь... по уши. Всей душой. Разумом. Правда, мимолетно. Потом – презрение. К себе тоже.

XI

Пронесло! Не от ромашкового ли раствора?

Их было семеро. Трое в штанах и четверо... тоже – не без штанов.

Тык-тык. Хлюп-хлюп. Дети-то где?! «А нам – не положено!» - тоже ведь демография...

Выхолостили и тех и других еще перед стартом.

Что же это? Любовь? Страсть? Взаимотяготение?

Хре-ну-шки!

Нерон был беспомощен.

Калигула – безудержен.

Марк Аврелий – неумен.

А Гордеев попытался их соединить.

На дальний остров Шикотан

Шумно ввалились в вагон. Разложили вещи по полкам и снова выскочили на перрон. Другие пассажиры с любопытством выглядывали в окна, что там: может быть, свадьба? Или – это студенты...

А там – девушки и парни. Обнявшись, пели, пританцовывали. Гитаристы в разнобой били по струнам. Сквозь слезы и поцелуи слышалось:

«Ты не пришел провожать,

Поезд устал тебя ждать...

С детства знакомый перрон, -

Только... тебя нет на нем»...

Ринулись к вагону только, когда состав плавно двинулся.

Кажется, - все!

Уф!

Теперь и пердохнуть – не грех!

Но, - не тут то было!

Соседи, как полагается, - с расспросами. Так уж – всегда в поездах...

От былой разнужданности – ни следа. Серьезный разговор пошел...

- Нэля!

- Света!

- Вера!

- и... Зулька!

Вот и познакомились!

Куда едут?

-На заработки!

А, далеко ли?

- Вам и не снилось! На Курилы! А, если точнее, - на остров Шикотан!

Соседи: «Смешное название! Ха-ха-ха! Словно, - щекотка!»

Зулька, - в ответ: «Зато, иам деньги настоящие и не малые платят!»

Что? От дома далеко? А – где наша – не пропадала! А дом...

- Что дом? Дом всегда там – где мы!

И, запела:

«Стук монотонный колес

Будет нам петь до зари,

Песни утраченных грез»...

Это – все Зулька!

Ох, и бедовая девчонка! Да, еще – любит она петь!

И ее любят все – с первого взгляда: за шумливость, непоседливость, общительность и веселый нрав. За ее песни тоже.

Маленькая, юркая, хохотушка со вздернутым носиком, – и, в тоже время, – самая самостоятельная! Во все дела свой носик сующая...

Да и, какая может быть степенность, – если тебе и впрямь, – чуть больше двадцати годков! И еще – хохмить так хочется!

Если, – стрижка: «под мальчика», если, – паренек (а, – ничего!) напротив сидит, но – в газетку уставился! Да, когда говорят, что мне – больше семнадцати и не дашь, а – на самом деле... – так, наверное, думает Зульфия.

А девчонки на виду у пассажиров-домоседов ее одергивают. Хочется им же показать, что все они – на равных здесь! Некоторые – даже посолиднее Зульки будут...

Да, – пусть покорчат нянек из себя! Пока – «на материке»... Сама то, Зулька, – уже второй сезон на тех Курилах «загорает»!

- Мужик мой уже разведку провел! Две получки «шикотанские» – чуть ли не годичного заработка домашнего стоят! Вот пишет – комнату получил. А теперь вдвоем мы – лет этак – пяток... сколько же тогда деньжат-то заработаем...

Ну, – дальше – видно будет. Пока ребетеночка нет, – еще поездить на заработки можно И, – не беда, что края больно далекие, – наши-то места оттуда – еще дальше кажутся!

А, и чем у нас дома в колхозе-то лучше? Вот – дом обещали помочь поставить... Так, к нашему возвращению со Шикотана, может, и «отелятся»...

Вот, тогда и работа здесь повеселеет! И за доярками председателю нашему в соседнюю Чувашию ездить нанимать и не надо будет...

Людям же всегда условия жизни нормальные нужны. А то, как в выходной кликают на работу, – так: «Ты же – сознательный человек!», а когда о своем жилье заикнешься, – то: «Погоди! Только же ожениться успели, а...».

Какая же беда, что мы – молодожены! Вот – завтра уже стариками будем... А жить то нам когда же? Ребятишек рожать где?

Так что, – Шикотан-ли, Щербаковка-ли, – большой разницы нет! Ценили бы работу нашу, а она – всякая хороша! – это, Вера. Самая степенная из девчонок и спокойная за свое будущее.

А Зулька опять переполошилась: «Куда это Светка-то улизнула? Не за пареньком ли, с газеткой который сидел? Ну, – и, проныра! А... Так и есть! Вот они, голубчики, – в тамбуре! Ха! Больше-то им и встретиться негде! Это же – вагон!

Стоп, стоп! Да они – по разным углам. На «пионерском» расстоянии друг от друга! Парень-то, судя по всему – ск-роо-мный!»

Хлещут ветки лесопосадок, мокрыми кистями зелени, по бегущим вагонам... Лес. И – дождь. Мелькнула опушка вся в изумруде капельном. И – опять лес! Только от скорости поезда все это в зелено-мокрую полосу стирается...

Дождь, говорят, – к счастью! Если, задумал что-то. Текут водяные струи по вагонным бокам, расползаются по стеклам. Оттого, плотно прикрыты окна в купе. И – два мира меж нами: С одной стороны – уют купейный, с другой – дорога, капли по стеклу, как слезы не прошенные...

- Ты чего это, Свет? Господи, – ревет! Да, что с тобой? Уезжать жалко? А кто у тебя здесь? Мама... папа...

Нет, ведь, их! Одна бабка, как и у меня! Ты, может, работу хорошую бросила? Так, нет же! На конвейере – до одурения мотаешься, а заработка – кукиш! На него – не то, что одеться-обуться прилично нельзя, – на кино – и то не хватит!

А с парнем хорошенъким как познакомиться? Я вот – в этом отпуске – и на

дискотеку-то бегала, и на вечеринки к подружкам местным, - но там все давно – парами...

Да, где его сейчас найти, чтобы: не – дурак, не пил, не ширялся, бабки закохачивал...

Они сегодня и хорошие-то – мастера фокусы отбояривать, все им – гражданско-брек давай, расщеперивайся!

Не забыла еще? Даже провожать не пришел...

Любит? Лю-би-т! Ему же чего от тебя нужно было!? Как только ты ему – о загсе, он сразу тебе – не готов еще!

Нет, Светонька, подруженька, - правильно сделала, что от этого горя-горького сбежала со мной! Горе-то твое у нашего вокзала осталось, теперь нас не догонит. Ты на Курилах еще такого парня встретиши!

Не веришь? Да, - посмотри ты на себя! Теперь – на меня! Есть разница? Да, есть, есть! Ты – вон какая!

Фигура! Груди! Рост! А прическа... Думаешь, у нас на Курилах этого никто не заметит? Эх, и найдем же мы тебе такого жениха-моремана! Да не хуже, чем тот, что – вон – «обкуруивает» тебя в тамбуре...

А вы, молодой человек, не смущайтесь. Вы не хотели бы с нами – на Шикотан? Ну, вот с ней – со Светой? Да, ее Светой зовут!

Что там делать? Ну, хоть как я, - на разделку рыбы: кальмары... крабы... корюшка... кижуч...

Нет, китов мы не промышляем! Вот, может, вы попробуете?

Да что это все вы сразу – про деньги! Правда, сначала и я про них мечтала... А потом, как все курильчане, акклиматизировавшись, - душой прикипела к островам! Все теперь родным кажется: сопки, стланик, причалы, штурма, океан... А вы Тихий наш видали?

Ха! А я там живу! Все мы теперь там живем! Вот, Светланка, приедем домой, - еще налюбуюсь на эти чудеса, накувыркаешься в море...

Япония? Да вы что, молодой человек, в школе двоечником были? Конечно – не видно! А вот японца живого я видела!

У них судно в шторм попало и крушение было. Матрос тот ноги переломал. Его наши пограничники в поселок на своем сторожевике доставили. Мы с девчонками взяли фруктов, шоколада и – навестили «желтенького». А он и на самом деле – трогательный какой-то был... Так и подружились с узкоглазым. Песни русские ему пели. Целовались с жалостным... Он, когда поправился и домой уезжал, мы провожать ходили. А уж как смешно прощался с нами, - все: «Си-си-по!» кричал. Это - он по-русски научился болтать...

Свет, ты чего это опять?

Брось-ка «рассолом» своим заливаться! Смотри, - паренек-то и в разговор наш втянулся! Ты только захоти, - мы его враз на Шикотан с собой определим! Так – хоть для дела постараися, подруга! Нам на комбинате такие мужские руки – во, как нужны!

Агитируй его фигуристо, Светка, плотнее! Не забывай, что ты уже наполовину – курильчанка! Жалеть не будешь! Ну, а об остальном... не мне тебя предупреждать! Сама знаешь – чего! Дистанцию пока соблюдай! А то – забичуете вы тут в тамбуре, не дай Бог!

«И с пустым карманом

Я домой вернулся.

Больше о Курилах

Я не заикнулся...».

А в купе – не до зулькиных песен. Вера и Нина ужинают.

Вера, как и положено замужней женщине, ест медленно, серьезно, обстоятельно... Не смущается.

Нина — настороженно. Трудно проглатывает куски курицы, зыркает на соседей... Ничего, в дальней дороге еще пообыкнет!

Неля, покачивая бедрами, из вагона-ресторана идет. Ага! Пиво несет. А за ней мужские взгляды, кажется, шлейфом по всем вагонным коридорам тянутся... Да у нее не то, что бедра, прически — и то вызывающая!

Неля пиво Vere передала. Сама, опять, покачивая бедрами, в соседнее купе пошла. Заглянем туда?

А... в карты перекидываются! И — одни здесь женщины! В «дурачка», - точнее, - в «дурочку», видимо, режутся... Время коротают.

А Зулька опять переполошилась.
«Кто это Нинку на вокзале провожал? Вот — слез-то было! А... Это девчата из твоей конторы... Поди, от зависти к тебе ревели?».

Ну — взялась! Теперь всем Нинкиным подругам «косточки перемоет»!
Правильно, Vere! За это можно малолетку и одернуть!

Чего? Уже надулась? Ай, Зулька... Но это у нее не на долго!

Вот и Света вернулась из тамбура.

И... Леша — за ней...

Сбежит? Вряд ли! Газета его — вон, уже под столиком валяется....

А за окнами — все дождик? О, - да уже темно совсем. Вот и электричество включили! Скоро проводница вечерний чай разнесет...

Обвыкайтесь-ка с вагоном. Девчатам еще от Москвы семь суток в таком составе колыхаться. До самого восхода солнечного, через все русские земли. Ехать, конечно, долгононько... Но жизнь у них впереди — еще дольше, надеюсь!

Не порали постели разбирать-застилать? Все ли здесь?

Вера...

Нина...

А Неля — все в карты у соседок пытается выиграть. Не хочет в дурочках спать идти!

Света...

Ах, запамятовал! Так, - карауль его крепче, авось, - он и станет твоим счастьем, подаренным сумасбродной Зулькой...

Так где же она сама? Что то не слышно ее голоса...

- Зулья!

- Зуль-фи-я-аа!

«Много красивых сопок,
Рядом шумят прибой!
Чайки кричат над пирсом.
...А я хочу домой!»

Тук — тук — тук! Это пассажирский состав считает метры аж до самого острова Шикотана.

Содержание:

Пролог	3
Какова попадья, такова и шелудья	5
Правда ли, нет ли	9
На грани эпох	33
Война, в которой погибла Россия	40
Власть, которая продержалась 72 года	108
Секреты тайных служб	133
И война воспитывает личность	210
Поистине - академики!	249
Неистребимая литература	276

УДК 882
ББК 84(2 Рос-Рус) 6-4 3 45

Гордеев Валерий Леонидович
Бери да помни II. Мелекесские истории.
Димитровград. «Посад Мелекесс», 2010, 320 с., с ил.

Изд. лицензия ЛР №030267
ISBN 5 – 85658 – 102 – 4

В авторской редакции.
Фото Л.Казавчинского

© 3 45 Гордеев В.Л.

В.Гордеев – автор второго тома книги «Бери да помни» - член Союзов писателей СССР и России, Член Союза журналистов СССР. Его перу принадлежат как поэтические книги, так и прозаические произведения, публицистика. Много работал переводчиком произведений с тюркских языков. Стихи, рассказы и очерки Гордеева переведены на языки народов СССР в десятках ныне независимых стран. Он дипломант городских и областных литературных конкурсов, лауреат литпремий Узбекистана и Туркмении, молодежного литеаконкурса им. М.Горького, награжден Почетной грамотой ЦК ПКСМ УзССР.

Живет и работает в Димитровграде. Председатель городского писательского отделения Союза писателей России.

Сдано в набор 1.10.09. Пописано в печать 9.12.09. Формат 84x108 1/32. Бумага типографская №2. Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0. Тираж 200 экз.
Цена договорная. Заказ № 5899.

Отпечатано в Димитровградской городской типографии:
433510, г.Димитровград, ул.Юнг Северного флота, 107.